

Владимирский государственный университет

ЯЗЫК И МЕНТАЛЬНОСТЬ В ДИАХРОНИИ

**Сборник научных трудов
по итогам IV Всероссийского научного семинара
для молодых ученых с международным участием,
посвященного 90-летию со дня рождения
В. В. Колесова**

Владимир 2024

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

ЯЗЫК И МЕНТАЛЬНОСТЬ В ДИАХРОНИИ

Сборник научных трудов
по итогам IV Всероссийского научного семинара
для молодых ученых с международным участием,
посвященного 90-летию со дня рождения
В. В. Колесова

Электронное издание

Владимир 2024

ISBN 978-5-9984-2180-8

© ВлГУ, 2024

© Коллектив авторов, 2024

УДК 81

ББК 81.411.2-2 + 81.411.2-3

Редакционная коллегия:

М. Вас. Пименова, д-р филол. наук (*отв. редактор*)

Е. С. Константинов, ст. преподаватель (*отв. секретарь*)

Е. А. Абрамова, ст. преподаватель (*член редколлегии*)

Е. В. Ковальчук, канд. пед. наук (*член редколлегии*)

Е. А. Кузнецова, канд. филол. наук (*член редколлегии*)

Е. Ю. Рыкин, канд. филол. наук (*член редколлегии*)

Н. А. Сафронова, канд. филол. наук (*член редколлегии*)

О. И. Соколова, канд. филол. наук (*член редколлегии*)

Издается по решению редакционно-издательского совета ВлГУ

Язык и ментальность в диахронии [Электронный ресурс] : сб. науч. тр. по итогам IV Всерос. науч. семинара для молодых ученых с междунар. участием, посвящ. 90-летию со дня рождения В. В. Колесова. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2024. – 860 с. – ISBN 978-5-9984-2180-8. – Электрон. дан. (6,30 Мб). – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Систем. требования: Intel от 1,3 ГГц ; Windows XP/7/8/10 ; Adobe Reader ; дисковод CD-ROM. – Загл. с титул. экрана.

Представлены доклады и сообщения участников IV Всероссийского научного семинара для молодых ученых с международным участием, посвященного 90-летию со дня рождения профессора Владимира Викторовича Колесова (10.04.1934 – 19.05.2019). Обсуждаются вопросы взаимоотношения языка и ментальности в различные исторические эпохи (от древнейших периодов до XXI в.). Материалы издания дают представление о современном состоянии исследований в сфере рассматриваемого комплекса языковых проблем.

Предназначается для аспирантов, магистрантов, студентов вузов, а также преподавателей, учителей, научных работников.

ISBN 978-5-9984-2180-8

© ВлГУ, 2024

© Коллектив авторов, 2024

Содержание

<i>От редакционной коллегии</i>	8
Раздел 1. НАСЛЕДИЕ В. В. КОЛЕСОВА	
Аверина С.А., Мокиенко В.М. Владимир Викторович Колесов	10
Богданова-Бегларян Н.В. Владимир Викторович Колесов – и где-то я рядом с ним, с постоянным ощущением <i>потрясения</i>	26
Пименова М.Вл. Памяти Владимира Викторовича Колесова	30
Бекасова Е.Н. К проблеме построения моделей соотношения генетически неоднородных рефлексов в русском языке	36
Богданова Л.И. Эмоциональный мир человека в отражении русской грамматики	46
Гаврилова М.В. Словосочетание как средство языкового воплощения лингвокреативности в политическом тексте	57
Горбань О.А. Движение и подвиг: семантика глаголов с корнем <i>-двиг-</i> и их производных в древнерусском языке	68
Демидов Д.Г. Когнитивная грамматика русского языка на основе исторической морфологии В. В. Колесова	89
Кошарная С.А. Русский человек на русском пути: лингвокультурологический этюд	100
Маркова Е.М. Действие как когнитивное основание лексической номинации у древних славян.....	119
Милованова М.С. Фрагмент актуальной языковой картины мира: о новых синтаксических связях экс-словоформ отглагольных существительных	130
Патроева Н.В. <i>Рассудок</i> и <i>разум</i> в поэтической речи Евгения Баратынского.....	136
Пименова М.Вас. Владимир Викторович Колесов о видах переносных значений в диахронии.....	144
Романова Т.В. В. В. Колесов о терминосистеме когнитивной лингвистики (к 90-летию со дня рождения учёного)	157
Супрун В.И. Дериваты корня *mĭg-/mĭg- в славянских языках.....	170
Федуленкова Т.Н. Рассуждения о менталитете и ментальности (заметки по поводу книги В. В. Колесова «Основы концептологии»)	179
Халикова Н.В. Концептуальная семантика вторичных перцептивных предикатов <i>поразить</i> / <i>удивить</i> / <i>потрясти</i>	185

Юдкин-Рипун И.Н. Синкретизм обыденного сознания в репликах персонажей «Жизни Клима Самгина» Максима Горького.....	190
Варнаева А.Е. <i>Добро</i> как традиционная национальная ценность в русском языковом сознании (на материале пословиц русского народа).....	208
Загуменнов А.В. Заметка о приложении идей В. В. Колесова к объяснению богословской аргументации современных староверов.....	218
Колесова Д.В. Эффективный способ аргументации в научном тексте (учимся у В.В. Колесова).....	223
Лавицкий А.А. «Словарь русской ментальности» В. В. Колесова в методологическом инструментарии лингвистической экспертологии.....	227
Петрова В.Д. Древнерусская книжная поэзия (плетение словес).....	238
Рылов С.А. Вклад профессора Владимира Викторовича Колесова в разработку исторического синтаксиса (к 90-летию со дня рождения).....	267
Семенова Г.П. О разговорной речи, просторечии и классификации функциональных стилей.....	281
Сирота Е.В. Сопоставительная характеристика концептов «безумие» и «сумасшествие» в когнитивном аспекте.....	296
Старовойтова О.А. К вопросу формирования лингвистической терминологии с корнем «акцент» в истории русского языка.....	310
Целикова Н.В. Категория субъекта через призму когнитивного анализа.....	325
Ду Юй. Специфика перевода научного русского текста на китайский язык.....	333
Зиновьев Н.С. В.В. Колесов об этимологических фигурах.....	340
Крамских А.П. Об узуальной синтагматике собирательных числительных.....	344
Кузнецова Е.А. Структурно-семантические модели древнерусских парных именованний (на материале «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона).....	349
Фу Хуэйюй. Особенности вербализации вкусов и запахов в русской языковой картине мира.....	356

Раздел 2. ГЛУБИННЫЕ СМЫСЛЫ В ЯЗЫКЕ И ТЕКСТЕ

Алексеев А.В. Культурная значимость фразеологизма: этимологический аспект.....	366
Грачев М.А. Генезис сказок В. И. Даля и А. С. Пушкина.....	374

Ильченко О.С. О необходимости собственно лингвистического подхода к интерпретации данных русской разговорной речи при решении теоретических задач (по следам дискуссий на научных мероприятиях международного уровня в 2019 – 2023 гг.)	388
Канафьева А.В. Квантор <i>весь</i> как знак понятийной категории всеохватности	395
Карасик В.И. Символизация вокзала в русской лингвокультуре	402
Красина Е.А. Словесный знак А. А. Потебни: языковое и мыслительное содержание (очерк)	415
Красовская Н.А. Верхний заросший слой почвы: названия и их употребление в речи	423
Поленова Г.Т. Отражение единства природы и человека в языке, мифологии и образе жизни кетов	432
Садова Т.С., Руднев Д.В. Деловая речь Петровской эпохи в аспекте функций государственной коммуникации	444
Трофимович Т.Г. Из наблюдений над белорусским компонентом современной русской речи белорусов	452
Фатеева Н.А., Петрова З.Ю. Персонификация звезд в истории языка русской художественной литературы XIX – XXI вв.	459
Черникова Н.В., Ратчин С.С. Энантиосемия и её виды	482
Алиев Т.А., Евстифеева М.Р. Пословицы и поговорки сложной структуры как источник фразеологических единиц	490
Бакина А.В. Библейская фразеология в современной коммуникации	494
Васильева О.В. Лексемы <i>каланча, калач, камень</i> и их дериваты в словаре Московской Руси	505
Глинка Е.М. Языковая репрезентация когнитивных процессов в диахронии	513
Дединкин А.Л. Терминологизация категории «вербальный экстремизм»: юрислингвистическое осмысление	527
Дерунова А.А. Способы организации текста в актовых книгах Могилёвского магистрата	535
Дмитриева Ю.Л. Структурные модели сравнений в повести «Колхида» К. Г. Паустовского	541
Климкович О.А. Микрополе субъектов функциональной семантико-стилистической категории точности и средства его репрезентации в старорусских и старобелорусских деловых текстах XVI в.	553

Ковальчук Е.В., Ходжаева Э.Э. Национально-культурная специфика фразеологизмов и афоризмов русского и туркменского языков. Эквиваленты перевода.....	569
Лазуткина Е.М. Отрицательная частица как компонент внутренней формы слова.....	578
Михайлова Т.В. Эволюция эмоциональных и оценочных смыслов в древнерусских текстах потестарной тематики.....	589
Парахонько Л.В. Гештальт-синергетический подход как моделирование семантического пространства художественного текста А. П. Чехова.....	599
Сивова Т.В. Киммерийское пространство в восприятии К. Г. Паустовского (одоративная составляющая)	612
Шетэля В. Стихотворные тексты поэта польского Возрождения Яна Кохановского как источник для Словаря польского языка XVI века	625

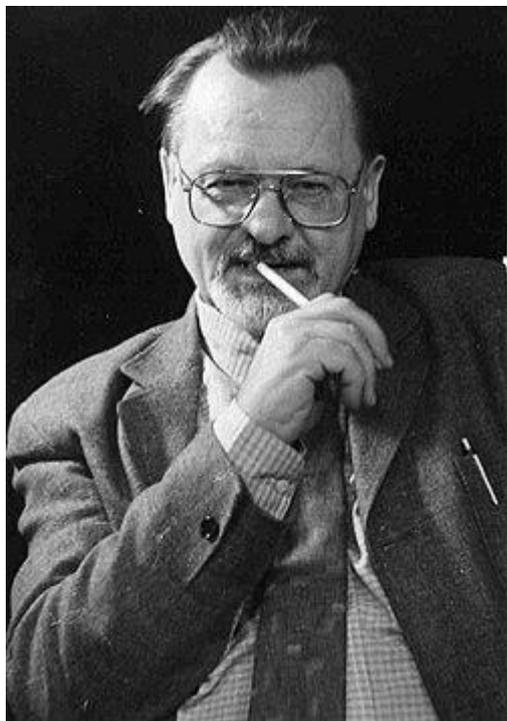
Раздел 3. ЯЗЫК И МЕНТАЛЬНОСТЬ В ИССЛЕДОВАНИЯХ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Адамович М.Б. К вопросу выделения древнерусского пласта во фразеологии современного русского языка	630
Андреев А.В. Проблема создания языка общеславянского общения в цифровую эпоху	640
Горчакова Л.В. Гидронимы в тексте Космографии XVI века.....	651
Губина О.Э. Структурно-семантические особенности вопросительного заголовка газетной статьи в аспекте его корреляции с содержанием.....	663
Епифанова Е.Д., Сафронова Н.А. К вопросу о роде имён существительных – названиях профессий	670
Загребина У.С. О системных отношениях однокоренных слов в диахроническом аспекте (на примере слов с корнем <i>-зл-</i>)	677
Кинах М.А. Последовательность изучения разрядов местоимений в курсе средней школы.....	683
Клюйко Ю.А. Диалог героев в ершалаимских главах романа «Мастер и Маргарита».....	690
Кузнецова А.А. Интернет-мем как форма креолизованного текста.....	696
Кузнецова Е.А. Структурно-семантические модели древнерусских сравнений (на материале «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона)	702
Масенкова А.И. Фразеологические единицы в текстах СМИ Владимирской области Гусь-Хрустального района (на материале печатных и электронных выпусков газет).....	708

Миняева А.В. Урбанонимы города Владимира	713
Пересыпкина К.А. «От всех и навсегда»: инскрипты на обороте фотографий в диахронической перспективе	718
Понкратенкова А.В. Речевой жанр <i>воспоминание</i> в семейном дискурсе	728
Секиро О.О. Лексические средства выражения метафоры « <i>организм-государство</i> » в публицистике И. С. Аксакова	734
Сергеева П.М. К вопросу об имплицитном отрицании в русском языке	748
Сидорова Н.Д. Функции инверсии постпозитивных согласованных определений	755
Сидорова Н.Д. Цветообозначения как отражение мифических и религиозных воззрений (на материале простонародных рукописных травников)	766
Солнцева М.И. Принципы номинации в ойконимии Киржачского района Владимирской области	775
Спелова А.А. Восточноазиатские заимствования: к вопросу терминологии	780
Сун Кэлинь. Языковая личность Конфуция и ее репрезентация в газетном корпусе Национального корпуса русского языка	786
Супрунова О.Д. Астониимы Владимирской и Рязанской областей	797
Тогаймуродова М.Б., Сафронова Н.А. К вопросу о родовой принадлежности несклоняемых имён существительных в русском языке	802
Фадеева Е.А. Материалы для «Топонимического словаря Владимирской области» (Вязниковский район): проблемы и перспективы	809
Федорова Ю.А. Прагматический потенциал инфинитивно-субстантивных предложений	817
Хусанова Ш.К. Лингвокультурологические особенности эргонимов (на материале названий кафе и ресторанов г. Термеза Сурхандарьинской области Узбекистана)	823
Цаллаева Л.Г. Библиизм <i>манна небесная</i> в русском языке	830
Чижикова Е.В. Минералогическая лексика в поэтических текстах Н. С. Гумилёва и О. Э. Мандельштама	836
Чукарева Д.С. Использование слов категории состояния в структуре художественного произведения (на материале творчества С. К. Никитина)	841
Шишкова Н.В. <i>Добрый самаритянин</i> в современном русском языке	848
Язгулыева Ш.А. О грамматических средствах выражения категории темпоральности в русском языке	853

От редакционной коллегии

26 – 28 сентября 2023 г. на базе ВлГУ состоялся IV Всероссийский научный семинар для молодых ученых с международным участием «Язык и ментальность в диахронии», посвященный **90-летию со дня рождения Владимира Викторовича Колесова (10 апреля 1934 –**

15 мая 2019) – выдающегося ученого-филолога, уникального специалиста в области русского исторического языкознания, доктора филологических наук, почетного профессора Санкт-Петербургского государственного университета, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, действительного члена Академии гуманитарных наук.

Среди основных тем работ Владимира Викторовича последних десятилетий – отражение в языке русской ментальности. Предложенное им определение ментальности цитируется большинством современных исследователей, обращающихся к рассмотрению данного феномена: ментальность – «...миросозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях»¹.

Материалы сборника научных трудов по итогам семинара включают в себя разделы «Наследие В. В. Колесова», «Глубинные смыслы в языке и тексте», «Язык и ментальность в исследованиях молодых ученых», посвященные памяти Владимира Викторовича и

¹ Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова ...». СПб.: Златоуст, 1999. С. 268.

основанные на выработанном им подходе к пониманию взаимодействия языка и ментальности.

Необходимо отметить, что первое издание по данной тематике вышло в 2017 г. и открывалось обширной статьей самого В. В. Колесова². Мы с Владимиром Викторовичем переписывались по поводу его статьи и издания в целом, он ознакомился с «преамбулой», с вопросами, которые предлагались для обсуждения в виде условного «домашнего задания». Значительная часть вопросов была обсуждена на заседаниях семинара в лекциях и докладах известных исследователей, а также в сообщениях начинающих молодых авторов – аспирантов, магистрантов и студентов.

Всего в данном (четвертом) издании содержится 91 публикация лингвистов из *России* (Белгород, Владимир, Волгоград, Вологда, Горловка, Ижевск, Красноярск, Магнитогорск, Мичуринск, Москва, Мытищи, Нижний Новгород, Орел, Оренбург, Петрозаводск, Санкт-Петербург, Смоленск, Таганрог, Тула, Ульяновск, Чебоксары, Челябинск), *Беларуси* (Гродно, Витебск, Минск), *Молдовы* (Бельцы), *Словакии* (Братислава), *Туркмении* (Кушка, Туркменабад), *Узбекистана* (Термез), *Украины* (Киев) и др.

Редакционная коллегия выражает искреннюю благодарность всем авторам и надеется на дальнейшее сотрудничество.

*Ответственный редактор
Марина Васильевна Пименова*

² Язык и ментальность в диахронии. Материалы Всероссийского научного семинара с международным участием для молодых ученых (Владимир–Суздаль, 26–28 сентября 2017 года). Владимир: Транзит-ИКС, 2017. С. 7–36.

РАЗДЕЛ 1
НАСЛЕДИЕ В. В. КОЛЕСОВА

АВЕРИНА Светлана Андреевна (*Санкт-Петербург, Россия*)
кандидат филологических наук, доцент
Санкт-Петербургская духовная академия Русской православной церкви

МОКИЕНКО Валерий Михайлович (*Санкт-Петербург, Россия*)
доктор филологических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет

ВЛАДИМИР ВИКТОРОВИЧ КОЛЕСОВ

Петербургскую русистику 70–90-х годов прошлого века можно по праву назвать «эпохой Колесова». Именно в это время в полную мощь развернулось научное и педагогическое творчество Владимира Викторовича. Притягательная энергия его идей заражала нашу филологическую молодежь не только своей исследовательской весомостью, но и эстетической зажигаемостью, которая от него, идееносца, исходила. Из семинара В.В. Колесова в это время выросла целая плеяда будущих ярких научных созвездий, а содружество и соперничество его учеников создавали особую творческую атмосферу, побуждающую к тем открытиям, которые рождаются в спорах. Как Моцарт в музыке, Владимир Викторович зажигал сердца своих слушателей не алгеброй своих лингвистических фактов, а гармонией постижения таинств языковой системы.

Среди все еще молодого, послевоенного, «застойного», а потом и «перестроечного» поколения русистов профессор В.В. Колесов ярко выделяется творческой динамичностью и «открытостью системы», свободно вмещающей в себя самые несовместимые «оппозиции»: синхронии и диахронии, фонологии и лексикологии, научности и публицистичности.

Не случайно, впрочем, слово «оппозиции» поставлено в кавычки: разносторонность интересов Владимира Викторовича – не

разбросанность по несоединимым полюсам, но плод длительной и имманентной творческой эволюции, эти полюса в итоге соединившей. «У каждой творческой личности есть какая-то скрытая постоянная потребность, которая и служит этому человеку опорой и поглощает его, которая направляет его мысли, указывает ему задачу, поддерживает его в неудачах и не дает покоя, если порой он старается от нее освободиться», – писал известный индоевропеист Э. Бенвенист («Общая лингвистика». М., 1974. С. 48). Такой постоянной жизненной потребностью для В.В. Колесова стало погружение в русское Слово, раскрываемое им как многослойный палимпсест.

Как крупный фонолог и акцентолог, В.В. Колесов эвристически совмещает скрупулезные наблюдения за историческим развитием звуковой системы с неослабеваемым вниманием к аналогичным процессам, проходящим в современном русском и других славянских языках. Как специалист по исторической морфологии и лексикологии, он новаторски внедряет в эти отрасли языкознания (особенно в последнюю) методологический подход, выработанный фонологией. Как историка языка, его неустанно волнует поэтика художественных текстов, теоретическое изучение которых предваряют его оригинальные прочтения и переводы многих древнерусских памятников. Как историка науки, В.В. Колесова влечет не только лингвистическое наследие гигантов славистической классики, но и тайна их творческих импульсов, раскрыть которую он стремится, становясь их любящим биографом. Как творческая личность, верующая в эстетическую самоценность Слова, В.В. Колесов уже давно подвергся искушению популяризаторской деятельности. Скорее даже – не популяризаторской, а пропагандистской, если не сказать – проповеднической: его лекции, публичные выступления в широкой печати и по телевидению, книги и статьи для любителей русской речи являют собою страстное откровение, зов к постижению ее внутренней красоты и гармонии.

Биография В.В. Колесова, пожалуй, во многом объясняет динамизм его природы, сжигаемой неустанной «жаждою творить». Он – из того поколения, которое, пережив суровое военное бескормье и послевоенную разруху, потянулось из «глубинок» в крупные научные центры за знаниями, за идеями, за смыслом жизни. Провинциальная романтичность и духовная непорочность уберегали это поколение от соблазнов большого города, а «жажда творения» давала силы для целеустремленного выхода из того застоя, в котором, как сейчас пишут, прозябало одно время наше общество. При всем трагизме эпохи Безвременья, в котором оказалось поколение В.В.Колесова, сам он считал, однако, что в жизни ему повезло. Причем повезло изначально, ибо его личной и творческой биографии сопутствовало четыре «везенья».

Родился В.В. Колесов 10 апреля 1934 года в городе Уссурийске Приморского края. Старший ребенок в многодетной семье, он в детстве и юности много времени посвятил младшим братьям и сестрам, у него было много друзей и товарищей в школе, затем в университете, и эта постоянная окруженность людьми впоследствии оказалась важным фактом биографии, потому что без этого, по его мнению, и не может сформироваться личность в современном обществе – социально насыщенном, полном событий, требующем «быстрого реагирования».

Второе везенье – В.В. Колесов рос в учительской семье. Его отец работал директором первого на Дальнем Востоке Хабаровского дома пионеров. Ученый с детства помнил себя в кругу сверстников, особенно в военные годы, когда все так жались друг к другу, стремясь помочь и поддержать ближнего.

Семья помогла ему стать на ноги. Несмотря на бедность военных лет, в доме всегда были интересные книги, которые читались и обсуждались, что давало возможность расти духовно. Мать, учитель-

словесник, оставила работу, чтобы отдаться воспитанию детей. Именно она привила своему первенцу любовь к языку и литературе.

Поэтому при выборе профессии у В.В. Колесова не было колебаний: он знал, что будет филологом-русистом. Это позволило ему сберечь много времени и уже в скором времени начать собственные научные искания в избранной профессии.

Третье везенье – многонациональные истоки его семьи. Отец – белорус, в роду которого были и русские, мать – из украинской семьи на Дальнем Востоке, в роду которой были и поляки, и русские. В.В. Колесов предполагал, что не обошлось в его родословной и без ятвягов, и без татар... Так что он, записанный русским, уже с самого раннего детства стал интернационалистом, считающим Родину свою – Русь – родиной в самом ее заветном, этимологическом, «родовом» смысле, объединяющем всех восточных славян.

Уже довольно рано, на втором курсе университета, он понял, что историю восточных славян в культурном аспекте – как историю культуры и языка – он и будет изучать всю жизнь. Не было, следовательно, и колебаний относительно специализации, и здесь он снова слегка «обогнал» своих сверстников.

Четвертое везенье заключалось в случайности. Оканчивая десятый класс (школу он окончил с золотой медалью, а в 1952 году это еще имело значение), В.В. Колесов послал письма в МГУ и ЛГУ одинакового содержания с просьбой принять его в студенты. Приглашения пришли и из ЛГУ, и из МГУ. Но из ЛГУ ответ пришел на день раньше. И он поехал в Ленинград. Счастливая (по его убеждению) случайность, таким образом, определила его принадлежность к замечательной Ленинградской филологической школе, сформировавшейся на исходе прошлого века и считающей своим постулатом то, что прежде всего в языке (и в культуре любого народа

вообще) филолога должен интересовать смысл, а не форма, развитие, а не модель, динамика, а не плоское описание фактов.

В.В. Колесов стал достойным продолжателем плеяды ученых предшествующих поколений – А.А. Шахматова, И.А. Бодуэна де Куртенэ, В.В. Виноградова, С.П. Обнорского, Б.А. Ларина. Он был одним из младших учеников М.А. Соколовой, беззаветно преданной Филологии и своему учителю С.П. Обнорскому, замечательной русской женщины, сибирячки по рождению, истинного педагога, непреклонного борца за чистоту профессионального долга.

Первые восемь лет научной деятельности В.В. Колесов активно изучал древнерусские рукописи, в основном – XI–XV вв., занимался исторической фонетикой и исторической орфографией. Необходимо было досконально изучить весь изданный и рукописный материал, чтобы составить представление о корпусе древнерусской письменности. Это требовало много труда и как будто бы не сулило особых теоретических перспектив. Но в кандидатской диссертации «К исторической фонетике новгородских говоров ([o] закрытое, «новый» ять и цоканье в новгородских рукописях XI–XVI веков)» молодой исследователь описал три чрезвычайно важных явления (смещение аффрикат, проявление [o] закрытого, принципы и пути изменения «ятя») в рукописях XI–XVI вв., которые сегодня стали опорными при описании всей совокупности следующих фонемных сдвигов в восточнославянских языках. В этой области работал А.А. Зализняк, но от исследований последнего труды В.В. Колесова (написанные на 25 лет раньше и составившие базу для последующих изысканий в этой области) отличает то, что, кроме формальной соотнесенности буквенных знаков с возможной фонемной дистрибуцией в языке писца, он рассматривает проблемы культурные, шире – национальные; содержательная сторона реконструкции интересует его даже и на этом формальном уровне.

Впоследствии из этого материала выросло около двух десятков статей и книга по исторической фонологии русского языка.

Однако постепенно ученому становилось ясно, что исследование письменной формы речи не достигает цели в интерпретации содержательной стороны языка прежде всего потому, что не известны произносительные эквиваленты исследуемых письменных знаков.

Для углубления в объект стало необходимым расширять предметное поле описания, и первоначальный выход В.В. Колесов нашел в изучении исторической акцентологии, причем специально древнерусского языка. В 1962 году, когда исследователь начал такую работу, этим занимались немногие. Что удалось сделать – это исчерпывающе описать акцентную систему древнерусского языка в составе именных парадигм (этому способствовало появление новаторской книги Хр. Станга, из которой вышли все отечественные разработки по исторической акцентологии последующего времени. В 1956 г. В.В. Колесов присутствовал на докладе проф. Хр. Станга в Ленинградском университете, был вдохновлен его идеями, но тогда еще не был полностью готов к их творческому развитию).

Изучая материал древних памятников, он обследовал около пятисот рукописей и для темы своей докторской диссертации остановился на восьмидесяти, особенно показательных. Его докторское исследование посвящено акцентуации именных парадигм. Используя метод внутренней реконструкции, диссертант восстанавливает систему именного ударения в сопоставлении со смежными изменениями фонетической, фонологической и морфологической систем развивающегося древнерусского языка. Важным элементом анализа здесь является привлечение обширного диалектного материала. Фрагменты этого монументального исследования были опубликованы в виде отдельных монографий. Именно фрагменты, ибо многое из этой сюжетной «колесовской» линии еще ожидало опубликования.

В дальнейшем ученый работал и над другими аспектами исторической акцентологии, подготовил к изданию две монографии (по ударению глагольных форм и по словообразовательным парадигмам), но печатал их статьями, потому что, к сожалению, в условиях того времени, когда каждый печатный лист стоял на строгом «плановом учете», было далеко не всегда возможно опубликовать серьезную книгу по научному языкознанию. Появилось несколько литографированных сборников лекций В.В. Колесова по исторической акцентологии, так что, несмотря на издательские трудности, материал все-таки находился в научном и педагогическом обороте.

Работая над исторической акцентологией, исследователь впервые задумался о необходимости реконструкции древнего текста как целого. Но профессорские и педагогические обязанности побудили В.В. Колесова подготовить и выпустить в свет несколько тетрадок своих лекций по исторической фонологии [«Введение в историческую фонологию»]. Уже несколько лет он усиленно занимался подготовкой научных кадров высокой квалификации. Любовь к нелегкому труду филолога, увлеченность делом объединяют его учеников. Возникает «колесовская» школа. Около 100 кандидатов наук могут смело причислить себя к ней. Под эгидой В.В. Колесова выросло и более двадцати докторов наук, демонстрирующих высший пилотаж школы своего учителя.

Содержательные уровни языка в исторической перспективе заинтересовали ленинградского профессора уже на лекциях. Но активное исследование материала последовало лишь после защиты докторской диссертации в 1969 году, когда В.В. Колесов занялся исторической морфологией и лексикологией. Сам ученый считал, что еще «слишком мало» работает в этой области, чтобы решиться на ответственные публикации. Однако они, такие публикации (в соавторстве и без онога), уже были. По мнению самого Владимира

Викторовича, актуальнейшая проблематика, которая стоит сегодня на повестке дня, – это необходимость изучения категориального уровня языкового развития, конечной целью которого является восстановление на материале фактов языковой эволюции культурной истории общества. Это примерно то направление, которое начинал у нас А.А. Потебня, но, разумеется, обогащенное современными теориями и новыми фактами.

Такое направление исследований требовало подготовительных разработок в двух направлениях, даже основы которых еще не были заложены в научной литературе.

Первое касается истории литературного языка в его проявленности в текстах – и В.В. Колесов занялся пристальным изучением и анализом текстов разного времени. Появились в печати большие статьи по поэтике художественного текста у Иоанна Экзарха, Кирилла Туровского, протопопа Аввакума, у авторов XI в. (летописцы) и начала XV в. («Сказание о Мамаевом побоище» и др.). В.В. Колесов изучает язык и стиль Аввакума как выражение целостного мировосприятия автора и стиль Епифания Премудрого – как рубеж между старым (древнерусским) принципом порождения текста и новым, уже сложившимся в средние века. Это нужно ученому для того, чтобы, поняв и почувствовав технику составления текстов, условия и формы их бытования в культурной среде, перейти затем к реконструкции общекультурной атмосферы, их создавшей и сохранившей. На пути к исполнению этого В.В. Колесов проделал большую работу по изучению текстов, но уже под новым углом зрения, и многие проблемы прорабатывал, совместно с аспирантами, писавшими работы на смежные темы. Уже через два-три десятилетия история русского литературного языка предстанет совершенно в другом свете. Основы таких историко-литературных концепций сформулированы им в объемистой монографии по истории древнерусского литературного языка («Древнерусский литературный язык»), в которой последовательно и критически изложены ключевые

проблемы истории древнерусского литературного языка как результата общелитературных и языковых схождений народно-разговорного языка и старославянских текстов. Образование современного литературного языка показано как диалектически противоречивый процесс многовековой истории русского народа. Особое внимание уделяется здесь языку и стилю таких мастеров древнерусского литературного языка, как Кирилл Туровский (XII в.), Епифаний Премудрый (конец XIV – начало XV в.), Аввакум Петров (XVII в.).

За монографией последовала целая серия книг на эту тему. В книге «Древняя Русь: наследие в слове. Книга первая. Мир человека» (2000) центральное внимание уделено исследованию социальных терминов Древней Руси. Описаны термины родства, социальных и бытовых отношений, сложившихся на Руси в течение нескольких веков. На основе изменения содержательного смысла слов показано преобразование общественной среды существования, отраженное в сознании средневекового человека. На материале древнерусских источников и в связи с классическими работами по истории восточных славян дается интерпретация базовых понятий – народ, государство, общество, многочисленные формы выражения дружеских, соседских или враждебных отношений, отношение к миру, стране и земле, представления о жизни, болезни и смерти, оценка человека, людей и народов по их принадлежности.

Продолжением этой темы стала книга «Древняя Русь: наследие в слове. Книга вторая. Добро и зло» (2001), которая посвящена описанию этических и эстетических категорий, раскрывающих смысл антитезы Добро и Зло. Предметом исследования являются такие понятия, как красота, вера, надежда, любовь и др. Книга дает комплексное представление о развитии средневековых взглядов на мораль у восточных славян. Рассматриваются этимологические истоки слов и преобразования их семантики, возникающие под влиянием изменения

нравственных норм общества. Исследование построено на анализе различных летописных источников, характеризующих взаимопроникновение языческих образов и христианских символов, отраженных в смысловом развитии коренных славянских слов и содержании классических славянских текстов.

В следующей книге серии «Древняя Русь: наследие в слове. Книга третья. Бытие и быт» (2004) рассматривается формирование этических и эстетических представлений Древней Руси в момент становления и начавшегося взаимопроникновения языческой образности славянского слова и христианского символа; показано развитие основных понятий «Беда и Лихо», «Ужас и Гнев», «Обман и Ошибка», «Мечь и Защита», «Вина и Грех» и др., а также дан портрет древнерусского героя и святого.

В 2011 году вышла четвертая книга из этой серии «Древняя Русь: наследие в слове. Книга четвертая. Мудрость слова», в которой автор показал становление русской ментальности через основные категории знания и сознания в постоянном совершенствовании форм познания; представлено последовательное «мужание мысли в русском слове – в единстве чувства и воли».

Второе направление исследований В.В. Колесова, связанное с пристальным вниманием к тексту, – это воссоздание исходного текста в его первоначальном лингвистическом виде. Ученый провел реконструкцию «исходного лингвистического текста» на многих памятниках, и большая переводческая работа, исполняемая по предложению и при одобрении Д.С. Лихачева и Л.А. Дмитриева, помогла ему в этом. Лишь лингвист, обладающий всей суммой знаний о древнерусском тексте и древнерусском языке, способен корректно исполнить такую филигранную работу. В.В. Колесов всегда стремился именно к такой филигранности.

Из опубликованных работ на эту тему можно указать реконструкцию ритмической основы «Слова о полку Игореве», которое стало предметом изучения и даже основой для некоторых поэтических переложений (А. Комлев, 1984, Свердловск; А.Чернов, 1985, Москва) в последующие годы. Это сложнейшая работа, потому что акцентологической реконструкции должна была предшествовать реконструкция собственно текста, а в этом отношении не все удовлетворяет еще и теперь. Поправки, разумеется, возможны и в будущем. Однако в этом эвристическом направлении основное сделано: был «колесовский» почин. Главное и в том, что ритмическая структура этого текста совпала с той, которую В.В. Колесов выявлял, работая над певческими древнерусскими текстами (кондакари и минеи XII–XIII вв.), в связи с анализом древнерусской акцентологии (речь идет не о ритмических структурах, конечно, а о характере акцентовки, которые совпадают в обоих случаях). Результаты многолетнего изучения памятника нашли блестящее отражение в 52 тематических статьях «Энциклопедии “Слова о полку Игореве”». Вообще, по мнению В.В. Колесова, шахматовская манера изложения научной аргументации представляется наиболее удачной: не давить читателя массой однородного материала (не глушить его недоверчивость шаманскими заклинаниями по поводу прочитанной литературы), а дать резюме своего исследования, показать «строительные леса». Огромные же выписки и большая картотека как материальное обеспечение остаются в авторском архиве. В.В. Колесову не нравятся работы многих коллег, которые в содержательном отношении не имеют ничего нового, зато пестрят многочисленными сносками и однородными и пустыми примерами.

Неутомимые поиски свежих, обильных, разнонаправленных в своей естественности языковых фактов стимулируют движение В.В. Колесова от фонологии к лексикологии. Движение это началось

более пятидесяти лет назад, и теперь, когда ученым написана серия блестящих лексикологических очерков и несколько книг, ясно, что из них, как из тематически концентрированных блоков, он пытается создать целостное здание исторической лексикологии русского языка, «культурного фонда» Древней Руси в ее живых связях со славянскими и неславянскими народами. Причем от отдельных очерков этимологического характера, посвященных словам *онуча*, *въсь*, *вазьнъ*, *волмина* или *ламъ* и др., В.В. Колесов направленно идет к идеографически спаянным группам лексем, взаимодействие которых обуславливает их исторический динамизм: *вещь* и *речь*, *деля* и *ради*, *стыд* и *срам*, *жизнь* и *живот*, *правый* – *левый*, *имя* – *знамя* – *знак*, *честь*, *слава* и *хвала* и под. Позднее в книгах «Жизнь происходит от слова...», «Мир человека в слове Древней Руси» такие очерки сжаты в целостную мозаику древнерусского мировоззрения.

Основа лексикологической концепции В.В. Колесова – последовательная диалектика видения Слова, осмысление неустанного динамизма лексической системы, улавливание основной артерии ее семантического кровоснабжения. И – что, быть может, еще важнее – постижение эстетической самоценности Слова, нередко затмевающей стройную линейность и сухую логичность семантических схем, его рассеиваний в пространстве и времени. Эта диалектика у В.В. Колесова, с одной стороны, – наследие фонологического «прошлого», где все поверялось именно системой строгих оппозиций, с другой – присущая натуре ученого способность видеть явления и факты в их неустанной динамике. Не случайно слова динамика, динамизм, динамичный – излюбленные в лексиконе Владимира Викторовича.

Внимательно вслушиваясь во все ускоряющийся пульс русского Слова, В.В. Колесов постепенно и неторопливо осмыслял его многовековые судьбы как философ-лингвист. Прежде чем поделиться с читателями своей диагностикой, он длительное время оценивал и

переоценивал наследие классиков филологии, следя за ходом их мыслей и сверяя их прогнозы со своими собственными наблюдениями. Так родилась книга «История русского языкознания. Очерки и этюды» (2003). Читателю предлагается в ней последовательное и основанное на исторических и архивных фактах описание основных этапов развития отечественного языкознания, начиная с текстов XI в. и заканчивая работами советских классиков русской филологии В.В. Виноградова, Б.А. Ларина, М.М. Бахтина. Системное рассмотрение теорий, методов и принципов изучения языка позволяет воссоздать целостную картину становления русской ментальности в сфере важнейшего для нее отношения к языку и слову как основной культурной ценности. Описываются философские и мировоззренческие проблемы языкознания как науки, выделяющейся из философии в момент формирования современной культурной среды. Особое внимание уделено петербургской традиции филологических, лингвистических и лексикологических исследований в совокупности ее признаков и научных достижений. Эту книгу, как и все колесовское, отличает оригинальная трактовка фактов, нетривиальный взгляд на вещи.

Другая книга – «Философия русского слова» (2002) – посвящена осмыслению русского слова в национальной философской и духовной традиции. История словесного знака здесь представлена как живое творчество языка.

Словесный знак, Слово вообще в концепции автора является средоточием всего человеческого пространства. Не случайно одну из своих лингвофилософских книг он так и называет – «Жизнь происходит от слова ...», прямо подчеркивая приоритет Слова по отношению к иным ипостасям нашей жизни. В четырех разделах книги (Язык – Ментальность – Культура – Ситуация) автор высказывает свои соображения по поводу всех трех составляющих цивилизационного пространства, в границах которого протекает жизнь россиянина. Здесь

убедительно показано направление в развитии литературного языка, традиционной русской духовности и русской культуры, которые пока еще не поддаются воздействию со стороны чужеродных влияний, несмотря на горячее желание многих разрушить и обесценить их.

По-новому, с оригинальной точки зрения изучая материалы, В.В. Колесов развил новое направление в истолковании текстов, и это дает возможность для стилистических, семантических и герменевтических исследований в изучении русской ментальности и языка. Задумано и осуществлено колоссальное предприятие – цикл монографий «Древняя Русь: наследие в слове» (в пяти книгах: «Мир человека», «Добро и зло», «Бытие и быт», «Мудрость слова», «Литературный язык»). «Философия русского слова» – научный подвиг ученого – главная, как он сам однажды заметил, книга его жизни. Последний том этого цикла увидел свет совсем недавно: Колесов В.В. Древняя Русь: Наследие в слове. М.: Юрайт, 2024. Кн. 5. Древнерусский литературный язык. 333 с.

Философское воззрение В.В. Колесова к Слову получил монументальное воплощение в его двухтомном «Словаре русской ментальности» (Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. В 2 т. – Т. 1. А-О. – С.-Петербург: Златоуст, 2014. – 592 с. – Т. 2. П-Я. – С.-Петербург: Златоуст. – 592 с.). Здесь мир русских концептов представлен в виде целостной языковой картины, отраженной лексикографическим зеркалом.

Эстетическая интерпретация Слова, способность увидеть и оценить его Красоту (которая, по мнению В.В. Колесова, постоянно «спасает» словесный мир от разрушения, придает ему живое, переливчатое многоцветие) – еще одно свидетельство творческой личности, натуры Филолога и Поэта, а не только ученого и исследователя. О стиле работ В.В. Колесова можно было бы написать

особый очерк, так же как и о стиле его лекционных курсов, завораживающих слушателей.

Не случайна кипучая популяризаторская деятельность В.В. Колесова. Популяризаторская в книжных и статейных публикациях, начиная с занимательных очерков в детском журнале «Костер» или в «Ленинградской правде» (целых 35 публикаций) и кончая постоянно переиздаваемыми книгами о культуре русской речи.

Книга «Язык города» (1991) предвосхитила шквал научной и популярной литературы о современной живой речи и жаргоне, который обрушился на современного читателя в наши дни. Повествуя в ней о развитии современной городской речи, В.В. Колесов берет за образец речь Петербурга в ее сравнении со старомосковской, образцовой речью прошлого века, устанавливает их различие и сходство, описывает образование современной литературной нормы и роль городской среды в этом процессе. Рекомендации автора до сих пор сохранили свою актуальность, несмотря на резкие сдвиги в оценке речевого узуса за последнее десятилетие.

В.В. Колесова регулярно видели и многие телезрители передачи «Русская речь», которая стала намного живее и ярче благодаря его активному в ней участию. Популяризируя лингвистическую науку, В.В. Колесов видел цель популяризации не в академической и школярской «борьбе» за так называемую чистоту речи и культуру слова, а в демонстрации исключительных возможностей нашего родного языка, в раскрытии его вечного динамизма. Воспитание тяги к культуре слова, а отнюдь не насильственное «окультуривание» читателя и слушателя – вот основное «популяризаторское» кредо В.В. Колесова. И поэтому его книги, лекции и публичные выступления никогда не нуждались в рекламе. В этом секрет научного притяжения, которое чувствовали все ученики и многие коллеги Владимира Викторовича. Без этого притяжения в Ленинградском – Петербургском университете не было бы

колесовской школы, ибо одни лишь идеи, сколь бы велики и значительны для науки они ни были, школы не создают. Школу создает Личность. Личность творящая и вдохновляющая своим собственным поиском, а не изрекающая готовые «поучения». Именно поэтому пассионарные идеи В.В. Колесова, продолжаясь в учениках и проходя через все катаклизмы и горнила нашей жизни, продолжают вдохновлять новые и новые поколения филологов.

К ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Колесов 1989: Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. — 294 с.

Колесов 1991: Колесов В.В. Язык города. — М.: Высшая школа, 1991. — 192 с.

Колесов 1995: Колесов В.В. Нарушения стиля и разрушение смысла в современных переводах Библейских текстов // Библия и возрождение духовной культуры русского и других славянских народов. К 80-летию Русской / Северо-Западной Библейской Комиссии (1915—1995). — СПб.: Петрополис, 1995. — С. 81—105.

Колесов 1998: Колесов В.В. Русская речь. Вчера. Сегодня. Завтра. — СПб.: Юна, 1998. — 248 с.

Колесов 1999: Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». — СПб.: «Златоуст», 1999. — 368 с.

Колесов 2000: Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. — СПб: Филологический факультет Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2000. — 326 с.

Колесов 2001: Колесов В.В. «Как наше слово отзовется...». — СПб: «Иван Федоров», 2001. — 347 с.

Колесов 2001: Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. В 5-ти кн. Кн. 2. Добро и зло. — СПб: Филологический факультет Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2001. — 304 с.

Колесов 2002: Колесов В.В. Философия русского слова. — СПб.: ЮНА, 2002. — 448 с.

Колесов 2003: Колесов В.В. История русского языкознания. Очерки и этюды. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. — 472 с.

БОГДАНОВА-БЕГЛАРЯН Наталья Викторовна

(Санкт-Петербург, Россия)

доктор филологических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
nvbogdanova_2005@mail.ru

ВЛАДИМИР ВИКТОРОВИЧ КОЛЕСОВ –

и где-то я рядом с ним, с постоянным ощущением *потрясения*

«Знаете, чем отличается лингвист-историк от лингвиста-современника? Вот представьте себе СЛОНА. Большой, на толстых ногах, с гибким хоботом и огромными развесистыми ушами. Современник подходит вплотную к одной из ног этого слона, утыкается в нее носом и вглядывается в складки на коже, изучает направление их изгибов, фиксирует все углубления и выступы. А историк – он как ОРЕЛ! Парит в вышине над слоном и видит его всего целиком: с ушами, ногами и хоботом. И так, целиком, его и воспринимает, и описывает». Этот пассаж я когда-то, в далекие мои студенческие годы, записала на полях своей тетради по исторической грамматике. Эти лекции читал нам в свое время Владимир Викторович Колесов, и все тетрадки с его лекциями примерно на треть были заполнены не содержанием того или иного курса (а слушала я его неоднократно), а околонучными байками, которые хорошо запомнились и которыми я теперь делюсь уже со своими студентами. Про слона, например, рассказываю первокурсникам уже на одной из первых лекций по современному русскому языку, желая показать им, как много путей в науке открывает перед ними Университет.

И еще некоторые «вести с полей», записанные на лекциях В.В. Колесова.

«У нас в Рязани пироги с глазами: их Ядят, а они гЛЯдят» – по поводу нелитературного яканья.

«У кого в голове мОзги – у того мЫшление, а у кого мозгИ – у того мышлЕние» – по поводу акцентологических ошибок в русской речи.

Такими колесовскими перлами я исписывала поля моих тетрадок с его лекциями, и постепенно размер этих полей все увеличивался, вытесняя порой содержательную часть материала. Хорошо это или плохо – сейчас судить не берусь. Экзамены у ВВ я в любом случае сдавала только на «отлично». Но сегодня помнятся именно эти «полевые заметки», которыми я теперь щедро делюсь со своими студентами.

Еще одно мое студенческое воспоминание о ВВ. 2-й или 3-й курс, экзамен по исторической грамматике. Мы сидим, готовимся, ВВ ждет нас за столом, на котором стопкой лежат учебники по курсу. Нам разрешено подходить и заглядывать в них, если что-то забылось. Странно? Да нет, вполне логично. Забыть что-то из большого потока информации не мудрено, но если ты действительно учил, то нужное место в нужном учебнике найдешь быстро и память освежишь. А если учебник в руки взял только сейчас, то – как искать? А ВВ все это видел и свои выводы делал. А дальше было еще удивительнее. Когда истек час, отпущенный нам на подготовку к ответу, ВВ вдруг сказал: «Поднимите руку те, кто знает на 5». Аудитория замерла. Как реагировать? А вдруг это коварная шутка? Вдруг профессор попросит прилюдно это доказать? Рисковать или не рисковать? Кто-то из наших рискнул – и тут же, без ответа, получил «отлично» в зачетку и в *потрясении* покинул аудиторию. Все прочие, такие же *потрясенные* произошедшим, остались и начали по очереди отвечать. Я была не из тех, кто рискнул, и свою пятерку заработала реальным ответом. Но студентам сегодня я люблю рассказывать про то, какие удивительные (*потрясающие*) бывают профессора.

А ВВ был, без преувеличения, удивительным и *потрясающим*. Удивительным учителем, удивительным руководителем, удивительным коллегой. В моей университетской жизни он побывал во всех этих статусах.

Помню, как, уже став его коллегой, я сообщила ему, новоиспеченному заведующему кафедрой, которым он стал при мне, сменив на этом посту Никиту Александровича Мещерского, что собираюсь во второй декрет. При том что недавно вышла из первого. ВВ крикнул, но отреагировал вполне мудро: «Хорошо, дадим Вам на семью и детей три года, но уж потом загрузим по полной». И потом действительно загрузил, заставив меня пройти преподавательский путь по всем направлениям современной русистики: от фонетики до синтаксиса, что тоже было, конечно, мудро и дальновидно. Так же мудро и дальновидно ВВ рассуждал, и «отдавая» меня в аспирантуру на соседнюю кафедру фонетики: «Нам нужен на кафедре свой фонетист». И он его получил.

Такие воспоминания о Владимире Викторовиче приходят в голову очень легко, и я понимаю, что, не став учеником профессора-историка, я невольно чему-то все время у него училась.

Есть и воспоминания о событии, за которое мне сегодня даже неловко. Но расскажу и об этом – столько лет прошло. ВВ был назначен моим рецензентом на защите диплома. Защищаться в тот год (далекий 1977-ой, ВВ было всего 43 года!) мы начали почему-то рано, 13 мая (на удивление помню точную дату), я попала в первую партию и потому не успевала распечатать свой 120-страничный опус. В результате отвезла ВВ готовый текст ... буквально накануне защиты. Если бы не дружба Владимира Викторовича с моим научным руководителем, Львом Львовичем Буланиным, этот номер у меня, конечно, не прошел бы. Но тут случилось именно так. ВВ взял мой «труд», не выразив никаких отрицательных эмоций, буквально не моргнув глазом, а я с тревогой

ждала утра и его вердикта – вообще сомневаясь, что за одну ночь можно и прочесть, и понять мои «глубокие мысли», и написать адекватную рецензию. ВВ, конечно, смог, еще раз оставив меня в немом *потрясении*.

А потом (я словно прокручиваю перед мысленным взором свою жизнь, в которой постоянно присутствовала фигура ВВ – отсюда в моем тексте так много этих *потом*) так случилось, что у нас с ВВ почти одновременно родились внуки: у меня первый, ранний, у него, если не ошибаюсь, 4-й – и начался новый виток нашего с ним общения: как мальчики растут, чему научились, что сказали, научились ли кататься на велосипеде... ВВ легко перевел меня из разряда учеников сначала в разряд коллег, а потом и в разряд бабушек, с которыми ему, дедушке, всегда есть о чем поговорить.

Довелось мне в какой-то момент оказаться в роли (формальной, конечно) и начальника над Владимиром Викторовичем – когда он передал мне пост председателя диссертационного совета по нашей специальности, пересев на место рядового его члена. Еще 6 лет просуществовали мы в таком статусном соотношении.

Но главное мое ощущение от Владимира Викторовича осталось неизменным – это *потрясение* от его многочисленных талантов: таланта ученого, таланта преподавателя-лектора, таланта человека. Мне повезло учиться у него, работать рядом с ним, просто жить с ним в Университете в одно время.

Есть много имен великих Универсантов, у кого мне довелось учиться и перед кем я неизменно благоговела – Н.А. Мещерский, Г.П. Макогоненко, Г.А. Бялый, В.А. Мануйлов, Л.Р. Зиндер, А.С. Герд, Л.В. Бондарко, – но только с В.В. Колесовым много лет при встрече мы искренне и с взаимной радостью обнимались. Его величия это нисколько не умаляло, а меня в это мгновение – возвеличивало. Я благодарна ВВ за то, что он дарил мне это чувство, и благодарна судьбе за

возможность прожить бóльшую часть моей жизни рядом с таким замечательным, *потрясающим*, человеком.

...Возвращаясь к байке, с которой я начала. Тут наши пути с ВВ разошлись: он по-прежнему парит в вышине, а я разглядываю структуру кожи одной из больших слоновьих ног. Но думаю, что ВВ не в обиде: не всем же становиться историками языка, а уж парить в вышине дано и совсем немногим. ВВ – было дано.

ПИМЕНОВА Марина Владимировна

(Санкт-Петербург, Россия)

доктор филологических наук, профессор

Международный гуманитарный университет имени П. П. Семёнова–Тян-Шанского

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ВИКТОРОВИЧА КОЛЕСОВА*

Владимиру Викторовичу Колесову 10 апреля 2019 года исполнилось 85 лет. А 15 мая 2019 года его не стало. Эта статья посвящена его памяти...

Известный российский ученый – доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Гуманитарной академии, председатель диссертационного совета по русскому языку, заведующий кафедрой русского языка филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета – Владимир Викторович Колесов. Его знают как лингвисты, так и литературоведы, культурологи и историки.

Родился Владимир Викторович 10 апреля 1934 года в городе Уссурийск Приморского края. Окончил филологический факультет ЛГУ Жданова в 1957 году. После окончания учебы прошел все преподавательские стадии: ассистент, доцент, профессор. Руководил кафедрой русского языка Ленинградского, а затем Санкт-Петербургского государственного университета с 1978 по 2006 год.

В этот период и произошло мое знакомство с Владимиром Викторовичем: сначала заочно (ведь я закончила германское отделение, и отечественную историю языка я узнала, когда начала преподавать курсы «Введение в языкознание» и «Общее языкознание на двух факультетах Кемеровского государственного университета и позже возглавила кафедру общего языкознания и славянских языков этого университета), а потом и очно – когда Владимир Викторович пригласил меня в свой диссертационный совет защищать докторскую диссертацию в 2000 году. Лет мне было тогда недостаточно для докторской степени... Людмила Алексеевна Вербицкая сказала мне в то время, что в СПбГУ сложилась традиция защищать докторскую, когда у ученого уже есть борода. На что я ответила, что у меня борода все равно никогда не вырастет, так что и ждать дальше – смысла нет. Эта история вошла в виде шутки в наш лингвистический обиход.

В марте 2000 г. Владимир Викторович сам отыскивал меня на ежегодной мартовской конференции в СПбГУ, куда я приезжала со своими аспирантами. Искал он меня из-за моей монографии «Этногерменевтика наивной языковой картины внутреннего мира», которую он никак не мог получить в библиотеке университета. Удивительным было не только это. Владимир Викторович сказал, что сам защитил докторскую в 35 лет, что концепты все-таки есть (хотя вся лингвистическая общественность меня уверяла, что концептов «в природе не существует»; моя докторская диссертация была первая по концептам в России, когда концептов в научном метаязыке не было, их существование еще предстояло доказать), и что нужно идти защищаться в его диссовет, проходить всю процедуру – предзащиту, сбор документов и выход на защиту.

Вот так – с 2000 года – мы и познакомились с Владимиром Викторовичем. В 2001 году я успешно защитила докторскую в его диссовете по теме «Концепты внутреннего мира человека (русско-

английские соответствия)», но по специальности «Русский язык». И всю оставшуюся жизнь я не перестаю благодарить Владимира Викторовича за его добро и участие в моей судьбе.

Владимир Викторович приезжал с циклом лекций в Кемеровский государственный университет в 2002 году. В то время я еще работала в Кемерово. На этих лекциях им были подняты такие актуальные вопросы для современной науки, как «особенности русской ментальности», «антиномии русского сознания», «лики, лица и личины в русской языковой и культурной традиции», «гендер и традиции русской культуры». Одна из лекций была посвящена проблеме концептов, образов, понятий и символов: именно они являются четырьмя основаниями языкового знака (Концепт. Образ. Понятие. Символ). Их Владимир Викторович Колесов определяет как «семантико-концептуальный четырёхугольник», в отличие от «семантического треугольника» Г. Фреге. Всех поразила энциклопедичность знаний Владимира Викторовича, многогранность его научного таланта, удивительная человечность, отзывчивость и доброта.

В своё время на мой вопрос: «Почему Вы мне помогаете?» Владимир Викторович ответил, не задумываясь: «Мне когда-то помогали, а теперь вот и я». И сейчас эту эстафету помощи и поддержки примут в свои руки ученики Владимира Викторовича.

К 70-летию юбилею Владимира Викторовича мною была выпущена коллективная монография: Концепт. Образ. Понятие. Символ / Отв. ред. М.Вл. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2003. – 276 с., к 75-летию его юбилею вышла еще одна коллективная монография: Ментальность и изменяющийся мир / Отв. ред. М.Вл. Пименова. Севастополь: Рибэст, 2009. 504 с. (Серия «Славянский мир». Вып. 1). В 2014 году вышла коллективная монография: Современная лингвистика и исследования ментальности в XXI веке: к 80-летию юбилею профессора В.В. Колесова; отв. соред. М.Вл. Пименова, В.И. Теркулов. –

Киев: Издательский Дом Д. Бурого, 2014. – 376 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 5). Среди авторов этих монографий и сборников были ученые-лингвисты из разных стран мира – России, Казахстана, Белоруссии, Украины, Финляндии – друзья, коллеги, ученики и ученики учеников. Мы – авторы – до сих живем на широком пространстве бывшего СССР и в сопредельных странах: от Сибири и Урала до Крыма и Тампере. А теперь ученики Владимира Викторовича есть и в Тайване, и Китае, и Индии.

80-летнему юбилею Владимира Викторовича была посвящена международная научная конференция, в работе которой приняли участие филологи из Кемерово, Павлодара, Донецка, Сум. В 2014 году мы уже не могли собраться в одном городе. И я придумала новый формат проведения конференции: она получила название международная распределенная научная конференция. Было организовано несколько секций, которые заседали в одно время, но в разных городах и странах. Все секции прислали свои фотоотчёты и поздравления юбиляру! Время диктует свои законы...

Чем известен Владимир Викторович Колесов? По словам его учеников и коллег, в первую очередь, тем, что развивал свое учение о ментальности. Опираясь на труды русских философов, публицистов, писателей, на результаты собственных исследований русского языка и трудов своих коллег, на известные и малоизвестные сочинения предшественников, наконец, на научную интуицию, взлелеянную десятилетиями кропотливой работы над текстами и колоссальный опыт, он достойно шагнул в сферу философии языка. Его свободно и без особых натяжек ученики называли «русским Хайдеггером», потому что Владимир Викторович Колесов относится к Хайдеггеру так же, как А.А. Потебня – к В. фон Гумбольдту. Его новейшие труды начали осваиваться преподающими младшими современниками и учащейся молодежью. Процесс идет трудно и медленно, но все же идет. Вся

логика развития новейшего русского языкознания выдвигает методологию В.В. Колесова на первый план и как-то само собою, совершенно объективно, спокойно и последовательно, отстраняет казавшиеся ранее ведущими методы и принципы. Наука о языке есть наука о духе. Лингвистика сейчас понимается как наука о природе человека. В.В. Колесов возвращает языку его полный мыслеформирующий и мыслесодержащий смысл.

Те, кто общался в Владимиром Викторовичем, удивлялись его философско-филологической интуиции, умению «выуживать» из текста смысл и связи, сокрытые от многих, его научной щедрости, одаривающей учеников мыслями и идеями, которые никогда не покидали его ум и сердце, ибо только в сопряжении логики (ум) и страсти (сердце) и рождается настоящая, живая, пульсирующая Филология.

Владимира Викторовича Колесова по праву считают одним из самых авторитетных современных отечественных лингвистов. Его исследования по философии языка, языковой семантике, истории русского языка и социолингвистике вошли в золотой фонд науки о языке. Счастливы те, кому довелось слушать его лекции и вести научные исследования под его руководством. Его научная школа, выпускники которой работают во всей стране и далеко за ее пределами, является украшением Санкт-Петербургского государственного университета. Владимир Викторович задавал высокий уровень научных исследований, на который мы – филологи – ориентируемся.

Есть замечательная когорта ученых, с которыми лично не взаимодействовал: не слушал лекции, не работал на семинарах, не консультировался во время написания диссертаций, однако у тебя всегда есть ощущение, что ты их ученик. Для меня таким учителем является Владимир Викторович Колесов. Его умение вслушаться в родную речь, глубинно прочувствовать русский язык, явственно

проступающее из его потрясающих монографий и прекрасных учебников всегда заставляло внимательно присмотреться к словам, попытаться так же, по-колесовски, действительно «дойти до сути».

Сфера интересов Владимира Викторовича чрезвычайно широка и разнообразна:

- 1) историческая фонетика и фонология русского языка, фонетические особенности русских говоров;
- 2) этимологические исследования по русскому языку;
- 3) диалектологические изыскания;
- 4) стилистика русского языка;
- 5) русская историческая лексикология и лексикография;
- 6) историческая грамматика русского языка;
- 7) история русского литературного языка, перевод древнерусских памятников;
- 8) славяноведение и русистика;
- 9) современный русский язык: языковая норма и узус;
- 10) менталитет и ментальность народа;
- 11) концептуальные исследования;
- 12) теоретическое языкознание;
- 13) история языкознания.

Список трудов Владимира Викторовича Колесова изумляет своим объёмом; в этом списке более 500 работ этого удивительного по трудолюбию учёного.

На майские праздники 2019 года мы созвонились с Владимиром Викторовичем и договорились встретиться с ним после его возвращения из Луги. Для него передали монографию по акцентологии его друзья и соратники. Однако до Луги Владимир Викторович не доехал. Попал в больницу.

Мы прощаемся с Владимиром Викторовичем Колесовым, понимая, что его труды и идеи еще долго будут всех нас поддерживать и нам помогать.

*Статья «Памяти Владимира Викторовича Колесова» впервые опубликована в журнале «Гуманитарный вектор» (2019, Т. 14, № 5. С. 174–176).

БЕКАСОВА Елена Николаевна (*Оренбург, Россия*)

доктор филологических наук, доцент
Оренбургский государственный университет
bekasova@mail.ru

К ПРОБЛЕМЕ ПОСТРОЕНИЯ МОДЕЛЕЙ СООТНОШЕНИЯ ГЕНЕТИЧЕСКИ НЕОДНОРОДНЫХ РЕФЛЕКСОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В истории и современном состоянии русского языка соотношение генетически соотносительных рефлексов является не только одной из востребованных в научном и учебном аспектах, но и важным диагностирующим признаком генезиса литературного языка. Многообразие представленных корреляций в памятниках письменности и критериев отбора определённого по происхождению элемента, а затем и его закрепления обуславливает необходимость осмысления судьбы гетерогенных рефлексов на протяжении тысячи лет. В этом плане особо выделяется многомерная модель взаимодействия генетически соотносительных рефлексов в истории русского языка на материале наиболее востребованных в научном плане полногласных и неполногласных сочетаний, выстроенная В. В. Колесовым с учётом особенностей их реализации в древнерусских текстах и причинно-следственных связей системной организации языка.

Ключевые слова: В. В. Колесов, история русского языка, корреляция генетически соотносительных рефлексов праславянских сочетаний, полногласие / неполногласие, рефлексy *tj, *dj, *kt, *gt.

Abstract. In the history and modern state of the Russian language the ratio of genetically correlative reflexes is not only one of the popular in scientific and educational aspects, but also an important diagnostic sign of the genesis of the literary language. The variety of correlations presented in the monuments of writing and the criteria for selecting an element determined by origin and then fixing it, makes it necessary to comprehend the fate of heterogeneous reflexes for thousands of years. In this regard the multidimensional model of interaction of genetically correlative reflexes in the history of the Russian language based on the material of the most scientifically demanded full-vowel and incomplete-vowel combinations, built by V.V. Kolesov with regard for the peculiarities of their implementation in ancient Russian texts and the cause and effect relationship of the systemic organization of the language, is especially distinguished.

Keywords: V. V. Kolesov, history of the Russian language, correlation of genetically correlating reflexes of the pre-Slavic combinations, full-gloss/incomplete-gloss, reflexes *tj, *dj, *kt, *gt.

Владимира Викторовича Колесова, безусловно, следует отнести к лингвистам-классикам по необычайной широте охвата филологического материала и глубине его осмысления, нестандартному подходу к языковым явлениям и творческой креативности их систематизации, что неподражаемо сочетается с впечатляющей оригинальностью его личности, знания которой основываются на продуктивном сплетении современных и исторически сложившихся научных достижений.

Бесконечно преданный языку – и прежде всего сложившемуся в результате многообразных преемств русскому литературному языку – В. В. Колесов разработал и тщательно прописал то новое направление в научном познании мира, в котором язык вбирает в себя цивилизационный и культурный код человечества, а его мудрость во времени позволяет сохранять созидательную силу не только русского общества, но и всего человечества. Обращение к прошлому для В. В. Колесова было важнейшей составляющей оценки настоящего через «систему концептуальных ценностей, накопленных предками» [4: 226], чтобы выстроить причинно-следственные связи прошедших, настоящих и будущих событий, а значит, – предсказать, предостеречь, уберечь, потому что только на язык «можно опереться в воссоздании национальных ценностей» [4: 61]. В связи с этим даже почти через четверть века по-прежнему актуально обращение автора к нам: «я думал поделиться с читателем мыслями по затронутой теме, что очень важно сделать именно в наше время, трудно даже сказать, какое: *время язычества* или *языческое безвремье*» [4: 3].

Мне посчастливилось встретиться с Владимиром Викторовичем, известным учёным, талантливым популяризатором лингвистики, уникальным ведущим телепрограммы «Русская речь», в связи с

пертурбациями ВАКа: мой научный руководитель, председатель диссертационного совета Л. И. Баранникова, потеряв надежду на скорое открытие совета в г. Саратове, отправила меня к В. В. Колесову. В коридорах Ленинградского университета, ожидая его прихода, я познакомилась с Лидией Владимировной Савельевой, которая с особенной теплотой отзывалась о Колесове, с которым они с мужем учились и поддерживали дружеские отношения. Владимир Викторович буквально влетел в помещение – в нём чувствовалась необыкновенная энергичность и чёткость, а его стремительность позволяла сразу решить множество дел без лишней суеты. Судя по отзыву, моя работа была прочитана с большим вниманием и сопровождалась рядом наблюдений и выводов, к которым я, как начинающий исследователь, ещё не была готова и смогла оценить значительно позже. Однако в конце был перечень вопросов, который не только у меня, но и у Лидии Ивановны вызвал недоумение своим парадоксально-провокационным характером. Как показала предзащита на кафедре в Ленинградском университете, В. В. Колесов с только ему свойственной весёлой иронией и чувством юмора проверял соискателя не только на знание поднятых в работе вопросов, но и на общую эрудицию в области истории языка. Присутствовавший на этой предзащите Борис Иванович Осипов в беседе со мной объяснил, что это был некий розыгрыш, так свойственный Колесову, на который нельзя обижаться, поскольку диссертация была положительно оценена и допущена к защите, а некая задорность завкафедрой остерегает «новоиспеченного» исследователя от почивания на лаврах и даёт стимул соискателю не останавливаться, а двигаться дальше в поисках истины.

На мой взгляд, это был не только определенный отход от рутины, скучности и отстранённости официальных мероприятий, потому что наука всё-таки не только всепоглощающее, но и весьма увлекательное и

интересное действо, и проверка своих собственных наблюдений и теоретических построений.

Вероятно, такое отношение к своей деятельности позволило В. В. Колесову писать всегда узнаваемым стилем – и в строгих, вроде бы не предполагающих сильных эмоций статьях и монографиях, и предназначенных для учебных целей пособиях, и в предисловиях и книгах, созданных на границе науки и так называемой популяризации. Его так же интересно читать, как научную классику XIX в., ещё не втиснутую в нагромождение терминов ярко иностранного звучания, не затянутую в сети структуры научной статьи и условий цитирования, – того времени, когда научный текст был наполнен практически тем же богатством языка, что и художественный стиль, а сохранение в нём личности учёного и его собственного стиля, только усиливало научную значимость исследования. Такой стиль давал возможность по-особому, не отстранённо-холодно, а по-человечески восторженно относиться к жизни, языку и тем, кто продвигает их в своей созидательной деятельности.

Но при этом, когда дело заходило о принципиальных вопросах, то В. В. Колесов со свойственным ему блестящим, только ему присущим стилем не только достаточно жёстко критиковал своих оппонентов [5: 227], но и в полемике доходил до всевозможных сатирических изысков [6], которые весьма убедительны и достойны лучших образцов художественного стиля.

Соединение неподражаемого стиля работ В. В. Колесова с особым взглядом на сущность языка во многом соответствует свойствам трудов классики – их можно перечитывать бесконечно и постоянно находить то, что позволит поднять научные исследования на новый уровень. По справедливому утверждению О. Н. Трубачева, лингвистика является «наукой возвращений», и каждое обращение к работам В. В. Колесова предоставляет возможность больших и малых открытий. При этом

любые, даже вскользь оброненные замечания, не говоря уже об имеющих значимую объяснительную силу чеканных формулировках, могут быть развёрнуты в достойное научное исследование. В своё время Л. М. Устюгова, крупный специалист в области полногласия и неполногласия в славянских языках, объяснила мне главное отличие выдающихся Учёных – умение видеть проблему как бы с высоты птичьего полёта и соответственно делать фундаментальные выводы, тогда как другие, разрабатывая и отрабатывая отдельные участки языковой системы, накапливают языковой материал, который может корректировать или детализировать взгляд Учёного.

В этой связи хочется остановиться на тех языковых явлениях, которые В. В. Колесов отметил как «классические сюжеты славянской филологии» [4: 348], среди которых особо выделяются полногласие и неполногласие, о которых в плане соответствия «славенских» форм «росским» упоминает уже Памва Берында в «Лексиконе славянороссийском, имен толкование» (Киев, 1627). В классификации А. А. Шахматова двенадцати «категорий бесспорных церковнославянских элементов» в современном русском литературном языке [7: 246] данная группа представлена как самая количественно и качественно значимая, что обусловило её востребованность в изучении прежде всего соотношения восточнославянских и южнославянских по происхождению элементов в истории и современном состоянии русского языка. Активные исследования учёных XIX–XX вв. позволили накопить данные, которые в целом характеризуют сложные взаимоотношения парности/непарности гетерогенных элементов, а также выявить критерии их генетического отбора (семантический, стилистический, грамматический, акцентологический, орфографический, графический).

В. В. Колесов, рассматривая основные проблемы формирования и развития русского литературного языка, также обратился к соотношению в нём генетически неоднородных рефлексов «на типичном и

традиционном примере – истории неполногласных и полногласных форм» [З: 264]. Но, в отличие от многих исследователей, отправной точкой его рассуждений стало утверждение, что для средневековья были характерны не парные оппозиции, а «градационная цепь вариантов», где «важно распределение альтернативных вариантов: для одних случаев предусматривались одни из них (норма), а для других случаев – не другой, а одновременно оба» [З: 261]. В связи с этим В. В. Колесов вслед за Б. И. Осиповым утверждает «принцип совмещения оппозитивов», когда «на одной из сторон обязательно оказываются оба оппозитива: либо *городъ*, с одной стороны, и *городъ/градъ* – с другой, либо *градъ*, с одной стороны, и *градъ/городъ* – с другой» [З: 265], при этом «маркировки исторически изменялись», но «на каждом этапе развёртывания дифференцирующей противоположности маркировано то, что единственно, то есть в первом случае полногласие, а во втором – неполногласие» [там же].

По мнению В. В. Колесова, на первом этапе члены полногласных и неполногласных пар характеризовались исходной эквиполентностью и, следовательно, стилистической равнозначностью» [З: 266]; на втором этапе произошло «выделение книжного варианта как нового в отношении к русскому полногласию, которое становится маркированным»; к XIV в. начинает сокращаться избыточность пар «либо путём устранения одного из оппозитивов, либо в результате их семантической дифференциации; маркированным становится неполногласный, который шире по объёму»; а четвёртый «стилистический этап начинается с XV в., когда даже в традиционные древнерусские тексты включаются славянизмы с неполногласием» [там же].

Однако подобная генеральная линия развития взаимоотношений генетически неоднородных коррелятов не может быть применима к другой, достаточно представительной группе рефлексам с *tj, *dj,

поскольку изначально судьба данных групп на восточнославянской почве значительно различалась: как справедливо отмечает В. В. Колесов, «неполногласные» сочетания типа *трава* вообще-то были свойственны русскому языку, и чистая форма типа *градъ* сама по себе ничего не значила» [3: 267], в то время как южнославянским по происхождением рефлексам *tj, *dj требовалась фонетическая адаптация, и настолько сложная, что до сих пор в науке нет единого мнения о времени и результатах данного процесса [2: 8–21]. При этом разная степень адаптации определила дальнейшие расхождения в судьбе рефлексов *tj и *dj, которые, как правило, рассматриваются как явления одного порядка.

Против распространённого в науке утверждения идентичности взаимоотношений в группе рефлексов дифтонгических сочетаний с плавными и в группе рефлексов *tj, *dj свидетельствует также реализация рефлексов *ж/жд*, *ч/щ* на конце корневого морфа и, следовательно, позиционная зависимость альтернации от следующих за ними аффиксов. В частности, перед активизировавшимся на русской почве суффиксом *-ива-* реализуются исключительно восточнославянские по происхождению рефлексы, а в существительных на *-ение*, образованных через ступень причастия, в 80% предпочитают южнославянские по происхождению рефлексы [2: 22–67]. Кроме того, единство альтернации, как правило, поддерживает соответствующая слово- и формообразовательная цепочка, ср.: *просветить* – *просвещать*, *просвещу*, *просвещённый*, *просвещение* – *просветить* – *просвечивать*, *просвечу*, *просвеченный*, *просвечивание*; *насадить* – *насаждать* (*насажу*), *насажённый*, *насаждение*, *насадить* – *насаживать*, *насажу*, *насаженный*, *насаживание* и др.

Доказательством важности морфонологического критерия для реализации генетически соотносительных рефлексов *tj, *dj является группа «отдельных слов» (по терминологии А. А. Шахматова), которая в

истории русского языка в результате своей не связанности с морфологической парадигмой и независимости от позиционной альтернатиции обладала высокой степенью дублетности, что в ряде случаев позволяла оппозициям быть лексически и стилистически маркированными, ср.: *невежа – невежда, горожанин – гражданин, одежда – оде́жа*, и под. [1: 95–129]. В этом плане данная группа во многом примыкает к группе полногласной и неполногласной лексики. В связи с этим показательны прописанные В. В. Колесовым «этапы генерализации ж и ч – от семантического через стилистическое к орфографическому», которые «легко проследить на истории одного текста, например летописи» [3: 262], при этом ссылки делаются именно на те исследования, в частности, Л. М. Устюговой, которые в основном рассматривают корреляции типа *хощу / хочу*, а также образования с рефлексами *kt, *gt типа *дъщи / дъчи, помощь / помочь* и *жажда / жажа*.

Таким образом, история рефлексов *tj, *dj в тех случаях, когда они реализуются во взаимосвязанных системных образованиях, представляющих полную парадигму морфонологических чередований, не только не совпадает с закономерностями сосуществования полногласия и неполногласия, но и ещё в большей степени не подчиняется традиционно выдвигаемым в качестве основных и нередко единственных семантико-стилистическим критериям отбора генетически определенного элемента и его закрепления в русском языке. Однако представленная В. В. Колесовым модель на «типичном и традиционном примере» – истории полногласия и неполногласия в определённой степени коррелируется с судьбой рефлексов *tj, *dj.

Во-первых, следует признать основополагающим для рассмотрения истории генетически неоднородных рефлексов в русском языке выдвинутый В. В. Колесовым системный подход: «На первый взгляд кажется, будто употребление полногласных/неполногласных корней не подчинено никакой закономерности и весьма произвольно.

Однако если исходить не из случайного набора текстов, а из последовательного развития системы языка, вся эта текстовая неопределенность исчезает» [3: 264]. Следует подчеркнуть, что в этом случае также утрачивается распространённый даже в настоящее время миф о превосходстве южнославянских по происхождению элементов в истории русского языка, и его современном состоянии.

Во-вторых, для В. В. Колесова «развитие языка предстаёт в последовательности причинно-следственных связей, а не ретроспективно» [4: 357], что позволяет объективно выстраивать более изоморфную модель развёртывания отношений генетически соотносительных рефлексов праславянских сочетаний на русской почве. При этом концептуальным следует признать положение о том, что «для средневековья не характерны попарные оппозиции» [3: 260] и «распределение написания типа *одежа/нощь*, свойственное древнерусским литературным текстам, не соответствует ни старославянскому (*одежда/нощь*), ни разговорному восточнославянскому (*одежа/ночь*)» [3: 259]. Отсюда главное утверждение, которое ставит окончательную точку в дискуссиях о генезисе русского литературного языка: когда «одному языку принадлежит одно, а другому – оба», главный «тот, кому принадлежат «оба», он и «является развивающимся языком культурного действия» [6: 172].

В связи с этим представленная В. В. Колесовым модель сосуществования в русском языке полногласия / неполногласия как традиционный пример соотношения генетически неоднородных рефлексов позволяет скорректировать и судьбу рефлексов *tj, *dj, которым потребовался этап фонетической адаптации, причём для *dj более сложный и нередко парадоксальный, чем для *tj. В свою очередь это повлияло на специфику морфонологической альтернации и её стабилизацию по всем звеньям формо- и словообразовательной

парадигмы. Как правило, неустоявшиеся корреляты типа *отвечати* / *отвещати* распадались в русле уже сложившихся механизмов, способствующих генетической чистоте альтернатив. Избыточность пар начинает активно сокращаться в XVI–XVIII вв., и в этот период проявляется лексико-семантическая дифференциация остаточных явлений. При этом группа «отдельных слов», отделившаяся от морфонологической парадигмы идёт по пути корреляций с полногласием / неполногласием.

В-третьих, для всех групп последним этапом сосуществования гетерогенных рефлексов является их семантическая и стилистическая дифференциация, однако для полногласных и неполногласных сочетаний она была более значимой, поскольку для них изначально не существовали фонетические запреты и позиционная избирательность определённых по происхождению рефлексов.

Таким образом, логичность и достоверность представленной В. В. Колесовым модели взаимодействия и отбора гетерогенных элементов в истории русского языка на материале полногласных и неполногласных сочетаний, действительно, представляет некую типичную картину, которая тем не менее может включать отклонения, связанные с изначальной освоенностью южнославянских по происхождению рефлексов, позиции их реализации или влиянием различных экстралингвистических факторов, влияющих на фиксацию генетических коррелятов в древнерусских рукописях.

Построить такую максимально отточенную модель В. В. Колесов смог лишь при условии охвата всех нюансов тысячелетней истории взаимоотношений гетерогенных элементов, объёма, а главное понятия всей системы языка – от фонетики до текста, – с учётом разнообразного её движения, в том числе под влиянием исторических преобразований жизни носителей языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бекасова Е. Н. Механизмы гетерогенной организации системы русского языка (на материале рефлексов праславянских сочетаний). Vrno: Tribun EU, 2016. 194 с.
2. Бекасова Е. Н. Фонетический фактор в судьбе праславянских рефлексов // Научное обозрение: гуманитарные исследования. № 2. М., 2014. С. 56–63.
3. Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. Л., Изд-во ЛГУ, 1989. 294 с.
4. Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова...». СПб.: «Златоуст», 1999. 368 с. (Язык и время. Вып. 3).
5. Колесов В. В. Ментальный словарь Владимира Даля // Учёные записки Казанского государственного университета. 2010. Т. 152, кн. 2. С. 223–229.
6. Колесов В. В. Рецензия на книгу М. Л. Ремнёвой. «Пути развития русского литературного языка XI–XVII в.» (М., МГУ, 2003) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. № 3. 2005. С. 170–179.
7. Шахматов А. А. Приложение I. Церковнославянские элементы в современном русском литературном языке // Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку. М: Учпедгиз, 1952. С. 245–266.

БОГДАНОВА Людмила Ивановна (*Москва, Россия*)

доктор филологических наук, профессор
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
libogdanova1@mail.ru

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА В ОТРАЖЕНИИ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ

Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы
Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия»

Аннотация. В статье рассматриваются глаголы, описывающие эмоцию страдания. Страдания – неотъемлемая часть ментальности русского человека. Концепты ментальной парадигмы страдания получили обоснование в трудах В.В. Колесова и в «Словаре русской ментальности». Анализ семантики глаголов эмоциональной сферы позволяет определить закономерности глагольной сочетаемости, а также выявить динамические процессы в концептуализации данных эмоций.

Ключевые слова: эмоция страдания, концепт, глаголы эмоциональной сферы, значение глагола, глагольная синтагматика, словарь русской ментальности.

Abstract. The article discusses verbs that describe the emotion of suffering. Suffering is an integral part of the Russian mentality. The concepts of the mental paradigm of suffering were substantiated in the works of V.V. Kolesov and in the “Dictionary of Russian Mentality”. Analysis of the semantics of verbs in the emotional sphere makes it possible to identify patterns of verbal compatibility, as well as to identify dynamic processes in the conceptualization of these emotions.

Keywords: emotion of suffering, concept, verbs of the emotional sphere, meaning of the verb, verbal syntagmatics, dictionary of Russian mentality.

В трудах Владимира Викторовича Колесова запечатлён собирательный образ русского человека, воссозданный по данным языка [4; 5; 6]. В «Словаре русской ментальности» [6] важнейшие для русской духовной жизни слова, представляющие концепты духовной жизни человека, семантизированы в том числе и с помощью эпитетов из русской художественной литературы.

В.В. Колесов уделял большое внимание анализу русских эмоциональных концептов, изучение и теоретическое осмысление которых по-прежнему остаётся в центре внимания современной лингвистики [11]. Особенно детально в его трудах был исследован комплекс «Грусть-Тоска», воссоздающий и раскрывающий образ русского человека, его эмоциональный и духовный мир [5].

Переживание эмоции страдания, согласно В.В. Колесову, получило в русском языке отражение в пяти основных концептах: грусть – тоска – печаль – скорбь – скука. [5: 6]. Учёным установлена разница между десигнатами этих концептов на основе анализа признаков, среди которых он выделяет типичные, глубинные, интенсивные и признаки длительности. На основе языковых данных «Словаря русской ментальности» и других лексикографических источников В.В. Колесовым было установлено, что из всех рассматриваемых концептов только Скука выделяется отсутствием признака «глубокая», что является подтверждением поверхностного, не очень глубокого характера эмоции, только Скука бывает «серая» и «тупая». Установлено также, что признак «сильная» характеризует Печаль и Тоску. Исследование В.В. Колесова показывает, что только Грусть, Печаль, Тоска характеризуются признаками «гнетущая, щемящая, давящая» [5: 7]. Эти и другие ценные наблюдения и выводы, сделанные В.В. Колесовым на основе анализа синтагматики, дают возможность глубже проникнуть в суть обозначенных данными словами эмоций, что позволяет не только дать комплексные, глубокие объяснения соответствующих концептов, но и в

перспективе дополнить дефиниции лексических единиц, обозначаемых данными словами в традиционных толковых словарях. Толкование эмоций – сложная лексикографическая проблема, что неоднократно отмечалось в лингвистических исследованиях [1; 2; 8]. Когнитивный подход к исследованию семантики лексических единиц, разработанный В.В. Колесовым, призван обеспечивать их многоаспектное представление в словарях разного типа.

Настоящая работа также связана с проблемами лексикографии, поскольку анализ глагольной синтагматики, представленный в данном исследовании, может способствовать оптимизации словарных дефиниций. В данной статье решается частная задача, связанная с рассмотрением глаголов 'страдания / переживания' в грамматической проекции. Цель работы состоит в том, чтобы показать зависимость глагольной сочетаемости актантного типа от семантики глаголов эмоциональной сферы. Информация такого рода, на наш взгляд, могла бы частично дополнить семантическую интерпретацию слов, стоящих за концептами *грусть, печаль, тоска, скука*, поскольку глагол фокусирует в себе «основные черты сценария, служащего стандартной формой закрепления познавательного опыта» [8: 42]. Актантно-ролевую структуру глагола по праву можно считать важнейшим инструментом коммуникативной и когнитивной деятельности человека [2].

Проблема соотношения глагольной сочетаемости и значения глагола неоднократно являлась предметом специального рассмотрения. Особенно глубоко она изучена в трудах Ю.Д. Апресяна. Из его ранней концепции следует, что, «фиксируя сходства и различия в синтаксическом поведении языковых элементов, <...> мы можем делать объективные заключения об их семантических сходствах и различиях (1: 24–25). Однако для более точного понимания связи между семантикой и синтагматикой необходимо, на наш взгляд, «вписать» грамматику, насколько это возможно, в культурный контекст, учитывающий

различные оценочные смыслы, сформированные в рамках данной культуры [2]. Семантический подход к сочетаемости, с учётом культурного компонента, позволяет приблизиться к ответу на вопрос, каким образом носитель языка способен держать в памяти ту огромную информацию, эксплицировать которую лексикографу удаётся далеко не всегда (10: 20).

Анной Вежбицкой было замечено, что многие «эмоциональные глаголы» способны, как и глаголы мысли, подчинять себе существительное с предлогом *о* (*об*, *обо*). Этот факт служит аргументом в пользу того, что русские глаголы, обозначающие эмоции, связаны с чувством через продолжительный и протекающий одновременно с эмоциональный мыслительный процесс (3: 42).

Наличие данной связи получило своеобразную интерпретацию в русском социуме, состоящую в том, что у человека, который просто задумался, нередко спрашивают, почему он грустит. Задумчивый человек в русской культуре обычно воспринимается как грустный. Ср.: – *Чего загрустил?* – *Я не грущу, я просто думаю.* – *Он рассмеялся.* – *Почему у нас, если кто-нибудь задумается, считается, что он грустит?* (Константин Симонов) [7]. Данный пример демонстрирует национальные особенности проявления грусти, имеющей характер размышления:

Рассмотрение глаголов эмоциональной сферы позволяет установить, что в русском языке интеллектуальные и эмоциональные оценки нередко взаимосвязаны и взаимообусловлены, что, в частности, проявляется и в синтагматическом поведении глаголов: оценка событий прошлого как отрицательных основана не только на эмоции, но и включает в себя элемент воспоминания и / или размышления и оценки, именно поэтому глаголы указанной группы так же оформляют позицию актанта-каузатора эмоции (и одновременно её содержания), как и глаголы ментально-речевой сферы: *скорбеть о случившемся – думать*

о случившемся; грустить о прошлом – размышлять о прошлом; печалиться об утратах – рассуждать об утратах, скучать о прошлой жизни – вспоминать о прошлой жизни и т.п.

Таким образом, к закономерностям, выявленным при анализе семантического пространства русских глаголов и сформулированным с учётом культурного компонента, можно отнести отражение в грамматике особой «эмоциональности» русской культуры, проявляющейся, в частности, в том, что если глагол эмоциональной сферы обозначает грустные размышления о прошлом, то способом обозначения актантной позиции объекта-содержания при нём будет предложно-падежная группа **о чём / о ком**. Это правило подтверждают наблюдения учёных относительно того, что русский язык, в отличие, например, от английского, богат «активными» эмоциональными глаголами, а для английского языка, напротив, более характерна адъективная или причастная модель. В этом, по словам Анны Вежбицкой, проявляется особенность русской культуры относить «вербальное выражение эмоций к одной из основных функций человеческой речи» [3: 43]. Многие эмоциональные глаголы, связанные с чувством через продолжительный и протекающий одновременно с эмоциональным мыслительный процесс, в отличие от прилагательных, способны, как и глаголы мысли, подчинять себе существительное с предлогом *о (об, обо)*. При этом надо подчеркнуть, что ориентацию на обозначение позиции каузатора эмоции и одновременно её содержания с помощью предложно-падежной группы *о чём / о ком* имеют не все эмоциональные глаголы, а только те, которые обозначают негативные эмоции, связанные, как правило, с событиями прошлого, т.е. глаголы, обозначающие эмоцию страдания. В русской культуре закреплена связь грусти / печали / тоски / скорби с размышлениями, а тем самым и с синтагматикой ментальных глаголов. Примечательно, что негативное эмоциональное состояние может быть вызвано как отрицательно оцениваемым событием прошлого, так и

ситуацией с позитивной оценкой, обозначающей то, что безвозвратно утеряно и, следовательно, может приводить к печальным размышлениям. Оформление актантной позиции объекта-содержания (одновременно и каузатора эмоции) при глаголах негативного эмоционального чувства-размышления о событиях прошлого иллюстрируют многочисленные примеры из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [7]: *В наш век расплодилось множество плакс, которые **обо всём горюют и скорбят*** (А. Герцен); *А я, как и прежде, **грущу о тебе*** (Анатолий Жигулин); *Душа **грустит о небесах*** (Сергей Есенин); ... *Петр Александрович вечно **тоскует о ней**, о её душевном спокойствии* (Ф.М. Достоевский); *Брат его в нашем классе, кажется, не очень **печалится о смерти** брата* (С. Надсон); *Милый друг мой, Ан. **Скучаю о тебе** мучительно. Сегодня ночью проснулся и много думал о тебе с тревогой* (Н.Н. Пунин). *Но ведь я **не тоскую, не скучаю о нём**, живу так, как будто его нет* (Ю.А. Кривулина) [7].

Следует отметить, что глаголы **скучать** и **тосковать** содержат в своей семантике компонент 'испытывать дискомфорт от отсутствия **контакта** с тем, что субъект оценивает в целом как что-то хорошее для себя', поэтому объектная валентность при этих глаголах не может заполняться словами негативной семантики [2]. Ср.: невозможно: **скучать о несчастье* (при возможном: *горевать, грустить о несчастье*); **тосковать о старости* (ср. *сокрушаться о старости*).

Глаголы рассматриваемой группы допускают вариативное оформление объектной позиции с предлогом **по**. Ср.: *Я нигде так **не скучал по деревне**, русской деревне с лаптями и мужиками, как прожив с матушкой зиму в Ницце* (Лев Толстой. Анна Каренина); *Антон Павлович очень любил зиму, снег и **скучал о них**, как «сибирская лайка»* (А.А. Хотяинцева. Встреча с Чеховым, 1904–1942) [7].

Однако необходимо отметить, что вариант оформления этой актантной позиции с помощью предлога **по** более экспрессивный, чем

вариант **о ком**, если речь идёт о неразделенной любви, об умершем человеке, об особой интенсивности или уникальности эмоционального переживания: *Вдова дяди Акима Марья Петровна, убивавшаяся по мужу, ... подводила к гробу гостей* (Соколов-Микитов, Детство); *Я думаю, что ты будешь таким писателем, какого ещё не было, и Россия будет изнывать по тебе* (В. Набоков, Дар) [7].

Значительно большую выразительность и значимость предлога **по** (в сравнении с предлогом **о**) в данном случае частично объясняет тот факт, что при глаголах со значением 'плакать ритуально' (при старинном обряде похорон) оформление объекта с помощью предлога **по** является единственно возможным способом выражения данной актантной позиции, вариативность исключается: *голосить* (разг.) *по покойнику*; ср. *голосить о покойнике* – в значении 'кричать, сообщать'; *причитать* (разг.) *по почившему* (ср. в другом значении *причитать о пропаже денег*); *выть* (разг.) *по умершему* (в XIX веке была возможна сочетаемость с предложным падежом – *по покойном, по умершем*) [2]

Сопоставление двух отрывков из произведений А.С. Пушкина и В.В. Набокова также указывает на экспрессивность предлога **по**, способного выразить интенсивность чувства. Ср.: *Под небом Африки моей вздыхать о сумрачной России* (А.С. Пушкин, Евгений Онегин); – *В горах Америки моей вздыхать по северной России* (В.В. Набоков. Другие берега, 1954) [7]. Для Владимира Набокова возвращение на родину было невозможно, поэтому свидание с Россией для него было так же нереально, как встреча с умершим человеком. Выбор формы обозначения объектной позиции здесь далеко не случаен, в строке Владимира Набокова подчёркивается интенсивность эмоционального переживания [2]. Ср. также: *И тоскуют владыны ступней по земле пронзительной твоей* (В.В. Набоков, К родине) [7].

Сравнение синтагматики глаголов в оценочном ракурсе показывает, что глаголы, обозначающие положительные эмоции по

поводу прошлых событий, в отличие от глаголов 'страдания', не могут присоединять к себе существительные с предлогами *о (об, обо) / по* со значением объекта-причины, что можно объяснить, по-видимому, тем, что радость не является объектом для анализа и глубокого размышления (ср. невозможно **радоваться о чём-н.; *ликовать о чём-н., *веселиться о чём-н.*). По-видимому, радость столь мимолётна и скоротечна, что не может быть объектом для глубокого анализа и размышления: *Радость кратка, преходяща, обманчива, печаль вечна, благотворна, неизменна...Радость всегда в детском возрасте, в детском обличье, ибо всяким сердцем она рождается заново, и чем дальше в жизнь, тем меньше её* (В. Астафьев. Царь-рыба). [7].

Возвращаясь к семантике и синтагматике в сфере эмоций страдания, отметим, что слова, называющие рассматриваемые эмоциональные концепты, во многом сохраняют глагольную синтагматику, связанную с оформлением актанта содержания эмоции, о чём свидетельствуют примеры из НКРЯ [7]:

Грусть о чём / о ком: *Ностальгия, грусть о былом, вновь и вновь обнаруживают себя в его творчестве* (Борис Мессерер // Октябрь, 2013);

Печаль о чём / о ком: *Что такое покаяние? – Оставление прежнего и печаль о нем* (Андрей Кураев, 1997);

Тоска о чём / о ком / по кому / по чему (по ком): *Но было что-то другое – то, что лучше удовольствия от ушедшей боли: из тела ушла тоска о потерянном даре* (Александр Григоренко. Мэбэт // «Новый мир», 2011); *Тоска о друге-хранителе преследовала Кипренского до самой смерти, но жажда легкой жизни и удачи преодолела все* (К.Г. Паустовский. Орест Кипренский, 1936); *Сразу – тоска по родине, по башням, каштанам, церковным шпилям* (И. Грекова. Фазан, 1984);

Скорбь о чём / о ком / по кому: *...лишь легкая скорбь о непонятной утрате, знакомая с детства, сопровождала его, как*

сестра (Булат Окуджава. Путешествие дилетантов, 1971–1977); *В этой вежливости была скорбь по утраченному уважению* (Алексей Иванов, 2011).

Лишь **скука** в этом плане претерпела значительные изменения, так как содержание этого концепта лишилось семантического признака 'эмоциональное переживание / сожаление по поводу какой-либо негативной ситуации', хотя исторически этот семантический компонент был представлен. Ср. примеры из НКРЯ, относящиеся к XVIII веку: *От любви рождается сожаление, которое есть скука о чьем неблагополучии. От ненависти рождается зависть, которая есть не что иное, как скука о чьем благополучии* (Я.П. Козельский. Философические предложения, 1768) [7].

В русском языке XVIII века значение ностальгии, тоски по родине, способно было выражать и предложно падежное сочетание **скука по...: Но голод и скука по отечеству их мучила** (Григорий Сковорода. Наркисс, 1760–1769) [7].

Сохранение существительным **скука** глагольной сочетаемости с предлогом **по** (*скучать по – скука по*) отмечается и в XIX веке: *Работа, чтение, прогулка, сон и некоторая скука по неимению людей и по причине воздержной жизни, вот вся моя летняя история* (А.В. Дружинин. Дневник, 1845) [7].

В современном языке слово **скука** утратило сочетаемость с предлогами **о** и **по** для обозначения содержания и причины эмоции, тем самым понятие скуки лишилось важных семантических признаков, что и способствовало постепенному пониманию эмоции скуки как более «плоской», упрощённой, по сравнению с тоской, грустью и печалью. Однако следует заметить, что и *тоска*, в соединении с устойчивым определением *зелёная*, как в препозиции, так и в постпозиции, тоже утрачивает некоторую глубину. В русском языке *тоска зелёная* и *скука зелёная* существовали параллельно. Ср.: *Окаянная, мертвая, зелёная*

скука обволокла паутиной мой мозг и парализовала тело (А.И. Куприн. Черная молния, 1912); – **Зеленая тоска** и плесень всех этих сборников <...> сделала людей духовно нищими (Максим Горький. Жизнь Клима Самгина, 1928–1935); **В даче скука – зеленая** (К.И. Чуковский. Дневник, 1922–1935г.г.); – Он ответил с угрюмым раздражением: – **Тоска зеленая! Я лучше удить рыбу буду** (Максим Горький. Мать, 1906). Однако в современном употреблении *тоска зелёная* вытесняет и *скуку зеленую*, и даже *зеленую тоску* (с определением в препозиции) – по данным НКРЯ, **тоска зелёная** представлена значительно большим количеством примеров, чем **зелёная тоска**. *Тоска зелёная* именно в значении ‘очень скучно’, используется при оценке ситуации, исключая элементы развлечения, веселья: *Дома, у телевизора сидеть, – тоска зеленая! В следующий раз поедем в Финляндию* (Татьяна Тренина, 2004); *Дима без конца с ними разговаривал. Тоска зеленая* (Андрей Геласимов. Год обмана, 2003).

Как уже отмечалось, лексикографические толкования сходных явлений нередко обладают недостаточной различительной силой. В этом плане можно сравнить определение понятий *тоска* и *скука* в толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [9]. Ср.:

Скука – 1. Томление от отсутствия дела или интереса к окружающему. *Томиться скукой. Скука одолела. Нагонять скуку. Разогнать скуку.* 2. Отсутствие веселья, занимательности (разг.). *На вечеринке была ужасная скука.* [9].

Тоска – 1. Душевная тревога, уныние. *Наводит тоску. Тоска берёт. Тоска в глазах, во взгляде. Тоска по родине.* 2. Скука, а также (разг.) что-н. очень скучное, неинтересное. *На даче осенью тоска. Не спектакль, а тоска. Тоска зеленая (ужасная тоска).* [9].

Нетрудно заметить, что лексикографическое представление *тоски* и *скуки* в современных словарях имеет явные черты сходства, причём

даже устойчивые конструкции допускают эквивалентную взаимозамену: *скука одолела – тоска одолела, наводит тоску – наводит скуку, разогнать скуку – разогнать тоску* и т.п.

В данном случае дифференцирующим признаком может стать отсутствие у слова *скука* в современном русском языке значимого семантического признака 'ощущение душевного дискомфорта от утраты чего-то или кого-то, оцениваемого субъектом как дорогого и любимого', что проявляется в невозможности сочетаний типа: **скука о любимой, *скука о прошлом, *скука по родине* и т.п.

Продолжение работы в данном направлении позволит определить семантические признаки, релевантные для синтагматики, что может способствовать выявлению критериев национально-культурной специфики оценочно-ценностного компонента семантики лексических единиц и, в конечном итоге, декодированию ценностных установок говорящего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М.: Наука, 1967. 251 с.
2. Богданова Л.И. Оценочные смыслы в русской грамматике (на материале глаголов эмоционального отношения) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018, том 22, №4. С. 843–872.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. Пер. с англ. Отв. ред. М.А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
4. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб: Петербургское востоковедение, 2004. 240 с.
5. Колесов В.В. Грусть-тоска в русском языковом сознании // Мир русского слова. 2017. №3. С. 5–13.
6. Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности. В двух томах. СПб: Златоуст, 2014.
7. НКРЯ – Национальный корпус русского языка: [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: www.ruscorpora.ru].
8. Норман Б.Ю. Когнитивный синтаксис русского языка. М.: Флинта: Наука, 2013. 254 с.
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
10. Падучева Е.В. Феномен Анны Вежбицкой // В кн.: Анна Вежбицкая. Язык. Культура. Познание. Отв. ред. М.А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1996. С. 5 – 32.

11. Пименова М.Вас. Концепция, концепт, концептум и лексико-семантическая система языка // Казанский международный лингвистический саммит (Казань, 14–19.11.2022). В 3-х т. / под общ. ред. И.Э. Ярмакеева, Ф.Х. Тарасовой. Казань: Изд. Казанского ун-та, 2023. Т. 1. С. 338–341.

ГАВРИЛОВА Марина Владимировна

(Санкт-Петербург, Россия)

доктор филологических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения

mvgavrilova@gmail.com

СЛОВСОЧЕТАНИЕ КАК СРЕДСТВО ЯЗЫКОВОГО ВОПЛОЩЕНИЯ ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Аннотация. Цель данной статьи – лингвистический анализ словосочетаний как средства языкового воплощения лингвокреативности в политическом тексте. Материалом исследования является речь Б.Н. Ельцина, произнесенная на церемонии вступления в должность президента России в 1991 г. Мы пришли к выводу о том, что выступление Б.Н. Ельцина обладает достаточно низким лингвокреативным потенциалом: 23 % словосочетаний обладают способностью к развитию новых признаков концептов. У качественных прилагательных отмечается актуализация неосновных значений, трансформируются предпочтительные сочетательные связи имен существительных и имен прилагательных, изменяется контекст употребления слов и оценочная окраска лексических единиц.

Ключевые слова: концепт, политический дискурс, русский язык, словосочетание, лингвокреативность, когнитивная лингвистика.

Abstract. The purpose of this article is a linguistic analysis of word-combinations as means of linguistic creativity in a political text. The research material is Boris Yeltsin's speech at the inauguration ceremony of the President of Russia in 1991. Our findings indicate that Boris Yeltsin's speech has a rather low creative potential: 23% of word-combinations have the ability to develop new features of concepts. Qualitative adjectives actualize non-basic meanings, preferred combinations of nouns and adjectives are transformed, the context of the use of words and the evaluative connotations of lexical units are changing.

Keywords: concept, political discourse, Russian language, word-combinations, linguistic creativity, cognitive linguistics.

В современном российском языкознании наблюдается интерес к изучению лингвокреативности, формируется новое научное направление «Лингвистика креатива» (Т.А. Гридина, А.В. Дзюба, И.В. Зыкова, М.И. Киосе, Е.С. Сотникова и др.). Отметим, что лингвокреативность рассматривается как деятельность, вид мышления и речевая стратегия. Мы понимаем лингвокреативность как отступление

от языковых норм, употребление языковых единиц в несвойственных контекстах в целях достижения прагматического эффекта.

Отметим, что в российском языкознании категория лингвокреативности наиболее изучена на материале художественного и рекламного текстов, а также различных жанров интернет–коммуникации. Языковое творчество в политическом дискурсе недостаточно изучено, что свидетельствует об актуальности нашего исследования.

Параметром измерения лингвокреативности в политическом тексте может являться словосочетание, а именно, создание новых сочетаний слов, употребление их в нетипичных контекстах, приводящих к изменению оттенков значения слов. Подобные творческие процессы связаны с развитием содержательных форм концептов.

Цель данной статьи – выявление и лингвистический анализ словосочетаний как средства языкового воплощения лингвокреативности в политическом тексте.

Материалом исследования является речь Б.Н. Ельцина, произнесенная на торжественной церемонии вступления в должность президента России в 1991 г. Выбор материала обусловлен значимостью инаугурационной речи в системе политической коммуникации. Кроме того, это первая речь первого избранного президента России в новой социально-экономической ситуации; речь, в которой глава государства должен предъявить обществу новые идеологические ориентиры. Эти обстоятельства позволяют предположить большую преобразующую силу и высокий лингвокреативный потенциал текста.

Для изучения категории лингвокреативности мы предлагаем использовать методику, предложенную В.В. Колесовым [3]. Алгоритм исследовательских действий можно представить в следующей последовательности: 1) выявляем в тексте словосочетания, состоящие из имени существительного и имени прилагательного в полной форме; 2) определяем разряд прилагательных; 3) устанавливаем структуру

свободных словосочетаний; 4) выясняем типы признаков качественных прилагательных; 5) даём краткое лингвистическое описание словосочетаний; 6) рассматриваем соотношение типов определений с временной структурой текста; 7) анализируем словосочетания с однородными определениями.

Целью деятельности главы государства является развитие страны и благополучие ее граждан. Развитие есть преобразование относительно будущего ('постепенно совершенствуя, сделать сильнее'), конечная цель развития располагается в будущем, поэтому в языковом сознании должно происходить изменение качеств (содержания понятия, десигната). В этой связи представляется важным проследить развитие десигната понятий, используемых политиком. Понятие рассматривается как содержательная форма концепта.

Отметим, что имена существительные равноценны объему понятия, имена прилагательные аналитически определяют содержание понятия, и эпитет является семантическим условием экспликации десигнатов.

Поскольку язык влияет на формирование новых мыслей через концепты, мы будем исследовать словосочетания, состоящие из прилагательного в полной форме (полное определение – это определение известного признака) и существительного.

Наши наблюдения показали, что в речи Б.Н. Ельцина употребляются 83 сочетания прилагательного и имени существительного, из них 43 словосочетания (или 52 %) являются сочетаниями существительного и относительного прилагательного: *мировое сообщество, цивилизованные отношения, человеческое начало* и др. Отметим, что «по степени абстрагированности относительные прилагательные выше качественных, поскольку они отражают представление о качестве данного класса предметов, а не отдельных предметов» [3: 239]. Полагаем, что высокий процент

относительных прилагательных является отражением современной тенденции перехода к понятийному мышлению. Добавим, что в политическом тексте наделение предмета понятийными признаками имеет свои преимущества и недостатки. С одной стороны, понятие является воплощением статичности, «застывшая в вечности пространственная точка» [3: 370]. Известно, что минимум точно установленных сознанием и определенных признаков различения увеличивают объем, т.е. предметное значение денотата, создавая термин, который является пределом развития семантики слова на гиперонимическом уровне. Понятие представляет собой итог толкования, сухую и безликую форму, которая не увеличивает нашего знания о мире, а лишь усложняет понимание связи событий. С другой стороны, понятийные, т.е. реальные признаки, способствуют пониманию информации и предлагают однозначные интерпретации высказывания, поскольку границы интерпретации заданы значением имени прилагательного.

Оставшиеся 40 сочетаний существительного и прилагательного являются свободными словосочетаниями. Именно эти эпитеты будут представлять особый интерес для нашего исследования, поскольку у качественных прилагательных полнее представлены символические значения. Как отмечает В.В. Колесов, «чем меньше связей у какого-то слова с другими словами, тем точнее и однозначнее отражает оно действительность и тем ближе оно к термину. Чем больше таких связей (и с жизнью, и с текстом), тем богаче его значение, тем оно поэтичнее и многообразнее и тем дольше сохраняется в языке» [2: 14].

Начнем исследование с выяснения структуры свободных словосочетаний. Наши наблюдения показали, что они строятся по следующим схемам:

«русское прилагательное + русское существительное»
(*сложнейшая работа, чистые помыслы, честные отношения и др.*);

«иностранное прилагательное + русское существительное» (*колоссальная цена, радикальное обновление, реальные права* и др.);

«русское прилагательное + иностранное существительное» (*новый монарх, порочная традиция* и др.);

«иностранное прилагательное + иностранное существительное» (*социальные эксперименты, радикальные реформы*).

Как правило, последняя структурная схема наполнена словами, описывающими социально-политические изменения в стране. На наш взгляд, использование иностранных слов для передачи новых для общественного сознания политических и экономических понятий затрудняет их восприятие и осмысление. Политической элите нужно учитывать, что мысль рождается только в слове родного языка. Добавим, что в речи используются сочетания «иностранное прилагательное + иностранное существительное», заполненные относительными прилагательными: *трагический финал, имперские традиции, президентская система, идеологический диктат* и др. Одни сочетания являются эвфемизмами, другие представляют собой семантически размытые сочетания. Эти словесные маски позволяют по-разному интерпретировать политические реалии, стоящие за языковыми выражениями.

Далее в целях определения творческой силы выступления мы исключили из списка свободных словосочетаний те из них, которые зафиксированы как устойчивые в словарях русского языка [6], поскольку устойчивым сочетаниям несвойственно представлять развивающиеся в сознании признаки. Мы установили, что в тексте используются 10 устойчивых сочетаний: *светлое будущее, огромная ответственность, высшее доверие, трудные времена* и др. Кроме того, в речи употребляются 3 этикетные речевые формулы: *уважаемые граждане, уважаемые гости* и др. Отметим, что клишированность приводит к десемантизации, редукции смысла, в результате чего ослабляется

выразительность публичной речи и снижается эффективность политической коммуникации.

Подчеркнём, что концептом не может быть слово иностранного происхождения (являясь понятием, оно однозначно). По этому поводу В.В. Колесов пишет: «Реальный символ невозможно заимствовать, он прорастает из естественного языка в его развитии» [3: 66]. Поэтому мы исключили из списка свободных словосочетаний сочетания, где главное слово является заимствованием: *грандиозные эксперименты, радикальные реформы, священный принцип* и др. Мы подсчитали, что в инаугурационной речи употребляется 8 сочетаний, где определяемым является слово иностранного происхождения. Заметим, что происхождение слова определяется по данным «Современного толкового словаря русского языка» [5].

Таким образом, из 83 сочетаний имени существительного и прилагательного только 19 (или 23% от общего количества словосочетаний) составляют сочетания, способные к обогащению содержательных форм концепта. Приведем полный список данных словосочетаний: *душевное состояние, великие испытания, колоссальная цена, новая зависимость, добровольная зависимость, всемогущий чудотворец, мирный способ, достойная жизнь, духовное раскрепощение, полный отказ, радикальное обновление, реальные права, сложнейшая работа, чистые помыслы, честные отношения, лучшее подтверждение, нравственные чувства, великая Россия, многотрудная работа*. Такой незначительный процент свободных словосочетаний в первой инаугурационной речи отражает некоторое противоречие между тенденциями развития языка и внеязыковой действительностью. Быстрое изменение государственного, социального и экономического устройства страны, потребность в выработке нового политического курса и новых идеологических принципов должны были способствовать бурному росту словосочетаний, отражающих динамику

политических преобразований, образно представляя большие изменения в стране. Реформирование государства и общества предполагает новаторское его развитие, которое должно отразиться в выступлениях политика в создании словосочетаний, имеющих творческую преобразующую силу. Кроме того, в эпоху перемен необходимо прояснять политические понятия, добиваться строгости и точности выражения смысла, соотносить понятия, выраженные словами разных языков, знать концептуальную историю слова, т.е. то, как «смыслы наследовались в словах и делах» [1: 8].

На следующем этапе выяснения лингвокреативного потенциала политического текста мы предлагаем рассмотреть типы определений, с помощью которых фиксируются признаки предметных значений. Вслед за В.В. Колесовым мы выделяем «типичный, реальный и идеальный признаки. Типичный признак усиливает семантику символа дублированием и без того известного качества. «Реальный» признак – это выделительный признак понятия, он не усиливает, а уточняет качество различения. «Идеальный» признак – это образный признак, который не уточняет и не усиливает, а скорее украшает, особенно в первых своих контекстных употреблениях. Типичный признак ориентирован в сторону прошлого как в «причину» традиционной культуры, тогда как реальный признак, устремленный в настоящее, пытается оправдать свою существенность именно как данность момента. Идеальный признак обращен в будущее, он весь – поиск новой цели, которой, быть может, не всегда достигает в слишком яркой своей образности» [3: 84].

Типичными признаками наделяются следующие определения: *душевное состояние, многотрудная работа, сложнейшая работа, всемогущий чудотворец, полный отказ*. В словосочетании *душевное состояние* прилагательное *душевный* усиливает семантику существительного *состояние*, т.е. 'расположение духа', поскольку *душа*

и дух синонимичны во втором значении как 'внутреннее состояние человека'. Определение *всемогущий* тесно связано с внутренней формой определяемого слова *чудотворец*. Прилагательные *многотрудная* и *сложная* усиливают исконное значение слова *работа*, толковавшееся как 'рабство', 'служение', 'страдание' [4: 196]. Существительное *отказ* как 'выражение несогласия делать что-либо' уже содержит в себе семантику полноты совершения действия.

Обратимся к описанию следующего типа определений. Реальные признаки, уточняющие видовой признак предмета, выявлены в следующих сочетаниях: *новая зависимость, достойная жизнь, мирный способ, духовное раскрепощение, лучшее подтверждение, нравственные чувства, великие испытания*. Мы выяснили, что в инаугурационной речи наблюдается актуализация неосновных значений имен прилагательных, например, *достойная жизнь* как 'вполне соответствующая чему-либо', *мирный способ* как 'основанный на соблюдении мира', *нравственные чувства* как 'отличающиеся высокой нравственностью'.

Отметим окказиональный характер смысловой и грамматической связи в сочетаниях *духовное раскрепощение* и *великие испытания*. Слово *раскрепощение* преимущественно распространяется справа, например, *раскрепощение личности*, а определение *духовный*, как правило, сочетается с религиозной и церковной лексикой. Нарушение лексико-синтаксических закономерностей, влияние лексического значения слова *раскрепощение*, т.е. 'освобождение от какой-либо зависимости', воздействие прагматического потенциала определения *духовный*, имеющего в русском языковом сознании положительную эмоциональную окраску, затрудняет понимание данного словосочетания и провоцирует появление новых смыслов, в частности 'сделать свободным от духа', что не способствует развитию русского общественного сознания.

В сочетании *великие испытания* мы фиксируем изменение эмоциональной окраски прилагательного. Как правило, *великий* в значении 'выдающийся по своему значению, влиянию, достоинствам' содержит положительные коннотативные оттенки значения, распространяемые и на определяемое существительное. Однако сочетание слова *испытание*, т.е. 'тяжелое переживание, жизненные трудности' с прилагательным *великий* «возвеличивает» и «восхваляет» невзгоды, а лексическое значение существительного нейтрализует мелиоративные смыслы определения.

Рассмотрим прилагательные, обладающие идеальными признаками. Это употребляющиеся в метафорическом значении словосочетания, которые являются «претендентами» на роль концептов в индивидуальной картине мира языковой личности, поскольку первоначально концепт должен быть конкретно образен, экспрессивно выразителен. В сочетаниях *чистые помыслы* и *честные отношения* наблюдается расширение традиционной сочетаемости определяемых слов, благодаря чему номинация выводится из разряда стандартных. Словосочетание *великая Россия* можно рассматривать как стертую метафору, являющуюся своеобразным лексическим маркером дореволюционного русского политического дискурса. В выступлении Б.Н. Ельцина наблюдается тенденция оживить образ русского слова, однако часто это происходит при помощи прилагательного иностранного происхождения: *колоссальная цена, радикальное обновление, реальные права*.

Окказиональные смысловые связи между словами в словосочетании *добровольная зависимость* формируют новый оценочный метафорический контекст. И в советском, и в новейшем политическом дискурсе *зависимость* как 'подчинение чьей-либо воле, власти' преимущественно распространялось прилагательными, актуализирующими отрицательные коннотативные оттенки значения

слова. Ср.: *колониальная, крепостная, кабальная, полная зависимость* или *алкогольная, наркотическая зависимость*. Причем, данные словосочетания являются устойчивыми выражениями. В речи политика предпринимается попытка изменить пейоративную эмоциональную окраску слова *зависимость*, придать ему положительные коннотации, наделив его эпитетом *добровольный* и формируя благоприятный для восприятия контекст.

На следующем этапе исследования представляется необходимым рассмотреть соотношение типа определения и временной структуры текста. Напомним, что типичный признак связан с временным планом прошлого, идеальный признак обращен в будущее, а реальный признак соотносится с планом настоящего. Мы выяснили, что в речи Б.Н. Ельцина употребляется 7 словосочетаний, содержащих реальные признаки, 7 словосочетаний с идеальными признаками и 5 словосочетаний с типичными признаками. Такое соотношение позволяет предположить, что временной вектор первого инаугурационного выступления направлен в равной мере и в настоящее, и в будущее. Кроме того, в пространственно-временной структуре речи важными оказываются обращения политика к плану прошлого.

Заключительным этапом анализа является рассмотрение однородных определений, поскольку именно они позволяют последовательно «снимать» некоторые значения слова. Так. Б.Н. Ельцин использует в выступлении 2 сочетания «прилагательное + прилагательное + n + существительное»: *грандиозные социальные эксперименты, богатейшая самобытная русская культура*. Цепочка определений содержит оценочную характеристику понятия, уточняя его объем. Таким образом, сочетания прилагательных лишь конкретизируют признаки, «ограничивается вглублением в известное» (В.В. Колесов), но не создают новое знание о понятии.

Таким образом, выступление Б.Н. Ельцина обладает достаточно низким лингвокреативным потенциалом: 23 % словосочетаний обладают способностью к развитию новых признаков концептов. У качественных прилагательных отмечается актуализация неосновных значений, трансформируются предпочтительные сочетательные связи имен существительных и имен прилагательных, изменяется контекст употребления слов и оценочная окраска лексических единиц. В выступлении Б.Н. Ельцина выявлен высокий процент словосочетаний с понятийными признаками, что существенно замедляет процесс выработки новой идеологии, поскольку образ предпочтительнее понятия, ибо именно образы обладают преобразующей силой. Идеологические установки политика разнонаправлены во временных границах прошлого, настоящего и будущего. Дальнейшее изучение творческой силы политического текста позволит определить креативный потенциал языковой личности политика и установить параметры и степень выраженности лингвокреативности в политическом дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильин М. В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М.: РОСПЭН, 430 с.
2. Колесов В.В. История русского языка в рассказах. М.: Просвещение, 1982. 203 с.
3. Колесов В.В. Философия русского слова. СПб.: Юна, 2002. 448 с.
4. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 237 с.
5. Словарь современного толкового словаря русского языка. СПб.: Норинт, 2004. 960 с.
6. Словарь сочетаемости слов русского языка. М.: Русский язык, 1983. 686 с.

ГОРБАНЬ Оксана Анатольевна (*Волгоград, Россия*)

доктор филологических наук, профессор
Волгоградский государственный университет
oa_gorban@volsu.ru

**ДВИЖЕНИЕ И ПОДВИГ:
СЕМАНТИКА ГЛАГОЛОВ С КОРНЕМ -ДВИГ- И ИХ ПРОИЗВОДНЫХ
В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Аннотация. В статье рассматриваются древнерусские глаголы *движноути, движати, двигати, двизати* и их смысловое варьирование в текстах. Выделены их пространственные (перемещение) и непространственные (состояние, деятельность человека, бытие предметов и явлений) значения. Показаны особенности выражения актуальных компонентов в семантике производных глаголов и имен с корнем *-двиг-* словообразовательными средствами. Выявлено, что при наличии синонимии ряда слов, обнаруживалась тенденция к их дифференциации, а также к обособлению слов *подвизатиса, подвизание* и *подвигъ*, выражающих религиозные понятия.

Ключевые слова: древнерусский язык, глаголы движения, семантика, словообразование, концепт.

Abstract. The article deals with the Old Russian verbs *dvignuti, dvizhati, dvigati, dvizati* and their semantic variation in texts. Their spatial (displacement) and non-spatial (state, human activity, existence of objects and phenomena) meanings are defined. The peculiarities of expression of actual components in the semantics of derived verbs and names with the root *-dvig-* by word-formation means are shown. It was revealed that in the presence of a number of words synonymy, there was a tendency to differentiate them, as well as to separate the words *podvizatisya, podvizanie* and *podvig* expressing religious concepts.

Keywords: Old Russian language, verbs of motion, semantics, word-formation, concept.

Современная лингвистика, с ее научной доминантой «язык мыслящей личности» [10: 6], ставит особые задачи перед диахроническими исследованиями – не только реконструировать древние состояния языка, но и выявить отражение в нем представлений человека о мире и о себе в этом мире, специфики национальной культуры, ментальности, соотнесенность категорий языковых с категориями логическими, философскими и др. При активности подобных разработок на современном материале, учеными признается немногочисленность «исторических экскурсов в область русской “ментальности-духовности”» [3: 7], нереализованность возможности «реконструкции таких процессов, в которых нашли бы отражение

закономерности и мыслительных, и речевых, и языковых изменений в их взаимообусловленности» [12: 8]. Это делает актуальным изучение семантики языковых единиц, и в первую очередь слова, в прошлые эпохи.

В лексической системе особое место занимает глагол как древнейшая часть речи, являющаяся центром высказывания, обозначая в нем действие. По мнению В. В. Колесова, в процессе познания «определенные признаки предметного мира раньше всего выявляются в действии, в столкновении человека с предметом, на котором останавливается его внимание», и «именно в высказывании о действии рождается первое впечатление о новом признаке» [3: 11–12]. Глагол, обозначая действие, предполагает ситуацию с ее участниками и их взаимоотношениями между собой, временной и пространственной локализацией, иными характеристиками. Это семантически самая емкая часть речи со разветвленной системой грамматических категорий и форм, находящаяся «в центре русской грамматики» [5: 49].

Лексико-семантические классы глаголов отражают многообразие процессов окружающей действительности. Их изучение в историческом аспекте помогает раскрыть особенности осмысления этих процессов человеком на разных этапах развития общества и языка. Один из самых представительных классов в русской лексике – глаголы движения, семантика которых сопряжена с такими значимыми категориями бытия, как движение и связанные с ним пространство и время. Исследованию языковых форм и средств выражения данных категорий посвящено значительное количество работ. Идея движения понимается при этом по-разному: «*движение* в буквальном смысле, т.е. *перемещение* (живых существ и предметов), мимика и пантомима и т.п., и *движение* в метафорическом смысле, т.е. *изменение* в менталитете, в языке, в традиции, в культуре...» [7: 6].

В данной статье мы остановимся на глаголах с корнем *-двиг-* (в вариантах с чередованием *г//ж//з*). Анализ материала проводится с позиций, сформулированных в трудах проф. С. П. Лопушанской.

Семантика глаголов рассматривается с использованием приемов компонентного анализа, при этом различаются категориально-лексическая сема (КС), общая для лексико-семантической группы (ЛСГ) глаголов; дифференциальные семы, конкретизирующие КС и формирующие ядро лексического значения; потенциальные (ассоциативные) и коннотативные семы; лексико-грамматические и грамматического семы.

Семантическая структура слова реконструируется для системы древнерусского языка в определенной степени гипотетично, с опорой на употребление слов в текстах. В контексте представлена смысловая структуры словоформы. Путем контекстуального анализа выявляются семы, которые реализуются в смысловой структуре словоформы в каждом конкретном словоупотреблении, отмечается их перегруппировка – мена, нейтрализация, актуализация и др. Такие варьирования С. П. Лопушанская объединила в два типа – семантическую модуляцию и семантическую деривацию: семантическая модуляция происходит при сохранении КС; деривация приводит к изменению КС, актуализации иной КС как ядерного компонента другой ЛСГ [9: 15]. Подчеркнем, что речь идет об изменениях именно в смысловой структуре функционирующей словоформы; в исторической перспективе регулярность таких изменений и их концептуализация могут приводить к формированию новых значений полисемичного слова (как результат семантической модуляции) или к появлению нового слова (семантическая деривация) в языке.

Семантическая модуляция была определена С. П. Лопушанской как «универсальный речемыслительный процесс, объединяющий разноуровневые средства данного языка в ряды речевых соответствий

для реализации семантико-смысловой *соотнесенности* (курсив автора. – О. Г.) компонентов содержательной структуры слов, словоформ, морфем; словосочетаний, предложений, текста» [10: 8]. Модуляционные или деривационные изменения зависят «от согласованности либо несогласованности системообразующих, контекстуальных и конситуативных смыслов» [11: 84]. КС рассматривалась С. П. Лопушанской как компонент, выражающий «смысловую доминанту» концепта, и осмысление слова в речи, таким образом, может происходить в рамках одного концепта (концептосферы) или отражать разные концепты (концептосферы) [11: 84–85].

В древнерусских памятниках письменности отмечены глаголы *двигнути – движати – двигати – визати*. Суффиксы выражают древние различия степени длительности действия, на основе которых формировались в истории русского языка видовые различия (ср. совр. *двинуть – двигать*). Эта многочленная оппозиция аналогична парадигме *бъчи – бѣгнути – бѣжати – бѣгати*. В группе глаголов с корнем *-двиг-* также можно предположить член *двичи* (или *двищи*, как это дано в [39, I: 638]), однако инфинитив в текстах не зафиксирован, а формы простого аориста и причастия могут быть соотнесены с *двигнути*, как это сделано в [36, II: 444–445]. В слове *движати*, как и в *бѣжати*, суффикс *-а-* восходит к праслав. **-ě-* < **-ē-*, выражавшему меньшую степень длительности, нежели **-ā-* в *двигати* и *бѣгати*. Кроме того, парадигма глаголов с *-двиг-* содержит единицу с вариантом корня *-двиз-*, отличающуюся не семантически, а стилистически, что играло свою роль и в плане содержательном.

Семантическую структуру глаголов мы можем представить как единство лексических, грамматических сем, реализующих КС 'перемещение в пространстве'. В статье остановимся на лексических и некоторых лексико-синтаксических (характер субъекта и объекта) признаках глаголов.

Глагол *двигати*, по мнению ряда ученых, происходит от праславянской именной формы *d(ъ)vigъ, обозначавшей развилку, подпорку, служившую рычагом и помогавшую поднимать, сдвигать предметы; соответственно, *dvigati первоначально означал перемещение объекта, а именно 'поднимать, двигать вверх', о чем свидетельствуют и многие современные славянские языки (см.: [42: 168]). В значении корня, наряду с компонентом 'движение вверх', значимой является идея смещения с точки в пространстве, выведение предмета из лежачего состояния, состояния покоя. Именно этот смысл, как показывает история глаголов, в русском языке стал ключевым, связывая их семантику с концептом движения. Важным является также отсутствие характерности обозначаемого перемещения с точки зрения его способа (средства, среды, интенсивности), наблюдаемой во многих других глаголах движения. Данную особенность отмечал В. В. Колесов, говоря о синкретизме. Подобное безразличие к способу перемещения свойственно исторически и глаголам *ити – ходити* [3: 991–993; 8: 71–76], однако в древнерусских текстах они уже проявляют тенденцию к противопоставлению другим глаголам, обозначая перемещение по твердой поверхности, ступая ногами. Глаголы с корнем *-двиг-* подобной конкретизации семантики в языке не обнаруживают.

Значение *двигати* и однокоренных глаголов определяется как 'двигать; приводить в движение' [36, II: 443–447] (при описании материала мы опираемся на данные [36], иногда привлекаем [37] и [39]). В контекстах они часто обозначают движение конкретного объекта – части тела, предмета: *не движаше ногама* [23: 65 об.]. Такими объектами действия могут быть человек, природные объекты, явления: *и рече двигньте ма и тоу стоящи двигоша и* [41: 726]; *внезапу двигну(х) вьтры многы и возмоти(х) море* [18: 15–16].

Глаголы, обозначающие действие, направленное на объект, регулярно сочетаются с возвратным местоимением (позднее

постфиксом) *с*. Имена, называющие перемещающийся предмет, выступают при этом в позиции подлежащего. Это может быть самостоятельно движущийся конкретный субъект – человек, животное, представители мира невидимого (силы небесные, ангелы), например: *кн(я)зь ... не движесл съ мѣста никамо же* [24: 98 об.]; *и вси звѣриѹ и птиць же и гади и вса движашася по земли* [27: 54г]. Это могут быть приводимые в движение объекты. При этом в контексте может уточняться то, что приводит их в движение (мы имеем дело с пассивной конструкцией и выражением залоговых отношений), например: [земля] *повелѣньемъ б(ож)иимъ нынѣ движеть(с)* [30: 1]; *яко же бо вода двіжетьсѧ ѡ(т) ноужа ветръная* [31: 58г]. Но такие уточнители действия часто отсутствуют, наличие движущей силы, возможно, представляется неактуальным, а внимание акцентируется на самом действии и перемещающемся предмете. Например: *абиѹ ѡблаци двигноушасл дъжгевнии* [31: 113б]. Самостоятельное движение неодушевленных предметов мыслится невозможным: *невъзможно секира сама или пила или жезлоу двигноутисл* [40: 122а]; если же это происходит, то является чудом как проявлением силы Божией: *и яко хотѣ попь начати вечернюю. движесл рака изыде изъ ц(е)ркви* [31: 22в].

Способность двигаться ассоциируется с жизнью, отсутствие движения – со смертью: *и в то(м) бо живе(м) и движимсѧ* [14: 76г]; *оумираеши не дыхая мертвъ не движасл* [14: 70в]. В смысловой структуре глаголов появляются ассоциативные семы, которые могут при определенных условиях приобретать семантическую значимость.

В контекстах встречаются уточнители среды перемещения (*по земли, въ море*), направления (*съ мѣста, изъ церкви, на Василия*); начала действия (*абиѹ, дондеже*). Данные средства актуализируют соответствующие пространственные и временные семы в смысловой структуре глагольных словоформ.

Приведенные примеры показывают семантическое варьирование слов при сохранении КС 'перемещение в пространстве', реализующей смысловое ядро концепта «движение» во взаимодействии с концептом «пространство».

Позиция уточнителя конечного пункта движения в конструкции «*на* + Вин. пад.» может заниматься отвлеченными существительными, обозначающими чувства, помыслы, действия, при этом объектом действия является человек. В подобных случаях глаголы создают метафору приведения человека в определенное состояние, образ мыслей, деятельность, как в некое новое пространство, то есть изменение его состояния и т.д. в результате воздействия на него. Глаголы означают 'побуждать к чему-л.' [36, II: 444–447]. Воздействующими субъектами могут выступать другой человек или высшая сила, например: *и се рекъ* [святой Гордий] *кн(а)зь **двигноувъ на ярость***. *оусекноуша главоу юго* [31: 119а]; *и по тому в немь д(у)ху **двѣжющю***. *и на гл(агол)анию и на видѣнье*. *и на яденье*. *и на питье* [26: 173б-в]. К действию может побуждать себя сам человек: *оустнѣ ра(до)стно **движа на пѣнье*** [15: 121б], здесь *оустнѣ* метонимически называет их «владельца» – субъекта действия. Состояние, в которое приводится человек, может представляться как инструмент: *начаша бѣси **двизати** его **стр(а)стью** блоуда* [29: 34в].

При употреблении глаголов в форме страдательного причастия чувства, мысли человека выступают на первый план как активный субъект, побуждающий его к действиям, поступкам: *завистью **двѣжими*** [14: 149в]; *и тою же **мыслию** **двѣжими** ... б(о)голюбивии еп(и)с(ко)пи* [21: 36а].

В сочетании с *са* глаголы акцентируют внимание на субъекте, изменение помыслов которого может быть результатом внешнего воздействия, но чаще – проявлением его желания, воли: *не **хоташе** **двигнутиса на добро*** [26: 139а].

Отвлеченные имена, называющие вещи, изменение которых или побуждение к которым выражается в контексте, могут синтаксически выступать в позиции прямого объекта: мысли, чувства, события метафорически изображаются как приводимые в движение или выводимые из состояния покоя. Например: *темъ бѣ м(о)л(у)твою движуще побѣды* [40: 113а]; *скорби хотя двигнути въ оустѣхъ нашихъ* [28: 34]. При глаголах с *са* они представляются как самостоятельный субъект движения: *Отъкоуду движють са въ с(ь)рд(ь)ци ч(е)л(о)в(ъ)коу помыслы и словеса хоульна и неподобьна* [19: 190 об.].

Чувство, которое видится в состоянии покоя, – это не «действующее», не ощущаемое, не существующее в человеке; чувство, представляемое как приходящее в движение, – это возникающее, переживаемое чувство. Образно говорится о возникновении эмоции, но в эмоциональное движение приходит человек. Логически мы можем понимать это как изменение состояния, причем двояко: изменение бытия (возникновение) самого явления (эмоции, мысли и т.д.) и изменение эмоционального состояния человека. Однако в древнем сознании это представлено как приведение в движение конкретной вещи. Приведение в движение – выведение из покоя-небытия.

Глаголы, передавая образно процессы из внутренней жизни человека (его эмоционального состояния, интеллектуальной, социальной деятельности), бытия-существования предметов и явлений окружающего мира и др., включают смысловые компоненты различных концептов, сохраняя при этом важнейший – ‘изменение’. Такие семантические изменения носят деривационный характер. Формирующиеся самостоятельные значения образуются различными КС, относящими глаголы к соответствующим ЛСГ в языке.

Семантика производящих глаголов обуславливает особенности морфемного словообразования, в процессе которого аффиксы

маркируют ту или иную сему, актуализирующуюся в результате модуляции или деривации, делая ее значимой в семантике производного. Анализ этих тенденций в истории глагольной префиксации позволил Е. М. Шептухиной выявить модуляционно-маркирующую и деривационно-маркирующую функции приставок [13: 83–111].

Глаголы с корнем *-двиг-* и разными суффиксами показывают различную словообразовательную активность. Так, единичные производные имеются у *движати(ся)*: *подвижати(ся)*, *подвижание*, *недвижимый*. Вероятно, формирование видовой парности делало данную единицу избыточной и непродуктивной.

Бесприставочные глаголы в прямых значениях не различаются с точки зрения направления движения. Направление выражается в контекстах пространственными уточнителями действия, актуализируя соответствующие семы в смысловой структуре глаголов в рамках модуляционных изменений. Это делает возможным образование производных глаголов при помощи приставок пространственной семантики, которые в структуре производного маркировали бы сему направления, придавая ей статус дифференциальной, разграничивая производные по данному признаку и приводя к разрушению семантического синкретизма.

Обозначаемое действие предполагает разнообразие таких направлений, а следовательно, широкую потенциальную сочетаемость производящих основ с префиксами. Однако древнерусский материал дает немногие примеры образований с приставками пространственных значений. Это в основном глаголы с *въз-*, а также отдельные случаи с *подъ-*, *раз-*, *пре-*.

Производные с префиксом *въз-* имеются у всех суффиксальных коррелятов, в том числе с *ся*. Они (кроме *въздвигатися*) выражают значение 'поднимать(ся)' [36, II: 40–45]: *онъ же, на высоту въз(д)вигъ*

мечь, и оудари ю [40: 200г]. Приставка эксплицирует сему 'направление вверх'. Активность сочетания глаголов с данной морфемой, на наш взгляд, обусловлена наличием указанной семы в этимологическом значении корня.

От глагола *въздвигноути* образован *съвъздвигноути* 'поднять'. Единственный контекст употребления не позволяет уверенно определить семантику приставки *съ-*; предположительно, это аспектуальное значение.

Пространственные значения реализуются приставками в структуре производных *подъдвигноути* 'поддержать' (снизу), *раздвигноути* и *раздвигати* (в разные стороны), *предвигатиса* 'переходить' (с одного места на другое). Эти глаголы отмечены в единичных древнерусских контекстах. Сходная картина наблюдается в других древних славянских памятниках (см., например, [38]). Подобные слова могли не попадать в книжные тексты преимущественно духовного содержания. Но возможно, арсенал глаголов, представлявших характеристики действия с точки зрения направления, но без уточнения способа перемещения, действительно не был велик (для сравнения: парные *ити* и *ходити* встречаются практически со всеми приставками). В современном русском языке парадигма приставочных производных от *двинуть/двигать* достаточно полная.

Все суффиксальные корреляты с корнем *-двиг-* сочетаются с приставкой *по-* и встречаются в текстах часто. Данный префикс в славянских языках рано утрачивает пространственное и приобретает временное значение (аспектуальное значение начинательности, являющееся своеобразной интерпретацией категории времени). И все же в древнерусском языке он может передавать идею исходной точки движения, последовательного продвижения по поверхности чего-либо или вдоль нее [1: 136–137]. Семантика приставки коррелирует с признаком смещения с точки в пространстве, приведения в движение,

который содержится в значении производящих, эксплицируя его, при этом, по-видимому, идея начала, перехода из одного процесса в другой мыслится и в пространственном (отправная точка как граница), и во временном (начало действия) планах. Например: *не подвижеся рака съ мѣста своѣго* [31: 23а-б] – ‘не сдвинулась с точки на поверхности’; *Възматоуться рече воды. и оустоятьсѧ. подвижитьсѧ земля и паки оустраяютьсѧ* [34: 12] – ‘начнет двигаться, колебаться’. Впрочем, эти смыслы часто выражаются синкретично, и в контекстах их порой трудно разграничить: [король] *наполни корабля многы полковъ свои(х). подвижеся в силъ тажцѣ* [23: 168 об.] – ‘начал движение, тронулся с места в определенном направлении’.

Рассмотренные процессы префиксации происходят в рамках семантической модуляции (КС ‘перемещение в пространстве’). Приставки выполняют модуляционно-маркирующую функцию, выражая признаки направления движения, начальной (пространственной и временной) границы действия, поддерживая связь концепта «движение» с концептом «пространство», включая также смысловые элементы концепта «время».

Глаголы, в смысловой структуре которых происходит семантическая деривация, образуют производные с приставками *въз-* и *по-*. Префиксальные лексемы сохраняют основные значения производящих, связанные с семантическими полями эмоционального и физического состояния человека, интеллектуальной, социальной деятельности и др. Приставки реализуют значение начинательности, эксплицируя сему ‘изменение, появление нового состояния, деятельности и т.п.’. Приставка *въз-* иногда, видимо, сохраняет образ движения вверх: для того, чтобы в прямом смысле начать движение, по крайней мере человеку, часто нужно именно встать, а некоторым вещам, например растениям, чтобы появиться, нужно подняться (из, из-под земли). Возможно, здесь развивается и значение интенсивности

действия, что позволяют предположить контексты, в которых говорится о духовно значимых для средневекового человека явлениях.

Так, глаголы с префиксом *въз-* выражают значения ‘побуждать кого-л. к чему-л.’: *да б(ож)ья воины въздвигнемъ на стр(с)ть и на бѣсы на брань* [14: 109а]; *многы въздвизаше къ х(ристо)въ вѣргъ ѡбратити ся* [32: 114б]; ‘вызывать появление чего-л.’: *слово жестоко въздвигаютъ гнѣвъ* [31: 98б]. Субъект, производящий действие, оказывающий воздействие на объект, может быть конкретным и отвлеченным.

Глаголы с *са* обозначают изменение конкретного или абстрактного субъекта, его воли, состояния, бытия и др.: ‘проникаться чувством’: *тако и вы чада не въздвизатеса. на гнѣвы* [27: 113б]; ‘решаться на что-л.’: *аще бо и на м(о)л(у)тву въздвигнемса* [32: 76а]; ‘возникать’: *и корабльникъ в моръ въздвизающюса бѣду вида шествие ѡставляетъ* [26: 149г].

Приставочные глаголы развивают и новые переносные смыслы, например ‘возвышать(ся) (в статусе)’: *въздвигая кротъкыя на высоту и смѣрая грѣшныя до земля* [14: 50г] (в [23] – *въздвизая*), здесь ярко представлен образ движения вверх. В смысловой структуре глагола актуализируется коннотативная (оценочная) сема: высота – это и высота духа, и высота небес как мира Божественного (ср. противоположное – *склоняя, снижая к земле*), и, следовательно, высокая оценка того, что этому соответствует как идеалу.

Не менее активны глаголы с приставкой *по-*. Они тоже обозначают воздействие на человека для его изменения, способствование появлению чего-л. и т.д.: ‘побуждать к чему-л.’: *б(ог)оу всяко на м(у)л(о)сть юго подвигнуувъшоу* [16: 132 об.]; ‘возбуждать, вызывать какое-л. состояние’: *подвижутъ смѣхъ оудареньемъ зѣвъничнымъ и плесканьемъ* [14: 170а]. В сочетании со словами, именующими действия,

глаголы означают ‘совершать что-л.’: **гонению велию подвиже на кр(с)тъяны** [31: 91б].

Глаголы с *са* передают начало состояния, деятельности самого человека, возникновение какого-либо события, явления: **наоучиши ихъ ω(т) зла разлоучитиса и на лоучшая подвигатиса** [33: 48]; **ω тгъхъ же словгъсехъ. подвижеса бгъсгъда та** [22: 170в].

Эти слова обнаруживают широкое смысловое варьирование, особенно при описании человека, его действий и состояний (см.: [36, VI: 518–530]). Часто они передают активную деятельность как проявление воли, связанное с физическим, духовным усилием. Действие может осуществляться как единовременное, как порыв (образ приведения в движение) и как длительный процесс, требующий постоянных усилий (образ поступательного движения в одном направлении), оно имеет мотивы, получающие ту или иную оценку. Идеалом в религиозном сознании древнего русича является исполнение христианских заповедей (оно совершается *о бозгъ, въ своеі вгъре добрыми дгълы* и др.), получающее высшее вознаграждение – спасение души, Царство небесное: **братию подвигнгъмься постгъмь и м(о)л(и)твою и попецгъмься о сп(а)сении д(оу)шь нашихъ** [17: 39а]; **с(ва)тии мужы и жены. и дгъти. до см(ь)рти подвижашася да ц(а)р(с)тво н(е)б(е)сное оулучать** [25: 195 об.]; и мн. др. Наиболее употребителен в таком значении глагол *подвизатиса*.

Производные с *по-*, вероятно, оказались наиболее приспособленными для выражения разнообразных явлений в их динамике. В них актуализировались смыслы, получавшие экспликацию в процессе дальнейшего словообразования. Так, мы отмечаем приставочные *предъподвизати* ‘заранее приводить в волнение’ (временное соотношение событий); *преподвигнутиса* и *преподвизатиса* ‘совершать тяжкий труд’ (высокая степень усилий); *съподвигатиса* и *съподвизатиса* ‘действовать, трудиться, бороться

вместе' (совместность); сложные *благоподвижноутиса* и *благоподвизатиса* 'совершать добрые дела' (христианская оценка деятельности); *присноподвизатиса* 'находиться в вечном устремлении' (временная характеристика). Приведенные единичные сложные слова являются кальками с греческого, но важно отметить, что при переводе используются основы с *по-*. Префикс *съ-* может реализовать видовую функцию, например, в глаголе *съподвижноути* 'побудить к движению, действию; возбудить, вызвать что-л.' [37, XXVII: 53]. Однако возможно, он выполняет функцию различения с глаголом *подвижноути*, который выражает и пространственное значение (об истории *сподвигнуть* и его функционировании в современном русском языке см. в: [2]).

Анализ глаголов дополним количественными данными, опираясь на [36]. Бесприставочные глаголы (во всех значениях) в привлекаемых источниках имеют следующую частотность: *движноути(+са)* – 47(+15) случаев употребления, *двигату(+са)* – 14(+23), *движату(+са)* – 4(+15), *двизату(+са)* – 8(+5). Глаголы с приставкой *въз-*: *въздвижноути(+са)* – 304(+71) сл. уп., *въздвигату(+са)* – 16(+5), *въздвизату(+са)* – 65(+8). Глаголы с приставкой *по-*: *подвижноути(+са)* – 112(+170) сл. уп., *подвигату(+са)* – 9(+22), *подвижату(+са)* – 8(+24), *подвизату(+са)* – 53(+236). Как видим, более употребительны слова с суффиксом *-ну-*; вероятно, действие чаще представляется моментом перехода в другое положение, состояние. Обращает на себя внимание резкое различие в частотности *двизатиса* и *подвизатиса*; приставочный *подвизатиса* из образований с *по-* принял на себя основную нагрузку выражения разнообразных процессов, но как правило – духовной деятельности человека. Глагол с церковнославянским обликом корня в наибольшей степени развивает отвлеченные значения и способность выражать духовные смыслы. Здесь проявляется похожая тенденция взаимодействия книжных и некнижных единиц, которую ученые наблюдали на разном языковом материале и о которой В. В. Колесов

писал: «Трудно установить причинно-следственные отношения в подобном взаимодействии стилистических и семантических факторов разграничения форм, но ясно, что семантически отвлеченное последовательно сопровождает стилистически высокое» [6: 229].

От глаголов с корнем *-двиг-* образуются также имена прилагательные и существительные.

Признак вещи по ее действию на грамматическом уровне обозначается причастием, которое в речи может подвергаться адъективации (при осмыслении признака не как ситуативного, а как постоянного), а также субстантивации (при назывании вещи по ее признаку). В таком употреблении встречаются формы действительных и страдательных причастий; субъектно-объектные отношения четко не разграничены: страдательные причастия определяют и активный, и пассивный предмет. Утрату прямой связи с действием и выражение нового признака вещи можно отметить в контексте: *Понеже оубо въздвиженою наше житию. толико достославною* [26: 76б], где *въздвиженою* означает 'возвышенное, благородное', передавая духовную оценку. Коннотативная сема, которая могла актуализироваться в смысловой структуре глаголов *въздвигати* и *въздвизати*, здесь приобретает статус дифференциальной, формируя понятийное ядро лексического значения.

В наибольшей степени подвержены адъективации причастные формы с приставкой *не-*. Качество, свойство вещи концептуализируется как отсутствие движения, неспособность к движению и любому изменению. Наиболее употребительное причастие *недвижимыи* означает 'неподвижный, не имеющий возможности, способности двигаться; незыблемый; неизменный, вечный', передавая пространственные и непространственные смыслы.

Признак по отсутствию действия, деятельности может получать негативную оценку: *Что оубо нечювьственны(м) служиши что*

недвижущимся и бесполезны(м) присъдиши [15: 114б]; *ни бо б(ог)ъ сътворяя ч(е)л(о)в(ъ)ка. праз(д)ноу емоу и недвижимоу въсхотъ быти. но дѣлну быти* [29: 140в]; неподвижные (бездеятельные) – они же бесполезные, и Бог создал человека не для бездеятельности. А признак неизменности приобретает безусловно положительную оценку, если является свойством Бога и всего исходящего от Него: *потщитес(а) прилѣжно почитати с(ва)тыя книги да са б(ож)иихъ насытивше словесъ... она бо ... вѣчна. и конца не имуща, тверда же и недвижима* [35: 287а].

Признаки по действию обозначаются прилагательными, образованными при помощи суффикса *-ьн-* от корня *-двиг-* с приставками *по-* и *не-*: *подвижныи* ‘устремленный, имеющий большое желание; усердный; возбуждающий; произвольно толкуемый (меняющий принятое толкование)’, *недвижнь* ‘неизменный, постоянный’. Обозначаемые качества относятся к сферам эмоций, духовной деятельности, воли, бытия-существования. Пространственное значение ‘быстрый в движении’ у *подвижныи* отмечается в более поздних текстах [37, XV: 232]. В древнерусских памятниках встречается *неподвижныи*, обозначающий отсутствие движения. В активности именных образований с приставкой *не-*, выражающих качество вещи через отрицание, вероятно, проявляется «апофатический стиль мышления», свойственный Средневековью и сохранившийся как особенность русской ментальности, о чем писал В. В. Колесов [4: 643].

Встречаются также редкие сложные слова с основами *-движнь(ьи)* и *-подвижнь(ьи)*, в которых первая часть уточняет дополнительные характеристики: *богодвижныи* ‘движимый, направляемый Богом’ (воздействующий Субъект), *приснодвижнь* ‘всегда находящийся в движении’ (время), *благоподвижныи* ‘стремящийся к добру’ (оценка) и нек. др.

От адъективированных причастий и от прилагательных образуются наречия, называющие качество как признак действия: *недвижимо* ‘неподвижно, неизменно’, *недвижно* ‘неподвижно’, *благоподвижно* ‘с готовностью на добрые дела’.

Образование отглагольных существительных отражает процесс отвлечения мысли от конкретных ситуаций осуществления действия и формирование собственно понятия. При этом в основном используются суффиксы *-ениј-* и *-ниј-*. Отмечаются бесприставочные *движенію*, *движанію* и *двизанию*; приставочные *недвиженію*; *въздвигенію*, *въздвизанию*; *подвигенію*, *подвиганию*, *подвизанию*; *съподвигенію*, *съподвизанию*; сложные *самодвиженію*, *благоподвизанию* и др. Здесь преобладают слова с основами *-движені(ю)* и *-двизани(ю)*.

Среди приведенных существительных, по данным [36], относительной частотностью (каждое – 50 и более сл. уп.) отличаются *движение*, *въздвигение*, *подвигение* и *подвизание*; реже – *двизание* (17 сл. уп.), остальные очень немногочисленны или единичны. Эти имена, кроме *подвизание*, выражают пространственные и непространственные значения без конкретизации или с конкретизацией (приставками *въз-* и *по-*) направления и начала действия.

Из синонимов *движение* и *двизание* в русском языке сохранилось *движение*. Означая в древнерусских текстах ‘движение, колебание; волнение; побуждение, устремление; проявление’, оно символизировало любой динамический процесс как активность вещи, а активность человека – как его жизнь. Отсутствие движения, не-движение человека ассоциировалось со смертью: *См(ь)рть ес(ть) до конца недвиженіе* [14: 416].

Слово *въздвигенію* получило особую значимость и специализировалось как наименование христианского праздника Воздвижения креста Господня; в основе лежит пространственное значение ‘поднятие’.

Варианты *подвижение* и *подвизание* в большинстве значений синонимичны, но книжное *подвизание* 'деятельность, работа, старание, побуждение, склонность, стремление, борьба, подвижничество' употребляется для описания действий только в социальной, эмоциональной, духовной сферах. Оба слова могут обозначать активную деятельность как духовный труд, получающий высокую оценку с религиозных позиций.

В древнерусском языке отглагольные существительные могли образовываться и с нулевым суффиксом. Это *въздвигъ* 'Воздвижение (праздник)' (1 сл. уп.) и *подвигъ* (289 сл. уп.).

Существительное *подвигъ* почти полностью синонимично слову *подвизанию*, обозначая душевное движение, борьбу, дело, но особенно часто – религиозный подвиг, подвижничество как деятельность, заключающуюся в напряжении сил (страдании), воли для преодоления зла и делания добра. Во многих текстах раскрывается сущность подвига и его проявления. Он добровольен: *иже своею волею пришедше на подвигъ* [22: 200б]; он есть условие прославления в святости: *бес подвига бо никтоже вънчается* [20: 20]; это повиновение (смирение), пост, иноческая жизнь, все добродетели; человек совершает подвиг *съ боголюбиемъ*, Господь подает ему *крѣпость к подвигу*. Это также воинский подвиг, *подвигъ и храборство*.

Слово *подвигъ* не содержит суффикса инфинитива производящей основы, структурно и семантически соотносясь с любым глаголом, имеющим приставку *по-*. Тем не менее, по смыслу и оценочной составляющей он был связан в сознании, видимо, с книжным *подвизатиса*, о чем говорят сочетания с повтором корня (семантическая редупликация [6: 229]): *великомъ подвигомъ подвизавься по кр(ь)щениі* [22: 68б-в]; *подвизаи добрыи подвигъ* [21: 231б].

Идея религиозного подвига развивается и закрепляется в наименовании человека, который его совершает, – *подвижникъ*.

Например: *глады. и стр(а)сти. и напастн претърплѣвъ и въ всѣхъ бл(а)годаривы(и) яви(сѧ) искусно подвижникъ* [32: 296]. Производные от *подвижникъ* выражают дополнительные характеристики человека, совершающего духовный подвиг: *съподвижникъ* подвизается вместе с кем-то [39, III: 796], *благоподвижникъ* совершает добрые дела, *истиньноподвижникъ* борется за истину, *първоподвижникъ* первенствует в христианских добродетелях. В именах закрепляется и однозначно положительная оценка христианского идеала личности.

Таким образом, древнерусские тексты представляют достаточно большое число слов словообразовательного гнезда с корнем *-двиг-*. Производящие глаголы *двигнути(сѧ)*, *движати(сѧ)*, *двигати(сѧ)*, *двизати(сѧ)* обнаруживают смысловое варьирование, передавая перемещение в пространстве, а также, в результате метафорического переноса, душевные и духовные устремления человека, изменение его физического и эмоционального состояния, состояния-существования различных предметов и явлений и др. Глаголы с разными суффиксами в ряде значений выступают как лексические синонимы, проявляя иногда аспектуальные различия.

Изменения смысловой структуры глаголов в речи носят характер семантической модуляции (при сохранении исходных признаков действия как перемещения) или семантической деривации (при переосмыслении признаков как отвлеченных, характеризующих процессы иных сфер бытия). Эти признаки представлены как семы, реализующие в лексических значениях глаголов КС 'перемещение в пространстве' (при модуляции), 'социальная деятельность', 'эмоциональное состояние', 'бытие' и др. (при семантической деривации). КС, соотносясь с доминантными смыслами различных концептов, объединяют в языке глаголы в лексико-семантические группы, репрезентирующие эти концепты. При всех вариациях в семантике глаголов сохраняются компоненты, которые передают идею

динамики, изменения, активности и обуславливают пересечение разных концептов (концептосфер), но в то же время оформляются в понятие, ставшее ядром самостоятельного концепта.

В процессе морфемного словообразования значимые семы маркируются приставками: при сохранении КС 'перемещение в пространстве' это признаки направления и/или начала движения, при семантической деривации – начала и/или интенсивности. Самыми активными приставками являются *въз-* и *по-*; в глаголах отвлеченной семантики отмечены только они. Приставочные глаголы с разными суффиксами могут сохранять отношения синонимии. Глаголы с префиксом *по-*, обозначая деятельность человека, могут характеризовать ее как требующую особого напряжения духовных сил и получающую высокую оценку с позиций христианских идеалов. Из синонимичных глаголов наиболее активно эту функцию выполняет *подвизатися*, имеющий книжную стилистическую окраску. Возможности характеристики действий расширяются в сложных образованиях, где первый компонент выражает дополнительные признаки.

Выполнение действия осмысливается как признак вещи, ее способность к действию, свойство, что получает выражение в причастных формах, подвергающихся адъективации, а также в производных прилагательных с суффиксом *-ьн-* (*движимый, подвижныи* и др.). Здесь активизируется префикс *не-*, характеризующий отсутствие движения, изменения как неотъемлемое качество вещи (*недвижимыи, неподвижныи* и др.).

Обозначаемые глаголами действия передаются производными существительными, которые сохраняют почти весь спектр смыслов производящих, но, при наличии синонимии, обнаруживают и тенденцию к дифференциации, специализации семантики. Так, из *подвиженіє, подвизаниє* и *подвигъ* только *подвиженіє* обозначает перемещение, а *подвизаниє* и *подвигъ* утрачивают связь с концептом «пространство».

Все три имени называют духовный труд в его христианской оценке, но это понятие закрепляется в основном за словом *подвигъ*. От него появляется и слово *подвижникъ*, именующее человека, подвизающегося на духовном поприще, совершающего религиозный подвиг, являющего собою христианский идеал. Так развиваются средства выражения формирующихся религиозных концептов с их ценностной составляющей. Слово же *движение*, не характеризующее в своей морфемной структуре дополнительные признаки действия, в исторической перспективе станет наиболее обобщенным обозначением идеи движения как любого изменения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбань О. А. Древнерусские глаголы движения в системе языка и в тексте. Волгоград: ВолГУ, 2002. 332 с.
2. Друговейко-Должанская С. В., Корнилов К. А. Грамматика и семантика глагола *сподвигнуть* в исторической перспективе // Время языка. СПб.: Златоуст, 2021. С. 47–66.
3. Колесов В. В. Древнерусская цивилизация. Наследие в слове. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 1120 с.
4. Колесов В. В. Основы концептологии. СПб.: Златоуст, 2019. 776 с.
5. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 624 с.
6. Колесов В. В. Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002. 448 с.
7. Концепт движения в языке и культуре. М.: Индрик, 1996. 384 с.
8. Кузнецова А. И. Динамика русских глаголов движения с XI по XX век. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2010. 284 с.
9. Лопушанская С. П. Изменение семантической структуры русских бесприставочных глаголов движения в процессе модуляции // Русский глагол (в сопоставительном освещении). Волгоград: ВПИ, 1988. С. 5–19.
10. Лопушанская С. П. Семантическая модуляция как речемыслительный процесс // Вестник ВолГУ. Сер. 2: Филология. 1996. Вып. 1. С. 6–13.
11. Лопушанская С. П. Соотношение понятий *стереотипность*, *концептуальное ядро* и *концептосфера* в языкознании // *Studia Rossica Posnaniensia*. 2002. Vol. XXX. P. 79–85.
12. Лопушанская С. П. Язык мыслящей личности как новая доминанта концептуализации познаваемой действительности // Человек в современных философских концепциях. Т. 4. Волгоград: ВолГУ, 2007. С. 7–11.
13. Шептухина Е. М. Формирование глаголов со связанными основами в древнерусском языке XI–XIV вв. Волгоград: ВолГУ, 2001. 140 с.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

14. Григория Богослова 16 слов с толкованиями Никиты Ираклийского, XIV в.
15. Житие Варлаама и Иоасафа (Сб. житий и слов, XIV–XV вв., л. 1в–135г).
16. Житие Нифонта и Феодора Студита, к. XII в.
17. Житие Феодосия Печерского (Успенский сб., XII–XIII в., л. 25а–67в).
18. Златая цепь, к. XIV – н. XV в.

19. Изборник Святослава, 1076 г.
20. Иоанна Златоуста и других поучения, к. XIV – н. XV в.
21. Кормчая Ефремовская, XII в.
22. Кормчая Рязанская, 1284 г.
23. Летопись Лаврентьевская, сп. 1377 г.
24. Летопись Новгородская (первая) по Синодальному списку, XIII в.
25. Наказание Илариона к отрешившимся от мира (Сб., к. XIV – н. XV в.; л. 192об.–202).
26. Огласительные поучения Феодора Студита, к. XIV – н. XV в.
27. Палея толковая, 1406 г.
28. Пандекты Никона Черногорца, 1296 г.
29. Пандекты Никона Черногорца, к. XIV в.
30. Поучения Серапиона Владимирского (Златая цепь, н. XIV; Сб. Паисиевский, н. XV).
31. Пролог «Лобковский», 1262 г., или 1282 г.
32. Пролог, 1383 г.
33. Пчела, к. XIV в.
34. Сборник слов и поучений, к. XII – н. XIII в.
35. Сборник Чудова монастыря, к. XIV в.
36. Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. 1 – . М.: Русский язык, 1988 – .
37. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1 . М.: Наука, 1975.
38. Словарь старославянского языка: в 4 т. СПб.: СПбГУ, 2006.
39. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб. Т. I, 1893; т. II, 1902; т. III, 1912.
40. Хроника Георгия Амартола, слав.–рус. перевод XI в., сп. XIV в.
41. Чудеса Николая Чудотворца (Златоструй и отрывок торжественника XII в., л. 66а – 76б).
42. Этимологический словарь славянских языков. Вып. 5. М.: Наука, 1978. 232 с.

ДЕМИДОВ Дмитрий Григорьевич (*Санкт-Петербург, Россия*)

доктор филологических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
Demidoffs@rambler.ru

КОГНИТИВНАЯ ГРАММАТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА НА ОСНОВЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ МОРФОЛОГИИ В. В. КОЛЕСОВА

Аннотация. В.В. Колесов рассматривает становление русских морфологических категорий как проявление надстраивающихся один над другим типов ментальности. Выдвижение категории на место основного предмета исторического описания требует искать ее когнитивные основания. Рассматриваются некоторые признаки таких оснований, направляющих процессы грамматикализации числа, рода, степени сравнения, лица, залога, склонения, времени и вида.

Ключевые слова: морфологическая категория, парадигма, грамматикализация, ментальность, ментализация, идеация, идентификация.

Abstract. V.V. Kolesov considers the formation of Russian morphological categories as a manifestation of mentality types building on top of each other. The

promotion of a category to the place of the main subject of historical description requires a search for its cognitive foundations. Some signs of such bases that guide the processes of grammaticalization of number, gender, degree of comparison, person, voice, mood, tense and aspect are considered.

Keywords: morphological category, paradigm, grammaticalization, mentality, mentalization, ideation, identification.

Язык изменяется кумулятивным способом: позднейшие изменения не отменяют прежнее состояние, а надстраиваются над ним, создавая новый центр системы и оттесняя устаревшие формы на периферию. Такой способ языкового изменения последовательно проявляется на уровне морфологии. Историческую морфологию обычно изучают как историю словоформ, историю парадигм или историю категорий.

Словоформы образуются путем грамматикализации словообразовательных моделей, их взаимодействия в условиях определенных фонетических тенденций и синтаксических употреблений. Словоформы заимствуют «продукты распада» старых неустоявшихся парадигм для развития более устойчивых парадигм. Например, склонение на *-и, содержащее только слова м. рода, обогащает неженское склонение на *-о дополнительными словоформами *из лѣсу, въ лѣсу, лѣсовъ*, возможными только для слов м. рода, из которых *лѣсовъ* стала даже основной формой. Классы имен ср. и ж. родов оказываются более инертными и архаическими; именно в среде словоформ м. рода, в синтаксической позиции В. падежа, начинается развитие новой категории одушевленности; только они заимствуют в Им.-В. п. мн. ч. -а.

Парадигмы складываются как итог преобразований словоформ под действием тех или иных категорий и составляют основной предмет морфологических преобразований. Риторическое «плетение словес» отливается в грамматическое «извитие словес». Слово объединяет свои *словоформы*, вычлняя их из синтагм, и распределяет их уже как упорядоченную и подчиняющуюся собственно морфологическим правилам совокупность *форм слова*. То, что мы называем

«выравниванием парадигмы», представляет собой качественно иной процесс преобразований внутри парадигмы, всегда после каких-то влияний одних словоформ на другие в одних и тех же членах разных парадигм. Так, в позиции Р.п. ед.ч. замена *волъ* (с «русским ятем») на *воли* происходит под влиянием соседней парадигмы твердой разновидности склонения типа *силы*. Словоформа *волъ* заменяется на форму слова *воли* еще по старому типу процесса взаимодействия двух соседних парадигм, но результатом этого взаимодействия становится уже вполне завершившийся переход особой неустойчивой парадигмы на *-jo в мягкую разновидность склонения на *-о, в которой совсем не различаются формы Д. и М. падежей ед. числа *волъ*, *силъ*.

Но основным предметом исторического описания русской морфологии у В. В. Колесова становится **категория**. Еще Платон открыл, а Аристотель упорядочил категории мысли на основе грамматических частеречных категорий. Их и называют «логико-грамматическими». Творческий дух языка преобразует внутреннюю ментальную силу категорий во внешнюю морфологическую их форму, этой проблеме и посвящена книга В. В. Колесова. Как это происходит? Задача поставлена ясно, блестящие пути ее решения предложены, но не раскрыты одинаково полно и отчетливо все пути ее решения.

Категория **числа** является единственной обязательной для имен и глаголов, согласующихся в предложении. Более того, она оказывается стимулом для дальнейшего образования глагольно-именных словоформ причастия – коллективного (а значит, усиленного) актива на *-nt(j)- и индивидуального (а значит, ослабленного) пассива на *-t-. Школьное правило образования причастий типа *поющих*, *молящих* на основе определения спряжения по формам *поют*, *молят* имеет глубокие этимологические основания. Одни и те же «странные» фонетические закономерности, давшие словоформы типа *несы* 'несущий' и *носы* 'носы' подталкивают и к тому, чтобы более глубоко оценить случаи плюралиа

тантум вроде *(по)боры, вся благая*. Множественность первоначально не ассоциировалась с нынешней считаемой дискретной множественностью отдельных предметов, а, скорее, была усиленным выражением собирательности. Единичность еще не была таким же легким выражением отдельно взятого из мира предмета, а нуждалась в своем особом словообразовательном оформлении суффиксом выделительности: *камы-к-ъ, язы-к-ъ, пись-мя, пле-мя, рус-ин-ъ, бояр-ин-ъ, властел-ин-ъ*. Эквиполентная оппозиция «выделительное : собирательное» сменилась градуальной оппозицией «единичное : двоичное : многочисленное», средний член которой в количественных оборотах распространялся на «несколько», а в словообразовательных цепях, давших материал для морфологических числовых парадигм, замещался членом «несколько». Множественность, многочисленность становится синтаксическим способом выражения неопределенности, но только личной, порождая неопр.-личные односоставные. С развитием рационального типа мышления и новой стадии идентификации стала оформляться семантика дискретной считаемости и сложилась нынешняя привативная оппозиция «единичность⁻ : множественность⁺», в которой множественность маркирована добавочными суффиксами типа *-ь-*, а также новым показателем *-а-* в формах *-а, -а-мъ, -а-ми, -а-хъ*. Это полностью противоречит старому соотношению в типе скл. на *-согл. *бояр-е : бояр-ин-ъ, крестьян-е : крестьян-ин-ъ, властел-е : властел-ин-ъ*.

Категория **рода** сначала была символической, поскольку слова, не входившие в круг мужских и женских представлений, никак не изменяли *-о и остались вне символического противопоставления по полу, то есть стали согласоваться по среднему роду. Сюда вошли наименования мест вроде *мѣсто, болото, село*, веществ вроде *золото, олово, яство, дерево*, инструментов вроде *долото, шило*, собирательных на *-ство* и др. Мужские образы *дубъ, грибъ, лохъ, хълъмь* хорошо

противопоставлялись женским образам *береза, губа, плотва, гора*. На той же ранней стадии ментализации тип скл. на *и стал у славян мужским. На стадии идеации усилилась риторическая тенденция согласовать по роду, и опять подвижным оказывается м. род: *воронъ конь* (только по смыслу), но уже не *ворона кони* (только по форме), а *ворона коня* (и по смыслу, и по форме), что привело скл. на *-і к женскому типу, очистив его от всех одушевленных слов м. рода. На этой же стадии расцветает согласовательная способность местоименных форм прилагательных и причастий. На стадии идентификации потребность в согласовании по роду со сказуемым возросла настолько, что зловая форма в плане прошлого вытеснила личные формы глагола, зато деепричастные полупредикаты утратили способность согласоваться по родам. В предложении выделяется ее рациональная основа. Усиливается словообразовательная роль рода, разбивающая новые производные имена на мужской, женский и средний классы. Любопытно, что род, будучи ведущей категорией, организующей склонение, в XVIII – нач. XIX вв. в формах И., Р. и В. падежей мн. числа усилил, а не ослабил, как в Д., Тв. и М. падежах, противопоставления по родам: конкуренция форм типа *окны – окна, рогъ – роговъ* разрешилась в пользу «своих» по роду форм *окна, роговъ*.

Категория **степени сравнения** поначалу, видимо, была сродни притяжательности ('такой, как'), помогая производить ментализацию (суффиксы *-j- и -ѣ-). На стадии идеации развивалось сравнение как таковое и сложились вообще все действующие и поныне составные суффиксы компаративов. На стадии идентификации и, возможно под французским влиянием, стали развиваться аналитические формы с *болѣе*. Причину утраты согласования нужно искать в синтаксисе.

Категорию **лица** в грамматикализованном виде личных форм глагола невозможно оторвать от ее лексикализованного вида в словах *азъ, ты, мы, вы*. Суждение *Третье лицо не лицо* следует понимать как

строгое и критическое ограничение этой категории только двумя позициями говорящего и слушающего, что позволяет напрямую соотносить ее с действительным и страдательным залогом. Как «средний залог», так и «3-е лицо» должны быть исключены из соответствующих словоизменительных категорий. И тогда придется, соответственно этимологическим данным, так называемую «личную» форму «3-го лица» исключить из категории лица и перенести в область неличных форм: *Столь стоит* = *Онъ стоит*, здесь *стол*, *он* – это предмет, а не лицо.

В категорию лица могут быть внесены лишь выражения диалоговой речи, в которой Я меняется на ТЫ, а ТЫ – на Я. Но наша письменная культура расширялась от диалога человека с Богом ко внешним повествованиям и описаниям о предметах и природе. Ситуации лица отходили на второй план, а на первый план выходила ситуация неличного объективного взгляда на мир. Рядом с диалогом Бога с человеком в русском сознании становился все более актуальным монолог человека о себе и об окружающей природе. Когнитивная сторона категории лица на стадии ментализации еще была на ступени предписующе императивного характера Высшего надмирного Первого Лица и богобоязненного второго лица, открывшего в себе свободу личности и вырастающего из своего микромира в Я христианина. На стадии идеации и после освоения Дионисия Ареопагита открывается Небесная иерархия ТЫ, а в деловой письменности – земная иерархия князя, боярина, мытаря ... чиновника, администратора. Наконец, на стадии идентификации (всякой, в том числе и сословно-правовой) произошло открытие равного по достоинству ТЫ и просвещенного Я. Просвещение в этикете дает «вежливое» *Вы* и замену Зв. падежа Именительным.

Узкое и строгое понимание категории лица помогает лучше понять историю парадигм и словоформ местоимений *сь*, *ть*, *онъ*, *и-его*, *себе-*

ся, а также форм «3-го лица» глагола. Постоянное расширение сферы нелица в текстах создает противопоставление прямой речи и косвенной, когда после сигнала переключения референции *яко* уже становятся невозможными личные формы 1-го и 2-го лица, а также становятся все более востребованными **в разных стилях** эловые формы взамен личных прошедших времен. «До чего мы *дожили*, о Россияне!» – восклицает в наивысшем стиле Феофан Прокопович, сокрушенный кончиной Петра Великого. Совпадения 2-го и 3-го лиц аориста и имперфекта следует трактовать как отсутствие живого диалога в плане прошлого, когда Ты, уже не потенциальное Я, становится всего лишь изобразительным, функционально совпадающим с ОН. Фонетика всегда отвечает содержательным запросам содержательных уровней языка.

Нигде так последовательно не раскрывается богословско-социальная природа языка-народа, как в категории лица.

Категория **залога** как бы «прислуживает» гораздо более актуальной категории русского глагольного вида. Происходит это на излете стадии идеации и закрепляется на стадии идентификации. Возможно, не без помощи образцов немецкой канцелярии, удачно встроившейся в архаизаторские тенденции русской словесности. Новая словообразовательная способность частицы *ся*, развившаяся на стадии идеации, в связанном виде грамматикализовалась только в глаголах несов. вида. Все переходные глаголы сов. вида остались в старинной церковно-славянской сфере перифрастического выражения страдательного залога с помощью кратких причастий прош. времени и связок.

В области самих причастий загадкой остается расширения страдательных местоименных форм прош. времени дополнительным атрибутивным суффиксом *-ьн-*: *дань* > *даньный*. В порядке гипотезы выскажем идею развития этим *-ьн-* эквиполентной оппозиции по залогу еще на стадии ментализации: **-j-* (активному) : *-ьн-* (пассивному,

усиленному относительным планом предшествования во времени). Видимо, на стадии идеации развивается градуальная залогово-временная оппозиция: -л- : -(в)ъш- : -у(а)щ- : -о(е)м- : -т-, -(е)н- : -тельн- в значении 'прошедшее зависимое активное : прошедшее относительное активное : настоящее относительное активное : настоящее относительное пассивное : прошедшее относительное пассивное : потенциальное любого залога'. На стадии идентификации эта оппозиция распадается на ряд бинарных привативных: *давший : данный, любящий : любимый, строил : строительный* и новейшую *моющий : моющийся*, материально показывающую маркированность пассивного члена оппозиции.

Страдательный залог показывает обратную перспективу предложения, и с переходом на прямую пространственную перспективу в общем зрительном восприятии, пройдя все ступени развития, занимает точно такое же второстепенное, но необходимое место, как и восприятие близлежащих за окном несущегося поезда домов. Сидя у окна, мы говорим: *я вижу красивые далекие облака, - но близкие дома мною видятся, как будто едущие вместе со мною вперед.*

Категория **наклонения** усиливает потенциальные возможности лица и залога. Нелицо берет за основу изъявительное наклон., 1-е лицо развивает сослагательное, а 2-е лицо – повелительное. Уже на стадии ментализации складывается русское неопределенное накл., вытеснившее супин. Оно могло и может хорошо обобщать собой достоверную изъявительность, что мы видим у игумена Даниила. В позиции зависимого инфинитива оно все больше передает разные оттенки модальности, а также значение цели. На той же стадии индоевропейское желательное накл. переходит в славянский императив. На стадии идеации развивается аналитическое желательное наклонение *да иду : да идеши : да идетъ*. Любопытно, что в этой частной парадигме нелицо все-таки становится лицом, ведь что-то

пожелать мы можем только человеку или человеческому сообществу, прямо или косвенно, метонимически: *да зравствует Россия!* На стадии идентификации (но на базе древнейшей желательной внутренней формы!) развивается грамматическая метафора условности в разговорном императиве: *Приди он на 5 минут пораньше, он бы успел.* На той же стадии неличная форма *буде* с индикативом заменяется на оборот *есть ли > если* в придаточных условных и развиваются конструкции *дабы, чтобы + ...-л-* в придаточных целевых. Эловая форма играет ключевую роль в развитии ирреального, в частности, пересказывательного наклонения. В болгарском оно дошло до полной грамматикализации, в русском – остановилось на роли дополнительного семантического признака значения зависимого прош. времени.

Категория **времени** описана В. В. Колесовым в архаической аористой и новой презентной проекциях. Все ментальные основания преобразований в системе временных форм также изложены точно и с полной объяснительной силой. И все-таки остаются не совсем ясными движущие мотивы полного отказа в новой светской норме русского литературного языка от личных форм прошедших времен. Одной ссылки на ведущую и более перспективную категорию вида, который подчинил себе время, недостаточно, недостаточно и указания на перемаркировку:

Аорист⁻ : имперфект⁺ (маркированность по многократности)

Совершенный⁺ : несовершенный⁻ (маркированность по результату).

Конечно, важно различать 3 ступени процесса: 1) замену аористов на деепричастия от той же основы, 2) замену аористов на формы настоящего исторического, наконец, 3) замену аористов, деепричастий сов. вида и форм настоящего исторического на эловые формы, – но и этого недостаточно, так как и это указывает на возможность ослабления аориста и его замену разнообразными другими формами, но не на необходимость замены именно на эловую форму.

Нам представляется, что в истории русских глагольных времен необходимо учитывать общий переход с диалогического способа изложения на монологический. Система *пришелъ есмь – пришелъ еси – приде* не отвечает потребностям включения диалога в монологическую речь «на правах монолога», потому что *приде* не было формой собственно повествовательной, в которой бы удерживалась дистанция между автором и описываемым событием. Даже в самом древнем по типу былинном эпическом жанре для повествования используется эловая форма. Скорее всего, она имела значение незасвидетельствованности, но также и достоверности события, свидетелем которого сказитель не был. Между прочим, именно это соображение приводит к сомнениям в том, что «Слово о полку Игореве», тесно связанное в жанровом отношении с былиной, было создано в конце XII в. Если бы это было так, там не было бы аористов и имперфектов, как в летописях, в которых повествование резко отличается от включенных диалогов в смысле оформления прошедших времен. Аорист – это время исторического повествования, имперфект – это время документального описания. Жанр юридического письменного документа и, видимо, уже современный ему жанр устной былины ни обилия аористов, ни обилия имперфектов не знал. Поиск такой повествовательной формы прошедшего времени, которую можно было бы использовать и в диалогах, привел к замене всех простых прошедших времен единой эловой формой, которая стала специальной формой монологического повествования.

Категория **вида** вышла на первое и ведущее место потому, что прежняя суровая и бесстрастная речь стала субъективной. Усилилось авторское сознание, глагол стал выражать эмоциональное отношение к действию. Это подтолкнуло метафорические переносы в значении приставок, которые все дальше отрывались от своего прямого указания на пространственные отношения, вплоть до «чистовидовых» приставок.

Усиление суффикса -а- сохранением его при образовании основ наст. времени, а также инфиксами -ов-, -ыв-, -ив- способствовало дальнейшему развитию суффиксальной имперфективации глагола.

Ментальное качество определенности / неопределенности действия выражалось оформлением основ по 1-му / 4-му классам (*несу / ношу*) на стадии ментализации. Качество предельности / неопределенности действия выражалось приставками на стадии идеации. На этой же стадии, в целом, сложились и модели суффиксальной имперфективации. Однако только на стадии идентификации в составе немаркированного несовершенного члена привативной оппозиции стали происходить изменения типа *уловляти > улавливати*. Это воспрепятствовало завершению становления градуальной оппозиции *читывал – читал – прочитал – прочитывал* как оппозиции давнишнего многократного простому длительному, завершённому и многократному. Современная категория вида двучленна. Варьирует немаркированный член оппозиции *читывал / читал / прочитывал*.

За пределами затронутых выше когнитивно-морфологических категорий остаются: синтаксическая категория падежа, формально-морфологические категории склонения, классов глагола и спряжения, именных форм глагола, представляющие собой исторические обобщения и грамматикализацию словообразовательных моделей; задача лексической грамматики, состоящая в содержательном объяснении становления частей речи.

В большую и общероссийскую научную программу входит **когнитивная грамматика русского языка**, выстраиваемая на основании применения сравнительно-исторического, структурно-исторического, ментально-стадиального и функционально-семантического методов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесов В. В. Историческая грамматика русского языка. Учебник. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 512 с.

КОШАРНАЯ Светлана Алексеевна (Белгород, Россия)

доктор филологических наук, профессор

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
fotonija@mail.ru

РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК НА РУССКОМ ПУТИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ЭТЮД

Аннотация. Этнокультурная картина мира отражается в языке в первую очередь при помощи слов: в слове запечатлеваются особенности мировидения народа и специфика его материальной, социальной и духовной культуры. Одним из ключевых слов русской культуры является хороним «Русь», производный от этнонима *русь*. Анализ показывает, что на ранних этапах функционирования лексем *Русь* / *русь* в восточнославянском ареале они не являлись хоронимом и этнонимом, но маркировали собирательное лингвокультурное единство, что в трансформированном виде находит продолжение в современном осмыслении концепта «Русский человек».

Ключевые слова: Русь, русский, Россия, этноним, лингвокультурология, этимология.

Abstract. The ethnocultural picture of the world is reflected in language primarily with the help of words: the word imprints the features of people's worldview and the specifics of its material, social and spiritual culture. One of the key words of Russian culture is the choronym «Rus'», derived from the ethnonym *rus'*. The analysis shows that in the early stages of the functioning of the lexemes *Rus' / rus'* in the East Slavic area, they were not a choronym or an ethnonym, but marked a collective linguo-cultural unity, that in a transformed form is continued in the modern concept «Russian person».

Keywords: Rus, Russian, Russia, ethnonym, linguo-culturology, etymology.

«Там русский дух... там Русью пахнет!»

А.С. Пушкин

С благодарной памятью моему научному руководителю
Заслуженному деятелю науки Российской Федерации, профессору, доктору
филологических наук Владимиру Викторовичу Колесову*

* **Примечание.** Владимир Викторович Колесов стал моим Учителем задолго до нашего личного знакомства: в 80-ые годы он вёл на телевидении рубрику о происхождении русских имен, фамилий, поговорок, фразем... И когда в 1989 году я поступила в очную аспирантуру кафедры русского языка ЛГУ (тогда ещё ЛГУ), именно Владимир Викторович взял меня к себе. Сказать, что это было для меня настоящим счастливым случаем, мало. Я начала благодарить его, а он, всегда немного ироничный и остроумный, заметил: «Бросьте Вы приседать – нам с Вами работать». Так началось наше общение, которое продолжалось и после защиты, в мои нечастые поездки в Санкт-Петербург, в письмах... Он был щедрым человеком: издал новую книгу – и прислал её в подарок. Он был мудрым человеком: его советы помогали не только в науке, но и в жизни. Он был и остаётся в нас, его учениках, доброй благодарной памятью, какими-то вдруг приходящими из глубины сознания

Исследование словарного состава всегда когнитивно, поскольку создание лексики есть результат творческой деятельности человека в процессе познания окружающего мира и самого себя. При этом слово способно не только замещать или представлять объекты действительности, но и дает возможность анализировать их, выявлять их свойства, вводить объект в систему сложных связей и отношений [14: 43 и далее]. Исходя из этого, слово может быть рассмотрено как источник информации об этносе, «археологический» памятник национальной культуры [9: 10; 19: 35 и др.].

Поскольку отношение слова к факту культуры есть «отношение именованного» (Ю.В. Рождественский), данные, полученные посредством лексико-семантического анализа, в том числе диахронического, являются ключом к культуре народа. Обладая большей объяснительной силой – по сравнению с другими уровнями языка – лексика представляет собой наиболее надежный источник для реконструкции архаичного типа культуры: она позволяет представить сложившуюся в рамках данного типа культуры картину мира в четких логических «терминах», в качестве которых выступают языковые единицы, а потому слово может быть рассмотрено как минимальный культурный текст.

Исходя из этого, этимологический дискурс в сочетании с анализом культурной семантики слова позволяет проследить эволюцию значений слов, аккумулирующих в себе комплекс образов, понятий, ассоциаций, отражающих особенности русской лингвокультуры и национального

его фразами, пожелтевшими листочками лекций (храню до сих пор, несмотря на очевидные мои огрехи: он говорил так, что забывала писать, заслушивалась); остаётся искрящимся лукавым взглядом, как будто прозревающим нас насквозь; книгами, которые читаешь с упоением, как приключенческий роман, его энциклопедизмом и безукоризненной интеллигентностью – всем, чем он был так щедро одарён и что многожды преумножил всей своей жизнью. Спасибо Вам, Учитель!

менталитета, лежащие в основе национальной картины мира. Как справедливо писал В.В. Колесов, «каждое древнее слово по исходному своему смыслу является мотивированным, и в своей реконструкции мы всегда можем сказать, что именно лежит в основе данного исходного представления» [9: 12].

Основу национального менталитета составляет наивная картина мира, общая для всех представителей той или иной культуры. Это продукт обыденного эмпирического сознания, который формируется в определенных географических, климатических, социальных условиях, о чем писал еще В.О. Ключевский.

Наивная картина мира соотносится с концептуальной, включающей в себя ключевые элементы ментальной культуры: «Родина», «Дом», «Семья» и др. Примечательно, что за рамками этого перечня зачастую остается концепт, непосредственно соотносимый с национальным в культуре, – концепт «Русский человек».

На языковом уровне данный концепт сопрягается со словами *Русь*, *русский*, *русич*, казалось бы, такими понятными и привычными. Однако древность происхождения данных слов позволяет соотнести их возникновение с эпохой мифологической когнитивной парадигмы и культуры, детерминированной данным типом сознания. Это период творения слов, объясняющих мир в понятных для этого этапа развития категориях.

Примем за аксиому, что всякое древнее слово синкретично. «Синкретизм, понимаемый как «нерасчлененность», свойствен мифологическому сознанию, представляющему вещь как целостность со всеми ее атрибутами и функциями, включая также и «имя» вещи» [10: 40]. При этом акт наименования зачастую был детерминирован чувственно-эмоциональным, оценочным восприятием действительности. Тем более это касается ключевых понятий, в частности, репрезентирующих базовую оппозицию «свой – чужой».

Именно в этом контексте возможно приблизиться к разгадке этнонимов *Русь* и *русский*, до сих пор вызывающих этимологические разночтения.

С самого начала здесь начинаются загадки: среди славянских народов не было племени *русь*. Большинство исследователей ищут неславянский источник этнонима *Русь*. Его истоки искали в финно-угорских языках [25: 339–340; 7: 29 и далее], в Приазовье [20: 25 и др.], считали автохтонным [17: 90; 8: 15].

Исследователи былинного эпоса И. Я. Фроянов и Ю. И. Юдин полагают, что межплеменное территориально-политическое образование, именуемое *Русью*, сложилось в Среднем Поднепровье [24]. Центром этого образования, по мнению исследователей, был Киев, откуда имя *Русь* распространилось на остальные восточнославянские племена: «для обозначения населения все чаще стали употреблять собирательное *Русь* (впервые в значении ‘русский народ’, по-видимому, в Киевской летописи под 1140 г. <...>, хотя в «Повести временных лет» уже с начала XII в. *Русью* именуют прежних полян: «Поляне яже ныне зовомая Русь» – Лавр. лет, с. 25); безотносительно к территории используют слова *миръ* или *община*» [8: 208]. При этом понятия «Русь», «Русская земля» продолжали сохранять двузначность: «Киевская земля» – в узком смысле – и все восточнославянские земли – в широком [24: 231–232]. Между тем, по наблюдениям Е.С. Березкиной [2], именно в былинах – жанре, где лексемы *русский*, *Русь* являются наиболее частотными и составляют ядро былинного лексикона, – как *Древняя Русь* характеризуется Новгород, в противовес Киевской Руси. В то же время отметим номинации «*царь русский*, *царь самодержавный* – известные с XVI в. выражения. *Царь-государь* русских сказок – того же происхождения» [8: 218].

Однако былины – достаточно поздний фольклорный жанр, а народные сказки исторически удалены от своего архетипа и по сути

своей вторичны. Исходя из этого, более объективным свидетельством оказывается сам язык, история слов.

Как писал О.Н. Трубачев, на Севере, даже на русском, новгородском, Севере имя *Русь* было распространено слабо и прижилось уже на глазах письменной истории; долгое время не знали этого общего наименования восточных славян и соседние балты. Несмотря на мнение историков, полагающих, что центр приильменских славян был первоначально в *Русе*, а затем уже переместился в Новгород [5: 21], всё же вероятнее, что это был только топоним, причем, возможно, заимствованный: топоним *Русса* (*Старая Русса* – город в Новгородской области), к которому возводят этноним *русь*, не соотносится с исконными восточнославянскими территориями.

При всем несходстве мнений большинство исследователей полагают, что первоначально *русью* назывался отнюдь не славянский этнос: среди десятка восточнославянских племенных союзов IX–X вв. нет племени *руссов* (*росов*). Попытки отыскать хороним *Русь* (и *русь* как этноним) среди других онимов, включая гидронимы, также не привели к успеху.

По свидетельству летописца Нестора, имя *русь* первоначально носили дружины варягов (скандинавов?), оно означало гребцов, участников походов на гребных судах. Иными словами, это было походное, дружинное, а не племенное имя. Можно предположить, что пришедшие на северо-запад восточные славяне проживали в экономическом и политическом содружестве с соседями-неславянами (*русью*), что нашло отражение в легенде о двух братьях – *Словене* и *Русе* (по преданию, в IV веке до н.э. в Великой Александрии Александр Македонский даровал словенско-русским князьям – *потомкам Словена и Руса* – грамоту на владение землями от Каспийского до Ледовитого моря и от моря Варяжского до пределов Оби).

Возможно, славяне подверглись здесь некоторой ассимиляции, как это часто бывает на окраине этнического объединения, и принять в качестве самоименования неславянский этноним: «в дописьменной древности конкретный этнос какое-то время – до регулярных контактов с другими племенами – мог не иметь своего имени» [15: 92].

Призвание варягов-руси было первым актом перехода от племенного права к государственному. Наследник Рюрика – Олег – перенес свою столицу и имя *Русь* из Новгорода в Киев, хотя существует и обратная гипотеза, согласно которой имя *Русь* распространилось на север с земли полян [1: 117–118]. Заметим, что древнескандинавское имя *Рюрик* – *Hrorekr* – восходит к др.-исл. *hrodr* – ‘слава’, этимологически родственному общеславянскому **krasa*, откуда рус. *краса* со старшим значением ‘украшение, слава’, и только потом – абстрактное ‘красота’.

Дружина Олега (аналог фратрии) состояла из варягов и словен, называвших себя *русью*, что свидетельствует о добрососедских отношениях славян и варягов-руси. Вероятно, дружинное имя было перенесено с «фратрии» (ср. рус. *братство* в значении ‘содружество’) сначала на родовые союзы славян, затем – на племенные союзы, а позже – на всё восточнославянское объединение. Следовательно, лишь постепенно имя *Русь* распространилось на все территории, подвластные *руским* князьям, то есть трансформировалось в *хороним* – особый топоним, обозначающий этнически или государственно ограниченную территорию [7: 9].

По мнению Г.Ф. Ковалёва, «слово *Русь* появилось в древнерусском языке не позднее рубежа VII–VIII вв.» и что не было славянского племени *русов/росов*. «Составитель древнерусских летописей Нестор именем *Русь* называл не отдельное восточнославянское племя, а вполне сложившуюся древнерусскую народность, для которой названия отдельных племен были уже анахронизмом или территориальными номинациями. При этом первым надёжным и точно датированным

источником, где впервые упоминается термин *Русь*, являются Бертинские анналы. Здесь под годом 839 сообщается о норманнах, которые были посланы *русским князем*» [7: 29 и далее].

Таким образом, очевидно, что на ранних этапах функционирования лексем *Русь / русь* в восточнославянском ареале они не являлись хоронимом и этнонимом – соответственно – и в то же время имели значение собирательного единства, номинируя воинское объединение.

В свете данного положения достаточно убедительной представляется гипотеза, связывающая имя *Русь* с прагерманским корнем **dreug-* (и.-е. *dhreugh-*), обозначавшим ‘прочно держаться вместе’. В таком случае лексема *Русь* окажется исторически родственной словам *друг, дружеский* и т.п., для которых восстанавливается и.-е. корень **dhreu-/*dhru-* – ‘крепкий, прочный’. Слова этой группы означают всякий человеческий союз, основанный на прочной естественной или установленной обетом, обязательной, связи.

Между тем О. Н. Трубачев [21: 172] считал возможным выведение слова *друг* – из и.-е. **dhreuo* – ‘дерево’. В этом случае **dhreug-/*dhrug-* означает ‘прочный, как дерево’ > ‘верный сообщник, товарищ’. Как отмечает А. Вежбицкая, форма *дружья*, представляющая собой старую собирательную форму (как *братья*), предполагает группу лиц, состоящую из людей, на которых можно *положиться*, когда надо найти *помощь* и *поддержку* [4: 109]. Следовательно, семема *друг* включает сему ‘сильный’ (> ‘крепкий’, а потому ‘надёжный’ = ‘крепкий, как дерево’). То есть взаимосвязь понятий «друг» и «дерево» сохраняется на уровне символа.

В соответствии с данной этимологизацией, собирательное существительное *русь* может быть прочитано как метафора: ‘множество деревьев вместе, лес’. Заметим, что лес концептуализируется в сознании носителей лингвокультуры именно как множество (деревьев), ср. метафорическое употребление *лес рук* – ‘множество поднятых рук’.

Из этой мифологизированной метафоры Руси-леса – как версия – развилось значение ‘единство, союз’, а затем образовался этноним, репрезентирующий множество – лингвокультурное сообщество, ср.: *мир* (= ‘сообщество людей’, откуда ФЕ *всем миром*, то есть *сообща*) и т.п.

В свете архетипического соответствия *Русь – лес* представляет интерес сохранившееся в русских диалектах значение слова *слобода́* (фонетический вариант к *свобода*, возникший в результате диссимиляции губных: *в>л*) – ‘большое пространство земли, покрытое деревьями’, ‘лес’ (белгородский диалектизм *слобода* в значении ‘лес’ до настоящего времени сохраняет эту понятийную связь). Именно на таких свободных, богатых строевым лесом пространствах России селились пришедшие сюда восточные славяне [См. об этом: 6: 16], что могло послужить экстралингвистическим основанием для закрепления хоронима *Русь*. То есть в данном слове, с одной стороны, нашли отражение ландшафтные характеристики Русской возвышенности, которая трактуется как европейская прародина восточных славян: эта территория некогда была покрыта густыми широколиственными лесами. Об этом свидетельствует, в частности, топонимический фонд. Так, на территории Белгородской области только от фитоосновы *дуб* образовано 19 единиц: «х. *Редкодуб* (Алексеевский район), пос. *Дубовое* (Белгородский район), с. *Дубино* (Борисовский район), х. *Дубровка*, х. *Дубровки* (Валуйский район), с. *Вислая Дубрава*, х. *Дубравка*, с. *Дубянка* (Губкинский район), х. *Дубовая Балка* (Корочанский район), х. *Старый Редкодуб* (Красненский район), пос. *Дубки*, пос. *Редкодуб* (Красногвардейский район), пос. *Дубино* (Краснояржский район), х. *Редкодуб* (Новооскольский район), х. *Дубовый*, х. *Редкодуб* (Прохоровский район), х. *Дубовенька*, с. *Червона Дибровка* (Шебекинский район), х. *Дуброва* (Яковлевский район)» [18: 113]. «Ряд ойконимов образован от общеславянской лексемы *лес* и её диалектных синонимов (*караишник – колок – остров – стенки*): с. *Лесиковка*

(Алексеевский район), х. *Пролесок* (Валуйский район), х. *Залесье* (Губкинский район), с. *Лесное Уколово* (Красненский район), с. *Перелесок*, х. *Подлес* (Красногвардейский район), пос. *Прилесье* (Краснояржский район), с. *Лески*, х. *Перелески* (Прохоровский район), х. *Караешный* (2: Алексеевский район, Красненский район), с. *Караичное*, пос. *Красный Остров* (Шебекинский район); х. *Стенки*, с. *Пристенъ* (Ровеньский район), с. *Пристенъ*, х. *Пристенъ* (Шебекинский район)» [18: 115]. Примеры можно множить.

С другой стороны, как мы уже отметили, в слове *Русь* нашла отражение идея единства, общности и крепости этого союза. Этнонимизация наименования *русь* была поддержана закрепленными в традиции концептуальными единствами «Дом» – «Дерево», «Род» – «Дерево» (вспомним *миф о родовом древе*), которые нашли продолжение в символическом соответствии *Русь* – сообщество, крепкое и единое, как лес, как множество деревьев вместе. Иными словами, *Русь* концептуализируется не столько как географическая точка, территория с характерными признаками, но – в большей степени – как общий дом, объединяющий прошлое, настоящее и будущее этноса.

Изменения, произошедшие в социальной организации общества, отразились в языке, в частности – в этнонимике. По мнению Г. Ф. Ковалёва [7: 19], формант *-ич-* (*-iti-) был первым формантом, при помощи которого оформлялись древнейшие собственно славянские этнические и даже доэтнические именованя. Патронимический суффикс *-ич-* отражал архаичные представления об общем племенном (родовом) предке (например, *вятичи*, по преданию, ведут свой род от легендарного вождя *Вятко – С. К.*). Замена суффикса *-iti- формантом – *ане* (*славяне, поляне* и т.п.) отразила новую ступень в организации общинного устройства, где понятие «отец» заместилось понятием «старейшина, вождь». В то же время идея единства, общности

продолжала играть значительную роль в обществе (ср.: образованные с участием патронимического суффикса *рус-ич-и* и *родичи, сородичи*), вследствие чего в русском языке патронимический суффикс превращается в этнонимический.

Примечательно, что обозначение национальности посредством субстантивированного прилагательного – *русский* – нетипично для славянского ареала (ср.: *славянин, украинец, поляк* и др.) и в то же время информативно с точки зрения архетипической семантики нарицательной лексики *русь*: *русский* – ‘принадлежащий Руси как объединению, сообществу’.

Такое значение слова *русский* в определенной мере сохраняется до сегодняшнего дня. В частности, оппозиция «*русский* – *нерусский*» в просторечии – и не только, но уже зачастую и в официальном общении – нередко является семантически дублетной к оппозиции «*свой* – *чужой*», где *нерусский* (= *чужой*), как правило, означает и ‘не славянин’, и – в сегодняшних реалиях – ‘не гражданин России’. Можно сказать, что здесь находит лексическую репрезентацию так называемый «взгляд изнутри» – с точки зрения носителя данной лингвокультурной парадигмы. В то же время для представителей неславянских государств все жители России (а ранее СССР) – *русские*, независимо от фактической национальной принадлежности. И это есть «взгляд со стороны». Нетрудно заметить, что обе точки зрения имеют общее основание.

Таким образом, транспонировав оппозицию «*свой* – *чужой*» на географическое пространство, восточные славяне обозначили себя как этнос и – одновременно – отграничили от прочих свою территорию и свою общность, вследствие чего этноним *Русь* начинает соотноситься на уровне концепта с понятиями *своей земли, своего рода, своего дома*. «Это и не многозначность вовсе в современном понимании полисемии, а нерасчленимое и недробимое единство смыслов» [8: 208].

Исходя из этого, уже на этапе древнерусского сообщества логично включить концепт «Русь» в ассоциативный ряд «*Русь – род – дом*» и увидеть за ним концептуальное соответствие «Земля» – «Дом» – «Семья». Приведённый ассоциативный ряд отражает отношения, существовавшие внутри сообщества в период, связанный с оформлением древнерусской народности. В то же время, как справедливо отмечал В. В. Колесов со ссылкой на В. О. Ключевского, «в памятниках XII–XIV вв. «везде “Русская земля” и нигде, ни в одном памятнике, не встретим выражения “русский народ”» <...>. Веками сохраняется образный синкретизм представления о Родине, которое выражено также в сказочном обороте “мать-земля”» [8: 208]. «Однако представление о земле – и в этом его особенность – всегда остается представлением о **своём**, и постепенно, все расширяясь, росло и крепло ощущение «большой Родины» – начиная с клочка родной земли, а потом и деревни, и села, и округа, и княжества, а через них – и вся Русская земля» [8: 208].

При этом важно, что данный период исторически соотносим с эпохой расцвета мифологических воззрений. Так, слово *Род* репрезентировало архаичное представление славян о мифическом прародителе – *Роде*. На уровне этимологии лексема *Род* соотносится с лат. *arbor* – ‘дерево’. Иными словами, род, подобно дереву (вспомним концептуальное соответствие *русь – лес*) связывал прошлое и настоящее, мир живых с миром ушедших предков. Древние представления о роде-дереве находят отражение в современных метафорах: *корень рода, прямая ветвь, боковая ветвь* (о родственниках), в слове *племя* – исторически родственно слову *плод* (то есть *племя* – это плоды родового древа) [11]. При этом «в употреблении слова *племя* существовало различие между книжным и разговорным языком. Различие легко обнаружить, сравнивая переводные тексты и созданные на их основе торжественные поучения, с одной стороны, и

русские законодательные или летописные записи – с другой. *Племя* в высоком смысле – ‘потомство’ <...>. Книжное значение слова *племя* требовало разъяснений; кроме того, социальный термин нуждается в однозначности. И каждый раз, встречаясь с употреблением этого слова в тексте высокого стиля, русский книжник устранял противоречие, возникавшее при столкновении данного значения с тем, которое было обычным для древнерусского человека, – ‘родичи, живущие одновременно’. <...> В разговорном языке *племя* – ‘родня’, ‘родственники’, ‘свои люди’» [8: 20–21], сравним: *племя* – и *племянник*, *племянница*.

Диахроническая «вертикаль» рода накладывается посредством идентификации на «природную вертикаль» дерева, архетипически – Мирового древа как «оси» мира, соединяющей три области мироздания: небо (*крона*), землю (*ствол*), подземный мир (*корни*). Горизонталь же рода объединяет родню, своих, родных людей, живущих одновременно (племя).

При соотнесении данных представлений с хоронимом *Русь* обнаруживается, что концептуализация хоронима разворачивается и по вертикали (в диахронии), и по горизонтали (в синхронии, в пространстве бытия). И в этом ключе концепт «Русь» онтологически связывается с концептом «Род» [11].

Не случайно одним из ключевых слов русской лингвокультуры оказывается способное к субстантивации прилагательное *родной* в значении ‘близкий сердцу’ (= свой). В других языках, например в английском, нет аналога данному понятию, в силу чего невозможно с точностью перевести на английский язык такие характерные для русского языкового сознания сочетания, как *родные просторы*, *родные берёзы*, *родной человек* [23: 15-16]. Англ. *relatives* – это родственники, но не *родные люди* в нашем понимании, где семантика словосочетания нередко транслирует представления о близких, скорее, по духу, чем по

крови, ср.: глагол *породниться*, а также письменные и устные фиксации: «Для него **родной человек** – Крашенинников, который пошел на Камчатку, исполняя волю Петра...» (Д. Гранин); в живой речи: «За двадцать с лишним лет мы стали родными». Это «прочтение» слова (как минимального текста культуры) связано с тем, что для восточных славян на протяжении веков принадлежность к тому или иному роду являлась условием существования/выживания и одной из важнейших характеристик человека, вследствие чего род как социальная структура выступает (вплоть до новейшего периода) как единая, «коллективная», как называл её Ю.М. Лотман [13: 264], личность.

Можно полагать, что именно в контексте представлений о *роде* и *доме* у восточных славян формировались не только представления о членах семьи, сородичах, своих, но и о *своей земле*, что нашло отражение в хоронимее Русь, который уже в на заре восточнославянского единства тесно сопрягается с понятием *дома* как своей, освоенной «своими», области бытия народа, своей земли. Данный представления закрепляются в традиции и не утрачиваются до новейших времён, ср. у К. Симонова:

*«Если дорог тебе твой дом,
Где ты русским выращен был»*

[Симонов «**Если дорог тебе твой дом...**»].

Таким образом, слово *Русь* противопоставило восточнославянский этнос остальным, то есть *чужим*, и явилось объединяющим, этнообразующим.

Глубина таких представлений не вызывает сомнения, вследствие чего, возможно, национальный вопрос для России всегда был (и остается) одним из самых острых, причем он встает тем острее, чем ярче проявляются этнические различия между *своими* (*нашими*) и *чужими* (не нашего *рода*, не из нашего *дома*, то есть непохожими на нас),

а также в те исторические моменты, когда для этого общего дома – Русской земли – возникает внешняя угроза.

Заметим, что сегодня этноним *русский* вновь оказывается одним из концептуально значимых и идеологически нагруженных маркеров национальной культуры. При этом на разных уровнях и в различных аудиториях возникают дискуссии по поводу смежных терминов. В частности, одной из дискуссионных является синонимичная номинация *россиянин* – «гражданин России». Традиция употребления данного термина оказывается глубже, нежели полагают некоторые носители языка: слово *россиянин* возникло не в 90-е годы XX века, а много ранее, но много позже, нежели этноним-субстантиват *русский*: образован непосредственно от хоронима/этнонима *Русь/русь*, в то время как номинация *россиянин* восходит к существительному *Россия*. Само слово *Россия* трактуется этимологами как грецизм: «Россия, впервые в Моск. грам. 1517 г. <...>, также у Ивана Грозного, Аввакума и др., раньше – *Русь*, откуда *Русия* <...>, Моск. грам. 1516 г. <...>, народн. также *Росёя*. Форма на -о- происходит из греч. Ῥωσσία от ср.-греч. οἱ Ῥῶς, из языка патриаршей канцелярии в Константинополе <...>. Отсюда производные *российский* (Иван Грозный), *росский* (Задонщина, рукоп. XVII в.; РФВ 23, 277) <...>. Из русск. произошло польск. Rosja (Брюкнер 463) [22: 505].

Термин *россиянин* как именование гражданина Русского государства России употреблялся по преимуществу в литературных текстах, в частности, в трудах Симеона Полоцкого. Примечательно, что в русской летописной традиции употреблялся этноним русские, в ранних летописях – и в форме *рустии*: «О храбри мужествении сынове рустии! Подщитесь свое отечество, Рускую землю, от поганых сохранять!» [8: 197].

Слово *россияне* было употребительно в элитарных кругах в Петровскую эпоху. В различных огласовках номинация *россияне* представлена в произведениях М. В. Ломоносова, Н. М. Карамзина,

А. С. Пушкина. В XIX веке в связи с тенденцией к демократизации языка это слово утрачивает популярность и уступает позиции субстантивату *русский*, который представляет собой эллипсис от словосочетания «*русский человек*». Уже в конце XIX века в словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона отмечалось, что «россияне» – отживающая, искусственная форма [3].

В 1990-е годы данный архаизм оказался вновь идеологически востребованным. В этом угадывается косвенное влияние культуры США, где юридически закреплён термин «американец» (*American* (сущ.) – «американец» и «американка» – семантически производны от *american* (прил.) – «американский»). Единый для всех граждан страны, независимо от их национального и – шире – расового происхождения, термин *American* в многонациональном и многоконфессиональном государстве как будто «снимает» негативные собственно национальные проявления, возникающие в рамках оппозиции «свой – чужой». Для США это, исходя из истории возникновения страны, по-видимому, оказалось решающим аргументом при выборе самонаименования. По сути, речь идет о принадлежности государственному образованию без отражения собственно национальной специфики личности гражданина.

Что касается прилагательного *русский*, то оно, в силу указанных выше причин, продолжает оставаться двусемантическим: национальность и гражданство. По-видимому, именно с попыткой разрушения этой многозначности термина была связана реставрация *номинации* россиянин (гражданин России). Но строгой семантической оппозиции *россиянин* (гражданин России) – *русский* (национальность) не случилось. И до сих пор субстантив *русский* по сути остаётся полисемантом, что, возможно, детерминировано условиями формирования и историческим путём *России – Руси* как единства и во многом уникального образования.

И язык отражает эту самобытность: *русский путь, русский характер, русская душа (загадочная русская душа)*, о чём писали многие русские философы, развивая мысль об особенностях самоощущения русского человека – *не такого, как все остальные*. Неслучайно Ф.И. Тютчев, наблюдавший Россию и изнутри, и извне, в 1866 году напишет своё знаменитое четверостишие «*Умом Россию не понять, / Аршином общим не измерить: / У ней особенная стать – В Россию можно только верить*».

Ответить на вопрос, в чём заключается русская уникальность, однозначно, вряд ли возможно, но базовые составляющие нашего своеобразия лежат на поверхности. Так, по данным нашего опроса, проведенного среди студентов-филологов НИУ «БелГУ» ещё в 2014 году, отличительными чертами русского человека являются *доброта* (28); *щедрость* (26); *гостеприимство* (20); *открытость* (19), *отзывчивость* (8), *дружелюбие* (6), *смекалка* (4), *весёлость* (4), *трудолюбие* (4), *свободолюбие* (4); *любовь к Родине, патриотизм* (3), *готовность к взаимопомощи* (3), *смелость* (3), *честность* (2), *чувство собственного достоинства* (2), *бескорыстность, великодушие, способность к самопожертвованию* [12]. Данный перечень слов-ценностей русской лингвокультуры вбирает и самооценку, и устойчивые стереотипные представления этноса.

На другом полюсе оказались такие качества, как *пьянство* (33), *лень* (8), *безответственность* (2), *противоречивость* и некоторые др.

Таким образом, выявленные черты «русского характера» являются информативными в контексте описания концептуальной картины мира русского народа в целом и представляют концепт «Русский человек» – в частности. Причем языковой портрет русского человека далёк от «самозванства» (говоря словами Б. Пастернака): язык, в частности, фиксирует противопоставление России и Европы посредством отмеченных ещё Л.В. Щербой словосочетаний *европейский лоск,*

европейские манеры, а сегодня – и евроремонт. Оценочность данных образований весьма показательна.

В то же время сохраняется тот стержень, который пронизывает русскую культуру в диахронии и синхронии, – единство, собиранье /соборность Руси как государства, откуда и доброта к ближнему, и открытость, и щедрость, и гостеприимство, и труд сообща, за которым в то же время легко спрятаться человеку ленивому, и умение работать «*рывом*», и прочие национальные черты русского человека.

Причины возникновения таких черт вполне объяснимы. Реальные, физические условия, в которых формировалась древнерусская народность, препятствовали выживанию отдельного индивида на бескрайних российских просторах. «Резко континентальный климат (от +30° летом до –30° и ниже зимой), короткий световой день большую часть года, сложности с передвижением не давали возможности для эффективного индивидуального хозяйствования. Умеренная, во всем последовательная Западная Европа никогда не знала таких изнурительных летних засух и таких страшных зимних метелей. Выжить при таких условиях даже в уже относительно освоенных местах можно было только в группе, а освоить новые территории – только значительным массам людей» [16: 114], ср. русские пословицы: *Один в поле не воин; Один и дома горюет, а двое и в поле воют; Дружно не грузно, а врозь – хоть брось; Ум хорошо, а два лучше; Артельный (общий) горшок гуще кипит; Согласного стада и волк не берет; Человек человеку – брат.*

Неслучайно только восточным славянам известна сказка о венике, в которой старик отец демонстрирует своим сыновьям, что вместе они непобедимы, но поодиночке их легко можно сломить, как отдельные прутья веника. Следовательно, только коллектив – семья, род, община – обладали для русича реальной силой. Даже эпоха интернационализма и – в определённой степени – космополитизма не отменила русского

чувства родины как своего дома, рода, своей земли, непохожей на другие.

Из идеи коллективизма проистекает идея *равенства и братства* (*мы все как члены одной семьи*). Потому после Октябрьской революции так легко вошло во всеобщий обиход обращение *товарищ* ('друг, соратник', 'тот, кто вместе со мной', ср. слова из песни Л. Радина «*Смело, товарищи, в ногу...*»), символизируя отношения социального равенства. И по той же причине, вероятно, так трудно приживается обращение *господин*, репрезентирующее социальное неравенство внутри сообщества и отказ от идеи коллективизма.

При этом коллективизм в России не является порождением 1917-го года. Россия на протяжении веков была и продолжает оставаться страной массовой психологии. Частным доказательством этого служит сниженный неологизм *вырусь*. Полагают, что слово употребляется с 2004 года, возникнув в контексте дискуссий о русском национальном сознании и традиционных ценностях национальной культуры. Сегодня этим словом, которое пока не фиксируется словарями, в различных политических шоу называют русофобов из числа русских людей, не приемлющих национальные традиции и ценности. Это слово по сути становится эквивалентом лексем *выкрест*, *вырожденец*, сниж. *выродок*, причем эквивалентом с национальной «маркировкой», в отличие от приведенных в параллель номинаций. Возникновение этого нового слова как идеологемы знаково. Оно репрезентирует устойчивость лингвокультурных представлений о *Руси – доме – роде – семье – своей земле*: Россия остается той же *Русью* с её единством, коллективизмом и стремлением к единению, что до сегодняшнего дня определяет нормы общежития, особенности самовосприятия и поведения и лежит в основе ключевого элемента русской культуры – концепта «Русский человек».

ЛИТЕРАТУРА

1. Безклубая С. А. История Киевской Руси в украинском фольклоре // Проблемы истории и археологии Украины. – Харьков, 2001. – С.117–118.
2. Березкина Е. С. Этнонимическая лексика в устном народном поэтическом творчестве. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Орел, 2001. – 17 с.
3. Брокгаузъ Ф. А., Ефронъ И. А. Энциклопедический словарь. Т. XXVIII. Россия. – СПб.: «Типография Акц. общ. «Изд. дѣло, бывш. Брокгаузъ – Ефронъ», 1899. – 495 с.
4. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А. Д. Шмелева. – М.: Языки славянской культуры, 2001 (а). – 288 с.
5. Вязинин И. Н. Старая Руса а истории России. – Новгород: Кириллица, 1994. – 317 с.
6. Ключевский В. О. Русская история. – М.: Независимая газета, 1992. – 192 с.
7. Ковалёв Г. Ф. Этнонимия славянских языков: номинация и словообразование. Дисс. в виде науч. доклада на соискание уч. степ. докт. филол. наук / ВГУ – Воронеж, 1995. – 57 с.
8. Колесов В. В. Древнерусская цивилизация. Наследие в слове / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. – 1120 с.
9. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове: Мир человека. – СПб.: Филол. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2000. – 326 с.
10. Колесов В. В. Синкретизм как категория языка // Вестник ЛГУ. – Сер.2. – 1991. – Вып.2. – №9. – Языкознание. – С.30–40.
11. Кошарная С. А. Миф и язык: опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира: монография. – Белгород: Изд-во Белгор. гос. ун-та, 2002. – 287 с.
12. Кошарная С. А. Языковая личность в контексте этнокультуры. – М.: DirectMedia, 2014. – 218 с.
13. Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб: «Искусство – СПб», 2000. – 704 с.
14. Лурия А. Р. Язык и сознание. – М.: МГУ, 1998. – 336 с.
15. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. – М.: АО «Аспект Пресс», 1994. – 207 с.
16. Ольшанский Д. В. Психология масс. – СПб: Изд. Дом «Питер», 2001. – 363 с.
17. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. – М.: Наука, 1982. – 590 с.
18. Сайненко Ю. В. Ойконимия Белгородской области в лингвокультурологическом представлении: синхронно-диахронический анализ. Дис. ... канд. филолог. наук. – Белгород, 2023. – 230 с.
19. Топоров В.Н. Предыстория литературы у славян. Опыт реконструкции (Введение к курсу истории славянских литератур). – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. – 320 с.
20. Трубачев О. Н. К истокам Руси (наблюдения лингвиста). – М.: Наука, 1993. – 83 с.
21. Трубачев О. Н. Термины кровного родства // История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – С.18–147.
22. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. III. – М.: Прогресс, 1987. – 832 с.
23. Федосюткина Н. С. Слова-ценности как средство доступа к ценностной картине мира (экспериментальное исследование). Автореф. ... канд. филолог. наук. – Курск, 2005. – 22 с.

24. Фроянов И. Я., Юдин Ю. И. Былинная история. – СПб: Изд-во СПбГУ, 1997. – 592 с.
25. Шахматов А. А. Сказание о призвании варягов // Изв. АН, Отд. рус. яз. и словесн., 1904. – №4. – С.339–340.

МАРКОВА Елена Михайловна

(Москва, Россия; Братислава, Словакия)

доктор филологических наук, профессор
Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина
Экономический университет в г. Братиславе
elena-m-m@mail.ru

ДЕЙСТВИЕ КАК КОГНИТИВНОЕ ОСНОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ У ДРЕВНИХ СЛАВЯН

Аннотация. В статье рассматриваются когнитивные основы древних славянских наименований на материале двух тематических групп: названий одежды и названий хлебных изделий. Отталкиваясь от тезиса В. В. Колесова о том, что в основе любого наименования лежит представление о нем, основанное на каком-л признаке, автор выявляет типологический характер этого признака в виде определенного действия. С привлечением словарей разных славянских языков, этимологических, исторических, диалектных, автор устанавливает глагольный характер мотивации большинства лексем, входящих в анализируемые группы, что подтверждает мнение В. В. Колесова и других русских исследователей о том, что действие лежит в основе многих древних номинаций, а метонимия является основным семантическим переносом, включая первичную семантическую модель.

Ключевые слова: лексическая номинация, когнитивная основа, названия одежды, названия хлебных изделий.

Abstract. The article analyzes the cognitive foundations of ancient Slavic names based on the material of two thematic groups: names of clothes and names of bread products. Based on the thesis of V.V. Kolesov that the basis of any name is the idea of it, based on some feature, the author reveals the typological nature of this feature in the form of a certain action. Using dictionaries of various Slavic languages, etymological, historical, dialectal, the author establishes the verbal nature of the motivation of most lexemes included in the analyzed groups, that confirms the opinion of V.V. Kolesov and other Russian researchers that action underlies many ancient nominations, and metonymy is the basic semantic transitions, including the primary semantic model.

Keywords: lexical nomination, cognitive basis, names of clothes, names of bread products.

Как известно, когнитивную основу наименования составляет признак номинируемого объекта, характеризующий представление о нем субъекта. По мнению В. В. Колесова, исследовавшего древние номинации, их когнитивные и философские основы, «средневековое сознание оперирует не столько понятием о предмете, сколько

представлением о нем» [3: 24]. У каждого народа свои представления, в связи с чем можно говорить о том, что внутренняя форма слова, образуемая признаком, положенным в основу номинации, выступает в качестве этноспецифического признака. Наименования отражают «видение» обозначаемого предмета или явления действительности носителями того или иного языка. Внутренняя форма слова позволяет понять, таким образом, сущность национального менталитета. «Восприятие человеком окружающего мира находит отражение в семантической мотивации наименований явлений окружающей действительности. В самом акте номинации реализуется установка носителей языка на выделение, актуализацию признаков, значимых для языкового сознания» [5: 22]

Взгляд на мотивировку слова как исходную семантическую модель, являющуюся ступенью последующих семантических трансформаций, показывает, что большинство семантических моделей, и первичных, и вторичных, носит метонимический характер, так как обусловлено смежностью, сближением предметов, лежащих в основе любой ассоциации. Это подчеркивал и В. В. Колесов, говоря об установке словаря на метонимические переносные значения, а не на метафору [4: 24–30]

Для словопроизводства славянских языков (как и вообще индоевропейских) характерно то, что большинство производных слов восходит к основам, обозначающим действие или состояние и представленным соответствующими глаголами. В центре лексики, как и «русской грамматики, стоит не имя, а глагол» [4: 28]. На это указывали и другие ученые. «Ассоциированность с глагольными корнями большинства названий, ... даже наиболее общих, в индоевропейских языках не подлежит сомнению» [1: 95]. На типологический характер семантических переходов при формировании имен от глаголов, выражающих соответствующие действия, обращал внимание и

Ю. В. Откупщиков, приводя примеры: 'молоть' → 'мука', 'покрывать' → 'одежда', 'плести' → 'плетень', 'резать' → 'мех, шкура' 'составляющей, в сущности, основу этимологии слова' [7: 49].

Глагольная мотивированность обнаруживается особенно часто у древних названий одежды, еды, других рукотворных предметов, артефактов, т. к. представления о них у древних славян нередко ассоциировались с определенными действиями. Обратимся к этим тематическим группам для иллюстрации высказанного положения. К эпохе совместной жизни славян относится ряд названий тканей, восходящих к глаголам: слово *ткань* – к общеславянскому глаголу *ткати*; *сукно* – к глаголу *сучить* (чеш. *soukat*); *полотно* (ст.-сл. *платьно*, чеш. *plátno*, из **poltъno*) – к глаголу *politi*, сохранившемуся, например, в современном чешском языке в значении 'складывать, раскладывать'. К глаголу *одеть* восходит такое общеславянское наименование, как *одежда*. Слово *облаченье*, имеющее значение 'одежда священников' наряду с процессуальным значением 'одевание', восходит к глаголу *облекать / облечь*. В некоторых русских диалектах встречаются производные лексемы *оболочка*, *оболока* в значении 'верхняя одежда, кафтан, зипун' (СРНГ).

Обозначением верхнего платья у славян служила *свита*, деривационно связанная с глаголом *вить*, что отражало процесс создания ткани, полотна, о чем свидетельствует ц.-слав. *съвито* 'полотно', *навои* 'часть ткацкого станка' (ЭСРЯ). В русских диалектах *свита* отмечается в значениях 'вид верхней одежды', 'армяк, зипун поверх тулупа', 'длинная, просторная, запахивающаяся верхняя одежда', 'лыковая веревка' (Даль). Известно это слово и в ряде славянских языков (укр., белор., болг., с.-х., словен.) в основном как обозначение 'вида ткани, сукна', а также одежды вообще (ЭСРЯ).

Типичной моделью семантического переноса является модель 'ткань' → 'изделие из нее, одежда', основанный на метонимии.

Производным от *сукно* является лексема *сукня*, которое в разных славянских языках стало обозначать, в основном, юбку (соврем. чеш. *sukně* ‘юбка’, укр., белор. *сукня* ‘юбка’, с.-х. *сўкня*, словац. *sukňa* ‘юбка’, рус. диал. *сукня*). *Сукня* – древняя славянская верхняя одежда из тканой материи, с XVI века бытует как женская одежда от пояса (типа юбки). На Руси это слово встречается лишь до XIV века (Срезн.), однако до сих пор известно в некоторых русских диалектах в значении ‘одежда, платье, цветной суконный сарафан’ (СРНГ), Скорее всего, того же корня и слово *сукман* ‘суконный кафтан или сарафан’ (ср. др.-рус. *сукмань* ‘сукно’), известное, помимо русского, в болгарском (*сукман*) и польском (*sukmana*) языках в значении ‘шерстяная юбка’ (ЭСРЯ).

Старое название одежды, восходящее к праслав. **obrinъka/*obrinъku*, сохранившееся в болг. диал. *опинка* ‘тесьма, лента’, укр. *обпинка* ‘женская одежда, заменяющая юбку’, диал. *опинка* ‘платок на плечи’, белор. диал. *обпінка* ‘платок’ (в ряде южнославянских языков это слово известно и в значении обуви) является производным от глагола **obrinati*, выступающим в значениях ‘покрывать, обертывать, опоясывать’ (ЭССЯ). Эта же мотивема обнаруживается и в существительном **obrojъszъ*, представленном в болг. *опась* ‘пояс, кушак’, с.-х. *орас* ‘пояс’, чеш. *oras* ‘пояс, ремень’, рус. диал. *опояс/опоясь*, *опас* ‘пояс, кушак, ремень’ (ЭССЯ). В литературном русском языке сохранился глагол *опоясывать*, к которому восходят перечисленные дериваты.

Типичная номинативная модель для названий одежды связана с характером обработки ткани. У древних славян существовало несколько видов рубахи, имевших разное наименование: *чехол*, *рубаха*, *срака*, *сукня*, *кошуля*. Слово *чехол* является дериватом от глагола *чехать* (как варианта *чесать*, прасл. **česati/*čexati*, отправным значением которого было ‘рвать, драть’ или же ‘чесать шерсть, волокно’) (ЭССЯ), т. е. *чехол* буквально ‘отрезанное, оторванное’ или ‘чесаное’ (полотно), затем

‘одежда из этого полотна’ как следствие метонимического переноса. В современном русском языке *чехол* стало обозначением ‘покрытия из ткани, кожи для сохранения предмета от грязи, пыли’. Значение одежды у данного наименования сохранилось в некоторых русских говорах: диал. *чахол* ‘юбка, иногда цветная, под кисейное или иное легкое платье’, *чехлик* ‘бабий волосник’, ‘наголовник под платок’ (Даль). В более ранние периоды существования славянских языков было известно в основном в значении ‘покров, саван’: др.-рус. *чехол* (с XV в.) ‘покрывало’, ‘исподняя одежда’ (Срезн.), ст.-болг. *чехль* ‘покров, покрывало’, ст.-чеш. *čechel / čechl* ‘покрывало’, ‘саван’, ‘банная рубаха’, ‘одежда’ (ČES), аналогичное значение и у соврем. пол. *czechel* ‘простыня, саван’.

Мотивированность глаголами с семантикой ‘рвать’, ‘пороть’, ‘резать’, ‘подрубать’ – типичная ономаσιологическая база для образования наименований одежды. При обработке одежды она подрубалась, подрезалась, что нашло отражение в названиях *рубаха*, *риза*. К глаголу *рубить* восходят не только слова *рубаха*, *рубашка*, но и устаревшее *рубище* с той же семантикой, *руба* ‘грубая, толстая одежда’ (КЭСРЯ). Первоначально это был кусок ткани, который был подрублен (т. е. это была простая, неприхотливая одежда). Этот же признак выделяется и в названии белья в сербско-хорватском языке: *ру́бльо*, а также платка для головы – *ру́б* (РСХJ), в лужицких языках *rub* – ‘полотняный платок, скатерть’ (ИЭСРЯ). Значение ‘подшить, загнув край’ до сих пор сохранилось у глагола *подрубить*, в диалектах встречается слово *руб* в значении ‘рубец, край’, *рубашно* ‘полотенце, ширина’ (Даль), употребляется в русском языке и слово *рубчик* как деталь одежды. В чешском языке слово *rubař* получило другое семантическое развитие: от значения ‘длинная льняная одежда для женщин’ (ср. близкое значение у рус. *ночная рубашка*) до современного ‘саван’ (PSJČ) (т. е. ‘то, чем покрывают покойников’).

В X в. впервые упоминается в славянских землях грубая нижняя одежда, 'исподнее платье' – *рухо*, тканное из конских волос или козьей шерсти [5: 143]. По всей видимости, являясь дериватом от глагола *rušit* (рус. *рушить*), имеет также мотивацию, связанную с обработкой ткани, которую *рвали*, *рушили*. До сих пор *roucho* известно в чешском языке как книжное слово в значении 'облаченье, наряд, мантия' (SSČ), болг. *рухо* 'одежда', с.-х. *рѹхо* 'одежда', 'платье', 'приданое невесты', словац. *roucho* 'убор' (напр., 'свадебный'), 'внешний облик', пол. устар. *rucho* 'женское покрывало' (ИЭСРЯ). В русском языке сохранился его дериват *рухлядь* 'старые, обветшалые, пришедшие в негодность вещи домашнего обихода, одежда' (СРЯ), в значении 'пожитки', 'товар' *рухлядь*, *рухло*, *рухо* было известно и в древнерусском языке (Срезн.).

При изготовлении одежды ткань может быть и *разрезана*. Это послужило мотивировкой для таких слов, как рус. *риза*, *разрез* (деталь одежды). *Рица* была известна еще у древних славян и представляла собой свободную, длинную верхнюю одежду [5: 175], сохранилось в болгарском названии рубашки – *рица*, а в русском стало обозначением одежды священников.

С праславянского периода известно и слово *крой* в славянских языках, где оно обозначает не только 'покрой', как в русском, болгарском, македонском, сербохорватском, польском языках, но и именуется одеждой: чеш., словац. *kroj* 'одежда, наряд' (ЭССЯ). Это древнее слово является производным от несохранившегося глагола **kriti* (откуда **krojiti*), восходящего к и.-е. **skrei-* 'резать, разделять, разрезать на куски', откуда агентивное наименование **krojačь* (болг. *кроячь* 'портной', макед., с.-х., словен. то же (ЭССЯ), ст.-чеш. *kroječ* 'портной' (SČS). Дериватами от этого глагола является и название режущего инструмента **krojidlo* (ср. ст.-чеш. *krojidlo* 'большой нож' (SČS), чеш. *krojidlo* 'портняжный инструмент' (PSJČ), др.-рус. *кроило* 'инструмент для резания' (СРЯ 11–17 вв).

В русском языке человека, производящего одежду, стали именовать производным от другого глагола – *пороть*, внутренняя форма которого также указывает на характерное действие, совершаемое с тканью при изготовлении одежды – *портной*. К древним славянским наименованиям одежды, образованным от этого глагола, принадлежит слово *порты*. Так называли платье, одежду вообще, оно бытовало вначале не в том узком значении ‘штаны’, которое ему было придано в более позднее время [5:156], ср. др.-рус. *пъртъ* ‘кусок, ткани, одежда, покрывало’, *пърты* ‘штаны’ (Срезн.), ст.-сл. *пъртишь* ‘рубище’ (СС). Это подтверждают и данные русских диалектов: *порт* ‘грубая ткань, пряжа, холст’, *порты* ‘платье, одежда’, ‘ткань’, ‘холщовое исподнее, мужское платье’, ‘штаны, шаровары’, ‘белье, подштанники’, *портно* ‘узкий, грубый холст на рабочие рубахи’, *портище* ‘отрезок ткани’, (стар.) ‘платье, одежда’, *портянки* ‘обертки из ткани под обувь’ (Даль) (последнее известно и в общем употреблении как предмет одежды солдат). В современных славянских языках дериваты с данным корнем стали обозначением грубой ткани, полотна: ср. болг. *пъртушина* ‘поношенная одежда’, словен. *pirt* ‘полотно’, чеш. *pirt*, пол. *part* ‘грубая ткань, полотно’ (ЭСРЯ).

Праслав. **dripa* до сих пор известно в ряде славянских языков (болг. *дрипа* ‘лохмотья, рваная одежда’, ‘тряпка’, диал. ‘одежда вообще’, а также макед., с.-х., чеш. стар. *dřipa*, *dřip* ‘лоскут, тряпка’, укр. *дрипи* ‘тряпье’). Оно является производным от глагола **dripati/*drapati* ‘рвать, отдирать’ (ЭССЯ) и обнаруживает себя в составе русского прилагательного *задрипанный* ‘затасканный, старый’.

Анализ лексем данной тематической группы выявил мотивированность их следующими глаголами: 1) обозначающими действия с целью производства ткани (*ткать*, *сучить*, *вить*, *полтiti* ‘раскладывать’); 2) номинирующими определенные функции одежды (‘во что можно одеться, облечься’, что *покрывает*, *обертывает*,

опоясывает); 3) вербализующими характер обработки ткани (*рубить, резать, рвать, рушить, пороть, кроить, драть, чесать*).

Анализ дальнейшей семантической истории праславянских названий одежды, мотивированных глагольной лексикой, в славянских языках позволил выявить наиболее типичные семантические переходы, носящие в большинстве своем метонимический характер, подтверждающий приведенные выше высказывания: 'ткань, полотно' → 'одежда', 'ткань' → 'платок', 'ткань' → 'юбка', 'кусочек ткани' → 'рубашка', 'полотно' → 'покрывало, саван', 'полотно' → 'пояс', 'одежда вообще' → 'вид одежды (платье, костюм, платок, юбка, штаны, нижняя одежда)', 'одежда вообще' → 'церковное облачение', 'одежда' → 'лохмотья, тряпки', 'покрой' → 'костюм', 'одежда' → 'чехол', 'одежда' → 'оболочка'.

Многие названия хлебной продукции также мотивированы способом ее приготовления, действиями, охватывающими весь процесс приготовления выпечки, начиная от обработки зерна, замеса теста, действиями, производимыми с тестом, процессом его приготовления. Подобная мотивация также отражает наиболее архаичный вид мотивом, восходящих к разного рода действиям. Названия хлебо-булочных изделий часто мотивированы семантикой глаголов, характеризующих действия, производимые с тестом: *вертеть, крутить, бить, катать, вить, гнуть, плющить*.

О продуктивности древнего глагола **gybati* 'гнуть, сгибать' в «хлебной» терминологии писал А. Б. Страхов [8: 7–8]. К этому глаголу восходят рус. диал. *гибаница, загибенька, сгибень* (пск.) 'пирог, обычно согнутый, сложенный вдвое, с кашей либо с ягодами', 'род калача, иногда яичного, согнутый вдвое круг теста, булка полукругом' (Даль), болг. *гибаница, баница*, с.-х. *гибаница*, словен. *bgánca*. Значение 'гнуть, сгибать' восстанавливается и для праславянского глагола **kobiti* и реконструируемого **kabati* (ЭССЯ), откуда словац. *kabáč, kobáč* 'пирог', которые В. Махек ставил в один ряд с словац. *pagáčik* 'лепешка, простой

пирог из муки', чеш. *pegáč*, *bagáč*, словц. *pačac*, болг., с.-х., словен. *логача* (Machek), рус. диал. *логач* 'род пресного пирога' (Даль). Можно предположить и связь чеш. *kobliha*, обозначающего традиционную выпечку на масленице, с глаголом **kobiti*, сохранившимся в с.-х. *кòбити* 'предчувствовать, гадать, предугадывать (беду или удачу)', 'встречать', что указывает на первоначальную связь этого хлебного изделия с обрядом гадания (ЭССЯ).

Наименование популярного в Чехии, Словакии пирога *placka* мотивировано семантикой глаголов *plácat*, *pláckat* 'хлопать, бить' (ср. аналогичный корень в русском глаголе *рукоплескать*, *плескать* 'хлопать в ладоши', зафиксированном в словаре В. И. Даля). Возможно, к аналогичному глаголу восходит и более позднее рус. *клецка* 'колобок, комок из пресного теста, иногда скоромный, в похлебку' (Даль), восходящие к глаголу *клецать* 'ударять, щелкать'. Данное слово известно и в форме мн. ч. *placki*, обозначающее в чешском языке 'пасхальное обрядовое печенье', *ovesné placki* 'овсяные лепешки', а также *pleskance* (от *pleskat* 'хлопать, шлепать') 'тонкие лепешки из кислого теста' [2: 106]. К глаголу *плющить* 'раскатывать, делать плоским' (ср. и *плюснуть/плюснуть* 'шлепать, хлопнуть') восходит и название *плюшка*, древнерусское производное от *плюща* (КЭСРЯ).

Возможность придавать тесту различные формы при подготовке к выпеканию, *лепить* из него разные фигуры послужила основой формирования мотивемы 'вылепленное' для наименований изделий из теста. Этот признак обнаруживается в рус. *лепешка* 'плоское круглое изделие из печеного теста' (СРЯ), а также диал. *лепеха*, *лепяшка* (ЛАРНГ). Распространенное в Чехии название булочки *тоšenka* мотивировано глаголом *tošit* 'вертеть', 'крутить', является обозначением калача, закрученного в виде улитки.

Позднее в русском языке признак 'плетеный' стал основой наименования хлебного изделия – *плетенки* (как правило, в русском

хлебопечении известна *плетенка с маком*). Аналогичную внутреннюю форму имеет чеш. *pletenice, spleták*, словац. *pletenec, pletenák*, (от чеш. *plést*, словац. *pliest'* 'плести, вязать') – наименования плетеных видов выпечки, особенно характерной в обрядовом печении западнославянского мира для рождественского периода [2: 107]. *Витушка* – русское название закрученной булочки, в диалектах под этим именем понимается также 'бублик' (ЛАРНГ), мотивировано глаголом *вить*. Калач называют иногда в русских говорах *валенец* (от глагола *валить*), а пирог, ватрушку именуют *дроченой, дрочениной, дрочеником* (от глагола *драть*), лепешку – *мякушкой*, на основании того же признака пирог называют *мякотинной* (от глагола *мять*) (ЛАРНГ), что подчеркивает одновременно и мягкий характер данных изделий.

В различных манипуляциях с тестом имеют место и такие действия, как 'резать', 'рубить', что также может послужить мотивом соответствующих наименований. Сюда относится *кокора / кокура*, если принять высказанную Ю. В. Откупщиковым [7: 388] версию о мотивации слова глаголом *корнать* 'резать' (т. к. в диалектах известно *кокора* в значении 'обрубок, бревно'); сходную признаковую модель обнаруживают названия бублика – *крайка*, пряника – *краян* (ЛАРНГ) (восходят к глаголу *кроить* с начальным значением 'резать'). Лексемы с похожей внутренней формой обнаруживаются в словацком языке: *krajanec* (от *krájat* 'резать') – вид лепешки, *rezanki* (от *rezat* 'резать') – хлебные изделия в виде лапши, длинных полосок теста [2: 108], ср. с рус. диал. *резни* с аналогичной внутренней формой в значении (смл.) 'крошечные лепешки, которые готовят на родительскую, Дмитриеву субботу' (Даль).

Широко известное в русских говорах и нашедшее отражение в фольклоре *колоб, колобок* 'круглый хлебец' (известны и *колобашка* 'круглый пирог', *колобан* 'лепешка', ЛАРНГ) в исходном значении не имели семы 'круглый', будучи мотивированы глаголом *колоть* со

значением 'резать, долбить' (что подтверждается, в частности, диал. *колбьяк* 'обрубок бревна' того же корня) (Даль). Слово родственно латыш. *kalbaks* '(отрезанный) ломоть хлеба, краюха' (КЭСРЯ).

Во время приготовления пирог может быть начинен чем-либо. Общее название пирога с начинкой в русских говорах – *начинчик*, *чиненка* (подчеркивается наличие *начинки*), а также *клепаник* (ЛАРНГ) (от глагола *клепать*, т. е. соединять, скреплять). Сходная мотивировка обнаруживается у словац. *zápravka* – наименования сочельнического пирога, заправляемого маком, разными специями (от *zaprávat* 'заправлять чем-л.')[2: 208]. В зависимости от того, чем был начинен пирог, он получал название *курник* (пирог, начиненный мясом курицы), *рыбник* (с начинкой из рыбы), *грибник* / *зубник* (с начинкой из грибов), *картозник* / *картофельник* / *картошник* (с начинкой из картофеля), *мясник* (начиненный мясом), *луковник* / *лукошник* / *лушник* (с начинкой из лука) и т. п. (ЛАРНГ).

Приведенный славянский материал двух тематических групп свидетельствует о правомерности мнения о высокой степени их глагольной мотивированности и преобладании метонимических моделей семантической деривации, включая первичную семантическую модель, лежащую в основе древних наименований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булаховский Л. А. Введение в языкознание. Ч. 2. М., 1954.
2. Валенцова М. М. Терминология хлебов в календарной обрядности чехов и словаков // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии и семантики. Слово в контексте культуры. М., 1999. С. 99–123.
3. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. Спб., 2000.
4. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: «Петербургское востоковедение», 2004.
5. Нидерле Л. Быт и культура древних славян. Прага, 1924.
6. Маркова Е. М. Типология семантических трансформаций праславянской лексики и ее отражение в русском языке. Монография. М.: Изд-во МПУ, 2007. 254 с.
7. Откупщиков Ю. В. Очерки по этимологии. Спб., 2001.
8. Страхов А. Б. Культ хлеба у восточных славян. Опыт этнолингвистического исследования. München, 1991.

СЛОВАРИ И ИХ СОКРАЩЕНИЯ

Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. М., 1978–1980.

- ИЭСРЯ – Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х т. М., 1993.
- КЭСРЯ – Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. М., 1995.
- ЛАРНГ – Лексический атлас русских народных говоров. С.-Пб., 2004.
- Сл. 11-17 вв. – Словарь русского языка 11-17 вв. (Под ред. С. Г. Бархударова). М., 1975.
- Срезн. – Срезневский И. В. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров (Под ред. Ф. П. Филина) – Л.- Спб., вых. с 1965.
- СРЯ – Словарь русского языка в 4-х т. М., 1957-1961.
- СС – Старославянский словарь (по рукописям X-XI вв.), 2-е изд. М., 1999.
- ЭСРЯ – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т., 2-е изд. М., 1986.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд (Под ред. О. Н. Трубачева). М., вых. с 1974.
- Machek – Machek V. Etymologický slovník jazyka českého, 2-é vyd. Praha, 1968.
- PSJČ – Příruční slovník jazyka českého. Т. 1-9. Praha, 1935–1957.
- ČES – Rejzek J. Český etymologický slovník. Praha, 2001.
- РСХЈ – Речник српскохрватскога књижевног језика. Т. 1-6. Загреб, 1967–1982.
- SČS – Gebauer J. Staročeský slovník. Т. 1-2. Praha, 1903–1916.
- SSČ – Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Praha, 2003.
- SSJČ – Slovník spisovného jazyka českého. Т. 1–8. Praha, 1989.

МИЛОВАНОВА Мария Станиславовна (Москва, Россия)

доктор филологических наук, профессор
Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
MSMilovanova@pushkin.institute

**ФРАГМЕНТ АКТУАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА:
О НОВЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ
ЭКС-СЛОВОФОРМ ОТГЛАГОЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ**

Аннотация. Микродиахронный уровень исследования демонстрирует новые факты языка, отражающие специфику современного сознания. Речь идет о лексико-грамматических явлениях, которые фиксируют картину мира молодого человека, индивидуалистическую по своей сути. В статье рассматривается форма П.п. множественного числа отглагольного существительного *отношение*, получившая новую семантическую интерпретацию в предикативном употреблении: *Я в отношениях*.

Ключевые слова: микродиахрония, семантика состояния, синтаксические связи, «непереходность», предикативно-падежная форма *в отношениях*.

Abstract. The micro-diachronic level of research demonstrates new facts of language that reflect the specifics of modern consciousness. We are talking about lexical and grammatical phenomena that capture a young man's picture of the world, which is individualistic in its essence. The article examines the prepositional plural form of the verbal noun "relationship", which received a new semantic interpretation in predicative use: *I am in a relationship*.

Keywords: microdiachrony, semantics of state, syntactic connections, “intransitivity”, predicative case form in relations.

По замечанию Фр. Травничка, слова категории состояния выражают *разные* состояния [9]. Разные оттенки состояния современного человека способны выражать транспонированные формы (экс-словоформы) имен существительных [1, 2; 6; 10], связь которых с миром предметов бесконечно многообразна: варианты их лексических значений, сохраняющих свою яркость и в новом грамматическом облике, способны отразить любое движение мысли современный человек.

Предложно-падежная форма существительного, обладающая сложной и объемной семантикой, является удобным и адекватным способом выражения актуальной мысли, связанной с обозначением состояния субъекта «в деталях». Стимулом для развития категории состояния в настоящий момент становится факт актуализации позиции субъекта, что находит отражение в синтаксической конструкции ‘S + связка + предикативно-падежная форма’, где S не просто подлежащее со значением ‘предмет мысли / речи’, но в роли подлежащего выступает слово со значением лица / человека или указания на лицо / человека [8]. По-видимому, сама модель – это удобная «упаковка» для фиксации новых мыслей о новом состоянии, в выражении которых нуждается современный носитель русского языка.

М. Эпштейн в 2007 году писал о «тенденции к расширению функций переходности в современном русском языке» как вопросе не только грамматическом, но и когнитивном, мыслительном, отражающем общественное мирозерцание [11]. Вместе с тем можно говорить о существующей противоположной тенденции, опосредованно связанной с глагольной системой. Речь идет об утрате связей отглагольных имен существительных с зависимым компонентом, который был унаследован от производящего глагола. При этом часть исходных глаголов действительно являются переходными, другая часть предполагает

обязательную валентность на объект. Речь идет о небольшой группе существительных, чья предложно-падежная форма оказалась транспонирована в категорию состояния: *в восхищении, в поиске, без понятия, в отношениях* и, возможно, некоторых других, поскольку круг существительных, – в том числе и отглагольных, – потенциально способных к транспозиции, постоянно расширяется.

«Непереходность», по мысли Эпштейна, связана не с действием, а с особым состоянием, является *«признаковым действием, которое ничего не меняет, ни на что не переходит, а только характеризует своего носителя»* [11]. (Выделено мной. – М.М.) Предложно-падежные формы отглагольных существительных в предикативной позиции утрачивают способность управлять – это их существенное отличие от исходных словоформ. Ср.: *в отношениях с родителями / между родителями / родителей* и *Я в отношениях* (первое зафиксированное Национальным корпусом русского языка предикативное безобъектное употребление, относится к 2021 году_подкорпус «Социальные сети»).

Приведем примеры из Национального корпуса русского языка:

- в варианте словоформы имени существительного, сохраняющего связь с другим существительным с объектным значением: *Ключевой вербатим, в этом смысле, принадлежит Олегу Кулику: именно в его спектакле ясно звучит проблема мертвого и живого — в культуре, в отношениях между людьми.* [Валерия Пустовая. Прометей.doc // «Знание-сила», 2012]; *С другой стороны, немало ошибок в отношениях с Союзом было допущено и лично мною, так что и моя вина в общей неэффективности работы СРП имеется.* [Андрей Козырев. Ждать и надеяться // «Менестрель», 2014]; *Однако из-за роста напряженности в отношениях России и Европы разработку газовых месторождений в Восточной Сибири пришлось форсировать.* [Александр Лабыкин. Зачем нам нужна «Сила Сибири» // «Эксперт», 2014]; *Именно в один из приездов Мирки Макс понял, что ничего в*

отношениях с Алиной не изменит. [Н. Б. Черных. Слабые, сильные. Часть вторая // «Волга», 2015];

- в новом варианте – предикативно-падежной формы с семантикой состояния – с разрушенной синтаксической связью и безобъектным употреблением:

Вот с 20-ти могут говорить. Особенно, если ты в отношениях. [Чат для художников. telegram Чат для художников (06.05.2021)]; *Особенно упражнение актуально, если вы в отношениях или активном поиске)* [Beauty.by.zushka. Бьютиблог, лайфстайл (2022)].

Употребление в новых синтаксических условиях, во-первых, приводит к изменению лексического значения ('состоять в интимных, романтических связях / отношениях'), во-вторых – к изменению грамматического статуса и сближению с категорией состояния. Вместе с тем интересен тот факт, что транспонированная словоформа со значением состояния одновременно *характеризует своего носителя* (актуализирует мысль о нем) и *лишается способности раскрыть мысль об объекте*: объект отношений говорящему не важен.

Непереходное мировоззрение, отмеченное Эпштейном как специфически русское, сосуществует с переходным, причем существует как актуальное и находит новые формы выражения. Социологи отмечают атомизацию общества и индивидуализацию сознания современного человека под влиянием таких факторов, как действие массового (унифицирующего) сознания [4; 3] – эти процессы оказываются многократно усилены интернет-коммуникацией. Например, модный психологический дискурс порождает и тиражирует прагматический подход к межличностным отношениям. Приводимый ниже текст демонстрирует вариант метаосмысления такого понятия, как 'любовь / близкие отношения': [Вопрос корреспондента]: – **Раньше все искали любовь, а теперь мы строим отношения. Когда и почему**

произошёл такой перелом? [Анна Агамирян, практикующий психолог]: – Вообще, слово «отношения» существует в общественном диалоге очень давно, но раньше оно чаще всего означало общественные или финансовые отношения. Со временем – ещё и семейные. При этом *любовь* считалась чем-то вземным, не поддающимся логике остальных отношений. В нашем веке эта позиция изменилась: сегодня люди разделяют любовь как чувство и построение отношений как процесс, которым можно управлять. Теперь в общественном дискурсе есть просто отношения – семейные, рабочие, финансовые – и Отношения (именно с большой буквы): романтические отношения между партнёрами (<https://skillbox.ru/media/growth/relationship-status/?ysclid=lr6k26jkbr581714444>).

В.В. Колесов пишет о ментальности как «мировосприятии в категориях и формах родного языка, соединяющем интеллектуальные, волевые и духовные качества национального характера в типичных его свойствах и проявлениях» [5]. *Микродиахрония*, то есть незначительный для развития языка диапазон сопоставляемых временных отрезков – в рамках 20-15-10-5 лет [7], не может свидетельствовать о категоричной и безвозвратной перемене в мировосприятии носителей языка: возможно, «жизнь, качнувшись вправо, качнется влево» (И. Бродский). Вместе с тем в настоящий момент мы фиксируем тенденцию – «развенчание» традиционно безусловной ценности для русской культуры понятия (концепта) *любовь* как *бескорыстном чувстве, направленном на объект* (Бог, родина, семья, другой человек и т.д.).

Актуальное в молодежной среде выражение *Я в отношениях* (вероятно, под влиянием английского *I'm in a relationship*) – это результат переосмысления понятия 'любовь' как результата *взаимоотношений* и новое осмысление под углом зрения – *Я*: определенная замкнутость современного человека на себе и собственных интересах, переживаниях, текущем состоянии. Новые синтаксические связи

словоформы *в отношениях* (предикативное безобъектное употребление) подчеркивают внимание к субъекту мысли и нивелируют роль объекта, которым в реальной жизни (не синтаксической) является другой субъект – равноправный участник отношений. Объект (реальный и грамматический) в данном случае оказывается коммуникативно нерелевантным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герасименко Н.А. Бисубстантивные предложения в русском языке: структура, семантика, функционирование. М.: Изд-во МГОУ, 2012. 292 с.
2. Герасименко Н.А. Активные процессы в неглагольных предложениях современного русского языка // Педагогическое образование и наука. 2017. № 5. С. 125–128.
3. Горшков М.К. «Русская мечта»: опыт социологического измерения // Социологические исследования. 2012. № 12. С. 3–11. [Электронный ресурс]: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18147194>. Дата обращения – 15.01.2024.
4. Грушин Б.А. Массовое сознание. Опыт определения и направления исследования. М.: Политиздат, 1987.
5. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. [Электронный ресурс]: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9A/kolesov-vladimir-viktorovich/russkaya-mentalnostj-v-yazike-i-tekste> Дата обращения – 15.01.2024.
6. Милованова М.С. Язык и мир: развитие лексического фонда категории состояния // Русский язык за рубежом. 2018. №3. С. 4–10.
7. Милованова М.С. К определению понятия *любовь*: микродиахронный срез // Гуманитарные технологии в современном мире: Материалы VIII Международной научно-практической конференции (28–30 мая 2020 г.). Калининград: Издательство «РА Полиграфычъ», 2020. С. 122–129.
8. Милованова М.С. Аксиологические аспекты семантики состояния // Общая и русская лингвоаксиология: Коллективная монография / М.С. Милованова (отв. ред.). М.: Рос. акад. наук, Ин-т языкознания: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина. М., 2022.
9. Травничек Фр. Заметки о «категории состояния» // ВЯ. 1956. №3. С. 46–53.
10. Хуан Яньюй. Семантика и функционирование предикативных предложно-падежных форм существительного в современном русском языке. Дисс. ... кандидата филолог. наук. М., 2022. 190 с.
11. Эпштейн М. О творческом потенциале русского языка. Грамматика переходности и транзитивное общество. Знамя. 2007. №3 [Электронный ресурс]: <https://znamlit.ru/publication.php?id=3230>. Дата обращения – 15.01.2024.

ПАТРОЕВА Наталья Викторовна (*Петрозаводск, Россия*)

доктор филологических наук, профессор
Петрозаводский государственный университет
nvpatr@list.ru

РАССУДОК И РАЗУМ В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ ЕВГЕНИЯ БАРАТЫНСКОГО

Аннотация. Ментальные субстантивы играют особую роль в создании метафизического слога русской «поэзии мысли». Русская романтическая лирика предоставляет богатейший материал для исследования сходства и отличия ментальных концептов, в том числе «рассудок» и «разум», в общелитературном языке, философском дискурсе и лирике. Поэтическая гносеология Е. А. Баратынского подчеркивает оппозицию рационального и чувственного как разных ступеней мировосприятия в процессе формирования индивидуально-авторской картины бытия.

Ключевые слова: философия и лирика, поэтическая лексика и фразеология, логическое мышление, рациональное познание, мировоззрение, «поэзия мысли»

Annotation. Mental substantives play a special role in the creation of the metaphysical style of Russian “poetry of thought.” Russian romantic lyrics provide a wealth of material for studying the similarities and differences of mental concepts, including “reason” and “mind,” in general literary language, philosophical discourse and lyrics. The poetic epistemology of E. A. Baratynsky emphasizes the opposition of the rational and the sensual as different stages of world perception in the process of forming the individual author’s picture of existence.

Keywords: philosophy and lyrics, poetic vocabulary and phraseology, logical thinking, rational knowledge, worldview, “poetry of thought”.

Владимир Викторович Колесов, отмечая в книге «Язык города» особую роль старославянизмов, подчеркивает: «В том, что современный литературный язык гибок и способен к выражению самой отвлеченной мысли, что высок в пафосе и красочен в бытовом описании, – заслуга столетиями оттачиваемого книжного языка. Из него и нужные слова, и формы, и обороты речи, умело введенные в речь через литературные образцы» [6: 10].

Категории «рассудок» и «разум» обычно рассматриваются в гносеологии, логике, философии, психологии как обозначение некоторых способов познавательной деятельности человека [12]. В академическом «Словаре современного русского литературного языка» предлагается следующее толкование: **«Разум... 1. Высшая ступень познавательной деятельности человека, способность логически мыслить...// Ум,**

интеллект... // Разумность, целесообразность... 2. Способность мыслить, понимать, умственные способности человека... // Нормальное состояние человеческого сознания... 3. Устар. Смысл, значение ч.-л. ...» [11: 530–532]; «**Рассудок**... 1. Способность логически мыслить, рассуждать; разум (в 1-м значении)... // Способность осмысленно воспринимать окружающее, сознание... 2. Здравый смысл, рассудочность...» [11: 851].

В словарях синонимов лексемы *рассудок* и *разум* оказываются в одном синонимическом ряду, возглавляемом словом-доминантой *ум*. Так, по данным «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка», *ум*, *разум*, *рассудок* как синонимы обозначают и способность человека думать, понимать, и соответствующий «невидимый» орган [8: 447–448]. Но если при использовании слова *ум* акцент делается на процесс получения знания, то при употреблении синонимов *разум* и *рассудок* переносится на его результат (уже достигнутое понимание). При этом *разум* и *рассудок* ассоциируются с разными ценностями: *разум* – с высшими этическими понятиями; *рассудок* – всего лишь со здравым смыслом, расчетливостью. Словари антонимов [7: 239] указывают на семантическую полярность членов пар *рассудок* – *сердце*, *разум* – *чувство*, *разум* – *безумие*, но не включают оппозицию *разум* – *рассудок*. Таким образом в первом значении лексемы *разум* и *рассудок* оказываются синонимичными, однако вторичные значения их дифференцируют.

Как известно, в художественной речи общеязыковая семантика слова трансформируется, расширяется, обогащается за счет появления "приращений", добавочных «обертонов» смысла. При этом образную парадигму активнее формируют генитивные метафоры с лексемой *разум*, включающие конкретный по значению метафоризирующий и абстрактный по семантике метафоризируемый компоненты: *лоза разума*, *крылья разума*, *престол разума*, *факел разума*, *солнце разума*,

свеча разума, светоч разума, светильник разума, свет разума, луч разума, заря разума. При этом отрицательная коннотация встречается очень редко (например, *зной разума* у А. Блока) [5: 453–454].

С учетом указанных обстоятельств, а именно: 1) неоднозначной интерпретации категорий рационального в философской литературе, энциклопедических и лингвистических словарях, 2) способности слов к трансформации узуальной семантики в условиях поэтического контекста – кажется интересным проследить функционирование лексем *рассудок* и *разум* в условиях поэтического дискурса – на материале стихотворных произведений одного из ярких представителей романтической философской лирики XIX века – русской «поэзии мысли» – Е. А. Баратынского, автора психологических и медитативных элегий, который, по замечанию «любомудра» Н. А. Мельгунова, «возвел личную грусть до общего, философского значения, сделался элегическим поэтом современного человечества» [2: 431].

Тайна жизни и смерти, добра и зла, диалектика чувства и разума, законы человеческой судьбы и мироздания, взаимоотношения природы и цивилизации, сущность познания и поэтического творчества, возможность обретения истины – вот что волновало Баратынского, воспитанного на блестящих образцах просветительской мысли, с юности проявлявшего «склонность к умственным занятиям» [2: 130–131] и «искреннюю религиозную любовь к истине» [2: 254]. «Нам очень нужна философия» [2: 164], – как-то заметил в одном из своих писем Баратынский, на рубеже 1820-х и 1830-х гг. испытавший влияние шеллингианских идей благодаря знакомству с участниками заседаний московского «Общества любомудрия» (И. В. и П. В. Киреевскими, В. Ф. Одоевским, С. П. Шевыревым, Н. А. Мельгуновым, А. С. Хомяковым и др.). И еще: «Всякой писатель мыслит, следовательно, всякой писатель, даже без собственного сознания, философ. Пусть же в его творениях отразится собственная его философия, а не чужая...

старые образцы могут сбить с толку, и я указываю на современную философию для современных произведений, как на магнитную стрелку, могущую служить путеводителем в наших литературных поисках» [2: 207].

Мысль, дума, истина, ум, разум, рассудок – важнейшие для Баратынского-философа понятия, о чем свидетельствуют уже сами заглавия его стихотворений: «Мысль», «Мудрецу», «Истина», «Предрассудок» и т.п. При этом, как показывают наблюдения, «поэт мысли» стремится разграничить содержание лексем (и концептов) *разум* и *рассудок*, хотя их поэтическое употребление, конечно же, во многом далековато от строго терминологического, метафизического.

Так, слово *рассудок* чаще используется Баратынским как синоним здравого смысла, рассудительности, рассудочности (в противоположность чувству и сердечным влечениям), например:

Узнал ли друга ты? <...>

Уж многих слабостей, тебе знакомых, нет,

Уж многие мечты ему чужими стали!

Рассудок тверже и верней... [1: 58]

Печаль бесплодную рассудком усмири... [1: 110]

Как миг один рассудок побеждает –

По пальцам все она расскажет вам. [1: 213]

Приманкой ласковых речей

*Вам не лишит меня **рассудка!*** [1: 85]

Опасны сердцу ваши взоры...<...>

От власти их, когда возможно,

*Спасти **рассудок** я желал.* [1: 106]

Я полон сладкою тоской,

*Но нет! **рассудка** не забуду...* [1: 120]

Однако поэтический контекст создает условия не только для дифференциации смыслов (что обычно и для нехудожественного

текста), но и, напротив, для совмещения, наложения, «мерцания» двух и более семантических оттенков. Так, аппликация, взаимопроникновение значений «здравый смысл» и «способность логически мыслить, рассуждать» обнаруживаются, например, в следующих строках:

Даете цену вы всему:

***Рассудку, шалости, уму...** [1: 106]*

Бывал обманут сердцем я,

*Бывал обманут я **рассудком**...* [1: 223]

Эта достаточно высокая степень «неопределенности» поэтического контекста обуславливает богатые возможности для его множественной, неоднозначной интерпретации вдумчивым читателем. По верному замечанию С. Т. Золяна, «значение текста многозначно. Различные множества пропозиций, описывающие различные множества миров, могут претендовать на то, чтобы считаться значением текста... Случаи, когда тексту может быть приписано только одно «правильное» значение, следует рассматривать лишь как частный случай» [4: 75]. Неоднозначность и «темнота» поэтических текстов – их «структурное свойство» [10: 424]; см. также: [9].

Лексема *разум* чаще употребляется Баратынским в первичном значении 'высшая степень познавательной деятельности, способность логически мыслить'. При этом автор подчеркивает творческое начало и ценностный характер данного типа рациональности, а также его взаимосвязь со сферой чувств, причастность Божественному Логосу, который дарует мыслящему индивиду ощущение свободы, но неразрывное с моральным сознанием:

*Вотще ей **разум** дарованья,*

И чувств, и мыслей прямота... [1: 163]

Я мыслю, чувствую: для духа нет оков... <...>

*И **разуму** отчет стараюсь в сердце дать!* [1: 103]

Реже в стихотворных произведениях Баратынского встречаем иные лексико-семантические варианты – ‘ум’, ‘индивидуальные умственные способности’:

Наполни вздохами истерзанную грудь,

Ни вкусу не давай, ни разуму потачки... [1: 57]

*Обширный **разумом** и сильный, громкий словом... [1: 111]*

В одном из писем М. П. Погодину Е. А. Баратынский, вполне в духе идей еще XVIII столетия, высказывается о необходимости постройки всего социального здания на рациональных началах: «Главная моя мысль: человечество состоит из человек, следовательно, в нем развивается человек. Ход их развития один и тот же. закон его в законе разума человеческого... Изъясняю мысль мою сравнением, ибо более поэт, нежели философ» [2: 131]. В реальности же законы общественного устройства, которые должны быть основаны на принципах ratio, согласно идеалам Просвещения, далеки от подлинной гармонии, по мысли лирического героя Баратынского:

Гляжу на свет и, видя в свете

Свободу глупости и зла,

*Добра и **разума** прижимку,*

Насильем сверженный закон,

Я слабым сердцем возмущен... [1: 147]

Баратынского волнуют «вечные» вопросы бытия: способен ли человеческий разум постигнуть суть вещей, законы природ и истории, безграничен ли его потенциал, возможно ли достижение гармонии общественного и индивидуального, макро- и микрокосма на рациональных началах? Так, согласно основной идее стихотворения «Истина», абсолютное знание дается человеку только ценой смерти:

... некогда обдумывал с роптаньем

Я тяжкий жребий свой,

Вдруг Истину (то не было мечтаньем)

*Узрел перед собой.
«Светильник мой укажет путь ко счастью! –
Вещала. – Захочу –
И страстного отрадному бесстрастью
Тебя я научу...
Я бытия все прелести разрушу,
Но ум наставлю твой;
Я оболую суровым хладом душу,
Но дам душе покой».* [1: 105]

Как показали наши наблюдения, у лексем *рассудок* и *разум*, стилистически нейтральных в общелитературном языке, в поэтическом контексте появляются добавочные оценочные смыслы: *разум* как высшая способность мышления, связанная с творческим потенциалом личности, получает, как правило, положительный коннотативный ореол; *рассудок*, наряду с мелиоративной, может получать пейоративную или же шутливо-ироническую коннотацию. Эти дополнительные оценочные семы воспринимаются читателем на фоне достаточно широкого контекста (ср., например, интерпретацию строки «Вот разума великолепный пир!», взятой изолированно и по прочтении антиутопии «Последняя смерть»), иногда целого произведения или всего творчества автора, так как слова *разум* и *рассудок* употребляются Баратынским и другими поэтами, как правило, без зависимых компонентов [3: 148–151] (оценочных атрибутов-прилагательных, притяжательных местоимений, генитивных форм), за редким исключением: *мой разум* [1: 105], *разум дарованья* [1, 163]. Лишь однажды у Баратынского слово *рассудок* сопровождается качественными адъективами, выступающими в функции предиката: *Рассудок тверже и верней* [1: 58].

Итак, хотя в стихотворениях Баратынского спектр значений лексем *разум* и *рассудок* не выходит за границы общезыкового, системного, декларация поэта «Философ я...» все же не кажется преувеличенной,

самонадеянной: не употребляя эти категории в соответствии с той или иной философской традицией, не противопоставляя их как две разные формы мышления, а подчас сливая их воедино, Баратынский обнаруживает воистину философскую прозорливость в противопоставлении рационального как такового, с одной стороны, и природного, жизненного, чувственного, исторического – с другой, предвосхищая тем самым откровения позднейшей иррационалистической философии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баратынский Е. А. Полное собрание стихотворений / Е. А. Баратынский. – Л.: Советский писатель, 1989. – 464 с.
2. Баратынский Е. А. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников / Е.А. Баратынский. – М.: Правда, 1987. – 480 с.
3. Васильев Н. Л. Словарь поэтического языка Е.А. Баратынского / Н. Л. Васильев, Д. Н. Жаткин. – Москва : ФЛИНТА, 2017. – 156 с.
4. Золян С. Т. Семантика и структура поэтического текста / С.Т. Золян. – М.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2014. – 336 с.
5. Иванова Н. Н. Словарь языка поэзии : образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX в. / Н. Н. Иванова, О. Е. Иванова. – Москва : АСТ : Астрель : Русские словари : Транзиткнига, 2004. – 667 с.
6. Колесов В. В. Язык города. – Москва : Высшая школа, 1991. – 192 с.
7. Львов М. Словарь антонимов русского языка / М. Р. Львов. – М. : Рус. яз., 1988. – 380 с.
8. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1. – М. : Шк. "Языки рус. культуры": Кошелев, 1997. – 511 с.
9. Перцов Н. В. О неоднозначности в поэтическом языке / Н.В. Перцов // Вопросы языкознания. – 2000. – № 3. – С. 55–82.
10. Ревзина О. Г. Загадки поэтического текста / О.Г. Ревзина// Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. – М. : Эдиториал УРСС, 2002. – С. 418–433.
11. Словарь современного русского литературного языка / АН СССР. Т. 12. М., 1961. – 1676 стлб.
12. Соколов А. С. Пути разума: социально-антропологические аспекты типологии рациональности / А. С. Соколов. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1996. – 47 с.

ПИМЕНОВА Марина Васильевна (*Владимир, Россия*)

доктор филологических наук, профессор
Владимирский государственный университет имени
Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
pimenova-vgpu@yandex.ru

ВЛАДИМИР ВИКТОРОВИЧ КОЛЕСОВ О ВИДАХ ПЕРЕНОСНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В ДИАХРОНИИ

*Памяти выдающегося Ученого
и дорогого Учителя*

Аннотация. В статье с опорой на труды В. В. Колесова рассмотрены виды переносных значений (семантических сближений) в диахронии: метонимия, эпитет, символ, метаморфоза/уподобление, кеннинг, металепис, катахреза, сравнение, «иносказание», перенос с одушевленного на неодушевленное (олицетворение), перифраз, метафора, ирония; представлена последовательность смены основных тропов в зависимости от концептуальной формы ментальности: *метонимия* (ментализация) – *метафора* (идеация) – *ирония* (идентификация).

Ключевые слова: В. В. Колесов, концептуальные формы ментальности, виды переносных значений.

Abstract. Basing on the principles of V.V. Kolesov's works, the article examines the types of figurative meanings (semantic approximations) in diachrony: metonymy, epithet, symbol, metamorphosis/assimilation, kenning, metalepsis, catachresis, simile, allegory, transfer from animate objects to inanimate objects (personification), paraphrase, metaphor, irony. The sequence of the main tropes changing according to the conceptual form of mentality: metonymy (mentalization) – metaphor (ideation) – irony (identification) is presented.

Keywords: V.V. Kolesov, conceptual forms of mentality, types of figurative meanings.

Следует отметить, что современные представления о языковой образности как о метафоричности (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф, Л.А. Новиков, Г.Н. Складарская, В.Н. Телия, Д.Н. Шмелев и др. [1; 2; 3; 5; 16; 20; 21; 22]), как правило, автоматически переносятся на все виды переносных значений (семантических сближений) в диахронии (в том числе и на самые древние): «сказывается обычная леность мысли современного интеллигента, перегруженного разными техническими сведениями и неспособного задуматься о тонкостях самого процесса развития переносных значений слова» [11: 571]. При подобном переносе с синхронии на диахронию априорно отождествляются восприятия мира

современного человека и древнего русича, что, безусловно, искажает реальную картину взаимодействия языка и ментальности в различные исторические периоды.

В. В. Колесов отмечает, что «самым важным различием между <...> периодами, имевшим большое значение для русского языка, было **различие между типами ментальности**, которое проявлялось в развитии глубинно концептуальных категорий национального сознания. Древнерусская *ментализация* способствовала овладению всеми ценностями христианской культуры, и русский язык получил множество выразительных слов и форм, способствовавших формированию общерусского языка» [9: 15]. На лингвистическом уровне «ментализация есть наполнение словесного знака образным смыслом, переработка полученного христианского символа с точки зрения предметного значения (объема понятия = денотата, экстенционала), т.е. постоянная сверка символа с миром вещей» [12: 405–406]. Разработка объема понятия происходит путем метонимических переносов, а их развитие «... определяется важностью не сходства, а общностью функции или чисто внешне – смежности (часть как целое, род как совокупность видов и т.д.)» [8: 145]. В. В. Колесов, сравнивая метонимические переносы с метафорическими, подчеркивает, что метонимия – «не качественный (как *метафора*) по сходству, а количественный перенос по смежности, конечным пределом которого является образование *символа*, поскольку метонимия эмблематична по функции (например, называет владение вместо владельца, <...> народ вместо страны или страну по названию народа: “Русская земля” и другие этнонимы в “Слове о полку Игореве”)» [6 III: 243]. В. В. Колесов также указывает, что «метонимия имеет дело с целой вещью, а метафора – с признаками этой вещи» [11: 579], поэтому «метонимический перенос отражает устойчивые смысловые связи между реальными объектами, а не развивающиеся признаки (как метафора); основа метафоры – ключевые понятия данной культуры

(например, в современной – антропоцентрические), тогда как для метонимии скорее характерен “производственный” принцип отсчета наблюдаемых признаков» [6 III: 243]. В. В. Колесов отмечает, что, например, в основе метонимических семантических сближений текста «Слова о полу Игоре» лежит дружинная терминология: **«Итти дождю стрѣлами съ Дону великому»**; **«Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремя и поѣха по чистому полю** (‘выступил в поход’); **Приломити копіе»** [Там же]. К случаям «простой» (очевидной) метонимии В. В. Колесов относит также следующие: **«О, стонати Руской земли помянуше пръвую годину и пръвыхъ князей!»**; **«Страны ради, гради весели»**; сочетания со словом гнездо (**«Дремлетъ въ полъ Ольгово хороброе гнѣздо»**; **«прострошася половци, акы пардуже гнѣздо»**; **«Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбываетъ: не даст гнѣзда своего въ обиду»**; **«Инъгварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславичи, не худа гнезда шестокрилци!»**); метонимическую замену единственного числа множественным (**«Яръ туре Всеволодъ! Стоиши на борони, прыщещи на вои стрѣлами, гремлещи о шеломы мечи харалужными! <...> Поскепаны саблями калеными шеломы оварьскыя, отъ тебе, яръ туре Всеволоде!»**); формулы боя, «в которых воины и дружина показаны через их оружие (“мечи харалужными”, “шеломы оварьскыя”, “ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти”, “стоять стязи въ Путивль” и пр.)» [Там же]. Более сложными, по мнению В. В. Колесова, являются случаи метонимии в развернутых описаниях боя (**«въють душу отъ тѣла»**, **«снопы стелють головами»**, **«Зелену паполому постла за обиду Олгову»**, **«не буря соколы занесе... галици стады бѣжать...»**, **«крычатъ тѣлѣгы полунощы, рци лебеди роспущени...»**), «...в описании бегства Игоря со многими включенными метонимиями (“...ему слѣдъ править” – то есть путь)» [Там же]; при

обозначении храма с опущением нарицательного имени: *«Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святѣй Богородици Пирогощей»* [14: 143].

«Метонимический способ мышления» средневековья [13: 164] лежит в основе и других видов переносных значений. Так, например, **эпитет** на метонимической основе указывает на *«типичный»* признак имени: прилагательные *сѣверный* и *южный* встречаются только в сочетании со словом *страна* (*восточный* и *западный* в свободном употреблении), точно также возможны устойчивые сочетания *крестная грамота*, *крестное целование*, а *каменная* только *церковь*, также *душевная грамота*, *нужа ужасная*, *страстная неделя* и т.п.» [11: 143]. По мнению В. В. Колесова, эпитет на метонимической основе синкретично отражает признаки «...одного и того же объекта через денотат (*серебряные берега*) или через отношение к более общему признаку путем уподобления содержащему этот признак объекту (*кровь* – ‘вино’, следовательно, “*кровавое вино*”; *жемчуг* – ‘душа’, следовательно, “*жемчужная душа*” и т. п.)» [6 V: 240–243]. Приведем указанные В. В. Колесовым эпитеты в контекстах «Слова о полку Игореве»: *«Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы; ту кроваваго вина не доста»*. *«Не бысть ту брата Брячеслава, ни другаго – Всеволода. Единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла чресъ злато ожереліе»*. *«Стлавшу ему [Игорю] зельну траву на своих **сребреныхъ брезѣхъ**»* [14: 131, 138, 142.]. В. В. Колесов подчеркивает, что возникновение эпитетов в диахронии основано «...на семантических особенностях древнерусских прилагательных, только-только вычленяемых из общей совокупности имен; в них отражается взаимообратимость характеристики по признакам субъект – объект, часть – целое, вид – род и т.п., т.е. чисто метонимические перемещения смысла слова в конкретном контексте (*железный* – из железа и – в железе, с железом)» [6 V: 254]. Например: *«А поганаго Кобяка изъ луку моря отъ **жельзныхъ великихъ плѣковъ Половецкихъ**, яко вихрь*

выторже»; «Уже соколома крыльца припъшали поганыхъ саблями, а самую опуташа въ путины желъзны»; «Подперъ горы Угорскыи своими желъзными плъки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота»; «Суть бо у ваю желъзныи паворзи подъ шеломы латинскими» [14: 133, 134, 136].

На «метонимической образности» основан и древнерусский языческий **СИМВОЛ**, который «...был символом *уподобления вещей* (рука как символ власти, борода как символ мужественности, стихийное бедствие как *гнев божий* и т.п.). Средневековый символ изменяет свой характер, теперь это *символ замещения* (слов); ср. христианский символ «крест» и языческий символ «крѣс» (ритуальный огонь в ночь на летний солнцеворот), которые сошлись в одном слове – символе замещения в общем смысле *возрождения в страдании*» [11: 394]. Структура переносного значения символа «...строится формальными пересечениями сопоставлений (параллелизм) и противопоставлениями (антитеза), содержательно наполненных уподоблений» [6 IV: 287–288]. Символ отличается прежде всего устойчивостью формы (а не значения), которая, как пишет Н. Д. Арутюнова, «может быть не только названа, но и изображена» [2: 236].

В. В. Колесов отмечает, что метонимическая «...реальность многих “символов” – слов в “Слове о полку Игореве” доказана историками искусства и натуралистами (Д. В. Айналов, Н. В. Шарлемань): чръленые щиты, златъ столъ, жемчюжна душа, злато ожерелие, сребрено стружие, преломление солнечных лучей в металле, затмение солнца, другие явления природы» [6 IV: 289]. Средством согласования символов является метонимия по принципу «матрешки»: *свѣтъ > заря > солнце > Дажьбогъ* и т. п., то есть «метонимического представления части за целое, части в целом, целого как вместилища частей» [6 IV: 289].

В. В. Колесов отмечает, что с символом «корреспондирует» уподобление (или метаморфоза, как ее называет В.В. Виноградов [4:

411]), «...представая как сближение, вскрывающее родовую близость разнородных видовых понятий, представлений или идей (относительно сопоставляемых явлений, предметов или действий)» [6 V: 148]. От сравнения, осуществляющегося по отдельным признакам, уподобление отличается тем, что это «выражение полного превращения в новую форму» [Там же], 'то же самое', а не просто 'похожее', например: «*Боянь бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслию по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ подѣ облакы <...> Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плѣночи изъ Бѣлаграда <...> “Полечю, – рече, – зегзицею по Дунаеву” <...> А Игорь князь поскочи горностаемъ къ тростию и бѣлымъ зоголемъ на воду. Вѣврѣжеса на брѣзъ комонь и скочи с него босымъ вѣлкомъ ... и полетѣ соколомъ подѣ мѣлами» [14: 125, 138, 140, 141]. Отличие уподобления от сравнения «подчеркивается характером сочетания, в котором всегда присутствует глагол <...>, указывающий конкретную форму метаморфозы, тогда как сравнение выделяет общий родовой признак сравниваемых объектов» [6 V: 148].*

Самый распространенный способ уподобления – творительный падеж имени («творительный уподобления», или «творительный превращения») – описан А. А. Потемной в его классической работе «Из записок по русской грамматике»: «*Побежал волком* – не лексически и не описательно контекстное, и тем более не синтаксически выраженное сравнение, не троп, а характерное для мифологического сознания уподобление, выраженное категориально (особой формой имени), а не лексически» [19: 485].

В.В. Колесов отмечает, что в тексте «Слова о полку Игореве» неоднократно встречается уподобление *стрѣлами*, выраженное формой творительного падежа, например, «*прыщеша на вои стрѣлами*», русские воины «*рассушася стрѣлами по полю*», «*вѣтри... вѣють съ моря стрѣлами*» [6 V: 149]. По мнению В. В. Колесова,

«сравнение воинов с тучами, проливающими дождь-стрелы, есть типичный **кеннинг**» [Там же], то есть наиболее древний способ передачи образного значения слова через «беспорядочный подбор признаков в бесконечном мире вещей» [11: 583], отражающий «синкретизм мышления в тексте, для которого важно только *указать* на предмет любым словом в их метонимическом сопряжении» [11: 578]. Интересно, что древнейшее по происхождению уподобление, выраженное формой творительного падежа, фиксируется и в современном русском языке, например: *остальные волком воют, так змеей и смотрит* (А.Н. Островский. Гроза), *проскользнуть кошкой по лестнице* (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание), *глядят орлами* (Э.Г. Казакевич. Звезда), *Егор ужом выскользнул из-под одеяла* (В.М. Шукшин. Калина красная) и др.

Еще один вид переносного значения, отражающий, по мнению В. В. Колесова, метонимический способ мышления, – **металепсис** («древнерусская калька *приятие* ‘сопричастие’) – замена одного слова другим, которое выступает как эмблема заменяемого (*Гецфест* вместо *огонь*); одновременно это и уподобление» [11: 576], замена, «иное обозначение того же денотата», например: *звук* вместо *слава*, *красна дъвица* вм. *узы-путы*. В этих случаях присутствует скрытое сходство, однако «... в отличие от метафоры с определенным для нее соотношением признаков, здесь не всегда заметны соответствующие связи признаков сравнения» [6 III: 240]. В качестве «обычного» примера металепсиса в «Слове о полку Игореве» В. В. Колесов указывает «...на перенесение обозначения звуков (звучания), в результате на метонимической основе происходит переосмысление субъекта действия через воспроизводимый им крик, вопль, возглас, шум, которые каждый раз передаются в тексте своим особым, конкретного значения, глаголом. Ср. также развернутый по всему тексту “Слова о полку Игреве” (этот прием расширения фигуры также присущ памятнику) металепсис “звук-

слава”: “звенить слава въ Киевѣ”, “звонъ слыша давный великий Ярославъ”, “звонячи въ прадѣдную славу”, а также “позвони своими острыми мечи о шеломи...”, “гремлеши о шеломи мечи харалужными...”, “а себѣ славы искати” (также оборот “честь и слава”) и пр.: звон мечей понимается как призыв и путь к славе» [6 III: 240].

В. В. Колесов подчеркивает, что пришедшая вслед за метонимическим способом мышления **«метафоризация стала ментальной революцией»** [11: 576–577], поскольку связь с предметным значением слова *D* в метонимии (в основном тропе эпохи Средневековья) перешла в старорусский (собственно, уже великорусский) период на словесное значение *S* в метафоре «...с выделением признаков *различения*, в связи с развитием русского реализма и процессом идеации как его отражением» [11: 558].

Предшественницей метафоры, по мнению В. В. Колесова, является **катахреза** «(древнерусская калька *напотрѣбие*, в историческом словаре переводится как ‘неправильное употребление метафоры’) – семантически *неоправданное* сочетание слов, используемое в художественных целях; это средство семантической конденсации текста с помощью слов данной культуры» [11: 575]. Например: Игорь *«истягну умъ крѣпостию своею и поостри сердца своего мужествомъ»* (ум, сердце и сталь синкретически соединяются через глагол *поостри*), *«А бы ты [Боян] сиа плѣкы ущекоталь, скача, славию, по мыслену древу»*: *мыслено древо* как *древо мысли, мыслимое древо, древо из мысли*. Делая вывод, В. В. Колесов подчеркивает, что «катахреза выступает как средство поиска признаков сходства путем сравнения с *цельным предметом*, еще не разложенным сознанием на отдельные признаки (сущность метафоры), поскольку внутренние свойства сравниваемых объектов еще неизвестны. Совмещенность в мысли души, сердца и панциря с «телом» (= в теле, на теле) показывает, что такой перенос осуществляется на основе метонимии и

синекдохи. Катахреза, таким образом, представляет собой средство *наведения сознания на искомые признаки, впоследствии образовавшие метафорический (образный) перенос* [11: 576].

Пред-метафорой являются также «развернутые» сравнения типа *столпы ако дугы* ('радуги') *зарны*, содержащие указание на предмет сравнения (*столпы* – что сравнивается), образ сравнения (*дугы* – с чем сравнивается) и признак, по которому сравнение осуществляется (*зарны*). Приведем древнерусский контекст: *«Егда удариша в било, видѣста 3 столпы, ако дугы зарны, и стоявше придоша надъ верхъ церкви, иде же положень бысть Феодосий»* [18: 240]. По структуре данные лексико-семантические единицы представляют собой сравнительные обороты, формальным признаком которых являются сравнительные союзы (*ако / яко / како / чьто / акы* и др.). От метафоры, часто называемой «сокращенным сравнением» [2: 234], «развернутые» сравнения отличаются экспликацией признака сравнения (*зарны*), опущенного, но подразумевающегося в метафоре. В. В. Колесов подчеркивает, что для древнего текста метафора как таковая не была характерна, поскольку средневековое сознание «...еще не отработало в языковых формах противопоставления субъекта – объекту, рода – виду, отвлеченного – конкретному, духовного – душевному и т.п., что необходимо при создании оригинальных авторских метафор» [6 III: 241].

В древнерусском тексте встречается также «иносказание», происходящее путем ввода абстрактного понятия в конкретное действие (*скача, славю, по мыслену древу; тоска разлися, печаль тече; вострубим в разум ума*) и отражающее древний «...синкретизм понятия и выражаемого им явления, вещи и признака» [6 I: 47], которое современный читатель воспринимает как своего рода аллегорию. Приведем примеры контекстов: *«О Бояне, соловию стараго времени! А бы ты сиа плъкы ущекоталь, скача, славю, по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы <...> Тоска разлися по Руской земли, печаль жирна*

тече средь земли Рускыи» [14: 126, 132]; «*Въструбимъ, яко во златокованья трубы, в разумъ ума своего*» [15: 388].

Следующий частный случай уподобления – перенос с одушевленного на неодушевленное, Например: «*Уже бо бѣды его пасеть птицъ по дубию <...> Въстала обида въ силахъ Дажьбожа внука, вступила дѣвою на землю Трояню <...> За ним крикну Карна, и Жля поскочи по Руской земли, смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ*» [14: 128, 131, 132]. В.В. Колесов отмечает, что современные исследователи толкуют подобные контексты как «олицетворение сил природы», хотя никакого олицетворения «...и не было в представлении средневекового автора, поскольку природа и воспринималась им как живая в своих проявлениях» [6 III: 356].

Перифраз – это «многословие» («положительный» эвфемизм), при котором изменяется только форма выражения, а не семантика, когда сохраняется один и тот же денотат («вещь»), «...но фиксируются разные признаки и образы этой вещи» [6 IV: 88], например: *земля Трояна* – Русь, *Велесовъ внуче* – Боян, *Стрибожи внуци* – ветры, *шестикрильцы* – соколы и под.

Следует отметить, что в процессе развития языка и в связи со сменой концептуальных форм ментальности произошла замена основного способа косвенного называния лица/объекта: метонимия (синекдоха) в период идеации (XV–XVII вв.) сменилась метафорой, а в наши дни, как отмечает В.В. Колесов, включился новый троп – ирония, характерный для современного сознания», «пропитанный стѣбом и безудержным глумлением» [10: 211–212]. В.В. Колесов пишет: «Исключительная особенность переносов современного типа состоит в тяготении к *иронии*. Особенно ирония распространена в разговорной речи и прежде всего в аргю. <...> Эта черта была замечена в середине прошлого века и с тех пор исключительно развилась» [11: 565].

Делая выводы, необходимо подчеркнуть, что каждый из видов переносных значений (семантических сближений) в диахронии, описываемый чаще всего «с точки зрения современных представлений о сущности сознательного использованного стилистического приема», является «строительным материалом» древнего текста и употребляется не в художественной («украшающей»), а в семантической функции косвенной номинации, выражая оценочное значение [17: 61–65]. Дифференциальные признаки видов переносных значений (семантических сближений) можно расклассифицировать по нескольким основаниям.

Основание I.

Количество представленных в семантическом сближении денотатов:

1) два денотата: метонимия, символ, сравнение, метаморфоза (уподобление/творительный превращения), метафора;

2) один денотат – эпитет, перенос с одушевленного на неодушевленное (совр. олицетворение), «иносказание» (совр. аллегория), перифраз, катахреза, металепис, ирония.

Основание II.

Количество и соотношение членов семантического сближения:

1) трехчленное семантическое сближение: сравнение, включающее в себя объект, образ, и признак сравнения: *А сходно с В по признаку С;*

2) двучленное семантическое сближение:

а) метонимия, указывающая на количественное соотношение части и целого (целого и части): *А смежно с В;*

б) символ, отождествляющий образ и объект: *В есть А;*

в) метаморфоза (уподобление), уподобляющая объект и образ: *А то же, что В;*

г) метафора, включающая в себя качественно сравниваемые объект и образ (признак сравнения опущен): *А сходно с В;*

д) ирония, состоящая в неожиданном и как бы неуместном использовании слова, вызывающим комический эффект: *A (+) есть A (-)*.

Основание III. Тип устойчивости/неустойчивости:

1) устойчивость на лексико-семантическом уровне: сравнения, постоянные эпитеты (устойчивые книжные атрибуты), перифразы;

2) устойчивость категориальной модели: метонимия (часть – целое, целое – часть, вместилище – вместимое, материал – изделие из него и др.), метаморфоза (творительный уподобления/превращения);

3) устойчивость экстралингвистических связей: символ, «иносказание» (аллегория), языковая метафора;

4) неустойчивость семантических сближений, имеющая ситуативный и индивидуально-авторский характер: олицетворение, металепсис, катахреза, художественная метафора, ирония.

В.В. Колесов подчеркивает, что «историческая последовательность реализации тропов в русской культуре» идет «от метонимии к иронии» [11: 582]. Представим данную историческую последовательность в виде таблицы.

Табл. 1. Последовательность основных видов переносных значений в диахронии.

Концептуальные формы русской ментальности (по В.В. Колесову)		
Ментализация	Идеация	Идентификация
Хронологические рамки периода		
«Дописьменная» эпоха – XI–XIV вв.	XV–XVII вв.	XVIII–XXI вв.
Основные виды переносных значений		
Метонимия (синекдоха)	Метафора	Ирония
Классификационные признаки основных видов переносных значений		
Два денотата <i>A смежно с B</i> Устойчивость модели	Два денотата <i>A сходно с B</i> Устойчивость экстралингвистических	Один денотат <i>A (+) есть A (-)</i> Неустойчивость (ситуативность,

	связей	индивидуально-авторский характер)
--	--------	-----------------------------------

В заключение необходимо отметить, что дальнейший анализ видов переносных значений с опорой на труды В.В. Колесова позволит основательнее представить эволюцию выражения образности в связи со сменой концептуальных форм русской ментальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 367 с.
2. Арутюнова Н.Д. Метафора // Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Русский язык, 1997. С. 233–236.
3. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
4. Виноградов В.В. Поэтика русской литературы. М.: Наука, 1976. 516 с.
5. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.
6. Колесов В.В. Аллегория. Катахреза. Металепсис. Метафора. Метонимия. Олицетворение. Перифраз. Уподобление // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. I. С. 47–48; Т. III. С. 28–29, 239–245, 356–357; Т. IV. С. 88; Т. V. С. 148–150.
7. Колесов В.В. Древнерусская цивилизация. Наследие в слове. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 1120 с.
8. Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 292 с.
9. Колесов В.В. История русского языка. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2005. 672 с.
10. Колесов В.В. Концептуальное поле русского сознания. Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2021. 612 с.
11. Колесов В.В. Основы концептологии. СПб.: Златоуст, 2019. 776 с.
12. Колесов В.В. Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002. 448 с.
13. Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X – сер. XVIII в.). М.: Высшая школа, 1975. 327 с.
14. Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве»: историко-литературный очерк. 2-е изд. М.: Просвещение, 1982. 176 с., ил.
15. Моление Даниила Заточника // Памятники литературы Древней Руси. XII век. М.: Художественная литература, 1980. С. 388–399.
16. Новиков Л.А. Семантика русского языка. М.: Высшая школа, 1982. 272 с.
17. Пименова М.Вас. *Красотою украси*: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.; Владимир: ВГГУ, СПбГУ, 2007. 415 с.
18. Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века. М.: Художественная литература, 1978. С. 23–277.
19. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 3. М.: Просвещение, 1968. 551 с.
20. Складневская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993. 150 с.
21. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 143 с.

22. Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. М.: Просвещение, 1964. 244 с.

РОМАНОВА Татьяна Владимировна

(Нижний Новгород, Россия)

доктор филологических наук, профессор

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

tvromanova@mail.ru

В.В. КОЛЕСОВ О ТЕРМИНОСИСТЕМЕ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ (К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ УЧЁНОГО)

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды В.В. Колесова в области когнитивной лингвистики, а именно, на процесс формирования терминосистемы когнитивной лингвистики и её функционирование в российском научном дискурсе. Констатируются проблемы терминологии этой научной области, на которые обращал внимание Владимир Викторович.

Тот, кто начинает заниматься современными когнитивными науками самого разного спектра (лингвистикой, нейролингвистикой, психоллингвистикой, математикой, информатикой, биологией, психологией, философией и др.), сталкивается с изобилием новых понятий, пришедших из разных наук и получивших в когнитивистике свою собственную интерпретацию. Все когнитивные науки являются науками интегративного, междисциплинарного содержания, что обуславливает потребность в сведениях из смежных областей научного знания. Эти сведения аккумулируют термины. «<...> В. М. Лейчик, анализируя когнитивное терминоведение как ведущую научную дисциплину рубежа XX–XXI вв., постулирует, что необходимо дополнить известные определения термина (лингвистические, логические, информационные и собственно терминоведческие) положением о том, что **термин – это квант когниции** (выделено нами – Т.Р.), что это единица специального знания, функционирующая в рамках определенного фрагмента научной картины мира. При этом, связывая сразу сущность (природу) термина с выполняемыми им функциями, ученый подчеркивает, что главной функцией термина, вопреки

распространенному мнению, является не номинативная и не информационная, а когнитивная, то есть функция познания, и лишь потом функция фиксации знаний (Лейчик, 2007: 124)” (цит. по: Ивашкевич, 2013: 91) [1: 91].

Сказанное выше определяет необходимость создания общего терминологического аппарата. Об этом постоянно говорил В.В. Колесов, в исследовательские интересы которого входила и разработка методологии когнитивной лингвистики. Процитируем его мнение: «На основе собственного исследовательского опыта и на принципах философского реализма автор призывает коллег к необходимости выработать единую и точную терминологию когнитивных исследований, отделив их от лексико-семантических штудий и представив их в системном порядке <...> Сегодня когнитивная лингвистика по актуальности и продуктивности вполне заменила столь же активно развивающееся во второй половине прошлого века структурное языкознание. Казалось бы, это – хорошее продвижение науки в тайны языка на фоне мельчающей в быту речи. Однако что-то не складывается с синтезом тех знаний, которые постепенно накапливаются в многочисленных частных описаниях. Кажется, что всё дело в несобранности методических **и особенно терминологических** моментов этого научного направления (выделено нами – Т.Р.) <...> Дробление на «школы» терзает тело когнитивистики, и в результате предметное поле описания не воссоздаёт реальной картины объекта <...> Незаработанность понятийного аппарата науки создаёт почву для многих спекуляций на эту тему, возникают подмены понятий и часто невообразимая каша из различных предметов, которые втискиваются в поле рассмотрения: от слов до знаков светофора, а то и чисто предметной замены слова на вещи. Научный рынок переполнен сочинениями такого рода они дискредитируют идею ментальных исследований <...> проблемы терминологии – это проблемы

коллективного сознания всех участвующих в процессе учёных <...> Как я понимаю, когнитивистика (от лат. CŌGNŌSCO ‘познаю’) в своем развитии соединяет традиционно разные науки: лингвистику (от латинского корня – lingua) и логику (от коня греческого – λόγος). Это “лингвистическая логика”, в которой языковое и логическое содержание слиты и выступают в единстве, в синергийном тождестве. Следовательно, для обозначения основных единиц этой науки требуется новая терминология, которая объединила бы видовые понятия каждой из наук-предшественниц» [2: 48–49].

Приведенное мнение иллюстрирует /объясняет потребность в словаре-справочнике когнитивных терминов. В лексикографической практике разработаны базовые принципы описания когнитивной терминологии, однако на данный момент отсутствует современный справочник, представляющий полное, системное описание когнитивных терминов. Необходим словарь–справочник тезаурусно-энциклопедического типа, описывающий терминосистему когнитивной лингвистики как формат знания и как часть лексической системы языка. Термины когнитивной науки нуждаются в представлении нового типа: как минимальная составляющая научного знания в онтологических отношениях и как слово в системных семантических связях. И что очень важно, когнитивная терминология должна быть представлена по данным российского научного дискурса, чтобы словарь отразил, с одной стороны, единообразие терминосистемы, с другой – выявил проблемные случаи её рассогласования. Такой словарь мы попытались создать в рамках исследовательского проекта по программе «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2022 г.: Романова Т.В., Колчина О.Н., Куликова В.А., Хоменко А.Ю. Проектный словарь-справочник когнитивных терминов: Учебное пособие / Под общей редакцией Т.В. Романовой. – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2022. – 216 с.

Наш словарь, созданный для учебных и научных целей, отражает попытку систематизации актуальных научных концепций в области когнитивистики и современного состояния её терминологического аппарата. В список терминов включены как традиционные термины, отражающие специфику когнитивного подхода и его эволюцию, ключевые понятия (*когниция, концепт, ментальные репрезентации*), так и понятия, получившие в когнитологии новые объяснения (*инференция, пропозиция*). Естественно, отобраны те когнитивные термины, которые наиболее существенны для лингвистики и релевантны для учебного процесса (всего 60 терминов). Употребление термина иллюстрируется примерами из российского научного дискурса. Корпус современной научной литературы (<https://marina-kaz-cognitive-corpus-corpus-appmain-page-fd6fnt.streamlitapp.com/>) включает в себя, к примеру, следующие периодические издания:

1. Вопросы когнитивной лингвистики
2. Когнитивные исследования языка
3. Вопросы психолингвистики
4. Вестник БФУ им. И. Канта
5. Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка
6. Вестник Кемеровского государственного университета
7. Политическая лингвистика
8. Русский язык в научном освещении
9. Русская речь
10. Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология
11. Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация
12. Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание
13. Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований

14. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского
15. Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета
16. Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика
17. Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки
18. Вестник Томского государственного университета. Филология
19. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика
20. Вестник Московского университета, серии «Лингвистика», «Филология»
21. Вопросы языкознания
22. Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература
23. Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Филология. Искусствоведение» и др.

Научная новизна справочника обуславливается его тезаурусно-энциклопедическим характером. Тезаурусно-энциклопедическая форма позволяет описать термин как логос и как лексис (по А.А. Реформатскому). Как писал В.В. Колесов, **«<...> бедой концептуальных исследований является смешение с узколексикологическим описанием наличного материала.** Следует выработать точные требования, за которыми когнитолог ни в коем случае не должен совершать подмену исследовательских методов: слово в концептологии имеет совсем другую ценность, чем в лексикологии и даже в семантике. **Это знак, несущий концепт со всеми его содержательными формами, проявляемыми в тексте и в действии»** [2: 54]. Тезаурусный тип словаря предполагает описание термина и как минимальной составляющей научного знания, и как слова или словосочетания научного текста: в отношениях синонимии,

квазисинонимии, класс-подкласс, класс-экземпляр, часть-целое, отношение происхождения; многозначность, род-вид. Сама схема словарной статьи даёт возможность представить описываемую совокупность терминов как семантическую сеть из единиц, связанных разнообразными и – что очень важно – регулярными отношениями. Это не означает полную системность описываемой терминологии, но указывает на наложение на эту терминологию некоторой сетки-системы, упорядочивающей её и позволяющей оценивать степень её связанности. Схема описания термина выглядит следующим образом:

1. Определение содержания понятия (дефиниция и этимология)
2. Синонимы, антонимы
3. Родовидовые отношения (гипероним/гипоним)
4. Отношения расширения/сужения
5. Деривационные и эпидигматические связи
6. Примеры неправильного употребления (если есть)
7. Коллокации: частотные, нечастотные (с цифрами и примерами), сочетания, примеры употребления в чужом, не научном дискурсе)
8. Интерпретация термина
9. Оценочная интерпретация термина (примеры контекстов).

Все сведения являются результатом обработки корпусных данных, подтверждаются иллюстративными примерами с обязательной паспортизацией источников. В качестве источников в словаре-справочнике использовались и публикации В.В. Колесова при интерпретации следующих терминов: *когнитология*, *концепт*, *концептосфера*, *менталитет*, *ментальность*, *метафора*, *смысл*, *языковая личность*. Остановимся на «терминологических» взглядах В.В. Колесова, которые отражены в нашем словаре.

Этимологию термина *концепт* Владимир Викторович пояснил следующим образом:

В исходе такого “вавилонского смешения языков” лежит латинский **концепт**, представленный в трех однокоренных словах: **conceptio**, **conceptus**, **conceptum**. Слово **концепция** заимствован в чистом виде, это некий замысел, подлежащий исполнению. Слова мужского и среднего рода – **conceptus** ‘понятие’ и **conceptum** ‘зерно’ – у нас совпали в общей форме – **концепт**. Необходимо их развести, причем не смешивая концепт с понятием (самая большая ошибка исследователей), поскольку в русской терминологии уже имеется калька “понятие”, составленная в начале XVIII в. Предложено такое их разведение: **концептум** – зерно первосмысла, исходная точка семантического развития, прообраз будущего концепта, если угодно, “внутренняя форма” слова, в грубой форме представленная в этимоне – если, конечно, он достоверен, что случается достаточно редко [2: 48–49].

Дефиницию термина он дал через предикацию:

«<...> **концептом** мы назовем совокупность “содержательных форм” слова – **образ, понятие и символ**. Одно из свойств ментальных концептов состоит в тройственности их составов в синергичном единстве. <...> Троичность всех “содержательных форм” концепта является сущностной характеристикой концепта – концепт есть единство всех трех форм языка, и речь поставляет их в зеркальном отражении тропов: **метонимия – синекдоха – метафора**» [2: 49].

Оценочно интерпретировал термин и «ошибки» концептуального анализа:

«Только концепты – **единственно концепты – во всех своих ипостасях “держат” единство языка**, а с ним и единство народа как состоявшейся нации <...> **Каждое конкретное описание следует начинать с формулировки личного понимания концепта** – а не производить детальное перечисление всех известных определений, вычитанных в разных источниках, число которых заведомо еще больше. Определение концепта сразу указывает на ту “школу”, в рамках которой

автор действует, и на ту теорию, которой он следует <...> Концепт – минимальная единица смысла, представленная в слове соединением всех содержательных форм: образом, понятием и символом. Содержательные формы соединены переходами от одной из них в другую – принципом “матрешки”, границы которой размыты переходными типами (например, образным понятием). Средоточием всех содержательных форм является **концептум** (лат. **conceptum** ‘зерно’ – исходная точка “первосмысла”). Концептум есть **сущность** при **явлении** концепта, это помысленная “вечность” и “безместность” исчезающей **точки**, которая, соединяя причину и цель, прошлое и будущее, но, являясь настоящим, соединяет **тут** и **там**, не будучи **здесь**. Это сущность самого “тонкого уровня” и потому нематериальна и незрима, а “невидимо то самое, в чем все и все едино” (Е.Н. Трубецкой) <...> **Логический компонент концепта – понятие** – слишком неопределенный термин <...> Расхождение в значениях у слов **понятие** и **концепт** укладывается в русскую ментальную традицию, согласно которой родовой отвлеченный термин связан с заимствованным корнем, а видовой – с русским. **Понятие** представлено как одна из содержательных форм **концепта**. **Не проработанным остается динамический компонент концепта – содержательной** формы как точки отсчета; в лучшем случае походу упоминают этимологию, которая создает искусственное подобие реального **концептума**. Между тем именно это “зерно первосмысла” является той пчелиной “маткой”, которая постоянно воспроизводит все новые номинации, преобразуя актуальный состав концепта. Следует вспомнить слова С.Н. Булгакова, который говорил, что “четверица – та же троица, только в действии”, так что четвертый состав концепта – образ, понятие, символ, концептум – выражает динамику развертывания концепта во времени и на пространстве текста. Включение концептума создает объемность в толковании конкретного концепта и указывает на исходный пункт

движения содержательных форм, которые раньше всего проявляются в личном образе, развиваясь в национальном символе и “общечеловеческом” понятии. Как актуальное и наиболее полное приближение к “первосмыслу”, понятие – самое недолговечное образование в составе концепта. Мелькание разнородных “понятий” (“балет бескровных категорий” – Г.Г. Шпет) создает причудливый конгломерат современных представлений, в котором человек не в силах разобраться. **Признание концепта как носителя “кванта знания” выдает концептуалиста** – это основной состав современных когнитивистов; они всегда синхронисты по убеждению – в отличие от реалистов, признающих **сознание** важнейшей функцией концепта, и от номиналистов, склонных за таковую признать **познание**. И сознание, и познание развиваются, здесь возможно понимание изменяющихся параметров концепта; знание же не развивается, а только пополняется. В какой мере позволительно совмещать в конкретном исследовании три различные гносеологические позиции? Представляется, что это замутняет строгость изложения, переводя научное исследование в феноменологическое описание конкретных фактов и тем лишая его объяснительной силы. <...> сопоставление языков при условии добросовестного описания помогает четко очертить национальную специфику исследуемого концепта и выделить те их образно-символические признаки, которые остаются неявными для обычного носителя языка. Следует заметить, что типологические исследования в данном отношении вряд ли окажутся релевантными, потому что типология обретается в кругу только одной содержательной формы концепта – понятия, и полностью снимает проблему развития и изменения. **Другой бедой концептуальных исследований является смешение с узко лексикологическим описанием наличного материала.** Следует выработать точные требования, за которыми когнитолог ни в коем случае не должен совершать подмену

исследовательских методов: слово в концептологии имеет совсем другую ценность, чем в лексикологии и даже в семантике. **Это знак, несущий концепт со всеми его содержательными формами, проявляемыми в тексте и в действии»** [2: 49, 52–54].

Оценочная интерпретация как приём часто встречается у В.В. Колесова. Так, в пылу научной полемики, он отрицает когнитивный статус термина *концептосфера*:

«Новомодный термин **концептосфера** <...> представляет **собой конструктор досужей мысли**, заменившей старый проверенный термин **концепция** (лат. *conceptio* ‘основная мысль, замысел’); это понятие ближе к культурологии, чем к когнитивистике. Впрочем, именно так понимал концепт создатель термина философ С.А. Аскольдов» [2: 53].

Возражает против введения в научный обиход термина *языковая личность*:

«**Возражение вызывает понятие “языковая личность”, или “персонология”**. Это порождение концептуализма, сводящее национальную проблематику концепта к проблеме личного его использования. Вторичность поставленной проблемы подчеркивается отсылкой к теории Л.В.Щербы о “тройном аспекте языка”, где те же вопросы обсуждались с точки зрения ономазиологии. Персонология – прикладное учение, прагматически нацеленное на практику сиюминутного действия; по существу, это преобразованная стилистика на ментальном уровне. В этом опять-таки состоит понижение уровня исследования с родового, отвлеченного (**научного**) на видовой, конкретный и частный» [2: 54].

Основным предметом изучения когнитивистики В.В. Колесов считал «<...> **формы национальной ментальности, которая иногда именуется менталитетом**» [2: 50]. Владимир Викторович различает содержание понятий *менталитет* и *ментальность*, которые, по его мнению, находятся в отношениях сужения:

«Менталитет соотносится именно с рациональной формой деятельности, в русской традиции ему соответствует духовность, т.е. та же способность воспринимать и оценивать мир и человека в категориях и формах родного языка, но с преобладанием идеальной, духовной точки зрения <...> **Ментальность представляет собой часть духовной народной культуры**, которая и создает этноментальное пространство народа на данной территории его существования, сохраняя его единство <...> “Ментальность” следует понимать как отвлеченное понятие сущности менталитета, свое проявление находящей в нем как в конкретном речемыслительном действии» [2: 50].

«<...> мы разводим понятия “ментальность” и “менталитет” по обычному для русской традиции принципу, согласно которому “отвлеченный” и “абстрактный” в сущности обозначают одно и то же, но **русский термин сохраняет исходную образность** и потому понятен, **тогда как источник кальки носит “научный” характер и требует объяснения**. Менталитет – категория гносеологическая, и потому его проявления в конкретной ментальности определяется выбором философской позиции. Русская позиция – традиционный реализм, меняющийся в сторону неореализма, в центре которого особый интерес к слову, во всех его проявлениях (в глубине – к Логосу). В этом отличие русской позиции от англо-американской с ее обращением к (нео)номиналистической силе **вещи**, и от романской, тяготеющей к **идее** (понятию) в режиме неоконцептуализма» [2: 50].

Определяя понятие ментальности, Владимир Викторович даёт дефиницию через использование предикации, свёрнутой предикации, дескрипции, гипонимии, приёма цитирования.

Дефиниция, предикация: «Русское понятие «ментальность» в своих признаках есть наивно целостная картина мира в ее ценностных ориентирах, существующая длительное время независимо от конкретных (постоянно меняющихся) экономических и политических

условий, и притом основана на этнических предрасположениях и исторических традициях, проявляемых в чувстве, разуме и воле каждого отдельного члена общества – и все это на основе общности языка и воспитания» [2: 50].

Предикация, дескрипция: «Ментальность представляет собой часть духовной народной культуры, которая и создает этноментальное пространство народа на данной территории его существования, сохраняя его единство» [2:50].

Гипоним-гипероним+цитация: «Ментальность» следует понимать как отвлеченное понятие сущности менталитета, свое проявление находящей в нем как в конкретном речемыслительном действии» [2: 50].

«Идея ментальности (от лат. mens – ‘ум’, ‘мышление’, ‘образ мыслей’, ‘душевный склад’) постепенно распространилась и на другие сферы гуманитарного познания, где стала рассматриваться как **интегральная характеристика внутреннего (ментального) мира человека, глубинный исток культурно-исторической динамики и «тип национальной речемысли»** [3: 334].

Красной нитью через публикации Владимира Викторовича проходит мысль о недопустимости смешения терминов. Например:

«Путаницу в применении терминов «значение» и «смысл» можно преодолеть использованием обиходных русских сочетаний: **значение слова и смысл текста**. Путаница возникает из горячего желания воспользоваться **переводными** терминами и их личным толкованием, что в русской научной традиции, в сущности, возбраняется [2: 54]. **Ономасиологический подход к концепту действует по принципу «смысл оформляется»;** семасиологический подход определяется формулой «форма оформляется». Первый исходит от говорящего, второй – от слушающего. В исследовании концептов нас интересует, как **оформляется смысл**, первоначально не имевший формы; как концептум уплотняется содержательными формами,

создавая концепт. Исследователь же вынужден пользоваться наличными текстами и выяснять, каким образом «форма осмыслялась». Смещение перспектив (прямой на обратную) препятствует адекватной квалификации концепта, и я не нахожу путей для их совмещения. Тут необходимо логическое осмысление возникшей антиномии и адекватное ее толкование» [2:54].

Оценочно предупреждает об ошибке смешения терминов:

«Образно-символическое приращение смысла не следует именовать «метафоризацией» – тропеическое усложнение концептов исторически обусловлено соответствующим «стилем эпохи» в логической и исторической последовательности появления «метонимия – синекдоха – метафора – ирония», что и служит основанием для выделения хронологических пластов обслуживающей концепта лексики.

Вульгарное смешение слов метафоризация и образность затушевывает понимание понимания процесса сложения концепта» [2: 53].

Таким образом, уже по приведённым избранным примерам из публикаций В.В. Колесова видно, что в оценке когнитивной терминологии учёный исходил из философского принципа реализма, призывая российское научное сообщество выработать единую и точную системную терминологию, призывал отделить когнитивные исследования от лексико-семантических.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ивашкевич И. Н. Структуры представления знаний как схематизация опыта в языке международного права // Вестник Челябинского государственного университета. Языкознание и литературоведение. 2013. №. 31 (322). С. 90 – 92.

2. Колесов В.В. Когнитивистика в аспекте терминологии // Вопросы когнитивной лингвистики, 2013. №1 (34). С. 48–55.

3. Колесов В.В. Философия русского слова. Санкт-Петербург: Юна, 2002. 444 с.

4. Романова Т.В., Колчина О.Н., Куликова В.А., Хоменко А.Ю. Проектный словарь-справочник когнитивных терминов: Учебное пособие/ Под общей редакцией Т.В. Романовой. – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2022. – 216 с.

5. URL: <https://marina-kaz-cognitive-corpus-corpus-appmain-page-fd6fnt.streamlitapp.com/>

ДЕРИВАТЫ КОРНЯ *MĪG-/MĪG- В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В статье рассматривается праславянский корень *mĭg-/mĭg-, дериваты которого представлены во всех славянских языках, развивая разнообразные семантические переходы. Звукообраз слова связан с тем, что непроизвольное движение век закрепило в лингвосознании древнего славянина звукокомплекс в составе фонем [m] и [g]. Первый взрывной звук, возникающий при размыкании губ, напоминал носителю языка аналогичное движение век при моргании, а заднеязычный также взрывной [g] закреплял представление о смычном действии. В многочисленных дериватах древнего корня представлены известные фонетические процессы: качественное и количественное чередования гласных корня, падение редуцированных, первая и третья палатализации, упрощение групп согласных (ассимиляция). В разных языках и особенно в народной речи происходят разнообразные семантические переходы метонимического и метафорического характера.

Ключевые слова: концепт, время, звукообраз, корень, дериват, палатализация, метатеза, метонимия, метафора, лингвосознание.

Annotation. The article considers the Proto-Slavic root *mĭg-/mĭg-, the derivatives of which are represented in all Slavic languages, developing a variety of semantic transitions. The sound image of the word is associated with the fact that the involuntary movement of the eyelids fixed in the language consciousness of the ancient Slavs a sound complex consisting of phonemes [m] and [g]. The first explosive sound, which occurs when opening the lips, reminded the native speaker of a similar movement of the eyelids when blinking, and the velar explosive [g] also fixed the idea of a occlusive action. In numerous derivatives of the ancient root, well-known phonetic processes are presented: qualitative and quantitative alternation of vowels of the root, the fall of reduced ones, the first and third palatalization, simplification of consonant groups (assimilation). Various semantic transitions of a metonymic and metaphorical nature occur in different languages and especially in folk speech.

Keywords: concept, time, sound image, root, derivative, palatalization, metathesis, metonymy, metaphor, language consciousness.

В. В. Колесов в концептуальном поле русского сознания выделял среди содержательных концептов Пространство и Время [1: 573]. Для носителей языка важным является обозначение промежутков времени. Слова, их номинирующие, входят в основной лексический запас всех языков. Ленинградский философ профессор ЛГУ А. М. Мостепаненко (1938–1987) выделял время реальное и перцептуальное (субъективное) [2: 4–14]. Носитель языка всегда субъективен, для него «время – как

вместилище событий – является другим названием для жизни, а жизнь мыслится и описывается в категориях времени» [4: 55]. Названия точных, исчисляемых промежутков времени развивают свои значения постепенно, преодолевая первоначальную семантическую диффузность, ср.: рус., болг., серб., макед. час ‘мера времени в 60 минут’ – чеш., словац., словен. čas, польск. czas ‘время’; рус. год ‘365 дней’ – рус. година ‘время, ознаменованное важными общественными событиями’, укр. година, белор. гадзіна, чеш., словац. hodina, польск. godzina ‘60 минут’; укр. рік ‘365 дней’ – рус. рок ‘судьба, грозящая несчастьями и бедами’; укр. хвилина, белор. хвіліна, польск. chwila ‘60 секунд’ – чеш. chvíle, chvílka ‘короткий промежуток времени’ и т. п.

Особое место в языковом сознании человека занимают названия коротких темпоральных промежутков с нечёткой привязкой к истечению времени. В каждом из славянских языков их несколько, среди них встречаются поздние заимствования (рус., болг. момент, чеш., польск. moment), дериваты точных обозначений (рус. минутка, секундочка – обычно в винительном падеже, часок) и др.

К общеславянской лексике, обозначающей короткий, трудно определяемый физическими данными промежуток времени, относятся слова, восходящие к праславянскому корню *mīg-/mīg-. М. Фасмер отмечает их представленность во многих современных славянских языках: укр. миг, белор. міг, болг. миг, словен. mīg, чеш. mih, польск. mig. Серб. миџ, хорв. и словен. mig, помимо темпорального значения, употребляется также с семантическим переносом ‘знак, кивок’ [ФЭС/2: 618]. Сюда можно добавить словац. okamih, которое, скорее всего, является калькой немецкого das Augenblick, однако содержит в сложном слове праславянскую единицу.

Знаменитый немецко-русский этимолог обнаруживает родство славянского слова с лит. miegmì, miegótì ‘спать’, miėgas ‘сон’, латыш. miēgt ‘закрывать глаза’, др.-прусс. meicte ‘спать’, maiggun, вин. ед. ‘сон’,

латыш. *mīga* 'логово зверя (место его сна)', *áizmigt* 'уснуть', сакск. *nä-mäjs-*, согд. *nimiž* 'мигать', ср.-перс. *miž* 'веко', ср.-ниж.-нем., ср.-нидерл. *micken* 'направлять взгляд, наблюдать' [ФЭС/2: 618]. Подобная широкая представленность этимологически родственных лексем в языках разных языковых групп позволяет предположить, что корень **mīg-/mīg-* восходит к праиндоевропейскому языку. Его исходное значение, вероятно, лучше всего сохранилось у славян и отражено в глаголах: др.-рус. *мигати*, рус. *мигáть*, укр. *мигáти*, болг. *ми́гам*, серб. *мѝгати*, чеш. *mihati*, словац. *mihat'*, польск. *migać*, словен. *mígati* 'непроизвольно быстро опускать и поднимать веки и ресницы; моргать' [БТС: 540].

Вероятно, в данном корне отразились физиологические ощущения человека при мигании. Е. В. Тишина выделяет среди тематических групп праславянских ономатопонов антропофонии, обозначающие неречевые звуки человека, связанные с физиологией, работой, изменением положения в пространстве [3: 15]. Возможно, непроизвольное движение век закрепило в лингвосознании древнего славянина (или даже индоевропейца) звукокомплекс в составе фонем [m] и [g]. Первый взрывной звук, возникающий при размыкании губ, напоминает аналогичное движение век при моргании, а заднеязычный также взрывной [g] закрепляет представление о смычном действии. Эти же фонемы представлены также в корне с такой же семантикой **morg-/mīrk-* с включением плавного [r], который выступает «как дополнительный элемент» при создании звукообраза [3: 14]: рус. *моргать*, чеш. *mrkat*, польск. *mrugać*.

Сходный звукообраз имеет германский корень **blik-*, разнообразно развивший свою семантику в германских языках ('взгляд', 'глаз', 'вид', 'горизонт' и пр.), но сохранивший исходное значение в сложном слове: нем. *das Augenblick*, дат. *øjeblik*, исланд. *augnablik*, норв. *øyeblikk*, швед. *ögonblick*, африкаанс 'N *oomblik*, а также в глагольных дериватах нем. *blinzeln*, швед. *blinka*, дат., норв. *blinke*, люксемб. *blénken* 'моргать' и др.

В нём мы видим губной взрывной [b], который во многих языках чередуется с [m], заднеязычный [k] и дополнительный плавный [l], часто чередующийся с дрожащим [r]. Наконец, такую же фонетическую структуру имеют латыш. *mirklis*, литов. *akimirka*, *akimirksnis* ‘мгновение’.

В корне *mīg-/mīg- представлено количественное чередование гласного [i], краткий звук в слабой позиции закономерно выпадает. Первыми от этого корня были образованы глаголы: *мигати*, *мигнѣти*, *мьгати*, *мьгнѣти*. В последнем глаголе при образовании страдательного причастия прошедшего времени в суффиксе происходит известная и в других случаях (*прикоснѣти* – *прикосновень*, *въдохнѣти* – *въдохновень*, *дунѣти* – *дуновень* и др.) мена дифтонгического сочетания *оп на дифтонг *ой, в котором при присоединении причастного суффикса -ен- второй гласный дифтонга переходит в согласный [в]: *мьгновень* > *мгновение*, *мгновенный*.

В отпричастных дериватах, как и в корневом слове, развивается семантика кратковременности, быстроты истечения времени. Однако ещё в конце XVIII века ощущается связь между соматическим и темпоральным значениями, движение век воспринимается как единственное значение для слова *мигъ* ‘единократное действие мигающего’ и как первое для лексемы *мгновение* ‘1) исполненное действие мигающего, сомкнутие, зажмурение, защуривание глаза или глаз; 2) употребляется для означения самой кратчайшей части времени’ [САР/4: 125, 124]. В польском языке употребляется слово *mgnienie* с нулевым гласным в корне, образованное от устаревшего глагола *mgnać*, отмечаются композиты *w okamgnieniu*, *w osemgnieniu* (XV–XVI века), но не указывается на возможность кальки с немецкого *das Augenblick* [BSE: 329]. С польским связано белор. *імгненне* с протетическим *i* перед группой согласных.

В русских народных говорах представленная целая группа дериватов от корня *миг-*: *мигурный* ‘подмигивающий’, *мигач*, *мигун* ‘о

том, кто мигает, подмигивает, перемигивается с кем-либо', *мигунья*, *мигуха* 'то же о женщине', *мигало* 'о том, кто хлопает глазами', *мигалить* 'смотреть с пустым любопытством, глазеть', *мигало* 'глаз', *мигалы* 'веки', *мигавка* 'ресница', *мигалка*, *мигалица* 'о резвой, бойкой девушке', *мигало* 'молния', *мигатеть* 'мерцать', *мигать* 'сверкать (о молнии)', *мигаленка* 'маленькая лампочка', *мигулька* 'небольшая керосиновая лампа', *мигушка* 'лампа без стекла, коптилка' и др. Отмечено устойчивое сочетание *мигновение ока* [СРНГ/18: 152–154]. В словах отмечены метонимические и метафорические переносы значения: мигать > человек, мигающий > глаз как орган, которым мигают, и его окружение (веки, ресницы) > бойкость как свойство подмигивающего человека > предмет, источающий свет пучками, с перерывами.

В соответствии с третьей палатализацией в данном корне заднеязычный звук переходит в [з]. В памятнике древнецерковнославянского языка XI века Синайской псалтири встречается в 34-м псалме (19 стих) действительное причастие настоящего времени от глагола ПОМИСАТИ: ПОМИСЪЖЩЕ ОЧИМА [СтС: 475] (в новоцерковнославянском: ПОМИЗАЮЩИ ОЧИМА, в русском переводе: *перемигивались глазами*). В словаре Памвы Берынды отмечены формы *мизаю*, *помизаю* [ЛПБ: 78(ОИ)], которые затем повторяет в своём словаре И. И. Срезневский [СДРЯ/2–1: 134]. Дериваты от корня *миз-* представлены в Словаре русских народных говоров с разными семантическими переходами: *мизики* 'глаза', *мизгоря*, *мизон*, *мизюр*, *мизюрня*, *мизюра*, *мизя* 'человек с плохим 'зрением', *мизикать*, *мизюкать* 'щуриться, присматриваться', *мизонить* 'разглядывать', *мизукать* 'глядеть спросонья', *мизить* 'смотреть близоруко', *мизовать* 'дремать сидя или стоя', *мизикать* 'испускать слабый свет, мерцать', *мизюрки* 'игра в жмурки', *мизюрить глазки* 'строить глазки' и др. [СРНГ/18: 155–157].

По первой палатализации заднеязычный перед гласными переднего ряда переходить в [ж]. Деепричастие *мжа* «жмурачи», существительное *мжение* «жмурение, зажмурение» и глагол *мжить в очах* «мигтит або свербит» отмечены в словаре Памвы Берында [ЛПБ: 78(ОИ)]. В русских народных говорах встречаются дериваты от корня мьж-/миж-: *мжа* 'дремота', *мжить* 'жмурить, щурить глаза; дремать', *мижевать* 'разглядывать', *мижурить* 'прицеливаться' [СРНГ/18: 155–157]. В чешском языке имеется гнездо слов от корня с беглым гласным: *mžikat* 'моргать', *mžikavý* 'моргающий', *mžikávat* 'помаргивать', *mžiknout* 'моргнуть', *mžourat* 'жмуриться', *mžurka* 'веко', *mžičky, mžitky* 'мушки перед глазами' [VT/2: 1037–1038]. От слов *mih, mžik* 'миг, моргание' под влиянием немецкого *das Augenblick* возникли чешские слова *okamih, okamžik* 'краткий промежуток времени, миг' с синонимами *chvilenka, moment* и замечательным описанием: *co by okem mžikl* «едва успеешь моргнуть глазом» [VT/2: 1025].

Изменение заднеязычного в шипящий происходит также при йотации. От корня **mīg-* с помощью суффикса **-jura* было образовано существительное **мьжюра*, ср.: *снег – снежура, немец – немчура*. После падения редуцированного возникло сочетание согласных *мж*, нарушающее принцип восходящей звучности славянских языков, что привело к метатезе, а после отвердения шипящего слово приобрело вид **жмура*. От него было образовано название игры в форме *pluralia tantum жмурки* и глагол *жмурить* 'сжимая веки, прикрывать, щурить' [БТС: 308]. В жаргоне способом обратной деривации было образовано слово *жмур* 'покойник', от которого с деминутивным суффиксом *-ик* появился дериват *жмурик* [БТС: 308].

М. Фасмер возражает против связи между корнем *миг-* и словом *мгла* 'сумрак, темнота' [ФЭС/2: 618]. П. Я. Черных выделяет в последней лексеме суффикс *-l(a)*, как в слове *жила* и сочувственно отзывается о связи этих двух единиц [ЧИЭС/1: 518, 529]. В словенском языке в слове

miġ произошёл метонимический перенос с движения глаз на движение головы, единица получила значение 'кивок', а также 'движение'. Такую же семантику имеет отпричастный дериват *miġanje* 'кивание, движение, вздрагивание'. Глагол *miġati* имеет основное значение 'кивать', однако в сочетании с разными существительными приобретает дополнительные оттенки семантики: *z oġmi* 'мигать', *z ġerom* 'вилять хвостом' *z ġameni* 'пожимать плечами'. Наличие в словенском языке глагола *miġljati* 'мигать, мерцать, мелькать', существительных *miġljaĵ* 'миг, кивок, намёк, предположение', *miġljanje* 'мерцание, мелькание, вздрагивание' [SRS: 173], которые семантически не связаны с рус. *мгла*, заставляет предположить, что основа была осложнена плавным согласным, который вряд ли имел суффиксальное происхождение. Скорее, можно говорить о вариантах основы **miġ-/miġl-*.

Словенские слова *miġotati* 'мигать, мерцать' и *miġotanje* 'мерцание, мелькание' [SRS: 173] совпадают фонетически и семантически с украинскими лексемами: *миготіти*, *мигтіти* 'мигать, мерцать, мелькать, сверкать', *миготливий* 'мелькающий, мерцающий, трепетный', *мигочучий* 'мигающий, мерцающий, дрожащий', *мигцем* 'мельком' [УРС: 366].

В украинском языке значение короткого промежутка времени имеет слово *мить*, образованное с помощью достаточно распространённого древнего суффикса *-tĭ (ср. *честь*, *власть*, *знать* и др.) от корня *миг-* с последующим прогрессивным вытеснением (ассимиляцией) первого взрывного. От этого существительного образованы прилагательные *митєвий*, *митьовий* 'мгновенный, моментальный', первое в свою очередь стало основой существительного *митєвість* 'мгновенность, моментальность', наречие *миттю* 'вмиг мгновенно, в один миг, в одно мгновение' [УРС: 368]. Дериваты демонстрируют чёткую семантическую связь с корнем *миг-*.

В русских диалектах (тверские, смоленские, новгородские) глагол *мигануть* имеет значение 'мелькнув, быстро скрыться' [СРНГ/18: 152]. В тверских говорах встречается также существительное *миганец* 'о резвом мальчике' [там же] с эксплицированной семой быстрого движения. С широкой семантикой движения употребляются отмеченные выше словенские глаголы. Подобное развитие семантики позволяет задуматься над происхождением русского глагола *минуть / миновать*. М. Фасмер связывает эту лексему, представленную во всех славянских языках (укр. *минúти*, белор. *мінúць*, болг. *міна*, серб. *мíнути*, хорв. *minuti*, словен. *míniti*, чеш. *minouti*, словац. *minút'*, польск. *minąć*, чеш. *míjeti*, польск. *mijać*), с лат. *meō, meāre* 'идти, проходить', ср.-кимр. *mynet* 'идти', др.-верх.-нем. *mīdan* 'избегать' [ФЭС/2: 624].

Обратим внимание на в.-луж. *minuś so* и н.-луж. *minuś se* 'миновать, пройти (о времени)'. Известно, что на периферии языкового сообщества часто сохраняются более древние семы и формы. Возможно, темпоральное значение было у этих глаголов первичным, следовательно, можно предположить, что глагол *минуть / миновать* образован от основы **miġ-* с последующим упрощением группы согласных, как и у лексемы *двинуть* от основы **dvig-*. В сочетаниях взрывных с сонорными в праславянском языке происходило вытеснение взрывного и сохранение носового: **vertmen* > ВРЪМА, **sŭgybnonti* > СГЫНЖТИ, *vendnonti* > ВАНЖТИ и др. Семантическое развитие глагола представляется следующим образом: пройти за время одного мигания (о времени) > пройти быстро, мгновенно мимо объекта > пройти мимо чего-л.

Наконец, стоит рассмотреть приставочный глагол *смежить* 'сомкнуть, закрыть', который имеет ограниченную валентность: *смежить веки, глаза* [БТС: 1215]. В нём наблюдается качественное чередование гласного корня **ī* – **ē* и первая палатализация конечного гласного корня. Глагол представлен также с другим вариантом префикса в белор.

сумежыць (вочы), укр. суміжити (очі). Глагол СЪМЪЖАТИ, СЪМЪЖИТИ обнаруживается в трёх памятниках древнецерковнославянского языка [СтС: 659].

Итак, корень *mĭg-/mĭg- восходит к праславянскому языку, его дериваты представлены во всех славянских языках, развивая разнообразные семантические переходы. Возможно, звукообраз слова связан с тем, что произвольное движение век закрепило в лингвосознании древнего славянина звукокомплекс в составе фонем [m] и [g]. Первый взрывной звук, возникающий при размыкании губ, напоминал носителю языка аналогичное движение век при моргании, а заднеязычный также взрывной [г] закреплял представление о смычном действии. В многочисленных дериватах древнего корня представлены известные фонетические процессы: качественное и количественное чередования гласных корня, падение редуцированных, первая и третья палатализации, упрощение групп согласных (ассимиляция). В разных языках и особенно в народной речи происходят разнообразные семантические переходы метонимического и метафорического характера.

СЛОВАРИ

БТС – Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург: Норинт, 2000. – 1536 с.

ЛПБ – [Берында Памва]. Лексикон славеноросский и имен тлькование. Пръвое типом изобразися. – Киев: Тип. Киево-Печерской лавры, №АХКЗ (1627). – УОЗ (477) стлб.

САР – Словарь Академии Российской. Часть I–VI. Санкт-Петербург: Императ. Академ. Наук, 1789–1794.

СДРЯ – Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Т. 2, ч. 1. Москва: Книга, 1989. 852 стлб.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 18 / Гл. ред. Ф. П. Филин, ред. Ф. П. Сороколетов. Ленинград: Наука, 1982. 367 с.

СтС – Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. Москва: Русский язык, 1994. 842 с.

УРС – Українсько-російський словник. Вид. шосте. Київ: Голов. ред. Укр. радян. енцикл., 1986. 940 с.

ФЭС – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва; под ред. Б. А. Ларина. Изд. 2-е, стер. В 4 т. Москва: Прогресс, 1986–1987.

ЧИЭС – Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1–2. Москва: Русский язык, 1994.

SRS – Kotnik J. Slovensko-ruski slovar. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1950. 736 s.

VT – Váša P., Trávníček Fr. Slovník jazyka českého. Praha: Fr. Borový, 1937. 1747 s.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесов В. В. Концептуальное поле русского сознания. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. 612 с.

2. Мостепаненко А. М. Проблемы универсальности основных свойств пространства и времени. Ленинград: Наука, 1969. 229 с.

3. Тишина Е. В. Русская ономотопея: диахронный и синхронный аспекты изучения: Автореф. дисс. <...> канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 22 с.

4. Яковлева Е. С. К описанию языковой картины мира // Русский язык за рубежом. 1996. № 1–3. С. 47–56.

ФЕДУЛЕНКОВА Татьяна Николаевна (*Владимир, Россия*)

доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры ИЯПК

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
fedulenkova@list.ru

РАССУЖДЕНИЯ О МЕНТАЛИТЕТЕ И МЕНТАЛЬНОСТИ

(заметки по поводу книги В.В. Колесова «Основы концептологии»)

Аннотация. Статья посвящена одной из новых книг профессора В. В. Колесова под названием «Основы концептологии» которая была опубликована в 2019 году в петербургском издательстве «Златоуст». В этой книге представлена оригинальная авторская трактовка актуальных вопросов современной когнитивистики. Большое внимание автор уделяет обсуждению основных понятий и определений избранного направления. В статье подробно рассматривается трактовка В. В. Колесовым понятий менталитет и ментальность в соотношении западной и русской традиции.

Ключевые слова: В. В. Колесов, концептология, менталитет, ментальность, духовность, западная и русская традиции.

Abstract. The article is devoted to one of the new books by Professor V. V. Kolesov entitled “Fundamentals of Conceptology” which was published in 2019 in the St. Petersburg publishing house Zlatoust. This book presents the author's original interpretation of topical issues of modern cognitive science. The author pays great attention to the discussion of the basic concepts and definitions of the chosen direction. The article examines in detail V. V. Kolesov's interpretation of the concepts of mentality and dukhovnost' in correlation of the Western and Russian traditions.

Keywords: V. V. Kolesov, conceptology, mentality, spirituality, Western and Russian traditions.

Около пяти лет назад на полках книжных магазинов появилась новая книга профессора В. В. Колесова, вышедшая в свет в

петербургском издательстве «Златоуст» под названием «Основы концептологии». В этой книге представлена оригинальная авторская трактовка чрезвычайно важных, насущных вопросов современной когнитивистики. Большое внимание автор уделяет обсуждению основных понятий и определений избранного направления.

Рассуждая о модном ныне слове менталитет, В. В. Колесов, в первую очередь, обращает внимание на различный смысл, который вкладывается в это слово на западе и в отечественной традиции. Если в западной традиции слово *менталитет* коррелирует с понятием рационального, то русская философская и филологическая традиция рассматривает ментальность и духовность как понятия одного порядка. При этом автор подчеркивает, что, когда русский философ пишет для западного читателя, он вынужден «переводить» это понятие посредством слова *духовность*, подобно тому, как это делает Н. Бердяев: «Русский ментализм еще скажет свое слово Европе» [5: 220]. И именно о русской духовности здесь идет речь.

На роль языка в формировании мировоззрения указывали еще в XVIII в. Для начала В. В. Колесов обращается к мнению создателя исторической культурологии Й.-Г. Гердера: «В каждом языке отпечатлелся рассудок и характер народа... Все рассказы о китайском языке сходятся в том, что он несказанно способствовал формированию всего облика народа с присущим ему искусным и сложным образом мыслей» [3: 297]. Та же мысль, по наблюдению В. В. Колесова, неоднократно отмечалась и позже, ср.: «Язык передает своим носителям определенный способ мировидения (*Weltauffassung*) <...> только с точки зрения родного языка можно понять, почему мы мыслим именно так, а не иначе» [1: 151]. Обращаясь к фразе Л. Витгенштейна, В. В. Колесов заключает: одним словом, *границы моего языка есть границы моего мира* [2]. Что касается самого В. В. Колесова, то ученый выражает убеждение в том, что ментальность следует понимать как

часть духовной народной культуры, которая и создает этноментальное пространство народа на данной территории его существования.

Автор обращает внимание на существование множества определений менталитета/ментальности. В книге В. В. Колесова приводится мнение философа И. К. Пантина: «Менталитет... это своеобразная память народа о прошлом, психологическая доминанта поведения миллионов людей, верных своему исторически сложившемуся “коду” в любых обстоятельствах, не исключая катастрофические» [5: 222]. Читаем добавление еще от одного философа, который полагает, что к менталитету следует относиться как «к фактору политического процесса, <...> как к феномену общественной жизни» [там же]. Читателю нетрудно заметить, что в обоих случаях речь идет именно о менталитете как исторически сложившемся коде народного сознания.

Приближение к пониманию ментальности в скрытом виде можно обнаружить у многих исследователей гумбольдтовской школы, в частности, у А. А. Потебни и особенно у кантианцев, вспомним высказывание Э. Кассирера: «Подлинная идеальность языка заключена в его субъективности <...>. Взаимная зависимость мысли и слова друг от друга ясно показывает, что языки являются не столько средством выражения уже познанной истины, сколько открытия еще неизвестной» [4: 86]. Здесь определенно выражено представление об активности языка в деле порождения и сохранения общественно значимых идей, мыслей, истин.

В книге В. В. Колесова подчеркивается отсутствие до настоящего времени единого, поддерживаемого всеми учеными, определения менталитета. Все предлагаемые определения менталитета отражают характер той отрасли знания, в которой ведут исследование их авторы:

(а) историк зарубежного средневековья считает, что это картина мира людей (только) прошлого;

(б) концептуалист считает, что это система смысловых, или семантических, полей;

(в) социальные психологи считают, что это характерная для конкретной культуры специфика психической жизни людей;

(г) этнолог считает, что это система этнических представлений о нормах и моделях поведения в комплексах (этнические константы);

(д) культуролог считает, что это духовная оснащенность личности, включающая в себя язык, ум, сознание, мысль;

(е) политолог считает, что это национальный способ видеть мир и действовать соответствующим образом в определенных обстоятельствах.

По мнению О. А. Корнилова, научная языковая картина мира непроницаема для иноязычного сознания; хотя для ее понимания на других языках производится подмена в поиске эквивалентов, но, тем не менее, она остается недостижимой. Мировоззрение нации О. А. Корнилов относит к сфере ментальности; это *вместилище души, духа народа, коллективный продукт национального творчества* [6: 133].

По мнению В. В. Колесова, удачное определение ментальности дали А. А. Пелипенко и И. Г. Яковенко, которые понимают ее как *культурную память, а исторический процесс рассматривается как проекция ментальных структур на ось времени*, которая развертывается не в причинных, а в синхронных связях. В основе их определения «...ментальность (менталитет) – категория исторического и философского знания, описывающая системную целостность интенций, ценностных установок, моделей понимания, оценки и переживания, лежащую в основаниях сознательного и бессознательного <...>» [7: 362].

Анализируя данные определения, В. В. Колесов приходит к выводу о том, что для этих авторов ментальность представлена в оппозиции *ментальность – реальность*. Определение дается вне языка, как чисто

мыслительные формы с нацеленностью на смысл (*установка смыслообразования*), хотя в своем анализе авторы все-таки исходят из слова. Культура есть только *ментальная рефлексия*. Создается впечатление, как подмечает В. В. Колесов, что авторы не различают понятия *менталитет* и *ментальность*. В самом деле, перед нами чисто логическая система, ее авторы забывают, что *слово есть выражение мысли* (по утверждению А. А. Потебни [8: 169]).

Дальнейшие дифференциации менталитета возможны в самом разном отношении. Как сущностные явления («объективные константы»), все они совместно могут быть представлены в семантическом треугольнике, который определяет концептуальное место каждой из этих сущностей. Место идеи занимает менталитет с его ориентацией на понятие, место знака – ментальность первого порядка (система языка), а место вещи – ментальность второго порядка (функция речи).

Менталитет, как ментальное действие разума, и картина мира, как образное представление мира в сознании, представляют собой соединение идеи и вещи. Как идея, менталитет шире всех своих проявлений, он охватывает все стороны сознания, познания и даже знания. Но в соответствии с русским представлением о логической структуре сознания: «род – он же вид», и в соответствии с русским типом мировоззрения (реализм) наряду с идеей менталитета должно быть представлено и его явление в вещном виде ментальности.

Резюмируя свои наблюдения, В. В. Колесов отмечает, что исследователи трактуют менталитет как сосредоточенную в совокупном организме народа психофизическую или социальную энергию. Возражая против такого понимания менталитета, В. В. Колесов утверждает, что это не *выражение сущности менталитета*, а *только рефлексия по его поводу*.

Автор указывает на абсолютное отсутствие понимания русской ментальности западными философами и лингвистами, приводя целый ряд цитат, характеризующих явные заблуждения иноплеменных исследователей [5: 226–227].

Идеал ментальности не есть идея сиюминутного социального наполнения, констатирует В. В. Колесов, и, тем менее, этот идеал связан с общечеловеческой ментальностью, которую обычно конструируют на материале собственного языка. Физическая, логическая и языковая картины мира образуют синергичную связь троичного состава. Две последние действуют на основе языковой семантики.

Подводя итоги, отмечаем, что **менталитет** понимается В. В. Колесовым *как естественное мирозерцание в категориях и формах родного языка, в процессе познания соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях.*

Ментальность же – в отличие от менталитета – следует понимать, по утверждению В. В. Колесова, как *отвлеченное понятие сущности менталитета.*

Иллюстрируя свои размышления, В. В. Колесов обращается к примеру:

Два концепта – «совесть» и «изящество» – не совпадают по интенсивности и завершенности очередных этапов преобразования, ср. последовательность развития значений: совесть ‘совместное знание’> ‘сознание’> ‘личная ответственность’... изящество ‘сила’> ‘богатство’> ‘вкус’. Средний член пропорции во всех случаях представляет средневековое понимание как символ отношения. Вся масса ментальности подтачивается неравномерным давлением реальности, от чего и оплывает подобно горному гелю. Рубеж смены одного общего типа другим, новым – это смена идеологий, т.е. гносеологических техник: соответственно, номинализм, реализм, концептуализм.

Таким образом, подчеркивает автор, менталитет выражает логическую составляющую концепта, ментальность – языковую.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа. М.: Едиториал: URSS, 2004. 229 с.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. Сер. «Памятники философской мысли». М: Канон + РООИ «Реабилитация», 2017. 288 с.
3. Гердер Й.-Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. 703 с.
4. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 1. М.; СПб.: Ун. книга, 2002. 272 с.
5. Колесов В. В. Основы концептологии. СПб: Златоуст, 2019. 776 с.
6. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов: Учеб. пособие. М.: ЧеРо, 2019. 350 с.
7. Пелипенко А. А., Яковенко И. Г. Культура как система. М.: Издательство «Языки русской культуры», 1998. 376 с.
8. Потенция А. А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. Подготовка текста Ю. С. Рассказова и О. А. Сычева. Комментарии Ю. С. Рассказова. М.: Издательство «Лабиринт», 1999. 300 с.

ХАЛИКОВА Наталья Владимировна (*Мытищи, Россия*)

доктор филологических наук, профессор
Государственный университет просвещения
vlstd24@gmail.com

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА ВТОРИЧНЫХ ПЕРЦЕПТИВНЫХ ПРЕДИКАТОВ *ПОРАЗИТЬ / УДИВИТЬ / ПОТРАЯСТИ*

Аннотация. Рассматривается синонимический ряд вторичных модусно-перцептивных предикатов, участвующих в построении перцептивно-речевой ситуации в художественном тексте. Указывается на взаимосвязь между категориями перцептивной образности и субъектности (говорящего, «образа автора»). Устанавливается концептуальное значение доминантного модусного глагола *поразить* и его синонимов. Рассматривается связь *поразить* ('восхитить / изумить') с концептом Красота (Чудо / Диво), *поразить* в значении 'удивить' и 'потрясти' – с концептами Странное, Страшное (Ужас). Доказывается необходимость концептуального анализа перцептивно-речевых ситуаций по методике «четырёх составов Причинности» В.В. Колесова.

Ключевые слова: эмоциональные глаголы, перцептивный предикат, художественная образность, концептуальное значение.

Abstract. The synonymous series of secondary modus-perceptual predicates involved in the construction of a perceptual-speech situation in a literary text is considered. The relationship between the categories of perceptual imagery and subjectivity (the speaker, the "image of the author") is indicated. The conceptual meaning of the dominant modus verb to strike and its synonyms is established. The connection is considered to amaze ('delight / amaze') with the concept of Beauty (Miracle / Wonder), to amaze in the meaning of 'surprise' and 'shock' – with the concepts of Strange, Terrible (Horror). The

necessity of a conceptual analysis of perceptual-speech situations using the method of the "four compositions of Causality" by V.V. Kolesov is proved.

Keywords: emotional verbs, perceptual predicate, artistic imagery, conceptual meaning.

Визуальная образность является средством художественной концептуализации произведения. В настоящее время сами визуальные предикаты изучаются «в аспекте системно-языковой категоризации и концептуализации перцептивных процессов» [1: 37], так как их семантика фиксирует целостность словесного образа, под которым нами понимается единица какого-либо класса образов (портрет, пейзаж, событие, интерьер), синтез переживаний субъекта восприятия в какой-либо определённой речевой форме, содержащей признаки объекта восприятия: *Наружность Долохова странно поразила Петю своею простотой* (Л. Толстой). Глагол в подобной типовой речевой ситуации – «режиссер», который «фокусирует в себе основные черты сценария, служащего стандартной формой <...>» [6: 43]. Собственно перцептивно-речевая инвариантная форма включает знаки субъекта восприятия, объекта и перцептивного процесса. В этой модели образ всегда представлен как перечисление (обнаружение) признаков объекта как в свернутом (одной номинацией), так и в развернутом виде (множеством номинативных и предикативных форм, включая усилительные средства уподобления, сопоставления). *Ее вид поразил меня: лицо еще больше осунулось, тени под глазами, серая, нездоровая кожа, как если бы она не спала много суток, – впрочем, она неважно переносила самолеты* (Н. Климонтович). Глаголы из группы эмоциональных состояний *поразить(ся), удивить(ся), потрясти* выступают в роли перцептивно-модусных предикатов в одном из переносных значений ('производить сильное впечатление, изумлять' [9:URL]) в устойчивых сочетаниях с определенной группой существительных: *вид, зрелище, картина, облик*. «В таксономический класс «видимый образ» входят такие слова, как *контур, пейзаж, образ, силуэт, профиль, зрелище, панорама, вид,*

фигура, картина (Я увидел такую картину) и др. В толковании этих слов участвует Наблюдатель» [7: 34].

Вторичные модусно-перцептивные предикаты *поражать / удивлять / потрясти* относятся к языковой универсалии (концепту) Удивление, служат для выявления социальной и этико-эстетической нормы и не-нормы образного содержания. «Возникновению эмоции в большинстве случаев предшествует восприятие <...> и интеллектуальная оценка как плохого или хорошего для субъекта <...>» [2: 362]. Таким образом, собственно перцептивные глаголы зрительного (или иного) восприятия (*видеть, замечать*) относятся к ядерным средствам создания объективного изображения вне характеризующей роли образа говорящего в создании этого изображения, а вторичные эмотивно-перцептивные предикаты – субъективного, с избыточным набором изобразительных признаков-субмодальностей, включенных в речевую модель, с сохранением интеллектуального и эмотивного модуса, то есть с экспликацией образа говорящего («образа автора»).

Идеографический словарь синонимов относит глаголы *поразить / потрясти / удивить* к идеографическому блоку (смысловой сфере) «Эмоции», входит в семантические классы «Интерес-равнодушие», «Одобрение-неодобрение», в смысловую группу «Удивление» со значением – «производить определенное впечатление» [10: URL]. Перцептивный компонент значения активно развивается у невозвратных глаголов с семой 'способность своими свойствами вызывать состояние лица'.

Синонимические ряды репрезентируют концепты Красота (*восхищать*) и Странное, Страшное (Ужасное) (*ужасать, потрясать, удивлять*). Модусно-перцептивный ядерный предикат *поражать*, доминантный в этом ряду, в традиционном синонимическом ряду (*удивлять, изумлять, потрясать*) семантически амбивалентен: в равной степени репрезентрует как восхищение, различные степени

проявления отрицательной оценки: от неприятного недоумения до отвращения. При синонимах перцептивно-модусного глагола *поражать* ('восхищать') действует так называемый «критерий убедительности»: создаётся картина, «итог, к которому не хочется придирааться, вызывающий удивление, восхищение <...> способом изображения» [8: 410]. Подобная художественная образность характерна для портретной, пейзажной эталонности, например: *Город блистал редкой красотой. Его вид поразил бы и не такого лесника-домоседа, как токарь Алексей* (П. Мельников-Печерский). Поразить здесь то же, что восхитить. Красота – проявление чудесного, Чуда (от «чують» – 'ощущать, замечать', «следовательно, это *видимое* чудо» [3: 496]. В классификации В. В. Колесова содержательные концепты Чудо и Диво противопоставлены по признаку 'видимое' / 'божественно непознаваемое'. Особенность художественной образности с помощью вторичных предикатов – в характеристике субъекта восприятия через призму этического и эстетического идеала (нормы). Типичный «лесник-домосед ... токарь» воспринимает красивый и даже роскошный русский пейзаж как норму (*видит, замечает, любит*), но городское пространство как не-норму. Сравним: **Лесник-домосед наблюдал (видел / наблюдал, заметил) редкую красоту города*. Эталонность обыденной картины мира смещена: чтобы оценить «редкую красоту» этого города, надо хорошо знать типичный, всякий город как привычный для восприятия объект, что не может быть свойственно домоседу названной профессии. Согласно данным «Толково-комбинаторного словаря»: «У восхищает X-а: Синонимы: очаровывать, пленять» [4:173]. «Восхищаться: X восхищается Y-ом: <...> это состояние таково, **какое обычно бывает** (курсив наш. – Н.Х.) в указанной ситуации» [4:174]. Модусно-перцептивные предикаты обычно вызваны экспликацией обыденной или поэтической картины мира. Эмотивные предикаты восторга и восхищения усиливают норму, а модусно-перцептивные

предикаты с отрицательной оценкой (*потрясти / поразить*) – разрушают её. *Меня поразил вид [генерала] Одинцова: в черкеске, без кинжала, красный, потный и растерянный он производил какое-то жалкое впечатление* (П. Врангель). «Типичный» генерал не должен быть «жалким».

Отступление от нормы, вызывающее состояние неприятия, передается синонимическим рядом глагола *поразить* – *удивить, потрясти, ошеломить* и др. Образное пространство репрезентирует концепты Страшное (Ужасное) и Странное. Приём концептуального анализа большого количества речевого материала из художественного и поэтического подкорпусов НКРЯ по «четырем составам Причинности <...> ментальной парадигмы» по методу В. В. Колесова позволяет составить следующую парадигму: 1) основание (что?) – ...*Меня поразил вид старика лет шестидесяти: он плакал навзрыд, кланялся в землю и просил положить на него, сверх оброка, сто целковых штрафа* (А. Герцен); 2) условие как образ (как?) – *Но её неприятно поразили глаза, прикрытые припухшими веками, – они бегали, словно потревоженные мыши* (Ю. Торубаров); 3) причина как понятие (почему?) – *На этот раз я его [Михалкова] рассмотрел. В первый момент встречи поразил он меня сходством с генералом Игнатовым* (Е. Шварц); 4) цель как символ (зачем?): *Его поразил жутью нагой мир. Нигде никакой растительности. Но эти голые, серые, сиреневые и пепельные груды были ему по душе, и тут начала зарождаться его любовь к безлюдным, диким местам* (В. Муромцева). Изученная нами семантическая и контекстная сочетаемость модусно-перцептивных предикатов совпадает с описанными В. В. Колесовым концептами Страх и Ужас [3: 545–547]. Концепт Странное ближе связан с модусом остраннения как типом речи, частотным словоупотреблением форм глагола *удивить(ся)*.

Концептуальный анализ предикатов позволяет делать выводы о тесном взаимодействии трех основных категорий: образа автора, образа перцептивного процесса и образа действительности, оперирование множеством перцептивных фрагментов – позволяет интерпретировать образность как категорию текста и как составляющую языковой личности и художественного типа сознания автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеевнина О. Ю. Концептуализация перцептивной семантики в юридической лексике // Отечественная филология. 2023. № 4. С. 34–45.
2. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «ЯСК», 1995. 767 с.
3. Колесов В. В. Концептуальное поле русского сознания. СПб.: Изд-во РГПУ им. Герцена, 2021. 612 с.
4. Мельчук И. А., Жолковский А. К. Толково-комбинаторный словарь русского языка: 2-е изд., испр. М.: Издательский Дом «ЯСК», 2016. 544 с. (В тексте – ТКС)
5. НКРЯ – Национальный корпус русского языка // URL: <https://ruscorpora.ru>
6. Норман Б. Ю. Когнитивный синтаксис русского языка. М.: Флинта : Наука, 2018. 254 с.
7. Падучева Е. В. Глаголы создания образа: лексическое значение и семантическая деривация // Вопросы языкознания. 2003. № 6. С. 30–46.
8. Протасова Е. Ю. Видимое и сказанное: лексический выбор и сочетаемость // Проблемы функциональной грамматики. Отношение к говорящему. М.: Издательский Дом «ЯСК», 2021. 488 с. С. 396–420.
9. Словарь русского языка: в 4-х томах / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1985–1988. [Электронный ресурс] // URL: <https://rus-academic-dict.slovaronline.com> // [Дата обращения: 12.01.2024].
10. Словарь синонимов русского языка [Электронный ресурс] / под ред. Л. Г. Бабенко. М.: ЛитРес, 2010. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?url=https://www.phantastike.com/ru/slovar_synonymov/doc/ [Дата обращения: 12.01.2024].

ЮДКИН-РИПУН Игорь Николаевич (*Киев, Украина*)

доктор искусствоведения, член-корреспондент

Национальная академия художеств Украины

dr.iyudkin@gmail.com

СИНКРЕТИЗМ ОБЫДЕННОГО СОЗНАНИЯ В РЕПЛИКАХ ПЕРСОНАЖЕЙ «ЖИЗНИ КЛИМА САМГИНА» МАКСИМА ГОРЬКОГО

Аннотация. Эвристическая направленность обыденного сознания определяет необходимые условия для постоянного мифотворчества и воссоздания синкретизма как орудия осмысления повседневности при дефиците информации. Актуальность синкретизма засвидетельствована этимологией, паремиологией, именами собственными. В персональных идиолектах синкретизм предстает как эвристическое

средство обозначения неизвестных явлений. Синкретизм воссоздается в местах сингулярности, требующих поиска имен, и представляется отношениями частичности и дополнительности, описываемых мереологией.

Ключевые слова: имя собственное, этимон, пословица, эвристика, мифотворчество, сингулярность, дополнительность.

Abstract. The heuristic dominance in habitual conscience determines the necessary conditions for the constant myth-making activity and the reproduction of syncretism as the device for comprehending the daily life within the informational deficiency. The actuality of syncretism is attested with etymology, paremiology, proper names. Within the personal idiolects syncretism becomes the heuristic device for the designation of unknown phenomena. Syncretism is reproduced in the singularities that demand the searches for names and is represented with the relations of partiality and supplement described with the means of mereology.

Keywords: proper name, etymon, proverb, heuristics, myth-making creativity, singularity, supplement.

Учение о семантическом синкретизме, разработанное в трудах Владимира Викторовича Колесова и Марины Васильевны Пименовой, примечательно тем, что открывает пути исследования не только реликтовых явлений словесности, но и их преобразования в новые, рудиментарные формы, предвосхищающие грядущее состояние языка. Это учение развивает парадокс А. А. Потебни о приоритете тропа относительно термина, согласно которому «обычная речь есть отклонение от тропа» [цит. 30: 63]. Нетрудно заметить, что первичность тропа тут равносильна первичности синкретизма, поскольку не предполагается построение тропа как переносного значения, а тем самым исключается основное значение и деривационное отношение. Отсюда следует непрерывность семантических переходов между ними. «Язык оказывается сплошным континуумом» [16: 455], согласно А.Ф. Лосеву, так что именно семантический континуум, где «место понятийной субординации занимает деривация» [35: 6] определяет синкретическое содержание, не сводимое к отдельным рядам семантических переходов и заполненное промежуточными, переходными значениями.

Эта непрерывность, наличие всегда неисчерпаемого остатка позволяет четко отграничить синкретизм от полисемии. Именно эти

отличия в первую очередь были очерчены в двух публикациях, имевших программный характер. Первая из них – пионерская статья В. В. Колесова 1991 года, где сформулирован критерий таких отличий: «В синкрете денотат дан в цельности (но объем понятия важнее содержания), а многозначность определяется по сумме признаков (объем и содержание понятия одинаково важны)» [10: 47]. Иначе говоря, содержание тут непрерывно, в противоположность дискретным «признакам». Отмечалась неприменимость формально-логического аппарата: «Синкретизм, понимаемый как “нерасчлененность”, свойствен мифологическому сознанию, представляющему “вещь” как целостность со всеми ее атрибутами и функциями, включая также и “имя” вещи. Поэтому аналитическая процедура определения вида через род ...тут мало чему поможет» [10: 40]. Отсюда, по-видимому, правомерно делать вывод о возможности применения для исследования синкретизма альтернативных логических методов, в частности, мерологии, основанной на отношении целое – часть, а не род – вид. Примечательно, что были подчеркнуты «эквиполентные отношения» [10: 47] (термин, введенный Н. С. Трубецким), т.е. пересечения составляющих содержание, в противоположность субординации («привативным отношениям») для полисемии; были отмечены метонимия и энантиосемия как имманентные свойства синкретизма [10: 41]. Но особенно ценно наблюдение, что в синкретизме «зашифровано знание об объекте, который еще непонятен или неизвестен» [10: 43]. Ниже увидим, что именно столкновение с неизвестностью, с особыми местами сингулярности приводит к необходимости вновь обращаться к средствам синкретизма в новых исторических условиях.

Через два десятилетия в 2011 году вышли статьи М. Вас. Пименовой, где были выдвинуты дальнейшие основные положения учения о семантическом синкретизме. Особым открытием М. Вас. Пименовой стало доказательство существования несводимого,

нередуцируемого к многозначности «неразрешимого синкретизма»; для его обозначения она ввела термин синкретсемия, когда содержание «... связано с одним абстрактным (семантически пустым) денотатом, но несколькими нерасчлененными сигнификатами» [25: 36]. Это существование нередуцируемого остатка связывается с общей асимметрией семантики, так что, в частности, «асимметричными... являются синонимические единицы» [25: 26], такие пары, как *тишина – молчание, супруга – жена*. Эта асимметрия проявляется в значении гиперонима, которое «связано с одним сигнификатом, но с ... нерасчлененным множеством конкретных денотатов» [25: 36–37] (как в собирательных именах – *мебель, насекомое*), тогда как помимо гиперонима «синкретичное значение ... связано с одним абстрактным денотатом, но несколькими нерасчлененными сигнификатами» [25: 36] (как у гипонимов *ум, нрав* относительно гиперонима *дух*). Из этой асимметрии выводится вывод о том, что при синкретсемии значения проявляются «в эпидигматической плоскости» [25: 39], в противоположность иерархичной парадигме компонентов полисемии. Имманентность эпидигматики у синкретизма подчеркивалась и в ином месте [26: 135], в частности, этим определяется внеположность синкретизма категориям метаязыка.

Примеры синкретизма, в том числе неразрешимого, согласно М. Вас. Пименовой, предоставляет в первую очередь этимология: «Этимоны отличаются изначальной семантической нерасчлененностью» [25: 21]. Сама ограниченность выразительных возможностей (засвидетельствованная, в частности, строением индоевропейского корня) становится фактором синкретизма, не говоря уже о проистекающей отсюда известной проблеме омонимии корней. Синкретизм этимонов более полувека назад показал А. С. Мельничук, исходя из «принципиальной возможности сведения индоевропейских корней к простым силлабемам с одним согласным и одним

неопределенным гласным» [19: 64]. Именно это изучение принципиально допустимых реконструкцией возможностей дало основание для своеобразной методологической инверсии «в направлении исследовательской процедуры – не от данного слова к искомому этимологическому гнезду, а от данного гнезда к искомым отдельным словам», что «делает возможным установление неожиданных семантических переходов» [19: 59]. Практическую реализацию такая методологическая инверсия нашла в инверсии частной – в новом взгляде на индоевропейское протетическое *s-mobile*, в открытии возможностей истолкования данной приставки как метатезы, что повлекло за собой пересмотр целой системы корневых морфем и их семантической нагрузки [20]. Такой подход позволил восстанавливать масштабные этимологические гнезда, семантическая нагрузка которых вполне отвечает критериям синкретизма. Так, уже в самом начале исследований А. С. Мельничук показал общность корней, отраженных словами *кость*, *коса*, *косить*, *сечь* и т.д. (в т.ч. и *час* как «удар в смысле периодически повторяемого сигнала» [18: 231]), затем построены были и многие иные ряды, сводка которых была представлена ранее [35].

И в частных этимологических гнездах (как в этимоне нем. *senden* ‘посылать’ и *Sinn* ‘смысл, чувство’) отмечается, что «слово обладало не столько многозначностью, сколько вмещало в себя огромный объем смыслов, который представлялся неделимым» [31: 322]. Мотивировку нерасчлененности и отсутствия дифференцировки можно проиллюстрировать примером объяснения этимологической общности корней, отраженных в наших *сила* и *жила* (*силушка по жилушкам течет*), и соответствующих представлений о действиях *вязать* и *резать*, обоснованной О. Н. Трубачевым, которые, согласно автору словаря по германской этимологии В. В. Левицкому, «рассматриваются как варианты единого синкретического значения» [15: 26]: «Первоначально действия с жилами мыслились, очевидно, как

некоторый синкретический комплекс операций, из которых позже выделились такие более конкретные действия, как скручивать, плести, резать, рвать, шить, ткать» [14: 58]. В этимологических реконструкциях, в свою очередь, синкретизм представим «лишь цепочкой семантических трансформаций, из которой исследователю известно начальное и конечное звено» [15: 25].

Вместе с этимологией сплошную синкретсемию демонстрирует паремиология, где в пословичных изречениях «содержится какой-то дополнительный (переносный) смысл, ... цементирующий его компоненты в некое синтетическое единство» [24: 86]. Отмечается и несводимость синкретичного смысла к компонентам изречения, поскольку он «не выводится однозначно из общих семантических законов переносного употребления слов» [23: 247]. Поэтому, в частности, хотя смысл изречения можно частично представить в виде сложного тропа (как металепсис, в частности, синекдоху с последующим метонимическим сдвигом), но содержание тем самым исчерпано не будет. Например, *чужая душа – потемки* или *шило в мешке не утаишь* – не только аллегории с двойственной интерпретацией (когда рема *шило* (но не *камень!*) или *не утаишь* (но *насторожишь!*) – смысл меняется), но и картина целой ситуации со множеством отсылок к обстоятельствам конкретного исторического бытия. Эти аспекты синкретизма пословиц, рассмотренные в ином месте [39: 134–195], усложняются проблемностью содержания самих изречений, в частности, их представлением как недоговорки или конверсией в загадки [36: 135].

Наконец, наряду с этимонами и паремиями, семантический синкретизм особо ярко проявляется еще в одной сфере языкового мира – у имен собственных, эйдонимов. *Москва! Как много в этом звуке Для сердца русского слилось ...* – эти пушкинские строки из «Евгения Онегина» являются наглядным тому примером. *Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не*

говори, что потерял время. Эти крылатые слова – программа творческой жизни 18-летнего Ф. М. Достоевского из письма брату Михаилу в 1839 г. – избраны эпиграфом к словарю прозвищ [1], которые предполагают раскрытие и истолкование синкретичного содержания, хранимого личностями – носителями имен. Использование характерного признака для обозначения лица (например, *захребетник* ‘иждивенец’) подразумевает, что этот признак не только не исчерпывает характеристику, но является словесной маской, обязывающую искать, что за ней скрыто. В переписке Б. Л. Пастернака «употребление местоимения мы» [8: 161] фактически равносильно имени собственному, объединяющему поэта с его сестрой. В одном из стихотворений в прозе И. С. Тургенева, «Собака», автор смотрит в глаза верному псу, и *в это мгновение ... между нами нет никакой разницы. Мы тождественны.* С. Л. Франк, приведя этот пример, отмечает что тут «возникает еще нечто третье: целое, состоящее из ‘я’ и ‘ты’» [33: 381].

Пример такого неразрешимого синкретизма в наименовании людей демонстрирует монолог Григория из пушкинского «Годунова» после сцены встречи с Мнишек, где отмечается «незаметный двойной переход от одного числа к другому»: герой «начинает хулить женщин вообще ... и вновь переходит к оценке поступка Марины» [2: 174–175], так что в имени Мнишек сливаются ее частное лицо и женственность. Наконец, в следующем обмене репликами из «Песни судьбы» А. Блока с именем героини связывается энантиосемия (Фаина: *Я – случайная.* Герман: *Ты – вечная*). Содержание имени Фаины исполнено противоречий, а упоминаемая случайность становится роковой вестью, отсылающей к идее фатализма. Синкретичны имена литературных героев, выступающих как имена нарицательные, где эйдонимы превращаются в генонимы с диффузным содержанием. Но еще показательнее обратное превращение имен нарицательных в имена собственные, обозначающие особый, неповторимый, сингулярный предмет, как в первых строках

пушкинского «Медного всадника», где упоминание *пустынных волн* есть топоним Невы. Конкретизация абстрактных имен, их сингулярность наполняет их содержание синкретическим комплексом значений.

Последние примеры свидетельствуют также, что именно в театральной реплике синкретизм становится особенно наглядным благодаря ее необратимости, непоправимости, однократности (по принципу *слово не воробей, выпустишь – не поймашь*). Иначе говоря, реплика обладает свойствами сингулярности, особой точки в текстовом пространстве, и эти свойства создают благоприятные условия для раскрытия возможностей синкретизма. Именно реплика запечатлевает то, что свойственно данному действующему лицу, черты его характера, которые заведомо синкретичны уже потому, что сразу не раскрываются, и напротив, постепенность их обнаружения составляет стержень драматургии как исследования возможностей, способностей персонажей. И благодаря однократности, сингулярности обретается синкретсемия.

Наконец, этимологические, паремиологические, эйдонимические свидетельства постоянного присутствия семантического синкретизма в обыденном сознании подводят к вопросу об отношении его к семантическим универсалиям и категориям предметного содержания как особой альтернативы категориальной дифференциации (или особой «категориальной ситуации», используя терминологию А. В. Бондарко). Очевидно, что сама концепция синкретизма противостоит механистической утопии «универсальной грамматики», игнорирующей принцип полидиалектности как имманентного свойства словесности. В частности, синкретизм этимонов внеположен метаязыку универсалий, семантическим категориям как понятийному аппарату, построенному над языковой картиной мира. Эту внеположность можно проиллюстрировать на примере разбиения глаголов на категории *verba movendi, sentiendi, dicendi* – 'глаголы движения, чувствования, говорения' и т.д. Германские

корни, объединенные в класс глаголов движения, представлены, в частности, англ. *come – go* 'приходить – идти, уходить'. Однако в индоевропейской перспективе они оказываются рефлексамии совершенно различных этимонов, представленными у нас парой *жить – зиять*, а также соответствующими греческими корнями, известными у нас по заимствованиям *биос – хаос, хиатус* [35: 64–65]. Значение приходить развилось в германских диалектах из синкретичного ряда семантических переходов с исконным смыслом прибывать в мир живых, тогда как ходьба мыслилась как уход, перемещение в зияние.

Этот пример несоответствия синкретизма и метаязыковой категоризации демонстрирует трудности описания синкретизма. Для представления синкретичного содержания используют концепты как адаптированные категории, исторически возникшие в схоластике как приспособления универсалий для представления имен объектов, где «предмет обладает способностью ... выражать две разные возможности для бытия» [21: 27]. В барочной казуистике было предложено различать концепты формальный (умозрительную универсалию) и предметный, причем последний «представляется посредством первого» [34: 185]. А. А. Зализняк, предложив понятие «концептуальной схемы», прямо утверждает: «Этот термин объединяет несколько ... метаязыковых техник» [7: 43], т.е. представляет метаязыковые дескрипторы.

В противоположность метаязыковым средствам, перспективным видится привлечение к анализу синкретизма *nomina collectiva*: «Синкретизм значений – это **собирательный** (подчеркнуто мною – И. Ю.–Р.) смысл определенной вещи в совокупной множественности всех ее признаков», отмечал В. В. Колесов [13: 25]. Заметим, что собирание частичных обозначений обнаруживается и в поэзии, у Р. М. Рильке, где создается «лирическая сумма» смыслов в идиоме, обладающей энантиосемией, как, например, *Gesang ist Dasein* 'пение есть бытие', сопрягающее «несовместимые смыслы» как взаимно

дополнительные [22: 5]. Поскольку представление синкретического содержания состоит в раскрытии возможностей семантического континуума, то задачей будет описание этих возможностей как взаимно отрицающих и дополняющих друг друга, как в данном примере. Такой подход продемонстрировал В. В. Колесов, когда показал различие значений *ум* и *разум* (как в выражении *ум за разум зашел*) [13: 23]. Это выявление синкретического смысла через различия и противопоставления широко используется в этимологии, как в замечании из последней прижизненной публикации О. Н. Трубачева о переводе Евангелия, где «значение *плоть* как первоначально нарастающий слой живого тела (**plъtь* этимологически – “наплыв”) противопоставлено значению *мясо*, первоначально – о сыром мясе...Славянские переводчики Святого Писания, похоже, отлично чувствовали эту культурную семантику мяса, отчего мы не найдем случая **и слово стало мясом*, но только: *слово стало плотью*» [32: 33].

Итак, синкретическое содержание предстаёт как содержание собирательное, восстанавливаемое из взаимно дополняемых или альтернативных частных. В таком изучении синкретизма как «возможных миров» (по Г. Лейбницу) уместно учитывать, что «всякое частное знание есть частичное знание целого» [33: 217], откуда следует апофатический путь постижения значений, через отрицания, альтернативы, дополнения. Приемы вычленения частных и испытания их отношений к цельностям представляются предпочтительными по отношению к данным *a priori* дескрипторам метаязыка, внеположным синкретическому содержанию. Совокупности таких дескрипторов заведомо дискретны, и потому не могут дать удовлетворительного описания континуума, тогда как поляризация самого континуума, выявление в нем внутренних противоречий (как в энантиосемии) открывают возможности автодескрипции синкретизма. Можно ожидать, что именно мереология, нацеленная на изучение

комплементарного, дополнительного отношения целого и частных, окажется полезной в изучении синкретизма.

Вообще и помимо рассматриваемых явлений дополнительность проявляется в тавтологиях, этимологических фигурах (*думу думать, свадьба как свадьба, туча тучей, смута смутная*). М. Вас. Пименова характеризует их особенности «обозначением ... удвоенного денотата – объекта, существующего только в процессе реализации определенного признака» [28: 390]. В отличие от энантиосемии тут денотаты не противопоставляются, а указывают на части целого, отчего, например, абсурд *масла масляного* снимается проблемностью целого высказывания. Подобное же явление частичности и дополнительности представляет гендиадис – ситуативная синонимия, где как бы очерчиваются крайние точки семантического континуума. В. В. Колесов, рассматривая такие паросочетания как «субъектно-объектные отношения» [11], указывает на наличие третьего понятия, напр., *радость и веселье – торжество, горе не беда – скорбь*. Эти примеры показывают, что существенными оказываются отношения частичности и дополнительности, где тавтология и гендиадис оказываются орудиями выявления собирательности содержания, состоящего из взаимно дополняемых возможных значений.

Особо значимым для исследования синкретизма как поля семантических возможностей представляется вывод М. Вас. Пименовой о том, что «можно говорить о проявлении синкретизма (нерасчлененности) нового типа на новом витке спиралеобразного развития языка» [27: 170]. Здесь «спираль истории» позволяет обнаруживать синкретизм в исторически ограниченных, несущих печать неповторимой эпохи идиолектах и социолектах. «Основное значение одного исторического периода может оказаться неосновным» [2: 121], и это замечание Р. А. Будагова относительно семантических переходов относится и к реализации скрытых в синкретизме возможностей в

историческом времени. Одним из обычных путей возвращения к синкретизму является контаминация, хорошо известная в фольклористике, этимологии, диалектологии (в частности, в изучении социолектов). Например, англ. dress помимо значения «одеяние, одевать», восходящего к лат. directus «прямой», обладает еще и значением «бить», развившимся из контаминации нем. dreschen «бить, молотить» [17: 21], что открывает возможности не только соответствующей игры слов, но и семантических сдвигов. В социолектах возникает эффект «т.наз. обратного прочтения слова (back slang)» [17: 41], своего рода такой деэтимологизации, когда внутренняя форма слова не деформируется, а трансформируется до неузнаваемости. В поэзии наряду с деэтимологизацией и разрушением внутренней формы протекают противоположные процессы этимологической регенерации (а также ее симуляции в явлениях «народной этимологии»), без которых просто невысказано поэтическое творчество – вспомним хотя бы хорошо изученные примеры из творчества М. Цветаевой [9: 76–77].

Однако и помимо поэтического мира, в обыденной разговорной речи, в коллоквиализмах синкретизм восстанавливается потому, что он является орудием эвристики, поискового мышления в условиях неопределенности, дефицита информации: например, всплеск мифотворчества в литературе XX в. обусловлен его эвристическими возможностями [37: 182–184], что влечет за собой и эвристическую значимость связанного с мифологическим мышлением синкретизма. Именно эвристикой мотивируется стремление к созданию аналогов рабочих гипотез в поисках адекватных обозначений явлений эпохи, в согласии с положением В. В. Колесова о том, что и исследователь «должен объяснить однажды уже объясненное, ... найти смысл и логику в эволюции идей – это эвристика» [12: 8]. Осмысление повседневности своего времени всегда протекает «наощупь», в поисковом эвристическом процессе, где постоянно используются вспомогательные

«строительные леса» в виде мифотворчества и изречений с диффузными значениями, которые впоследствии предаются забвению. Обозначения новых вещей «нащупываются» как синкретичные, в частности, в детской речи.

Именно синкретичную неделимость значений демонстрирует приводимый А. А. Зализняк пример из детской речи, где «словом *бабах* двухлетний ребенок может обозначать ‘удар’, ‘больно’, ‘звук удара’, а также ‘мяч’», что отвечает всем критериям синкретизма (само упоминание о котором автором избегается). Но особенно существенно, что «ребенок отвергает метафору ... ему нужно не подобие, а тождество (капля смолы в форме слезы – это и есть слеза)» [7: 44]. Такое отождествление уже является тем признаком мифологического мышления, о котором писал А. А. Потебня: «Для человека, для коего есть миф *туча – корова*, одновременное с этим название тучи коровою есть самое точное ... И мы, как и древний человек, можем назвать ... душу и жизнь – *паром*; но для нас это только сравнения, а для человека в мифическом периоде сознания – это полные истины» [29: 435]. Синкретизм идет рука об руку с мифотворчеством, но реликтом архаики они не являются, а возрождаются с каждым новым поколением, с переходом от младенческого лепета, всецело основанного на синкретизме, к детству. Вступление в жизнь нового поколения есть процесс поисковый, а эвристика с необходимостью порождает мифотворчество и семантический синкретизм – потенциал выразительных возможностей, которые, в силу самого определения возможного как антитезы действительному, являются частичными и взаимно дополняют друг друга.

Условие такого эвристического обращения к мифу и синкретизму – сингулярность событийного мира, порождаемого «живой жизнью», то *чудо чудное, диво дивное*, с которым сталкивается каждый человек, переживающий взросление. Именно сингулярность вызывает

предельную конкретизацию абстрактных языковых знаков в коммуникативном акте, в разговорной речи с ее протоком коллоквиализмов, наконец, в репликах театральных и литературных персонажей. Синкретизм предстает как конкретика, и именно эта конкретика формирует особенности индивидуального идиолекта личности, где сгущаются и сплавляются отвлеченные признаки в диффузные значения синкретизма.

Тогда наличие синкретизма, притом неразрешимого – синкретсемии, в личном идиолекте персонажа, используемом для характеристики действующего лица, становится в литературном тексте указанием именно на сингулярность событий, их особую неповторимость, историческую уникальность. Такое использование синкретсемии встречаем на страницах горьковской эпопеи о Самгине, где особые ситуации, места сингулярности составляют предмет особой авторской заботы. Подобно бытовым вещам, назначение и использование которых понятны только с реконструкцией образа жизни эпохи как цельности, кажущиеся случайными коллоквиализмы реплик запечатлевают то диффузное, синкретическое содержание, которое присуще им в идиолектах изрекающих их персонажей. Несколько примеров из этого текста призвано придать наглядность всему вышесказанному.

Прежде всего заметим, что синкретизм паремий, о котором шла речь выше, целенаправленно применяется автором: *В московском шуме человек слышней, – подумал Клим, и ему было приятно, что слова сложились как пословица* [3: 262]. Здесь синкретичная неопределенность видна уже в имени *шум*, знаменующем столичную обстановку в ее цельности. Далее речь идет о *человеке* как частном лице, чей голос слышим в этом *шуме*, и чье содержание остается неизвестным. Показательно, что далее в диалоге Клина и Варвары

возникает мотив пословиц, которые жена определяет как *дикие мысли* [4: 351]. Атрибут *дикий* как раз и представляет синкретизм.

Показательны примеры синкретичных выражений в идиолекте случайного спутника Самгина в поезде – поручика из карателей: – *Из неудачников, ... Я сам – неудачник* [5: 117–118]. Это характерное слово социальной среды, оставившей свою печать на облике персонажа, оно определяется библеизмом «шибболет» (термин Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова). Диффузия значения тут связана с необъятностью контекстов его употребления. Такое же всеобъемлющее значение для этого носителя идиолекта обретает ругательство *морда*, примененное тут трижды, по отношению к самым разным лицам.

Дуняша, раскрывая Климу свои секреты перед концертом, употребляет синкретичное представление о страхе: *Сегодня – пою! Ой, Клим, страшно! Ты придешь? Ты – речи народу говорил? Это тоже страшно? Должно быть, страшнее, чем петь* [5: 141]. И далее раскрывается содержание неопределенности содержания этого имени – *холод в спине, под ложечкой – тоска!*. Этими признаками представление о страхе не исчерпывается, оно и далее высвечивает разными сторонами в высказываниях героини.

Показательно обретение свойств синкретичной неопределенности неологизмами, модными выражениями эпохи, которые используют, не давая себе отчета в их содержании. Такова судьба пришедшего из термодинамики термина энтропия в обмене репликами с вернувшейся из Петербурга Варварой, который «ввернул» Клим и получил ответ *Энтропия? Не знаю* [4: 455]. Научный термин становится упомянутым шибболетом, а тем самым и неопределенным по содержанию синкретичным выражением.

Но еще более диффузно содержание термина *интерес* в последней реплике Марины Зотовой, обращенной к Климу, перед ее убийством: *Мы – интересны друг другу и поэтому нужны. В нашем*

возрасте интерес к человеку следует ценить [6: 63]. Эта сентенция отсылает к давней традиции противопоставления интересов чувствам в духе вульгарной экономики начала XIX века. Однако реплика вносит еще и *интерес к человеку* – нечто иное, нежели подразумевавшийся в этой традиции «экономический интерес». Более того, здесь подразумевается отношение *другу другу*, а следовательно, и личные чувства. Значит, в устах Марины Зотовой это совсем не проявление необходимости, нужды: напротив, она вместе с героем *нужны*, причем именно *друг другу*, как следствие наличия интереса, содержание которого синкретично.

Синкретичным становится и понятие учения в реплике Елены, последней знакомой Клима, которая так объясняет свою симпатию к нему: *Ничему не учите. Не любите учить? За это многие грехи простятся вам. От учителей я тоже страдала* [6: 289]. Может показаться, что *учить* в данной тираде является тропом ‘повелевать, навязывать свои взгляды’. Однако *учителей* Елена упоминает в ином смысле, как тех лиц, в общении с кем она обретала свой опыт. Смысл остается неопределенным, оставляющим вопрос.

Наконец, уместно привести пример реплики, в которой Клима поучает его первая знакомая, Маргарита: *Бабы подлые, капризные. И есть у них эдакое упрямство. Не могу сказать, какое. И хорош мужчина, и нравится, а – не тот. Не потому не тот, что беден или некрасив, а – хорош, да – не тот!* [3: 196]. В этой сентенции синкретизм понятия *упрямство* обозначен прямым текстом. Признается, что содержание непонятно самой героине. Смысл понятия определяется через отрицание – *не тот*. Эта энантиосемия понятия, его внутреннее противоречие влечет за собой и синкретичную неопределенность.

Итак, синкретизм постоянно присутствует в горьковском тексте для обозначения сингулярности событий, «из ряда вон выходящих», ибо он возрождается и в разговорной речи на основе эвристического

мышления. Польский философ-феноменолог Р. Ингарден ввел представление о «местах неопределенности» в литературном произведении, требующих конкретизации [38: 53], которые вполне отвечают сингулярности, сгущающей конкретику до синкретизма. За сиюминутными репликами персонажей просвечивают вечные законы жизни языка, вновь воссоздающего синкретичные средства для адекватного обозначения неведомых явлений. Вот почему поиски нужного выражения, знаменитые «муки слова» писателей являются наглядным примером того, как неповторимость, сингулярность событий, требующая конкретики для ее обозначения, вызывает семантическую диффузию, свойственную синкретизму.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеенко П. А., Литвинникова О. И. Человек в производных именах русской народной речи. М.: ЭЛПИС, 2007. 520 с.
2. Будагов Р. А. Человек и его язык. М.: Изд. Московского университета, 1974. 264 с.
3. Горький М. Жизнь Клима Самгина. Ч. 1. / Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения в 25 т. Т. 21. М.: Наука, 1974. 576 с.
4. Горький М. Жизнь Клима Самгина. Ч. 2. / Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения в 25 т. Т. 22. М.: Наука, 1974. 688 с.
5. Горький М. Жизнь Клима Самгина. Ч. 3. / Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения в 25 т. Т. 23. М.: Наука, 1975. 416 с.
6. Горький М. Жизнь Клима Самгина. Ч. 4. / Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения в 25 т. Т. 24. М.: Наука, 1975. 592 с.
7. Зализняк А. А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006. 672 с.
8. Земляник Т. В. Семантический синкретизм сферы «автор – адресат» в письмах Б.Пастернака / Языковые категории и единицы: синтаксический аспект. Материалы 11-й междунар. науч. конференции. Владимир: Транзит – ИКС, 2015. С. 159–162.
9. Зубова Л. В. Поэзия Марины Цветаевой. Лингвистический аспект. Л.: Изд. Ленинград. университета, 1989. 264 с.
10. Колесов В. В. Семантический синкретизм как явление языка. / Вестник Ленинградского университета. Сер. 2. История. Языкознание. Литературоведение. 1991. Вып. 2. № 9. С. 40–49.
11. Колесов В. В. Древняя Русь. Наследие в слове. В 5 кн. Кн. 2. Добро и зло. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. 304 с.
12. Колесов В. В. Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002. 448 с.
13. Колесов В. В. Когнитивные заметки по древнерусским текстам // Язык и ментальность в диахронии. Материалы I Всероссийского семинара с международным участием. Владимир: Транзит – ИКС, 2017. С. 7–36.
14. Левицкий В. В. Этимологические и семасиологические исследования в области германских языков. Черновцы: Рута, 1997. 276 с.
15. Левицкий В. В. Этимологический словарь германских языков. В 2 т. Винница: Нова Книга, 2010. Т. 1. 616 с.

16. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. М.: Изд. Московского университета, 1982. 482 с.
17. Маковский М. М. Современный английский сленг. Изд. 3-е. М.: МКИ – URSS, 2007. 164 с.
18. Мельничук А. С. Корень *kes- и его разновидности в лексике славянских и других индоевропейских языков // Этимология – 1966. М.: Наука, 1968 С. 194 – 240
19. Мельничук А. С. Об одном из важных видов этимологических исследований // Этимология – 1967. М.: Наука, 1969. С. 57–67.
20. Мельничук А. С. О сущности беглого s- //Этимология - 1984. М.: Наука, 1986. С. 137–146.
21. Неретина С. С. Тропы и концепты. М., 1999. (РАН. Институт философии). 278 с.
22. Павлова Н. С. О собирательности слова у Рильке // Новый филологический вестник. 2009. № 3 (10). С. 8–18.
23. Падучева Е. В. О семантических связях между басней и ее моралью (на материале басен Эзопа) / Паремииологические исследования. М.: Наука, 1984. С. 223–251
24. Пермяков Г. Л. От поговорки до сказки. М.: Наука, 1970. 240 с.
25. Пименова М. Вас. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // Вопросы языкознания, 2011, № 1. С. 19–48.
26. Пименова М. Вас. Семантическая деривация и синкретизм / Ученые записки Казанского Университета. Гуманитарные науки. 2012. Том 154. Кн. 5. С. 132–136.
27. Пименова М. Вас. Модель развития лексического значения и выражение оценки в диахронии / Язык и ментальность в диахронии. Материалы I Всероссийского семинара с международным участием. Владимир: Транзит - ИКС, 2017. С. 163–174.
28. Пименова М. Вас. Таутонимы в трудах А.Б. Пеньковского и лингвистическое явление повтора / Языковые категории и единицы: синтаксический аспект. Материалы 12-й междунар. науч. конференции, посв. 65-летию кафедры русского языка. Владимир: Транзит-ИКС, 2017. С. 386–392.
29. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. 616 с.
30. Пресняков О. П. А. А. Потебня и русское литературоведение конца XIX – начала XX века. Саратов: Изд. Саратовского университета, 1978. 232 с.
31. Сысоева А. А. Явление семантического синкретизма (на примере обозначений восприятия в немецком языке в диахронии) / Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2019 Вып. 1 (817). С. 317–327.
32. Трубачев О. Н. Опыт этимологического словаря славянских языков: к 30-летию с начала публикации (1974–2003). Доклад пленарного заседания XIII международного съезда славистов. М.: 2003. (РАН ИРЯз). 48 с.
33. Франк С. Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии / Франк С. Л. Сочинения. М.: Правда, 1990 (Приложение к журналу «Вопросы философии»). С. 181–559.
34. Шмонин Д. В. В тени Ренессанса: вторая схоластика в Испании. СПб: Изд. СПб. Университета, 2006. 278 с.
35. Юдкин - Рипун И. Н. Краткий семантико-этимологический справочник: славистика и романо-германистика. Киев, 2004. (Национальная академия наук Украины. Украинский комитет славистов). 236 с.
36. Юдкин-Рипун И.Н. О проблемах применения фреймов в паремииологии / Современные подходы к исследованию ментальности. Памяти проф. Пименова

Евгения Александровича посвящается. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2011. (Серия «Славянский мир». Вып. 6). С. 129–138

37. Юдкін - Ріпун І. М. Феноменологія культури як методологія інтерпретації. Київ: Інститут культурології НАМУ, 2020. 336 С.

38. Ingarden R. O poznawaniu dzieła literackiego. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe. 1976. (Ingarden R. Dzieła filozoficzne). 468 s.

39. Yudkin-Ripun I. Aphoristic Foundations of Dramatic and Lyrical Poetry. Kiev: Osvita Ukrainy, 2013. (National Academy of Arts of Ukraine. Institute of Culturology). 444 p.

ВАРНАЕВА Анна Евгеньевна (Смоленск, Россия)

кандидат филологических наук, доцент
Смоленский государственный университет
anna6772@mail.ru

ДОБРО КАК ТРАДИЦИОННАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ (на материале пословиц русского народа)

Аннотация. В статье представлено описание фрагмента русской языковой картины мира, связанной с концептом «добро», которое проводилось на базе анализа пословиц. Его цель состояла в определении содержания и значения данной духовной ценности для нашего народа. Установлено, что для русского человека добро – это соблюдение им духовно-нравственных заповедей и, как следствие, мир в душе и гармония в отношениях с другими людьми. Являясь нравственным законом, добро играет основополагающую роль в жизни русского народа и определяет специфику нашего менталитета.

Ключевые слова: этническая функция языка, ментальность, духовно-нравственные ценности, пословица, языковая картина мира, концепт.

Abstract. The article describes a fragment of the Russian language picture of the world associated with the concept of "good", that was carried out on the basis of the analysis of proverbs. Its purpose was to determine the content and significance of this spiritual value for our people. It has been established that for a Russian person, goodness is his observance of spiritual and moral commandments and, as a result, peace in his soul and harmony in relationships with other people. Being a moral law, goodness plays a fundamental role in the life of Russian people and determines the specifics of our mentality.

Keywords: ethnic function of language, mentality, spiritual and moral values, proverb, linguistic picture of the world, concept.

Язык представляет собой удивительный феномен, который не только обеспечивает взаимодействие его носителей, живущих в одно время, но и связывает людей разных веков и эпох, объединяя их в одну общность, одну нацию. Эта его функция обусловлена тем, что язык является главным выразителем мировоззрения своего народа и

доминирующим средством репрезентации его культуры: «слово незримыми нитями связано с культурой народа – носителя данного языка: бытом, религией, философией, наукой, искусством и литературой» [10: 86]. Язык цементирует ментальность этноса, в связи с чем именно ему принадлежит решающая роль в формировании национальной идентичности.

Определяющее влияние родного языка на восприятие и понимание мира его носителями объясняется тем, что «рефлексия мира осуществляется субъектом в средствах конкретного языка, репрезентирующего определенную совокупность понятий как познавательных структур, “сворачивающих” знание, мнение, представление о реалии в определенное содержательное ментальное образование. Каждое языковое сообщество пользуется своим специфичным инструментом образования понятий (концептообразования) – языком, формирует различные образы мира как основы национальных культур» [8: 341]. Как лаконично заметил А.Я. Гуревич, указывая на национальную специфику культуры каждого этноса: «Культуру можно определить как то, *что* данное общество делает и думает. Язык же есть то, *как* думают» [4: 193–194].

Для обозначения выполняемой языком функции фиксации и трансляции мировоззрения народа, являющего его носителем, ученые используют разные термины, например, этническая, национально-культурная функция.

Одним из первых в мире мысль о том, что язык выражает и формирует взгляд на мир своего народа, высказал и обосновал гениальный немецкий лингвист Вильгельм фон Гумбольдт.

Взаимоотношения языка и народа – его носителя в современном языкознании разрабатывают такие научные направления, как этнолингвистика, лингвокультурология, этнолингвокультурология,

этнопсихоллингвистика, когнитивная лингвистика, концептуальная лингвистика.

В. Гумбольдт утверждал, что «разные языки – это не различные звуковые обозначения одного и того же предмета, а разные видения его» [3: 9].

При этом язык диктует картину не только внешнего, но и внутреннего мира. Для обозначения последнего ученый использовал понятие «дух народа» («национальный дух»), который включает в себя менталитет, характер, образ мыслей народа, его философию, науку, искусство, культуру.

Заслуживает особого внимания мысль В. Гумбольдта о том, что «язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [3: 68]. А это значит, что познать специфику духовной жизни того или иного народа невозможно без изучения особенностей его языка: «Среди всех проявлений, посредством которых познается дух и характер народа, только язык и способен выразить самые своеобразные и тончайшие черты народного духа и характера и проникнуть в их сокровенные тайны» [3: 69].

Ввиду того, что матрицей мировоззрения является ментальность (менталитет), анализ ее особенностей представляет первостепенный интерес для понимания специфики мировоззрения народа.

«Ментальность – фундамент картины мира народа, представляющей собой систему категорий и субкатегорий, т.е. концептуальную сетку, с помощью которой носители языка воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их языковом сознании» [6: 96]. Менталитет представляет собой «присущее всем общенациональное проявление неких глубинных представлений о мире» [5: 226], систему ценностей, норм и установок данного этноса.

Национальные ценности регулируют поведение и деятельность людей. Они отличаются высокой степенью устойчивости, поэтому их называют «цивилизационным кодом» культуры.

Предметом нашего исследования стала одна из базовых национальных духовно-нравственных ценностей русского народа – *добро*. Ее содержание и значение для нашей культуры выявлялись на основе изучения русских пословиц, содержащих ключевое слово «добро». Лексикографическим источником соответствующих фразеологических единиц стало их самое полное собрание – сборник «Пословицы русского народа» В.И. Даля [9].

Выбор в качестве материала анализа устойчивых сочетаний объясняется тем, что «фраземика – это величайшая сокровищница и непреходящая ценность любого языка. В ней, как и положено сокровищнице, хранится многовековой опыт трудовой и духовной деятельности народа, его история, нравственные ценности, религиозные воззрения и верования» [1: 6].

Представленное исследование проводилось в рамках этнолингвистического подхода, согласно которому изучение особенностей языка, его единиц и правил, является основой для понимания специфики существующей в сознании его носителей картины мира, а также в русле концептуальной лингвистики (концептологии).

«Концептология – когнитивное учение о концептах, представляющих собой сущности общенародного подсознательного, выраженного вербально, в словах и грамматических формах родного языка» [5: 10].

Концепт – это определенный объем информации об окружающем мире, некий отдельный смысл, закрепленный в языковых средствах, чаще всего в слове. Именно слово представляет «тело» концепта.

На основе концептов осуществляется мышление. Концепт, таким образом, имеет ментальную природу. Его содержательными формами,

по-другому, слоями смыслового содержания, являются понятие, образ и символ.

Концепт представляет собой фрагмент языковой картины мира.

Система концептов, концептуальный мир, – «это система понятий, образов и символов, того, что называется ментальной моделью мира. Это совокупность знаний и представлений о действительности, которые выражены в системе языка в виде категорий и форм» [6: 90].

Соответственно, изучать концепты, описывать признаки, составляющие их структуру, можно только с помощью языка, на его основе.

В современной лингвистике представлены различные методики анализа концепта. Один из самых развернутых алгоритмов построения концепта, который позволяет описывать его во всей совокупности содержательных форм, предложил В.В. Колесов [5: 723–728].

Обращает на себя внимание тот факт, что одним из путей определения концепта, выявления составляющих его признаков является анализ пословично-поговорочного состава русского языка с соответствующим ключевым словом. Данные устойчивые сочетания слов обладают способностью объективировать концепт в языке.

В современной лингвистической литературе представлены различные классификации концептов. В нашем исследовании мы опирались на классификацию, предложенную М.Вл. Пименовой, в соответствии с которой все концепты распределяются по трем категориальным классам: базовые концепты, концепты-дескрипторы, концепты-релятивы [6: 104–106].

Являющаяся предметом настоящего анализа русская духовно-нравственная ценность *добро* может быть отнесена к группе базовых концептов, «которые составляют фундамент языка и всей картины мира» [6: 104]. Из трех представляющих данную группу категорий:

космических, социальных и психических концептов – изучаемый концепт, являясь моральным (этическим), определяется как концепт социальный.

Учитывая, что рассматриваемый концепт *добро* представляет собой в русской лингвокультуре духовную ценность, он может быть охарактеризован как аксиологический концепт.

Как известно, описание концепта начинается с его словарного определения. Основными значениями лексемы «добро» являются следующие: 1) 'нечто положительное, хорошее, полезное, противоположное злу; добрый поступок', 2) 'имущество, вещи' [7: 169].

Изучение корпуса русских пословиц, содержащих ключевое слово «добро», позволило установить, что в обоих указанных значениях оно в них используется. Так, его первое значение реализуется в таких устойчивых сочетаниях, как: *где хлебно да тепло, там и жить добро; много бранился, а добра не добился; при солнце тепло, а при матери добро; ссора до добра не доводит*. Материальные ценности лексема «добро» обозначает, например, в таких пословицах: *у нас этого добра и куры не клюют; меньше на дворе добра, легче голова; палата добра, да без хлеба беда; казенное добро страхом огорожено*.

При этом обращает на себя внимание тот факт, что в ряде народных изречений рассматриваемое ключевое слово может быть понято одновременно в двух значениях: и в материальном, и в моральном смысле. Например: *добрая жена да жирные щи – другого добра не ищи! То и добро, что до нас дошло; жить, поживать да добра наживать; две шубы тепло, две хозяйки добро (о снохе); чужим умом жить – добра не нажить*.

Объяснить это можно тем, что при всей важности материальных ценностей русское мироощущение ими ограничиться не может и данным ценностям не отводится приоритетная роль: для нас духовное всегда выше материального (*не хвались серебром, хвались добром*).

Отмеченная особенность русского мировоззрения объясняет и то, что в подавляющем большинстве наших пословиц слово «добро» используется в первом из приведенных значений, обозначая нечто хорошее, полезное, ценное.

Анализ семантики народных устойчивых сочетаний дает возможность уточнить, что для нас является хорошим, представляет ценность.

Для русских людей добро – это соблюдение духовно-нравственных заповедей и, как следствие, мир в душе и согласие с другими людьми. В основе этих заповедей лежит любовь как главная национальная ценность. «Суть настоящей любви заключается в жертвенности. Живя жизнью своей семьи, друзей и даже незнакомых людей, человек живет полной жизнью, и именно это дает ему ощущение счастья» [2: 66–67].

Таким образом, добро для нас – это духовная, религиозная категория. Именно поэтому добро рассматривается как закон жизни: *нам добро, никому зло – то законное житье*. Это основополагающий закон русской жизни: *мир лежит во зле, но стоит на добре*.

Наши пословицы однозначно предписывают жить в соответствии с этим законом: *за добро постоим, а на зло настоим; добро наживай, а худо избывай; ищи добра, а худо и само придет; доброго не бегай, а худого не делай; кто за худым пойдет, тот добра не найдет*.

Вообще добро всегда сильнее зла, побеждает его: *добро худо переможет. Не устоять худу против добра*. Добро вечно: *добро не умрет, а зло пропадет*.

Жить по законам добра значит жить правильно: *доброе дело – правду говорить смело*.

Нарушать этот нравственный закон нельзя, это приведет к утрате мира в своей душе и разрушению отношений с людьми: *бедного обижать – себе добра не желать (или: гибели искать); пошла кулемеса – не от добра, а от беса; не будет добра, коли меж своими*

вражда; вранье не введет в добро; язык до добра не доведет; по добру – добро, а по худу – худо.

Отступление от законов добра, зло наказуемо уже на земле: *во зле жить – по миру ходить; доброму добро, а худому пополам ребро; бодливой корове Бог рог не дает.*

Тот, кто соблюдает заповеди, *кто правдой живет, тот добро наживет*, то есть такой человек будет жить в гармонии с собой и внешним миром. Он будет и материально обеспечен: *кто живет в добре, тот ходит в серебре.*

Именно поэтому добрые люди – это те, кто с Богом: *за правду Бог и добрые люди.* Бог таких людей не оставляет: *доброму Бог помогает. Доброму Бог на помочь; кто добро творит, того Бог благословит.*

А недобрыми называют тех, кто нарушает нравственные законы: *навели на грех. Попутали недобрые люди; с дураком поневоле согрешишь. От дурака добра не жди.*

Если человек живет по заповедям, то с ним хорошо: *с добрым жить хорошо. В добре жить хорошо.* Добро, внимательное, заботливое отношение к человеку помогает ему, лечит его: *час в добре пробудешь – все горе забудешь.*

Люди нуждаются в добром отношении к себе, ждут и ищут его: *добра, что клада, ищут, а худо под рукой; всяк хлопочет, себе добра хочет.* При этом пословицы предостерегают человека о том, что в мире много зла и он должен быть готов к нему: *надейся добра, а жди худа! Проси добра, а жди худа.*

Русский народ, национальному характеру которого свойственно смирение и скромность, через сложенные на протяжении веков свои изречения призывает довольствоваться имеющимся хорошим, радоваться ему и не искать лучшего: *от добра добра не ищут; хорошего понемножку, доброго помалу; то и добро, что до нас дошло.*

Необходимо помнить полученное добро, быть благодарным за него, отвечать на полученное добро добрыми делами: *добро помни, а зло забывай! Старое добро и во сне хорошо; за добро добром и платят; на лихо тихо, на добро добро. Поминать добром* – это значит вспоминать с благодарностью, с хорошим чувством.

Следует и в негативном уметь найти что-то хорошее, полезное, в чем проявляется оптимизм нашего народа: *во всяком хуе не без добра. Все на свете к лучшему.*

При этом видеть доброе вокруг, жить в мире с собой и другими людьми может только добрый человек: *доброму везде (всегда) добро.* Кроме этого, оценить добро других людей способны те, кто в своей жизни испытал трудности: *не выдав нужды, и добра не увидишь.*

«У человека есть естественное чувство добра и зла. Потому мы и сознаем что-либо злом, что сами в себе переживаем добро» [10: 388]: *сердце вещун: чует и добро, и худо.* Но жить в соответствии с духовно-нравственными заповедями нужно учиться: *учись доброму, худое на ум не пойдет.* Не следует гнаться за тем, что не представляет настоящую ценность, например, за какими-либо материальными благами: *добро под рукой, а он худа, что клада, ищет; никакое худо до добра не доведет; худом нажитое добра не сотворит.*

За нравственное воспитание ребенка ответственны прежде всего его родители, при этом *не тот отец, мать, кто родил, а тот, кто вспоил, вскормил да добру научил.* Да и вообще любой добрый человек своим примером наставляет других на истинный путь: *добрый человек добру и учит.*

Следует обратить внимание на то, что русские пословицы актуализируют одно из частных значений слова «добро» – ‘доброе дело’: *добра желаешь, добро и делай! Дей добро и жди добра.*

Человек не должен скупиться на помощь другим людям: *жизнь дана на добрые дела; делать добро спешу; за все кайся, только за добро не кайся* (т.е. не жалей); *добра не смыслишь, так худа не делай!*

Доброе дело, как и вообще добро в любых его проявлениях, не забывается, оно вечно: *доброе дело на два века: на этот и на тот; доброе дело и в воде не тонет; и собака помнит, кто ее кормит. И собака старое добро помнит.*

Совершая хорошие поступки, помогая людям, человек приносит пользу не только им, но и себе: *кто добро творит, тому Бог отплатит; делай добро, и тебе будет добро; добро сотворить – себя увеселить; худо тому, кто добра не делает никому.*

Добрыми делами не нужно хвалиться, они исключают любую огласку, что говорит о неформальном, искреннем желании русского человека помочь другим и об уже упоминавшейся выше его скромности: *добро не лихо; бродит о мир тихо.*

Итак, добро и зло – это главные константы, которыми руководствуется человек, живя на земле. В связи с этим представляет несомненную важность понимание того, каким содержанием наполняются эти категории в русской культуре. Основным путем познания их сущности является язык как главное средство выражения мировоззрения своего народа. Изучение концепта (фрагмента языковой картины мира), закрепленного в лексеме «добро», на основе анализа содержащих данное ключевое слово русских пословиц позволило установить, что рассматриваемая базовая ценность имеет основополагающее значение для русского человека и понимается в моральном смысле – как соблюдение человеком духовно-нравственных заповедей, имеющее следствием мир в его душе и согласие с другими людьми. Народные изречения актуализируют некоторые частные значения слова «добро», такие, как: 'доброе отношение к людям', 'благодарность, хорошее чувство'. 'доброе дело'.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н. Ф., Семенов Н. Н. Фразеология и паремиология: учебное пособие. М.: Флинта, Наука, 2009. 344 с.
2. Варнаева А. Е. Русский язык о любви как главной духовно-нравственной ценности русского народа // Родной язык в лингвокультурологическом аспекте: сб. научных статей / отв. ред. Н. Н. Розанова. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2023. С. 60–67.
3. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. яз. под ред. Г. В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1984. 397 с.
4. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 350 с.
5. Колесов В. В. Основы концептологии. СПб.: Златоуст, 2019. 776 с.
6. Колесов В. В., Пименова М. Вл. Языковые основы русской ментальности: учебное пособие. 6-е изд., стер. М.: Флинта, 2023. 136 с.
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., дополн. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
8. Пищальникова В. А. История и теория психолингвистики: монография. М.: Р. Валент, 2021. 488 с.
9. Пословицы русского народа: сб. В. Даля. В 2-х т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1989. 431 с.
10. Троицкий Е. Ф. Русский язык и Православие: монография. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2022. 454 с.

ЗАГУМЕННОВ Александр Владимирович (*Вологда, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент
Вологодская духовная семинария Вологодской епархии
Русской Православной Церкви
zaw1991@mail.ru

ЗАМЕТКА О ПРИЛОЖЕНИИ ИДЕЙ В. В. КОЛЕСОВА К ОБЪЯСНЕНИЮ БОГОСЛОВСКОЙ АРГУМЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ СТАРОВЕРОВ

Аннотация. В предлагаемом материале объектом исследования являются мировоззренческие установки в пределах историко-богословского диспута, предметом – языковые способы проявления этих установок в аргументации собственной позиции у дискутирующих сторон. Своей целью мы ставим демонстрацию универсальности подхода В.В. Колесова; подхода, позволяющего выявлять ментальные основания специфических форм коммуникации.

Ключевые слова: текст, реализм, концептуализм, староверие, теология, христианство.

Abstract. In the proposed material the object of the research is the worldviews within the historical and theological dispute. The subject of the study is the linguistic ways of manifestation of these attitudes in the argumentation of the disputing parts' own positions. Our goal is to demonstrate the universality of V.V. Kolesov's approach. This universal approach allows us to identify the mental foundations of specific forms of communication.

Keywords: text, realism, conceptualism, Old Belief, theology, Christianity.

Фундаментальный характер любой теории подтверждается экстраполяцией её построений на разнородный эмпирический материал. Безусловно, если какая-либо концепция базируется на анализе словесности, то и проверять её адекватность нужно на соответствующем материале. Теоретико-методологические решения В.В. Колесова в анализе перестроек языковой системы [5], менталитета [7] и философских установок [4] давно доказали свою эффективность [1; 3]. В предлагаемой заметке мы, сохраняя цельное теоретико-методологическое ядро концепции В.В. Колесова, обратимся к материалу, который затрагивался им в исключительных случаях – к текстам теологического характера.

У нашего лингвистического материала своя предыстория. В 2007 году на страницах журнала «Русский дом» появилась статья священника, кандидата богословия Даниила Сысоева. Тема публикации: «Размышления о протопопе Аввакуме, церковной смуте и любви к Родине». В ней автор предлагает читателю своё «разоблачение» ключевых мифов, обволакивающих народное восприятие старообрядчества. Материал оказался резонансным настолько, что в скором времени на страницах этого же издания появилась статья священника Иоанна Миролюбова, кандидата богословия, секретаря Комиссии по делам старообрядных приходов и по взаимодействию со старообрядчеством. В целом, эту публикацию можно считать «примирительным предупреждением»: для иерея Даниила Сысоева – быть более ответственным в полемике, для староверов – о готовности к дискуссии. В скором времени состоялись три публичных диспута представителей РПЦ МП со старообрядцами. В первый день (10 февраля 2008 года) обсуждалась тема «Вера и обряд, внешнее и внутреннее», во второй – «Символ Веры» (хотя были затронуты и другие вопросы), в третий – «Происхождение старых и новых обрядов». Мы

обратимся к конкретным высказываниям, запечатленным в стенограмме мероприятия.

Со стороны староверов ещё в первый день были, как бы вскользь, проброшены оппонентам следующие высказывания.

1. «Крещение это не отвлеченный обряд, демонстрирующий какие-то догматические и символические истины, но реальное соумирание и совоскресение человека со Христом».

2. «Однако эта форма и есть то, что проявляет сущность, будучи самим явлением».

3. «Поэтому крещение, которое совершается «в подобие» и «по образу» смерти и воскресения, не есть символ или знак смерти и воскресения, но и есть подлинная смерть и подлинное воскресение во Христе» [2].

В ответ иерей Даниил Сысоев только возразил в свойственной ему манере: «для него (старовера – прим. А.З.) обряд стал выше веры, он, фактически, иудействующий. Он пытается спастись делами, что невозможно ... Причина отделения – обрядам придали значение догматов. Из-за числа просфор, написания имя Иисуса отделяться от Церкви нелепо и невежественно» [2]. К сожалению, эти контраргументы противоречат тому, что было заявлено староверами. «Обряд» не позиционировался выше «веры», позиционировалось убежденность в сопряжении формального и идеального, что «вере» не противоречит.

Обратим внимание на диспозицию в высказываниях: «Однако эта **форма** и есть то, что проявляет **сущность**, будучи самим **явлением**»; «**крещение**, которое совершается «в подобие» и «по образу» смерти и воскресения, **не есть символ** или **знак** смерти и воскресения, но и есть **подлинная смерть и подлинное воскресение** во Христе». В первом случае указывается, что форма=явлению, и эта спайка связана с сущностью. Во втором случае говорится, что форма=подлинной смерти и воскресению, и не равна знаку. Если разложить эти высказывания на

семантическом треугольнике (приём в языкознании, введенный Чарльзом Пирсом), мы получаем следующую картину (рис. 1).

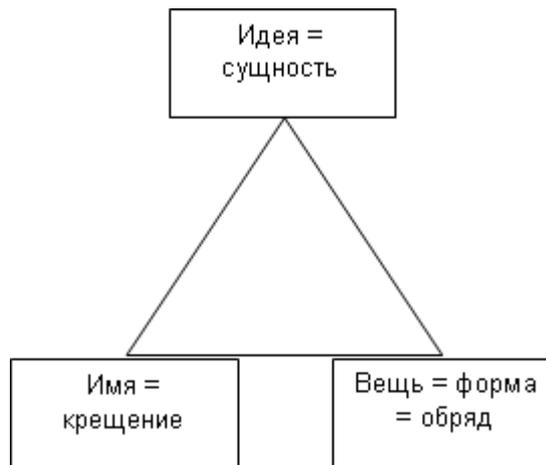

Рис. 1. Соотношение позиций в неоплатонизме (реализм)

Эта диспозиция компонентов характеризует философский реализм, который в эпоху Древней Руси проник в нашу культуру вместе с переводами Дионисия Ареопагита [8]. Впервые, насколько мы можем судить, мысль о «реалистическом» взгляде старообрядцев в языкознании вскользь высказал В.В. Колесов [6], однако легко обнаружить и собственно философские публикации, утверждающие это [9].

Почему же со старообрядческой стороны возникло уточнение: «крещение ... не есть символ или знак ... но и есть подлинная смерть и подлинное воскресение во Христе»? Потому, что это – маркирование чужой, «никонианской» границы, которая (в рамках того же треугольника) может быть представлена иначе (рис. 2).

Рис. 2. Соотношений позиций в концептуализме.

Это – концептуализм, исходит из понятия о Воскресении, акцентируя внимание на связи знака (крещение) и вещи (обряд). С этой позиции у знака (*слово* крещение) может быть *не одна форма выражения*, ведь ключевое понятие о спасении на этом не зиждется. Именно продуктом концептуалистского мировидения является обвинение старообрядчества в обрядоверии,

Эти две мировоззренческие системы являются противоречащими друг другу. По этой причине теологические обоснования Русской Православной Церкви пагубности раскола (его состояния раскольнических деноминаций) напоминают лезвие без рукояти, поскольку все приводимые аргументы оборачиваются против «никониан». Тем не менее опыт диспутов показал, что старообрядцы готовы к научно-подготовленным дебатам, и вот здесь появляется почва для серьезной проработки проблем, но уже в духе В.В. Колесова.

Современная научная дискуссия, современная научная картина мира, современный опыт научного обсуждения – продукты концептуалистского мировидения. Современный этап церковного раскола примечателен тем, что богословие и теологическая аргументация противников реформы Никона – редуцированного неоплатонического толка. При этом все, кто был готов, и кто был задействован в диспуте, формировались как личности в эпоху диктата концептуализма, и метод защиты их положений – научный – тоже концептуалистский по своей сути.

ЛИТЕРАТУРА

1. Время языка: Сборник статей памяти профессора В.В. Колесова. СПб.: Общество с ограниченной ответственностью Центр "Златоуст", 2021. 352 с.
2. Встреча-диспут о. Даниила Сысоева (РПЦ МП) со старообрядцами (РПСЦ) 10 февраля 2008 года // Современное древлеправославие. 2 марта 2008 г. URL: <https://staroobrad.ru/modules.php?name=News2&file=article&sid=240&ysclid=lcr5uv0rcn841312039> (дата обращения: 12.01.2024).
3. Дони́на Л. Н. «Словарь русской ментальности» как новый тип лексикографического издания (научная школа проф. В.В. Колесова, Санкт-Петербург) // Лексикография цифровой эпохи: Сборник материалов Международного

симпозиума, Томск, 24–25 сентября 2021 года. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2021. С. 391–394.

4. Колесов В. В. Реализм и номинализм в русской философии языка. СПб.: Logos, 2007. 382 с.

5. Колесов В. В. Историческая грамматика русского языка: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности "Филология" и направлению подготовки "Филология". М.: Академия; СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 511 с.

6. Колесов В.В. Основы концептологии. СПб.: Златоуст, 2019. 775 с.

7. Колесов В. В. Концептуальное поле русского сознания. СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2021. 612 с.

8. Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1986. 406 с.

9. Шпаковский М. В. Учение протопopa Аввакума о Божественных именах и его неоплатонические корни / М. В. Шпаковский // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. – 2016. – № 6. – С. 472–485.

КОЛЕСОВА Дарья Владимировна (*Санкт-Петербург, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

d.kolesova@spbu.ru

ЭФФЕКТИВНЫЙ СПОСОБ АРГУМЕНТАЦИИ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ (учимся у В. В. Колесова)

Аннотация. В статье ставится вопрос о приемах, которыми может пользоваться ученый для доказательства своей концепции или идеи. Обзор литературы показывает, что таких приемов известно немного. На материале научной монографии профессора В. В. Колесова демонстрируется возможность, которую предоставляет хорошая интерпретация притчи. Подобное средство убеждения, используемое обычно для устных учебно-научных жанров, имеет потенциал и для строгих научных жанров.

Ключевые слова: доказательство, научный стиль, риторика, притча.

Abstract. The article raises the question of the techniques that a scientist can use to prove his concept or idea. A review of the literature shows that few such techniques are known. Based on the material of the scientific monograph by Professor V.V. Kolesov, the opportunity provided by a good interpretation of the parable is demonstrated. The same means of persuasion, usually used for oral educational and scientific genres, has a potential for strict scientific genres.

Keywords: proof, scientific style, rhetoric, parable.

Что мы знаем о том, как стоит действовать, чтобы убедительно показать свою мысль в научной работе? Давно известны и не теряют своего значения различные способы логического убеждения (индукция, дедукция, аналогия, абдукция и т. п.), в неофициальных актах общения возможна и апелляция к эмоциям читателя/слушателя [1]. С другой

стороны, предпринимаются попытки составить перечень операций, или шагов, которые необходимо совершить ученому, чтобы его концепция была признана достаточно аргументированной. Здесь стоит упомянуть: 1) выдвижение гипотезы и постановку проблемы исследования, введение и объяснение понятия, приведение фактов и доказательств, аргументирование, подведение итогов; 2) определение общей и конкретной темы, определение параметров, указание недочетов в прежних теориях, презентация самого исследования с помощью обоснования целей и процедуры исследования [4]. Разумеется, все это характеризует научный текст, но что можно сделать, чтобы даже ленивый и не очень любопытный читатель если не воспринял, то хотя бы понял важную для исследователя идею?

Обратимся к научному наследию В. В. Колесова. Здесь мы найдем различные подходы к изложению и аргументации идей и концепций, но обратимся к способу, который, к сожалению, редко встречается в наших научных работах.

В «Основах концептологии» ученый «...излагает оригинальное авторское понимание концептологии как новейшего метода лингвистических исследований» [3:3]. Во введении автор предупреждает: «Основные положения могут вызвать возражения у отдельных коллег» (там же). В общем, у нас есть основания полагать, что здесь профессор будет использовать различные эффективные способы аргументации. Действительно, здесь есть все, что было указано выше; здесь много ссылок на авторитетные филологические труды, причем дается обоснование выбора того или иного авторитета.

Последовательно рассмотрев основные понятия и определения концептологии, а затем порассуждав о философском аспекте ментальности, В. В. Колесов приходит к параграфу, посвященному собственно русскому мышлению (параграф 31, с. 294–298). Этот параграф начинается неожиданно – с притчи.

Притчи бывают разными, отсылают к различным прецедентам, но в любом случае это «поучение в пример» [2]. Приведенная в лингвистической монографии притча рассказывает об удивительной судебной истории.

«Жил старик с тремя сыновьями, и была у них корова. Однажды проснулись – нет коровы! «Какие-то уроды украли корову», – сказал отец. «Уроды – значит мелкие,» – сказал старший сын. «Мелкие – значит из Малиновки», – добавил средний. «Это Васька Косой!» – закончил младший.

Пошли в Малиновку, потрясли Ваську – не признается! Повели его к мировому судье. Выслушал судья братьев, решил их проверить. «Вот коробка – что в ней?»

«Коробка квадратная», – сказал отец. «Значит, в ней круглое», – сказал старший сын. «Значит, это желтое», – добавил средний. «Там апельсин», – заключил младший.

Открыли коробку – апельсин! И сказал судья: «Васька, отдай им корову!».

Эту притчу легко найти, например, в сборниках анекдотов (видимо, предполагается, что слушатель посмеется над отсутствием логики в действиях всех действующих лиц). Но В. В. Колесов бесстрастно замечает: «Мы видим основной принцип действия русской думы: мыслят индивидуально, думают совместно, соборно». Обратим, между прочим, внимание на выбор субъекта в последнем предложении: читатель совместно с ученым смотрит – и перед его взором разворачивается картина того, что он видит. Далее излагается, что делает в притче отец (рассудительный прагматик, номиналист, он дает предметное значение слова), старшие братья (реалисты, они выясняют значение слова, то есть содержание понятия), младший брат (концептуалист, связывает слово с референтом). Хотелось бы провести эксперимент и узнать, сколько процентов прочитавших притчу филологов видят именно такую

картинку, но читатели монографии сразу переходят к третьей стадии аргументации (притча – мнимый пересказ содержания, содержащий точные слова из притчи – интерпретация притчи). «В процессе мышления важны все четверо: отец фиксирует вещь, два старших брата ловят слово, оттачивая его до выражения понятия, а младший ухватывает уже саму мысль на основе интуитивного сопряжения слова и вещи». Читатель замороженно следует за гидом и переходит к новой стадии понимания притчи: оказывается, мы наблюдаем не за мужиками, а за последовательностью смены номинализма, реализма и концептуализма. История говорит о судебной проверке, и это тоже важно: мысль может быть проверена. В итоге читатель соглашается: да, это притча о реальной *мысли*, или *думе*. Мы вернулись к первому тезису, но по пути обогатились, т. к. автор передал нам свое понимание происходящего, дал свою интерпретацию притчи. Ученый использовал известный прием заботливого лектора, который старается представить аудитории важные идеи в том числе в визуальной или метафорической форме.

Далее введенные ранее понятия собираются вместе логично и вполне аналитическим образом, но у читателя перед глазами продолжает стоять история о мужиках, корове и апельсине. Использование притчи как аргумента – прекрасный образец классической академической мысли, восходящей к античной истории, и в то же время способный вызывать живой отклик даже у тех читателей, которые обременены собственными сложившимися представлениями об обсуждаемом предмете (о концептах и образах).

Рассказать хорошую историю – это излюбленный прием ораторов, он широко используется и политиками, и современными публицистами (блогерами), и хорошими лекторами. В научной литературе мы реже встречаем подобные примеры (хотя часто похожую функцию выполняют со вкусом подобранные примеры из художественных текстов).

Представляется, что у В. В. Колесова можно научиться тому, как в далекой от лингвистики истории можно увидеть яркое воплощение теоретических построений. Мысль становится наглядной и кажется простой, но для того, чтобы реализовать подобный способ убеждения, нужно действительно быть погруженным в предмет своих размышлений. И тогда случайно услышанная в общественном транспорте история может стать украшением теоретической монографии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусев С. С. Типы аргументации в науке // Человек. Культура. Образование. 2016. [Электронный ресурс] <https://cyberleninka.ru/article/n/typy-argumentatsii-v-nauke> (дата обращения 29.12.2023)
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. Притка [Электронный ресурс] <https://slovardalja.net/word.php?wordid=33561>
3. Колесов В. В. Основы концептологии. СПб: Златоуст, 2019. 776 с.
4. Сорокина С. Г. Особенности аргументативной структуры научного текста // Приволжский научный вестник. 2013. [Электронный ресурс] <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-argumentativnoy-struktury-nauchnogo-teksta> (дата обращения 29.12.2023)

ЛАВИЦКИЙ Антон Алексеевич (*Витебск, Беларусь*)

докторант, заведующий кафедрой
Белорусский государственный педагогический университет имени М.Танка,
Витебский филиал Международного университета «МИТСО»
anton_lavitski@mail.ru

«СЛОВАРЬ РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ» В. В. КОЛЕСОВА В МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМ ИНСТРУМЕНТАРИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТОЛОГИИ

Аннотация. В статье демонстрируется уникальность «Словаря русской ментальности» В. В. Колесова для методологического инструментария современной судебной лингвистической экспертизы текста. В контексте принципов триангуляции источников данных проанализирована концепция подготовленных словарных статей издания, их структура, особенности содержательного наполнения. Приведен пример использования словаря в практике проведения специальных судебных исследований на предмет наличия в содержании конфликтного текста признаков преступления.

Ключевые слова: «Словарь русской ментальности», судебная лингвистическая экспертиза, триангуляция, поликодовый текст.

Abstract. The article demonstrates the uniqueness of V. V. Kolesov's "Dictionary of Russian Mentality" for the methodological set of instruments of modern forensic linguistic examination of text. In the context of the principles of triangulation of data sources, the concept of the prepared dictionary entries of the issue, their structure, and features of content were analyzed. An example of the use of the dictionary in the practice of

conducting special forensic research to determine the presence of signs of a crime in the content of a conflict-generating text is given.

Keywords: “Dictionary of Russian mentality”, forensic linguistic examination, triangulation, poly-code text.

Язык – это уникальный феномен. Он является не только частью культуры, но и её ретранслятором. Единицы языка – это средства общения, в которых мы «шифруем» свои послания, но эти средства в свою очередь даже вне конкретного текста уже наполнены содержанием. Хотя язык и считается универсальным средством коммуникации, для общения он подходит не очень хорошо. Н. Хомский вообще полагал, что «язык был создан не для коммуникации, а для мышления» [1: 53]. В свою очередь, профессор В. А. Маслова, отчасти вторя приведенному мнению, пишет о сакральной функции языка как ключевой («особенно в период его становления») [2: 41]. А Т. В. Черниговская в этой связи акцентирует внимание на многозначности языковых единиц: «<...> в нем [языке] одни и те же слова имеют противоположные значения в зависимости от слушателя. Это значит, что для коммуникации он плох» [3]. Действительно, универсальность языка для коммуникации заключается в том факте, что с его помощью человек лучше всего умеет кодировать и декодировать информацию. У. Чейф собственно этим фактом ограничивает функциональную значимость языка [4: 103–105]. В его понимании все, что находится глубже (например, ментальные образы, смысл и т.д.) – это результат когнитивной обработки информации личностью.

Формально языковая единица – это физическое явление (буквенно-звуковые, графические и т.д. элементы), однако человек вкладывает в них не только номинативное значение, но и смысловое толкование, наполненное вариативными экстралингвистическими характеристиками (эмоциями, стилистической маркированностью, дискурсивной принадлежностью и т.д.). Эти характеристики динамичны в диахронии и синхронии, являются уникальной «аурой» языковой

единицы, понимаемой и ретранслируемой носителями лингвокультуры. Именно поэтому язык «оказался наиболее мощной в семиотическом плане из всех систем коммуникации» [6: 7]. Подобно конструктору соединяя языковые единицы по особым понятным языковой личности правилам в различных пространственно-временных континуумах, человек конструирует текст (в широком понимании) как единицу коммуникации. Иными словами, если по И. Канту «рассудок не черпает свои законы (a priori) из природы, а предписывает их ей» [5: 80], то так же и языковая личность, фиксируя слово в своем сознании, закладывает в него смысловое наполнение, ассоциативные образы и др. При этом в слове хранятся не только понятные (общепринятые) его носителями значения, но индивидуальные смыслы, приобретаемые языковой личностью опытом социального взаимодействия.

Современная лингвистика научилась достаточно успешно «расшифровывать» языковой конструктор – текст. Именно поэтому её богатый опыт экстраполирован в область судебной лингвистической экспертологии и составил основу методологического инструментария интегративного направления (понятие методологического инструментария понимается нами максимально широко и включает не только методики проведения специальных исследований продуктов речевой деятельности, но и отдельные методы изучения фактического материала, источники информации и данных, технический и технологический аппараты и т.д.). Однако языковая материя очень пластична и динамична в своем развитии, особенно в лексическом составе, что требует постоянного обновления методологического инструментария правовой лингвистики, его совершенствования, а также ревизии уже накопленного теоретического и практического опыта. Неслучайно в последние годы актуализировался вопрос о методологической нормализации проведения судебной лингвистической экспертизы, под которой чаще всего понимают установление единого

«методологического стандарта». Самым непосредственным образом коснулось это и лексикографических источников, без использования которых невозможно проведение специального исследования конфликтогенного текста.

Сегодня не существует единого и унифицированного перечня словарных источников, с опорой на которые проводятся экспертные исследования. Выбор словаря – это всецело зона ответственности эксперта или экспертной организации. На правовом уровне этот вопрос не оговорен и, конечно, разумнее всего даже не начинать дискуссию по этому поводу. Хотя словарные статьи и вариативны в своих толкованиях, непоследовательны в стилистических пометах и т.д., ограничение специалиста в выборе источника данных может быть фатальным не только для отдельно взятого исследования, но и всей отрасли. Снятие же критических замечаний такого рода может быть реализовано посредством внедрения в прикладную составляющую сферы судебной экспертологии принципов триангуляции – «проверки согласованности данных, полученных посредством различных вариаций качественных и количественных методов» [7: 223].

Триангуляция нечасто используется в лингвистике, хотя и не является новым для нее феноменом. В гуманитарные науки триангуляция пришла из геодезии и картографии, однако если первоначально она рассматривалась как техника, то сегодня её понимание расширилось. В каждой отдельной науке или научной отрасли триангуляция трактуется вариативно. Так, например, в педагогике и психологии это подход «привлечения количественных и качественных методов с целью построения на основе их результатов третьего способа понимания, сочетающего достоинства этих двух» [8: 208]. В социологии триангуляция – это «применение множества различных методов исследования, исходя из уверенности, что разнообразие подходов предоставляет больше возможностей для

достижения валидности» [9: 361]. В лингвистическом же тезаурусе триангуляция получила очень абстрактное понимание: «исследовательская стратегия, позволяющая рассмотреть изучаемый предмет с нескольких возможных точек зрения» [10: 281].

Имеющиеся походы к сущности триангуляции логично систематизирует Н. Денз. В своей теории ученый выделяет четыре формы триангуляции: 1) триангуляция данных (использование в одном исследовательском проекте различные типы данных); 2) триангуляция исследователей (работа в рамках единого проекта нескольких исследователей, получающих данные обособленно друг от друга); 3) теоретическая триангуляция (интерпретация данных на основе нескольких подходов); 4) методологическая триангуляция (использование для решения одной задачи нескольких методов) [11: 110]. Таким образом, триангуляция – это целая методологическая система, так как может реализовываться на различных уровнях научного познания и по отношению к различным объектам исследовательской деятельности (методы, источники, субъекты и т.д.).

Очевидно, что невысокая актуальность триангуляции в сфере гуманитарного знания связана с повышением временных, технических, экономических затрат на проведение научных изысканий. Однако применение триангуляционных принципов, бесспорно, ведет к усилению качественной «чистоты» результатов [12:139], что является самым важным критерием оценки любой судебной работы, в том числе и экспертной.

В аспекте представленного исследования рассматривается триангуляционный принцип использования источников данных. В отношении использования лексикографических изданий в процессе подготовки судебного лингвистического исследования речь идет об обязательном обращении к нескольким словарям. Даже в случае, если специалист выявил искомую для интерпретации языковую единицу в

одном словаре, триангуляция требует изучения данных и из других источников, проведение сопоставительного анализа всех обнаруженных данных. Такой подход соотносится и с проблемой лексического синкретизма, которая по М. Вас. Пименовой «остаётся абсолютно неразработанной и даже в полной мере не поставленной в связи с априорным представлением о дискретности лексических значений, имплицитно присутствующим в семасиологических исследованиях (а также в лексикографических изданиях)» [13 :9]

В представленной работе акцент также будет сделан на лингвистической экспертизе поликодовых (креолизованных) материалов, судебное исследование которых остаётся пока до конца не решённым вопросом. Ключевой проблемой данного вида экспертизы является интерпретация невербальных компонентов текста.

В настоящее время актуальной для сферы практической экспертной работы является модель понимания изобразительной части поликодовых текстов, разработанная коллективом ученых в рамках реализации гранта РФФИ «Исследование психофизиологических и психолингвистических особенностей восприятия поликодовых текстов экстремистской направленности». Основываясь на представлениях о том, что знания в семантической памяти хранятся в форме концептов, авторы полагают, что «необходимым условием активации целостного концепта является активация тех частей нейронной сети, которые отвечают за хранение дифференциальных смысловых компонентов этого концепта. <...> При обнаружении такого концепта он получает преимущественную активацию, и впоследствии понимание текста будет строиться, прежде всего, на его основе. Чем больше из обнаруженных компонентов окажутся дифференциальными для определяемого концепта, тем увереннее реципиент будет его опознавать» [13: 54]. В поддержку предложенного подхода следует отметить, что категория концепта достаточно неплохо теоретически изучена в современном

языкознании, доказанной является их важная роль в познавательной деятельности человека (Ю. Е. Прохоров справедливо считает, что совокупность концептов – это стереотипное ядро знаний, сложившихся в определенной лингвокультуре [15: 25]). Еще одним положительным моментом является то, что концепт многомерен, в нем можно выделить рациональное и эмоциональное, абстрактное и конкретное, универсальное и этническое, общенациональное и индивидуально-личностное [16: 121]. Применительно к использованию теории концептов в изучении поликодовых текстов эти характеристики позволяют проводить разноаспектный анализ невербальных материалов. Кроме того, многие концепты успешно реконструированы и представлены, в том числе в словарях.

Заявленная нами в названии статьи тема позволяет нам не останавливаться на описании и даже перечислении современных словарей концептов. Отметим лишь, что сегодня опубликовано несколько таких изданий, а также имеются соответствующие электронные ресурсы. Среди имеющихся источников «Словарь русской ментальности» В. В. Колесова, с нашей точки зрения, занимает обособленную позицию. Здесь, однако, следует оговориться, что хотя в названии издания слово «концепт» и не заявлено, по сути это все же словарь концептов. Об этом в предисловии пишет сам автор: «Мы подходили к характеристике концепта с разных сторон, используя различные средства <...> [17: 3]». При этом словарь уникален не только по количественному составу зафиксированных единиц, но и по структуре организации толковой статьи.

Уникальность обсуждаемого словаря заключается в том, что представленное в нем определение объясняется широким фактическим материалом исследования, который помещен автором в тело словарной статьи. Во-первых, такой подход позволяет обратившемуся к словарю специалисту не только получить запрашиваемое толкование, но и

понять герменевтическую сущность и синкретический эффект концепта. Это делается возможным благодаря многоаспектной интерпретации словарной единицы: описание «этимологии слова – его первообраз – с уточняющим указанием на относительную древность его происхождения» [18: 5]; указание «на актуальное, обычно переносное, значение слова в современном употреблении (при этом общеупотребительные значения указываются непосредственно)» [18: 9]; демонстрация иллюстративного материала; цитирование «лингвистических работ, передающих авторское толкование термина, а также выразительные лингвистические комментарии» [18: 13] и др.

Во-вторых, «Словарь русской ментальности» В. В. Колесова относится к одному из немногих изданий, в которых предпринимается попытка интегративного описания концептуальных ментальных представлений носителей русскоязычной лингвокультуры. Так, раскрывая особенности структуры словарной статьи автор пишет: «В заключение укажем связь между представленными членами словарной статьи и теми позициями, которые определяются известными философскими точками зрения. <...> Тем самым в Словаре отражается полный состав наличных проявлений ментальности» [18: 13]. Об этом еще в середине прошлого века писал Э. Сепир: «Чрезвычайно важно, чтобы лингвисты, которых часто обвиняют – и обвиняют справедливо – в отказе выйти за пределы предмета своего исследования, наконец поняли, что может означать их наука для интерпретации человеческого поведения вообще. Нравится им или нет, но они должны будут все больше и больше заниматься различными антропологическими, социологическими и психологическими проблемами, которые вторгаются в область языка» [19: 237–238].

В-третьих, системно представленный в статье материал может быть использован специалистом в суде в качестве обоснования своих выводов, так как специальные лингвистические исследования могут

подвергаться опровержению стороной защиты или обвинения. Поэтому практика допроса эксперта-лингвиста в процессе судебного разбирательства не является чем-то неординарным.

Приведем пример из реальной практики подготовки экспертного лингвистического заключения, при котором использовался обсуждаемый словарь В. В. Колесова. На исследование был представлен поликодовый текст, в котором содержалась шаржевая визуализация образа прецедентного должностного лица в виде крысы (полное описание материала невозможно по юридическим причинам). Среди прочих на разрешение эксперта был поставлен вопрос о предписывании каких-либо характеристик изображенному в представленном для экспертного изучения материале лицу. Перцептивно-визуальный анализ текста показывал, что в иллюстрации презентуется хитрое поведение крысы, направленное на массовый обман других лиц (изображены в виде мышей). Однако обратившись к лексикографическим источникам (кстати, описываемый концепт представлен далеко не во всех словарях), мы обнаружили, что в семантико-эмоциональном наполнении концепта «крыса» в русскоязычной лингвокультуре зафиксированы иные негативные представления: «крыса – олицетворение наваждения, кошмара, агрессии низшего мира <...> символом ветхости и разрухи» [20: 15]. Словарь синонимов определяет среди наиболее частотных вербальных синонимических реакций, которые могут быть экстраполированы на создание образа личности, лексемы «вор», «жадина», «жадюга», «жмот», «изменник», «предатель», то есть слова с негативной характеристикой человека. Обобщенное семантически отрицательное значение образа крысы обнаруживается в словарях жаргона и аргос («нехороший, неприятный человек» [21]). Использование изображения крысы в исследованном материале также связано с возможностью дополнительного ассоциативного сближения образа крысы с понятием чиновника: «крыса – канцелярская крыса (устар.

пренебр.) мелкий служащий, чиновник» [21: 202]. И только в «Словаре русской ментальности» обнаруживается наиболее полное и соответствующее невербальной составляющей исследованного поликодового текста значение концепта: «умное, но хитрое и наглое животное <...>, вызывает отвращение всем своим видом, презрение своим поведением и способно внушать страх слабым и беззащитным» [18: 483].

Приведенный пример демонстрирует не только актуальность «Словаря русской ментальности» В. В. Колесова в системе методологического инструментария судебной лингвистической экспертологии, но и его неоспоримую авторитетность среди лексикографических изданий, описывающих различные концепты. Благодаря продуманной структуре словаря, научно обработанному и системно размещенному в нем обширному материалу, издание является уникальным источником данных, особенно при изучении невербальных текстов.

Таким образом, обсуждаемый словарь В. В. Колесова прочно закрепился в методологическом инструментарии современной судебной лингвистической экспертизы текста. Во многом этому способствует продвижение идей триангуляции, включая триангуляции данных, то есть обращение к нескольким источникам интерпретации фактического исследовательского материала. При этом «Словарь русской ментальности» занимает особое значение среди схожих изданий, описывающих различные концепты. Связано это с уникальной концепцией, заложенной автором в подготовку каждой словарной статьи, при обращении к которой обнаруживается не только актуальное толкование языковой единицы, но сведения о её этимологии, примеры употребления в прецедентных текстах, извлечения из научных трудов и т.д. Не менее важным следует признать и попытку

интердисциплинарного осмысления содержания концепта – философские комментарии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хомский Н. Язык и мышление / пер. с англ. Б. Ю. Городецкого. М.: Изд. МГУ, 1972. 123 с.
2. Маслова В. А. Основы современной лингвистики: курс лекций. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. 222 с.
3. Черниговская Татьяна Владимировна – «Язык, мозг, сознание». Онлайн-лекция [Электронный ресурс]. Режим доступа : https://www.youtube.com/watch?v=_C3fBOLnK28. Дата доступа: 12.12.2022.
4. Чейф У. Л. Значение и структура языка. М.: Прогресс, 1975. 432 с.
5. Кант И. Собрания. В 8-ми т. / под общ. ред. проф. А. В. Гулыги. Т. 4. М.: Изд-во «Чоро», 1994. 630 с.
6. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. 8-е изд., стереотип. М.: Флинта, Наука, 2017. 293.
7. Янчук В. А. Введение в современную социальную психологию. Минск: АСАР, 2005. 254 с.
8. Янчук В. А. Постмодернистская социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива метода психологического исследования // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 1. С. 205–226.
9. Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь / пер. с англ. Н. Н. Марчук. В 2-х томах. Т. 2. П.–Я. М.: Вече, АСТ, 1999. 528 с.
10. Чернышова Е. Б. Триангуляция данных как метод исследования оценочной зоны ядра русского языкового сознания // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 1. С. 281–283.
11. Denzin N. The Research Act: A Theoretical Introduction to Sociological Methods. Chicago: Aldine, 1970. 128 p.
12. Пергаменщик Л. А., Новак Н. Г. Методологическая триангуляция как способ построения психологического исследования // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 3: Філалогія. Педагагіка. Псіхалогія. 2015. № 2. С. 138–143.
13. Пименова М. Вас. К вопросу о лексико-семантическом синкретизме // Русский язык: система и функционирование (к 90-летию БГУ и 85-летию профессора П. П. Шубы) / редкол.: И. С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. Минск: Изд. центр БГУ, 2011. С. 9–13.
14. Горбачёва А. В., Пучкова А. Н., Осадчий М. А. О принципах понимания и семантических правилах интерпретации знаков и изобразительной части поликодовых текстов // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова». 2018. Т. 27. С. 53–57.
15. Прохоров Ю. Е. В поисках концепта. М.: Флинта: Наука, 2009. 176 с.
16. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Минск: ТетраСистемс, 2005. 271 с.
17. Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности. В 2 т. Т. 2. – СПб: Златоуст, 2014. 592 с.
18. Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности. В 2 т. Т. 1. СПб: Златоуст, 2014. 624 с.
19. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 656 с.
20. Флоря А. В., Глозман Б. Г. Концепт «крыса» в художественном тексте // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2010. № 3. С. 13–17.

21. Словарь русского арго [Электронный ресурс] / сост. В.С. Елистратов. Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/russian-argo/index.htm>. Дата доступа: 04.04.2023.

22. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. 27-е изд., испр. М.: Мир и образование, 2012. 736 с.

ПЕТРОВА Валентина Дмитриевна (*Чебоксары, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент

Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова

ДРЕВНЕРУССКАЯ КНИЖНАЯ ПОЭЗИЯ (ПЛЕТЕНИЕ СЛОВЕС) (Епифаний Премудрый. «Слово о Житии Стефана Пермского»)

Древнеславянская поэзия в современной исследовательской литературе не ограничивается силлабической книжной поэзией, существовавшей на заре славянской книжности и утраченной впоследствии в связи с фонетическими изменениями. Интенсивная работа в области славянской гимнографии позволила преодолеть взгляд на славянское литургическое творчество как на проявление прозы, хотя и высокохудожественной, и причислить ее к поэтическим жанрам (Трифонович, Богданович, Матхаузерова, Кожухаров, Станчев, Прохоров, Былинин и др.). Кроме того, в составе славянской риторической прозы выделяются поэтические структуры, основанные на синтаксическо-интонационном параллелизме, подкрепленном анафорой.³ (Станчев 1972, 1982, 1985, 2003; Наумов 1980⁴). По мнению К.Станчева, немногочисленные попытки создания поэтических произведений не на силлабической основе связаны преимущественно с югом православного славянства (Станчев 2003.16). Однако поэтические произведения создавались и в восточнославянской книжности; речь

³ Текст, полностью основанный на этом ритме – «Молитва к Богородице» Димитра Кантакузина (Станчев1982).

⁴ Такие поэтические пассажи обладают относительно большой самостоятельностью и композиционной закономерностью, о чем свидетельствуют семантично-фонические демаркационные сигналы, составленные в целом из слов похвала и въпити (с синонимами), т.е. введения типа: съ похвалою велегласно въпиемъ глаголюще (рекище) и его различные модификации, которые усиливают обособленность гимна (Наумов 1980).

идет о плетении словес, представленном «Словом о житии Стефана Пермского» древнерусского агиографа Епифания Премудрого⁵, «гения средневековой литературы» (Колесов 1989. 189).

«Плетение словес», закрепленное в научной литературе за южно- и восточнославянской агиографией XIII–XV вв. (т.н. новым стилем агиографии), традиционно рассматривается в рамках риторической (орнаментальной) прозы⁶ (Лихачев 1987, Мулич 1975, Китч 1976, Станчев 1982, 1985, Пиккио 1980, Кенанов 1995 и др.). Отмечаемая во многих исследованиях особенность текстов этого стиля – наличие поэтических фрагментов, вкрапленных в прозаическое окружение; использование «приближающихся к стихотворным» фрагментов рассматриваются как один из отличительных признаков стиля Епифания Премудрого (Коновалова 1970; Станчев 1972, Прохоров 1985).⁷ Поэтические пассажи в риторическом тексте характерны в основном только для кульминационных моментов и не переводят весь текст на уровень стихотворного⁸. Однако организация текста «Слова» показывает, что плетение словес Епифания Премудрого должно быть отнесено к поэзии.

В современных исследованиях плетение словес преимущественно рассматривается как высшее проявление древнеславянской

⁵ Предварительно следует отметить, что как проявление поэтической речи мы рассматриваем только «плетение словес», реализованное в «Слове о житии Стефана Пермского», не распространяя это на южнославянскую агиографию, поскольку организация текста у книжников Тырновской школы опирается на другие принципы (см. Кенанов 1995, Дикова 2011).

⁶ По определению Д.С.Лихачева, древнеславянская орнаментальная проза представляет собой явление, «функционально близкое поэтической речи». «Орнаментальность присуща древнеславянской прозе, компенсируя в ней отсутствие стиха в его чистом виде» (Лихачев 1987.401).

⁷ Г.М.Прохоров, выделяя «подобного рода стихообразные медитации» в следующих древнерусских произведениях («плач по разоренной Москве в несомненно прозаической Повести о нашествии Тохтамышша», «поэтическая медитация в рассказе московской летописи о сожжении в 1372 г. тверским князем города Торжка», «три небольших поэтических произведения из общерусской летописи о кончине епископа Арсения Тверского), наиболее вероятным их автором, как и поэтического приложения к Духовной грамоте митрополита Киприана, считает именно Епифания Премудрого (Прохоров 1987.145-150).

⁸ Как отмечает К. Станчев, поэтические фрагменты представляют собой составную часть целого произведения, обособленные в качестве отдельного композиционного элемента как посредством смены повествовательного залога (от повествования к похвале), так и чаще всего прямым словесным обособлением.

орнаментальной прозы, в то время как в средневековой славянской книжности определение «плетение/плести» прилагается к поэтическим текстам⁹. Плетение словес последовательно связывается с понятием о «стихе» и о «пении» («плести гранеса», «плести пение»: «основното значение на «плетение», «плести» е създаването на ритмичен, стихотворен текст» (Станчев 1972.223-224.)¹⁰. Устойчивость этой традиции подтверждается и тем, что в XVII в. Евфимий Чудовский в своем рассуждении «О еже песни ткати» использует ту же формулировку: «...и что есть песни сплесть, слова извитие или плетение и тkanie». Из всех книжников, которых традиционно относят к представителям славянского стиля «плетение словес», само определение «плетение словесъ»¹¹ по отношению к собственному творчеству использовал только Епифаний: *да и азъ многогрѣшныи и неразумныи, послѣдоуа словесемъ похвалении твоихъ. слово плетущи и слово плодщи. и словомъ почтити мнѣши. и ѿ словѣ похваление събраа. и пришеврѣтаа и приплѣтаа. пакы глѣа* (Жт.Ст.770об); *но доколѣ не встану мнѣго глѣти. доколѣ не вставлю похвалению слова. доколѣ не престану прѣложеного, и продължнаго хвалословіа. аще бы и мнѣгда възхотѣлъ быхъ изъоставити вѣсѣдоу. но вбаче любви его влечетъ мѣ. на похваление и на плетение словесъ* (Жт.Ст.775). «Плетение словес» появляется в контексте похвалы, отсылая к гимнографической традиции. Гимнография, источник

⁹ Такое определение встречается не только в славянской книжной традиции. Как отмечается в современных исследованиях, посвященных индоевропейскому поэтическому языку, «обозначение сочинения поэмы как «плетение», «тесание» широко распространено в индоевропейских языках». В древнеирландской поэзии «способ обозначения поэтического творчества связан с глаголом «плести»: ...сплел хвалу роду Ноя, ...сплел слова учитель» (Калыгин 2003.19).

¹⁰ Исходя из этого, К.Станчев полагает, что это определение следует связать с «поэтизированием» среднеболгарских ораторских текстов XIV-XV вв, с тенденцией к «поэтизированию» житийно-панегирических текстов в школе Евфимия он связывает кристаллизацию стиля «плетение словес», однако рассматривает сочинения патриарха Евфимия в качестве ораторской прозы (Станчев 1982.161).

¹¹ У Григория Цамблака она появляется в связи с псалмами – ветхозаветной поэзией: *емуже и певец плетѣ слово глаголаше. языкъ мой трѣсть книжника скорописца* (Похвальное слово Евфимию).

славянской формулы «плетение словес»¹², «является основным (не только в количественном отношении) представителем поэзии в старославянском литературном пространстве» (Станчев 2003.16). *Плетение, плести (венец, похвальный венец, похвалу, похвальное слово)* – эти частые в гимнографических текстах сочетания у славянских книжников ассоциировались с составлением поэтического текста¹³. Можно полагать, что и Епифаний использует указанное сочетание в традиционном для славянской книжности значении, определяя таким образом способ организации текста «Слова». Заимствуя формулу из литургической поэзии, древнерусский агиограф соотносит организацию своего текста с гимнографической, т.е. поэтической (стихотворной).

Вопрос о существовании поэтических жанров в древнерусской литературе все еще продолжает оставаться дискуссионным. Устойчиво сохраняет свои позиции точка зрения, согласно которой в древнерусской книжности с утратой древнеславянской силлабической поэзии прерывается традиция книжной поэзии¹⁴, новая книжная поэзия

¹² В поисках определения «плетения словес» исследователи обращаются к античности: традиция увенчания победителя спортивных состязаний породила сочетание «плести венец»; в византийскую христианскую литературу это сочетание переходит с переносным значением – вместо венков плетется похвала (Мулич 1975, Фрайданк 1980). В качестве возможных источников выступают античные риторика (Фрайданк 1980), (Е.Дикова для выявления содержания термина обращается к Квинтиллиану) (Дикова 2011). Р.Пиккио *τλοκή* (отмечая его отрицательную семантику) возводит к Еврипиду и Платону (Пиккио 1990), Р.Станков также исходит из такого определения, полагая, что отрицательная семантика сохраняется за *τλοκή* и в христианских текстах (Станков 1999). Однако самым вероятным источником славянского «плетения словес» являются гимнографические тексты (Мулич 1975, Матхаузерова 1975, Китч 1976). Подавляющее большинство примеров употребления «плести/плетение, плетение словес» приходится на литургические тексты, и для православных славянских книжников значение имеет прежде всего эта традиция употребления термина, поэтому нет необходимости углубляться в историю его использования непосредственно в античной литературе (Петрова 2010).

¹³ В стихотворном «Славословии св. Савве» сербского книжника XIV в. Силуана: слова славя *савэ съплете силуан*. Патриарх Евфимий в «Похвальном слове Константину и Елене» сочетание «плести взенец» использует в контексте создания поэтического произведения: «утридрих се плеты кннстантину взнець» (во фрагменте, который можно рассматривать как поэтический в составе риторического текста).

¹⁴ См. авторитетное мнение Д.С.Лихачева: «Русь не заимствовала из Византии стихотворных жанров. Переводы стихотворных произведений делались прозой и переосмысливались в жанровом отношении. Хотя первые болгарские писатели и составляли, как это хорошо показано в трудах А.И.Соболевского, Р.О.Якобсона, Н.С.Трубецкого и Д.Костица, стихотворные произведения, но опыт их не вызывал подражаний и продолжения на Руси» (Лихачев 1973.160). Ср. также: «В славянских литературах не было поэзии, кроме церковной гимнографии и отдельных стихотворных фрагментов

появляется только к XVII в. (Панченко 1973, Гаспаров 1986, Живов 2000, Федотов 2002). По мнению М.Л. Гаспарова, оппозиции «стих – проза» в древнерусской литературе не было, вместо этого была представлена другая оппозиция: «текст поющийся – текст произносимый»¹⁵: «При этом в первую категорию одинаково попадали народные песни и литургические песнопения, а во вторую – деловые грамоты и риторическое «плетение словес», хотя бы и насквозь пронизанное ритмом и рифмами» (Гаспаров 1985.264). По мнению Р. Пиккио, «кажется непродуктивным различать категории поэзии и прозы» (Пиккио 2003.622)¹⁶. Ритм древнерусских произведений, как правило, связывается с прозой (Лихачев, Робинсон, Трифунович, Еремин, Сазонова, Пиккио и др.). Попытки реконструкции стихотворной системы древнерусской книжности, предпринимаемые разными исследователями, пока не привели к убедительному для всех результату. Со стихотворной системой соотнесен ритм древнерусских произведений в теоретических разработках А.В.Позднеева и К.Тарановского. Концепция А.В.Позднеева о существовании в древнерусской литературе особой кондакарной системы стихосложения осталась практически не востребованной¹⁷ (Позднеев 1965), в то время как концепция К. Тарановского о славянском молитвословном стихе, основным определителем которого является система ритмических

(включавшихся, например, в сербскую агиографию и т.п.). В этих литературах господствовала проза (патристика, агиография, историография, повествовательные жанры) (Робинсон 1988.17).

¹⁵ Однако, как справедливо отмечает К. Станчев, само существование непесенной поэзии (к которой с XIV века примыкают и проложные стихи) ставит ее в оппозиционную пару с поэзией песенной (т.е. с гимнографией) и не позволяет определить оппозицию «текст поющийся – текст произносимый» в качестве общего разграничителя православнославянских литературных текстов на месте классической оппозиции «стих – проза» (Станчев 2003.16).

¹⁶ Согласно Р.Пиккио, «в основе поэтической грамматики» православной славянской литературы лежат изоколические структуры (Пиккио1980). Если первоначально Р.Пиккио исходил из того, что «тонические изоколические структуры украшают прозу, но не свойственны поэзии», то в дальнейших исследованиях он допускает, что изоколические структуры имеют место и в структуре поэтического текста (Пиккио 2003.617). Р.Пиккио считает возможным рассматривать изоколические структуры древнерусской прозы в качестве протомоделей или даже источников новой поэзии XVIIв. (Пиккио 2003).

¹⁷ К.Тарановский полагает, что кондакарный стих, определяемый А.В.Позднеевым, представляет собой особую разновидность молитвословного стиха (Тарановский 1968.381).

сигналов, отмечающих начало строк, получила широкое распространение¹⁸ (Тарановский 1968). С. Матхаузерова в общую теорию русского стиха включает «плетение словес», ритмическая организация которого, основанная на повторах, соотносится с ритмом орнамента (Матхаузерова 1976). По мнению И. Смирнова, наряду с молитвословным стихом, опирающимся на определенные правила, в гимнографии и стихах покаянных представлена такая версификация, которая не следует определенной абстрактной модели, возникая всякий раз как событие данного конкретного произведения (Смирнов 2008). Славянскую литургическую поэзию характеризует отсутствие единой системы версификации (Былинин 1988).

«Стихотворный и прозаический способы упорядочения художественного текста представляют собой универсалии эстетического сознания, начиная с языческого фольклора» (Смирнов 2008.117). Утрата древнеславянской книжной силлабической поэзии не должна была привести вообще к утрате поэтического способа организации текста. Для средневековой древнерусской культуры таким способом является «плетение словес», ориентированное на организацию стихотворного текста, в древнеславянской книжности представленную гимнографией и непосредственно библейскими поэтическими книгами.

Трудности с определением поэтических жанров в средневековой русской книжности связаны с тем, что к поэзии принято подходить со строгими метрическими характеристиками, отсутствие которых дает возможность говорить о ритмической прозе, а не о поэзии. Ошибочность такого подхода отмечает И.Смирнов: «Между тем поэтическая речь бывает и не метрической, сугубо ритмичной, так что повторяемость в

¹⁸ Молитвословный стих К.Тарановского поддержан не всеми исследователями, занимающимися теорией стиха в древнерусской книжности (Панченко 1973. См. также: Ф.Китч 1975; Сазонова 1974). Оппозиция М.Л.Гаспарова «текст поющийся – текст произносимый» также противоречит концепции К.Тарановского (Гаспаров 1983). Напротив, И.Смирнов считает, что «наличие молитвословного стиха в древнерусской культуре прослеживается от ее истоков вплоть до XVIв.» (Смирнов 2008.119).

ней не поддается счету» (Смирнов 2008.123). Не следует искать в древнерусской поэзии XIV–XV вв. метрических схем, она развивает другие ритмоопределители, использует другой принцип поэтической организации текста, для выяснения особенностей которой необходимо привлечь библейскую поэтическую традицию (она, как правило, остается в тени, несмотря на то, что практически все исследователи в качестве одного из источников древнеславянской орнаментальной прозы, в том числе и специально «плетения словес», называют библейские тексты). Средневековую славянскую литературу принято рассматривать в свете византийской (продолжающей античную) риторической традиции¹⁹.

Ритмическая организация средневековой славянской орнаментальной прозы, в состав которой включается и плетение словес, как правило, анализируется сквозь призму применения византийских/античных риторических приемов. Такая традиция согласуется с представлением о том, что славянские переводы воспроизводит особенности организации греческих текстов, использующих стратегию изложения, выработанных в античной риторической традиции; и в переводах эти приемы словесного искусства проникают в оригинальное творчество славянских книжников.

Однако современные исследования, посвященные особенностям перевода в Септуагинте и Новозаветных текстах, показывают, что библейские тексты, являющиеся для славянских книжников эталонными образцами, которым они следуют в своем творчестве, из которых они

¹⁹ «Художествените особености на старобългарската преводна литература са непосредствено свързани с постиженията на византийското словесно изкуство и се подчиняват на изискванията и каноните на античната и византийската ораторска проза и поезия» (Костова 1998.130). См., в частности, многочисленные работы, посвященные стилю «плетение словес» (Коновалова 1970, Мулич 1975, Китч 1976, Эбер 1992; Кенанов 1995, 1997 и др.). Ритмическая структура средневековых славянских переводных и оригинальных сочинений также рассматривается с точки зрения применения античных приемов ритмизации текста (Китч 1976, Пиккио 1986, Костова 1998, Кенанов 1995, Дикова 2011). Связь с библейской традицией ограничивается, как правило, указанием на использование параллелизма (Мошин 1972, Мулич 1975, Китч 1976). И только Е.М.Верещагин особенности стиля Епифания Премудрого выявляет в свете библейской традиции, устанавливая непосредственную зависимость стиля Епифания от книжности премудрых (Верещагин 1993).

черпают художественные приемы, представляют собой «не совсем греческие» тексты, поскольку принципы их организации в силу того, что они оказываются под воздействием принципов организации библейских (древнееврейских текстов), значительно отличаются от тех, на которых строится аутентичный греческий текст (Аверинцев 1971, Вдовиченко 2002, Десницкий 2007). Септуагинта – это «текст, состоящий из греческих слов, но противоречащий всем нормам греческой стилистики» (Десницкий 2007. 456) Античная и библейская традиции демонстрируют «два разных способа выражения мысли» (Десницкий).

В языке и стиле Септуагинты проявляется значительная зависимость от еврейского оригинала, «особый строй семитской поэтики» (Аверинцев), находит применение в новозаветных переводах. Ветхозаветные поэтические приемы и принципы организации текста получают продолжение и развитие в гимнографических текстах (Десницкий 2007). Славянские переводы сохраняют эти принципы организации, свойственные библейским текстам), в результате чего создается сакральный язык «с особым строем и сферой функционирования» (Вдовиченко, 2002. 161, Десницкий 2007).

Таким образом, античная литература и библейские тексты существенно различаются, как указывает С. С. Аверинцев, «методы и категории Аристотеля столь же органично связаны с художественной структурой «Илиады» и «Царя Эдипа», сколь лишены смысла в приложении к «Книге Исая» или к «Повести об Ахикаре» (Аверинцев, 1996. 16).).

Сопоставление еврейского и греческого текстов показывает, что переводчики не оставляли без внимания и характерные черты еврейской поэзии и стремились сохранить в переводе основные

поэтические черты оригинала²⁰. Текст Септуагинты изобилует ритмическими повторами и аллитерациями, характерными для еврейской поэзии, «так на греческом языке создавались тексты, которым были присущи черты, не свойственные классической греческой поэзии (хотя некоторая аналогия с риторической прозой очевидна» (Десницкий 2007.469).²¹ Хотя вопрос о принципах деления прозы и поэзии в ветхозаветных текстах, равно как и вопрос о структурных особенностях самой ветхозаветной поэзии не получил еще окончательного решения, само существование библейской поэзии сомнению не подвергается²². Предпринимаются попытки определения метрики древнееврейского стиха (см. обзор работ: Кугель 1991, Десницкий 2007),²³ однако преобладающей является точка зрения, согласно которой конструирующим принципом библейской поэзии является параллелизм.

Библейский поэтический текст, согласно мнению большинства исследователей, основан на двух принципах: параллелизме и ритмической упорядоченности²⁴. Поскольку эти черты встречаются и в

²⁰ По мнению Ф.Китч, древнееврейская поэзия мало теряла в переводе, поскольку ритм определялся параллелизмом, который воспроизводился последовательно и без потерь (Китч 1976).

²¹ И даже непереводной текст («Премудрость Соломона», написанная на греческом и вошедшая в Септуагинту) во многом следует принципам организации еврейской поэзии: «Это уже природный греческий текст, но он организован по тем же принципам, что и переведенные с еврейского части Септуагинты; он включает в себя элементы, характерные как для греческой, так и для еврейской литературной традиции. Это действительно начало синтеза двух традиций» (Десницкий 2007.473).

²² Дж.Кугель отмечает наличие разных подходов к решению этого вопроса, в результате чего, например, в число поэтических текстов могут быть включены книга Бытия и Исход (Кугель 1991).

²³ По мнению Дж. Кугеля, эти попытки обречены на неудачу (Кугель 1991). См.: «Метр не может оспариваться в семитской поэзии, так же как не исключается параллелизм в греческой эпике». Но тогда метрика (в древнееврейском) и параллелизм (в греческом) являются факультативными и случайными характеристиками; они не являются существенными. Это значит, что так же, как неправильно исправлять Гомерову строфу для того, чтобы сделать ее параллельной, неверно исправлять древнееврейский стих *metri causa*» (Гордон, цит.по: Вайс 2006.247).

²⁴ «Параллелизм синтаксический, лексический и фонетический (аллитерации и ассонансы), тесно связанный с параллелизмом смысловым. Ритмическая упорядоченность, т.е. деление текста на отрывки примерно равной длины с примерно равным числом ударений ... По сути дела это тоже своеобразная разновидность параллелизма» (Десницкий 2002.74); «Каждый поэтический текст в Библии построен на этих двух просодических структурах, ритме и параллелизме. Следует все же отметить, что в некоторых отрывках можно найти параллелизм без ритма или наоборот. Особенно часто встречается ритм без параллелизма. Критерием для классификации текста как поэтического

библейской прозе, разницу между прозой и поэзией определяет степень регулярности появления этих характерных для библейской поэтики признаков (Берлин 1992, Соджин 2002, Десницкий 2007). Принцип разграничения поэзии и прозы, который предлагается для Ветхозаветных текстов – релевантен и для древнерусской книжности. Так же, как и для библейских текстов, для средневековых славянских текстов отмечается достаточная условность деления на прозаические и поэтические тексты, тенденция к стиранию границ между поэтическим и прозаическим обликом речи (Богданович 1991, Станчев 2003.)²⁵.

Взгляд сквозь призму библейской поэтической традиции (к которой тесно примыкает гимнографическая, в формировании которой библейская поэзия сыграла ведущую роль²⁶), дает возможность увидеть в древнерусском плетении словес стихотворный текст, организованный по принципам, характерным для библейских поэтических текстов и текстов литургических. С.Матхаузерова, отказавшись от современных метрических критериев, связала технику «плетения словес» с гимнографической, отметив реализацию принципа соотношения ирмоса

является наличие, по крайней мере, одного из этих условий» (Саппан 1975.59-60, цит. по: Кугель 1991.46).

²⁵ К.Станчев, разделяя православнославянское литературное пространство по способу организации речи на поэзию, риторiku и прозу, отмечает, что «между этими тремя разделами не существует жестких границ. ... учитывая это тяготение средневековой православнославянской литературы к риторичности, графически можно представить ее членение следующим образом: «поэзия → риторика ← проза» (Станчев 2003.16-17). Ср. Б.В.Томашевский о невозможности строгого разграничения прозы и поэзии: «Естественнее и плодотворнее рассматривать стих и прозу не как две области с твердой границей, а как два полюса, центра тяготения, вокруг которых исторически расположились различные факты. ... существует два явно выраженных типа речи – стихотворная и прозаическая, а отдельные факты располагаются так, что они примыкают либо к типу стихотворному, либо к типу прозаическому. Законно говорить о более или менее прозаических, более или менее стихотворных явлениях» (Томашевский 1959.13).

²⁶ Византийская богослужебная поэзия, сформированная на основе двух традиций – библейской и греческой, «берет свое начало еще в Септуагинте, а ее окончательное оформление состоялось под воздействием «второй волны» семитского влияния, пришедшей к грекам из сирийских источников, прямо или опосредованно» (Десницкий 2007.519).

и тропарей песни в звуковых и лексических повторах, которые определяют ритмику «плетения словес» (Матхаузерова 1976)²⁷.

Плетение словес Епифания основано на сложнейшей системе повторов. Повторы разного уровня, накладываясь друг на друга, создают стихотворный ритм слова. Библийский параллелизм, отличный от античного²⁸, составляет главную особенность организации поэтического текста Слова (Петрова 2007, 2012). Параллелизм определяет характерное для Слова вертикальное измерение текста. «В отличие от прозы стих содержит проходящие через весь текст, то есть сквозные принудительные парадигматические членения. Визуальную принудительность им обеспечивает стиховая графика, акустическую – стиховая интонация» (Шапир 1985.31). «Принудительное членение» на стихи в плетении словес Епифания обеспечивается основным способом организации стихотворного текста – параллелизмом, который способствует установлению парадигматических отношений между соотнесенными строками. Визуально такое членение поддерживается пунктуационными знаками (точками), поскольку современное графическое оформление – выделение каждого стиха в отдельную строку (что составляет «безусловный признак стиха» в отличие от

²⁷ В то время как Ф.Китч, анализируя ритмическую организацию «Жития Стефана Пермского» сквозь призму использования ритмических приемов византийской риторической прозы (синтаксический параллелизм; гомеотелевт; изоколон; аллитерация; параномазия; метрические окончания колона), определяет «Житие» как «длинную прозаическую религиозную поэму» (Китч 1976. 206-267).

²⁸ Отметив, что эти приемы, воспринимаемые как специфически поэтические, были известны и греческой литературе, А.С.Десницкий подчеркивает принципиальную разницу в их употреблении в библийском тексте и античной литературе: «Но для античной риторической прозы это были – по крайней мере в III в. до н.э. – элементы декоративные, излюбленный прием украсить свою речь, но вовсе не способ ее организовать, как это выглядело в случае с ветхозаветной поэзией. Строгие правила ритмической упорядоченности, и то только для конца фраз, вошли в обязательное употребление уже на закате античности. Что же касается параллелизма, то в риторической прозе греков и римлян она была лишь выразительным способом подчеркнуть антитезу или сравнение» (Десницкий 1996.216). В монографии о стиле Епифания Ф.Китч синтаксический параллелизм возводит к библийской и классической риторической традиции, границы которых размыты. Этот прием в «Житии Стефана Пермского» рассматривается с позиций античной прозы – как одно из средств ритмизации текста, «как тип ритмического и эмоционального украшения», используемый Епифанием для украшения и возвышения темы (Китч 1976.238-241).

прозы) не применимо к средневековым текстам, писанным сплошную. Границы ритмических единиц в таких текстах отмечаются знаками пунктуации.

В древних славянских текстах пунктуация связана не только с синтаксисом (преимущественно коммуникативным, отражая актуальное членение) (Осипов 1992), в поэтических текстах она применяется для обозначения ритмического рисунка текста²⁹. В гимнографических текстах точка прежде всего связана с ритмическим членением текста (Якобсон 1923, Панченко 1964, Трифунович 1970, Кожухаров 1971, Станчев 1972). Это же отмечается и в других церковно-песенных произведениях, в частности, псалмах, свидетельствуя о том, что средневековые книжники графически изображали ритмическую структуру поэтических произведений, отличая ее от прозаических (Станчев 1972). В древнерусской книжности ритмомелодическое единство синтагм обозначается точками (Колесов, 1989).

Епифаний следует этой традиции. Текст Слова³⁰ членится на ритмико-синтаксические единицы (строки), границы которых (исключения редки)³¹ графически обозначаются точками (иногда запятыми)³².

²⁹ Очень подробно система пунктуационных знаков, служащая для разделения текста на ритмические части в произведениях Евфимия Тырновского, рассмотрена Е. Диковой, которая показывает, что «пунктуация зависит повечее от риторичности, а не от чисто синтаксических критериев» (Дикова 2011.99).

³⁰ По рукописи: ГИМ, Синод собр., 91, лл.650-777.

³¹ См. во фрагменте, приводимом ниже: в анализируемой рукописи отсутствие точки, разделяющей две строки, может быть связано с тем, что переписчик пропустил одну из повторяющихся форм: написав первую (после которой была точка), он взглядом переключился на дальнейший текст, где второй раз повторялась та же форма, но уже после нее не было точки. Таким образом наложение двух одинаковых форм привело к тому, что точка (вместе с повторяющейся формой слова) оказалось потерянной: *ниже нъвопршедшаго [ѿ моквы. ѿ моквы] может ли что добро быти намиъ. В других списках Слова она представлена.*

³² Поэтическое приложение к Духовной митрополита Киприана Г.М.Прохоров делит на строки в соответствии со знаками препинания, находящимися в рукописи («угловатая запятая после 1,2,6,32,35 сегментов и точки после всех остальных») (Прохоров 1987.126-128). Однако он не называет это произведение стихотворением («я говорю «элегия», имея в виду его проникнутую грустью тональность, а «поэма» (чтобы не сказать «стихотворение») – потому что он поэтичен, т.е. изящен, красив и возбуждает чувство очарования», отмечая, что при этом ему свойственно «графическое сегментирование текста – один из важнейших в наши дни признаков стиха. Только в рукописях оно

Итак, текст слова членится на ритмико-синтаксические единицы (строки), обладающие смысловой и интонационной завершенностью, границы которых обозначаются точками (очень редко запятыми)³³. Границы строк могут быть дополнительно маркированы анафорой (начала), гомеотелевтом (концы); синтаксический параллелизм может быть причиной появления изотонизма и изосиллабизма.

Строки, составляющие завершенный в смысловом отношении отрезок текста (фразу), образуют стих. Количество строк в стихе не регламентировано, есть стихи, содержащие достаточно большое количество строк, но наряду с этим встречаются и моностихи, состоящие из одной строки. Строки, входящие в стих, содержат элементы, составляющие параллели на разных языковых уровнях, или они составляют ритмические параллели.

Стихи с одной общей темой объединяются в строфы – замкнутые отрезки, границы которых очерчены повторяющимися элементами (словами, сочетаниями слов, фразами). Кольцо, образуемое

выражено, как и в случае эпиграмм-«надписаний» в корпусе Ареопагита, с помощью знаков препинания, тогдашних точек и запятых, а я передаю его членением на строки, по-современному. В отличие от «гранесловия» и «надписаний», однако же, это произведение не имеет, насколько я могу понять, определенного размера. Пусть, не каким-то понятным нашему уму метром – количеством мор или слогов – оно оправдано хорошо понятной нашему ч у в с т в у интонацией» (Прохоров 1987.147).

Ср. фрагмент из «Слова о житии Стефана Пермского» в сегментации М.Л.Гаспарова: Что еще ты нареку / вожа заблуждшим, обретателя погыбшим, / наставника прелщеным, руководителя умом ослепленным, / чистителя оскверненным, взискателя расточеным, / стража ратным, утешителя печальным, / кормителя алчущим, подателя требующим, / наказателя несмысленным, помощника обидимым, / молитвенника тепла, ходатая верна, / поганым спасителя, идолом попирателя, / богу служителя, мудрости рачителя, / философии любителя, целомудрия делателя, правде творителя, / книгам сказателя, грамоте пермьстеи писателя?.. (Гаспаров 1985.265). Тогда как (в соответствии с графическими знаками в рукописи) стихотворная строка в данном фрагменте текста жития представлена двумя словами (за исключением четвертой и последней): *вожа заблуждшимъ. обретателя погыбшимъ.* и т.д.

Ср. также разбивку фрагментов текста «Слова о житии Стефана Пермского» на колонны у Р.Пиккио (Пиккио 2003.645-647, 649, 651). Видно, что нередко колонны Р.Пиккио не совпадают с ритмико-синтаксическими единицами текста, маркируемыми графически точками (т.е. со стихотворными строками).

³³ По отношению к текстам, в которых графическое оформление отличается от современных, использование таких понятий, как строка, стих, строфа можно допустить только со значительной долей условности, но необходимость таких понятий очевидна, поскольку выделяемые при анализе поэтического текста структурные единицы должны быть обозначены.

повторением, – один из ярких признаков индивидуального стиля Епфания. Для строф характерна тенденция к параллелизму входящих в нее стихов. Строфы не совпадают по количеству включаемых стихов.

Строфы, связанные одной темой, в свою очередь объединяются в более крупные единства – фрагменты, которые также представляют собой замкнутые симметричные структуры, обрамленные повторяющимися единицами. Как правило, строфы в составе фрагментов также демонстрируют стремление к составлению параллелей, располагаясь симметрично по отношению к тематическому центру.

Фрагменты входят в главы – зачала, которые имеют собственные названия в тексте, и, как и все остальные структурные единицы, обрамлены повторяющимися элементами. Расположение зачал в тексте подчинено принципу концентрического параллелизма, вследствие чего весь текст Слова представляет собой симметричную структуру с тематическим центром, относительно которого зачала составляют параллели, сопоставляясь или противопоставляясь друг другу.

Ўѣскы^х боговъ не ѡставляйте.

а жерѣтвъ и требъ их не забываете.

а старои пѡшлины не покидываете.

давнынъ вѣры не пометаете.

иже твориша ѡцы наши.

такъ творите.

мене слушайте.

а не слушайте стѣлана.

иже нѡвопришедшаго ѡ Москвы

[ѡ Москвы] может ли что добро быти нами.

не ѡтоудю ли нами тѣжести быша.

и дани тѣжкыя и насильство.

И ТИВОУНИ И ДОВОЩИЦИ И ПРИСТАВНИЦЫ.

СЕГѠ РАДИ НЕ СЛЪШАНТЕ ЕГѠ.

НО МЕНЕ ПАЧЕ ПОСЛОУШАНТЕ.

ДОБРА ВАМЪ ХОТѢЩАГО.

АЗ БѠ ЕСМЬ РѠДЪ ВАШЪ І ЕДИНОЖ ЗЕМЛѦ С ВАМИ.

І ЕДИНЪ РѠДЪ І ЕДИНОПЛЕМЕНЪ.

І ЕДИНО КОЛѢНО.

ЕДИНЪ ЯЗЫКЪ.

ЛѢПО ВЫ ЕСТЬ МЕНЕ ПАЧЕ СЛОУШАТИ.

АЗЪ БѠ ЕСМЬ ВАШЪ ДАВНОИ ОУЧИТЕЛЬ.

И ПОДОБАШЕ ВАМЪ МЕНЕ ПОСЛОУШАТИ СТАРЦА СЪЩА.

И ВАМЪ АКЫ ѠЩА ПАЧЕ.

НЕЖЕЛИ ѠНОГО РОУСИНА ПАЧЕ ЖЕ МОСКВИТИНА.

И МАЛАДА СѠЩА ПРѢ МНОЮ ВЕРЬСТОЮ ТЕЛЕСНОЮ.

И МАЛОЛѢТНА ОУНА СѠЩА ВОЗРАСТОМЪ.

ЛѢТЫ Ж ПРѢ МНОЮ ЯКО СѢА.

И ЯКО ВНОУКА МНѢ.

ДА СЕГО РАДИ НЕ СЛЪШАНТЕ Е.

НО МЕНЕ СЛОУШАНТЕ.

И МОЕ ПРЕДАНИЕ ДЕРЖИТЕ.

И КРѢПИТЕ СѦ ДА НЕ ПОВѢЖЕНИ БОУДЕТЕ.

НО ПАЧЕ ПОВѢДИТЕ И (ЖТ.Ст. 695об–696).

В этом маленьком отрывке проявляются особенности организации, характерные для всего текста Слова. В организации строфы использован концентричный параллелизм, или хиазм, сущность которого заключается в том, параллельные структуры выстраиваются вокруг центральной темы. Это один из самых распространенных приемов

библейской поэтики, используемый и в прозе, но преимущественно характерный для поэзии (Брек 2006. 336)³⁴. Строфа построена строго симметрично³⁵: он начинается обращением к пермянам с просьбой сохранить старую веру: *давнын вѣры не пометайте. иже твориша ѿцы ваши. тако творите мене слушайте. а не слушайте стефана* и заканчивается повторной просьбой держаться давнего предания: *да сего ради не слабшите ѣ. но мене слушайте. и мое предание держите*. Повторяющаяся характеристика Стефана: *стефана. иже ншвопришедшаго ѿ москвы. . . нежели шного рущина паче же москвитина* обрамляет характеристику самого волхва, которая закономерно оказывается в центре: *но мене паче послушайте. добра вамъ хощащаго. аз бо емь рудъ вашъ і единоа земля с вами. і единъ рудъ і единоплеменъ. і едино колѣно. единъ языкъ*. Такое построение фокусирует внимание на центральной теме (превосходство волхва над Стефаном), она выделяется и ритмически – серия строк с пятикратным повтором ключевого слова *единъ* завершается короткими (двусловными) ритмическими единицами: *і едино колѣно. единъ языкъ*.

Строфа начинается стихами, следующими одной синтаксической схеме. Параллельные конструкции составляют смысловую триаду (последний член которой представлен стилистической симметрией, поэтому формально здесь четыре компонента): 1. *ѿчьскы^х боговъ не*

³⁴ «В хиастических моделях параллельные элементы освещают центральную тему, а чувство завершенности возникает благодаря «инклюзии» (A:A'). ... хиазм включает «концентричный параллелизм»: два или более элемента (отдельные строки или целые параграфы) выстроены в синонимный, антитетический или обратный параллелизм вокруг односложной или двусложной центральной темы, что создает такие схемы, как A:B: и A:B:C:C':B':A'. Отличительный признак таких схем – наличие центральной «оси»: тематического фокуса, в котором выражена главная мысль автора» (Брек 2006.329).

³⁵ Следует подчеркнуть, что композиция всего текста Жития подчиняется такому расположению материала. Центральная тема – тема торжества православия в Пермской земле, вокруг нее располагаются, образуя параллельные структуры, остальные.

вставляйте. 2. а жерѣтъ и тревѣ их не забываюте. 3. а старон пшлны не покидываете. давныи вѣры не пометайте (в то же время строка, составляющая второй член стилистической симметрии, одновременно может рассматриваться как входящая в следующую триаду: 1. давныи вѣры не пометайте. 2. иже твориша ꙗзыци ваши. тако творите. 3. мене слоушайте. а не слоушайте сѣдана).

Глаголы (не оставивайте, не забываюте, не покидываете, не пометайте) оказываются в одинаковой синтаксической позиции, что приводит к появлению грамматической рифмы, которая выступает дополнительным демаркационным знаком конца ритмической единицы и способствует усилению ритмического эффекта, который поддерживается дополнительно повторением начального *а*: *а жерѣтъ... а старой...* (анафора). Епифаний не ограничивается конечной рифмой. Густая сеть созвучий, скрепляющая начальные строки (см. отмеченные выше в тексте), способствует усилению ритмического эффекта.

Стих, завершающий строфу, также отмечен конечными рифмами, составляя параллель начальным: *слоушайте ...держите ... будете.* Грамматическая рифма, основанная на повторении одинаковых глагольных форм, соотносит начало и конец строфы (в середине ее нет). Параллелизм тематический, синтаксический (с некоторыми сдвигами, что характерно для стиля Епифания) поддержан параллелизмом средств, способствующих более четкому проявлению ритмического рисунка текста: *не вставляйте. не забываюте. не покидываете. не пометайте. творите. слоушайте – слоушайте. держите. будете.* Рифмы, отмеченные в начальном стихе, богатые, связаны повторением 4, 5, 6 звуков (кроме *творите*, эта форма соотносится с другими только повторением двух звуков, но она полностью соответствует форме *держите*, данной в конце, причем они обе

занимают контактную позицию по отношению к *слушантѣ*, образуя хиазм: *творитѣ. слушантѣ – слушантѣ. держитѣ*). Рифмы в конечном стихе беднее, они связаны повторением 2 и 3 звуков, однако еще две глагольные формы с повторением идентичных звуков (*крѣпитѣ сл, повѣдите и*), не участвующие в формировании конечной рифмы, составляют внутреннюю рифму, сопрягающую две последние строки; совпадение повторяющихся окончаний связывает все данные глагольные формы, подчеркивая их. Рифмуются глаголы, обозначающие действия пермян по отношению к волхву, выделяя их; составляется триада:

но мене *слушантѣ*.

и мое преданіе *держитѣ*.

и *крѣпитѣ сл* да не повѣжени боудете.

Единоначатие (двойной повтор *и: и мое... и крѣпитѣ сл*) соответствует анафоре *а*, используемой в начале фрагмента: *а жертвѣ и требѣ... а старон пшшлны*.

Действия пермян в связи со Стефаном оформлены иначе, глаголы занимают вторую от конца строки позицию, на последнем месте расположены местоимения, однако в первой конструкции местоимение дано в новой форме (*его*), а во второй – в старой (*и*): *да сего ради не слышантѣ ѣ.... но паче повѣдите и*. Такой выбор в данном случае явно продиктован стихотворной организацией текста, в которой звуковые повторы играют важную роль. Выбор формы *и* предопределен окончанием *-и* последнего слова вводного стиха: *моужи брати перъмьстн – но паче повѣдите и* (отмечается и звуковая перекличка *б, л*, (выше строкой: *и крѣпитѣ сл да не повѣжени боудете*) *р, ж*. Грамматическая рифма, останавливая внимание слушателя на

рифмующихся элементах, способна соотнести стихи даже на значительном расстоянии.

В рефрене (см. ниже) слова волхва с просьбой слушать его и не слушать Стефана повторяются таким образом, чтобы конечная рифма объединяла в одну серию строки, связанные с Памом, а в другую – связанные со Стефаном. В параллельных триадах меняется порядок слов: волхву важно, чтобы слушали его, и *не слушали* Стефана, поэтому формы *мене* выносятся в начало строки (сильная позиция): *МЕНЕ* слоушанте. но *МЕНЕ* паче послоушанте. (лѣпо вы естъ мене паче слоушати). но *МЕНЕ* слоушанте – а не слоушанте стефана. егѡ ради не слѣшанте егѡ. да сего ради не слѣшанте ѿ. В обеих сериях единоокончание поддерживается единоначатием (кроме первой строки): но мене – да сего ради. Во второй серии единоокончание выдержано только в двух случаях, повторяется местоимение *егѡ*, замещающее существительное *стефана*, использованное в первой из составляющих триаду параллельных конструкций.

Такое внимание к конечной рифме совсем не означает, что Епифаний строит стих, основанный на рифме. Рифма лишь частный случай повтора, который является определяющим в организации стихотворного текста древнерусского агиографа. Как и в литургических текстах, рифма у Епифания не входит в число обязательных составляющих стиха, о чем свидетельствуют и немалочисленные случаи, когда Епифаний намеренно уходит от возможной конечной рифмы, изменив порядок слов. Однако возможности рифмы, которая приводит к семантическому сближению рифмующихся единиц, выделяет их, используются Епифанием в полной мере. В слове ведущей является звуковая инструментовка неметрического характера (созвучия внутри и между стихами).

В плетении словес Епифания обращает на себя внимание очень высокая степень звуковой организации текста. Многомерность звуковых связей определяется повторением звуковых комплексов разного рода, прямых и обращенных (повторяются не просто отдельные звуки, а сочетания согласного с гласными).

лѣпо вы естъ мене паче слоушати.

азъ бѣ есмь вѣшь давнои оучитель.

и подобаше вамъ мене послушати старца съща.

и вамъ акы ѿца паче.

нежели шного русина паче же москвитина.

и млада соуца прѣ мною верьстою телесною.

и малолѣтна оуна соуца возрастомъ.

лѣты ж прѣ мною яко сѣа.

и яко внука мнѣ.

Многочисленные звуковые повторы прошивают весь текст³⁶, концентрация определенных звуков, объединяющая одни строки, плавно перетекает в следующие, но уже с доминированием других повторяющихся звуков. В начале приведенного отрывка выделяется повторение *л'*: *лѣпо*, *оучитель*; сочетаний по (па), *ша* (*аш*): *паче*, *слоушати*, *подобаше*, *послушати*, *паче*. Появляется *р* и звуковое сочетание *ст*: *старца*, концентрация которых отмечена ниже: *русина*, *верьстою*, *возрастомъ*. *прѣ*^а (дважды). Повтором *н* (и внутренней рифмой – (рус/москвит) *ина*)

³⁶ Обращает на себя внимание последовательное повторение гласного *у*, который проходит через весь текст. Согласно наблюдениям Ф. Китч, именно этот гласный занимает лидирующее положение среди повторяющихся звуков в Житии, что объясняется торжественным характером звучания этого гласного, способствующего интенсификации тона работы, схожей с молитвой (Китч 1976.214).

выделяется строка *нежели шного русина паче же москвитина* (она характеризует Стефана, в соседней строке, продолжающей ее (характеристику), *и* опять повторяется: *малолѣтна, оуна*), *и* переходит в следующие строки, в этой части наблюдается густой повтор звуков *л, л', м, т* (звуковых комплексов *мал – мла, лет-тел'*)³⁷: *москвитина, млада, телесною, малолѣтна, возмистомъ, лѣты*. Такое намеренное распределение идентичных звуков³⁸ в результате тщательного отбора слов (форм), соответствующее определенным темам, объединяя одни стихи, со-и противопоставляет другим (в данном случае строки, относящиеся к «учителю» Перми с настойчивой просьбой слушать его – и «оному русину» (Стефану). Повторяющиеся звуки, связывающие слова, способствуют их семантическому сближению: кроме эксплицитной характеристики волхва (в противопоставлении Стефану: *старца ебша – и млада соуца*), есть еще имплицитная, которая проявляется в сопряжении слов, связанных повторением звука – начальный *л'* (*лѣпо*) отражен в конечном слове следующего стиха (*оучитель*). Настойчивое повторение *л* связано не только с призывом «*паче послушати*», но и заставляет вспомнить имя волхва – Пам, которое зашифровано в строке: *и подобаше вамъ мене послушати*. Полнота созвучий усиливается за счет того, что стихи богаты внутренними рифмами (см. отмеченные конечные созвучия внутри стихов).

Все эти приемы (включая анаграмму) характерны для организации как библейской поэзии, так и гимнографии. В составе стихотворной системы литургических текстов В. К. Былинин выделяет архаические

³⁷ В начале фрагмента такой же зеркальный повтор сочетания звуков (*рт – тр*): *жефтвъ и трѣбъ*.

³⁸ Этот прием находит параллель в литургических текстах: «в пределах одного песнопения аллитерации могли варьироваться, как бы разбивая его текст на несколько условных строф» (Былинин 1988.42).

системы – аллитерацию³⁹ и анафористику, которые, кроме силлабики, были в распоряжении славянских гимнописцев. Епифаний строит стихотворный текст, пользуясь теми приемами поэтической техники, которые усвоены им из библейской поэзии и славянской гимнографии.

Следует отметить регулярные троичные повторы разного уровня, роль которых в организации поэтического ритма трудно переоценить.⁴⁰

Переплетение лексических и синтаксических триад, объединяющих стихи, способствует созданию сложнейшего симметричного узора текста. На пространстве ограниченного количества стихов отмечается большое количество триад (вы – вамъ – вамъ; старца сѣща – и млада соуща – и малолѣтна оуна соуща; тел(есною) – (мало)лѣтна – лѣт(ы); верьстою – возрастомъ – лѣты; млада – малолѣтна – оуна; акы ѿца – тако сѣа – и тако внука; прѣ мною – прѣ мною – мнѣ.

Повторение слова *паче* соотносит три строки: лѣпо вы естъ мене *паче* слоушати. и вамъ акы ѿца *паче*. нежели шного роушна *паче* же москвитина (первые две противопоставлены третьей).

Четыре стиха составляют триаду: 1. и млада соуща прѣ мною верьстою телесною. 2. и малолѣтна оуна соуща возрастомъ. 3. лѣты ж прѣ мною тако сѣа. и тако внука мнѣ. Хорошо видны сдвиги в симметрии, столь характерные для стиля Епифания. Третий член триады синтаксически соотносится с первыми двумя лишь одной формой – творительным падежом существительного лѣты (во множественном числе), повторяющей падеж существительных верьстою и возрастомъ (единственное число), но расположенной в обратном

³⁹ «Под аллитерационным стихом подразумеваются гимнографические структуры, родственные анафорическим, т.е. структуры, относительной константой в которых являются прежде всего оформленные в идентичном звуковом ключе начальные элементы каждой строки-стиха» (Былинин 1988.42).

⁴⁰ Особенности функционирования триад-синтагм очень подробно рассмотрено В. В. Колесовым (Колесов 1989)

порядке. Синтаксический параллелизм двух первых строк, составляющих стилистическую симметрию, сопровождается несовпадениями: в первой строке именная часть представлена одним прилагательным: *млада*, во второй – двумя: *малолѣтна оуна*; в первой существительное имеет при себе определение: *верьстою телесною*, во второй его нет: *возрастомъ*. Стихотворной организацией текста определяется то, что членение на компоненты триады не совпадает с членением на строки⁴¹.

Епифаний выстраивает сложные параллели, и разбивка на строки (отмечаемая точками) проявляет стихотворный характер организации текста. Кроме внутреннего, используется и внешний параллелизм, свойственный библейским текстам (он активно используется Епифанием на пространстве целого текста):

МЕНЕ СЛОУШАНТЕ.

А НЕ СЛОУШАНТЕ СТЕФАНА.

ИЖЕ НѠВОПРИШЕДШАГО Ѡ МОСКВЫ –

.....

СЕГѠ РАДИ НЕ СЛѠШАНТЕ ЕГѠ.

НО МЕНЕ ПАЧЕ ПОСЛОУШАНТЕ.

ДОВРА ВАМЪ ХОТѦЩАГО.

⁴¹ Этим же объясняется и выделение в центральном отрывке последней строки как отдельной (перечисление собрано в триаду, члены которой состоят из двух атрибутивных сочетаний (сложное слово **ЕДИНОПЛЕМЕНЪ** содержит такие же компоненты): *азъ бѡ есмь Ѡудъ вашъ і единоѡ земля с вами.*

і единъ Ѡудъ і единоплемѡ.

і едино колѣно.

единъ языкъ.

Первые две строки (с вариациями) повторяются в обоих стихах, третья соотносится причастиями с повторяющимися окончаниями, порядок слов меняется на обратный: *иже нѣвопршѣдшаго ѿ москвы – добра вамъ готѣщаго.*

Параллель составляют следующие стихи, также отстоящие на расстоянии друг от друга; как всегда, отмечаются сдвиги в синтаксической структуре параллельных стихов, при этом основа конструкции повторяется слово в слово (с изменением места определения *вашь* – постпозиция в первом и препозиция во втором: *рѣдѣ* *вашь* – *вашь давнои оучитель*):

азъ бѣ емь рѣдѣ вашь і единоѡ землѣ і вами.

і единь рѣдѣ і единоплемень.

і единю колѣно.

единь языкъ.

.....

азъ бѣ емь вашь давнои оучитель.

(В рамках этой параллели выстраиваются перечисления, построенные по одинаковой модели, с пятикратным повтором слова *единь*, представляющие тематический центр всего фрагмента).

Сложное переплетение строк, входящих в разные параллели, создает изысканный ритмический рисунок текста.

Симметрия построения проявляется в чередовании тем⁴², объединяющих стихи, разделенные рефреном, основанном на

⁴² Если условно обозначить их как связанные с волхвом /пермянами - А и Стефаном /Москвой - В, то расположение их таково: А – В – А – В – А. Выделяется центр, обрамленный параллельно расположенными темами (см. выше).

трехкратном (с вариациями) повторении двухчленной параллельной конструкции (в повторяющихся строках нет абсолютного совпадения, и это вполне согласуется с характерными для Епифания сдвигами в симметрии): 1. «МЕНЕ СЛОУШАИТЕ. А НЕ СЛОУШАИТЕ СТЕФАНА»; 2. «СЕГО РАДИ НЕ СЛОУШАИТЕ ЕГО. НО МЕНЕ ПАЧЕ ПОСЛОУШАИТЕ» (строки переставлены местами, имя заменено местоимением, в первой строке добавляется сего ради, во второй – но, паче); 3. «ДА СЕГО РАДИ НЕ СЛОУШАИТЕ ЕГО. НО МЕНЕ СЛОУШАИТЕ» (первая строка повторяет первую строку предыдущей параллельной конструкции с добавлением да, вторая совпадает с первой строкой первой параллели отсутствием паче, появившимся во второй, и со второй ее строкой присутствием но). Вариантом рефрена (не совпадает синтаксическое оформление) выступает стилистическая симметрия: *лѣпо вы естъ мене паче слоушати...и подобаше вамъ мене послоушати*. Рефрен делит приводимую строфу на стихи примерно равного объема по количеству строк, однако и тут нет абсолютной симметрии – последний стих короче: 6 – 5 – 5 – 6 – 3.

Симметрии принадлежит ведущая роль в стихотворной организации текста Слова, что согласуется с ролью симметрии в организации ветхозаветных и литургических текстов. По наблюдениям В. К. Былинина, основным принципом структурирования гимнических сочинений выступает принцип комплексной симметрии, проявляющийся на разных уровнях, причем сама идея многоуровневой композиционной симметрии, как и многие структурно-поэтические элементы и ритмические модели, отличающие литургические тексты, заимствованы гимнописцами из псалмов (Былинин 1988. 36–48). Плетение словес совпадает с «узорочьем («узолствованиями») смысловой и звукописной симметрии» литургических текстов (Былинин 1988.47).

Высокой концентрацией маркирующих стихотворную речь компонентов, последовательно выдержанным на всех уровнях параллелизмом (основой симметрии), повторами (особенно регулярными троичными) Епифаний превосходит литургические тексты. Стихотворный ритм Слова четче, чем в литургической поэзии, вероятно (кроме того, что это яркое свидетельство таланта книжника)⁴³, это может быть связано с тем, что он лишен такой поддержки, какая имеется у стихотворного ритма в гимнографии. Хотя поэтический текст играет в гимнографии первостепенную роль, ритмические структуры доминируют над их музыкальным оформлением (Пожидаева 2007. 53; ср. Былинин 1988. 48), гимнографический ритм складывается из двух составляющих⁴⁴ – речевой и музыкальной, и речевой поддерживается музыкальным. Отсутствие последнего в определенной мере и компенсируется усложнением ритмического рисунка текста в плетении словес.

Универсальным принципом поэтического текста, отличающим поэтическую речь от непоэтической, является принцип повтора (Якобсон 1987). Регулярность повторов разного уровня («словесная расточительность», «многословие», в чем достаточно часто – но совершенно необоснованно – упрекают Епифания) – это проявление семантической разницы, существующей между прозой и поэзией: постоянные повторы избыточны для прозы, но необходимы для поэзии⁴⁵. Повторы в «Слове о житии Стефана Пермского», как и в

⁴³ Литургию (наряду с молитвой) как источник ритма Епифания выделяет в своей монографии Ф. Китч. Большая насыщенность элементами, способствующими ритмизации текста, чем это характерно для литургических текстов и молитв, и особенности их использования (наложение нескольких приемов) определяют стилистическую новизну древнерусского агиографа и указывают на его талант (Китч 1976. 267).

⁴⁴ Ритм гимнографических текстов определяется как музыкально-речевой. Ритмема представляет собой музыкально-речевую единицу, речевая составляющая которой характеризуется синтактико-интонационной и смысловой завершенностью, отмечаемой на письме знаками пунктуации, а музыкальная составляющая является законченной музыкальной единицей. При отсутствии мелодии на первый план выходит речевой ритмоопределятель (Станчев 1982. 148-149).

⁴⁵ В современных исследованиях семантическая разница между поэзией и прозой определяется как «одно из самых существенных различий» (Скулачева 2008. 166).

библейской и литургической поэзии, организуют текст, а не выступают как орнаментальный элемент.

Итак, характер использования поэтических приемов и способов организации стиха, восходящих к ветхозаветной поэзии и гимнографии, не оставляет сомнений в том, что «Слово о житии Стефана Пермского» – стихотворный текст, в котором идентичная (стихотворная) организация определяет и похвальную, и повествовательную части.⁴⁶

Стремление к поэтизированию текстов характерно для всей православной славянской высокой книжности XIV–XV вв., но стихотворный способ организации текста полностью оказался реализованным только в восточнославянской книжности. Плетение словес Епифания Премудрого, в организации которого ведущая роль принадлежит библейской поэтической традиции, представляет собой специфический для древнерусской книжности стихотворный способ организации текста. Южнославянскими книжниками был выбран другой ориентир – византийская (античная) риторическая традиция: изысканная агиография Тырновской школы, следующая византийской украшенной прозе, представляет собой вершину средневековой славянской орнаментальной прозы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С.С. Греческая «литература» и ближневосточная «словесность» (противостояние и встреча двух творческих принципов // Типология и взаимосвязь литератур Древнего Мира. – М., 1971. – С.206 – 266.
2. Брек Д. Хиазм в Священном Писании. – М., 2006.
3. Богданович Д. Историја српске књижевности. – Београд, 1991.
4. Былинин В.К. К проблеме стиха в славянской гимнографии (X–XIII вв.) // Славянские литературы. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. – М., 1988. – С.33 –51.
5. Вайс М. Библия и современное литературоведение. Метод целостной интерпретации. – М., 2011.

⁴⁶ Ф.Китч отмечает «аритмичность» некоторых фрагментов (спор с волхвом, описание сложения азбуки) (Китч 1976). Однако анализ показывает, что ритм этих фрагментов, как и всего остального текста, стихотворный. Особый интерес представляет с точки зрения организации текста вкрапление (в значительном объеме) чужого текста. Епифаний включил в житие две трети трактата Чернорица Храбра, и изменения, которые внесены в цитируемый текст, прежде всего связаны с адаптацией его к поэтическому ритму жития (Петрова 2013).

6. Вдовиченко А.В. Дискурс – текст – слово. Статьи по истории, библеистике, лингвистике, философии языка. – М., 2002.
7. Верещагин Е.М. К истолкованию имени Епифания Премудрого (в связи с истоками стиля «плетение словес») // Известия РАН . Серия литературы и языка. 1998, №2. – С.143 – 169.
8. Гаспаров М.Л. Оппозиция «стих» – «проза» и становление русского литературного стиха // Русское стихосложение. Традиции и проблемы развития. – М., 1985. – С.264 – 277.
9. Десницкий А.С. Поэтика библейского параллелизма. – М., 2007.
10. Дикова Е. Фразата в житията и похвалните слова на св. патриарх Евтимий Търновски. – София, 2011.
11. Живов В.М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII вв. – М, 2004.
12. Живов В. М. Религиозная реформа и индивидуальное начало в русской литературе XVII века // Из истории русской культуры. Т. III (XVII – начало XVIII века). – М, 2000. – С. 460–485.
13. Калыгин В.П. Язык древнейшей ирландской поэзии. – М., 2003.
14. Кенанов Д. Ораторската проза на Патриарх Евтимий. – Велико Търново, 1995.
15. Кенанов Д. Метафрастика. Симеон Метафраст и православната славянска агиография. – Велико Търново, 1997.
16. Кожухаров С. Към въпроса за обема на понятието «старобългарска поезия» // Литературна мисъл, XX, 1976. – С.35 – 54.
17. Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. – Ленинград, 1989.
18. Коновалова О.Ф. Панегирический стиль русской литературы конца XIV – начала XV вв.: Автореф. канд. дисс. – Ленинград, 1970.
19. Костова К. Ритмични структури в старобългарски глаголически паметници // Кирило-методиевски студии. Книга 11. – София, 1998.
20. Лихачев Д.С. Развитие русской литературы XI–XVII вв.: Эпохи и стили. – Л., 1973.
21. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. – Л., 1987.
22. Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. – Прага, 1976.
23. Наумов А. По въпросите на най-старата славянска поезия // Старобългарска литература, 1980, № 8. – С.37 – 45.
24. Осипов Б. История русской орфографии и пунктуации. – Новосибирск, 1992.
25. Мошин В. Стил старе српске прозе // Стара књижевност. Београд, 1972. – С.181–196.
26. Панченко А.М. Перспективы исследования истории древнерусского стихотворчества // ТОДРЛ, XX, 1964. – С.256 – 273.
27. Панченко А.М. Русская стихотворная культура XVII века. –Л., 1973.
28. Петрова В.Д. Повторы в древнерусской агиографии стиля «плетение словес» // Мир русского слова и русское слово в мире. Т.3. Русский язык: диахрония и динамика языковых процессов. – София, 2007. – С.165 – 172.
 - а. Петрова В.Д. О содержании термина «плетение словес» в средневековой славянской книжности // Вестник ННГУ. 2009. – С.314 – 320.
29. Петрова В.Д. Дискуссионный аспект цитирования Епифанием Премудрым сочинения Черноризца Храбра «О письменах» // Чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры. – Чебоксары, 2013. – С.89 – 105.
30. Пиккио Р. Върху изоколните структури в средновековната славянска проза // Литературна мисъл, XXIV. 1980, №3. – С.75 – 107.
31. Пиккио Р. Slavia Orthodoxa. Литература и язык. – М., 2003.

32. Пожидаева Г.А. Певческие традиции Древней Руси: Очерки теории и стиля. – М., 2007.
33. Позднеев А.В. Стихосложение древнерусской поэзии // Scando-Slavica, IX, 1965. – P.5 – 24.
34. Прохоров Г.М. Епифаний Премудрый. Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ, XL, 1985. – С.77 – 91.
35. Прохоров Г.М. Памятники переводной и русской литературы XIV–XV вв. – Л., 1987.
36. Робинсон А.Н. Славянские литературы среди средневековых литератур мира (старший период) // Славянские литературы. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. – М., 1988. – С.3 – 19.
37. Сазонова Л.И. Принцип ритмической организации в произведениях торжественного красноречия старшей поры («Слово о законе и благодати» Илариона, «Похвала св. Симеону и св. Савве» Доментиана) // ТОДРЛ, XVIII, 1974. – С.30 – 46.
38. Скулачева Т.В. Стих и проза: семантические различия // Славянский стих: стиховедение и лингвистика. – М., 2008. – С. 166 – 178.
39. Скулачева Т.В., Буюкова М.В. Стих и проза: сочинение и подчинение // Славянский стих: стих, язык, смысл. – М., 2009. – С.149 – 171.
40. Смирнов И. Олитературенное время: (гипо)теория литературных жанров. – СПб., 2008.
41. Соджин Дж. Долитературная стадия библейской традиции // Библейские исследования. – М., 1997. – С.76 – 12.
42. Станчев К. Старобългарската поезия – графично оформяне и термини за означаването и // Български език, XXI, 1972. – 221 – 224.
43. Станчев К. Поетика на старобългарската литература (Основни принципи и проблеми). – София, 1982.
44. Станчев К. Стилистика и жанрове на старобългарската литература. – София, 1985.
45. Станчев К. Литургическая поэзия в древнеславянском литургическом пространстве (История вопроса и некоторые проблемы изучения) // Древнеславянская литургическая поэзия. – София, 2003. – С.5 – 22.
46. Тарановский К.Ф. Формы общеславянского и церковнославянского стиха в древнерусской литературе XI–XII вв. // American contributions to the Sixst International congress of Slavists. – Paris, Muton, 1968. – Vol.1. – P.377 – 394.
47. Трифуновић Ђ. Стара српска црквена појезија // О Србљаку. – Београд, 1970. – С.9 – 96.
48. Шапир М. И. «Versus».
49. Фрайданк Д. К сущности и предпосылкам стиля «плетение словес» // Търновска книжовна школа. Т.2. – София, 1980. – С.89 – 93.
50. Якобсон Р. Заметки о древнеболгарском стихосложении // Известия ОРЯС, XXIV, 1923, №2. – С.351 – 359.
51. Якобсон Р. Работы по поэтике: переводы. – М., 1987.
52. Berlin A. The Dynamics of Biblical Parallelism. – Bloomington, 1985.
53. Hebert M. Hesychasm, Word-Weaving and Slavic Hagiography: The Literary Shool of Patriarch Euthymius. – München, 1992.
54. Kitch F. The literary Style of Epifanij Premudryj: Pletenije sloves. – München, 1976.
55. Kugel J.L. The Idea of Biblical Poetry. – New Haven; London, 1991.
56. Mulić M. Srpski izvori “pletjenija sloves”. – Sarajevo, 1975.

РЫЛОВ Станислав Александрович
(Нижний Новгород, Россия)
кандидат филологических наук, доцент
Нижегородский государственный университет
имени Николая Ивановича Лобачевского
standap46@mail.ru

**ПРОФЕССОР ВЛАДИМИР ВИКТОРОВИЧ КОЛЕСОВ
И ДРЕВНЕРУССКИЙ СИНТАКСИС (К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

Аннотация. Опираясь на традиции отечественного языкознания, Петербургской (Ленинградской) филологической школы, проф. В.В. Колесов прекрасно осознавал внутреннюю сущность уникальных национальных структур древнерусского синтаксиса и их динамику в истории русского языка. Своими глубокими, оригинальными исследованиями В.В. Колесов внес огромный вклад в разработку древнерусского синтаксиса. Знаковый момент в синтаксических разысканиях ученого – ярко выраженный новаторский подход к решению актуальных проблем исторического синтаксиса с позиции общей концепции проявления русской ментальности в синтаксических конструкциях и категориях.

Ключевые слова: Владимир Викторович Колесов, древнерусский синтаксис, русская ментальность, синкретизм, цепочечное нанизывание предложений, сущность древнерусского предложения-высказывания, категории древнерусского простого предложения-высказывания.

Abstract. Based on the traditions of our country' linguistics and the St. Petersburg (Leningrad) philological school, prof. V.V. Kolesov was well aware of the inner essence of the unique national structures of Old Russian syntax and their dynamics in the history of the Russian language. With his deep, original researches V.V. Kolesov made a huge contribution to the elaboration of Old Russian syntax. A significant moment in the syntactic research of the scientist is a clearly expressed innovative approach to solving current problems of historical syntax from the position of the general concept of the manifestation of Russian mentality in syntactic constructions and categories.

Keywords: Vladimir Viktorovich Kolesov, Old Russian syntax, Russian mentality, syncretism, chain stringing of sentences, the essence of the Old Russian sentence-statement, categories of the Old Russian simple sentence-statement.

В апреле 2024 года исполнилось 90 лет со дня рождения доктора филологических наук, профессора, Почетного профессора Санкт-Петербургского государственного университета Владимира Викторовича Колесова.

Владимир Викторович Колесов обладал удивительно широким кругозором. Это был выдающийся ученый философского склада ума и необычайной эрудиции. После его безвременного ухода из жизни всё более осознается масштаб его личности – личности замечательного

ученого-лингвиста, историка русского языка с новым, нетрадиционным пониманием его динамики, талантливейшего преподавателя, человека высокой культуры, бесконечно преданного науке.

Профессор В.В. Колесов оставил богатейшее научное наследие. В сферу его интересов входили как философские проблемы языка и общие вопросы теории и истории языка, так и конкретные проблемы исторической фонологии, русской акцентологии, лексикологии, терминологии, грамматики, диалектологии, текстологии древнерусских памятников, слововедения. При всей многоаспектности научных интересов В.В. Колесов создал единую лингвистическую концепцию, в центре которой – исследование **русской ментальности** в категориях языка, история языка как процесс *развития мысли*, отраженной в категориях и формах языка. История языка понималась ученым не как описательная процедура, не как простая смена состояний языка, а как *объективный* процесс, как «постепенное развертывание того, что в самом начале уже содержится в объекте» [6: 173]: «Постоянное преобразование категорий языка и накопительное умножение языковых форм составляет закон прогресса в развитии человеческого знания, сознания и по-знания» [5: 3].

В.В. Колесов внес весомый вклад в разработку исторического синтаксиса русского языка. В его работах по-новому освещаются многие вопросы традиционного исторического синтаксиса, начиная с самого *предмета* исторического синтаксиса (далее сокращенно: ИС). Традиционно предмет ИС формулировался применительно к ИС как науке, ср.: «Предметом исторического синтаксиса русского языка является *установление того*, каким изменениям подверглись синтаксические нормы русского языка в течение ряда эпох его развития, начиная с первых памятников древнерусской письменности (XI в.)» [1: 313; 3: 4–5]: «Предметом исторического синтаксиса русского языка является *изучение* синтаксических изменений, происходивших в русском

языке в течение многих веков его развития, начиная с первых памятников древнерусской письменности [9: 4] (курсивом выделено мною – С.Р.). В.В. Колесов, определяя предмет ИС, разграничивает ИС как науку и ИС как совокупность «типичных формул и конструкций, способствующих выражению законченной мысли» [5: 391]. При этом в центр ИС ученым ставятся именно *объективно* существующие категории и формы, имеющие в своем развитии определенную направленность с векторным усилием во времени и отражающие процесс развития мысли: «Предметом исторического синтаксиса является преобразование взаимных **связей** морфологических и лексических средств языка по мере развития форм мышления и структурных типов высказывания. Изменение же синтаксических **норм** языка становится *объектом* исторического синтаксиса, его необходимо выявить и описать в историческом исследовании предмета» [5: 391].

Знаковый момент в синтаксических разысканиях проф. В.В. Колесова – ярко выраженный **новаторский** подход к решению актуальных проблем русского исторического синтаксиса – с позиций общей концепции проявления русской ментальности в категориях языка, осмысления ИС в национальной духовной традиции русской культуры. Для В.В. Колесова характерно постоянное стремление понять явления ИС с точки зрения *логики* их внутреннего развития, осознать их существенные особенности – «в развитии мысли наших предков» [4: 7]. Ученый первым в отечественном языкознании обратился к проблеме синкретизма языкового знака как уникального явления национального языка, которое пронизывает и синтаксический строй языка. Действительно, древнерусский синтаксис ярко характеризует «исконный синкретизм» древнерусского выражения мысли: «Древнерусский синтаксис был лаконичен, текст насыщен символами, представлен в синкретизме форм и конструкций. *Иду на вы!* – воинский клич князя Святослава содержит в себе множество смыслов при краткости формы

(фактически только глагол *иду*)» [7: 235]. Разумеется, «синкретизм синтаксических отношений отражает общий синкретизм нерасчлененной мысли» [4: 441; 5: 427].

Действительно, синкретизм представляет собой **онтологическое** свойство синтаксического строя древнерусской речи и её основной синтаксической единицы, это языковая реальность. Проведенный нами анализ синтаксической организации древнерусской речи (сплошному обследованию было подвергнуто около 270 оригинальных древнерусских текстов XII–XIV вв. разной жанрово-стилевой отнесенности) показал, что древнерусские тексты были пронизаны **синтаксическим синкретизмом (СС)**. Для древнего синтаксического строя были типичными нерасчлененность субъекта и объекта действия, пространственных и временных, объектных и посессивных отношений, семантики обусловленности (причины, следствия, цели, условия, уступки).

Следует отметить, что понятие синтаксического синкретизма как исторической категории остается в лингвистике недостаточно разработанным. Мы основываемся на понимании синкретизма, отчетливо выраженном в трудах проф. В.В. Колесова, – как свойственной древним языковым формам *нерасчлененности значений*. Исходя из этого представляется необходимым рассматривать синтаксический синкретизм в древнерусском языке/речи не только и не столько как особенность построения текста или грамматической структуры древнего предложения-высказывания, но прежде всего как языковую **катеґорию**, имеющую *семантические* основания. Действительно, понятие синтаксического синкретизма применительно к истории языка охватывает определенный **класс** синтаксических конструкций, имеющих общие категориальные особенности как в плане выражения, так и в плане содержания. В плане *содержания* категориальными для СС признаками являются: сложная,

нерасчлененная семантика предикативных единиц в тексте и отдельных предложений-высказываний, семантическая недифференцированность, совмещение в структуре высказывания разных значений у одного и того же члена предложения или конструкции. В плане *выражения* существенными синкретообразующими факторами могут быть: отсутствие четкой грамматической организации в построении высказывания, наличие синкретичных морфологических форм (например, причастий), совмещение у одного и того же грамматического элемента признаков разных членов предложения, слабая выраженность грамматической зависимости между элементами в структуре простого предложения-высказывания или между предикативными единицами и, как следствие, преобладание соположения между ними, необычный порядок слов в предложении и др.

Категориальный подход позволяет определить синтаксический синкретизм применительно к истории языка следующим образом: **синтаксический синкретизм** – это **исконное** одновременное совмещение нескольких значений в последовательном следовании предикативных единиц или в одной и той же синтаксической категории (в предложении-высказывании или в члене предложения), которое не устраняется в процессе их функционирования. Частным случаем синтаксического синкретизма является отсутствие четкой структурно-грамматической расчлененности, оформленности в построении высказывания, недифференцированность его синтагматической формы и, как следствие, – нерасчлененность, диффузность семантики предложения-высказывания. Синкретичная синтаксическая конструкция (синтаксическая синкрета) – мало упорядоченное в структурно-семантическом отношении синтаксическое образование, выражающее сложную семантику, не укладывающуюся, как правило, в рамки современного «одномерного» членения. Необходимо учитывать, что синтаксический синкретизм – весьма сложное явление, которое

основывается на морфологическом синкретизме: изначальной диффузности частей речи, синкретизме имён, нерасчлененности видо-временных форм глагола и т.д. Синтаксический синкретизм нередко возникает в результате взаимодействия грамматической структуры ППВ с семантической диффузностью на лексическом уровне.

Анализ текстового материала показывает, что в древнерусской речи XII–XIV веков разной жанрово-стилевой принадлежности весьма широко представлены синкретичные синтаксические конструкции. Наиболее «богатой» в этом отношении является, по нашим наблюдениям, *летописно-хроникальная* и *деловая* древнерусская речь, где особенно ярко проявляются недостаточная структурно-грамматическая оформленность в построении текста и простого предложения-высказывания, «дробность», нерасчлененность его синтагматической формы, диффузность семантики. Вместе с тем, синтаксический синкретизм представлен в древнерусской речи XII–XIV вв. разными конструкциями, неодинаковыми по характеру, семантике, степени проявления синкретизма.

Типичная синкретичная конструкция древнерусского синтаксиса, очень распространенный способ организации древнерусской речи, – **цепочечное нанизывание предложений (ЦНП)** [5: 448–449]. Это многочленная структура, свободное соединение следующих друг за другом предикативных единиц, в котором недостаточно расчленены смысловые отношения и речевые формулы (предикативные единицы) присоединительным усилием сцеплялись в грамматическую связь однородного нанизывания. Но сам порядок следования предикативных единиц в тексте определялся ходом мысли и имел смысловое и грамматическое значение: *Томь же лэтэ ходиша вся Русска земля на Галиць | и много попустиша область ихъ | а города не възяша ни одного | и воротишася | ходиша же и из Новагорода помочье кыяномъ съ воеводу Неревиномъ | и воротишася съ любвьью | (л. 24); Приде*

князь Всъволодъ в Новъгородъ | и владыка и вси мужи одарени бещисла | и ради быша новгородьци | и бысть миръ | (л. 94)⁴⁷. Конструкция ЦНП представляла собой «текст без синтаксической перспективы, ровный, ритмичный, который легко удлинялся. Последовательность описываемых событий здесь соответствовала их реальному течению» [5: 48].

Отдельные предикативные единицы в конструкции ЦНП нельзя считать, с одной стороны, частями одного сложного предложения, поэтому современные термины «сложносочиненное», «сложноподчиненное предложение» вообще неприменимы к древнерусским текстам. С другой стороны, невозможна квалификация частей ЦНП как грамматически независимых (самостоятельных) предложений. Цепочка предикативных единиц в конструкции ЦНП строится по принципу «наполнения текста постоянно прибавляемыми частями на основе “агглютинативного усилия мысли”» [7: 234] и характеризуется нерасчлененностью смысловых отношений – синкретизмом. Такая последовательность нанизываемых на одну смысловую нить предикативных единиц составляет *одно целое*, в котором предикативные единицы связываются друг с другом общей направленностью мысли, дополняя друг друга. Иными словами, древнерусская конструкция ЦНП представляет собой синтаксическую синкрету.

Конструкции цепочечного нанизывания предложений оказываются постоянным, типичным приемом синтаксической организации древнерусской летописно-хроникальной речи. Наблюдения, проведенные нами, показали, что текст Новгородской первой летописи

⁴⁷ Цитируется по изданию: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (Полное собрание русских летописей. Том III). М., 2000, С. 27, 60. В приводимых примерах используется упрощенная графика. Знаком э передается древнерусская буква «ять», знаком | обозначается граница между предикативными единицами (речевыми формулами).

XIII–XIV вв. насыщен конструкциями *ЦНП*: на выборку длиной 100–120 простых высказываний в среднем приходится 7–10 конструкций *ЦНП*. Разумеется, широкому употреблению специфических конструкций *ЦНП* нарративного типа содействовали цель и содержательная сущность летописно-хроникального стиля: летописец стремился отразить исторические события в определенной последовательности и отстранялся от вскрытия причинно-следственных отношений. Однако конструкции *ЦНП* довольно часто встречаются не только в летописях, но и в повествовательно-художественных и деловых древнерусских текстах. Активное функционирование конструкций *ЦНП* в древнерусской речи, по нашему мнению, было обусловлено прежде всего особенностями древнерусского синтаксиса: нерасчлененностью, недостаточной грамматической оформленностью *семантических* отношений между предикативными единицами в тексте.

Интересно, что в старочешских эпических текстах XIII–XIV вв. вообще не находим синтаксических конструкций, эквивалентных древнерусскому *ЦНП* или близких к нему. В отличие от древнерусских, в старочешских эпических текстах широко представлен синтаксический синкретизм, относящийся к структуре *сложного предложения*. Он проявляется: а) в построении сложных синтаксических структур, недифференцированных по выражению семантических отношений; б) в образовании конструкций переходного типа, совмещающих простое и сложное предложения; в) в построении синтаксических конструкций, совмещающих сложносочиненное и сложноподчиненное предложения. Так, союз *a* нередко употреблялся в парных соединениях предикативных единиц, выражая сопоставительно-противительные отношения: *on juž leží, nohu třasa | druhý juž leže umierá | a sen ješče dušu sbierá | některého koňmi tlačie | a po sem se drobi vlačie | on leží s zbitý hlavъ | a sen mra vřal*

zuby v trávu | on leží zabit ot mlata | a semu pak hlava s'ata | on sě ješče živ obracie | a sen juž mra krvú vracie | (Alexandreida, s. 134–135)⁴⁸. Союзы *a, i* в старочешских текстах регулярно используются как структурные элементы диффузного сложного предложения. Исследователи относят возникновение чешского сложного предложения еще к праславянской эпохе и отмечают достаточно высокий уровень его развития уже в ранних старочешских памятниках XIII–XIV вв., во многом под влиянием развитого литературного языка – латыни [10: 342–343, 376, 424].

Что касается древнерусского синтаксиса, то именно синкретичные конструкции *ЦНП* были достоянием живой речи в древнерусском языке XI–XIV вв. эпохи *номинализма* [5: 450] и стали *исходными* структурами для важнейшей закономерности ИС – развития сложносочиненных и сложноподчиненных предложений [5: 401, 448–450]. Не случайно проф. В.В. Колесов очень ярко, образно характеризовал синтаксические структуры *ЦНП* с точки зрения древнерусской ментальности, которая «во многих отношениях <...> была выше и чище, чем на Западе, хотя бы потому, что славяне приняли христианство на несколько столетий позже других народов. Очищающая сила язычества ещё сильно влияла на нравственные установления того времени» [4: 24].

С отчетливо выраженной позицией древнерусской ментальности подходил ученый и к проблеме сущности предложения-высказывания (формулы речи) как форме организации и выражения древнерусской мысли. Несомненно, основная коммуникативная единица в исходной синтаксической системе древнерусского языка была нетождественной «предложению» в современном понимании соответствующего термина. Дело в том, что сама оформленность основной синтаксической единицы древнерусского языка XII–XIV вв. была иной, чем в современном

⁴⁸ В качестве источника старочешских текстов использовалось издание: *Výbor z české literatury od ročátku po dobu Husovu*. Praha, 1957. S. 113–149, 152–180.

русском языке. Грамматическая структура древнерусского простого предложения-высказывания (сокращенно: ППВ) отличалась, во-первых, значительной «простотой» (неосложненностью), во-вторых, лаконичностью, малой протяженностью (в основном это высказывания, состоящие из двух-трех-четырёх-пяти грамматических элементов). В-третьих, грамматическая структура древнерусского ППВ характеризовалась компактностью, семантической емкостью, что было нередко обусловлено другой существенной особенностью его грамматической структуры – синтаксическим синкретизмом, а синкретизм синтаксических отношений отражает общий синкретизм нерасчлененной мысли. Поэтому в исходной синтаксической системе древнерусского языка «предложение создавалось в мысли «присоединительным усилием»: насколько хватит впечатлений и сил, столько и соединяй. Это присоединение, а не сочинение и уж тем более не подчинение одной мысли – другой» [4: 439].

Древнерусское предложение – в плане формально-грамматическом – понималось как «общая цельность высказывания, определенная интонацией периода и ограниченная единственным знаком – точкой» [5: 394]. Однако такое понимание предложения не раскрывает его внутренней сущности. В.В. Колесов – *впервые* в исторической русистике – подходит к вопросу о сущности основной синтаксической единицы древнерусского языка-речи в *структурно-семантическом* плане. Сущность древнерусского простого предложения-высказывания, по мнению ученого, определяют три синтаксические категории («признака»): «Три признака предложения: предикативность, модальность и определенность – составляют основной характер каждого предложения» [5: 394]. Эти синтаксические категории и формируют грамматическую структуру древнерусского ППВ. Все три категории первоначально были, по-видимому, слиты в связи с синкретизмом синтаксиса.

Огромна заслуга проф. В.В. Колесова в том, что в своих работах он стремился понять и раскрыть внутренний характер синтаксических категорий, показать их специфику применительно к древнерусскому ППВ, представить их соотношение и динамику в развитии исторического синтаксиса (древнерусский язык – старорусский язык – русский язык).

Особо значимой для понимания сущности древнерусского ППВ и его грамматической организации является **категория предикативности**: «Предикативность создает предложение. *Идущий человек, ходьба человека* – ещё формулы, *человек идёт* – уже предложение» [5: 394]. В.В. Колесов вообще-то исходит из традиционного широкого понимания предикативности как отношения содержания предложения (мысли) к действительности, выражающего действие реальное–нереальное или достоверное–недостоверное [5: 394]. Однако в дальнейшем, в ходе раскрытия внутренней сути этой категории, ученый фактически приходит к «узкому пониманию предикативности как приписыванию бытийного признака предмету мысли, «бытийности»: «Общим признаком предложения является субъектно-предикатная структура, которая указывает на соотношение известного уже мысли и нового для неё знания, и обычно выражена подлежащим и сказуемым» [5: 394]; «любое синтаксическое целое на уровне исходной речевой формулы обязательно должно быть двоично – структурно, и непременно должно обладать скрытой предикативностью – семантически; предикативность создается включением глагола или отглагольных имен. Подобные формулы и создают сжатые пружины неразвёрнутых предложений» [7: 232]; «бытийность как основа русской ментальности удостоверяется и синтаксическими структурами языка» [7: 226].

С нашей точки зрения, предикативность – это «бытийность», сообщение о *бытии* (небытии) объекта мысли, приписывание бытийного признака объекту мысли, причем в качестве объекта может выступать

как грамматически независимый предмет, так и процесс-состояние. Бытийность связана «с длительностью, протяженностью и включенностью в процесс времени. Это тот самый признак, через который для нас, нашего сознания обнаруживается существование предмета <...>» [2: 34]. Именно такое понимание предикативности обеспечивает – в качестве одного из существенных признаков предложения – его организацию, определенное оформление ППВ. Предикативное значение предложения выражается прежде всего таким компонентом предложения, который обладает категориями наклонения, времени, лица и репрезентирует «само бытие» (П.С. Билярский). Носитель значения бытийности входит в грамматический центр предложения, в его предикативное ядро, которое может состоять из единственного компонента – монопредиката или представляет собой соединение двух членов предложения – подлежащего и сказуемого. В зависимости от характера предикативного центра и его распространенности простые предложения уже в древнерусском языке различались по своей структуре, и это разнообразие структурных типов простого предложения было одним из важнейших средств синтаксической организации речи.

Что касается динамики этой категории то в древнерусском языке, как было установлено В.В. Колесовым, «происходит **усиление предикативности**, и на этой основе выстраивается новая перспектива высказывания» [5: 394].

В качестве одного из важнейших признаков древнерусского ППВ В.В. Колесов рассматривает и **модальность**, под которой понимается отношение содержания высказывания к действительности, устанавливаемое автором данного высказывания. Примечательно, что подробная характеристика этой синтаксической категории в работах ученого насыщена тонким логико-семантическим анализом языковых средств создания типов модальностей в древнерусских текстах.

Действительно, категория модальности – сложная, многослойная категория предложения, объединяющая целый ряд значений: констатацию, достоверность, необходимость, возможность, желательность, долженствование, намерение, оценку со стороны автора речи и т.д. [5: 396]. По мнению В.В. Колесова, в средневековые существовали тонкие средства передачи модальности в тексте, которые определяли всю динамику жизни. Семантика категории модальности может выражаться языковыми средствами разных уровней: синтаксическими (структурные типы предложений, порядок слов и др.), морфологическими (глагольное наклонение, модальные слова, частицы), лексическими, интонационными. Ученый разграничивает «объективную модальность реальности» и субъективную модальность («модальности желательности, возможности и необходимости»), давая при этом разъяснение с философских позиций: синтаксическая модальность в древнерусском языке «дана в двух измерениях, свойственных древнерусским представлениям по сути: предметная модальность действительного мира постоянно соотносится с субъективно понимаемой «потенциальной» модальностью мира идеально мыслимого. В обоих случаях явлено трехчастное соотношение желательного, возможного и необходимого; модальность существует как в трёхмерном пространстве действительного, так и в трипостасном единстве идеального. Воля и мощь подпитывают друг друга, образуя нерасторжимую цельность природных и сверхприродных сил [5: 395].

Общее развитие модальности, с точки зрения В.В. Колесова, «состоит в повышении степеней обобщения, это – восхождение от «воли» и «мощи», и мощь подавляет личную волю» [5: 396]. Модальность связана с индивидуальным действием, поэтому вступает в исторический процесс довольно поздно и стала участвовать в создании предложений с начала XV века. Вместе с тем, модальность проявлялась в каждый исторический момент. Как отмечает В.В. Колесов, «некоторые

исследователи полагают, что исторически происходила смена модальностей бытия, в которых осуществлял свою деятельность средневековый человек: из реальной модальности *быть* в последовательность *хочу* → *могу* → *должен*» [5: 397].

Специфичной для древнерусского языка была категория **определенности**. По мнению В.В. Колесова, определенность – «признак согласования всех частей речи в их последовательности в тексте и в их соответствии действительному положению вещей. Эта особенность предложения создавала равномерные ряды высказываний, уложенных в аккуратные цепочки слов <...> Такие конструкции ещё не предложения, а механический набор формул, объединенных **определенностью ситуации**» (выделено В.В. Колесовым) [5: 397]. Таким образом, древнерусский язык представлял «скольжение определенности в тексте путем последовательного расширения высказывания <...>. Каждое последующее слово уточняет сказанное, доводя высказывание до известной степени определенности, которая достигается употреблением необычных форм» [5: 397]. Однако достижение полной определенности стало возможным только в Новое время, когда категория определенности ушла из языка как грамматическая в связи с развитием категории вида и лексических средств выражения [5: 397].

Итак, можно заключить, что своими глубокими, оригинальными исследованиями профессор В.В. Колесов внес огромный вклад в разработку древнерусского синтаксиса. Научная деятельность ученого – это пример **новаторского** подхода к решению многих проблем исторического синтаксиса русского языка. В исследованиях В.В. Колесова по древнерусскому синтаксису ярко проявляются глубокое видение проблем и оригинальность, «преимущественный интерес к **смыслу**, а не форме, **развитию/процессам**, а не модели, **динамике**, а не описанию фактов» [8: 302]. Проф. В.В. Колесов интуитивно чувствовал и прекрасно осознавал с *ментальной* точки зрения

уникальные национальные структуры древнерусского синтаксиса и их объективную динамику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М.: АН СССР, 1963, 512 с.
2. Головин Б.Н. Основы теории синтаксиса современного русского языка. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 1994. 172 с.
3. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение / Под ред. В.И. Борковского. М.: Наука, 1978. 447 с.
4. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове: в 5 кн. Кн. 4: Мудрость слова. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011. 480 с.
5. Колесов В.В. Историческая грамматика русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / В.В. Колесов. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. 512 с.
6. Колесов В.В. Становление идеи развития в русском языкознании первой половины XIX в. // Понимание историзма и развития в языкознании первой половины XIX века / Отв. ред. А.В. Десницкая. Лен-д: Наука, Ленинградское отделение, 1984. С. 163–199.
7. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2004. 240 с.
8. Пименова М.Вас. Русский язык и концептуальные формы ментальности в трудах Владимира Викторовича Колесова // Время языка. Сборник статей памяти профессора В.В. Колесова / ред. Аверина С.А., Попов М.Б. и др. СПб.: Златоуст, 2021. С. 302–318.
9. Стеценко А.Н. Исторический синтаксис русского языка. Изд. 2-е. М.: Высшая школа, 1977. 352 с.
10. Lamprecht A., Šlosar D., Bauer J. Historická mluvnice češtiny. Praha: SPN, 1986. S. 342–343, 376, 424.

СЕМЕНОВА Галина Петровна (*Санкт-Петербург, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент

Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ

spb.gsem@mail.ru

О РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ, ПРОСТОРЕЧИИ И КЛАССИФИКАЦИИ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЕЙ

Аннотация. В статье рассматриваются сложившиеся в отечественной лингвистике подходы к толкованию понятий *разговорная речь*, *разговорная лексика*, *разговорный стиль литературного языка*, *просторечие* и их отражению в словарных пометах. На основе анализа специальной литературы, словарей русского языка и разговорной русской речи, а также речевой практики представителей разных слоёв большого города предпринимается попытка обосновать гипотезу о корректировке существующей классификации функциональных стилей и введении в неё наряду с литературными стилями также нелитературного – субстандартного функционального стиля.

Ключевые слова: русский язык, стилистика, лексикография, разговорная речь, разговорная и просторечная лексика, классификация функциональных стилей.

Abstract. The article examines the approaches that have developed in our country' linguistics to the interpretation of the concepts of *colloquial speech*, *colloquial vocabulary*, *colloquial style of a literary language*, *popular language* and their reflection in dictionary notes. Based on the analysis of specialized literature, dictionaries of the Russian language and colloquial Russian speech, as well as the speech practice of representatives of different strata of the big city, the article attempts to substantiate the hypothesis of adjusting the existing classification of functional styles and introducing into it, along with literary styles, also a non-literary – substandard functional style.

Keywords: Russian language, stylistics, lexicography, colloquial speech, colloquial and common vocabulary, classification of functional styles.

«Язык и время – ответственное сочетание»
(В. В. Колесов)

В небольшой статье невозможно перечислить всех отечественных исследователей русского языка, занимавшихся изучением просторечия, проблемами дифференциации и словарной квалификации разговорной и просторечной лексики, толкованием терминов *разговорная речь* и *разговорная лексика*, *разговорное* и *просторечное*, *функциональный стиль*. Это и представители старшего поколения (Ю. А. Бельчиков, В. В. Виноградов, Т. Г. Винокур, Е. А. Земская, В. В. Колесов, В. Г. Костомаров, Л. П. Крысин, В. В. Одинцов, О. Б. Сиротинина, Л. И. Скворцов, Г. Н. Складневская, Ф. П. Филин, В. В. Химик, Д. Н. Шмелёв, Л. В. Щерба и др.), и более молодые учёные (Е. Э. Базаров, К. С. Кочергина, Л. В. Кудрина, А. С. Кулева, А. Р. Пестова, Е. В. Пурицкая, Е. В. Титова, А. Э. Цумарев, В. Н. Шапошников, Л. Л. Шестакова и др.).

На исходе первой четверти XXI в., по-видимому, уже можно – без опасения впасть в преувеличение – констатировать, что русская публичная и быденная речь в целом преодолела болезнь «языковой расхлябанности» [6] 90-х годов, следы которой сохраняются в основном в маргинальных слоях общества, а также на отдельных площадках интернета и телевидения. Однако демократизация, жаргонизация и варваризация русской речи в «лихие девяностые» не могла не сказаться

на общественном восприятии сниженных языковых единиц, сделав «языковой вкус» эпохи менее взыскательным.

Как заметил Д. Н. Шмелев, «частое употребление стилистически окрашенных слов приводит к тому, что их стилистическая окраска перестаёт ощущаться говорящими и слушающими» [21: 243]. Анализ речевой практики большого города показывает, что часть слов, прежде признававшихся просторечными, но получивших широкое хождение в современной речи, уже не воспринимается в качестве сниженной даже в наиболее образованных и культурных слоях социума, что нашло отражение и в новейших словарях, фиксирующих переход целого ряда просторечных слов в разряд разговорной лексики. В 1–2 тт. «Толкового словаря русского языка» под ред. Л.П. Крысина (2016) выявлено около 270 слов и фразеологизмов, изменивших свой стилистический статус, который в «Словаре русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой (1981–1984) обозначался пометой Прост. [12: 186].

Динамика происходящих в России общественных, культурных и языковых процессов потребовала на новом этапе развития русского языка уточнения представлений о классификации функциональных стилей русского языка, о том, что такое в современном понимании *разговорная речь* и *разговорный стиль*, *разговорная лексика* и *просторечие* и какие особенности в их функционирование внесло время.

Использование одного и того же прилагательного для разных терминологических названий могло бы сообщить всем терминам группы чёткость и однозначность, если бы в указанных словосочетаниях это прилагательное имело одинаковый смысл, а т. к. этого нет, то все указанные термины в той или иной степени оказываются диффузными и потому каждый является дискуссионным.

Понимание *разговорной речи* как разновидности литературного языка [8: 43; 19] по аналогии с относимыми к литературному языку

разговорной лексикой и разговорным функциональным стилем, очевидно, устарело, хотя некоторые лингвисты по-прежнему связывают её с этой разновидностью национального языка. Большее распространение в науке получило двойное толкование: одни учёные подразделяют разговорную речь на обиходно-бытовую и «литературное просторечие» [1: 538]; другие – на речь, использующую любые экспрессивные средства и речь, в целом не выходящую за рамки литературного языка [18: 279].

Помимо разного толкования термина в разное время делались и продолжают делаться попытки найти более точное обозначение для современного понимания того, что такое разговорная речь: *городской тип обычной речи, общий жаргон, общий сленг*. Предложение ввести новый термин – *повседневная городская речь* – Л. П. Крысин объясняет тем, что употребляемая в повседневной речи «разношёрстная» лексика «не укладывается в термины *разговорная речь* и *устно-разговорная разновидность литературного языка*» [7: 42].

Однако, во-первых, разношёрстную лексику повседневной городской речи невозможно уложить в термин *разговорная речь* только в одном случае: если толкование этого термина связывать исключительно с литературной разновидностью национального языка. Но именно потому, что в разговорной речи может использоваться лексика разного происхождения и разных стилистических пластов, Л. В. Щерба называл разговорную её кузницей, в которой куются все изменения языка [22:116]. Во-вторых, понятие *повседневная речь* равнозначно принятой в лингвистике характеристике разговорной речи как *обиходной* и *обыденной* и потому ничего принципиально нового по сравнению с ними не вносит. Кроме того, по мнению некоторых лексикологов, новый термин «не имеет определённых дефинитивных и системных характеристик и не встраивается в существующую лингвистическую терминосистему» [16: 66].

Толкование термина *просторечие* как одной из составляющих нелитературной разновидности национального языка в современной науке вызывает ещё больше вопросов. Этот термин упоминался уже в Полной грамматике (1831) А. Х. Востокова: «*Промежду*, и сокращенно *промеж*, означает то же, что *между* и *меж*, но употребляется только в просторечии» [3:154].

Согласно широкому взгляду просторечие – это стихия народно-разговорного языка, согласно узкому – его элементы, используемые лишь в специальных стилистических целях и потому называемые литературным просторечием. Этот термин, введённый Ю. С. Сорокиным, конечно, условен: во всяком случае, утверждение, что литературное просторечие «входит в состав литературного языка, будучи свойственно речи образованных людей» [17; 20], не представляется точным, т. к. употребление сниженной лексики образованными людьми далеко не всегда делает её литературной. Не менее условен и предложенный вместо термина *литературное просторечие* термин *интеллигентское просторечие* [10: 188]. В обыденной речи интеллигентных друзей, особенно мужчин, в непринуждённом общении могут употребляться, в том числе и такие слова, которые частотны в маргинальной среде.

В иной терминологии просторечие делится на социальное и функционально-стилистическое, естественное и экспрессивное, «старое» («ядро») и «новое» («молодое»), просторечие-1 и просторечие-2. Согласно Ф. П. Филину просторечие-1 – это просторечие недостаточно грамотных, а просторечие-2 есть просторечие литературное [17: 274]. Л. П. Крысин уточнил слагаемые и тем самым историческую судьбу этих разновидностей городского просторечия, отметив уход в прошлое просторечия-1, связанного с диалектами, и распространение просторечия-2, источником которого в основном являются молодёжные и профессиональные жаргоны.

Впрочем, некоторые авторы отрицают существование сколько-нибудь чётких границ между просторечием-1 и просторечием-2, отмечая, что в небольших городах России диалектно-просторечные элементы и сегодня присутствуют даже в молодёжной речи. В сельской местности они встречаются, конечно, чаще. В псковской деревне нас могут пригласить вечером на *сúпратку*, а потом проводят до *повёртки* на большую дорогу.

Но сельская молодёжь, которая едет в города за получением дополнительного образования и современных профессий, благодаря современным средствам массовой информации, уже говорит не на диалектах, а на общепринятом русском языке. Недостаточно грамотная часть этой молодёжи, попадая в аналогичную среду в городе, усваивает элементы социальной и профессиональной жаргонной речи, пополняя ряды носителей городского просторечия, представляющего собой «конгломерат из общеупотребительной части социальных и профессиональных подъязыков, из элементов деревенских говоров, из иноязычных заимствований и традиционных мещанизмов, вульгаризмов, а также обценной лексики» [19: 10]. Поэтому Л. П. Крысин в выводе о сокращении диалектной базы как источника просторечия, безусловно, прав.

Сегодня нет необходимости, как этого хотел А. И. Солженицын, составивший «Русский словарь языкового расширения», возвращать в активное употребление ушедшие диалектные слова, пусть даже «ещё вполне гибкие, таящие в себе богатое движение». Ведь и сам писатель, по собственному признанию, смог уместно использовать в своих произведениях лишь 500 лексических единиц из собранного списка [14: 22].

В наше время – иное, чем время персонажей Михаила Зощенко или Василия Шукшина – ошибки в устной речи всё реже имеют социальную основу. Обычно они бывают вызваны или субъективными

причинами, в частности, отсутствием интереса к знаниям или объективными недостатками образования в стране после присоединения к Болонской системе, или не менее объективными трудностями русского языка и активностью некоторых языковых процессов. Напр., частотные колебания в акцентуации глаголов на *-уровать*, причастий и прилагательных на *-урованный*, существительных на *-ия* и *-ение* и др. во многом объясняются общими тенденциями развития русского ударения и действием закона аналогии.

В подобных случаях особенно трудно провести границу между разговорностью и просторечием, но, думается, что здесь словарная помета Разг. была бы удачнее, чем Прост. или Разг. Сниз. Возможно также, что и некоторые другие типы ошибок целесообразнее снабжать в словарях не этими пометами, а ограничительно-запретительными словарными маркерами: Не рек., Неправ.

Конечно, выведение из состава просторечия разного рода языковых *неправильностей*, потерявших социальную основу, способствовало бы устранению неизменно отмечаемой лингвистами неоднородности русского просторечия, но это противоречило бы реальному восприятию современниками многих из таких форм как стилистически значительно сниженных по сравнению с литературным нейтральным и даже разговорным употреблением.

В разные годы в лингвистике предлагались различные варианты термина *просторечие*: среди них – воспринятый некоторыми как недифференцированная характеристика лексики [20] и тем не менее получивший распространение в специальной литературе термин *разговорно-просторечное* (О. С. Ахманова; Л. П. Катлинская; Г. Н. Складарская, И. Н. Шмелёва).

Терминологическая зыбкость, а также неоднородность просторечия, с одной стороны, включающего неправильные формы словоупотребления, с другой, экспрессивные единицы языка, кроме

того, нечёткость и подвижность границ между разговорной и просторечной лексикой, сложность их дифференциации, как и – может быть, это было главным – представление об исчерпанности времени, отведённого историей языка и науки термину *просторечие*, привели некоторых лексикографов к отказу от использования такой словарной пометы. В «Словаре русского языка XXI века» под ред. Г. Н. Складневской слова низкой социальной значимости и низкой семантики маркируются уже не как просторечные, а как *разговорные сниженные* с дополнительной эмоционально-оценочной характеристикой.

Это, несомненно, интересный подход, имеющий веские основания, хотя есть в нём и некая двойственность, т. к. по шкале стилистической нормативности литературная разговорная лексика тоже является сниженной по сравнению с лексикой нейтральной. Противоречие, возникшее между специальной литературой, по-прежнему активно использующей термин *просторечие*, и словарной практикой, из которой данный термин начинает изгоняться, свидетельствует о разном отношении лингвистического сообщества не только к термину *просторечие*, но и к самому явлению. Такое противоречие так или иначе может разрешить, по-видимому, только время.

Другое дело, что указанная тенденция уже сегодня ставит на повестку вопросы: что такое в современном понимании разговорная лексика и что такое разговорный функциональный стиль.

Разговорная лексика традиционно считается частью литературного языка и именно в таком смысле всегда сопровождалась в отечественных словарях пометой Разг. В наше время возникает противоречие между таким пониманием термина *разговорная лексика* и широким – термина *разговорная речь*. Если разговорная речь соотносится с обеими разновидностями национального языка – литературной и нелитературной, значит необходимо признать, что и

разговорные слова бывают не только литературные. Это сделало бы все термины, в состав которых входит это «опасное» прилагательное *разговорное*, менее противоречивыми, более чёткими и понятными: если в целом признано, что разговорная речь подразделяется на литературную и нелитературную, то и разговорная лексика должна иметь такие же разновидности, что и нашло отражение в некоторых словарях, использующих наряду с пометой Разг. также помет Разг-прост. и Разг. Сниз.

Но одновременно такой подход делает диффузным до сих пор вполне однозначный термин – ***разговорный функциональный стиль***, традиционно соотносимый с литературным языком и лишь дозированно допускающий использование просторечных и жаргонных слов в ситуативно и адресно оправданных коммуникативных и стилистических целях. Главные требования здесь: мера, уместность и целесообразность. Значит, для достижения целостности и непротиворечивости всего блока терминов, включающих определение *разговорный*, оно во всех случаях должно иметь двойное толкование: разговорный литературный и разговорный нелитературный, что в свою очередь требует внесения некоторых изменений уже в самую ***классификацию функциональных стилей*** русского языка.

Идея построения классификации стилей по функциональному принципу, предложенная В. В. Виноградовым (обиходно-бытовой стиль для общения; обиходно-деловой, официально-документальный и научный для сообщения; публицистический и художественно-беллетристический для воздействия), до сих пор подвергается критике в лингвистической литературе. В качестве доводов, как правило, приводятся трудности дифференцирования указанных функций и наличие у нескольких стилей одной функции.

Однако в часто цитируемой статье В. В. Виногорова «Задачи стилистики» (1963) нет абсолютизации функционального способа

классификации стилей русского литературного языка. Первое, на что обращал внимание этот выдающийся учёный, как раз то, что дифференциация языковых стилей «может и не опираться на различия функций языка». Второе: она может осуществляться «на основе структурных или конструктивных противопоставлений и соотношений между частными системами выражения внутри единой структуры языка». Третье: слово *функциональный* имеет двойной смысл, указывающий и на связь стилей с разными функциями языка, и на функциональное разграничение сфер употребления этих стилей. Четвёртое: структурные особенности языковых стилей, их состав различны в разные эпохи [2]. Это была развёрнутая программа дальнейших исследований, намечены пути, по которым до сих пор идут современные отечественные исследователи русского языка.

М. Н. Кожина и Н. М. Шанский обосновали дифференциацию стилей по сферам функционирования языка, что отнюдь не противоречит их делению по функциям. Оба подхода коррелируют друг с другом, ибо как нет сферы функционирования без функции, так и функции без сферы применения. Но и против этого способа были выдвинуты замечания: на этот раз – неодинаковое количество сфер и стилей, а также наличие подстилей и жанров. Однако подстили и жанры являются неотъемлемыми составляющими и одновременно признаками любого функционального стиля.

В. В. Одинцов обосновал дифференциацию стилей в соответствии со структурой текстов, а именно с двумя типами изложения: научно-деловым, или информационно-логическим и беллетризованным, или экспрессивным [11: 78]. И хотя такой подход в специальной литературе был охарактеризован как «самый корректный» с научной точки зрения, он, к сожалению, допускает уход подстилей от «материнских» основ в «самостоятельное плавание», а это при неизбежной внутренней связи между ними нарушает традиционные принципы структурирования

классификаций, в которых более общее должно подразделяться на частное, а не чередоваться с ним.

Различные направления стилистики – функциональной, практической, стилистики ресурсов, текста, художественной речи – лишь части большого общего исследования русского языка и русской речи, связанные между собой бесчисленными нитями. В целом до конца XX века сложилось деление русского литературного языка на разговорный функциональный стиль и три книжных: официально-деловой, научный, публицистический. Некоторые лингвисты выделяют ещё и художественный стиль. Но когда в конце XX века – в силу происходивших в стране общественно-политических и культурных перемен – устная форма языка «стала столь же авторитетной и важной, как и письменная» [5], интерес к классификации функциональных стилей русского языка возобновился, и появились предложения о включении в неё новых стилей: религиозного, технического, медицинского, языка СМИ, языка рекламы и т. д.

Г. Н. Складарская делает вывод: никакой *системы* стилей в русском языке нет, ссылаясь на то, что понятие системы не согласуется с неустойчивостью и неопределённостью количества и набора функциональных стилей [15: 14, 16]. Хотелось бы, однако, возразить: то, что какая-то система в новый временной отрезок потребовала уточнений и совершенствования, ещё не говорит о том, что её нет – ведь идеальная система, как и абсолютная истина, в принципе недостижима. Что касается системы функциональных стилей русского литературного языка, то перемены в стране, в той или иной степени затронувшие, в том числе, практически каждый функциональный стиль, не разрушили саму систему стилей, разработанную отечественными лингвистами в XX веке.

Как правило, предложения о включении новых функциональных стилей в известную классификацию имеют спорный характер, п. ч. так или иначе все они вписываются в существующую систему, хотя и

расширяют наше представление о каждом стиле новыми, призванными временем особенностями.

Так, жанры религиозной проповеди, обращений Патриарха Русской Православной церкви к верующим по случаю религиозных праздников, его интервью по разным общественно значимым поводам при всём их языковом и риторическом своеобразии вполне вписываются в публицистический стиль [13] и потому, наверное, не требуют особого выделения, как это предлагают некоторые авторы [9]. Языки всех сфер коммуникации достойны изучения, но это не значит, что каждый из них должен получить статус нового стиля. Язык современных СМИ и язык рекламы тоже вписываются в тот же публицистический стиль, а язык медицины и техники – в научный. Если пойти по другому пути, то при взрыве интереса, напр., к биологии пришлось бы пополнять классификацию стилей ещё и биологическим вариантом.

Иные перспективы в этом смысле появились у нелитературной разновидности национального языка – просторечий, диалектов и жаргонов, – которые по понятным причинам всегда оставались вне классификации литературных функциональных стилей. В. В. Химик в своей книге «Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен» (2000) взглянул на городское просторечие не только как на систему, но и как на «особый стилистический регистр общения» – «обиходного, устно-разговорного, нелитературного, по преимуществу экспрессивного и часто вульгарного» [19: 10, 192, 200].

В продолжение выводов, сделанных в указанной книге, а главное, в соответствии с объективными процессами, происходящими в современной русской речи и современном русском языке, в том числе внутри нелитературной разновидности национального языка и в её разнообразном взаимодействии с литературным языком – в порядке гипотезы – в данной статье делается попытка обосновать новую редакцию существующей классификации функциональных стилей

русского языка, в которую до сих пор входили лишь литературные стили. Представляется целесообразным «вести отсчёт» от национального языка в целом, а не только от его литературной разновидности и включить в новую систему наряду с литературными стилями также *субстандартный функциональный стиль*, в который, помимо просторечия, на правах подстилей могут войти и другие нелитературные разновидности русского языка.

Показателем языковой ситуации в России 90-х гг. В. В. Колесов считал функциональное столкновение литературного языка с разговорным, переход «разговорной речи на уровень (устной) формы литературного языка», а просторечия, или городского типа обычной речи на уровень разговорной речи [5]. Анализ языковой ситуации в конце первой четверти XXI в. позволяет говорить о возвращении многих ценностных ориентиров общества, включая и представление о культуре речи, в целом «на круги своя», пусть и с новыми особенностями. Поэтому в качестве обоснования выдвинутой гипотезы предлагаются другие аргументы.

Во-первых, в результате сокращения социальной базы просторечия неправильностей, связанного с диалектами, и значительного расширения базы просторечия, источником которого во многом являются молодёжные и профессиональные жаргоны, городское просторечие в настоящее время представляет собой более *цельное языковое* явление. То же можно сказать и о жаргонах: наряду с довольно консервативной лексикой арго бурно развивающиеся, но использующие во многом схожие способы словообразования молодёжные и профессиональные жаргоны при всём их своеобразии представляют собой достаточно чётко очерченный пласт лексики.

Во-вторых, не только у литературных стилей, но и у современного просторечия, и у жаргонов, есть *функции*. У функционально-стилистического просторечия В. В. Химик выделяет четыре:

эксплетивную, номинативную, конативную и эмотивную. Роль первой – в заполнении речевых пауз, второй – в обновлении существующих номинаций, третьей – в экспрессивном воздействии на адресата, четвёртой – в формировании эмоции [19: 3, 207]. К этому можно добавить также функцию – нередко в речевой коммуникации главную – идентификации со слушателями по принципу «свой – чужой». Функции молодёжных и профессиональных жаргонов, отчасти совпадающие с указанными, в то же время обладают ярким своеобразием: здесь целью является не столько обновление номинаций, напр., терминов, сколько их упрощение или шуточное языковое обыгрывание.

В-третьих, современное просторечие уже не может быть представлено как «не имеющая системного характера совокупность особенностей речи лиц, не вполне владеющих нормами литературного языка» [4]. Очевидно, что в наше время фактор недостаточной грамотности как источник просторечия уходит на второй план, во-первых, из-за уменьшения роли диалектов, а во-вторых, п. ч. многие речевые ошибки ошибками и остаются, не становясь просторечием. Напротив, в просторечии и жаргонах преобладающими становятся такие факторы, как экспрессивизация речи и языковая игра, и в этом смысле особенности нелитературных разновидностей национального языка приобретают системный характер.

В-четвёртых, сегодня трудно согласиться с тем, что современное просторечие «монотонно» и не имеет «стилистических градаций и оценок» [4: 10]: функционально-стилистическое просторечие, несомненно, различается не только по степени употребительности в разных жанрах публичной речи и в ситуациях неофициальной коммуникации, но и по степени выразительности, по стилистическим, экспрессивно-оценочным оттенкам, а также по степени нелитературности [20]. Это можно сказать и о жаргонах.

Наконец, при оценке просторечия как языкового феномена не должны уходить из поля зрения *значение и роль* сниженной лексики в устном народном творчестве – в создании сказок и частушек, пословиц, поговорок, анекдотов и др., а также в создании речевых характеристик героев русской литературы.

В новом варианте классификации функциональных стилей русского языка разговорный стиль становится пограничным между литературными и нелитературными стилями, и это соответствует как его объективному месту в системе русского языка и в современной русской речи, так и общему двоякому – в широком и узком смысле – толкованию всех терминов, включающих понятие *разговорное*: разговорная речь, разговорная лексика, разговорный функциональный стиль. В таком виде классификация функциональных стилей русского языка представляется более логичной, гармоничной и точной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бельчиков Ю. А. Разговорная лексика // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник / Под общим руководством Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. 3-е изд. стер. М.: Флинта, 2011, 840 с.
2. Виноградов В. В. Задачи стилистики // Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во АН СССР, 1963 с. 5 – 93.
3. Востоков, А. Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной Грамматики полнее изложенная. СПб: тип. И. Глазунова, 1831. 408 с.
4. Городское просторечие: проблемы изучения. Сборник статей / Акад. Наук СССР, Ин-т рус. языка / Отв. ред. Е. А. Земская и Д. Н. Шмелёв. М.: Наука, 1984. 186 с.
5. Колесов В. В. Жизнь происходит от слова. СПб: Златоуст, 1999.
6. Костомаров В. Г. Язык текущего момента: понятие правильности. СПб: Златоуст, 2015.
7. Крысин Л. П. Повседневная городская речь и разговорная речь: сходства и различия. // Повседневная речь как объект лексикографии (Тринадцатые Шмелёвские чтения). Тезисы докладов международной конференции (23–25 февраля 2020 г.) / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2020. С. 41–43.
8. Крысин Л. П. Формы существования (подсистемы) русского национального языка // Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация / Отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2003. 570 с.
9. Купина Н. А., Матвеева Т. В. Стилистика современного русского языка: учебник для бакалавров. Уральский федеральный ун-т имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Москва: Юрайт, 2013. 415 с.

10. Лейчик В. М. Изменение стилистической системы в современном русском языке // Язык и мы. Мы и язык. Сб. статей памяти Б. С. Шварцкопфа / Отв. ред. Р. И. Розина. М., 2006. 546 с. 11. Одинцов В. В. Стилистика текста. М.: Наука, 1980. 264 с.
11. Пестова А. Р. Стилистические процессы в лексике и их отражение в словарях (на примере пометы Прост. в академических толковых словарях) // Семантика и прагматика языковых единиц. Материалы межд. научной конференции (20 – 22 сентября 2019 г.). Калуга: Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, 2019. С. 183–195.
12. Семенова Г. П. «Чтобы слова не утекали как вода...» О языке произведений А. Солженицына // Русская речь. М.: Наука. 1996. № 3 (май–июнь). С. 19–28.
13. Семенова Г. П. Интервью патриарха как жанр духовной публицистики // Актуальные вопросы изучения духовной культуры: XIV Кирилло-Мефодиевские чтения. Институт русского языка им. А. С. Пушкина / Ред. кол: Ю. Е. Прохоров и др. Москва; Ярославль: Ремлер, 2013. С. 132–137.
14. Складаревская Г. Н. Система, норма и узус в стилистике // Мир русского слова, 2020. № 2.
15. Складаревская Г. Н. Словарь русского языка XXI века как потенциальный источник словаря русской разговорной (повседневной?) речи // Повседневная речь как объект лексикографии (Тринадцатые Шмелёвские чтения) / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2020. С. 66–67.
16. Филин Ф. П. Просторечный язык // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ф. П. Филин. М., 1979. С. 273–275.
17. Химик В. В. Русская разговорная речь и лексикография: проблемы и решения // Русский язык: исторические судьбы и современность. Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. М.: изд. МГУ, 2014. С. 279–280.
18. Химик В. В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб: изд. Филологического факультета СПбГУ, 2000. 272 с.
19. Шапошников В. Н. Просторечие в системе русского языка на современном этапе. М.: изд. КД Либроком, 2012. 173 с.
20. Шмелев Д. Н. Стилистические изменения в лексике // Избранные труды по русскому языку. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 238–268.
21. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. 188 с.

СИРОТА Елена Владимировна (*Бельцы, Молдова*)

кандидат филологических наук, доцент

Бельцкий государственный университет имени Алеку Руссо

sirotaelena@mail.ru

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОНЦЕПТОВ «БЕЗУМИЕ» И «СУМАСШЕСТВИЕ» В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ

Аннотация. В статье рассматривается сопоставление концептов «безумие» и «сумасшествие» в русской языковой картине мира. Выбор темы обусловлен тем, что в лингвистической литературе по когнитивистике и лингвокультурологии данные концепты не дифференцируются, более того наблюдается круг в дефинициях. Указанное явление позволило детально проанализировать лексикографический материал и рассмотреть исследуемые лексемы в диахронном и синхронном планах,

установить их парадигматические, синтагматические связи и деривационные отношения. Посредством компонентного анализа определяются семемный и семный составы, выявляются дифференциальные и интегральные семемы данных лексем, устанавливаются точки несовпадения и пересечения их лексико-семантических вариантов. С помощью методов полевого структурирования создаются номинативные поля исследуемых концептов: лексические и фразеосемантические – на базе релевантных признаков. В ходе исследования констатируются многогранность и интердисциплинарность данных понятий, отмечены пересекающиеся зоны концептов, указывающие на факт их подвижности и взаимопроницаемости. В статье разграничиваются лексические и фразеосемантические поля, делается вывод о том, что фразеосемантические поля репрезентируют периферию концептов в силу меньшей конкретности номинации объектов реальности, большей степенью оценочности и стилистической маркированности. Библиогр. 9 назв.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концепт, ментальность, семема, полевая структура, безумие, сумасшествие.

Abstract. The article examines the comparison of the concepts “madness” and “craziness” in the Russian linguistic picture of the world. The choice of topic is due to the fact that in the linguistic literature on cognitive science and cultural linguistics these concepts are not differentiated; moreover, a circle in definitions is observed. This phenomenon made it possible to analyze the lexicographic material in detail and consider the studied lexemes in diachronic and synchronic terms, to establish their paradigmatic, syntagmatic connections and derivational relations. Through component analysis, sememe and seme compositions are determined, differential and integral sememes of given lexemes are identified, points of discrepancy and intersection of their lexical-semantic variants are established. Using field structuring methods, nominative fields of the studied concepts are created: lexical and phraseosemantic – based on relevant features. In the course of the study, the versatility and interdisciplinarity of these concepts are stated, overlapping areas of concepts are noted, indicating the fact of their mobility and interpermeability. The article distinguishes between lexical and phraseosemantic fields, and concludes that phraseosemantic fields represent the periphery of concepts due to the less specificity of the nomination of objects of reality, a greater degree of evaluativeness and stylistic marking. Refs 9.

Keywords: cognitive linguistics, concept, mentality, seme, field structure, madness, insanity.

ВВЕДЕНИЕ

Учитывая тот факт, что в настоящее время одной из важных проблем исследователей является проблема перцепции и познания окружающей действительности, и, следовательно, объективации процессов мышления в языке, произошла смена лингвистической парадигмы, ориентированной на человека, его восприятие и понимание мира, рассматриваемого сквозь интралингвистические и экстралингвистические явления. Это привело к тому, что термин

«концепт» достаточно частотно используется для вербализации активных ментальных явлений, относящихся к человеческой психике.

Актуальность данного исследования обусловлена двумя факторами: во-первых, неизученностью таких фрагментов русской языковой картины мира, как «безумие» и «сумасшествие» и тем, что в трудах лингвистов данные концепты недифференцированно смешиваются, а понятия объясняются одно через другое; во-вторых, сопоставительным характером изучения указанных концептов, который основывается на требовании междисциплинарности современной научной парадигмы и позволит разграничивать данные концепты с учетом их интегральных и дифференциальных признаков.

К ИСТОРИИ ВОПРОСА

Изучением когнитивных процессов в языке, а также сущности концепта занимались ученые, среди которых Д.С. Лихачев, Ю.Д. Апресян, В.В. Колесов, А. Вежбицкая, Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова, Е.С. Кубрякова, А.П. Бабушкин, З.Д. Попова и И.А. Стернин, В.И. Карасик и многие другие. Тем не менее, несмотря на многочисленность исследований, термин «концепт» трактуется неоднозначно, соответственно, нет его единой исчерпывающей дефиниции.

Отметим, что в научной обиход термин «концепт» был введен в XII в. П. Абеляром. Под концептом ученый понимал Смысл, позволяющий соединить звучащие слова с обозначаемыми ими вещами. Данное соединение материального и идеального проходило определенную обработку разумом. Именно поэтому Пьер Абеляр считал, что рассудок является частью концепта, объединяющей вещи в видовую систему, а затем – в родовую. Они и представляют собой работу разума человека, концепты [Новый философский словарь 2010]. Тем самым ученый наметил две базовые мыслительные операции: категоризацию и концептуализацию.

Исследователи акцентируют внимание на междисциплинарности понятия «концепт», который представляет собой «зонтиковый» элемент, способный отразить разные сферы деятельности человека. Указанные «зонтиковые» элементы обладают возможностью описывать фрагменты реальной действительности, сферами изучения которых является когнитивная лингвистика, философия, лингвокультурология.

Существует несколько подходов к интерпретации термина «концепт». В числе первых можно назвать лингвокогнитивный, заключающийся в трактовке концепта как мыслительных частиц, которые подвергаются различным процессам деятельности разума: объяснению единиц ментальности, отображаемых нашим сознанием, хранимых в памяти и интегрирующих ментальный тезаурус целостной картины мира. В рамках первого подхода концепт рассматривается как неотъемлемое свойство человеческого сознания, всеобщий компонент ментальной деятельности. К представителям данного подхода можно отнести Е.С. Кубрякову, З.Д. Попову, И.А. Стернина, В.В. Красных.

Суть второго подхода к трактовке концепта излагается в работах Ю.С. Степанова, В.Н. Телии, В.В. Колесова, В.А. Масловой, В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина и т.д. Данный подход можно назвать лингвокультурным, так как в его основе лежит понимание концепта как «включение» сгустка сознания в культуру. Затем происходит объективация его в различных средствах языка, в следствии этого «окультуриванное» сознание и приобретает материальную оболочку.

Третий подход заключается в понимании того, что основа концепта – это информация, которая получена различными способами перцепции. Этот подход называют психолингвистическим, потому что трансляция информации находится под контролем психики и обусловлена определенными закономерностями психики субъекта.

Следовательно, мы можем констатировать, что взаимосвязанность и взаимозависимость трех указанных направлений обладает возможностью порождения концепта, моделирование которого вносит вклад в раскрытие специфики национальной языковой картины мира. Разделяем концепцию исследователя В.В. Колесова, определяющего концепт как «исходную точку семантического наполнения слова и конечный предел развития» [Колесов 1992: 30]. Исследователь указывает на концепт как объективно существующую реалию: будучи невоспринимаемым зрением, в то же время он выступает как архетип, первосмысл.

В работе Л.И. Жуковской анализируются когнитивноориентированные и лингвокультурные интерпретации концепта и делается важное заключение: их объединяют интегральные понятийные признаки, взаимообуславливающие друг друга:

1) концепт выступает как мыслительное образование, представляющее элемент структуры сознания;

2) концепт – это идеальный мыслительный конструкт или содержание, имеющее свойство вербализации;

3) языковая объективация обуславливает возникновение соответствующей национальной особенности репрезентации концепта [Жуковская 2015: 31].

Наиболее частотно употребляемым понятием современных исследований является понятие «языковая картина (модель) мира». Ряд исследователей, таких, как: Апресян Ю.Д., Телия Н.В., Карасик В.И., Степанов Ю.С., Кубрякова Е.С., Шмелев А.Д. – занимаясь данной проблемой, способствовали глубокому научному обоснованию языковых картин мира разных этносов. Необходимо отметить, что в отдельных работах наблюдается несколько субъективная трактовка языковой картины мира, которая нуждается в определенной корректировке. «Некоторая расплывчатость термина, думается, отражает, с одной

стороны, его недолгую историю существования в гуманитарных науках, с другой – чрезвычайную феноменологическую сложность изучаемого объекта» [Гришаева, Попова 2003: 14]. Возникнув в рамках идей лингвофилософов XIX–XX вв., исследуемый термин стал базовым в современных работах по лингвокультурологии. Данное понятие является по-прежнему актуальным, оно входит в понятийно-терминологический аппарат терминосистем различных наук. Именно этот факт обуславливает существование индивидуальной трактовки термина «языковая картина мира».

В научных трудах выработано несколько способов анализа концепта. На наш взгляд, одной из наиболее удачных моделей комплексной методики структурирования концептов можно считать образец, предложенный учеными И.А. Стерниным и З.Д. Поповой [Попова, Стернин 2003: 60–64]. Указанная методика предполагает следование определенным шагам: лексикографический анализ, выявление парадигматических, синтагматических и деривационных отношений репрезентантов концепта, исследование структуры синтаксических моделей и возможных трансформаций лексем–номинантов концепта, выявление их функционирования в дискурсах различного типа.

Исследование концептов «безумие» и «сумасшествие» представляет большой интерес, поскольку их моделирование позволяет глубже понять сущность определенного фрагмента русской языковой картины мира.

ИНТЕГРАЛЬНЫЕ И ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ПОНЯТИЙ «БЕЗУМИЕ» И «СУМАСШЕСТВИЕ»

Антропоцентрическая парадигма предполагает рассмотрение фактов действительности комплексно, с учетом знаний различных наук. Как отмечают специалисты, до XX столетия словом «сумасшествие»

определяли различные психические расстройства, поведение индивида, которое выходило за рамки привычной нормы.

В ряде других работ по медицине термином «безумие» называют обобщенное название ментальных расстройств, ассоциируемых с психопатологией, характеризующихся искаженным восприятием реальности и болезненной психической деятельностью человека. Это понятие более широкое, чем психическая болезнь. Диагноз «безумие» ставится пациентам с поражениями головного мозга, различными видами психозов и расстройств.

В философских исследованиях безумие понимается как духовная (моральная, религиозная) категория, глубокое умственное расстройство.

Дифференциальными признаками *безумия* являются следующие:

- наличие разного рода отклонений от поведенческих норм, от типов рационального и адекватного поведения;
- эксцентричность (странность, сумасбродность, чудачество),
- необдуманные поступки, которые совершаются в состоянии ограниченной вменяемости,
- искаженное восприятие реальности,
- отрешенность от происходящих событий, сумасбродство,
- апатия.

Сумасшествие определяется следующим образом: потеря рассудка; психическое расстройство, умопомешательство; неистовство, исступление; неразумный, нелепый поступок; сумасбродство, безрассудство [Ушаков 2014: 662].

Дифференциальными признаками *сумасшествия* являются следующие:

- отклонения, вызванные нарушением деятельности мозга,
- затрудненность мышления,
- искаженное восприятие,

- помешательство, сопровождающееся повышенной возбудимостью, неоправданным восторгом, физической подвижностью, эйфорией,

- способность к физическому насилию,
- обусловленность другими заболеваниями,
- отсутствие контакта с кем-либо.

Сравнивая данные признаки, присущие семемам данных лексем выявляем:

ДП «безумие»	ДП «сумасшествие»	Полное совпадение +	Частичное пересечение +-	Несовпадение -
разного рода отклонения от рационального и целесообразного поведения	отклонения, вызванные нарушением деятельности мозга		+-	
затрудненность мышления	затрудненность мышления	+		
искаженное восприятие реальности	искаженное восприятие реальности	+		
апатия			+-	
	помешательство, сопровождающееся повышенной возбудимостью, неоправданным восторгом, физической подвижностью, эйфорией			-
эксцентричность (чужачество)				
	способность к физическому насилию			-
отрешенность от происходящих событий, сумасбродство				-
	обусловленность другими заболеваниями			-
	отсутствие контакта с кем-либо			-

Обобщая сделанные наблюдения, констатируем, что концепт «сумасшествие» обладает семантикой отклонения, вызванного нарушением деятельности мозга, и, соответственно, нарушения интеллектуального поведения. Сопоставляя с концептом «безумие»

концепт «сумасшествие», отмечаем более широкую семантику концепта «сумасшествие», его междисциплинарность и многогранность. К изучению данных концептов обращаются ученые-медики, психологи, философы и др. В работе О.П. Ермаковой «Концепт «безумие» с точки зрения языка» явление безумия рассматривается как репрезентант семантического поля «хаос» и как отклонение от нормы: «Безумие есть одно из проявлений хаоса, хаоса внутри человека» [Ермакова 2003: 108].

В исследовании В.А. Плунгян и Е.В. Рахилиной рассматривается образ сумасшествия и сопоставляется семантика прилагательных «безумный» и «сумасшедший». Ученые указывают на то, что необходимо принимать во внимание медицинскую трактовку образа, а также аспект, касающийся противопоставления «высокого» безумия «бытовому» сумасшествию, из чего следует, что именно лексема «сумасшедший» и производные от него имеют стилистически маркированную область употребления: неформальный диалог, крайнее удивление и фантастические галлюцинации [Плунгян, Рахилина 1993: 125].

Сопоставление приведенных дефиниций и дифференциальных признаков двух смежных понятий позволяет констатировать круг в трактовке лексем: безумие объективируется словом «сумасшествие» и наоборот. К интегральным признакам понятий отнесем: потеря рассудка; неадекватное поведение; затрудненность мышления.

МОДЕЛИРОВАНИЕ НОМИНАТИВНЫХ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ СОПОСТАВЛЯЕМЫХ КОНЦЕПТОВ

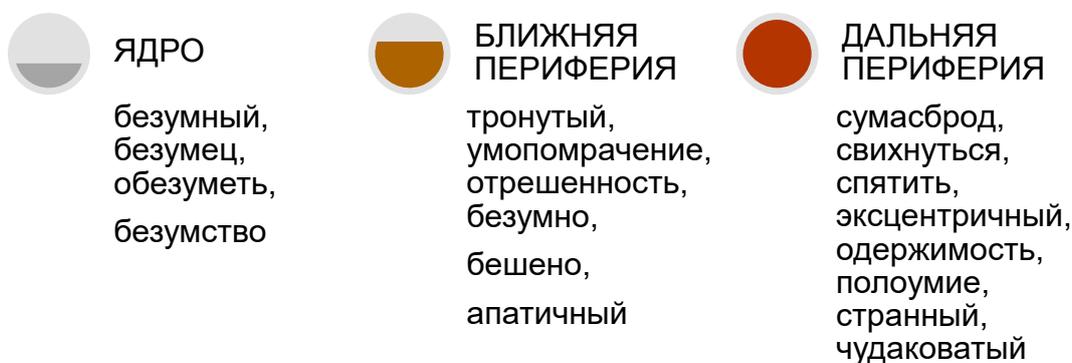
В ходе анализа различных уровней концепта «безумие» были выявлены присущие ему дифференциальные признаки: субъект, состояние, акциональность, локальность. Принимая во внимание данные признаки, считаем возможным сформировать ряд микрополей. Среди них: 1) микрополе субъекта (безумца); 2) каузальность

возникновения безумия; 3) само состояние безумства; 4) действия, обусловленные состоянием безуми; 5) пространство пребывания субъекта-безумца (локальность).

Определим структуру концепта «безумие», применяя полевой подход. Ядро и периферия концепта представляют собой паритетные компоненты с разнофункциональной направленностью, которые обладают особыми признаками, проявляющимися посредством системного подхода. К свойству ядра поля можно отнести большую стабильность и устойчивость. Для дифференциации ядра и периферии считаем необходимым воспользоваться методом компонентного анализа, а именно анализом сем, учитывая при этом роль сем для языкового социума. Взаимосвязь отмеченных критериев отображает изменчивость концептуального поля, представляющего собой интеграцию интралнгвистических и экстралингвистических признаков.

Предметом нашего исследования являются лексические и фразеосемантические поля.

Они репрезентируют номинативное поле концепта. Наша точка зрения основывается на том, что именно лексический уровень языка в большей степени способен отражать компоненты духовной культуры субъекта, его ценностные приоритеты, а также специфику менталитета этноса [Молчанова, Тарбеева 2007: 49].

Предлагаем структуру номинативного поля концепта «безумие»:

- ядро: безумный, безумец, обезуметь, буземство;
- ближняя периферия: тронутый, умопомрачение, отрешенность, безумно, бешено, апатичный;
- дальняя периферия: сумасброд, свихнуться, спятить, эксцентричный, одержимость, полоумие, странный, чудаковатый.

Проанализируем поле концепта «сумасшествие»:

- ядро: сумасшедший, сумасшествие, сойти с ума;
- ближняя периферия: умалишенный, больной, свихнуться, агрессивный, бредить, бешеный, одержимый, неадекватный, неадекватность, аффект;
- дальняя периферия: спятить, странный, чудаковатый, психбольница, псих.

ЯДРО

сумасшедший,
сумасшествие,
сойти с ума

БЛИЖНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ

больной,
свихнуться,
бредить,
агрессивный,
бешеный,
одержимый,
неадекватный,
неадекватност
ь, аффект

ДАЛЬНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ

спятить,
странный,
чудаковатый,
психбольница,
псих

Ядро фразеосемантического поля «безумие» составляет микрополе «безумец», который конституируется следующими ФЕ: *из-за угла мешком пуганый; горе луковое; голова сололюй; дурак дураком; ни ума ни заклинку; тронутый в уме; пень березовый; тронутый умом; крепок головою; башка с затылком; набитый дурак; без царя в голове.*

На ближней периферии находится микрополе «аффект»: *потерять голову; едет крыша (у кого-либо); сбрендить с ума; спрыгнуть с ума; потерять голову; дойти до крайности; умом тряхнуться; свихнуть себе голову.*

Дальняя периферия включает в себя единицы микрополя «нецелесообразное поведение»: *сойти с круга; соскочить с круга; крыша протекает; из пушки по воробьям стрелять; наломать дров; за комаром не с топором.*

Ядро фразеосемантического поля концепта «сумасшествие» представляют фразеологические обороты, которые обозначают человека психически нездорового: *выжить из ума; свихнуть с ума; спятить с ума; свихнуться разумом; псих со справкой; белая горячка; на учете; с (легким) приветом; бред собачий; сдвиг по фазе.* На ближней периферии поля расположены ФЕ, обозначающие неразумное, подозрительное поведение: *от большого ума сделать (что-либо); витать в облаках; бить (головой) об стену.* Дальнюю периферию поля конституируют ФЕ со значением «место пребывания сумасшедших»: *сумасшедший дом; желтый дом; белые столбы.*

Анализ данных фразеологических единиц способствовал выявлению парадигматических связей между рассматриваемыми концептами: так, представим синонимический ряд: *дубовая башка, дурья башка, пустая башка, чугунная голова, тронутый умом, с легким приветом, ученый осел, дурная голова, голова еловая, дубина стоеросовая, и т.д.* Приведенную синонимическую парадигму составляют синонимы-фразеологизмы, в основе которых лежит общая архисема «безумный человек», тогда как в области периферии синонимической парадигмы лежит признак «человек, который ничего не понимает и слабо соображает, глупый».

ВЫВОДЫ

1. Между микрополями сопоставляемых концептов была обнаружена зона переходности.

2. Сопоставление концептов «безумие» и «сумасшествие» в русской языковой картине мира обнаруживает интегральные признаки (потеря рассудка; неадекватное поведение; затрудненность мышления).

3. Безумие связывается с эксцентричным, непредсказуемым поведением здорового психически индивида, с аффектом, а сумасшествие – с заболеванием, поддающимся лечению, с проявлением физического насилия.

4. Периферийные зоны полей концептов пересекаются, то есть их границы взаимопроницаемы и подвижны.

5. Есть весомые обстоятельства, позволяющие разграничивать два смежных концепта «безумие» и «сумасшествие».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перспективы исследований по когнитивной лингвистике и лингвокультурологии заключается, на наш взгляд, в объективном рассмотрении компонентом концептуального ме«умасшествие» проанализированы с учетом следующей модели объективации «концептуальное пространство» и «семантическое пространство».

Данные концепты содержат интегративную сему – отклонения, вызванные нарушением мозговой деятельности, и, как следствие, искаженное восприятие и неадекватное поведение в социуме. Культурная значимость концептов обусловила разнообразие их вербализации. Концептуализация данных явлений происходит на базе концептуальных признаков. Перспективы данного исследования видятся в анализе образного поля концептов, выявлении связей со смежными концептами с целью отображения типов поведения в русской языковой картине мира.

СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Даль В.М. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М.: Астрель-АСТ, 2002.
2. Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 2. / Научно-ред. совет: В.С. Стёпин (предс.) [и др.]. М.: Мысль, 2010. 636 с.
3. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. Москва: Аделант, 2014.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ермакова О.П. Концепт «безумие» с точки зрения языка / Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка. Сост. и отв. редактор: Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2003. 640 с. С. 108–116.
2. Жуковская Л.И. Семантическое наполнение концепта «менталитет / ментальность» и его языковое воплощение в современном русском языке. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2015. – 201 с.
3. Колесов В.В. Концепт культуры: образ – понятие – символ // Вестник СПбГУ. СПб., 1992. Сер. 2. Вып. 3 (№16). С.30–40.
4. Молчанова Г.Г., Тарбеева О.В. Лингвокультурные концепты и паремическое моделирование // Когнитивные исследования языка. Вып. I. Концептуальный анализ языка: сб. науч. тр. / гл. ред. Серии Е. С. Кубрякова, отв. ред. вып. Н. Н. Болдырев. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. С. 43–59.
5. Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Безумие как лексикографическая проблема (К анализу прилагательных безумный и сумасшедший). II Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993.

СТАРОВОЙТОВА Ольга Альбертовна (Санкт-Петербург, Россия)

кандидат филологических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
o.starovoytova@spbu.ru

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ С КОРНЕМ «АКЦЕНТ» В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматривается появление и функционирование дериватов иноязычного заимствования XVIII в. слова *акцент*, которые формировали соответствующее словообразовательное гнездо на протяжении XIX в. Рассматриваются словообразование, семантика и частично функционирование тех единиц, которые вошли в терминосистему развивающейся области лингвистики – акцентологии, а также роль отдельных ученых в распространении новой терминологии. Выявляются причины сокращения числа лексем по направлению к XX в.

Ключевые слова: русский язык, историческая лексикология, лингвистическая терминология, словообразовательные варианты, акцент.

Abstract. The article deals with the formation and functioning of derivatives of the word ‘accent’, an 18th century borrowing, which formed the corresponding word-formation group (nest) during the 19th century. The word-formation, semantics and functioning of those units, which entered the terminological system of the developing field of linguistics – accentology, as well as the role of some scientists in the spread of new terminology are considered. The reasons for the reduction in the number of lexemes towards the 20th century are revealed.

Keywords: Russian language, historical lexicology, linguistic terminology, word-formation variants, accent.

Владимир Викторович Колесов входит в плеяду ученых, занимавшихся вопросами славянской исторической акцентологии. Его имя стоит в ряду таких исследователей, как А. Х. Востоков (заложивший основы русской акцентологии), А. А. Потебня, Ф. Ф. Фортунатов, И. А. Бодуэн де Куртене, и др. Благодаря их усилиям на протяжении уже почти двух столетий в России разрабатываются проблемы реконструкции праславянской акцентной системы и исследуется история акцентных систем отдельных славянских языков. Двухтомный труд В. В. Колесова «Русская акцентология» связан с восстановлением древнерусской акцентной системы на основе изучения древних акцентуированных письменных памятников и говоров [5].

Отдавая дань Учителю и этой – лишь одной – грани его исследовательской деятельности и таланта, в настоящей публикации кратко представим историю формирования отечественной терминологии, связанной с акцентологией и входящей в словообразовательное гнездо с вершиной «акцент» (см. данные в табл. ниже).

Таблица. *Фиксация единиц словообразовательного гнезда с вершиной «акцент» в источниках XVIII–XX вв.*

Лексемы	СРЯ XVIII	Орлов	Сл 1891	ССРЛЯ
акцент	+	+	+	+
акцентный		+		+
безакцентный				
акцентовой		+		
акцентировать				+
проакцентировать		+		
акцентироваться				+
акцентирование		+		+
акцентировальный		+		
акцентировка				
акцентовать		+	+	
акцентоваться				
акцентование		+		
акцентовка				+
акцентовочный				
акцентация				
акцентология				+
акцентологический				+
акцентуировать				
акцентуация		+	+	+
акцентуационный		+		+

Примечание. Знаком «+» отмечены зафиксированные в соответствующем издании лексические единицы. Лексемы, не отмеченные ни в одном из приведенных словарей, собраны автором статьи из источников XIX – нач. XX вв.

В таблице не представлены, а в публикации не рассматриваются иные значения лексемы *акцент* и его дериватов кроме лингвотерминологических.

Формирование «метафизического» языка коснулось разных сфер российской жизни – социальной, духовной, научной. Эволюция отечественного научного типа мышления продвигалась от накопления фактов и создания номенклатуры к сложению стройной системы в различных областях знаний.

Создание русской научно-технической номенклатуры было тесно связано с особенностями национального бытия и сознания, и в качестве одной из них указывают на высокую проницаемость лексико-терминологической сферы для вторжения заимствований [1]. Так, слово *акцент*, заимствованное из лат. языка, возможно, через посредство франц., представляет собой новацию русского языка XVIII в., зафиксированную в словаре с единственным значением 'ударение в слове; знак ударения'⁴⁹ и пометами *Грам. Стих.*, указывающими на сферу употребления слова [9: 41]. Таким образом, лексема *акцент* вошла в русский язык именно как термин.

Огромному числу лексических новообразований («Трудно найти другой такой период, где бы в столь ограниченные сроки (несколько десятилетий) появилось так много очевидных лексических новшеств» [11: 542]) русский литературный язык XIX в. обязан высокой словообразовательной активности системы. Так, вокруг лексемы *акцент* начинает формироваться словообразовательное гнездо, которое, по данным современного толкового словаря [10: 87–88], содержит 11 единиц (см. в таблице выше). Вектор этого процесса очевиден, однако свести его к простому увеличению числа единиц было бы некорректно, поскольку материалы текстовых и лексикографических источников XIX в. позволяют говорить о его нелинейном характере:

⁴⁹ На протяжении истории развития «акцентной» терминосистемы во всех дериватах реализуются значение ударения и его оттенки – знак ударения. Поэтому в дальнейшем изложении эта особенность оговариваться не будет.

отдельные единицы со временем и выходили из употребления, и меняли свое значение.

Преимущество *акцента* в терминосистеме перед другими словами-синонимами состояло в его однозначности (ср. с *сила*) и легкости и удобстве в процессе деривации (ср. с (*слово*)ударение). Те тенденции, которые были отмечены нами в отношении вхождения слова *акцент* в русский язык, в целом соответствуют лексической динамике XIX в., проявившейся в продуктивности определенных словообразовательных моделей и освоении заимствованной лексики в определенных грамматических категориях русского языка.

Для удобства описания материал будет представлен в виде словообразовательных моделей и словообразовательных пар.

1. Образование существительных: *акцент* → *акцентология*.

Типичная для русского языка словообразовательная модель, результатом реализации которой является дериват со значением 'раздел науки, связанный с тем, что обозначено мотивирующим словом', представлена в рассматриваемой группе лексики в XIX в.: «Основатель литовской **акцентологии** Фридрих Куршат различает два рода ударения, которых он окрестил несколькими именами *толкаемаго* и *граненаго*»⁵⁰ [2: 213]; «Целый ряд фонетических процессов получает разное течение при том или другом типе У<дарения>. Учение об У.<дарении> – так назыв. **акцентология** – начинает, поэтому, занимать видное место в современной грамматике индоевропейских языков» (С. Б-ч. Ударение // Энцикл. словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. XXXIV^A, 1902: 574).

Однако, как показывает материал, привычное для нас значение научной дисциплины является лишь одним из возможных в языке

⁵⁰ Все примеры в статье приводятся с заменой дореволюционной графики на современную, орфография и пунктуация источников сохранена.

акцентологической науки XIX века: «Акцентуируются также гласные в словах иностранных, когда русская **акцентология** настолько расходится с иностранной, что ошибка в произношении вышла бы обязательно: платó, серsó, Арамíс, Брилья́» (Систематический свод законов русского правописания, установленный по лучшим источникам, 1891: 62). Очевидно, что в данном контексте термин выступает в значении 'система ударения в каком-л. языке или письменном памятнике'. В современном толковом словаре такое употребление представлено как оттенок значения [10: 88].

В отдельных случаях, на наш взгляд, точно определить значение слова затруднительно: «Интерес к **акцентологии** побудил Ш<ахматов>-а обратиться к сочинениям Юрия Крижанича, как известно, снабженным знаками ударений, но, к сожалению, еще не вполне изданным.» (<реценз. на> *А.Шахматов. Исследования в области русской фонетики*. Варшава, 1893 // Живая старина. Вып. 1, 1895: 102).

Интересна метаязыковая рефлексия современников на новое слово. Так, в своем труде «Начертание славянской акцентологии» Р. Ф. Брандт замечал, что название науки акцентология «иному покажется странным, или даже уродливым» [2: 226], однако ученый считал, что «порицать это слово <...> за смешанный, полулатинский, полугреческий состав, есть ученый педантизм» [Там же]. Он также указал, что данный термин придуман не им и ему неизвестно его происхождение [Там же: II].

2. Образование относительных прилагательных: *акцент* → *акцентный*; *акцент* → *акцентовый*:

«Хотя я вполне верю в наследственность **акцентовых** явлений в индо-эвроп. (так! – О. С.) языках, тем не менее не считаю возможным принимать *dívjas* и *divijás* за параллельные формы арийского праязыка» (В. И. Петр. *Etymologica*, 1893: 29).

В образовании относительных прилагательных от слова *акцент* проявилась характерная для языка нового времени вариантность. Сразу отметим, что это словообразовательные варианты, поскольку их значение полностью совпадает, но формы с суффиксом *-ов-* немногочисленны, что и обусловило со временем их утрату.

У деривата с суффиксом *-н-* оказались важные преимущества, позволившие ему занять прочное и численно немалое место в терминосистеме новой области знания: 1) бóльшая терминологичность благодаря таковой у мотивирующего слова; 2) однозначность (хотя однозначность, по мнению некоторых ученых, не является обязательным признаком термина).

Прилагательные от русского варианта (ударение) ему проигрывали: *ударительный* как громоздкий и словообразовательно немотивированный (ср. в письме Г. Р. Державина от 31 июля 1815 г.: «<...> Славянской язык, подобно Греческому, весь есть *акцентной* или *ударительной* мелодической.»), а *ударный* – как многозначный и терминологически связанный с иной сферой (*ударный молоток*, *ударный порох*, *ударная скорость* употребляются в литературе военной тематики и зафиксированы отдельными словарными статьями в «Военном энциклопедическом лексиконе, издаваемом обществом военных и литераторов». Ч. 13, 1849).

Формы с суффиксом *-н-* частотны, поливалентны что позволяет выделить несколько значений прилагательного, напр. ‘отмеченный знаком ударения’, ‘имеющий ударение’, ‘вызванный ударением’, ‘связанный с ударением’, ср. примеры далее: «Слова несамостоятельныя, напр. предлоги, прислонялись к своим знаменательным центрам, сливаясь с ними в определенных случаях в одно *акцентное* целое, как в русских словах: *за́–море*, *на́–руку*, ср. *вы́хлопотал*, *ро́зговенье* и т. п.» (А. Будилович. Начертание церковнославянской грамматики применительно к общей теории

русского и других родственных языков, 1883: 89); «Приведем доказательства из южнославянских и русского языка, **акцентныя** отношения которых в общем легко приводят к **акцентным** отношениям общеславянским.» (А. А. Шахматов. К вопросу о неразличении иота и неслогового і в истории славянских языков // Русский филологический вестник. Т. 8–9, 1903: 170).

Наряду со свободными сочетаниями материал представляет и устойчивые сочетания терминологического характера – *акцентный знак (значок); акцентный слог, акцентная единица, акцентное целое, акцентная парадигма* и др.: «Изучая предложенныя выше **акцентныя парадигмы**, нельзя не обратить внимания на следующие обстоятельства.» (Г. А. Ильинский. Грамоты Болгарских царей. Древности // Труды Славянской комиссии Имп. Моск. археолог. Об-ва. Т. 5, 1911: 85).

3. Образование глаголов: *акцент* → *акцентовать(ся)*; *акцент* → *акцентировать(ся)*; *акцент* → *акцентуировать*:

«Славянския же наречия принадлежат, собственно к языкам **акцентующим**; ибо просодическия начала, не чуждыя некоторым из них, имеют, по моему мнению, другую причину и другое основание.» (Донесение г. Прейса Г. Министру Народнаго Просвещения, из Кёнигсберга от 1 Марта (17 Февраля) 1840 г. // Журн. Мин. Народн. Просв. Ч. 26, 1840: 22); «Для избежания заблуждений, я считаю нужным упомянуть здесь, что у Славян кроме обыкновеннаго Н (N) есть еще мягкий **акцентированный** Н (N) (*), который является как в подлежащей надписи, так и в подобных ей, в форме Н. В русском алфавите эта самая форма сохранилась для буквы Н; в польском обыкновенный N только **акцентируется**, точно также в чешском **Ň**.» (Е. Классен. Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-русских до Рюриковского времени в особенности, с легким очерком истории русских до Рождества Христова. Вып. 1, 1854: 32);

«Перечень четырех accusativ'ов с тремя мѣте действительно остается странным, как бы мы ни **акцентуировали** слово баратав.» (Журн. Мин. Народн. Просв. Ч. 319, 1898: 10).

Деривационные возможности словообразовательной системы ярко проявились при образовании глаголов. Этот процесс также отражал общую тенденцию образования в русском языке нового времени глаголов от в первую очередь заимствованных слов/корней, ср.: *акклиматизовать/акклиматизировать*, *германизовать/германизировать*, *легализовать/легализировать* и под.

Личные формы от глагола *акцентовать(ся)*, по нашим наблюдениям, появляются уже в первой половине XIX в., по-видимому, их же можно назвать наиболее частотными (вследствие того, что форма *акцентировать(ся)* развивает новое метафорическое значение). Что же касается причастных форм, то в терминосистеме акцентологии *акцентированный* все же употребляется чаще, чем *акцентованный*. В результате конкурентной борьбы в русском языке в качестве лингвистического термина остается только глагол *акцентировать*. Но на протяжении XIX в. все 3 глагола в их личных и неличных формах свободно использовались с разной частотностью в научной литературе по вопросам ударения, поэтому удивителен факт употребления в начале следующего столетия (в 1907 г.) и в специализированном филологическом журнале – «Известиях Отделения русского языка и литературы Академии наук» сочетания *акцентуются или ударяются*. Но, для того чтобы сделать корректный вывод о причинах подобного явления, требуется более тщательное исследование.

4. Образование отглагольных существительных (девербативов):
акцентовать → *акцентование*, *акцентовка*, *акцентация*;
акцентировать → *акцентирование*, *акцентировка*; *акцентуировать*
→ *акцентуирование*.

Одной из тенденций русского словообразования, способствующих развитию лексической системы языка, является деривация на базе глаголов. В ее русле в первой трети XIX в. активно пополнялась группа отвлеченных существительных со значением действия (девербативов) в связи с развитием системы стилей русской научной и газетно-публицистической речи и с назревшей необходимостью создания «метафорического» языка [6: 26].

В исследованном материале представлены следующие группы девербативов:

4.1. Образования с суффиксом отвлеченного значения *-ние*: *акцентование, акцентирование, акцентуирование*:

«Такую же подвижность ударения предполагает народное **акцентование** мóлодец рядом с обыкновенным молодéц, на что обратил мое внимание Ф. Евг. Корш.» (Р. Ф. Брандт. Несколько мелочей // Юбилейный сборник в честь Всеволода Федоровича Миллера, 1900: 310).

По мнению Ю. С. Сорокина, «возникновение и закрепление в языке ряда существительных на *-ние* было связано <...> с потребностью в новых терминологически определенных словах. Представляющие действие как «предмет», они легко становились исходными, в понятийном отношении строго очерченными определениями явлений и процессов, природных и социальных» [11: 212].

4.2. Образования с суффиксом отвлеченного значения *-ация*: *акцентация*:

«Вообще, об **акцентации** имен на *ха* надо заметить: а) ударение падает на конечный слог исключительно только в кратких (двучленных и трехчленных) первообразных формах <...>» (И. Шарловский. Русская просодия, 1890: 134).

4.3. Образования с суффиксом отвлеченного значения *-ка*: *акцентовка, акцентировка*:

«Установленные Шлейхером правописание и Куршатов **акцентировка** <литовских слов>, принятая в употребление почти всеми авторитетными Европейскими Филологами, оправдываются этимологией и соответствуют различиям наречий и говоров.» (Сборник ОРЯС. Т. 65, 1899: 78).

Генетически такие образования связаны с мотивирующими глаголами, сохраняя их семантику (действие по соответствующему глаголу). Ср., напр.: *не **акцентую** конечного слога – <языков>, решительно избегающих **акцентования** конечного слога* [2: III]. Таким образом, с учетом вариантности мотивирующих глаголов констатируем функционирование в терминосистеме нескольких слов-вариантов, что не соответствует самому принципу этой системы.

Что касается рассматриваемой ситуации, то предлагаем следующее объяснение данному феномену. Педагог и исследователь И. Ф. Шарловский, опираясь на свой опыт, утверждал: «Так как у тех народов, у коих мы позаимствовались грамматикой, вовсе не существовало никакой теории по слогаударению, то и у нас никто не думал заняться разработкою этого предмета.» (И. Шарловский. Русская просодия, 1890: V). Когда же данное направление стало разрабатываться, лексическая система русского языка позволила исследователям использовать ее многочисленные ресурсы, поэтому разнообразие терминов-девербативов в начальный период было явлением закономерным. Языковые предпочтения авторов публикаций в отношении используемой терминологии – вопрос дальнейших исследований, но отдельные наблюдения можно привести. Например, лексема *акцентация* встречается в работах И. А. Бодуэна де Куртене и И. Ф. Шарловского, при этом первый использует и соответствующий однокоренной глагол *акцентовать*, а второй в значении 'ставить ударение' использует глагол *ударять*, а не дериват от *акцент*.

Очевидно, что именно в этой группе терминов многие слова вышли из употребления.

4.3.1. Особо стоит остановиться на термине *акцентовка*, который является многозначным в силу особенностей словообразовательной системы русского языка: продуктивный суффикс *-к(а)* образует отглагольные существительные со значением не только действия, процесса, но и результата и орудия действия [3: 123]. *Акцентовка* выступала в значениях 'ударение', 'система ударения', 'способ произношения': «<...> **акцентовка** ц. слав. была вольно-разноместная» (А. Будилович. Начертание церковнославянской грамматики, применительно к общей теории русского и других родственных языков, 1883: 88).

5. Образование относительных прилагательных (вторичное) осуществляется по типичным моделям: *акцентовка* → *акцентовочный*; *акцентировать* → *акцентировальный*; *акцентуация* → *акцентуационный*; *акцентный* → *безакцентный*; *акцентология* → *акцентологический*.

5.1. Нарастающей употребительностью характеризуется прилагательное *акцентологический*, поскольку все более широкое распространение получает мотивирующее его слово: «Даже и такой исследователь сербских диалектов, как Решетар в введении к изложению **акцентологических** особенностей юго-западных сербско-хорватских диалектов не считается с вопросами о внутреннем взаимоотношении их.» (А. Белич. Диалектологическая карта сербского языка // Статьи по славяноведению. Под ред. В. И. Ламанского. Вып. 2, 1906: 48).

5.2. Появление прилагательного *безакцентный* в первую очередь вызвано семантикой (отрицание признака). В то же время оно вписывается в общую тенденцию словообразовательной системы – увеличение продуктивности определенных словообразовательных

моделей: в частности, в сравнении с XVIII в. наблюдается нарастание конфиксальных образований с префиксом *без-/бес-* [4: 181].

5.3.–5.4. Прилагательные *акцентировальный* ('до акцентирования отн.' [7: 46]) и *акцентуационный* ('до акцентуации отн.' [Там же]) были обнаружены только в лексикографических источниках. Первый термин, по-видимому, стоит считать потенциальным словом, каковых много в указанном словаре.

5.5. В целом не очень распространенное прилагательное *акцентовочный* регулярно и закономерно встречается у авторов, пользующихся термином *акцентовка*: «И, в самом деле, не без причины же слова нисходящего ударения (в чем всякий легко может убедиться из правил и из **акцентовочных** таблиц Куршата) почти никогда не бывают гибкими, между тем как слова, имеющие в некоторых падежах восходящее ударение на коренном слоге, всегда/ представляют в остальных падежах **акцентовку** насуффиксную.» [2: 219–220]. В первую очередь это Р. Ф. Брандт и И. А. Бодуэн де Куртене: «Бопп в своей Акцентологии различает три **акцентовочные** принципа: логический, ритмический и грамматический.» [2: 2]; «По отношению к целому слову следует отметить прежде всего три степени **акцентовочной** энергии или три уровня силы произношения гласных и, затем, вообще влияния сильного ударения на произношение всех гласных слова.» (И. Бодуэн-де-Куртене. Славянские языки // Энцикл. словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. XXX, 1900: 328).

Как уже упоминалось, повышенная словообразовательная активность системы русского языка XIX века в целом и в отдельных сферах, в частности в языке науки, привела к появлению словообразовательных вариантов, которые были показаны во всех группах терминов-дериватов с корнем *акцент-*. Наличие таких вариантов следует рассматривать как избыточность языковых средств, хотя она бесспорно предоставляет пишущему возможность выразить

свои коммуникативные намерения при передаче информации, но в таком случае у читающего должен иметься определенный опыт для адекватного восприятия подобной информации. По отношению к терминосистеме акцентологии, новой, только зарождающейся во второй трети XIX века научной отрасли, вариантность ее составляющих имела скорее негативный характер. Отметим две тенденции, наблюдаемые в работах ученых, активно разрабатывающих указанную проблематику.

1) Свою позицию четко излагает Р. Ф. Брандт: «<...> исследователь, пишущий о мало разработанном предмете, не только имеет право, но почти обязан установить для него по возможности точную и богатую терминологию» [2: II]. С этой целью исследователь в предисловии к своей монографии описывает систему терминов, которые он будет использовать: так, знак ударения, обозначаемый на письме, он называет просодией, расстановку просодий – акцентуацией, способ произношения и размещения ударений (акцентов) – акцентовкой, постановку ударения – акцентованием [Там же].

Использование ученым однокоренных терминов последовательно в рамках установленной им социальной конвенции, особенно это заметно при их контактном расположении: «Иногда даже уверяют, что о русской **акцентовке** и говорить нельзя, что в русском **акцентовании** господствует полный произвол.» [2: 11]; «Синтаксические единицы не всегда совпадают с **акцентными** т. е. слова, лишенные самостоятельного ударения, все-таки могут чувствоваться как нечто отдельное от тех слов, к которым они прислоняются. По этой причине являются некоторая *исключения* из **акцентовочного** закона» [Там же: 169].

Разработанную Брандтом систему терминов использовали и некоторые другие ученые. На это указывается, например, в рецензии проф. П. Владимирова, опубликованной в 1894 г., на работы Е. Ф. Карского.

Такой подход к представлению терминологии позволил Брандту избегать необходимости постоянно комментировать новые слова тем или иным способом (см. следующий пункт), хотя иногда это все же происходит, например, *систем ударения, или акцентовок* [2: 2].

2) Такой комментирующий способ подачи новой терминологии характерен для работ И. А. Бодуэна де Куртене: *акцентовку или отношения ударения; акцентованных (ударяемых) и неакцентованных (неударяемых) звуков; слогу акцентованному, слогу ударяемому; ударяются (акцентуются) слоги и фонемы; сила произношения, т. е. акцент-ударение; с акцентованной (ударенной) гласной*. Обратим внимание, что в авторском комментировании нет последовательности: то новый термин поясняется через старый, то наоборот.

У каждого подхода есть свои плюсы и минусы, но оба они направлены на следование важнейшему принципу научного текста – точности и способствуют введению в научный оборот новой лексики.

Отметим, что в изданиях научных трудов по акцентологии эта лексика может быть выделена курсивом (см. многочисленные примеры в цитатах на протяжении статьи), что является свидетельством метаязыковой рефлексии, направленной на акцентирование необычности слов: «Вообще, литовская **акцентовка** гораздо *разнообразнее*, гораздо прихотливее славянской: между тем как у Славян слова почти все держатся **акцентования** накоренного, или насуффикснаго, и настоящих *гибких* слов оказывается немного, они в Литовском языке положительно преобладают» [2: 271].

Новизна, или непривычность, таких слов отражается и в ее слабой представленности в академическом словаре конца XIX – нач. XX вв., где кроме слова *акцент* зафиксированы еще только два его деривата [8: 26] (см. таблицу выше). В этом отношении более информативным является «Полный филологический словарь» А. И. Орлова, включающий 10 единиц гнезда [7: 46].

Лексико-динамическая панорама XIX в. дает представление о существенном пополнении языка новациями за счет разных источников. Иноязычные заимствования активно включались в процесс формирования словообразовательных гнезд. Такова была и судьба слова *акцент*, которое стало базой для деривационных процессов с использованием преимущественно русских аффиксов. Ее дериваты органично вошли в лексический фонд русского литературного языка, пополнив в первую очередь терминосистему новой развивающейся области лингвистики – акцентологии. Наибольшей активности этот процесс достиг к концу XIX в., и, несмотря на фиксацию в академическом словаре только трех единиц с корнем *акцент-*, мы имеем достаточно оснований говорить о сложившемся словообразовательном гнезде, в котором представлены имена существительные, прилагательные и глаголы. Собственно лингвистическая часть этого гнезда характеризуется наличием словообразовательных вариантов, что отличает язык нового времени. Со временем количество единиц сокращается, выходя из активного употребления. Логика данного процесса совпадает со стремлением научного языка к точности выражения научной мысли и моносемантической в пределах своего терминологического поля. Поиск новых средств выражения наряду с попытками систематизации новой терминологии отличает некоторых исследователей XIX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л.: Наука, 1972. 431 с.
2. Брандт Р. Ф. Начертание славянской акцентологии. СПб.: Тип. Императорского Академического университета, 1880. IV, 340 с.
3. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). 3-е изд. М.: Высшая школа, 1986. 640 с.
4. Калиновская В. Н., Старовойтова О. А., Эзериня С. А. Динамика русской лексической неологии в контексте языковых споров первой трети XIX века // «Беседа любителей русского слова»: 200 лет: Сборник научных статей. СПб.: ВИРД, 2013. С. 177–190.

5. Колесов В. В. Русская акцентология: в 2 т. СПб.: Пб. лингвистическое общество, 2010.
6. Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века / Отв. ред. Ф. П. Филин. М.: Наука, 1981. 359 с.
7. Орлов А. И. Полный филологический словарь. Т. 1. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К^о, 1884. 815 с.
8. Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. Т. 1. СПб., 1891. XIV с., 576 стб. – Сл 1891
9. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1. Л.: Наука, 1984. 224 с. – СРЯ XVIII
10. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 738 стб. – ССРЛЯ
11. Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка 30–60-е годы XIX века. Л.: Наука, 1965. 564 с.

ЦЕЛИКОВА Наталья Вячеславовна (*Владимир, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
natalie.tselikova@gmail.com

КАТЕГОРИЯ СУБЪЕКТА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОГНИТИВНОГО АНАЛИЗА

Аннотация. В статье сравниваются способы толкования категории субъекта с позиций когнитивной и традиционной лингвистики. Отмечены принципиальные различия данных подходов: в когнитивистике анализ производится через абстрагирование от частных языковых средств к общему смыслу, в структурно-семантической версии традиционного подхода абстрагирование осуществляется от частных языковых средств к языковым категориям. Точкой пересечения сравниваемых подходов является «понятие» как универсальная семантическая категория.

Ключевые слова: когнитивная семантика, традиционная семантика; понятие, значение; Я-говорящий, языковая личность, Я-концепт; языковой субъект, формы языкового субъекта.

Abstract. The article compares the ways of interpreting the category of subject from the positions of cognitive and traditional linguistics. The fundamental differences between these approaches are noted: in cognitive science analysis is carried out through abstraction from particular linguistic means to general meaning; in the structural-semantic version of the traditional approach, abstraction is carried out from particular linguistic means to linguistic categories. The point of intersection of the compared approaches is the “concept” as a universal semantic category.

Keywords: cognitive semantics, traditional semantics, concept, meaning; I-speaker, linguistic personality, I-concept; linguistic subject, forms of the linguistic subject.

В сегодняшнюю эпоху антропоцентрического подхода к анализу языковых явлений особую популярность завоевала когнитивная лингвистика, в фокусе внимания которой оказались различные аспекты

функционирования языка, связанные с объяснением и описанием «языковой способности как внутренней когнитивной структуры и динамики говорящего-слушающего» [8: 53]. Целью когнитивной лингвистики является получение данных о деятельности разума путем анализа средств языка [9: 13]. Один из первооткрывателей когнитивной лингвистики Н. Хомский указывал, что «довольно специальное изучение структуры языка может способствовать пониманию человеческого разума» [12: 6]. Поэтому хотя в рамках общей ментальной направленности когнитивистики мышлению и отводится первичная роль, язык, являясь способом мышления говорящего, формой освоения им действительности, имеет для когнитивного анализа не менее важное значение. В рамках когнитивного анализа язык понимается как ценный источник сведений о «ментальной инфраструктуре» человека, а языковое значение является основным предметом когнитивной лингвистики, так как именно оно является связующим звеном между языком и когницией [11: 36].

И хотя в процессе своего развития когнитивистика выработала свой собственный категориальный аппарат, включающий понятия, которые отражают интересующие её проблемы и помогают ей постичь особенности когнитивной деятельности индивида – *менталитет, ментальность, языковая личность, картина мира, концепт* и др., в то же время для анализа когнитивных структур она продолжает пользоваться лингвистическим инструментарием, выработанным в процессе развития традиционной лингвистики. Так, например, одна из ключевых категорий когнитивистики «концепт» описывается В.В. Колесовым через термин традиционной лексики «понятие»: «Понятие – есть явленный концепт» [7: 26]. Концепт определяется им как единица когнитивной грамматики, которая изучает языковые формы национальной речемысли [7: 24]. Изучение *ментальности* (в отличие от предопределённого универсальной логикой *менталитета*), В.В.

Колесов в соответствии с постулатами когнитивистики связывает также исключительно с языковым анализом текстов, на основе которого и может быть достигнута главная цель его научных изысканий: «Мы ищем инвариант национальной ментальности, народного сознания, который можно восстановить через анализ языков и текстов» [7: 14].

Сегодня когнитивистика и традиционная лингвистика пребывают в состоянии эффективного взаимодействия и соотносятся как абстрактное и конкретное, цель и средство. Например, для описания такого отвлечённого понятия, как «дух народа» требуется проанализировать материально выраженную языковыми средствами речевую деятельность конкретного представителя этого народа, при этом искомый инвариант ментальности выводится через анализ многочисленных языковых репрезентаций.

Категория субъекта представляет интерес как для традиционной, так и для когнитивной лингвистики. И если в рамках традиционной лингвистики субъект репрезентируется в таких сугубо языковых категориях, как подлежащее, агенс, субъект предикации, тема, модальный субъект [3: 60–68], то с позиций когнитивной лингвистики он изучается через ментальные понятия, связанные с человеческим фактором в языке: сознание человека [9: 10], говорящий и интерпретирующий субъект, индивид и индивидуальность [1: 368; 2: 9], языковая личность [4; 5], Я-концепт [6: 47], дискурс субъекта [14: 49], проблемы ментального лексикона [10: 49]. Однако принципиальное отличие когнитивной лингвистики в истолковании понятия «субъект» состоит в том, что главная ее цель состоит именно в когнитивной, а не языковой интерпретации выводов о типах ментальных репрезентаций в сознании человека, несмотря на то, что при этом когнитивные процессы исследуются с опорой на лингвистические методы анализа. Традиционную же лингвистику интересуют в первую очередь языковые формы и средства репрезентации категории субъекта. Можно сказать,

что когнитивная лингвистика имеет по отношению к языку центробежный вектор, а структурная лингвистика в её консервативном понимании – центростремительный.

Когнитивная лингвистика, задуманная как психолексикология [13], изначально активно взаимодействует со смежными науками, черпая необходимые для поставленных ею задач данные психолингвистики, биолингвистики, социолингвистики, этнолингвистики и др. Традиционная лингвистика всегда отличалась консерватизмом и была сосредоточена исключительно на языковых средствах выражения языковых категорий, понимая язык как систему, подчиняющуюся лишь своему собственному порядку, опираясь на заложенные Ф. де Соссюром принципы анализа языка как автономной, самодостаточной системы, имеющей свою внутреннюю иерархию уровней [11: 18]. Но уже в 60-е гг. прошлого века в исследованиях Дж. Росса, Дж. Мак-Коли и Дж. Лакоффа, работавших тогда в русле генеративной семантики, было показано, что семантический и прагматический компоненты предложения могут существенно влиять на анализ его синтаксической структуры [11: 27]. Поэтому когнитивная лингвистика, в свою очередь, смогла повлиять на структурную лингвистику, обогатив её дополнительными аспектами анализа, в результате сегодня вышедшая из структурной традиционная лингвистика анализирует явления языка исключительно в рамках многоаспектного структурно-семантического подхода, при котором языковой анализ, обогатившись семантическим компонентом, исследует явления речи не только с позиций грамматики, но и с позиций семантики во всём многообразии её воплощений – лексическая семантика, лексико-морфологическая семантика, лексико-синтаксическая семантика, коммуникативная семантика, прагматическая семантика.

Для когнитивной лингвистики именно семантика, обладающая, по мнению американского когнитивиста У. Чейфа, большими эстетическими достоинствами, чем синтаксис, составляет её главный

предмет исследования, а словосочетания «когнитивная семантика» и «когнитивная лингвистика» часто употребляются как синонимы [11: 9, 17]. Акцентирование когнитивистикой именно семантического аспекта анализа предопределяет её подход путём абстрагирования «от частных языковых средств к общему смыслу». Традиционную лингвистику в её новейшей структурно-семантической версии интересуют прежде всего конкретные языковые единицы, а абстрагирование осуществляется не от частных языковых средств к общему смыслу, а от частных языковых средств к языковым категориям.

Поэтому в рамках когнитивной семантики толкование понятия «субъект» обусловлено её специфическими задачами: описание речевого процесса как результата мыслительной деятельности, описание менталитета как общего логического явления, описание ментальности как частного (национального, социального) явления [7]. Соответственно, в поле зрения исследования когнитивиста оказались такие субъектные понятия, как логический субъект, говорящий субъект, индивид, языковая личность, Я-концепт. Все сугубо языковые субъектные категории, имеющие соответствующие языковые формы и средства выражения – грамматический субъект (форма именительного падежа с определёнными окончаниями субстантивов), агенс залоговой конструкции (форма именительного и творительного падежа со значением активного деятеля), субъект предикации (актант лексической валентности предиката в форме косвенного падежа); модальный субъект (формы времени и склонения; вводные слова и модальные частицы) и др. [3: 60–68] – по-прежнему остаются в рамках ведения традиционной грамматики.

Таким образом, антропологический подход в когнитивной и традиционной лингвистике проявляется по-разному. В рамках когнитивной семантики он выражается в том, что непосредственным объектом её изучения является субъект познания – говорящий субъект,

который изучается через описание и реконструкцию его 1) логически обусловленного менталитета, 2) индивидуальной ментальности, зависящей от различных экстралингвистических (национальных, социальных, возрастных и др.) факторов; 3) языковой личности, 4) Я-концепта. В рамках структурно-семантического направления антропологический подход выражается в выявлении языковых субъектных категорий: 1) подлежащее, 2) агенс, 3) субъект предикации, 4) коммуникативный субъект, 5) модальный субъект, 6) субъект оценки – через определение форм и средств языкового выражения указанных субъектных значений.

Несмотря на разные задачи исследования, когнитивная и традиционная лингвистика пересекаются в сфере значения «понятие». «Понятие» актуально и для связанной с внешним миром через экстралингвистические реалии когнитивной семантики, и для внутренней языковой семантики, абстрагируемой от языковых форм. Например, «субъект» в соответствии с представлением В.В. Колесова о понятии как явленном концепте может быть истолкован как явленный через языковые средства Я-концепт или на основании речевых характеристик говорящего представлен как языковая личность, отличающаяся индивидуальностью стиля.

Я-концепт, занимающий особое место в концептуальной картине мира, определяется как концепт, позволяющий организовать представления индивида о своей личности, а также как результат процесса самопознания, который проявляется в обработке и накоплении знаний логического и объективного характера и в формировании определенной системы мнений и самооценок [6: 47].

Я-концепт может иметь прямые и косвенные, эксплицитные и имплицитные формы языкового выражения. Из прецедентных авторских текстов приведём наиболее яркие примеры воплощения Я-концепта, где он выражен в прямой самооценке автора: ***Я** памятник себе воздвиг*

*нерукотворный, К нему не зарастет народная тропа, **Вознесся выше он главою непокорной** Александрийского столпа (А. Пушкин); **Я, гений Игорь Северянин, Своей победой упоен: Я повсеградно озкранен! Я повсесердно утвержден!** (И. Северянин); **Кто создан из камня, кто создан из глины, – А я серебрюсь и сверкаю;** ...Сквозь каждое сердце, сквозь каждые сети **Пробьется мое своеволие;** ...**Дробясь о гранитные ваши колена, Я с каждой волной – воскресаю!** (М. Цветаева); **Москва! Как много в этом звуке Для сердца русского слилось...А для моего – особенно. Я ведь столько мечтал о ней. Это был город моих надежд. Здесь и только здесь я мечтал прославиться на всю планету, покорить весь мир. Заставить умолкнуть все разговоры, кроме разговора обо мне, повернуть все взоры людей в мою сторону, чтобы вся Вселенная восхищалась только мной одним и ни на кого больше не обращала ни малейшего внимания! А я... Я буду стоять – высокий, гордый и прекрасный в совершенно новом фраке (не с толкучки, конечно, а от лучшего портного) и надменно улыбаться, скрестив руки** (А. Вертинский). Анализ и интерпретация языковых особенностей выражения понятия «субъект» в приведённых отрывках позволит не только описать Я-концепт каждого из авторов, но и уточнить индивидуальные особенности его языковой личности. В частности, выбор автором для самовыражения и самооценки самых ярких субъектных языковых маркеров (местоимение Я, форма именительного падежа, активные конструкции, грамматические маркеры языковой модальности (форма будущего времени со значением желательности), лексические маркеры позитивной речевой эмоциональной самооценки (качественные прилагательные), использование грамматических и лексических окказионализмов говорит о высокой степени эгоцентричности языковой личности, а творческий уровень владения автором выразительными средствами языка свидетельствует о ярко выраженной его*

индивидуальности. Но поскольку авторскую эгоцентричность нельзя назвать универсальной чертой русской литературы, как и русского дискурса в целом, можно заключить, что личные синтаксические конструкции с неизменным присутствием местоимения Я, как и другие яркие языковые средства выражения говорящего субъекта, не войдут в перечень обязательных признаков в искомый В.В. Колесовым инвариант национальной ментальности народного сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демьянков В.З. «Субъект», «тема», «топик» в американской лингвистике последних лет (Обзор II) // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1979. Т. 38. № 4. С.368–380
2. Демьянков В.З. Личность, индивидуальность и субъективность в языке и речи // «Я», «субъект», «индивид» в парадигмах современного языкознания. М.: ИНИОН РАН, 1992. С.9–34.
3. Иосилевич (Целикова) Н.В. Семантический субъект как многозначное понятие //Языковые значения, формы и категории: Сборник научных статей, посвященный 85-летию проф. В.И. Фурашова. Владимир: Транзит-ИКС, 2021 – 179 с.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 476 с.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
6. Кашкина О.В. Я-концепт сквозь призму самооценочных высказываний// Вестник ВГУ, Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация», 2004, №1, с. 47–52.
7. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. – СПб., 2006, 624 с.
8. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика // Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996.
9. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики. / Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004, № 1. – С. 6–17.
10. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М., 2001, 208 с.
11. Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы – М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. – 391 с.
12. Хомский Н. Язык и мышление, М.: Изд. МГУ, 1972. – 123 с.
13. Миллер Г. и Джонсон-Лэрд П. Язык и восприятие. Кембридж, Массачусетс: Издательство Гарвардского университета, 1976.
14. Чернейко Л.О. Базовые понятия когнитивной лингвистики в их взаимосвязи // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2005. – Вып. 30. – 260 с.

ДУ Юй (*Санкт-Петербург, Россия*)
аспирант
Санкт-Петербургский государственный университет
st112050@student.spbu.ru

Научный руководитель
КОЛЕСОВА Дарья Владимировна (*Санкт-Петербург, Россия*)
кандидат филологических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

**СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА НАУЧНОГО РУССКОГО ТЕКСТА
НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК**
(на материале перевода монографии
«Язык и ментальность» профессора В. В. Колесова)

Аннотация. В статье уточнено понятие стратегия перевода научных текстов, представлены проблемы перевода научных текстов на материале анализа переведенной на китайский язык монографии профессора Колесова В.В. «Язык и ментальность». Целью данного исследования является изучение стратегии перевода научного текста и выявление специфики и оптимизации процесса перевода научного текста на китайский язык.

Введение

Актуальность исследования перевода научного текста, одного из видов переводческой деятельности, обусловлена как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. Научный текст обладает, в первую очередь, такими характеристиками как объективность, отвлеченность от конкретного, подчеркнутая логичность, доказательность, точность, последовательность. Лишь во вторую очередь научному тексту присуща определенная субъективность, некатегоричность изложения и диалогичность [4].

Согласно Л.М. Алексеевой исходный вербальный знак – научный текст воспринимается переводчиком как «возможный след мысли» [2: 7]. С опорой на анализ интерпретаций понятия «стратегия перевода» вслед за И.С. Алексеевой мы будем определять стратегию как «осознанно выбранный переводчиком алгоритм переводческих действий при переводе одного конкретного текста (или группы текстов)» [1: 249].

Цель применения стратегии перевода научного текста состоит в создании адекватного перевода научного текста, выражающего авторскую модель знания. Выбор стратегии перевода научного текста обусловлен как объективными, так и субъективными факторами. К числу первых относятся тип текста, тип коммуникации и тип познания [2], [6].

Как известно, научная коммуникация обусловлена такими факторами, как адресантом, адресатом, спецификой их взаимодействия, характером сообщения, особенностями кода и др. С точки зрения коммуникации перевод научного текста представляет собой двухэтапный процесс, который включает понимание и передачу определенного специального знания. Понятия научного текста, научной коммуникации играют значимую роль в разработке основ стратегии перевода научного текста.

Мы придерживаемся тезиса Л.М. Алексеевой о том, что двухступенчатая модель научного перевода обусловлена двумя разными по природе мыслительными процессами: «восприятием текста, в основе которого лежит свертывание текста оригинала, и созданием текста перевода, основанным на развертывании смысла выявленных и осмысленных научных понятий» [2: 13]. Первый этап является основным, так как от степени понимания исходного специального смысла зависит объективация научного знания в иной языковой культуре. Кроме того, перевод научных статей требует от переводчика знания структуры и правил оформления статьи на языке оригинала и языке перевода.

Материалы исследования и их анализ

Материалом для данного исследования послужили монография профессора В. В. Колесова «Язык и ментальность» и ее перевод на китайский язык. Переводчик Ян Минтянь, доктор филологических наук, является профессором и научным руководителем докторантуры

кафедры русского языка Шанхайского университета иностранных языков.

Один из базовых процессов перевода научного текста заключается в понимании текста. Понимание текста – это процесс перевода смысла этого текста в любую другую форму его закрепления. Это может быть процесс парафразы, пересказа той же мысли, другими словами, процесс перевода на другой язык, процесс смысловой компрессии, в результате которого может образоваться минитекст, воплощающий в себе основное содержание исходного текста [5]. В результате процесса понимания образуется некоторый образ общего смысла текста, который переводится в языковую форму языка перевода.

Рассмотрим примеры:

Оригинал:

Профессор В.Е. Семенов говорит: менталитет есть «исторически сложившееся долговременное умонастроение, единство сознательных и несознательных ценностей, норм, установок, в их когнитивном, эмоциональном и поведенческом воплощении, присущее той или иной социальной группе (общности) и ее представителям». [Колесов: 10]

Перевод:

谢苗诺夫教授说：心智是“历史形成的长期的思想趋向，属于这样或那样社会团体及其代表的有意识和无意识的价值、规范和规定在认知、情感和行为方面的综合体现”。[Ян: 5]

В этом примере и во всем тексте перевода на китайский язык переводчик делал дословный перевод конструкции той или иной (这样或那样), наверное, он хотел сохранить стиль оригинала, но для научных текстов на китайском языке краткость занимает важное место. В Словаре синонимов русского языка у конструкции той или иной есть 3 синонима: 1. любой; 2. какой-либо; 3. разный [7]. Соответствуя научному

стилю китайского языка и смыслу оригинала, перевод 不同的 (разный) представляет собой наилучший вариант.

В связи с этим можно предложить следующий перевод:

谢苗诺夫教授说：心智是“历史形成的长期的思想趋向，属于不同社会团体及其代表的有意识和无意识的价值、规范和规定在认知、情感和行为方面的综合体现”。(перевод автора)

Особенностью русского языка являются уменьшительно-ласкательные формы слов, они мягкие, успокоительные, так говорят с детьми.

Оригинал:

Много «женских» слов с уменьшительным суффиксом: середка, серединка, серединочка (автобуса), троллик (троллейбус), трамвашка, маршрутка (такси), талончик, билетик, кнопочка, дверочки, площадочка... [Колесов: 182]

Перевод:

有许多具有表小后缀的“女性”词语，如серединочка (公共汽车儿)和кнопочка (按钮儿)等等。[Ян: 200]

Выше приведены «женские» слова с уменьшительным суффиксом в русском языке. В китайском языке уменьшительно-ласкательные формы слов выражаются с помощью прилагательного ‘маленький’ 小 перед словами и удвоения имен существительных. Таким образом, серединочка (автобуса) и кнопочка на китайском будут 小车车、小扣扣.

Мы предлагаем перевод:

有许多具有表小后缀的“女性”词语，如серединочка (小车车)和кнопочка (小扣扣)等等。

Читательское восприятие принято рассматривать через триаду «автор-текст-читатель», которую определил ещё Аристотель. Что

касается восприятия перевода на другие языки, триада превращается в пентаду «автор-текст-переводчик-перевод-читатель».

Оригинал:

И вдруг выясняется, что к тому же он еще и Васильевич, поскольку отец его царь Василий. Иван Васильевич Грозный IV. [Колесов: 185]

Перевод:

突然发现，他还是“瓦西里耶维奇”，因为他的父亲是沙皇“瓦西里”。这样就产生了“伊万·格罗兹内IV世”。[Ян: 204]

В данном примере римскую цифру IV китайские читатели, особенно не знающие европейские языки, не понимают, поскольку в китайском языке цифры пишут арабскими цифрами или иероглифами. Итак, в этом предложении IV лучше писать иероглифом 四, что соответствует поколению царя, это является официальным стилем китайского языка.

Предлагаем перевод:

突然发现，他还是“瓦西里耶维奇”，因为他的父亲是沙皇“瓦西里”。这样就产生了“伊万·格罗兹内四世”。

Имя, фамилия, отчество переводятся по произношению слогов, однако произношение одного слога русского языка соответствует многочисленным иероглифам.

Оригинал:

В городе много Кузнецовых, Плотниковых, Поповых – нужны все новые и новые фамильные имена. [Колесов: 186]

Перевод:

城里有许多姓库兹涅措夫的，需要越来越多的新姓。[Ян: 205]

Фамилия Кузнецов переведена 库兹涅措夫, данный вариант был общеупотребителен для того времени, когда переводчик перевел монографию. Тем не менее, наука постепенно развивается, в настоящее

время общепринятый вариант перевода фамилии Кузнецов – 库兹涅佐夫.

Перевод уточненный:

城里有许多姓库兹涅佐夫的，需要越来越多的新姓。

К сожалению, в переводе монографии «Язык и ментальность» существуют некоторые печатные ошибки. Эти ошибки связаны, видимо, с качеством издания перевода.

Оригинал:

По-русски следовало бы сказать роб – но такого слова мы не знаем, иногда (в древних текстах) встречается только сочетание холопъ и роба, она показывает, что женщина могла находиться в состоянии «рабства», тогда как мужчина был просто «холоп» (слово того же происхождения, означает хлопца, безродного молодого человека). [Колесов: 84-85]

Перевод:

按俄语说法，本应是роб，但俄罗斯人并不认识这个词，有时在古代文献中可以看到холопъ和роб的组合，它表明，妇女可能处于被奴役的状态，而男人是奴隶。[Ян: 88]

并 это наречие, обычно употребляется перед наречием не (не), чтобы сильнее подчеркнуть тот факт, что русские не знают слово роб. Но у слова 并 нет соответствующего перевода в русском языке, оно просто играет подчеркивающую роль в данном предложении. Итак, правильный перевод будет 并不. В анализируемом варианте перевода оказывается выделенным не то слово, которое выделено в оригинальном тексте.

Исправление перевода:

按俄语说法，本应是роб，但俄罗斯人并不认识这个词，有时在古代文献中可以看到холопъ и роб的组合，它表明，妇女可能处于被奴役的状态，而男人是奴隶。

Оригинал:

Старинная форма трудникъ сменилась причастием трудящийся, чтобы сильнее подчеркнуть мысль о деятельности, о действии. [Колесов: 87]

Перевод:

трудникъ的古老形式被形动词трудящийся（劳动者）所替代，以强调行为。 [Ян: 91]

В данном примере переводчик должен показать новую форму трудящийся старинной формы трудникъ. Жаль, что появилась печатная ошибка (на русском языке это примерно трудящнйся) в слове трудящийся в тексте перевода.

Исправление автора:

трудникъ的古老形式被形动词трудящийся（劳动者）所替代，以强调行为。

Заключение

Итак, в общем переводчик сделал качественный перевод монографии профессора В. В. Колесова «Язык и ментальность». Однако в переводе существуют 5 типов ошибок: 1. перевод устойчивой конструкции в научном тексте; 2. перевод уменьшительно-ласкательных форм слов русского языка; 3. перевод не с точки зрения читательского восприятия; 4. перевод фамилий русских; 5. опечатки. Эти неточности не затрагивают сущности концепции и не мешают ее пониманию, которая передана переводчиком на китайский язык понятно и точно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева И.С. Профессиональный тренинг переводчика / И.С.Алексеева. – СПб.: Союз, 2004 – 288 с.
2. Алексеева, Л. М. Специфика научного перевода / Л.М. Алексеева – Пермь: Перм. гос. ун-т., 2002. – 132 с.

3. Архипова Е.И. Жанровая специфика научной статьи по лингвистике (на материале русского языка) / Е.И. Архипова, О.А. Казакова // Вестник науки Сибири. Серия Филология. Педагогика. – 2013. – №1 (7). – С. 263–270.

4. Кожина М.Н. Стилистика русского языка: учебник / М.Н. Кожина. – М.: Флинта: Наука, 2008 – 464 с.

5. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики: учебник. Москва: Смысл; Санкт-Петербург: Лань, 2003.

6. Райс К. Классификация текстов и методы перевода [Электронный ресурс] / К.Райс URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/reiss-78.htm> (дата обращения: 10.02.2022)

7. Словарь синонимов русского языка [Электронный ресурс] / URL: [Электронный ресурс] / К.Райс URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/reiss-78.htm> (дата обращения: 21.11.2023)

8. Харитоновна Е.А. Концептуализация как стратегия перевода научного текста: На материале русского и английского языков. дисс. канд. филол. наук: 10.02.20, Пермь, 2006

МАТЕРИАЛ

1. Колесов В.В. Язык и ментальность. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2004, 237 с.

2. Колесов В.В. Ян Минтянь. Язык и ментальность. Шанхай: Шанхайский книжный магазин Саньянь, 2006, 268 с.

ЗИНОВЬЕВ Никита Сергеевич (*Владимир, Россия*)

аспирант

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
neket-z@mail.ru

Научный руководитель

ПИМЕНОВА Марина Васильевна (*Владимир, Россия*)

доктор филологических наук, профессор

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
pimenova-vgpu@yandex.ru

В. В. КОЛЕСОВ ОБ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ФИГУРАХ

Аннотация. Статья посвящена древним по происхождению устойчивым единицам, объединенным одним корнем, типа *свет светлый, видеть видение, темень темнеет, качаться на качелях, сидеть сиднем* и т.д. Особое внимание автор статьи уделяет этимологическим фигурам, фигурирующим в трудах В. В. Колесова.

Ключевые слова: этимологические фигуры, диахрония, синхрония, семантика.

Abstract. The article is devoted to the set word combinations of ancient origin, united by one root such as “*svet svetliy*”, “*videt’ videnije*”, “*temen’ temneetsja*”, “*kachat’sja na kacheljah*”, “*sidet’ sidnem*”, etc. The author of the article pays special attention to the etymological figures appearing in the works of V. V. Kolesov.

Keywords: etymological figures, diachrony, synchrony, semantics.

Владимир Викторович Колесов, известный советский и российский филолог и философ, занимался многими вопросами истории языка и культуры. Объектом его исследований в последние десятилетия являлась русская ментальность через призму языка, одной из ярких составляющих которой, в том числе, являются генетически связанные устойчивые двухкомпонентные единицы древнерусского текста с общим корнем – *этимологические фигуры*.

Этимологические фигуры (*figura etymologica*) – объединенные общим корнем (этимомом) имена существительные и родственные им прилагательные / глагольные формы [5: 62]. Сочетание строится на основе синтаксических, грамматических, семантических и фразеологических связей, при которых один из элементов невозможен без существования второго. Компоненты значения этимологической фигуры неразрывно связаны друг с другом. Архисемой в этом случае будет являться синкретичный корень, называющий общий признак, а дифференциальной семой – лексико-грамматические значения словоформ.

Этимологические фигуры объединяют имена существительные и родственные им этимологически прилагательные и глагольные формы, опирающиеся на фольклорные выражения (*свет светлый, темень темнеется, стрелой застрелить, думу думать, сослужить службу*) и на стихиры – церковные песнопения (*просвети просветивый свет*), которые обозначают качественно и количественно «удвоенный» денотат – объект, существующий только при наличии определенного признака (*молодая молодуха*) или же в процессе реализации соответствующего действия (*возрадоваться радостью, жить жизнью, петь песню, снится сон, видеть видение, воровством воровать, сослужить службу, льстить лестию, взглянуть взглядом*) [4: 232].

Впервые к изучению этимологических фигур обратился Франц Миклошич, который в работе «Изобразительные средства славянского эпоса» (1895) в числе остальных видов повторений назвал «связь этимологически родственных слов» [3: 62]. Помимо Франца Миклошича, исследованием этимологических фигур занимались Д. С. Лихачев, М. Вас. Пименова, В. М. Мокиенко, Е. В. Клюев, М. А. Максимович и другие ученые-слависты.

В. В. Колесов уделяет отдельное внимание этимологическим фигурам в монографии «Древнерусская цивилизация. Наследие в слове» (2014). Владимир Викторович пишет про этимологическую фигуру *думу думати* ('держать совет'): «*Мужи – дружина старшая, ещё “отцова”, с которою князь думу думает...*» [1: 714]; «*думати – ‘размышлять всем вместе’ (“думу думают” старшие)*» [1: 777]; «*все сидят, запершись, и думают думу про себя*» [2: 439]. Говоря о содержательном наполнении слова *мужество*, В. В. Колесов отмечает: «**Муж мужествен** – это выделение типичного признака сродни таким, как *свет светлый, масло масляное*» [1: 722]. В ходе анализа символов в «Слове о полку Игореве», В. В. Колесов обращает внимание на то, что в тексте используется словосочетание *свет светлый*, противопоставленное тьме, черному ворону и т.д. По мнению ученого, древнейшим движением мысли было следующее: сначала имя, затем определение (первый предикат), потом глагол (второй предикат) и снова определение (уточнение второго предиката) [1: 954]. В качестве иллюстрации В. В. Колесов приводит «любимый пример А. А. Потебни на лекциях студентам: *свет светлый – светить светло*» [1: 954]. Как подчеркивает Владимир Викторович, данная оппозиция отражает организацию последовательности мысли, в результате которой признак «отвлекается» от вещи и действия в момент сообщения.

В современном русском языке этимологические фигуры как генетически связанные единицы с общим корнем («удвоенным»

денотатом-объектом) продолжают функционировать. Во-первых, используются этимологические фигуры, сохраняющие прежнюю семантику: 'указание на объект, существующий только в процессе реализации соответствующего действия' (*петь песню, снится сон, делать дело, разговоры разговаривать*). Во-вторых, в современном русском языке на основе древней модели «существительное + однокоренное прилагательное» создаются новые единицы типа *ад адский, блин блинский, кошмар кошмарский, мыло мыльное* (о сериале), *ужас ужасный, успешный успех* и др., указывающие на высшую степень проявления того или иного признака [6: 45]. Таким образом, древние этимологические фигуры не утрачиваются, а продолжают использоваться, являясь базовой моделью для возникновения «фразеологических» неологизмов со значением 'самый-самый', 'очень-очень', 'такой, каким должен быть'.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесов В. В. Древнерусская цивилизация. Наследие в слове. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 1120 с.
2. Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. Т. I. // Под ред. В. Л. Янина. М.: Мысль, 1987. 430 с.
3. Миклошич Фр. Язык фольклора: хрестоматия. // Сост. А. Т. Хроленко. М.: Наука, 2006. 224 с.
4. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 5-е изд. М.: Учпедгиз, 1935. 452 с.
5. Пименова М. Вас. *Красотою украси*: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Владимир: ВГПУ, 2007. 415 с.
6. Пименова М. Вас. «Удвоение» онимов и апеллятивов (к 95-летию со дня рождения А. Б. Пеньковского) // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XV Международной научной конференции, посвященной 70-летию кафедры русского языка ВлГУ. (Владимир, 26–28 сентября 2023 года). Владимир: Транзит-ИКС, 2023. С. 36–41.

КРАМСКИХ Артём Петрович (*Ульяновск, Россия*)
аспирант
Ульяновский государственный педагогический университет
им. И. Н. Ульянова
svetigor@bk.ru

Научный руководитель
РЯБУШКИНА Светлана Васильевна (*Ульяновск, Россия*)
кандидат филологических наук, доцент
Ульяновский государственный педагогический университет
им. И. Н. Ульянова

ОБ УЗУАЛЬНОЙ СИНТАГМАТИКЕ СОБИРАТЕЛЬНЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Аннотация. Статья посвящена активным процессам, происходящим в сфере собирательных числительных. Автор отмечает ряд узуальных (но не признаваемых литературной нормой) особенностей использования собирательных числительных в речи и пытается найти причины этих изменений, констатируя связь собирательных не только с идеей «маскулинности», но и с идеей персональности и одушевленности в широком смысле.

Ключевые слова: собирательные числительные, синтагматика, одушевленность, грамматическая норма, узуальная норма.

Abstract. The article highlights active processes in the field of Russian collective numerals. The author marks a number of regular (but not recognized as a literary norm) features of collective numerals' usage in speech and tries to find the reasons for such variations, establishing the connection of collective numerals not only with the idea of masculinity but also with the idea of personality and animation in a broad sense.

Keywords: collective numerals, syntagmatics, animation, grammatical norm, generally adopted norm.

Размышляя о семантической специфике древнерусских собирательных имен существительных, В. В. Колесов отмечал, что они обозначают качественное количество [1: 207]. Особую, качественную, характеристику количества дают и русские собирательные числительные (далее – СЧ).

Кроме того, нормативные требования к синтагматике СЧ регулярно нарушаются в речи, поскольку «любая языковая система всегда находится в неустойчивом равновесии» [2: 85] и реальное употребление, узус всегда разнообразней, богаче наших представлений о нем. В узуальном употреблении можно увидеть семантические особенности языковых единиц и тенденции их развития. Рассмотрим это подробнее.

Русские СЧ – это лексически ограниченный, замкнутый класс числительных, обозначающих количество в пределах первого десятка и представляющий собой суффиксальные образования на базе количественных: *два – дв-ој-е, пять – пят-ер-о*.

Относительно современной речи можно констатировать постепенное исчезновение из употребления СЧ больше семеро: «При прочих равных условиях, лично-количественные *восемьро, девятьро* и *десятьро* нежелательны» [3: 397].

СЧ для больших чисел появляются в тексте с особой стилистической нагрузкой. В Национальном корпусе русского языка (далее – НКРЯ) отмечены единичные употребления «больших» СЧ – как отражение диалектной речи или просторечия: *Ну-у, а чего еще надо? – Пусты, Христа ради, сбились... обмерзли. – А много ли вас? – Не много, не много, **восемнадцатеро всего, восемнадцатеро**, – говорил за окном, заикаясь и щелкая зубами, очевидно совсем перезябший человек. [Н. С. Лесков. Запечатленный ангел (1873)]; Он не говорил о том, что за ним едет еще **шестнадцатеро мастеровых**, чтобы не дать разграбить леса, ибо эти леса играли решающую роль в пароходном движении по Волге, – что дан ему и его **шестнадцатерым** мандат расправляться вплоть до расстрелов. [Б. А. Пильняк. Мать сыра-земля (1924)]; Мы их били с пулемета, Пропадать нам все одно, Полегла вся наша рота, **Двадцатеро в степь** ушло. [Б. А. Лавренев. Сорок первый (1924)].*

Обозначая определенное количество предметов как совокупность, как цельно-раздельное множество, СЧ характеризуются избирательной сочетаемостью, преимущественно с лично-мужскими существительными, что отражено в другом названии этого разряда – лично-количественные числительные.

Сочетания СЧ с названиями лиц женского пола нарушают кодифицированные нормы, но постоянно возникают в речи.

Проиллюстрируем это контекстами, извлеченными из НКРЯ, расположив их хронологически, из девятнадцатого века – в век двадцатый и двадцать первый: *Недавно я получил от Дмитрия Иринарховича письмо из Читы; жалуется на свое тяжелое положение; обременен семейством, хотя своих детей нет; но у него на руках старуха мать Фелицата Осиповна, его покойницы жены, которая до сих пор жива, и еще **двое сестер** бывшей его жены. [И. И. Горбачевский. Письмо Е. П. Оболенскому (1862)]; Не прошло и месяца после внезапной смерти отца, как мы все, мать, **двое сестер** и я, должны были предоставить наш дом и все, что в нем находилось, казне и частным кредиторам. [Н. И. Пирогов. Вопросы жизни. Дневник старого врача (1879–1881)]; Когда она выходила замуж, на ее руках находились: престарелый отец, трое взрослых братьев и **двое сестер**; все жили вместе и на долю Елизаветы Константиновны, исполнявшей обязанности хозяйки и матери (протоиерей Несвицкий овдовел в августе 1855 году), выпадало немало забот и хлопот. [Р. Г. Шемякина. Святой праведный Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях современников. Из воспоминаний Р. Г. Шемякиной (1912–1917)]; Сварщики так устали, что инструмент валился из рук. Мы сами, **трое женщин**, варили. Ручная сварка. [В. И. Мухина. Воспоминания Веры Мухиной (1939–1940) // «Искусство», 1957]; По пути из Вязьмы в Сычевку, мы нагнали группу молодежи – по дороге шли четверо юношей и **трое девушек**. [митрополит Николай (Ярушевич). Разрушение и смерть (1943.10) // Журнал Московской Патриархии, № 02, 1943]; Знакомство это потом вылилось в тесную дружбу Володи не только с самим Давидом Давидовичем, но и со всей большой семьей Бурлюков, где, кроме родителей, было трое братьев и **трое сестер**. [М. Н. Бурлюк. Начало было так далеко... (1956)]; **Трое женщин** лежали неподвижно двое сидели, их поддерживали. [И. А. Дедков. Дневник (1981)]; Их было шестеро – **трое девушек** и*

трое ребят – собравшихся послушать музыку и потанцевать, но танцы быстро кончились и началось совсем другое. [В. А. Ярмолинец. *День независимости* // «Волга», 2011]; *Иван, последний из братьев, которые конечно же никакими братьями не были, отнес ее чемодан в дом одинокой Марии, а Машеньку проводил в баню, где ее уже ждали пятеро женщин.* [Юрий Буйда. *У кошки девять смертей (2000)* // «Новый Мир», 2005].

Контексты, как представляется, показывают не столько грамматические девиации, сколько узуальную норму. Подобные фразы, пишет И. А. Мельчук, «воспринимаются мной как абсолютно нормальные... это широко распространившийся, но еще не полностью победивший синтаксический неологизм» [3: 382].

Использование СЧ по отношению к детенышам животных вполне нормативно (*трое щенят, семеро козлят* – обозначается выводок, дети одной самки), а по отношению ко взрослым животным «в нормативно-стилистических изданиях обычно не обсуждается, в то время как реальное употребление часто предлагает нам подобные неправильности, и объяснить выбор говорящего довольно легко» [5: 529]. В частности, как отмечает С. В. Рябушкина, «группа животных может быть объединена совместной деятельностью: ... *А ему удалось оседлать троих львов и прокатиться на них по арене (Памяти Вальтера Запашного. Т/к «Россия–К». 01.04.13)*» [5: 529].

Расширение синтагматики, обусловленное замыслом автора, «используется при создании художественного образа, при персонификации животного. В поведении животных может обнаруживаться нечто человеческое. Например, “*независимые иерусалимские кошки*” в романе-комиксе Д. Рубиной “Синдикат” стали одним из символов Вечного города. Эта тема проходит через все повествование ... И в контексте романа фраза “*чем там лакомятся*”

трое отважных иерусалимских кошек” звучит вполне органично» [4: 160–161].

Такой «прием “очеловечения” животного» [4: 161] характерен для литературы, что подтверждается ресурсами НКРЯ, например: *Вскоре он и совсем умолк, пятеро или шестеро собак, не изменивших своему расписанию, никого уже не облаивали и не обскуливали, лишь покорно отсиживали свои часы. [Георгий Владимов. Верный Руслан (1963–1965|1974)]; Мы уж совсем начали было кувыркаться, но тут я заметил, что из леса, то есть из травы, навстречу нам вышло человек шесть муравьев. ... Я размахнулся и изо всех сил двинул его сучком по башке. Мирмик покачнулся и, не издав ни звука, молча свалился на землю. Место сбитого моментально без шума заняли двое рыжих муравьев. [Валерий Медведев. Баранкин, будь человеком! (1957)].*

Сделаем выводы. Узуальная сочетаемость СЧ с названиями лиц женского пола и названиями животных показывает, что «дополнительная синтагматическая характеристика лично-мужских существительных» [5: 529] оказывается не только признаком категории лица, персональности, но и признаком одушевленности вообще.

Развитие категории одушевленности, проявляющейся в маркировании падежа прямого объекта, проходило в истории русского языка сходным образом и связано «с переходом одной и той же формы в новое семантическое качество» [1: 200], от выражения определенности к обозначению лица (сначала только у имен мужского рода, позже у имен женского рода), и позже категория лица «становится категорией одушевленности, распространяясь на формы мн. ч. и охватывая все группы “одушевленной” лексики» [1: 203]. Узуальная синтагматика и семантическое развитие русских СЧ показывает этап включенности их в категорию лица, а далее в категорию одушевленности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесов В. В. Историческая грамматика русского языка. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2010. 512 с.
2. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения). 2-е изд., стереотип. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 204 с.
3. Мельчук И. А. Поверхностный синтаксис русских числовых выражений. Wien: Wiener Slawistischer Almanach, sdb. 16, 1985. 509 с.
4. Рябушкина С. В. О стилистически маркированном употреблении собирательных числительных // Уральский филологический вестник. Серия: Психолингвистика в образовании. 2014. № 2. С. 156–163. – EDN SCCWUP.
5. Рябушкина С. В. Русские собирательные числительные как маркеры одушевленности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2-2. С. 527–531. – EDN UOGZOF.

КУЗНЕЦОВА Елизавета Александровна (*Владимир, Россия*)

студент

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
elizaveta_k03@mail.ru

Научный руководитель

ПИМЕНОВА Марина Васильевна (*Владимир, Россия*)

доктор филологических наук, профессор

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
pimenova-vgpu@yandex.ru

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ДРЕВНЕРУССКИХ ПАРНЫХ ИМЕНОВАНИЙ

(на материале «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона)

Аннотация. В статье на материале текста «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона (XI в.) рассматриваются структурно-семантические модели одного из видов устойчивых единиц древнерусского текста – парных именовании, выражающих нерасчлененное значение. Их компоненты соединены союзной или бессоюзной связями, относятся к одной части речи (в анализируемом тексте – существительные, прилагательные, глаголы или наречия). Синкретичное значение парности рассматриваемых устойчивых единиц (синкретем) может включать в себя однородные и разнородные сущности.

Ключевые слова: древнерусский текст, синкретема, парное именование, структура, семантика, структурно-семантическая модель, функционирование.

Annotation. In the article, based on the text "The Song about Law and Grace" by Metropolitan Hilarion (XI century), the structural and semantic models of one of the types of set word combinations of the Old Russian text – paired names expressing an undismembered meaning are considered. Their components are connected by conjunctions or usyndeton, relate to one part of speech (in the analyzed text – nouns, adjectives, verbs or adverbs). The syncretic meaning of the pairing of the set word combinations under consideration (syncretemes) may include homogeneous and heterogeneous entities.

Keywords: Old Russian text, syncretism, pair naming, structure, semantics, structural and semantic model, functioning.

Устойчивые единицы рассматриваются учеными в синхронном и диахронном аспектах (М. В. Артамонова, О. С. Ахманова, К. М. Богрова, А. П. Евгеньева, О. Ф. Жолобов, П. А. Лекант, Д. С. Лихачев, М. Вас. Пименова, Е. Ю. Рыкин и другие), однако последний остается недостаточно изученным.

Древнерусскому тексту свойственны аналогичность синтаксических конструкций, традиционность в передаче информации. В своих трудах Д. С. Лихачев отмечает, что древнерусский текст состоял из литературных канонов, различных формул: житийных, воинских, некрологических и т.д. Одинаковость мышления и мировоззрения людей того времени была обусловлена господствовавшими деспотичными феодальными отношениями, способствовавшими закреплению церковной и светской обрядности. Общественный строй повлиял на литературу: повествованию были приданы этикетные формы [4: 95].

По мнению Б. А. Ларина, определенное количество синкретизма не сохранилось в языке. «Большинство устойчивых синтагм носит печать своей эпохи и социальной среды, а потому в ходе столетий они утрачивают широкую применимость, начинают вызывать отрицательные ассоциации и потускневшие представления, становятся анахронистическими, и тогда свойственный им привкус «пыли веков» заставляет избегать их, выводить их из активного фонда языка» [3: 143].

М. Вас. Пименова предлагает обозначать «минимальные лексические единицы древнерусского текста термином *синкретемы* (корень *синкрет-* + суффикс *-ем-*), который находится в одном ряду, во-первых, с терминами *синкрета*, *синкретизм*, *синкретсемия*, во-вторых, с терминами, указывающими на минимальные единицы различных языковых уровней: *синтаксема*, *лексема*, *семема*, *морфема*, *фонема* и проч. Устойчивые единицы имеют синкретичное значение, отражают в

связи с этим явление структурно-синтагматической синкретсемии» [5: 29].

Парные именованя – устойчивые единицы парадигматического типа, указывающие, по мнению М. Вас. Пименовой и У Ляньлянь, «одновременно на два сигнификата, выражающие синкретичное значение парности трех видов: а) парность однородных («синонимичных») сущностей (*врѣмена и лѣта, убийство и кровопролитие*); б) парность разнородных («антонимических») сущностей (*душа и тѣло, плоть и духъ*); в) парность соположенных видовых сущностей – согипонимов» (*злато и сръбро, лѣси и поля*) [6: 115].

М. В. Артамонова утверждает, что значение парности в данных синкретемах является отражением мировосприятия, мышления средневекового человека. Для сознания людей того времени был характерен принцип двойного отражения действительности [1: 54].

М. Вас. Пименова и М. В. Артамонова указывают на то, что исследуемые синкретемы восходят как к библейским источникам, так и к устной народной поэзии [5: 30].

По мнению М. В. Артамоновой, парные именованя обладают следующими особенностями: а) нерасчлененное значение; б) раздельнооформленность; в) между компонентами исследуемых синкретем – союзная и бессоюзная связи; г) «варьирование на лексическом, фонетическом, словообразовательном, морфологическом и синтаксическом уровнях»; д) склоняемость обоих компонентов парного именованя; е) относительная проницаемость структуры; ж) нефиксированный порядок расположения компонентов рассматриваемых устойчивых единиц [1: 49–50]. Структурно-семантические компоненты парных именований принадлежат к одной части речи.

Рассмотрим данные единицы на материале памятника XI в. – «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона, родившегося еще во времена князя Владимира, крестителя Руси, активно действовавшего «при его сыне – Ярославле. “Муж благ, книжен и постник”, – говорится о нем в “Повести временных лет”. Иларион был священником церкви в Берестове, откуда Ярослав Мудрый и взял его в митрополиты. Это был первый митрополит из русских (1051–1054), сменивший греков, ставленников Византии» [2: 274–275].

В тексте «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона парные именованья выражены именами существительными, именами прилагательными, глаголами или наречиями. Рассматриваемые устойчивые единицы могут быть образованы по следующим структурно-семантическим моделям:

1. «Имя существительное + имя существительное»:

1.1. **Слава и честь** (‘почитание’): «Показает ны и увъряет самъ Спасъ Христос, каковая ты **славы и чьсти** сподобилъ есть на небесъхъ..» (2: 48), «Егоже убо подобникъ сыи, съ тгъмь же единая **славы и чьсти** обещающа сътворилъ ты Господь на небесъхъ благовърна твоего ради, еже имгъ въ животгъ своемъ» (7: 50), «...по трудамъ воздающий < праведникамъ > сим **славу же и честь**» (7: 52).

1.2. **Мужи и жены** (‘весь народ, люди’): «**Мужи и жены**, и малии, и велиции, вси людие, исполнеше святыя церкви, въславиша, глаголюще: «Единъ святъ, единъ Господь, Исус Христос, въ славу Богу Отцу, аминь!» (7: 46).

1.3. **Небеси и земли** (‘Вселенная’): «Исповѣдаю ти ся, Отче, Господеви **небеси и земли...**» (7: 32), «Вся же си Богъ нашъ **на небеси и на земли** елико въсхотгъ, и сътвори» (7: 34).

2. «Имя прилагательное + имя прилагательное»:

2.1. **Безвъстьная и таинаа** (‘скрытый, утаенный’): «**Безвъстьная же и таинаа** пргъмудрости Божии утаена...» (7: 28),

или **безвѣстнаа и утаена**: «*И присѣтивъшу Богу чловѣчьска естѣства, явишася уже **безвѣстнаа и утаенаа** и родися благодѣть, истина, а не законъ, сынъ, а не рабъ*» (7: 28).

2.2. **Видимыи и невидимыи** ('все существа, живущие на Земле'): «*...и възыскати единого Бога, сътворишааго всю тварь **видимую и невидимую***» (7: 44), «*...яко естъ Богъ единъ творецъ **невидимымъ и видимымъ**, небеснымъ и земленнымъ, и яко посла въ миръ спасенна ради възлюбенаго Сына своего*» (7: 46).

2.3. **Нощныа и дневныа** ('длѣщияся в течение всего дня, суток'): «*Къ сему же кто исповѣсть многыа твоя **нощныа** милостыня и **дневныа** щедроты, яже къ убогимъ творяше, къ сирымъ, къ болящимъ, къ дѣлжнымъ, къ вдовамъ и къ всѣмъ требующимъ милости?» (7: 48).*

3. «Глагол + глагол»:

3.1. **Възвеселиться и възрадоваться** ('праздновать'): «*...Да **възвеселятся и върадуются** языци!*» (7: 42), «*Въстани, виждь чадо свое Георгиа, виждь утробу свою, виждь милааго своего, виждь егоже Господь изведе от чреслъ твоихъ, виждь красящааго столъ земли твоеи – **и возрадуися и възвеселися!***» (7: 50), «*...нъ духомъ показывает ти Господь вся си, о нихъже **радуися и веселися...***» (7: 50).

3.2. **Чтить и славить** ('почитать'): «*Вся страны и гради, и людие **чтуть и славять** коегождо ихъ учителя, иже научиша я православнѣи въргъ*» (7: 42).

4. «Наречие + наречие» – **весело и радостно** ('с чувством душевного удовлетворения, веселія'): «*... въ единении въргы въкупъ **весело и радостно** славимъ тя Господа нашего Исуса Христа съ Отцемъ, съ Пресвятымъ Духомъ...*» (7: 56).

Наиболее употребляемой в тексте «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона является структурно-семантическая модель «имя существительное + имя существительное» (32 синкретемы). Реже

используются модели «имя прилагательное + имя прилагательное» (14 устойчивых единиц) и «глагол + глагол» (3 парных именованья). Наименее употребляемой в анализируемом контексте является структурно-семантическая модель «наречие + наречие» (1 синкретема).

При анализе текста «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона мы, опираясь на работу М. В. Артамоновой [1: 51–72], выделили следующие типы и виды синкретичного значения парности у выявленных нами парных именованья:

1. Синкретичное значение парности однородных сущностей:

1.1. 'Часть целого ~ часть целого' (**вѣтеръ и море**: «...ако Богъ запрѣти **вѣтромъ и морю**, и послушаша его» (7: 34)).

1.2. 'Часть целого ~ целое' (**царие земьстии и вси людие**: «**Царие земьстии и вси людие**... да хвалять имя Господне» (7: 42)).

1.3. 'Причина ~ следствие' (**крѣпокъ и силенъ**: «...яко ть есть живымъ и мертвымъ **крѣпокъ и силенъ Богъ**» (7: 26)).

1.4. 'Индивидуальное ~ коллективное' (**възвеселиться и възрадоваться**: «**Въстани, виждь чадо свое Георгия, виждь утробу свою, виждь милааго своего, виждь егоже Господь изведе от чреслъ твоихъ, виждь красящааго столъ земли твоеи – и возрадуися и възвеселися!**» (7: 50)).

2. Синкретичное значение парности разнородных сущностей:

2.1. 'Внешнее ~ внутреннее' (**миръ и съдравие**: «Паче же помолися о сынъ твоемъ, благовѣрнѣмъ каганъ нашемъ Георгии, **въ миръ и въ съдравии** пучину жития прѣплути и въ пристанищи небеснааго завѣтрия пристати, невѣрдно корабль душевны...» (7: 52)).

2.2. 'Материальное ~ духовное' (**тѣлесная и душевная**: «...вся помилуй, вся утѣши, вся обрадуи, радость творя имъ и **тѣлесную и душевную!**» (7: 56)).

2.3. 'Мужское ~ женское' (**юношѣ и дѣвы**: «Царие земьстии и вси людие, князи и вси судии земьскыи, **юношѣ и дѣвы**, старци съ юнотами да хвалять имя Господне» (7: 42)).

2.4. 'Божественное ~ земное' (**ангелы и человекы**: «Безвѣстная же и таинаа прѣмудрости Божию утаена бяху **ангель и человекъ**...» (7: 28), «...сзъвавъ на едино веселие небесныа и земныа, съвокупивъ въ едино **ангелы и человекы**...» (7: 30), «Едино бо есть Божество въ Троици, едино господство, едино царство, обще трисвятое от херувимъ, обещае поклонъ от **ангель и человекъ**, едина слава и благодарение – от всего мира» (7: 58)) [1: 51–72].

Парные именованья относятся к промежуточному ярусу языка, так как компоненты анализируемых устойчивых единиц, выражая синкретичное значение (близки к лексеме), являются отдельными словами (сходны с фразеологизмами).

В дальнейшем данные синкретемы могут стать базой для образования триад.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамонова М. В. Парные именованья в древнерусском тексте: Дисс. ... кандидата филологических наук / Влад. гос. пед. ун-т. Владимир, 2005. – 171 с.
2. Колесов В. В. Древнерусская цивилизация. Наследие в слове. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. – 1120 с.
3. Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание: Избр. работы: Учеб. пособие для фак. рус. яз. и литературы пед. ин-тов. – М.: Просвещение, 1977. – 224 с.
4. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. – 2-е изд., доп. – Ленинград: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1971. – 413 с.
5. Пименова М. Вас., Артамонова М. В. «Речение» и «разум» древнерусского текста. – Владимир: ВГПУ, 2008. – 51 с.
6. Пименова М. Вас., У Ляньлянь. Функционирование парных именованья в русском языке // Вестник РУДН. – 2020. – Т. 11. – № 1. – С. 102–118.
7. «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом); под. ред. Д. С. Лихачева и др. – СПб.: Наука, 1997. – Т. 1: XI–XII века. – С. 26–61.

ФУ Хуэйюй (Челябинск, Россия)

аспирант

Южно-Уральский государственный университет

934185987@qq.com

Научный руководитель

ХАРЧЕНКО Елена Владимировна (Челябинск, Россия)

доктор филологических наук,

заведующий кафедрой «Русский язык как иностранный»

Южно-Уральский государственный университет

ev.kharchenko@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ВКУСОВ И ЗАПАХОВ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Аннотация. В данной статье осуществляется глубокий анализ механизмов вербализации вкусовых и обонятельных восприятий в русском языке. Исследование базируется на теоретических положениях когнитивной лингвистики и психолингвистики, акцентируя внимание на взаимодействии языковых единиц и сенсорных опытов в рамках русской языковой картины мира. Авторы анализируют лексические и фразеологические средства, используемые для описания вкусов и запахов, и рассматривают их семантические, стилистические и культурно-исторические аспекты.

Ключевые слова: русский язык, запах, вкус, языковая картина мира, лексико-семантическое поле.

Abstract. This article provides an in-depth analysis of the mechanisms of verbalization of gustatory and olfactory perceptions in the Russian language. The research is based on the theoretical positions of cognitive linguistics and psycholinguistics, focusing on the interaction of linguistic units and sensory experiences within the framework of the Russian linguistic worldview. The authors analyze the lexical and phraseological means used to describe tastes and smells, and consider their semantic, stylistic, and cultural-historical aspects.

Keywords: Russian language, smell, taste, linguistic picture of the world, lexical-semantic field.

Язык выражает различные «видения мира», которые характерны для культуры его носителей на протяжении истории, что способствует формированию и развитию языковых значений и форм. В данном контексте, слово выступает как семиотический символ, представляющий определённые образы, которые можно восстановить через анализ соответствующих концептов. Восприятие внешнего и внутреннего миров осуществляется через призму культуры и языка, что влияет на осмысление мира и его репрезентаций [Пименова М. Вл., 1999].

На сегодняшний день, в лингвистике часто применяется термин «концептуальная система», формируемая до появления языка и через язык, что ведёт к созданию «концептуальной картины мира» [Павиленис Р. Й. , 1983, с.116]. Смыслы или значения, известные также как концепты, являются элементами этой системы, связанными с языковыми выражениями и представлениями о мире. Процесс познания человеком мира, в широком смысле этого слова, представляет собой формирование смыслов или концептов об объектах познания как процесса создания информации о них. Эта информация, которая отражает актуальное или потенциальное состояние вещей в мире, именно и составляет «смысл» или «концепт» [Павиленис Р. Й. , 1983, с.101–102]. Изучение концептов, связанных с определённым языком, позволяет выявить неизменные значения, а также прототипические значения, которые проявляются в наиболее типичных и часто используемых случаях применения этих концептов.

Всё, что существует во внешнем (материальном, физическом) мире, проходит через «внутреннюю обработку» человеческими органами чувств. Исследователи отмечают доминирующее положение аудиовизуального восприятия в повседневной жизни человека. Во многих языках количество лексических единиц, обозначающих аудиовизуальные впечатления, значительно превышает количество слов и фразеологических оборотов, связанных с ольфакторным и вкусовым восприятием. Иммануил Кант описывал вкус и обоняние как в большей степени субъективные чувства, при этом первый связан с контактом языка, глотки и нёба с внешним объектом, а второе – с вдыханием чужеродных испарений, смешанных с воздухом. Кант отмечал, что тело, испускающее эти испарения, может находиться на расстоянии от органа восприятия. Он также подчёркивал близость этих чувств, указывая, что при ослаблении обоняния обычно снижается и чувствительность вкуса [Кант И., 1993, с. 184–185].

Таким образом мы можем сформулировать гипотезу о том , что лексические особенности могут отражать глубинные культурные и ментальные установки.

Колесов В.В. считает, что «менталитет – категория гносеологическая, и потому его проявления в конкретной ментальности определяется выбором философской позиции» [Колесов В.В., 2013].

В русской культуре традиционно большое значение придается общественным и семейным узам, что находит отражение в богатом словаре, связанном с вкусами и ароматами, используемыми в домашней кулинарии. Так, подробное описание вкусовых качеств пищи и её ароматов отражает не просто эстетическую оценку или сенсорное восприятие, но и укрепляет общность опыта, совместное участие в традициях и культурных практиках. В этом контексте, языковая экспрессия вкусов и запахов свидетельствует о ценности семейных обедов, праздничных традиций и общего стола как средства укрепления социальных связей и передачи культурных ценностей.

Кроме того, глубина и многообразие языковых средств, используемых для описания вкусов и запахов, могут отражать склонность русского менталитета к интроспекции и глубокому эмоциональному восприятию мира. В русской литературе и искусстве часто прослеживается тенденция к тонкому анализу внутренних переживаний, что находит отражение в языке через детализированные и эмоционально насыщенные описания сенсорных впечатлений. Так, вербализация вкусов и запахов в русском языке часто сопровождается образными и метафорическими средствами, позволяя передать не только сенсорный опыт, но и связанные с ним глубокие эмоциональные реакции и психологические состояния.

В рамках тематического анализа, основанного на материалах «Русского семантического словаря» под редакцией Н.Ю. Шведовой

(1998–2000) был составлен список русских лексических единиц, связанных с категорией «Запах».

В категорию существительных, относящихся к запаху, включены такие термины, как «запах», «аромат», «благоухание», а также слова с негативной окраской, включая «вонь», «вонища», «дух», «перегар».

Среди прилагательных, характеризующих запах, выделяются «ароматный», «душистый», «запашистый», «пахучий», а также прилагательные с негативной коннотацией: «смрадный», «зловонный», «затхлый», «гнилостный».

Глаголы, связанные с восприятием запаха, включают «нюхать», «обонять», «понюхать», «понюхивать», «перенюхать», «принюхаться», «придышаться», в то время как глаголы, отражающие проявление запаха, содержат такие слова, как «пахнуть», «запахнуть», «благоухать», а также «разить», «нести», «смердеть», «попахивать», «вонять», описывающие разнообразие ароматических качеств.

Итак, ЛСП «Запах» в русском можно разделить на 3 группы: 1) лексические единицы, обозначающие запах без оценки; 2) лексические единицы, обозначающие приятный запах; 3) лексические единицы, обозначающие неприятный запах.

Разделим некоторые из них на группы в соответствии с выделенными значениями.

Часть речи	Без оценки	Приятный запах	Неприятный запах
Существительное	. запах	. аромат,	. вонь,
е		. благоухание.	. вонища,
			. дух,
			. перегар.
Прилагательное	. пахучий	. ароматный,	. запашистый,
		. душистый.	. пахучий,

			. смраднѣй,
			. зловоннѣй,
			. затхлѣй,
			. гнилостнѣй.
Глагол	. нюхать,	. Благоухать.	. разить,
	. обонять,		. нести,
	. понюхать,		. смердеть,
	. понюхивать,		. вонять,
	. перенюхать,		. попахивать.
	. принюхаться,		
	. придышаться,		
	. пахнуть,		
	запахнуть.		

Таблица 1. Оценки категории «Запах» в русском языке

В русском языке лексико-семантическое поле "Запах" характеризуется богатством и многообразием, позволяя детализированно и точно описывать различные ароматические восприятия. Это поле состоит из трех основных категорий, каждая из которых включает в себя слова разных частей речи, отражающие разные аспекты описания запахов.

Первая категория включает в себя лексические единицы, обозначающие запах без какой-либо оценки. Существительное «запах» и прилагательное «пахучий» служат для нейтрального указания на наличие какого-либо аромата. Глаголы, такие как «нюхать», «обонять» и «пахнуть», описывают действия, связанные с восприятием запаха, без указания на его характер.

Вторая категория охватывает слова, описывающие приятные ароматы. Существительные "аромат" и "благоухание" используются для описания приятных, часто тонких и утонченнных запахов.

Прилагательные "ароматный" и "душистый" подчёркивают приятные качества запаха, делая акцент на его привлекательности.

Третья категория включает слова, характеризующие неприятные запахи. Существительные "вонь", "воньца" и "перегар" чётко указывают на негативно воспринимаемые ароматы. Прилагательные, такие как "запашистый", "смрадный", "зловонный" и "гнилостный", подчёркивают отталкивающие аспекты запаха. Глаголы, например "разить" и "смердеть", активно используются для описания сильных и неприятных запахов.

Таким образом, лексико-семантическое поле "Запах" в русском языке отражает важность ольфакторного восприятия в культуре и языке, предоставляя широкий спектр выразительных средств для описания как нейтральных, так и сильно эмоционально окрашенных ароматов.

ЛСП «Вкус» в русском можно разделить на 5 групп: 1) Основные обозначения категории вкуса; 2) обстунтантивные образования; 3) оценочные лексемы; 4) категория дополнительных вкусов; 5) категория испорченности.

Часть Речи	Основ ные	Отсубстан тивные образования	Дополните льные	Оценочн ые	Испорче нные продукт ы
Существите льное	Вкус				Плесень
Прилагат ельные	Сладки й Горьки й Солен ый	Лимонный Медовый Яблочный Апельсинов ый Сахарный	Жгучий Терпкий Вяжущий Нежный Мягкий Терпкий	Вкусный Невкусны й Аппетитн ый Неаппети	Горький Тухлый Плеснев елый Кислый

	Кислый	тный
	Острый	Отвратите льный
Глагол	Пробов ать Есть Кушать Облиз ывать	Мерзкий

Таблица 2. Оценки категории «Вкус» в русском языке

В современном русском языке для описания вкуса используется ряд лексических средств. Ключевую роль играют термины, обозначающие четыре основных вкуса: сладкий, кислый, горький и солёный. Оттенки этих основных вкусов выражаются через производные, такие как «сладковатый» или «кисло-сладкий». Особую роль играют отсубстантивные прилагательные, например, «лимонный» или «сахарный», которые связаны с конкретными продуктами.

Дополнительный уровень в описании вкуса представлен через сенсорные ощущения: осязательные (например, «жгучий», «мятный»), а также через обонятельные качества (например, «ароматный», «травяной»). Способы обработки пищи также влияют на восприятие вкуса, как в случае с жареной или варёной картошкой.

Важное место занимают слова с оценочной семантикой (например, «великолепный», «отвратительный») и образные средства, включая эпитеты («взрывной», «нежный»), сравнения («как лимон», «сладкий как сахар») и метафоры (райский вкус)

Семантика вкусовых терминов тесно связана с перцептивным опытом. Например, «солёный» или «сладкий» вкус в каждом

индивидуальном случае может восприниматься по-разному. Лексемы, описывающие основные вкусы, часто используются для дифференциации между различными группами продуктов, тогда как более детальные оттенки внутри одной группы передаются через отсубстантивные образования.

Кроме того, в языке существуют так называемые дополнительные вкусы, например, «терпкий» или «жгучий», которые активируют не вкусовые, а другие рецепторы (тепловые, осязательные, обонятельные). Описывая эти вкусы, мы используем метафоры и метонимии, которые зачастую являются стёршимися.

В русском языке также применяются оценочные лексемы для описания вкуса, например, «вкусно» или «невкусно», а также термины, указывающие на испорченные продукты, такие как «горький» или «кислый».

Таким образом, рассматривая лексико-семантическое поле «Запах», можно увидеть, как в русском языке запахи классифицируются не только по их источникам (например, «аромат», «благоухание»), но и по их эмоциональному воздействию (например, «вонь», «вонища»). Это свидетельствует о том, что запахи в русской культуре воспринимаются не просто как нейтральные или биологические стимулы, но как феномены, имеющие значительное эмоциональное и эстетическое значение. Глаголы, связанные с восприятием и проявлением запаха, отражают активное взаимодействие человека с его окружением, подчёркивая важность ольфакторного опыта в русской культуре.

Лексико-семантическое поле «Вкус» демонстрирует схожие тенденции. Оно иллюстрирует важность вкусового восприятия в русской культуре, подчёркивая разнообразие вкусовых качеств и их влияние на человеческий опыт. Особенностью русского языка является выражение вкусовых нюансов через отсубстантивные образования и оценочные

лексемы, что свидетельствует о тесной связи между языком и культурными практиками, такими как кулинария.

В ходе лингвистического анализа отобранных в словаре лексических единиц было выявлено, что в русском языке существует значительное преобладание лексем, описывающих вкусовые качества, по сравнению с лексемами, отражающими ольфакторные ощущения. Это наблюдение может быть интерпретировано как отражение определённых культурно-исторических и социолингвистических аспектов в русской языковой картине мира.

Преобладание вкусовых лексем над ольфакторными может быть обусловлено несколькими факторами. Во-первых, это может указывать на культурную важность пищи и пищевых традиций в русской культуре. Кулинария, как ключевой элемент культурной идентичности, способствует развитию богатого словаря для описания вкусовых ощущений. Во-вторых, это может отражать определённые эстетические предпочтения в русской культуре, где вкусовые качества оцениваются выше, чем ольфакторные.

Кроме того, мы можем предположить, что преобладание вкусовых лексем над ольфакторными связано с более широким спектром эмоциональных и символических ассоциаций, которые могут быть выражены через вкус. Вкусовые ощущения тесно связаны с такими понятиями, как удовольствие, наслаждение, уют и домашний комфорт, которые занимают значимое место в русской культуре.

Следует также отметить, что ольфакторные ощущения, хоть и менее представлены в лексике, всё же играют важную роль в языковой картине мира, выражая чувственные и эмоциональные состояния, а также служа индикаторами определённых ситуаций или воспоминаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пименова М. Вл. Этногерменевтика языковой наивной картины внутреннего мира человека. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. 262 с.
2. Павиленис Р. Й. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983. 286 с.

3. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. СПб.: Наука, 1999. 472 с.
4. Колесов В.В. Когнитивистика в аспекте терминологии // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. №1 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivistika-v-aspekte-terminologii> (дата обращения: 12.01.2024).
5. Русский семантический словарь / Под общей редакцией Н. Ю. Шведовой. М., 1998–2000.

РАЗДЕЛ 2

ГЛУБИННЫЕ СМЫСЛЫ В ЯЗЫКЕ И ТЕКСТЕ

АЛЕКСЕЕВ Александр Валерьевич (*Москва, Россия*)

доктор филологических наук, доцент
Московский городской педагогический университет,
Московский педагогический государственный университет,
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
avalekseev74@yandex.ru

КУЛЬТУРНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЗМА: ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. Описание внутренней формы фразеологизмов (несвободных сочетаний слов) – особый метод анализа культурной значимости слова: раздельнооформленность фразеологических единиц способствует сохранению внутренней формы и тем самым устойчивой экспликации символических значений, в том числе архаичных. Установлено, что культурная значимость фразеологизма *нищие духом* изменялась в истории русского языка: в различных дискурсах выражались признаки ‘спасение в Боге’, ‘добровольная бедность’, ‘смирение, кротость’, ‘интеллектуальная немощь’.

Ключевые слова: историческая лексикология, культурная значимость слова, символическое значение, фразеология, этимология.

Abstract. The description of the internal form of phraseological units (non-free combinations of words) is a special method of analyzing the cultural significance of a word: the separate shaping of phraseological units contributes to the conservation of the internal form and thereby the settled explication of symbolic meanings, including archaic ones. It is established that the cultural significance of the phraseological unit *nishhie duhom* has been changed in the history of the Russian language: the signs of ‘salvation in God’, ‘voluntary poverty’, ‘humility, meekness’, ‘intellectual infirmity’ had been expressed in various discourses.

Keywords: historical lexicology, cultural significance of the word, symbolic meaning, phraseology, etymology.

Исследование фразеологии в аспекте культуры – общепризнанное направление концептологии, лингвокультурологии, этнолингвистики, поскольку «во фразеологии, как ни в какой другой области языка, живо ощущается связь с экстралингвистическими факторами» [7: 21]. Именно фразеологизмы традиционно рассматриваются в качестве источника культурной коннотации, поскольку они отражают «духовный опыт» в его связи с «культурными традициями» [13: 214]. Источником понимания культурной коннотации (культурной значимости) оказывается прежде всего внутренняя форма фразеологизма, которая образуется прямыми

значениями компонентов идиомы. Культурная значимость лексической единицы выражается совокупностью символических значений, реализуемых ею в истории языка. Подобные значения обладают бинарным характером и, соответственно, удвоенным означаемым: первичное означаемое (обычно – предметно-чувственный образ) становится означающим для вторичного означаемого (культурной ценности).

Внутренняя форма лексической единицы (в том числе фразеологизма) реализует символическую функцию особым образом – в структуре этимологического символического значения [2: 225–228]. В этом случае соотношение означающего и означаемого оказывается обратным в сравнении с реальной историей исторического изменения значения слова. Символ – это познание неизвестного через известное, однако в истории слова или фразеологизма внутренняя форма может затуманиваться или исчезать. В результате означающим символа становится известное, вторичное с точки зрения исторического развития, прямое значение. Означаемым этимологического символического значения является неизвестное, скрытое содержание – внутренняя форма, в которой сохраняется зафиксированная в древности культурная ценность.

Фразеологический материал при описании культурной значимости особенно важен, поскольку метод внутренней формы в применении к фразеологии высоко продуктивен: внутренняя форма фразеологизмов непосредственно наблюдается вследствие отдельной оформленности фразеологических единиц. В древнерусском языке существовал, по наблюдениям М. Вас. Пименовой, широкий класс сверхсловных лексических единиц – синкретем, для которых, как и для фразеологизмов, были характерны воспроизводимость и устойчивость и которые использовались для передачи синкретичных, сложных значений [9: 52–55]. Такие сложные значения, видимо, можно рассматривать как

значения символические, поскольку их сложный характер предполагает по меньшей мере удвоение означаемого – или даже более сложную структуру. В синкретемах могли выражаться «все типы отношений между лексическими единицами» [9: 60], они представляли собой системное свойство древнерусского языка.

Устойчивые формулы являлись основными единицами древнерусского текста, в том числе текста сакрального; «целостность текста определялась степенью цельности формул и их соотношенностью друг с другом» [6: 161]. Таким образом, анализ культурной значимости не только отдельных слов, но и сверхсловных обозначений оказывается максимально важен для понимания средневековых культурных ценностей: одним из основных принципов построения средневекового текста была «доминантность ключевых слов и формул текста» [6: 162].

При диахроническом описании культурная значимость фразеологии выявляется как на материале идиом, то есть устойчивых сочетаний номинативного типа, так и на материале паремий, то есть устойчивых сочетаний коммуникативного типа. В идиомах символическое значение реализуется путем сопряжения буквального и обобщенно-переносного значения фразеологизма. При описании паремий символические значения и в целом культурную значимость опорных слов возможно исследовать путем дистрибутивного анализа. В диахроническом плане эти методы смыкаются, поскольку источником культурной информации «могут служить идиомы, восходящие к пословицам» [14: 64].

Как и в случае с историей слов, при изучении фразеологизмов необходимо разграничивать культурную значимость различных исторических периодов, а также генетически неоднородные символические признаки, полученные из различных культурных источников. В качестве таковых можно назвать, с одной стороны, область книжной культуры, а с другой стороны, народную славянскую

культуру. Книжную культурную значимость отражают фразеологизмы библейского происхождения, содержащие христианскую символику, однако в истории русского языка такие фразеологизмы могли обогащаться собственно славянской культурной значимостью.

Некоторые библейские фразеологизмы имеют сложную судьбу в истории русского языка, примером чего является фразеологическая единица **нищие духом**. Прямое значение (1) данного словосочетания (внутренняя форма ФЕ) может быть восстановлено путем герменевтического анализа в библейском тексте [1; 4]. Ср.: *Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное*. Мф 5:3 (Синодальный перевод); *блажени нищии дхѣмь* (Остромирово Евангелие). Для этой заповеди толкование в качестве прямого значения **нищие духом** – ‘бедные’ (1), а не ‘смиренные’ (2) поддерживается тем, что значение ‘смиренные’ реализовано в том же тексте в одной из последующих заповедей: *Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю*. Мф 5:5 (Синодальный перевод). Внутренняя форма (1) этой идиомы связана с восприятием материальной бедности как средства приближения к Богу: в Мф 5:3 **нищие духом** ‘бедные по собственной воле’ («по велению духа» [1: 199]) – *блажены* ‘обретают Бога (счастливы в Боге)’. В этимологическом плане такая интерпретация, однако, не является единственно возможной и соотносится с исходной семантикой слова **нищие**: «возникает вопрос, какое слово представлено здесь в оригинале: ‘пуу ‘нищие, нуждающиеся, слабые, несчастные’ или ‘пву – преимущественно: ‘кроткие, мягкие, покорные, смиренные, непритязательные’» [4: 128]. В предполагаемом древнееврейском тексте, таким образом, присутствовала паронимия, которую можно рассматривать как проявление древнейшего символического значения ‘нуждающиеся => потому что смиренные’. Подобное пересечение значений можно видеть не только в реконструкции древнееврейского источника, но и в греческом тексте Евангелия: лексема πτωχός имела

этимологическое значение ‘смиранный’, но также и ‘бедный, нищий’ [4: 131].

Приведенные этимологические наблюдения позволяют утверждать, что в древнерусском фразеологизме **нищие духом** реализовывалось, по образцу оригинала, этимологическое символическое значение (2): ‘добровольная нищета как знак смирения’. Это значение в контексте Заповедей блаженства приобретало дальнейшую культурную значимость (3): ‘смирение как знак спасения во Христе’. В истории русского языка у фразеологизма **нищие духом** проявлялись различные культурные коннотации: помимо указания на душевное смирение (2) и сотериологической символики (3), проявлялась коннотация интеллектуальной неполноты (4). За счет таких коннотаций реализовывались как символические, так и переносные лексические значения. В древнерусском языке при воспроизведении устойчивого оборота **нищие духом** происходила актуализация символического признака (2), что сопровождалось контаминацией культурной значимости нескольких заповедей, ср.: *ре(ч) ангѣль, да что глѣть г(с)ь, на кого призрю, но на смиреннаго и на молчаливаго, и трепещущаго моихъ словесъ, и яко блѣжни нищии дѣхъ и блажени кротции, блѣжни ч(с)тии ср(д)цмь и симъ прочая*. Житие Андрея Юродивого [8]. Условия контекста требуют интерпретировать здесь значение ФЕ **нищии доухъмь** как диффузное: ‘не стремящийся в богатству – кроткий, смиренный – приближенный к Богу (спасенный)’.

О возможной реализации в древнерусском языке символических значений $\{(1)\Rightarrow(3)\}$ и $\{(2)\Rightarrow(3)\}$ свидетельствует соответствующее употребление производной ФЕ **нищета души** и отдельное употребление лексемы **нищета**. Ср. ‘бедность монашествующего => соблюдаемая по велению духа, для спасения во Христе’: *Си же пишемъ вамъ... игуменом... иже кто мнихъ паствы вашеа, нищетою дѣховною живя, преставитя от житиа сего, не глѣте: не даль вклада, не*

пишемъ его въ поминание. Синодик Ниж. Печ. м. I. 1552 г. [10: 391]. В следующем контексте при реализации диффузного значения 'духовная жизнь во Христе, обусловленная отказом от суетных мыслей и материальных устремлений' особо подчеркивается компонент значения 'духовная нищета – смиренность' (2), то есть реализуется символическая связь $\{(2)\Rightarrow(3)\}$: *Не тѣломъ точию нищету исправляетъ, но и духовнѣй наставляется, и сими в вышнемъ царствии часть имѣти сподобится*. ВМЧ, XVI в. [10: 391]. Вместе с тем уже для древнерусского языка можно предположить развитие коннотаций и вторичной семемы (4) вследствие исходного семантического синкретизма слова *нищъ*, ср. 'не развитый в интеллектуальном отношении': *Нищъ есмь моужь, невѣжа, и не оумѣю, по что (ся) имоу*. Ил. Новг. поуч. [12: 457].

В общем виде можно утверждать, что в истории русского фразеологизма **нищие духом** последовательно развивались три основные значения: символическое '(1) \Rightarrow (3)': 'бедные ради духовного спасения' – прежде всего в древнейшем церковнославянском узусе; символическое '(2) \Rightarrow (3)': 'смирненные, кроткие ради духовного спасения' – прежде всего в современном церковнославянском узусе; переносное (монореферентное) '(4)': 'интеллектуально, нравственно, духовно не развитый' – в современном секулярном узусе. Разграничение древнейшего и современного узусов для церковнославянской сферы является достаточно условным; следует также учитывать встречающиеся в контексте, но сравнительно редкие варианты '(4) \Rightarrow (3)': 'интеллектуально не развитый ради духовного спасения, т.е. юродивый' (символическое значение) и '(3)': 'кроткий, незлобивый' (переносное значение).

Параллельное противопоставление церковного и светского дискурсов обнаруживается и в истории слова *блаженный*: ср. символическое значение **блажены** 'счастливы в Боге' в составе

заповеди и переносное значение обыденного дискурса **блаженный** «глуповатый, чудаковатый» [11: 499]. Церковная, в составе заповеди, форма **блажены**, конечно, не может быть заменена в переводах евангельского текста без ущерба смысла, поскольку отражает древнейшую древнерусскую и старославянскую традицию употребления слов с корнем *-благ-*. В.В. Колесов отмечает, что древнерусский переводной текст «недвусмысленно указывает на ту же стилистическую связь блага с Богом. Бог и есть благо» [5: 313].

Примеры употребления фразеологизма *нищий духом*, соотнесенные с церковным или светским узусом, можно обнаружить в НКРЯ. Ср.: '(1)=>(3)': *А потому когдаб всего внезапно лишился богатства, тотчас докажет, сколько он нищ духом. ...Но прямо нищему духом лишение всего того ни мало тягостным не покажется. ...Ибо тем меньше заботами отягощен; тем свободнее путем добродетельнаго подвига пойдет.* Архиепископ Платон (Левшин), 1780 [8]; '(2)=>(3)': *Итак, нищета духа, смирение сердца есть первая Евангельская заповедь Христова, ...все Небесное Царство уже принадлежит смиренным, нищим духом людям.* Монахиня Игнатия (Петровская), 1980 [8]; '(2)': *...Апостолы всепопирающей силы, как Нищие, становятся "проповедниками для нищих духом и слабых"...* Л. Троцкий, 1902 [8]; '(4)': *...В ответ на сообщение, ...что они планируют переселиться в Москву, назвал их «суетливыми обывателями», «нищими духом» и скривился.* Э. Лимонов, 1985 [8]; '(4)': *Нищий духом стяжатель несет с собой зло.* М. Петров, 2012 [8]; '(4)=>(3)': *...И единственный способ сегодня сохранить веру – уйти в юродивые, в нищие духом.* В. Шаров, 1997 [8]. В приведенных примерах стоит обратить внимание на реализацию значения '(1)=>(2)' в архаичном дискурсе, а '(4)' – в дискурсах модерна.

К сожалению, этимологический и символический аспекты значения данного фразеологизма не всегда учитываются словарями. Например, в

историко-этимологическом справочнике [3] указаны значения «1. Смиренные, лишенные гордости. 2. Неумные, лишенные духовных интересов» [3: 404]. Исконное значение в данном случае не учтено, вероятно, по сложившейся в XIX в. филологической и церковно-богословской традиции: аналогичным образом И.И. Срезневский толкует фрагмент из заповеди блаженства (*блажени нищии дхѡмь*) как ‘смиренный’ [12: 457]. Однако приведенные выше примеры показывают, что указанное значение не было основным в древнерусском языке: оно лишь позднее потеснило исконное символическое значение. Вместе с тем древнейшая культурная значимость ‘нищета – спасение во Христе’ не утрачена даже в современном языке, ср. рассуждение С.С. Аверинцева: «По толкованию святого Василия Великого, блистательно подтвержденному уже в нашем веке новейшими археологическими и филологическими открытиями, “нищие духом” – это те, кто отрекается от привязанности к земному достоянию по вдохновению от духа». С. Аверинцев [8].

Таким образом, культурная значимость фразеологизма **нищие духом (нищій духом)** варьировалась в зависимости от культурных традиций, от изменявшихся общественных условий и форм господствующей идеологии, а также от выбора тех или иных дискурсивных практик, связанных с употреблением данного фразеологизма. С учетом разнообразия культурной значимости рассмотренного фразеологизма при его лексикографическом описании наиболее корректной представляется лаконичная формулировка исторического словаря: «*Нищии духомъ* – выражение из Матф. V, 3, имеющее разные богословские толкования» [10: 392]. Развернутое описание культурной значимости рассмотренного фразеологизма должно быть представлено в виде списка возможных символических значений: **нищие духом**: ‘не стремящиеся в богатству – приближенные к

Богу'; 'кроткие, смиренные – спасенные'; 'нуждающиеся – смиренные'; 'интеллектуально не развитые – духовно спасаемые'.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С. С. Собрание сочинений. Переводы: Евангелия. Книга Иова. Псалмы. Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2004. 500 с.
2. Алексеев А. В. Культурная значимость слова как предмет русской исторической лексикологии: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01: в 2-х тт. М.: 2022. 644 с.
3. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. СПб.: Фолио-пресс, 1998. 700 с.
4. Григорьев А. В. Русская библейская фразеология в контексте культуры. М.: Индрик, 2006. 358 с.
5. Колесов В. В. Древнерусская цивилизация. Наследие в слове. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 1120 с.
6. Колесов В. В. Слово и дело: Из истории русских слов. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. 703 с.
7. Мокиенко В. М. Историческая фразеология: этнография или лингвистика? // Вопросы языкознания. 1973. № 2. С. 21–34.
8. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 01.11.2023).
9. Пименова М. Вас. *Красотою украси*: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.: Фил. фак. СПбГУ; Владимир: Владимирский гос. пед. ун-т, 2007. 415 с.
10. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 11. М.: Наука, 1986. 456 с.
11. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 1. М.; Л.: Изд-ва Акад. наук СССР, 1950. 767 с.
12. Срезневский И. И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам: в 3 т. Т. 2. СПб.: издание Отд-ния рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1890. 1802 стб.
13. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Шк. «Языки русской культуры», 1996. 284 с.
14. Черданцева Т. З. Идиоматика и культура (Постановка вопроса) // Вопросы языкознания. 1996. № 1. С. 58–70.

ГРАЧЕВ Михаил Александрович

(Нижний Новгород, Россия)

доктор филологических наук, профессор
Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н.А. Добролюбова

ma-grachev@mail.ru

ГЕНЕЗИС СКАЗОК В. И. ДАЛЯ И А. С. ПУШКИНА

Аннотация. В тексте статьи анализируются происхождение и специфика сказок А.С. Пушкина и В.И. Даля. Указывается на ряд похожих языковых особенностей и правил использования народной речи, в частности, в употреблении пословиц и поговорок. Также обращается внимание на сходство персонажей. Особо

выделяется место действия ряда сказок у поэта и Казака Луганского – морская стихия.

Ключевые слова: сказка, генезис, народная речь, пословицы, поговорки, цензура, поэт, эпиграмма.

Abstract. The text of the article analyzes the origin and specificity of the fairy tales of A.S. Pushkin and V.I. Dahl. A number of similar linguistic features and rules of using folk speech are pointed out, in particular, in the use of proverbs and sayings. Attention is also drawn to the similarity of the characters. The sea element as a place of action of a number of fairy tales by the poet and the Cossack Lugansky is particularly highlighted.

Keywords: fairy tale, genesis, folk speech, proverbs, sayings, censorship, poet, epigram.

Цель статьи – выявить происхождение и определить языковую специфику сказок А.С. Пушкина и В.И. Даля .

Про свои сказки Великий Лексикограф написал следующее: «Не сказки сами по себе мне важны, а русское слово, которое у нас в таком загоне, что ему нельзя показаться в люди без особого предлога и повода – сказка послужила поводом . Я задал себе задачу познакомить земляков своих сколько-нибудь с народным языком и говором, которому раскрывался такой вольный разгул и широкий простор в народной сказке»[7, с.5].

Известно, что знаменитую сказку для детей про курочку Рябу сочинил В.И.Даль. Хотя в настоящее время некоторые исследователи её авторство почему-то приписывают К.К. Ушинскому [17]. Несомненно, это прекрасный педагог, основатель педагогической школы. Но его «Курочка Ряба» является лишь вариантом сказки В.И.Даля. И её содержание направлено на воспитание младших школьников, тогда как у Казака Луганского сказка является притчей для взрослых [7].

И всё-таки В.И. Даль был первым официальным российским сказочником: именно он подарил знаменитому Поэту оставшийся экземпляр «Русские сказки. Первый пяток». После гонений властей из-за публикации сказок он долго не возвращался к этому жанру. А потом через год после своего подарка получил рукопись «Сказки о рыбаке и рыбке» с благодарственной надписью: «Твоя – от твоих! Сказочнику

Казаку Луганскому – сказочник Александр Пушкин». Уже эта надпись говорит о том, что Поэт был в восторге от далевских сказок и был под их влиянием.

Все сказки и предания, присланные ему по программам РГО (Российского географического общества), он отдал знаменитому фольклористу А.Н. Афанасьеву, который опубликовал часть из них – «Заповедные русские сказки» – в столице Швейцарии Женеве. Довольно-таки пикантные эротические народные сказания. «Русские заветные сказки» эротического содержания; впервые изданы в Женеве в конце XIX века. Заметим, что издатель также беспокоился о своей репутации и вместо настоящего названия издательства и подлинных фамилии, имени, отчества, года издания на книге было написано следующее: «Валаам. Типарским художеством монашеской братии. Год мракобесия», а также указано, для кого книга предназначается: «Отпечатано единственно для археологов и библиофилов в небольшом количестве экземпляров». В России эта книга увидела свет лишь через сто лет – в 1992 году. Эпиграфом к ней вынесена цитата из сказки «Странные имена»: *«Что за стыдно? Украсть – стыдно, а сказать – ничего – всё можно».*

Почему В. Даль отдал все сказки А. Афанасьеву, ведь он заслуженно был зачинателем художественных сказок в России? Нам кажется, что Великий Лексикограф осторожничал и помнил правительственный разбор сказок в 1832 г. Но есть и другие причины: он беспокоился о своей репутации. А ещё отдал материал учёному-профессионалу, который прекрасно разбирался в фольклоре и мог точно определить характер и тематику русских сказок.

Что касается эротического содержания, то и А.С. Пушкин обращался к данной тематике. Чего стоит только его знаменитая сказка «Царь Никита и сорок его дочерей», написанная в марте 1822 г. в Бессарабии во время Южной «ссылки». Высший свет Петербурга в

открытую явно не приветствовал такие произведения и даже, явно, на публику, возмущался, хотя втайне все аристократы зачитывались ими. И в рукописи упомянутая сказка распространялась с невиданной скоростью в аристократических салонах. Известно, что А. Пушкин вынужден даже откреститься от другой эротической мифологической поэмы под названием «Гаврилиада» (место написания – г. Кишинёв, 1821 г.). Вот уж за эту явно антиклерикальную поэму поэта бы жестоко наказали, вплоть до отлучения от церкви или наложением длительной епитимии. Во всяком случае, когда его Николай I спросил об авторстве, то А. Пушкин отказался от этого произведения. Можно не сомневаться в том, что его продвижение по службе (административной, дипломатической, литературно-издательской и проч.) явно бы замедлилось, если бы не свелось к нулю, так как православие было государственной религией в России.

Между тем у Великого Поэта в этой области стихотворчества был знаменитый предшественник, секретарь М.В. Ломоносова Иван Семёнович Барков. Он писал матерные стихи на эротико-антицерковные темы. Конечно, никакой мысли об издании своих произведений у И.С. Баркова не было. Но списки с его скандальными нецензурными стихами ходили по рукам и переписывались многими лицами. И дошли до нас, и были изданы под названием «Девичья игрушка» [11]. Некоторые пушкинские «вольные» стихи причисляют к творчеству И.С.Баркова. Все указанные эротические произведения А.Пушкина являются шалостями молодого поэта, которые он демонстрировал только друзьям, да и то в тесном кругу общения.

Южная «ссылка» Великого Поэта в 1820 году была связана с Чёрным морем. Но ведь и В.И.Даль был мичманом на Чёрном море [13; 16]. Море в описаниях многих литераторов – всегда романтическая, фэнтэзийная или даже сказочная стихия. Большинство сказок А.С. Пушкина связано с ней. Это и «Сказка о царе Салтане», и

вступление к поэме «Руслан и Людмила» (Вспомним, как начинается это произведение: «У Лукоморья дуб зелёный...»), «Сказка о попе и работнике его Балде» и ряд других.

Выделяется из этого поэтического ряда «Сказка о рыбаке и золотой рыбке». Эту рукопись А.С.Пушкин подарил В.И.Далю не случайно. В своей основе она до удивления реалистична. И, вероятно, А.С. Пушкин справедливо считал, что В. Даль как бывший моряк, настоящий чиновник и собиратель фольклора хорошо поймёт и описание водной стихии, и неумность человеческой души, и жадность спесивой старухи. Нам кажется сомнительным возведение сюжета этой сказки к русскому, французскому, немецкому или сербскому фольклору, а то и к художественным произведениям братьев Гримм. «Сказка о рыбаке и рыбке» – исключительно пушкинская – была написана поэтом за один день – 2 октября 1833 года. И почему-то именно это произведение открыло цикл его творчества во время второй Болдинской осени. Главное отличие пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке» заключается в том, что её действие происходит в районе Чёрного моря. Старик и старуха живут за счёт рыбных даров этой стихии, именно там они и сталкиваются с волшебством Золотой Рыбки и выполнением желаний старухи. Реально описано само Чёрное море. Но что же тогда послужило сюжетом для сказки? Конечно, А.С. Пушкин, по просьбе А.С. Бенкендорфа, убрал вариант, в котором старуха превращается в Папу Римского, чтобы не дразнить только что усмирённых католиков-поляков, подданных России, и не давать козырей Западной Европе, которая тут же бы обвинила Российскую империю в разжигании межконфессиональной розни. Вот вам и ещё один раздражитель – карикатурное изображение самого католического заместителя Бога на земле – Папы Римского... Современные читатели могут возразить, что этот образ сильно выбивается из системы перевоплощений старухи. Дворянка, царица и... Папа Римский. Скорее, уж тогда православный

патриарх. Но в этом случае было бы явное глумление над Русской Православной церковью, чего и сам бы А. Пушкин себе не позволил, исходя из своих религиозных убеждений.

Так кто же послужил прообразом спесивой и жадной старухи в «Золотой рыбке» Пушкина?

Ответ для читателя будет неожиданным. Черноморская фурия В. Даля – Лия – Лийка – Лея (Лейка) – Юлия (Юлька) Сталинская: сначала – служанка в польской корчме, затем – её владелица, вышедшая замуж за капитана, затем, после его смерти (при загадочных обстоятельствах), – гражданская жена (любовница) адмирала, командующего всем Черноморским флотом Алексея Самуиловича Грейга, которым она командовала. И не мудрено! Он был её старше на семнадцать лет [17, с.78.]. По сути, Лия и есть настоящая владычица морская! И она была прототипом старухи в произведении А.С. Пушкина «Сказка о золотой рыбке». Уж очень явное сходство в типологическом плане! Сначала простая, бедная служанка в корчме, несомненно, красавица, какими-то неведомыми путями со временем становится законной владелицей корчмы, может быть, очаровала старого хозяина, вышла за него замуж, да и подсыпала ему в пищу мышьяка, а тут и капитан русской службы подвернулся. И его-то уж она не упустила! Но всё мало и мало «золотой рыбке»! И вот командующий всем черноморским флотом А. С. Грейг поддался чарам Юлии, подрядчице, поставщице мяса на Черноморский флот... . Интересно, на какую сумму она разорила российскую казну, сколько ей переплатил А. Грейг за «неземную страсть», кроме домика для встреч, который он купил на государственные деньги? И делается Лия владычицей черноморской.

Читатель, зная фривольные произведения Великого Поэта, особенно его сказки и эпиграммы, может даже высказать восхищение: «Ах, какой же озорник этот Пушкин!». А разве так в молодости не

созорничал Даль в своей эпиграмме на адмирала черноморского флота А. Грейга и его пассию Юлию?

Она не могла простить эпиграммы бедному мичману Далю, подчинённого её сожителю, адмиралу А.С. Грейгу [6, т.1,С.28;].

Подробно об этом эпизоде из жизни В. Даля написал Шигин Владимир Виленович в книге «Неизвестная война императора Николая I». Он приводит любопытные строчки из документа биографии В.Даля, написавшего её в 1841 году при поступлении на работу чиновником. Владимир Иванович признался, что да, стихи были написаны им в защиту любимого профессора итальянского языка Мараки, без остальных имён и фамилий и что это обыкновенная шалость по молодости. Вот эта эпиграмма:

«Без дозволения начальства

Антикритика

Дурак, как Мараки над ним забавлялся,

Марая Мараку, он сам замарался

На всех, как Мараки, пасквили писать.

Ума хоть не станет, бумаги читать.

Та полька – не полька, а Лейка жидовка,

Сатирик в герольдии знать не служил:

Сестра ее, мать – такие торговки.

Подрядами ставят, чем Бог наградил.

В таком-то местечке меня уверяли.

Что Лейку прогнали и высекли там,

Я право же, верю, из зависти лгали:

Наш битого мяса не любит и сам!» [19]

В. Даль, как и А. Пушкин, сильно пострадал от этой эпиграммы. Шалость обобщась В. Далю восемью месяцами гауптвахты, перевод на Балтийский флот и последующее увольнение с флота по болезни. С сентября 1823 – по апрель 1824года В.И. Даль находился под арестом

по подозрению в сочинении эпиграммы, задевающей личную жизнь главнокомандующего Черноморским флотом вице-адмирала А. Грейга. Великий Лексикограф был оправдан судом, как «иностранец, не вполне понимающий русский язык и не вполне понимающий, о чём писал». Судьба иногда преподносит удивительные подарки и метаморфозы...[12, с.64]

Но если бы адмирал А. Грейг, а главное, его любовница Юлия знали о дальнейшей судьбе Великого Лексикографа, то они не стали бы его так яростно преследовать. В. Даль в Дерпте, постигая профессию врача, преподавал ещё и русский язык, а потом во время войны с Турцией был как лекарь мобилизован на войну (1828–1829 гг), а затем в 1931 г. – воевал с польскими бунтовщиками. И везде получает награды, которые в дальнейшем уже его защитят от напастей властей и высоко продвинут по карьерной лестнице.

Наверняка Великий Лексикограф во время поездок по Пугачёвским местам в Оренбургском крае рассказал А.С. Пушкину про свой жизненный путь и о стихотворной эпиграмме, и о том, как черноморский начальник хотел отдать мичмана В.Даля под суд, и как тот еле выпутался из этой неприятной истории.

Эту эпиграмму обнаружил полицмейстер при обыске: он нашёл черновой вариант в тетради. А практически весь черноморский г. Николаев, место службы Владимира Даля и его брата Карла, был обклеен этими эпиграммами. Именно Юлия, любовница А. Грейга, призывала привлечь мичмана Даля к суду [].

Мы также видим, как и в языковом отношении А. Пушкин перенимает некоторые приёмы и способы описания ряда персонажей в сказках. Вот, например, пушкинский царь Додон из «Сказки о Золотом Петушке», находящийся под влиянием своей дворни, чем не царь Додон из произведения В. Даля «Сказка о Иване Молодом Сержанте, Удалой Голове, без роду, без племени, спроста без прозвища», датированной

1832 годом? В описаниях взаимоотношений нечистой силы в пушкинском произведении «Сказка о попе и работнике его Балде» во многом напоминает иерархические отношения чертей из «Сказки о похождениях чёрта послушника, Сидора Поликарповича, на море и на суше, неудачных соблазнительных попытках его и об окончательной пристройке по части письменной». Глупый чёрт у сказочника В. Даля и глупый чертёнок и старый чёрт у А. Пушкина. И эту традицию в изображении глупого нечистого перенял и Н. Гоголь в своих знаменитых «Вечерах на хуторе близ Диканьки». Заметим, что А. Пушкин и Н. Гоголь не допустили ошибку В. Даля: не наделили нечистую силу православными именами, тогда как у их предшественника чёрт изображён под именем-отчеством «Сидор Поликарпович».

Практически в сказках эзоповым языком гении не только описывали современную и злободневную для них действительность, но и передавали дух русских язычников. «На какое бы событие в их жизни мы ни посмотрели, – пишет исследователь русского язычества Л. Чёрная, – везде мы сталкиваемся с продуманной до мелочей тактикой предупреждения, продуцирования, предвидения будущего и с попытками так или иначе повлиять на него, Язычники никогда не оставались в бездействии: они постоянно «влияти» на свою жизнь» [18, с. 242].

В. Даль собрал большой лингвистический материал, но изначально не знал, где его применить: в своих художественных произведениях или аналитических статьях о русском языке. И начал со сказок. Сюжеты общеизвестные, сказки короткие, зато язык персонажей явно народный. Заметим, что в сказках у него часто используются пословицы и поговорки. Ряд современников посчитали это за особый поэтический приём и индивидуальность далевских сказок. Поэтому, несмотря на официальное запрещение и изъятие тиража, они были оригинальными произведениями, хотя со стороны властей получили оценку

«крамольные». Однако многие тексты сказок уже разошлись в рукописной форме.

К 1832 году у В. Даля накопилось до двадцати тысяч слов, и он стоял перед проблемой: то ли использовать их исключительно в лингвистическом отношении, то ли в литературно-художественном. И, как сказочный богатырь, поехал по одному пути, а затем и по другой дороге, и везде у него была победа. А сомнения разрешились благодаря А.С. Пушкину, который посоветовал создать народный словарь и был в восторге от его сказок.

И всё-таки часть языкового материала В.Даль использовал сначала в художественных произведениях. Поэтому в его сказках отразилось богатство русской народной речи, причём сюжет был вторичен. У В.И. Даля сказки выходят в 1832 г., см. ссылку [7]

А. Пушкин, учитывая своеобразие далевских сказок, удачно соединил оригинальность сюжета с речевыми средствами народной речи

И такие параллели напрашиваются не только в сказках, но и во многих реалистических произведениях великих сочинителей. Так, в стихотворении А.Пушкина «Я вас любил...» строчки «Я вас любил так искренне, так нежно, /Как дай вам Бог любимой быть другим» явно перекликаются со строчками из письма помещика Игривого (см. повесть В. Даля «Павел Алексеевич Игривый»), обращённого к своей возлюбленной, вышедшей замуж за другого: «Всё ожило в Вас, когда вам было дозволено было вспорхнуть и оглядеться на свободе; силы возвратились, грудь вздохнула глубоко, сердце забилося сильнее – и земное потребовало земного, а небесное небесного. Встреча в такое время с человеком, который достоинствами своими затмил перед вами многих, а может быть, и всех, который на чужбине явился перед вами, как посланный свыше, для спасения и успокоения вашего...».

А теперь несколько слов о совместном сюжете **«Сказки о рыбаке и рыбке»**. Ряд литературоведов считает, что сюжет о золотой рыбке А. Пушкину подарил В. Даль. Не случайно рукопись **«Сказки о рыбаке и рыбке»** Пушкин вручил Далю в 1833 г. с надписью «Твоя от твоих! Сказочнику Казаку Луганскому» (литературный псевдоним В.И. Даля). Встаёт вопрос: почему именно эту сказку, случайно ли это? А тут ещё такая надпись... Мы допускаем, что Даль рассказал Поэту историю про эпиграмму на командующего черноморским флотом адмирала А. Грейга и его сожительницу Юлию .

Казалось бы, этим и объясняется история написания данной сказки. Однако до сказки А. Пушкина братья Гримм уже написали подобную сказку. – «О рыбаке и его жене». Это установил пушкинист С. Бонди. Разбирая в 1920-е гг. черновые рукописи А. С. Пушкина, он натолкнулся на отрывок, где старуха, уже получившая новое корыто, новую избу, ставшая столбовой дворянкой, царицей, выражает желание стать «римской Папою», и рыбка прихоть «взбесившейся дуры» удовлетворяет. Но в итоге Пушкин отказался от мысли ввести этот гротескный эпизод в серьёзную сказку. [Бонди]. Отрывок навёл С. Бонди на мысль о западном источнике, и он его нашёл.

Пушкин иноязычную сказку превратил и по слогу, и по духу в чисто русскую. У братьев Гримм жена рыбака требовала у пойманной камбалы (рыба оказалась заколдованным принцем) новый дом, замок, затем взяла выше: стала царицей, римским Папой, но когда возжелала стать самим Богом, вернулась вместе с мужем в ветхий домишко.

У А. Пушкина в невод рыбака попадает золотая рыбка, владычица морская. Старик сжалился и отпускает её в синее море. Старый рыбак у сказочника Пушкина не похож на старуху в нравственном отношении: он как был, так и остался простым рыбаком-бессеребренником, не используя свои шансы обогатиться за счёт золотой рыбки или возвеличиться. Жена его не такая: неблагодарная старуха поначалу зовёт его не иначе

как: *«Дурачина ты, простофиля»*, вновь и вновь гонит к морю. А. Пушкин вводит мотив раздора: по мере незаслуженного возвеличивания старухи отношения между ними становятся всё более антагонистическими. Само море, по мере того как растут аппетиты старухи, постепенно меняется. Поначалу *«слегка разыгралось»*, затем *«помутилось»*, далее – *«не спокойно синее море»*. Наконец *«почернело синее море»*, *«так и вздулись сердитые волны»*. Но главное различие – старуха по мере возвышения становится всё более злобной и жестокой: мужа бьёт по щекам, а слуг, *«за чупрун таскает»*, смиренного старика *«на конюшне служить послала»*. Новая Салтычиха, да и только! А уж войдя в роль царицы, она и вовсе его *«с очей прогнать велела»*. *«Старика взашей затолкали»*, а стража *«топорами чуть не зарубила»*. Усиливая покорность старика, Пушкин показывает растущую гордыню и ненасытность старухи-самодурки. Желание стать царицею морскою, чтобы золотая рыбка служила у неё на посылках, оборачивается наказанием: поднявшаяся из грязи в князи вчерашняя «царица» оказывается у разбитого корыта. Выражение стало идиомой. Сказка стала притчей [12, с.65].

В общем, получила старуха все, что только мыслимо смертному человеку: выше просто некуда. Но дальше она замахивается на то, что доступно лишь бессмертным – хочет стать владычицей морской. Эту часть сказки мы все хорошо помним.

Кстати, а почему папой римским она хотела быть? А не патриархом, например? Может быть, и потому, что в то время патриархи в России отсутствовали и читателю была бы не совсем понятна эта должность.

А. Пушкин вычеркнул этот фрагмент. Возможно, именно потому, что для русского читателя мечта старухи стать Папой Римским выглядела совсем уж дикой. А возможно, он хотел сильнее отдалить своей вариант сказки от немецкого, от сказочников братьев Гримм.

Но в любом случае, можно говорить о реализации в сказке А.С. Пушкина ситуации В. Даля с неистойвой Юлией Сталинской.

Можно констатировать, что А. Пушкин и В. Даль в сказках изображают языческие и христианские верования, показывают непримиримый русский дух в борьбе со стихиями, врагами и нечистой силой, которая всегда остаётся в дураках. В «Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях» обращение царевича Елисея к Месяцу, Солнцу и Ветру напоминает типологически плач-просьбу Ярославны из «Слова о полку Игореве» о спасении своего мужа, князя Игоря. И не только в этой, но и в других сказках говорится о дохристианских верованиях, персонификации природных явлений и обычаев: «Руслан и Людмила», «Сказка о попе и о работнике его Балде» и др. [18, с.118] Можно увидеть много общего в этом отношении со сказками В.И. Даля.

Сказки В.И. Даля и А.С. Пушкина – благодатный материал для литературного развития и нравственного воспитания детей. В их сказках раскрываются ум народа, национальная история, быт, мировоззрение. Поэтому они помогают воспитывать в детях чувство любви к Родине, национальной культуре, к родному языку.

Мир их сказок оказывает большое влияние на нравственное воспитание и развитие детей школьного возраста. Характеризуя творчество А.С. Пушкина и В.И. Даля, подчеркнём, что их сказки до сих пор привлекают внимание, вызывают интерес и любовь у читателей.

Нечистая сила у А. Пушкина и В. Даля изображена сатирически, человек побеждает чертей и ведьм. У раннего Н.В. Гоголя можно также наблюдать такое же изображение борьбы между человеком и нечистью. Но уже позже он в ряде своих мистических произведениях показывает торжество нечистой силы над человеком. И ещё интересный аспект: как считал Н.В.Гоголь, вся нечистая сила пришла в Россию с Запада. (Польская ведьма-панночка, соблазнившая Андрия в XVII в. в повести «Тарас Бульба» благополучно перекочёвывает в XVIII в. в повесть

«Вий». Кроме того, в «Вии» из нечисти присутствуют гномы, никак не характерный для русского фольклора вид нечисти, а в повести «Портрет» ужасный ростовщик, выходящий из картины, имеет греческое происхождение .

В сказках эзоповым языком А.С.Пушкин и В.И.Даль описывали современную и злободневную для них действительность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев А. Н. Русские заветные сказки. – Спб.: ТОО "Бланка", АО "Бояныч", 1994
2. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. М.: Изд-во АН СССР, 1955, т.9, с.398–399.
3. Бонди С.М.. Сказки Пушкина // В кн.: А. С. Пушкин. Собр. соч. в 10-ти т., т. III. М., 1960, с. 524, 527–528.
4. Братья Гримм. Волшебные сказки / Якоб и Вильгельм Карл Гримм. – Запорожье: Интербук, 1991. – 320 с.
5. Даль В.И. Павел Алексеевич Игривый (Повесть) // В.И Даль . Повести. Рассказы. Очерки. Сказки. Горький; Волго-Вятское книжное издательство, 1981. С. 230–298.
6. Даль В.И. Полное собрание сочинений Владимира Даля (Казака Луганского): в 10 томах. – Т. 9. – С.-Петербург: Издание Товарищества М.О. Вольф, 1897–1898. – 312 с.
7. Даль В.И. Русские сказки. Спб, 1832.
8. Даль В.И. Сказка о похождениях чёрта-послушника, Сидора Поликарповича, на море и на суше, о неудачных соблазнительных попытках его, и об окончательной пристройке его, по части письменной // Даль В.И Русские сказки». СПб1832.
9. Даль В.И. Русские сказки. Спб, 1832.
10. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. – Т. 1: А – З. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 640 с.
11. Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова / Сост. А. Зорин и Н. Сапов [С. Панов]. М., 1992
12. Кравец Л.С. В.И.Даль и А.С.Пушкин на перекрёстке творческих идей и судеб // В.И. Даль в филологических миниатюрах : материалы VIII Региональной с международным участием научно-практической конференции «В.И. Даль в современной филологии». – Вып. 7 / под редакцией д-ра филол. наук, проф. А.В. Петрова; Институт филологии Крым. федерал. ун-та им. В.И. Вернадского. – Симферополь: «ПОЛИПРИНТ», 2023. – 45–52 с.
13. Матвиевская Г.П. Даль Владимир Иванович. Документы. Письма. Воспоминания / Г.П. Матвиевская, И.К. Зубова, А.Г. Прокофьева, В.Ю. Прокофьева. – Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2008. – 544 с.
14. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 17 томах. – М.: Воскресенье, 1997. – Т. 3 (кн. 2). – 935 с.
15. Пушкин А.С. Сказка о рыбаке и рыбке. – М.: Детская литература, 1985. – 16 с.
16. Соколова Л.П. Дорогами судьбы В.И. Даля // Соколова Л.П., Кульбацкая Л.И., Безкровная А.А. – Луганск: Полиграфический центр «Максим», 2016. – 158 с.

17. Ушинский К.Д. Курочка Ряба. М.: «Стрекоза», 2006. 10с.
18. Чёрная Л.А. Языческая Русь / Людмила Чёрная. – М.: Молодая гвардия, 2021. 249 с. Источник: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/articles/bondi-chernoviki-pushkina/stihi-o-rimskoj-pape.htm>

ИЛЬЧЕНКО Ольга Сергеевна (*Санкт-Петербург, Россия*)

доктор филологических наук, доцент, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
o.ilchenko@spbu.ru

О НЕОБХОДИМОСТИ СОБСТВЕННО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДАННЫХ РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ ПРИ РЕШЕНИИ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ

(по следам дискуссий на научных мероприятиях международного уровня
в 2019 – 2023 гг.)

Аннотация. В статье поднимается злободневный вопрос о необходимости лингвистической оценки и «просеивания» языкового материала, полученного в Интернете с помощью современных поисковых систем и предназначенного для решения теоретических задач. Резкое снижение уровня речевой культуры населения России привело к обилию разного рода логико-грамматических аномалий, которые направляют не критичного исследователя по ложному пути. Доказана логико-грамматическая неправильность фразы, из которой один исследователь выводит «новое» значение глагольной лексемы, не зафиксированное в словарях.

Ключевые слова: чувство языка, внеязыковая ситуация, когнитивный диссонанс, речевые аномалии, языковой механизм, синтаксическая позиция, семантическая роль.

Abstract. The article raises the topical issue of the need for linguistic assessment and "sifting" of linguistic material for solving theoretical problems obtained using modern Internet search engines. A sharp decrease in the level of speech culture of the Russian population has led to an abundance of various kinds of logical and grammatical anomalies that lead an uncritical researcher down the wrong path. There was proved the logical and grammatical incorrectness of the phrase, from which a researcher deduces a "new" meaning of the verbal lexeme, which is not fixed in dictionaries.

Keywords: sense of language, non-linguistic situation, cognitive dissonance, speech anomalies, language mechanism, syntactic position, semantic role.

В настоящее время теоретические построения, базирующиеся на материале НКРЯ и поисковых систем Интернета, стали весьма популярными в лингвистических исследованиях. Наряду с несомненными достоинствами обращения к этим удобным инструментам получения языкового материала существуют и определенные риски, связанные не в последнюю очередь с резким снижением уровня речевой культуры населения России после

перестройки (о причинах этого снижения см. в [3: 93]). Этот факт диктует необходимость строгого «просеивания» собранных данных на предмет соответствия системе и законам русского языка, а иногда – просто логике. В противном случае теоретические построения, опирающиеся на некачественный языковой материал, могут пойти по ложному пути.

К сожалению, все чаще и чаще приходится сталкиваться с ситуациями «лингвистической слепоты» современных исследователей, что не может не тревожить. Показательно, что, в отличие от лингвиста, взгляд которого – рискнем предположить – «замыливается» (выражение, часто употребляемое проф. В. В. Колесовым) из-за работы с большим объемом не всегда качественного языкового материала, в изобилии представленного в Интернете (что в какой-то мере если не оправдывает, то объясняет потерю чувства языка исследователем), грамотный носитель русского языка, начитанный и обладающий языковым чутьем (об условиях для формирования защитного механизма речевой культуры – *чувства языка* см. в [3: 93]), с «незашоренным» (еще одно любимое выражение проф. В. В. Колесова) сознанием, моментально чувствует алогичность ошибочных построений и исправляет их, образуя логически правильную фразу.

Указанная проблема впервые обратила на себя наше внимание после участия в VI Международном конгрессе исследователей русского языка (Москва: МГУ, 2019). В выборке примеров одного из докладчиков оказалось выражение *налить ведро водой*, неправильность которого не только никак не оговаривалась, но – более того – до сегодняшнего дня так и не осознана выступающим («раз так говорят, значит, можно») и, надо полагать, его коллегами (ведь с тех пор прошло пять лет). Поднятая нами тогда при обсуждении докладов проблема верификации лексического заполнения синтаксической позиции вызвала большой интерес аудитории, что показало необходимость ее детальной проработки.

Представим результаты семантико-когнитивного анализа указанной выше переходной конструкции с опорой на метод интроспекции. Заметим, что носителю языка порой очень трудно объективировать для исследования структуры, встроенные в его собственное языковое сознание и продуцируемые молниеносно. Носитель языка выбирает падежные роли неосознанно, причем этот выбор интуитивно обусловлен закрепленным в памяти представлением реального действия, которое мгновенно обрабатывается речевым сознанием. Поэтому, чтобы доказать даже ясно осознаваемую ошибочность той или иной грамматической конструкции, от лингвиста потребуется немало усилий.

Модель управления, как известно, тесно связана с лексическим заполнением компонентов синтагмы («значения падежей теснейшим образом связаны с вещественными значениями и управляющих слов и управляемых» (А. М. Пешковский) [4: 274]), и объекты в переходной конструкции (о глубинной семантике переходности см. в [2: 23–24]) требуют того или иного падежа не по произволу, а по необходимости соответствия реальной действительности: «В падежных формах имени существительного отражается понимание связей между предметами, явлениями, действиями и качествами в мире материальной действительности» (В. В. Виноградов) [1: 167].

Сравним два выражения:

(1) **налить ведро водой.*

(2) *налить воду в ведро.*

Что нам мешает воспринимать конструкцию (1) как логически и грамматически правильную, иначе – почему язык ее запрещает? При восприятии этой аномальной (такие конструкции в статье отмечены звездочкой*) лексико-грамматической конструкции в сознании человека, не лишеного чувства языка, возникает когнитивный диссонанс, поскольку слово *водой*, оформленное в переходной конструкции Тв. п.,

воспринимается как инструмент (средство), промежуточный объект, что не соответствует представляемой реальной ситуации, которую логически правильно отражает конструкция (2), – ‘делать так, чтобы вода в результате энергетического воздействия пришла в пространственное движение относительно места (=перемещалась) свойственным ей как жидкости естественным способом’, типизированным в языке посредством особой лексемы, т.е. *лилась*, добавляясь сама на себя, на одно и то же место (*в ведро*) как конечный пункт перемещения – пространственный префикс *на-* здесь имеет значение «добавление поверх чего-то, на что-то» (ниже будет представлена другая типизированная в языке естественная ситуация перемещения сыпучего продукта: *насыпать*). Как пишет Ю. С. Степанов, «язык, будучи способен выражать самые различные ситуации, как естественные, так и неестественные, лишь первые типизирует с помощью языковых средств» [5: 132].

Глагол *налить* (как и многие другие однокоренные глаголы со значением ‘что происходит с жидкостью’: *подлить, долить, излить, отлить, влить, вылить, перелить, слить*) в качестве объекта допускает только имена существительные, обозначающие жидкость: *налить воды / воду*, но нельзя **налить ведро <водой>*, хотя можно

(3) *налить ведро воды.*

Поскольку в плане выражения таксисных отношений Р. п. означает предшествование во времени (исходное понятие), здесь *ведро*, как и любая другая емкость, обозначает количественную меру вещества – выступает единицей измерения жидкости: *налей мне рюмку коньяку* (но не *коньяком!*) *налей ему бокал вина* (но не *вином!*). Т.е. продуцент подразумевает следующий смысл: ‘налей воду в объеме ведра’, ‘налей коньяку в объеме рюмки’. Причем очевидное из ситуации существительное в форме Р. п. может, благодаря метонимическому восприятию ‘содержимое в содержащем’ (ср. *съел целую тарелку*

<супа>), имплицироваться: *Налей, налей бокалы полней...* (из народной песни) означает 'налей вина так, чтобы бокалы были полными'.

Подчеркнем, что именно в силу объективных причин (отражение действительного положения вещей в мире) *водой* не может быть инструментом при глаголе *налить* (*налить что чем* – это, например, *налить воду ковшом* – и никак не иначе), однако запросто выступает в роли инструмента-средства при некоторых однокоренных глаголах, у которых соответствующие префиксы видоизменяют значение глагола на 'что происходит с предметом':

(4) *облить ведро водой,*

(5) *залить² ведро водой,*

(6) *обрызгать ведро водой.*

Например, *Ты облил меня водой!* (переходная конструкция). *Он облился водой* (возвратная конструкция).

Поэтому в МАС как раз нет «лексикографических ошибок», неправомерно усматриваемых отдельными исследователями:

НАЛИТЬ *перех.* Наполнить что-л., вливая какую-л. жидкость.

Налить рюмку вина, налить ведро воды. Полную лодку [воды] налило.

// (что и чего) «Влить во что-л. и влить в каком-л. количестве»

Налить воду в ведро. Налить щей в тарелку. МАС (II с.368)

Когнитивистам известно, что на сочетаемость слов влияют, в частности, такие признаки денотатов, как форма предмета, состояние вещества и др. экстралингвистические характеристики. Что мы можем делать с ведром как полым предметом (емкостью), способным вмещать в себя что-нибудь? *Наполнять / заполнять* эту емкость. Причем материальная действительность в выборе средства наполнения любой емкости нас практически не ограничивает – это могут быть твердые тела, сыпучие вещества, жидкости, газы: *наполнить ванну водой, наполнить ведро песком, наполнить мешок сахаром, наполнить*

пробирку кислородом и т.д. Как видим, логическая ошибка в выражении (1) возникает в результате интерференции: *налить* можно *воду*, но не *ведро*, а пустую емкость (*ведро*) можно только *наполнить*. Итак, получаем правильный вариант:

(7) *Наполнить ведро водой.*

В противном случае, пришлось бы идти дальше и образовывать по аналогии и другие абсурдные сочетания:

(8) **насыпать ведро песком,*

(9) **насыпать мешок картошкой* и под.,

вместо логически и грамматически правильных выражений, описывающих одну и ту же внеязыковую ситуацию:

(10) *насыпать песок в ведро,*

(11) *наполнить ведро песком.*

Таким образом, одну и ту же внеязыковую ситуацию можно описать по-разному, перемещая фокус внимания с помощью перифраз, отражающих реальное положение дел в мире:

✓ *налить воды / воду в ведро,*

✓ *налить ведро воды,*

✓ *наполнить ведро водой,*

(**налить ведро водой*).

Сегодня представляется крайне важным заострить внимание на необходимости собственно лингвистического подхода к интерпретации данных русской разговорной речи при решении теоретических задач. Нужна обязательная профессиональная верификация той или иной встречающейся в разговорной речи лексико-грамматической конструкции на соответствие логике русского языка. Следует безоговорочно исключить аргументы «раз так говорят, значит, можно», «если встречается в речи, значит, язык допускает», которые, к сожалению, становятся неким трендом в лингвистическом сообществе, хотя, по сути, свидетельствуют или о непонимании соотношения

понятий в дихотомии *язык и речь*, или о разрушении / отсутствии привычки «осмыслять любое речевое произведение» [3: 95].

Научному исследованию, разумеется, подлежат любые проявления языка, в том числе и речевые аномалии, но не с той целью, чтобы объявлять их (только, например, из-за частотности) приемлемой формой или – что еще хуже – новой речевой нормой, предлагая внести изменения в существующие академические словари и находя в них несуществующие лексикографические «ошибки», а с целью выявить возможные причины искажений и – весьма желательно – дать профессиональные рекомендации по распознаванию и предупреждению подобных логико-грамматических ошибок в речи. Так, исходя из частотности логических ошибок в современной речи, в словари следовало бы добавить прямо противоположный предлагаемому комментарий: *налей ведро воды (не водой!)*. Только при таком отношении к корпусным данным теоретическое исследование будет объективным и принесет реальную пользу, например в практике преподавания русского языка, и будет способствовать повышению культуры речи русскоговорящих.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М. – Л.: Учпедгиз, 1947. 784 с.
2. Ильченко О. С. Аспекты изучения темы «Глаголы переходные и непереходные» в VI классе // Русский язык в школе. 2011. № 12. С. 23–28.
3. Ильченко О. С. *Сердце не ёкает*, или *Русинглиш* в современной России // Русский язык в школе. 2023. Т. 84. № 3. С. 91–98. DOI: [10.30515/0131-6141-2023-84-3-91-98](https://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-3-91-98)
4. Пешковский А. М. Русский язык в научном освещении (1938). Изд. 8-е. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 452 с.
5. Степанов Ю. С. Индоевропейское предложение (2010). Изд. стереотип. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2017. 248 с.

СЛОВАРИ

МАС – Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, ИЛИ; Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 2. 4-е изд., стереотип. М.: Русский язык, Полиграфресурсы, 1999. 736 с.

КАНАФЬЕВА Аля Васильевна (Москва, Россия)

доктор филологических наук, доцент
Государственный университет просвещения
kanafeva.alya@mail.ru

КВАНТОР *ВЕСЬ* КАК ЗНАК ПОНЯТИЙНОЙ КАТЕГОРИИ ВСЕОХВАТНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы функционирования в русском языке имеющего древние корни местоимения *весь*. Акцентируется внимание, во-первых, на синкретизме атрибутивного и количественного значений этого местоимения, его дуплексивной синтаксической связи; во-вторых, на его синтагматических возможностях, отчасти проясняющих сферу всеобщности и всеохватности, знаком которой он является, в-третьих, на аналитические партикулярные комплексы и фразеологические единицы с компонентом *весь*.

Ключевые слова: местоимение *весь*, всеохватность, синтагматика, синтаксические функции, синкретизм, частицы, фразеологические единицы.

Abstract. The article discusses the functioning of the pronoun *весь* (*all*) which has ancient roots in Russian language. Attention is focused, firstly, on the syncretism of the attributive and quantitative meanings of this pronoun, its duplex syntactic connection; secondly, on its syntagmatic capabilities, partly clarifying the sphere of universality and comprehensiveness, of which it is a sign, thirdly, on analytical particular complexes and phraseological units with the component *весь*.

Keywords: pronoun *весь* (*all*), comprehensiveness, syntagmatics, syntactic functions, syncretism, particles, phraseological units.

Местоимение *весь* имеет морфологические свойства прилагательного, т. е. изменяемость по родам, числам и падежам, и синтаксическую функцию согласованного определения. В лексическом же значении этого местоимения имеется и количественная сема: *Целый, полный, без изъятия*. А. А. Шахматов отмечает, что «местоимение *весь* употребляется атрибутивно (*сохранено написание источника – А.К.*) при названии неодушевлённых предметов, а также при определении множества, совокупности, как неодушевлённых, так и одушевлённых предметов» [6: 298].

Синкретизм атрибутивного и количественного компонентов значения обуславливает дуплексивный характер *весь* – двустороннюю зависимость и от определяемого существительного, и от глагола: *Будет день, настоящий на птичьих криках. И в окна, как весны глоток, весь в золотых, сквозных пылинках, ворвётся солнечный поток!...*

(Р. Рождественский) – **поток**, *весь в золотых, сквозных пылинках; ворвётся* *весь в золотых, сквозных пылинках*. Ср. также: *Снег так весь и сверкает, даже глядеть нельзя* (В. Белов); **Весь** *выворачиваюсь, как карманы, чтоб завтра сначала всё повторить* (Р. Рождественский).

Имеющаяся в лексическом значении местоимения *весь* количественно-обобщительная сема делает его знаком субъектно-объектной всеохватности в общей понятийной категории всеохватности наряду с производными *всегда*, *навсегда* (временная всеохватность), *всюду*, *повсюду* (пространственная всеохватность). «Их обобщённый смысл детализируется в высказывании синтагматически, благодаря словам-партнёрам, проясняющим зону всеохватности различных фрагментов окружающей действительности – субъектных, объектных, временных, пространственных. Поле всеохватности отличается эмоционально-субъективным характером, наделено экспрессивными качествами» [3: 62].

Весь выступает как активный, подвижный компонент, образуя словосочетания с определёнными семантическими классами слов-партнёров. Как отмечает М.В. Панов, «в местоимениях лексическое значение переимчиво, принимает смысл, приготовленный ему позицией» [5: 250].

Синтагматика *весь* с именами существительными разных лексико-грамматических разрядов проясняет атрибутивное значение с количественным оттенком: *Может быть, всё это где-то здесь, Не то в конце, не то в начале, Я мог бы вспомнить всё, всю жизнь и праздник весь, когда б страниц не растеряли...* (Арс. Тарковский); *Есть радиусы действия единственного слова. А я всю жизнь ищу его. И, может быть, найду* (Р. Рождественский); *Я открою все ворота Этих облачных высот, Заходящим оком кто-то Луч зелёный мне метнёт* (Н. Заболоцкий); *Позабыл я все слова, все имена*

(Р. Рождественский); **Всё море** – как жемчужное зеркало (И. Бунин);
Вся стена – в неровных линиях, в крапинках стена...
(Р. Рождественский); **Но вот уже грудным, просящим криком вся мастерская** до краёв полна: «Скорей! Скорей, художник!»
(Р. Рождественский).

Гиперболизированный характер значение всеохватности имеет в атрибутивных словосочетаниях **весь** с отвлечёнными именами существительными с пространственной семантикой: **И вся планета** распахнулась для меня (Р. Рождественский); **А звёздам в небе тесно от луны. Всё небо** переполнено луной (Р. Рождественский).

Сочетаясь с именами прилагательными, **весь** выражает значение полноты охвата предмета признаком: **Лепечут пальмы, шум фонтанный** Так радостен издалика, **И ветер, весь благоуханный, Летит в пустыню с цветника** (В Брюсов).

Грамматическая форма среднего рода **всё** довольно часто функционирует как субстантиват, занимающий в предложении синтаксические позиции подлежащего или дополнения: **Вернуться б к той черте, где я был мной. Где всё впервые: светлый дождь** грибной, который по кустарнику бежит. **И жить легко. И очень надо жить! Впервые «помни», «вдумайся», «забуди». И нет «когда». А сплошь – «когда-нибудь». И всё даётся малою ценой** (Р. Рождественский). Очень ёмкие понятия, завуалированные в глубокую метафору, определяющие зону **всё** начинающего жить человека: окружающий мир природы, светлое, лёгкое, безоблачное восприятие жизни, которой пока не видно конца, самые важные вехи памяти.

Всё в синтаксической позиции подлежащего наполняется оценочным смыслом при составном именном сказуемом: **Верьте: не сказка, верьте: не выдумка – необитаемые острова!.. Всё здесь простое, всё самое первое** – ровная, медленная река, тонкие – тонкие, белые – белые, длинные – длинные облака

(Р. Рождественский); *Колокола звенели: «**Всё** в этом мире **тленно!**...»*

(Р. Рождественский); ***Всё** казалось **обычным. Простым...***

(Р. Рождественский).

Отсутствие у квантора *весь* синтаксических партнёров приводит к «затемнённости» сферы всеобщности и всеохватности: ***Все** уйдут – останется обида, **Всё** пройдёт – останется беда* (Арс. Тарковский); *Я на минутку к тебе забежала, А на открытке **всего** не напишешь* (Арс. Тарковский); ***Всё** простится потом...* (Р. Рождественский); *Ах, как **замело всё!** Как **замело!**..* (Р. Рождественский); *И вот уже не он, а ты, как будто глянув с высоты, **всё** принимая, **всё** терпя, ждёшь, чтобы он простил тебя* (Р. Рождественский). Для референта невозможно установление объёма понятия *всё*: оно субъективно, нередко – гиперболизировано, часто – эмоционально и экспрессивно: *В себя ли заглянешь – там прошлого нет и следа: **И радость, и муки, и всё там ничтожно...*** (М. Лермонтов); *Был я сыном, братом, другом, мужем и отцом, Был в довольстве... **Всё** насмарку! **Всё** не то, не то!* (И. Бунин); ***Всё** на земле живёт порукой круговой: Созвездье, и земля, и человек, и птица* (Арс. Тарковский); ***Всё, что свято, всё, что крылато, Всё, что пело мне «Добрый путь!»** – меркнет в жёлтом огне заката* (Арс. Тарковский). *Всё* в приведённых поэтических строках представляет мир духовно-нравственных представлений, идеалов субъекта, нередко находящихся в противоречии с реальностью. Это подтверждается и антонимической парадигмой *все – никто*: ***Делить веселье все готовы – Никто не хочет грусть делить...*** (М. Лермонтов); ***Все спрашивали хлеб, но ни одна живая душа его не продавала*** (К. Паустовский). «Обобщение, которое делают люди в повседневной жизни и в ходе коммуникации, не следует правилам логического вывода и редко претендует на истинность. Оно подчинено эмоциям» [1: 824].

Разнообразные смысловые оттенки создаются синтагматикой *весь* с местоимениями других разрядов: значение всеобщности *все мы* (с включением *я*); *все вы, все они* – (с исключением, противопоставлением *я*); значение полноты охвата признаком: « *О девушки! Как холодно весной: Я вся дрожу от ветра и мороза!*» (И. Бунин); *Вся ты* словно в оковы закована, драгоценная ты моя женщина (Н. Заболоцкий); *Я позабыл о времени, старую книжку листаю. Вся она* – будто исповедь осиротевшей семьи (Р. Рождественский); ограничительно-выделительное значение в сочетании с указательными местоимениями: *И падаешь, полужива. И задыхаешься от слёз. И шепчешь жаркие слова. Все те. Все самые. Всерьёз* (Р. Рождественский); *Всё это было в Севастополе двенадцать лет назад* (К. Паустовский).

Категориальное значение всеохватности, присущее квантору *всё*, сохраняют в той или иной степени единицы его функционально-омонимического поля – частицы. Способность свободного присоединения отличает частицу *всё*, выражающую усилительно-подчёркивающее значение при глаголах: *Мы пьём в любви отраву сладкую, Но всё отраву пьём мы в ней* (Е. Баратынский); *И седая крестьянка, Как добрая старая мать, Обнимает песня всё лилась, как приглушённый звон* (К. Паустовский); при компаративе качественных прилагательных: *Всё глуше становится мгла сновидений, Всё реже грозят мне печальные тени, И совесть холодная день ото дня Всё меньше и меньше терзает меня* (Арс. Тарковский); при компаративе определительных наречий: *И всё жарче, шире веет из степей полынь, И всё суше, слаще пахнет горькая полынь* (И. Бунин).

Частица *всё* образует аналитическое сочетание с обстоятельственно-временным наречием *ещё*, имеющее значение продолжительности действия: *Ерёмиха всё ещё не может совладать с телёнком, всё ещё то с угрозами нахлестать, то с добрыми*

уговорами **ходит** за ним по деревне (В. Белов); *Строки в потёртой книжке **всё ещё смотрят** призывно* (С. Есенин).

Значения ограничения или завершения имеют аналитические партикулярные комплексы с участием *всё*: *и всё, вот и всё, да и всё: Давай увидимся с тобой хотя б во сне! Ты только скажешь, как ты там. **И всё***. (Р. Рождественский); *Двое на острове. Двое на острове. Двое – и **всё!***.. (Р. Рождественский); *Будь моим! Моим – и **всё!*** (Р. Рождественский); – *А ты забудь про этих учёных! Раз наш брат малограмотный, дак и нечего. Наплюнь, **да и всё*** (В. Белов).

Частица *всё-таки* (*всё же*) имеет усилительно-подчёркивающее значение: *Наверно, мы **всё-таки** что-то сумели. Наверно, мы **всё-таки** что-то сказали...* (Р. Рождественский); *После этих отступлений я **всё же попытаюсь** вкратце **восстановить** по памяти некоторые свои записи* (К. Паустовский) или уступительно-противительное значение: *В мои планы не входило объезжать лошадей. **И всё же** я почему-то обрадовался предложению* (В. Белов); *В Мещорском крае нет никаких особенных красот и богатств, кроме лесов, лугов и прозрачного воздуха. **Но всё же** этот край обладает большой притягательной силой* (К. Паустовский).

Синонимичной частице *всё-таки* является частица *всё равно*, уступительно-противительное значение которой акцентируют находящиеся при ней противительные союзы *а, но* : *Ты должна понять меня – хоть авиа, хоть самым скоростным, **а всё равно** пройдёт четыре дня. Четыре дня!* (Р. Рождественский).

Частица *всё равно что* выражает отождествительное значение: *Мне у них про дела выпытать – **всё равно что** секрет выболтать* (Р. Рождественский).

В поле всеохватности включаются и фразеологические единицы с компонентами *весь, вся, всё*: *Глаза твои колются. В словах моих злость... **Когда всё это кончится?! Надоело! Брось!!***

(Р. Рождественский); *В снегу застывали сутки, и было бы всё ничего, но скальпель живой сосульки однажды взрезал его* (Р. Рождественский); *Сделаю всё как нужно, слёзы сумею скрыть* (Р. Рождественский); *Приняв закон, прими его вериги. Иль оттолкни – иль всей душою чти* (И. Бунин); а также *весь (белый) свет; всей душой (всем сердцем); от всей души (от всего сердца)*; синтаксический фразеологизм *Всё валится из рук* и др.

Объектная всеохватность присуща и фразеологическим сочетаниям: *от доски до доски, от корки до корки – всё; от мала до велика – все; с головы до ног (пят) – весь* и др. Эти парные сочетания словоформ со значением всеохватности входят в исконно русские обороты речи – «песчинки золотого запаса русской фразеологии» [4: 340]. Наличие лексических повторов и их регулярное употребление в позиции членов предикативной основы придаёт анализируемым конструкциям связанный характер и приближает их к той части фразеологической системы, которая представляет собой архетипические формы культурного осознания человеком окружающего его мира, «моделирования его в порядок» [2: 13].

Таким образом, в понятийном поле всеохватности местоимение *весь* организует субъектно-объектный сегмент, являясь ядерным знаком, вокруг которого сосредоточены периферийные средства – однокомпонентные и многокомпонентные частицы, а также единицы фразеосистемы русского языка. Прояснение зоны всеохватности, её частные значения устанавливаются благодаря синтагматическим партнёрам квантора *весь*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с.
3. Канафьева А.В. Категория всеохватности и её экспрессивное поле. Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2023. № 3. С. 55–64.

4. Мокиенко В. М. Образы русской речи: историко-этимологические очерки фразеологии. М.: Флинта: Наука, 2009. 464 с.
5. Панов М.В. Позиционная морфология русского языка. М.: Наука, Школа «Языки русской культуры», 1999. 275 с.
6. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. 3-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 624с.

КАРАСИК Владимир Ильич (*Москва, Россия*)
доктор филологических наук, профессор,
Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина
vkarasik@yandex.ru

СИМВОЛИЗАЦИЯ ВОКЗАЛА В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Аннотация. Рассматривается символизация вокзала, понимаемая как расширение базового содержания этого концепта. Это содержание формулируется в словарной дефиниции, и сводится к функциональным признакам этого объекта – месту прибытия и отправления поездов. В афоризмах вокзал и поезда осмысливаются как чередование встреч и расставаний, аллегорическое выражение выбора своего места в жизни и оценки людей, которые доверяют или не доверяют своей судьбе. В поэтических текстах вокзал сравнивается с жизнью, в то время как поезд – с судьбой.

Ключевые слова: вокзал, концепт, символ, образ, ценность.

Abstract. The paper deals with symbolization of railway station understood as expansion of the basic meaning of this concept. This content is formulated in a dictionary definition and comprises functional features of the object – a place of arrival and departure of trains. Aphorisms make us think of stations and trains as interchange of meeting and parting, as an allegoric expression of the choice we take in our life and evaluation of people who trust or mistrust their fate. A railway station in poetry is symbolically compared to life whereas a train means fate.

Keywords: railway station, concept, symbol, image, value.

Осмысление реальности в языковом сознании обычно рассматривается как выделение того или иного фрагмента действительности, отнесение его к определенному классу подобных или противоположных объектов, выделение уточняющих признаков и ассоциативные переносы этого явления в другие сферы освоения мира [7, 8]. В концептологии эти векторы фиксации смысла описаны как понятийное, образное и ценностное измерения концепта – кванта переживаемого знания [4; 6; 9; 20; 22; 23; 25]. Ассоциативный перенос признаков осмысливаемого объекта детально проанализирован в работах, посвященных когнитивной метафоре [11; 17; 24]. Важной

характеристикой таких переносов является метафорическая мощь концепта – обусловленная его значимостью в картине мира степень его ценностного содержания. Есть концепты с высокой и низкой метафорической мощью, например, «небо, сердце, война – подоконник, ноготь, термометр», хотя в индивидуально-авторском тексте любой концепт может стать образом с высоким ценностным содержанием, т.е. символом. Символизация объектов является ключевым признаком ценностной картины мира [1; 2; 3; 5; 13; 14; 15; 16; 17; 19; 21; 28]. Такие ассоциативные переносы являются дискурсивно обусловленными [10] – они органично возникают в поэтической, политической, религиозной, медийной коммуникации, в меньшей мере свойственны обиходному, юридическому и деловому общению.

В ряду лингвокультурных концептов выделяются смысловые образования, обозначающие определенные локации – места природного и освоенного людьми пространства (лес, река, пустыня – поле, улица, школа). К числу освоенных локаций относятся общественные здания, в частности вокзалы, их характеристики могут становиться символами определенного поведения и переживаний людей. Описание вокзалов является одним из частных характеристик образа города и рассматривается в рамках культурологического и филологического урбанизма [12; 27]. Заслуживают внимания наблюдения о символизации вокзала в русской литературе: «Необычность, особая напряженность вокзального микропространства усиливалась еще и тем, что до середины XX века перроны и дебаркадеры были заполнены клубами паровозного дыма и пара из-под колес, а в воздухе пахло раскаленным углем и машинным маслом. Всё это порождало ассоциации с мифическими болотными туманами, хтоническими чудовищами («пышут намордники гарпий») и прочими inferнальными образами. Вокзал предназначался для осуществления жанров внутреннего состояния и поведения, сопровождавшихся достаточно высокой степенью

эмоциональной напряженности – для ожидания прихода нового или возвращения старого, для расставания с привычным миром (жизнью, городом, людьми), для отправления в путь к неведомому, для радостных и трогательных встреч» [26: 313–314].

Понятийные характеристики вокзала выделены в словарных определениях:

Вокзал – здание железнодорожной станции, предназначенное для обслуживания пассажиров (ССРЛЯ).

Вокзал – это специальное сооружение, место на большой железнодорожной станции или в порту, куда прибывают транспортные средства, где есть залы ожидания, билетные кассы и т. д. Железнодорожный, автобусный, речной вокзал (Дмитриев).

Эти дефиниции позволяют выделить следующие признаки рассматриваемого концепта: 1) здание, 2) расположенное на станции или в порту, 3) предназначенное для обслуживания пассажиров, 4) железнодорожного, либо автобусного, либо речного транспорта, 5) где есть залы ожидания и билетные кассы.

Системное описание концепта предполагает определение тематического поля, включающего системные связи этого ментального образования. Если мы говорим о вокзале, то это функционально прежде всего станция, т.е. место, где останавливаются поезда. Соответственно, актуализируются идеи прибытия и отправления поездов, железнодорожного расписания, размеров станции – большой железнодорожный узел либо полустанок, возникают образы железнодорожного вокзала (здания, отличающегося от других городских построек), зала ожидания, перрона, переходов на железнодорожные пути, поездов, локомотивов и вагонов, железнодорожных служащих и др.

Образно-ситуативные характеристики рассматриваемого концепта приводятся в примерах, взятых из «Национального корпуса русского языка» (ruscorpora.ru).

В тексте уточняются функциональные характеристики вокзала:

Ночью он пришел на вокзал и узнал, что в два часа отходит последний поезд на Ленинград, купил билет, взял вещи из камеры хранения (В. Гроссман).

Приехала я на вокзал рано, за полчаса до срока, но поезд уже подали (И. Грекова).

...До отхода поезда оставалось чуть более получаса. Пора было идти на вокзал. Тягин смял список и бросил в урну (С. Шикера).

Вокзал является местом прибытия и отправления поездов.

Уточняется место расположения вокзала в населенном пункте:

Вокзал сам по себе обретался на краю города, где обрывались улицы с многоэтажными городскими домами и роились ульем деревянные домишки (О. Павлов).

Поезд приходил на Московский вокзал в восемь часов утра, и новые постояльцы «Европейской» сразу устремлялись в буфет, где происходили порой забавные встречи, например, с Мишей Жванецким, который тоже ценил это место (Б. Мессерер).

Мы поехали встречать Миру на Ярославский вокзал, не зная точно ни вагона, ни места (И. Архипова).

Обычно вокзалы имеют свои названия.

Люди приезжают на вокзал и отправляются оттуда в разные места:

На вокзал они уезжали на своей машине, решив оставить ее на ближайшей к метро платной парковке (А. Русских).

Из аэропорта она поехала на вокзал, оттуда – в пыльном поезде, в купе с утлым дядькой, хотя она читала, что в России ввели отдельные гендерные купе (И. Савельев).

У вокзалов есть характерный запах:

Нравилось ли ей жить в небольшом областном центре, где на центральном проспекте вывески «мясо» и «молоко» над

закруглёнными окнами, давка в тесном троллейбусе, пахнувший гарью вокзал, а напротив – Главпочтамт? (Р. Вереск).

Свежепокрашенный розовый вокзал источает запахи жареных пирожков и звуки марша (Г. Зеленина).

В приведенных примерах говорится о недорогих вокзальных буфетах. При отправлении некоторых поездов из репродукторов раздаются определенные марши.

Есть правила и сложившиеся обыкновения поведения пассажиров на вокзале:

На перроне было немного людей, и большинство из них топтались на месте и сидели на лавочках, стремясь в ту сторону, откуда Петров только что приехал – в том направлении был вокзал, автовокзал и рынок (А. Сальников).

Разве вы не знаете, что вокзал является стратегическим объектом и фотографировать его запрещено? (А. Пермьяков).

Тащишься через вокзал с рюкзаком, тяжелым, как черт, опаздываешь, задыхаешься, – кто только выдумал эти ранние отправления поездов? (О. Балла).

Заслуживают внимания примеры с ассоциативным расширением концепта «вокзал»:

Вокзал еле успевает откачивать людские волны помпами электричек (В. Аксенов).

Москва напоминала огромный, переполненный войсками и беженцами вокзал, где все искали своих (О. Славникова).

Жизнь похожа на вечерний вокзал, где сидишь на чемоданах, как говорится, но никуда не отбываешь, – подумал он (А. Мурашов).

Вокзал сравнивается с огромным муравейником, в котором хаотически снуют толпы людей.

Осмысление вокзала в ряде случаев включает идею сценария: приход на вокзал и отправление:

– Чемодан-вокзал-Россия! – говорит он (распространенный лозунг молдавских националистов, которые в 90-е последовали ему, отправившись на стройки РФ) (В. Лорченков).

Если у русских таежных бичей-работяг был, как они мрачно шутили, свой, постоянный для них круговорот в природе: вокзал, базар, милиция – опять экспедиция, то эвенки пошли по новому, чуждому лесному человеку круговороту в природе: детский сад, интернат, школа, армия, тюрьма... (Л. Сермягин).

Подчеркивается идея разрыва с прежней жизнью:

Алечку она отвезет к матери, а сама – хоть на вокзал (В. Токарева).

А может, как в той самой присказке, направо, там вокзал, а мало ли на вокзале людей, пытающихся бежать от суеты, бытовухи, да и от себя самого? (О. Селедцов)

У Окуня вокзал утрачивает эту зловещую планетарную символику надвигающейся катастрофы, к счастью (ведь, как известно, слово поэта – больше, чем слово), но не утрачивает знакомой всем тоски и тревоги, потерянности и необратимости часа расставания (А. Андреева).

Функциональные характеристики вокзала как места прибытия и отправления поездов соответствуют его словарным дефинициям. В примерах показаны такие характеристики вокзалов, как их названия, присущие им запахи и звуки, типичное поведение людей на вокзале, а также ассоциативное расширение этого концепта как бурлящей толпы, циклического движения и разрыва с прежней жизнью.

Обратившись к поиску в интернете, можно узнать название устройств, просвечивающих багаж пассажиров – интроскопы. Перед этим все посетители вокзалов проходят через специальные рамки, издающие звуки, если у кого-то есть с собой металлические предметы. Повышенные меры обеспечения безопасности на вокзалах и в

аэропортах обусловлены вероятностью террористических актов в этих местах в наше время.

Поведение людей на железнодорожной станции детально регламентировано. Заслуживают внимания следующие правила безопасности на станции и на вокзале:

Не подходите к движущемуся составу ближе, чем на 2 метра, даже если скорость его небольшая.

Не заходите за ограничительную линию на платформе.

Не входите в вагон и не выходите из него, пока поезд движется. Выход разрешается только на сторону посадочной платформы при полной остановке состава.

Не переходите пути, подлезая под вагонами стоящего поезда. Транспорт может тронуться в любой момент.

Не теряйте из вида детей. Держите ребенка за руку все время, пока находитесь на вокзале или до того момента, пока не сядете в поезд. В сутолоке вокзальной жизни дети могут потеряться мгновенно.

Не играйте на посадочной платформе. Забудьте о мячах, самокатах, гироскутерах, роликах и велосипедах на посадочной платформе.

Не прыгайте с пассажирской платформы на ж/д пути.

Не отвлекайтесь. Не стоит листать ленту друзей в телефоне, читать переписку, слушать музыку или беседовать по телефону, когда вы входите в вагон или выходите из него. На несколько минут сосредоточьтесь только на своих действиях.

Не бегите вдоль вагона движущегося поезда.

Не фотографируйте и не делайте селфи с выходом на железнодорожные пути.

Не теряйте вещи, документы и деньги.

Не разговаривайте с незнакомыми, тем более не пейте с ними спиртные напитки и не рассказывайте о том, что вчера получили полугодовую премию. О подозрительных людях, бесхозных сумках и странных пакетах сразу же сообщайте сотрудникам вокзала или правоохранительных органов. Лучше проявить излишнюю бдительность, чем роковую беспечность.

Снабдите детей и престарелых членов семьи контактной информацией. Можно положить им в карманы записки с именами и вашим номером телефона. Для домашних питомцев тоже сделайте информационную капсулу и вложите ее в ошейник или клетку (<https://vokzal.ru/blog/pravila-bezopasnosti-na-zheleznodorozhnom-transporte>)

Обратим внимание на доверительно-разговорную тональность этих правил и типичные опасные действия наших современников на перронах. В этих советах содержится информация, расширяющая сведения о вокзале: вокзальная сутолока, возможные мошенники, бесхозные сумки, в которых может быть заложена взрывчатка.

Мы не найдем аллегорического осмысления вокзала и связанных с ним концептов в пословицах, поскольку эти речения создавались преимущественно в то время, когда интересующий нас концепт еще не появился. В афористике это концептуальное поле представлено речениями, заслуживающими внимания. Афоризмы, созданные представителями разных народов, являются достоянием русской лингвокультуры. Можно выделить в них следующие идеи.

Вокзал – это жизнь, в которой встречи сменяются расставаниями:

Жизнь – это большой вокзал: встречи, расставания и вечный поиск своего места (А. Беренштейн); Наша жизнь – это постоянное путешествие, от рождения до смерти. Меняются люди, наши потребности, пейзаж за окном, а поезд идет дальше. Жизнь – это поезд, а не станция (П. Коэльо); Жизнь – это поездка на поезде, и на

многих станциях важные для нас люди сходят и уже не возвращаются. И в конце поездки мы оказываемся в вагоне, где почти никого не осталось (Д. Кунц).

Мы остаемся на станции, а поезда проносятся мимо, поезд осмысливается как то, что не сбылось, и повлиять на остановку желанного поезда мы не можем:

Если поезд не останавливается на вашей станции, значит, это не ваш поезд (М. Уильямсон); Маленькие станции очень гордятся тем, что скорые поезда должны проходить мимо них (К. Краус); Тот, кто горюет об этом мире, похож на пассажира, который давит в стенку своего купе для того, чтобы поезд пошел быстрее (И. Гурвиц).

Но есть верный способ сесть на свой поезд:

Чтобы сесть на тот поезд, который вам нужен, нужно пропустить тот, который был перед ним (Г.К. Честертон).

Нужно доверять своей судьбе:

Когда поезд входит в туннель и становится темно, не нужно выбрасывать билет и выпрыгивать. Сидите спокойно и доверяйте машинисту (К. Бум); Для пессимиста свет в конце туннеля – это огни встречного поезда (Дж. Риверс).

Человек должен предпринимать усилия для осуществления своей цели:

Ждать, когда придет вдохновение, – это все равно, что сидеть в аэропорту в ожидании поезда (Л. Майклс).

Можно заметить, что для афористов вокзал и поезд – это важные символы жизни, постоянных изменений и необходимости участвовать в своей судьбе.

Заслуживает внимания ироничное наблюдение:

Для объявлений на вокзалах набор бубнильщиков ведут (В. Поляков).

Действительно, такие объявления на вокзалах трудно слышать.

В поэтических текстах вокзал рассматривается в следующих аспектах.

Это место ассоциативно осмысливается как концентрированный опыт человека:

Вокзал, несгораемый ящик / Разлук моих, встреч и разлук, / Испытанный друг и указчик, / Начать – не исчислить заслуг
Б. Пастернак).

Давай поедem в город, / Где мы с тобой бывали, / Года, как чемоданы, / оставим на вокзале (Д. Самойлов).

Вокзал, это прошлое, с которым мы навсегда простились:

Мне хорошо, что будущего нет, / И прошлое забыто на вокзале... / Себе гербом избрал бы якорь я / С обломанными навсегда клыками!.. (Г. Шенгели).

Вместе с тем хочется вернуться в прошлое и задержать мгновение:

Как только в городской тиши / Ко мне придет полубессонница, / Ночная жизнь моей души, / Как поезд, постепенно тронется. / И в полусне и в полумгле / Я жду, что поезд остановится / На том дворе, на той земле, / Где у окна росла шелковица (С. Липкин).

И коль уж наша жизнь, как ресторан вокзальный, / дана на время нам – что ж торопить расчет? / Упьюсь и обольюсь с улыбкою прощальной. / И бабки подобью. И закажу еще (Т. Кибиров).

Оглядываясь на вокзале, мы невольно задумываемся о смысле жизни:

Этот мир – колесо, только с ободом руки связали. / Эта жизнь – о любви, как в забитом колодце звезда. / Для кого я живу, для кого я кричу на вокзале, / Где на сотнях платформ, обезумев, режут поезда?
(А. Цветков).

Станция осмысливается как точка отсчета, как пункт наблюдения:

С грохотом летели мимо тихих станций / Поезда, наполненные толпами людей, / И мелькали смутно лица, ружья, ранцы, / Жестяные чайники, попоны лошадей (В. Ходасевич).

Противопоставляются поезд и вокзал как жизнь и ее прекращение:

Словно сонмы ангелов, поющих над бездною, / Мы заводим песенку свою бесполезную. / Медленно сходящиеся в зал ожидания, / Мы заводим песенку себе в оправдание. / И звучит отчаянно вокзальная музыка, / Возвращая едущему звание узника, / Возвращая поезду значенье укрытия / До предполагаемого часа прибытия (Г. Каневский).

Интересно сравнение вокзала с чужим счастьем:

Да, я таксист. Пути мои безмерны. / И каждый дальний путь мне недалек. / Вам кажется, я счастлив? Нет, неверно. / Моя трагедия – зеленый огонек. / Мне кажется, судьба мне приказала, / В пути не отдыхая никогда, / Несись к осточертевшему вокзалу, / Откуда к счастью ходят поезда (М. Светлов).

Есть горькое противопоставление вокзала и падения в никуда, катастрофы:

Один идет прямым путем, / Другой идет по кругу / И ждет возврата в отчий дом, / Ждет прежнюю подругу. / А я иду – за мной беда, / Не прямо и не косо, / А в никуда и в никогда, / Как поезда с откоса (А. Ахматова).

Осмысление судьбы поэта как неодолимой силы показано в следующем сравнении:

Тот, чьи следы – всегда простыли, / Тот поезд, на который все / Опаздывают... / – ибо путь комет / Поэтов путь: жжя, а не согревая. / Рвя, а не возвращая – взрыв и взлом – / Твоя стезя, гривастая кривая, / Не предугадана календарем! (М. Цветаева).

Таким образом, поэтическое осмысление вокзала развивается в следующих направлениях: вокзал как прожитая жизнь, как навсегда

ушедшее прошлое, с которым хочется вновь встретиться, как точка отсчета. Прибытие на вокзал может контрастировать с падением поезда с откоса. В поэтическом тексте возникают авторские противопоставления поезда и вокзала как жизни и смерти, при этом поезд осмысливается как судьба, которую невозможно изменить.

Резюмирую.

Символизация вокзала разворачивается как расширение базового содержания этого концепта, формулируемого в словарной дефиниции, и сводится к функциональным признакам этого объекта – месту прибытия и отправления поездов. Основное понятийное содержание уточняется в образно-ситуативных характеристиках вокзала – описанию здания, зала ожиданий и билетных касс, пассажиров с багажом, родственников и друзей, провожающих и встречающих этих пассажиров, железнодорожных служащих, перронов и переходов к железнодорожным путям, поездов, вагонов и локомотивов. Нормы поведения на вокзале в основном касаются соблюдения правил безопасности. В наши дни уделяется особое внимание осмотру пассажиров на вокзалах: раньше нужно было опасаться мошенников, теперь в большей мере – террористов. В афоризмах вокзал и поезда осмысливаются как чередование встреч и расставаний, аллегорическое выражение выбора своего места в жизни и оценки людей, которые доверяют или не доверяют своей судьбе. В поэтических текстах вокзал сравнивается с жизнью, в то время как поезд – с судьбой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абушенко В. Л. Аксиология // Всемирная энциклопедия: Философия XX век / Главн. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2002. С.21–23.
2. Аверинцев С. С. Символ // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С.607–608.
3. Болдырев Н. Н. Языковые механизмы оценочной категоризации // Реальность, язык и сознание: Междунар. межвуз. сб. науч. тр. Вып. 2. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. С.360–369.
4. Воркачев С. Г. Воплощение смысла: *conceptualia selecta*: монография. Волгоград: Парадигма, 2014. 331 с.

5. Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория личности в лексике и прагматике. М.: Глобал ком, 2013. 336 с.
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
7. Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 240 с.
8. Колесов В. В. Основы концептологии. СПб.: Златоуст, 2019. 776 с.
9. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: монография. М.: Гнозис, 2008. 374 с.
10. Куссе Х. Культуроведческая лингвистика / Пер. с нем. М.: Гнозис, 2022. 536 с.
11. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
12. Левинг Ю. Вокзал – Гараж – Ангар: Владимир Набоков и поэтика русского урбанизма. М.: Издательство Ивана Лимбаха, 2004. 400 с.
13. Леонтович О. А. Слово и образ в поисках друг друга: монография Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2022. 252 с.
14. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М. Искусство, 1995. 320 с.
15. Лотман Ю. М. Символ в системе культуры // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство, 2000. 704 с.
16. Микешина Л. А. Современное развитие понятия «ценность» // Ценности и смыслы. 2009. №1. С.6–17.
17. Пименова М. Вас. Слово-концепт *красота* и русская ментальность // Ментальность и меняющийся мир: коллективная монография: к 75-летию проф. В. В. Колесова / отв. ред. М. Вл. Пименова. Севастополь: Рибэст, 2009. С.198–206.
18. Пименова М. Вл. Концепт *сердце*: Образ. Понятие. Символ: монография. Кемерово: КемГУ, 2007. 500 с.
19. Романова Т. В. Идеологемы и аксиологемы русского языкового сознания как отражение констант и динамики национальной ментальности: монография. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2019. 120 с.
20. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Монография. Волгоград: Перемена, 2004. 340 с.
21. Смирнов Л. М. Базовые ценности и «антиценности» современных россиян // Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / Отв. ред. А. В. Рябов, Е. Ш. Курбангалеева. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. С.16–26.
22. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
23. Стернин И. А. Теоретические и прикладные проблемы языкознания. Избранные работы. Воронеж: Истоки, 2008. 595 с.
24. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.
25. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.
26. Щукин В.Г. Поэтика города. Морфология поэтосферы // Эйдос. 2013. №7. С.299–336.
27. Щукин В. Г. Вокзал как книга и здесь-пространство // Лабиринт. 2015. №3. С.6–21.
28. Якушевич И. В. Символ «дом» в русском языке и поэтическом тексте. Владимир: Транзит-ИКС, 2018. 182 с.

КРАСИНА Елена Александровна (Москва, Россия)

доктор филологических наук, профессор

независимый исследователь

elena_krassina@mail.ru

СЛОВЕСНЫЙ ЗНАК А. А. ПОТЕБНИ: ЯЗЫКОВОЕ И МЫСЛИТЕЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ (ОЧЕРК)

Аннотация. Генетически язык предстает как одна из формы мысли, при том, что словесный знак оформляет понятие и мыслительное содержание как значение. Словесный знак – неотъемлемый компонент языка как деятельности. Иерархическая структура словесного знака в динамическом единстве объединяет внешнюю (членораздельный звук и его образ) и внутреннюю форму (представление, ближайшее значение) и функционально организует в области содержания постоянный переход от бессознательного к сознанию. Творческая деятельность – область существования языка – сближает язык с искусством и делает категорию образности не только аспектом содержания, но и принципом классификации различных видов мысли.

Ключевые слова: словесный знак, представление, внутренняя форма, содержание, образ.

Abstract. Genetically language is a form of the thought meaning that a verbal sign forms both – a notion and a thoughtful content as a meaning. A verbal sign is an integral component of language being an activity. The hierarchical structure of a verbal sign unites in dynamics the exterior, outer (articulate sound and its image) and interior, inner (image and the “nearest” meaning), and in the sphere of content it functionally organizes a permanent transformation of the unconscious to the consciousness. Creative activity as the sphere of language existence draws together language and art and makes the category of imagery not only an aspect of content, but a principle of classification of various types of thought.

Keywords: verbal sign, conception, image, interior (inner) form, content, Image.

Язык есть человеческая деятельность, состоящая в создании членораздельных звуков и знаков и направленная к познанию, т.е. к разложению чувственных восприятий, и приведению этих восприятий в систему и закреплению результатов деятельности для себя и для других.

А.А. Потебня

Философская теория различает два основных вида человеческого познания – чувственное и рациональное. Эмпирический опыт, как правило, предшествует теоретическому обобщению, хотя эмоциональное восприятие и рациональный анализ всегда идут рука об руку.

В XIX веке гуманитарное знание пришло к заключению, что с одной стороны, язык – это сложная саморазвивающаяся система, а с другой, – деятельность, «вечно созидающий процесс, не готовый продукт – ergon,

а *energeia*», по В. фон Гумбольдту [1:71]. Используя достижения диалектической философии, так наз. «новой немецкой философии» Г.В.Ф. Гегеля и И. Канта, философы и лингвисты утверждают, что по функции, язык представляет собой, по словам А.А. Потебни, «средство познания человеком мира и самого себя, а потому и средство общения», по существу, детализируя таким образом идею В. фон Гумбольдта о том, что язык раскрывается как «субъективный образ объективного мира» и одновременно является «посредником между миром и человеком» [1:304]. Очевидно осознавая бесконечность мира, бесконечность познания и ограниченность действия человеческого сознания, ученые-лингвисты предпринимают попытку разрешить это противоречие. Полагаем, что достижение этой цели потребовало признать, что язык – это форма, и ничего кроме формы (от классической античности до В. Гумбольдта и далее), а генетически язык – одна из форм мысли, по А.А. Потебне,

Традиционно центральной единицей язык избирается слово, которое признается языковым знаком и оформляет понятие, и тогда язык определяется как система знаков, как средство «сжимания огромного числа признаков, составляющих мир познания человека и значений слов» [5]. И поскольку это система знаков, а не «совокупность знаков для обозначения готовых мыслей (понятий. – *Е.К.*), она способна к неопределенному, безграничному расширению, она обеспечивает понимание и общение между людьми: «Язык не просто орудие, комплекс составных частей, но еще и непрерывно повторяющийся процесс, основанный на общественной природе человека и его потребности в общении» Собственно языковая знаковая система обладает способностью «сжимать огромное количество признаков, составляющих мир познания человека, в совокупность значений слов, тем самым сокращая труд мысли» [5:116 и сл.]. Безграничность обозначения человеческих мыслей обусловлена двумя факторами: 1) содержание

слова, его значение способно расти и расширяться; 2) количество комбинаций, которое возможно произвести с наличными элементами языка тем более бесконечно, «как в цифрах и шахматах (задолго до Ф. де Соссюра!)», – пишет А.А. Потебня [Там же].

Итак, язык как одна из форм мысли опирается на слово, его знаковую природу и его значения. В силу этого А.А. Потебня разрабатывает концепцию словесного знака, которая объединяет языковые и понятийные характеристики слова, как и две формы, присущие языку, – внешнюю и внутреннюю.

СЛОВЕСНЫЙ ЗНАК

Материал мысли	МАТЕРИАЛ ДОЯЗЫЧНОЙ МЫСЛЬ - хаотичная, нерасчлененная масса несвязных впечатлений, включающая нерасчлененные связки впечатлений
	СФОРМИРОВАННЫЙ МАТЕРИАЛ МЫСЛИ - лично-объективное мыслительное содержание языкового мышления: дальнейшее (внешнее) значение , эволюционирующее от очень ограниченного целостного образа через все более насыщенный и расчлененный образ к понятию
Собственно языковое образование	ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА МЫСЛИТЕЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ - народное язычное содержание; представление (образ образа) и ближайшее значение
	ВНЕШНЯЯ (ЗВУКОВАЯ) ФОРМА МЫСЛИТЕЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ - образ членораздельного звука
Звуковой материал	СФОРМИРОВАННЫЙ МЫСЛЬЮ ЗВУКОВОЙ МАТЕРИАЛ - членораздельный звук
	ЗВУК КАК МАТЕРИАЛ - рефлексивный членораздельный звук - звук как рефлексия чувства

Источник: Зубкова Л. Г. Язык как форма. М.: Изд-во РУДН, 1999. С. 70.

Таким образом, посредством собственно языкового компонента – представления (внутренней формы слова) и ближайшего значения – постоянно и попарно взаимодействуют материал членораздельного звука, т.е. внешняя форма, и материал мысли, т.е. содержание,. Одновременно развивается идея взаимодействия знака и значения, поэтому, например, представление – это знак ближайшего и

дальнейшего значения, это образ образа понятийного содержания. Сравните определение: «Представление есть известное содержание нашей мысли, но оно имеет значение не само по себе, а только как форма, (...), вне суждения оно не имеет смысла. (...) представление возможно только в слове, (...), а слово есть двучленная величина, состоящая из образа и его представления» [5:101] Что касается дальнейшего значения, то оно принадлежит области других наук, и первоначально А.А. Потебня использует термин «понятие».

Языковое содержание фокусируется с помощью и через посредство представления, которое выполняет функцию посредника, становится средством сравнения познаваемого и уже познанного: представление это образ общего, обобщенного значения. Знак мыслительного содержания, а ближайшее значение – это образ и форма для внешнего дальнейшего значения. Если ближайшее значение, включающее и устойчивые грамматические и подвижные частные лексические значения, называется народным, то дальнейшее – это личное значение. Формирование мыслительного содержания определяется языком, и разряды языка, в первую очередь, части речи, это те самые грамматические категории, которые параллельны разрядам мысли. На наш взгляд, подобные рассуждения позволяют рассматривать словесный знак и со стороны содержания (1), и со стороны материала (2), сравните:

1) дальнейшее значение (внешнее, личное), т.е. лично-объективное мыслительное содержание → ближайшее значение (внутренняя форма), т.е. народное язычное/языковое содержание → представление (образ ближайшего значения) → образ членораздельного звука → членораздельный звук.

2) членораздельный звук → образ членораздельного звука → представление → ближайшее значение → дальнейшее значение.

Двунаправленная динамика словесного знака как движение от мысли к слову (1) и, наоборот, – от слова к мысли (2) свидетельствуют о том, что «область языка далеко не совпадает с областью мысли» [5:37] , хотя именно в динамических свойствах словесного знака скрыт и постоянный переход от бессознательного к сознанию, и средство преобразования форм мысли в понятия, и накопление «капитала мысли», и способ существования языка как абсолютного творчества: «В середине человеческого развития мысль может быть связана со словом, но вначале она, по-видимому, еще не доросла до него, а на высокой степени отвлеченности покидает его, как неудовлетворяющее ее требованиям, и, как бы потому, что не может вполне отрешиться от чувственности, ищет внешней опоры только в произвольном знаке» [Там же].

Язык и мышление развиваются постоянно и одновременно не только как переход от бессознательного к сознанию и самосознанию, отражая познавательные процессы и мировоззрение человека. Следуя лингвофилософскому учению В. фон Гумбольдта, А.А. Потебня утверждает, что до языка и без языка мышление было темным и смутным, в современной терминологии – аморфным и неструктурированным, а далее, опираясь на чувственный опыт человека субъективный мир человека предстает или как образ, или как понятие. Тогда мышление предстает либо в поэтической, либо в прозаической формах: «... Сознание может относиться к образу двояко: 1) или так, что образ считается объективным и потому целиком переносится в значение и служит основанием для дальнейших заключений о свойствах означаемого; 2) или так, что образ рассматривается лишь как субъективное средство для перехода к значению и ни для каких дальнейших заключений не служит. Первый способ мышления называем мифическим ..., а второй собственно поэтическим» [4:420–421].

В свою очередь, в зависимости от связи между образом и значением – представлением и содержанием – Потебня различает два способа мышления – мифическое и собственно поэтическое, образное. В мифическом мышлении формируются и сохраняются однозначные отношения между денотатом и его характеристикой, которая становится частью наименования-означаемого, например, *Зевс Громовержец, Аполлон Кифаред, волоокая Гера, младая Эос, хитроумный Улисс, Кощей Бессмертный, Иван-дурак* и др. Образ утрачен, стерлась метафора, осталось только дополнительное свойство-качество, единственное, по которому опознается номинация, при этом мысль и слово – нераздельное целое, они отождествляются. Напротив, поэтическое мышление предполагает наличие образа, зачастую чувственного, сравните: *живые сны, ковер-самолёт, праведная жизнь, мирное небо, храброе сердце* и т.д.

При развитии познания движение раскрывается от мифа к поэзии, от поэзии к прозе и далее к науке, наблюдается снижение образности и нарастание рациональности. Поясним, что с утратой образности исчезает и такой компонент языкового знака, как представление, т.е. внутренняя форма слова, утрачивается конкретный образ, и на первый план выступает значение. Представление же остается лишь знаком значения. Однако А.А. Потебня полагает, что образность сохраняется хотя бы потому, что язык оперирует не исключительно абстрактными безобразными категориями, поскольку в фокусе означивания и творчества – области существования языка – остается конкретное значение, тогда как отвлеченное, абстрактное значение необходимо для лучшей систематизации и классификации. При этом ни мифическое, ни собственно поэтическое мышление никуда не исчезают, а продолжают существовать и сосуществовать с другими типами мышления. Таким образом, шкала типов мышления включает следующие компоненты: *мифическое мышление – поэтическое мышление – прозаическое*

(включая научное) *мышление – творческое мышление*. Очевидно, что творческое мышление дает примеры существования образа и содержания без языка или вместо и даже *после* языка. Это отличает различные виды искусств, прежде всего, музыку и живопись Средства создания картин, скульптур и т.п., как и средства создания музыкальных произведений, невербальные, хотя музыка использует звуки, но это не звуки человеческого языка.

Существенно подчеркнуть, что деятельность человека, понимаемая как творческие акты, способна существовать и без слова, и без языка, но не без познания в пока не определяемых мыслительных формах. В процессе творчества на определенных этапах развития познания, при переходе от чувственного опыта к рациональному описанию ключевую роль играет образность, поэтому А.А. Потебня отмечает постоянный переход от образности к безобразности, и наоборот, как с использованием вербальных, так и невербальных средств. Постоянный источник образности ученый видит в неограниченной способности человеческих языков «создавать образы из сочетания слов, образных или безобразных. Слова *гаснуть* и *веселье* для нас безобразны, но *безумных лет угасшее веселье* заставляет нас представить веселье угасаемым светом» [1976, с.370].

В свете сказанного и с учетом классификации типов мышления проанализируем высказывание *Пчела за данью полевой летит из кельи восковой* (А.С. Пушкин).

С точки зрения мифического и безобразного мышления мы представляем себе следующую ситуацию и её буквальное описание:

Одна-единственная *пчела летит в поле* за пищей (*данью*) из улья, какой-то *восковой* ячейки в улье. При подобной интерпретации сохраняется единственная метафора – *келья*, обычно ‘скромное жилище монаха’.

Напротив, если рассмотреть эту же самую ситуацию с позиций образного мышления и образности слова, например, в терминах фигур речи, то получаем такую картину: синекдоха *пчела* /пчёлы, рой пчёл – колебания ед. и мн. числа имени; *за данью полевой* содержит метафору, имеется в виду сок растений, так наз. нектар; *летит*/летят – безобразное употребление; *из кельи восковой* – метафора (см. выше).

Полагаем, что пример проведенного анализа ярко демонстрирует колебания образности-безобразности при реализации значений слов в предложении-суждении.

В унисон звучит еще одно высказывание А.А. Потебни о том, что разряды слов и разряды мысли параллельны. Происходит это потому, что по мере нарастания рациональности, отвлеченности и абстрактности, а следовательно. безобразности, мы получаем служебные слова и грамматические категории.

Таким образом, понимая слово одновременно и как единство чувственного и рационального познания, как отражение и как знак, как результат субъективного индивидуального опыта на уровне отдельного человека и народа в целом, А.А. Потебня вторит В. фон Гумбольдту, утверждая, что каждый человек и каждый народ создает посредством языка субъективный образ объективного мира. Будучи постоянным переходом от бессознательного к сознанию и самосознанию, язык и идиостиль индивидуума не могут не выявлять сложного взаимодействия языка и сознания, языка и мышления человека. Область существования языка – абсолютное творчество – сближает деятельности языка с искусством, в чем наиболее существенную роль играет образность словесного знака на определенных этапах его создания и развития, как и языка в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – Москва: Прогресс, 1984. – 397 с.
2. Зубкова Л. Г. Язык как форма. – Москва: Изд-во РУДН, 1999. – 237 с.

3. Зубкова Л.Г. Общая теория языка в развитии. – М.: Изд-во РУДН, 2002. – 472 с.
4. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. Сб. статей. – Москва: Искусство, 1976. – 614 с.
5. Потебня А.А. Мысль и язык. – Киев: СИНТО, 1993. – 192 с.

КРАСОВСКАЯ Нелли Александровна (Тула, Россия)

доктор филологических наук, директор института РКИ
Тулский государственный педагогический
университет имени Л.Н. Толстого
nelli.krasovskaya@yandex.ru

ВЕРХНИЙ ЗАРОСШИЙ СЛОЙ ПОЧВЫ: НАЗВАНИЯ И ИХ УПОТРЕБЛЕНИЕ В РЕЧИ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о номинации верхнего заросшего слоя почвы. Прежде всего, обращает внимание обилие названий с корнем дер-/дёр-/дерн-/дёрн-/дерен- и мн. др. Множество диалектных номинаций возникает благодаря обилию фонетических и морфемных вариантов слов. Автор останавливается и на других номинациях верхнего слоя почвы, но встречающихся гораздо реже, среди них, например, *перегной, целина, обложная земля*. Важным моментом, связанным с понимаем значения слова и его оттенков, являются иллюстрации, которые свидетельствуют об особенностях употребления слова, об использовании верхнего слоя почвы в хозяйственных целях.

Ключевые слова: номинация, диалектная лексика, верхний слой почвы, морфема, суффикс, фонетический вариант, территория распространения.

Abstract. The article discusses the issue of nomination of the top overgrown soil layer. First of all, attention is drawn to the abundance of names with the root der-/der-/turf-/turf-/deren- and many others. etc. Many dialect nominations arise due to the abundance of phonetic and morphemic variants of words. The author also dwells on other nominations of the top layer of soil, but they are much less common, among them, for example, humus, virgin soil, and cover soil. An important point related to understanding the meaning of the word and its shades are the illustrations, which indicate the peculiarities of the use of the word, the use of the top layer of soil for economic purposes.

Keywords: nomination, dialect vocabulary, top layer of soil, morpheme, suffix, phonetic variant, territory of distribution.

Для человека, проживающего на земле, почва является важнейшей частью существования, дающая возможность создавать средства для пропитания, одежды, организации жизни, быта, производить саму пищу. Важными являются и все составные элементы почвы, так как от них зависит многое в качестве жизни крестьянина и его семьи.

Как известно, представления диалектоносителя об окружающем мире носят дифференцированный характер, в говорах существует

множество номинаций, которые по-разному называют один и тот же объект действительности, в ряде случаев диалектные именованья более точно и детально соотносятся с явлениями реальности. Разнообразие лексем часто определяется разными мотивационными признаками, которые лежат в основе называния, связью с историей языка, внутрисистемной организацией, наличием фонетических и словообразовательных вариантов.

Надо отметить, что ученые занимаются исследованиями диалектной лексики уже около двух столетий, поэтому обратимся только к тем современным работам, в которых рассматриваются особенности отражения в русских говорах ландшафта, а именно наименований почвы и ее особенностей. Так, О.А. Теуш в ряде статей останавливается на названиях земли, существующих в говорах севернорусского наречия [10: 65]. Исследователь пишет о том, что «...не каждый свободный участок засеивается или засаживается: некоторые земли непригодны или малопригодны для сельского хозяйства в силу качества почв...». Этой же проблеме посвящает свои работы и Т.Е. Баженова, в частности она указывает на названия земельного надела, «на котором располагалась традиционная крестьянская усадьба» [1: 194]. В работах многих диалектологов указывается на связь типа почвы и географических особенностей, наличия низменностей, возвышенностей, равнин и др. Так, Н.В. Бурко, например, останавливается на семантике географических названий ендова, ендовище в орловских говорах. Она замечает: «Предметом нашего рассмотрения ... стали реликтовые апеллятивы ендова, ендовище, которые до этого времени восстанавливались на территории Поочья из топонимических единиц (названий оврагов и прочих географических реалий), а в орловских говорах функционируют и как наименования посуды, и как орографические апеллятивы для обозначения низменного места, низины» [2: 153]. В этих и подобных исследованиях подчеркивается

важность характеристики почвы для ведения хозяйства, обустройства жилья, отмечается тесная связь наименований почвы с иными лексемами, имеющими глубокую древность.

Материал предлагаемой статьи базируется на данных картотеки «Лексического атласа русских народных говоров» (ЛАРНГ). На основе анализа выявленных лексических единиц мы можем сделать вывод о том, что самым распространенным наименованием верхнего заросшего слоя почвы могут считаться лексемы с корнями дер-/дёр-/дерн-/дёрн-/дерен- и под. Тут можно обратиться и к словарю Э.М. Мурзаева [5: 151]: «ДЁРН – верхний слой почвы с травяным покровом и пронизанный густым переплетением корней. В диал. дерен, дерень, дерно – то же. В Архангельской обл. дёрн – "старые корни, удаляемые с поля бороной". В Московской обл. дерно, дернина, дерн – "целина"; "залежь, заново вспаханная". На Урале дер – "дерн", "торф" [СРНГ, 1972, 8]. Укр. дерен, белор. дзёран. Этимологически связано с драть. ◇ Дёрно в Волынской обл.; Дерновое в Сумской обл.; Дерняки в Новгородской обл. См. дерба, деревня, дор». Надо сказать, что большинство толковых словарей русского литературного языка дают близкое толкование. Итак, МАС («Словарь русского языка» в 4-х томах) дает следующее определение: «ДЁРН, -а (-у), м. Верхний слой почвы, густо заросший травянистыми растениями и скрепленный их переплетающимися корнями...» [9]. В «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова сказано: «ДЁРН... Густо заросший травой верхний слой почвы. || *собр.* Вырезанные пласты этого слоя. *Могилу обложили дерном*» [11].

В электронном каталоге «Большой советской энциклопедии» в качестве заголовочного слова используется не слово дёрн, а слово **дерни́на**. О ней сказано следующее: «Дерни́на (дёрн, дернови́на, дерн, деренье), поверхностный слой почвы, густо переплетённый живыми и мёртвыми корнями, побегами и корневищами многолетних трав, занимающих более половины объёма почвы. Одним из

диагностических свойств дернины является способность отделяться от остальной части почвы, если потянуть за [стебли](#) травянистых растений. Дернину выделяют в самостоятельный [горизонт](#), если её мощность превышает 3 см... Дернина формируется под травянистой растительностью, преимущественно луговой или злаковой, в любых природных зонах (от [тундры](#) до [пустыни](#)) и геоморфологических условиях (на равнинах и в горах). На равнинах дернина наиболее интенсивно развита в почвах степной зоны и в центральной части [пойм](#) рек. В лесах образуется на прогалинах, вырубках, опушках и других открытых пространствах. В горах дополнительной экологической нишей являются субальпийские [луга](#). В настоящее время фиксируется и в постагrogenных почвах, вышедших из сельскохозяйственного использования и зарастающих травянистой растительностью. В этом случае мощность дернины невелика и редко достигает 4–5 см. Наиболее развита дернина в целинной степи и на лугах, где интенсивно и с большой продуктивностью развивается травянистая растительность» [3]. Помимо этого, выясним, имеется ли какое-то своеобразие в представлениях о дерновых почвах: «Дерновые почвы (также дерновые лесные почвы, серогумусовые почвы) – [тип почв](#), развивающихся под лесами умеренного пояса (главным образом таёжными, а также под березняками) на богатых основаниями почвообразующих породах. В этих условиях [подзолообразовательный](#) процесс замещается [дерновым процессом](#).

Образование дерновых почв происходит под травянистой растительностью, богатой питательными элементами, создающей [дернину](#) и [подстилку](#), под которыми располагается дерновой (гумусово-аккумулятивный) горизонт.

Для дерновых почв характерны: накопление перегноя (мощность [гумусового](#) горизонта 30-40 см, содержание гумуса от 2-4 % в кислых

почвах, до 6-9 % в почвах с нейтральной реакцией); биологическое накопление зольных элементов и щёлочноземельных оснований» [4].

Слово *дерновой* определяется следующим образом: «ДЕРНО'ВЫЙ, -ая, -ое. Прил. к [дерн](#); выстланный дерном. *Дерновая скамья. Дерновая земля* (перегной из дерна; с.-х.)» [11].

Из приведенных выше толкований становится понятно, что такое **дёрн**, ясно, что дёрн может различаться в зависимости от характеристики почвы и особенностей самой территории, в указанных источниках также сказано о том, что дёрн может использоваться в утилитарных целях. Дерном могут обкладывать могилки, его могут использовать для украшения и закрепления верхнего слоя почвы на различных хозяйственных участках. По нашим данным, дерн также может идти на корм скоту, его могут целыми пластами давать курам. Можно подчеркнуть, что дерн хоть и не способствует быстрому и активному выращиванию каких-либо культур, но является важной деталью ведения домашнего хозяйства для крестьянина.

Общее понятие **верхний заросший слой почвы** может выражаться в языке словами разных частей речи: существительными, прилагательными, отглагольными образованиями (причастиями).

Если говорить о фонетических вариантах, которые представлены в русских говорах, то тут можно наблюдать такие варианты, например, как **дерн, дорн, тёрн, терн; дерновáя, дернóвая, дёрновая**. Надо еще раз подчеркнуть, что фонетический вариант **тёрн, терн, торн** (а также, говоря о наличии начального [т], мы бы отнесли сюда и варианты **терень, тёр, тернястая**) сосредоточен на юге распространения русских говоров, отмечается в районах Краснодарского края, Ростовской, Волгоградской, Курской областей. «Словарь русских народных говоров» (СРНГ) содержит следующую информацию: «2. Тёр, м. Тёр (тор) да (и) ёр; ёр да (и) тёр (тор). а) О небольшом количестве чего-л. Отцы наши говорили: чего там уродилось – тер да ер, неурожай.

Дон., 1976. б) О чем-л. неудавшемся. Наготовила тер да ер, выкинь – припала. Дон., 1976» [8: 64]. Сама лексема **тернёвый** также имеется в СРНГ: «Тернёвый... Наполненный трудностями, страданиями, невзгодами; тернистый (о жизненном пути). Терневый был мой жизненный путь. Одесск., 2001» [8: 78]. Имеется в СРНГ и лексема **тёрни**: «Тёрни, мн. Спутанные корни дерева. Одиночным плугом терни разорвали. Одесск., 2001» [8: 78]. Слово **терник**, по данным СРНГ, обозначает следующее: «1. Терник. Растение терн, заросли терна. Кубан., 1901. Ворон. «Растет у нас в средней и южной полосе, плоды вроде слив, поменьше и круглые». Даль. 2. Терник. Всякое колючее растение. Дюже густой лес, непроходимый, там разный терник растет, все глаза повыстебнешь. Ворон., 1973» [8: 78]. Скорее всего, при использовании слов **терн, тёрн** в значении 'дёрн', 'дерновая почва' на указанных территориях произошло фонетическое (может, и смысловое) наложение с использованием этих или близких лексем в значении 'непроходимый, густой, спутанный', 'с трудностями, невзгодами'.

Отметим также, что фонетической особенностью может являться и произношение звука [э] под ударением, то есть отсутствие чередования с [о]: **дерн, дэрен, дэрно, дэрновье, дэрновый** и др.

Можно обратиться в том числе к этимологическим словарям, которые указывают на то, что слово **дёрн** восходит к слову **драть**. В частности, у М. Фасмера находим: «...укр. **дэрен**, русск.-цслав. **дърнь**... || Родственно др.-инд. **dīrṇāṣ** «лопнувший, расколотый», кимр. **darn** «кусок, часть» и, далее, русск. **деру́, драть**...» [12].

Фонетические варианты корня фиксируются как исторические явления, поэтому их наличие в русских говорах закономерно. К фонетическим чертам можно отнести и наличие второго гласного в корне, то есть возникновение сочетания -ере-: **дерен, дерень**. Интересно отметить, что в прилагательном **деренистая** отмечается такая же черта. Примеры употребления подтверждают наши

размышления: *Дэрень хороший* (карельск.) *Дэрень мы режем* (ленинградск.). *Могилки облаживаем дэренем* (ленинградск.). *Дэрень выкидывают, потом пашут* (ленинградск.). Эти же примеры речений свидетельствуют и об особенностях функционирования данных слов в крестьянской речи. В них говорится о важности использования дерна при ведении хозяйства, о достаточно бережном обращении с ним в ходе выполнения различных видов работ.

К фонетическим явлениям, которые встречаются в лексемах, репрезентирующих рассматриваемое понятие, относятся случаи, в которых встречается корень дер-/дёр- (без конечного н), что, как мы видели выше, обусловлено этимологически связью со словами *деру, драть*: **дер, дёр**. Проиллюстрируем примерами: *Дёру много наделал* (свердловск.) *Мы снимали дёр* (нижегородск.). В прилагательных данный корень тоже встречается: **деровая, дёровая**. В основном такие лексемы отмечаются в северной части распространения русских говоров.

Помимо представленных фонетических вариантов, большое место в репрезентации рассматриваемого понятия отводится лексемам, которые имеют разнообразные морфемные особенности. Так, можно говорить о том, что распространенными являются лексемы, образованные суффиксальным способом, что закономерно для именных частей речи. Нами были выявлены как наиболее частотные лексемы с суффиксами -ьј-, -ов-, -ак-/як-/ок-, -ин-, -ик-/ник- (**дерэнье, дереньё, дёрновье, дернёвье, дерновьё, дерна́к, дерняк, дерно́к, дернина, дерновина** и др.), среди прилагательных встречаются лексические единицы с суффиксами -ист-, -ов-, -ян-, -н- (**дернистая, дерно́вая, дерновáя, дёровая, дерняная, деренна́я** и др.).

Для называния верхнего заросшего слоя почвы используют в говорах лексему, которая имеет яркую грамматическую особенность, а именно относится не к мужскому, а к среднему роду: **дерно́, дёрно, дёрно**: *Да дёрн-та как иво называть? Я как-та слышала дерно́*

говорили, ну это один раз тока, старики нам так говорили, а щас никто так не говорит уже (московск.). Трава, корни вот это дерно́ и называется (нижегородск.).

Помимо самой распространенной группы лексем с корнями дер-/дёр-; дерн-/дёрн-; дерен-/дёрен- и т.п., в русских говорах встречаются и иные лексические единицы, которые участвуют в репрезентации рассматриваемого понятия. Следует отметить, что это лексемы, которые имеют иное основное значение, но, видимо, могут выражать и указанное понятие: **целина, перегной**, а также лексемы с корнем *-песч-*. В данном случае можно говорить о том, что в говорах у данных лексем развилась вторичная номинация, их можно отнести к семантическим диалектизмам по сравнению со словами литературного языка. Слова **песчанка, песчинка, песчаный** в интересующем нас значении отсутствуют в СРНГ (см. выпуск 26). Однако слово *песчища* находим в СРНГ : «Песчища... Обширное песчаное место» [7: 325].

Среди слов, которые называют верхний заросший слой почвы, встречаются слова с корнем *-облож-*: **заблóженная, облóженная, облóженная земля, заоблóжина, обложёна**. В СРНГ отмечается: «Заоблóженный... Заросший, покрытый дерном, запущенный (о пашне). Заобложенная пашня быстро зарастает березняком. Смол., Копаневич. Заоблóжить... сов., неперех. Зарасти, покрыться дерном (о заброшенной пашне). Вон тот конец усадьбы совсем заобложил, едва ли что родится там, надо его вновь под осень поднять и удобрить. Ворон., Тростянский. Заоблóжитъея... То же, что заоблóжить. Эта пашня недавно заобложилась. Вельск., Смол. Смол., Копаневич. Ворон.» [6: 289].

В говорах также понятие верхнего заросшего слоя почвы выражается и с помощью лексем с корнями *-раст-/ращ-/рос-*: **зáросли, зарóсшая** и с корнем *-пуст-* (**пустошь**). Использование указанных корней и лексем, содержащих эти корни, обусловлено общим пониманием дерновой почвы как такой, где невозможно без

дополнительных усилий что-то вырастить, в целом как не совсем пригодной к быстрому выращиванию чего-либо и т.п.

Помимо этого, в целой серии региональных словарей, а также в картотеке ЛАРНГ нам встретились единичные названия, которые теперь уже можно считать уникальными, но которые привлекли наше внимание. Они также называют верхний заросший слой почвы. Это такие слова, как **утин, мурог, алёжник, турбёнь, турбега, делень, шитём, пласт, непашь**. Эти лексемы встречаются в разных русских говорах, но ареала не образуют, хотя, как мы указали выше, зафиксированы региональными словарями.

Рассуждая о репрезентации в русских говорах понятия верхний заросший слой почвы, мы пришли к следующим наблюдениям.

Во-первых, при анализе языковой репрезентации понятия необходимо обращаться как к пониманию того, что такое *дёрн*, так и к пониманию свойств почвы, то есть принимать во внимание и слова с предметной семантикой, и слова с признаковым значением, и глагольные образования. По нашему мнению, следует учитывать и особенности семантики, которые отражаются в использовании рассматриваемых слов в речи.

Во-вторых, сами способы репрезентации рассматриваемого понятия довольно разнообразны за счет многочисленных фонетических и морфемных вариантов.

В-третьих, можно констатировать, что в современных говорах все-таки большинство лексем, отражающих рассматриваемое понятие, – это совокупность лексем с корнями дер-/дёр-; дерн-/дёрн-; дерен-/дёрен-, которые напрямую связаны с историей развития русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баженова Т.Е. Отражение диалектной языковой картины мира в наименованиях земельных участков (на материале самарских говоров) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://repo.ssau.ru/bitstream/Yazyk---tekst---diskurs/Otrazhenie-dialektnoi-yazykovoi-kartiny-mira-v-naimenovaniyah-zemelnyh->

uchastkov-na-materiale-samarskih-govorov-72812/1/ilovepdf_com-194-197.pdf?ysclid=ltkecxgklu155885492 (дата обращения: 18.02.2024)

2. Бурко Н.В. О семантике географических наименований ендова, ендовище в орловских говорах// Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2017 / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Нестор-История, 2017. 686 с. С. 152–157.

3. Дернина // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/dernina-3e79b5?ysclid=lrwey8s6dl360606191> (дата обращения: 16.11.2023).

4. Дерновая почва // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Дерновые_почвы (дата обращения: 16.11.2023).

5. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 653 с.

6. Словарь русских народных говоров. Вып. 10. Л.: Наука, 1974. 388 с.

7. Словарь русских народных говоров. Вып. 26. Л.: Наука, 1991. 351 с.

8. Словарь русских народных говоров. Вып. 44. СПб: Наука, 2015. 350 с.

9. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/05/ma139120.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 15.11.2023).

10. Теуш О.А. Наименования не использованных в земледельческой деятельности участков земли в диалектах Европейского севера России // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. 2020. № 1 (7). С.65-75.

11. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ushakovdictionary.ru/?ysclid=lrxyomuqtu299410535> (дата обращения: 15.11.2023).

12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/д/дёрн?ysclid=lr9x14lqv766747396> (дата обращения: 16.11.2023).

ПОЛЕНОВА Галина Тихоновна (*Таганрог, Россия*)

доктор филологических наук, профессор

Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал)

Ростовского-на-Дону государственного экономического университета

polenova@mail.ru

ОТРАЖЕНИЕ ЕДИНСТВА ПРИРОДЫ И ЧЕЛОВЕКА В ЯЗЫКЕ, МИФОЛОГИИ И ОБРАЗЕ ЖИЗНИ КЕТОВ

Аннотация. Описана картина мира кетов по вертикали и по горизонтали, представленная в верованиях, обрядах и мифах. Как в мифологии, так и в языке отражен дуализм в сознании кетов, основанный на двух началах: Земли и Неба. Кетский язык сохранил следы всех стадий развития языка по континентальной типологии Г.А. Климова: нейтральный, классный, активный, эргативный и номинативный строй. Язык отразил соответствующие ступени развития кетского этноса, сохранив память об этом в фольклоре и верованиях кетов. Продемонстрировано внедрение в язык исконных понятий не только в роли самостоятельных лексем, но и как грамматических показателей в виде суффиксов.

Ключевые слова: кеты, картина мира, мифология, земля, небо, дуализм, чум.

Abstract. The picture of the Kets world vertically and horizontally, presented in beliefs, rituals and myths, is described. Both mythology and language reflect dualism in the consciousness of the Kets, based on two principles: Earth and Sky. The Ket language has preserved traces of all stages of language development according to the contensive typology of G.A. Klimov: neutral, classy, active, ergative and nominative structure. The language reflected the corresponding stages of development of the Kets ethnic group, preserving the memory of this in the folklore and beliefs of the Kets. The introduction of native concepts into the language is demonstrated not only as independent lexemes, but also as grammatical indicators in the form of suffixes.

Keywords: the Kets, picture of the world, mythology, earth, sky, dualism, chum.

*Всякая наука сопровождается и питается мифологией,
черпая из неё свои исходные интуиции.
А.Ф. Лосев [11: 403]*

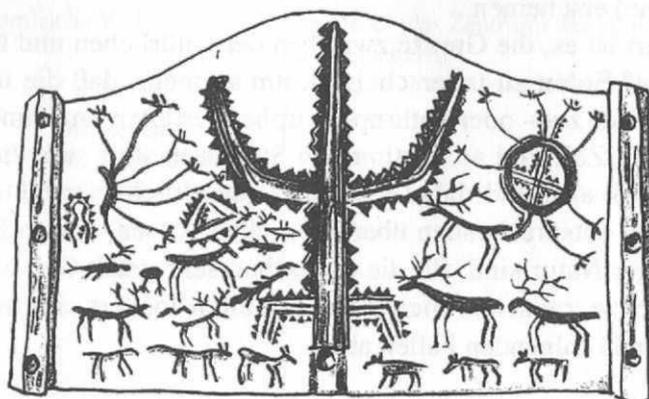
Кеты – малая народность Сибири, разбросанная по посёлкам на берегах Енисея и его притоков и восходящая к древнейшим кочевым племенам собирателей и охотников тайги. Родоплеменной строй кеты сохраняли вплоть до середины XVIII века. К XVIII веку относятся и первые записи и сведения о енисейцах, носителях родственных языков: к северу от Красноярска жили арины; к югу от Красноярска за Енисеем до Кана – ассаны и котты; в верховьях Кети – пумпоколы [5: 152]. Данные топонимии показывают, что енисейцы занимали некогда огромную территорию от Селенги в Северной Монголии до верхнего течения Камы в восточной Европе см. работы А.П. Дульзона [6: 50–84] и А.М. Малолетко [12: 89–175].

Наиболее изучены кетский, югский и коттский языки. Кетский язык, согласно нашим исследованиям [13 и др.], сохранил следы всех стадий развития языка по контенсивной типологии Г.А. Климова: нейтральный, классный, активный, эргативный и номинативный строй [8: 291]. Каждый тип языка отразил соответствующие ступени развития кетского этноса, надёжно сохранив память об этом в фольклоре и верованиях кетов. О памяти как категории модели мира (далее ММ) писала Т.В. Цивьян: «... категория *памяти* (курсив автора) – память человека о себе самом, т.е.

способ отражения и сохранения в ММ его собственного прошлого, которое начинается от сотворения мира» [15: 18].

Происхождение мира кеты связывали только с землёй и тем, что существует на ней. Мир воспринимался как целое. Воздух (небо), вода, окружающая землю, считались извечными. Творцами мира, по енисейской мифологии, выступали самые важные фигуры пантеона, прежде всего, главный небесный бог *Es*. Создание земли связано с очень архаичным, распространённым вплоть до Северной Америки мотивом. До создания земли, была только вода. *Es* ныряет в мировой океан, достаёт куски грязи и на поверхности водной глади формирует из них землю *baŋ* [18: 31]. В созданном мире различаются три мира, связанных между собой мировым деревом: Верхний мир, состоящий из семи небес (слоёв), Земной мир, окружённый семью морями, и Нижний мир, состоящий тоже из семи подземных миров. Каждый из этих трёх миров имеет свою жизнь, своё небо, реки и леса, всё, как на земле. Есть там и люди, которые также питаются, как земные люди. Они ходят тоже на охоту и ловят сетями рыбу [17: 25].

Картину мира енисейцев можно было увидеть на спинках нарт или на посохе шамана в виде мирового дерева. Корни дерева отделяют Средний (земной) уровень от Нижнего (подземного) уровня. Вершина дерева имеет форму трезубца. Над ним находится Верхний (небесный) мир, в котором справа находится солнце, а слева месяц.

В Верхнем мире живёт **Es'**, главнейший бог. Это старик с длинной бородой. Он носит широкую белую парку и находится на востоке. **Es'** выступает в таких ипостасях, как: *Uses'* (букв. Тёплый бог / небо – кет. *us'* 'тёплый' + *es'* 'небо, бог'); *Hil'es'* 'Ясный бог/небо' – кет. *hil'* 'ясный' + *es'* 'небо/бог' и др.

В Верхнем мире живут и другие позитивные образы пантеона: *Es'kis'n* 'небесные духи'; люди и звери, откочевавшие на небо и ставшие невидимыми. Их можно увидеть только в виде небесных тел. Это *es'den-es'* 'небо/бог' + *den* 'люди', *es'ta den* 'люди бога **Es'** (-*ta* – показатель родит. падежа > -*da*; *es'ta ass'en'* 'звери/животные бога'.

Лексема **Es'** является общеенисейской, что говорит о её древности, ср.: арин. *es*, ассан. *es*, пумп. *es*, имб. /кет. *es*, котт. *es*, югск. *es*.

Г.К.Вернер трактует *e's'* как: *Gott / Himmel / Geist / Wetter* – 'бог, небо, дух, погода' [см. 16: 52]. Отсюда развиваются, на наш взгляд, строевые элементы: *es'/is'-as'-us'*; *s'e/s'i-s'a-s'u*, т.е. формативы (предикативные и словообразовательные суффиксы), выражающие объективную сущность, не связанную с конкретным *ego*, - в значении 'быть, существовать'. У Г.К. Вернера приведена основа глагола *s'i* 'быть / существовать' [16: 238]. Интересно здесь отметить, что понятия «мясо» и «рыба» обозначаются у кетов общеенисейским словом **is / *ise* (кет., югск. *is*, арин. *is*). Общее название диких животных служит слово кет. *assel* <**as* <*es* 'бог' + *sel* 'дикий олень'. Сравним также: *es'kogd'* 'осень', *kotes* 'зима', *es'tajyon* 'похолодало', *bis'es'* *kondep* 'стемнело', *es'ta bo?k* 'северное сияние', (букв. 'бога огонь'), *ul'es'* 'дождь' и т.п. Сравним предикативный показатель: *kide aŋa ho:s'* (*ho:s'i*) 'эта веревка крученая' (*ho:*-'плести'). Предикативный показатель прилагательных: *tuoms'i* 'черный', *aets'i* 'грубый', *s'ul'ems'i* 'красный'; *l'ams'i* 'плоский' (*l'am* 'доска'), *s'is'i* 'ночной' (*s'i* 'ночь'); *inams'i* 'давнишний' (*inam* 'давно'), *kis'aŋs'i* 'здешний' (*kis'aŋ* 'здесь'). В грамматике **si** это суффикс предикативности, безразличный к лицу и роду (в отличие от личных предикативных

показателей), например: *a:tkupsi* 'остроконечный' (*a:t kup* 'острый конец'); *es'/-as'*, *-s'a* – деривационные аффиксы кетских наречий: *is'a* 'ежедневно' (*i'* 'день'), *qips'a* 'ежемесячно' (*qip* 'месяц') и т.п. С небом связано понятие «высоко», «вверх», ср.: кет. *εs'...bej* 'витья вверх' (*bej* 'ветер'), например: *du[?] εs'-ku-bej* 'дым клубится вверх (к небу)'; *εs'...dɔq* 'взлетать': *dum da- εs'- a-dɔq* 'птичка взлетает'; *εs'-tɔ* 'подвесить вверх': *d-εs'-uks'-tɔ* 'я подвешиваю это вверх'; *εs'-Rut* 'всходить': *qip d-εs'-a-Rut* 'луна всходит'.

Верховному богу противостоит его бывшая жена *Hos'edam*, властительница Нижнего мира. Это страшное существо. Она живёт под землёй на Севере, там, где стекаются все реки. В Нижнем мире живут и другие Злые духи, прислуживающие *Hos'edam*, такие, как: *Dotet*, его жена *Dotam*, *Litis'*, *Kolbas'am* и др. Кроме того здесь живут подземные люди *baŋodeŋ* > кет. *baŋ* 'земля', *deŋ* 'люди'. С Нижним миром связывают также летучих мышей, кротов и т.п. В этом мире находятся умершие кеты.

Мифологическая модель мира кетов содержит архаические представления о женщинах-созидательницах, Матерях Природы, которые генетически восходят к верхнему палеолиту (более 30 тысяч лет до нашей эры) [14: 10]. По мифологическим представлениям кетов всеобщее материнское начало лежит в основе мироздания. Все основные стихии природы (земля, вода, огонь), а также страны света олицетворяются в женских, материнских образах. Как женское начало почитаются солнце, звезды, заря. В женском образе известны «хозяйева» отдельных мест. Это позволяет говорить об общем культе Матерей природы. Этот культ носит глобальный характер. Приведём высказывание Т.В. Цивьян о Балканской модели мира (БММ у автора): «Во всём разнообразии женского пантеона БММ и функций женщины в структуре балканского мира отчётливо проступает основная роль, восходящая к Великой матери: роль хранительницы дома, семьи,

уклада, ... – и, что особенно важно для нас, роль хранительницы сакральной информации, заключённой в слове. ... сфера женского оказывается ориентированной на знание, на хранение духовности, т.е. на менталитет» [15: 87].

Мифологическое наименование Земли у кетов *Baŋam* (*baŋ* – земля, *am* – мать) дает представление о роли этого образа. Земля-Мать мыслилась причиной жизни и смерти. Она имела особых служителей культа, первобытных знахарей, провидцев и жрецов – *baŋos'*, помощниками которых выступали Крот, Летучая Мышь и мифические «земляные люди» – *baŋoden* (*-den* 'люди'). Обитателей леса также называли «земляные звери», подчеркивая их органическую связь с Землей.

Считалось, что всё живое связано с землёй через пупок. Пупок самой земли находится в её центре. Напротив него на небе тоже пупок – это Полярная звезда. Пупок земли считался живым женским существом. Крот был сыном пупка земли. Главный мифологический герой *Бангдахыл* является сыном земли: *baŋdahip* (*baŋ* 'земля'-*da* показатель родит. падежа-*hip* 'сын').

Вода *ul'* у кетов тоже «мать» (*ul'am/ul'amat* < *ul'* 'вода' + *am* 'мать'). Улям олицетворяет водную стихию в целом и конкретные реки бассейна Среднего Енисея. Большие реки – «матери» своих притоков. Например, Енисей – «мать» Подкаменной Тунгуски, а она «мать» своих притоков-«дочерей». Ожидая вскрытие рек, чтобы скорее ловить рыбу, кеты «кормили» *Ul'am*, чтобы она проснулась. Делалось это коллективно. Собравшиеся на берегу кеты обращались к реке: «Бабушка, иди скорее опростайся! Все земляные реки уже распустились. Енисей-Большая река уже распустилась. Мы изголодались. Пусть люди скорее на Большую реку спустятся!».

Олицетворялось всё, что окружало человека, даже утварь. Интересно отметить замечание Е.А. Крейновича: «о данном предмете

или явлении говорят как о мужчине, а о данном – как о женщине» [9: 116].

Огонь представлялся тоже в образе женщины и был священен. Его называли *Boqqim* 'Огонь-женщина' < *boʻk* 'огонь' + *qim* 'жена, женщина'. В чувале зимника на глине изображали голову старухи. Если ели что-то вкусное, например масло, то делились с огнём, бросали кусочек в пламя и говорили: *Qima, kiʻt turʻä!* 'Бабушка, масло это' [10: 191–192].

С огнём обращались, как с живым существом. С ним было связано много запретов и предписаний. Нельзя было допустить, чтобы огонь погас. На ночь оставляли берёзовый чурбак в очаге, чтобы он тлел до утра. Чурбак или полено нельзя было класть поперёк, чтобы огонь не подавился (как человек костью). Нельзя было бросать что-то грязное в огонь. Нельзя было мочиться в огонь. Нельзя было его ворочать чем-то острым, чтобы не причинить ему боль, нельзя было перешагивать через огонь и т.п. [1: 189–180].

Бокам мыслилась Женщиной, живущей в костре или очаге со своими детьми. Зола очага, взметнувшаяся от ветра, – это пыль, поднятая бегущими и играющими детьми Бокам. Кеты перевозили огонь на женской нарте. Человек чужого рода не имел права вынести Огонь из жилища – за этим следили старые женщины. Особым считался Огонь, полученный в результате трения: он был «от самой Земли Огонь», рожденный Землей-Матерью. До начала нашего века огонь у кетов почитался как охранитель и символ единства семьи, сохраняя при этом черты родового почитания. Характерно, что хранителями домашних святынь и исполнителями обрядности были женщины. Покровителей очага, семьи (*allaiŋ*), изображали в виде антропоморфных женских фигурок. Их вырезали из кедрового дерева.

В кетском пантеоне отмечается обилие женских божеств, которые все содержат в конце своего имени слово *am* 'мать', их гораздо больше, чем мужских духов: *Hosʻadam*, *Tomam*, *Dootam*, *Kolbasam*. Высокий

(‘мужской’) социальный статус, по мнению Е.А.Алексеевко, обретали у кетов женщины старшего возраста: [2: 28] Два ведущих образа кетской мифологии – две богини антиподального характера Хоседам и Томам. Хоседам – Мать Низовья (низовья Енисея) и олицетворение Севера. Томам – Мать Юга, Южное Небо, мать перелетных птиц, в частности лебедей.

Полярную звезду кеты называли *Konam* («Мать звезд»). Звезды, считающиеся живыми существами, первоначально жили на земле. Гром *Ek* – живое существо женского начала. Каждый удар грома – это отдельное существо. Гром и молния нечто единое. Часто встречающийся женский персонаж кетской мифологии *Hun'*, понимаемое часто как солнце (когда оно еще жило на земле), или дочь солнца. Общеенисейское название солнца *i* – женский класс. Мифологический образ солнца также женский. С солнцем связано представление о появлении на земле первой женщины *ilam*.

Можно уверенно судить об отражении материнского строя в мифологии и обычаях кетов. Прообразы Великой матери, как известно, встречаются во всех древнейших цивилизациях, включая протославянскую культуру, и уходят в самые глубины человеческого прошлого – вплоть до палеолита. *Homo Sapiens* существует, как принято считать, 40 тысяч лет. Столько же, очевидно, и языку.

К глубинным структурам, восходящим к матриархату, на наш взгляд, следует отнести словоформы на *-am* < *am* ‘мать’, исходя из образа матери как порождающего начала для всей живой и неживой природы, в том числе Земли и Космоса, см. выше. Приведем примеры: *tajam* ‘холодно’, *bil'da kas'am* '(она) была беременная', *abaŋa axtam* ‘мне нравится’, *ad us'am* ‘я есть, существую’, *budaŋta us'am qus'* ‘у него есть чум’; *abaŋta hip us'am* ‘у меня сын есть’ *dus'am* ‘отдохну, отдыхаю’- *duul'am* ‘я отдыхал’, *uul'gam!* ‘отдыхай!’ *itpadam* ‘я знаю’ – *iddaŋ'am* ‘мы знаем’; *itkuŋam* ‘ты знаешь’ – *itkaŋ'am* ‘вы знаете’; *ital'am* ‘он знает’, *it'am*

'она знает' – *itaŋl'am* 'они знают'. Налицо предикативирующая функция форманта –*am*. В формах глагола он встречается редко, явно это архаичные слова. Зато в парадигме кетского прилагательного этот аффикс занял постоянное место показателя 3-го лица **неодушевленного** класса, ср.: *tʰn s'in'tuam* 'котел грязный'; *ses' bən' bil'am* 'речка недалеко'; *ida u:s'am* 'весною тепло' и т.п. Не случайно, философская категория «материя» (лат. *materia* –вещество, ср. лат. *mater* 'мать') обозначает субстанцию, обладающую статусом первоначала (объективной реальностью) по отношению к сознанию (субъективной реальности). Согласимся с автором книги «Тайны русского народа» В.Н. Дёминым: «... язык как хранитель мысли и знаний исчезнувших поколений такой же надёжный памятник, как каменные мегалиты – дольмены, менгиры и кромлехи. Нужно только научиться читать скрытый в них смысл» [4: 74].

Таким образом, как в мифологии, так и в языке отражен дуализм в сознании кетов, основанный на двух началах: Земли (все, что связано с –*am*) и Неба (все, что связано с –*es'*). Контактёрами с этими двумя и третьим, подземным, миром выступали шаманы.

Картина мира кетов вертикальна, как это представлено выше, но она и горизонтальна и структурирована по определённым представлениям кетов, дистанцировавших главных антагонистических представителей пантеона. Позитивный мир во главе с богом *Es'* и другими положительными образами связаны пространственно с Югом и Востоком, с верхним течением Енисея или другой реки (его притока), – богиней *Tomam*. Негативный подземный мир связан с *Hos'edam*, богиней мира мёртвых, с Севером и Западом, а также с нижним течением Енисея и любой другой реки. [2: 21]. Вспоминается эпизод во время экспедиции в село Келлог. Моя информантка Тамара Макаровна Коротких на мою просьбу проспрягать глагол «умирать» испуганно заявила: «Так нельзя говорить». Я спросила: «А как правильно сказать?». Ответ был: «Ушёл

на Север, северный ветер забрал». Такая пространственная ориентация картины мира по горизонтали определялась конкретным местом обитания, с местом стойбища у реки. Чум шамана, вождя или просто уважаемой семьи строился выше по течению реки, чем остальные. Тут же находились их лодки и рыболовные сети. Места захоронения мёртвых могли находиться всегда только вниз по течению от стойбища, и перевозить мертвеца можно было только вниз по реке [Там же: 25–26].

Чум имел сакральное значение. Это было место, где человек чувствовал себя уверенным и защищённым. Установка чума была связана с определёнными правилами. Его можно было устанавливать только до обеда, и это доверялось только женщинам. Началом служило оборудование очага, сакрального центра чума. Затем ставились вилкообразно две главные опорные жерди с южной и северной стороны от очага. Это делалось очень осторожно, чтобы не одна из них не упала, ибо их падение грозило несчастьем. Потом делали паузу, пили чай, после чего ставили другие опоры в следующем порядке:

- 1) третья жердь с восточной стороны;
- 2) две дверные жерди с западной стороны от очага;
- 3) две восточные угловые жерди;
- 4) две западные угловые жерди справа и слева от дверных;
- 5) покрытие каркаса из жердей 7 сшитыми между собой берестяными полотнищами;
- 6) монтирование двери и порога.

Дверь представляла собой откидывающийся полог из двух простёганных полотен бересты: внутреннего и внешнего. Стежки вверху должны были быть горизонтальными, а в нижней половине – вертикальными. На внешней стороне был орнамент: глаза двери: дверь не могла быть слепой. Орнамент представлял вселенную с деревом мира, солнцем и луной.

Дверь и порог имели сакральное значение. Они отделяли внутреннее помещение от внешней среды. Устройство чума соответствовало картине мира кетов. Вход был всегда на западе (стороне заката солнца, вечера), а передняя (чистая, святая) сторона – на Востоке (стороне восхода солнца, стороне Эся). Сакральным центром был очаг. Он находился на пересечении четырёх сторон неба и был связан с ним через открытое дымовое отверстие. На передней стороне могли находиться только старейшие и самые уважаемые члены семьи, а также почётные гости. Справа от очага было место мужчин, а слева место женщин и детей. [18: 25–26].

По представлениям кетов, человека выделяет из окружающего живого мира наличие 7 мыслей, умов (*an'*). Ань вечны, после смерти человека они покидают его тело, а затем реинкарнируются в нового человека. 7 ань и 7 душ, кроме человека, присущи высшим существам: Есю, Хоседам, медведю (*qajyus'*). Культ медведя уходит своими корнями в глубины стотысячелетней давности: от эпохи неандертальцев – к кроманьонцам, людям современного физического типа [14: 107].

Шаман у кетов олицетворял собой птицу. Первым шаманом был орел. Легендарные шаманы выступают также в образе лебедей. После смерти шамана с его облачения снимали все подвески и хранили их в мешке из шкурки гагары. Запрет убивать орла, лебедя, гагару сохранялся до начала XX в. Одежду, бубен относили в лес и вешали на деревьях [1: 188–189].

С деревом (лиственницей, кедром, березой) у кетов связано много обрядов, поверий и сказок. Когда-то людей хоронили на лабазе, деревянном возвышении, поближе к небу. Умерших маленьких детей относили в лес и хоронили в дупле дерева. Считалось, что дерево слышит и понимает язык людей. Оно служило мостом между небом и землей, а корни уходили в подземный нижний мир. Таким образом, дерево соединяло все три пространства по вертикали. Реки тоже

воспринимались как деревья, вершина которых находилась у истока, а корни в устье. Считалось, что по реке тоже можно попасть на небо. Мостом служила и радуга.

Вяч. Вс. Иванов и В.Н. Топоров выделили шесть уровней в кетской мифологии:

Уровень бога *Es'*, самый высокий уровень в иерархии;

Уровень антагонистичных богинь *Hos'edam*, злая богиня, и *Tomam*, добрая богиня;

Уровень легендарных героев и шаманов, из которых *Alba u Dəx* связаны с 1-м и 2-м уровнями:

Уровень добрых духов, защитников леса, мира животных, реки, озера и жилища, и злых духов, приносящих вред;

Уровень шаманов: шаманов белых и шаманов чёрных;

Уровень семи душ человека [Иванов, Топоров 1969: 148–166].

Полагаем, что всё изложенное является убедительным доказательством единства природы и человека в языке, мифологии и образе жизни кетов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеенко Е.А. Кеты. Историко-этнографические очерки. – Л.: Наука, 1967. – 266 с.
2. Алексеенко Е.А. Мифы, предания, сказки кетов. – М.: Восточная литература РАН, 2001. – 343 с.
3. Алексеенко Е.А. Представления кетов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. – Л.: Наука, 1976. – С. 67–105.
4. Дёмин В.Н. Тайны русского народа – М.: Вече, 2006. – 352 с.
5. Дульзон А.П. Словарные материалы XVIII в. по кетским наречиям // Уч. записки ТПИ, т. 19, вып. II, 1961. – С. 152–189.
6. Дульзон А.П. Былое расселение кетов по данным топонимики. // Географические названия (Вопросы географии, 58). – М.: 1962. – С. 50–84.
7. Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н. Комментарий к описанию кетской мифологии // Кетский сборник. Мифология, этнография, тексты. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1969. – С. 148–166.
8. Климов Г.А. Типология языков активного строя. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 320 с.
9. Крейнович Е.А. Именные классы и грамматические средства их выражения в кетском языке // ВЯ № 2, 1961. – С. 106–116.

10. Крейнович Е.А. О грамматическом выражении именных классов в глаголе кетского языка // Кетский сборник. Лингвистика. М.: Главная редакция восточной литературы, 1968. – С. 139–195.
11. Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М.: изд-во "Правда", 1990. – С. 403.
12. Малолетко А.М. Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики. Т. 2: Кеты. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. – 312 с.
13. Поленова Г.Т. Происхождение грамматических категорий глагола (на материале енисейских языков). – Таганрог: Изд-во гос. пед. ин-та, 2002. – 202 с.
14. Хлобыстина М.Д. Говорящие камни. Сибирские мифы и археология. – Новосибирск: Наука, 1987. – 128 с.
15. Цивьян Т.В. Модель мира и её лингвистические основы. – М.: КомКнига, 2006. – 280 с. Findeisen, Hans. Reisen und Forschungen in Nordsibirien, 1927–1982. Skizzen aus dem Lande der Jenissei-Ostjaken. Berlin: Selbstverlag, 1929. – 47 p.
16. Werner, H. Die ketische Sprache. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1997. – 406 p.
17. Werner, H. Die Welt der Jenissejer im Lichte des Wortschatzes. Zur Rekonstruktion der jenissejischen Protokultur. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2006. – 200 Seiten.
18. Werner, H. Zur Typologie der jenissejischen Protokultur (nach sprachlichen und mythologischen Daten). – LINCOSM Studies in Anthropology, 2010. – 177 p.

САДОВА Татьяна Семеновна (*Санкт-Петербург, Россия*)

доктор филологических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
tatsad_90@mail.ru

РУДНЕВ Дмитрий Владимирович (*Санкт-Петербург, Россия*)

доктор филологических наук, профессор
Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена
rudnevd@mail.ru

ДЕЛОВАЯ РЕЧЬ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ В АСПЕКТЕ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются процессы реформирования русского делового языка XVIII века с точки зрения становления норм государственной коммуникации как легитимизированного, упорядоченного, санкционированного государственной идеологией общения между властью и обществом. Утверждается, что происходившие изменения имели системный характер и были связаны с усилением роли документной коммуникации в управлении государством, а также с расширением влияния «самодержавной канцелярии» на все сферы жизни обновленной империи: впервые документ стал изоморфен реальному делу. Как следствие, существенное значение имела регламентация документов всех уровней, печатная форма которых способствовала широкому их распространению. Это значительно усилило регулируемую функцию государственной коммуникации. В статье подчеркивается роль государственной идеологии в деле реформирования русской деловой речи начала XVIII века.

Ключевые слова: норма литературного языка, деловой язык XVIII века, государственная коммуникация, историческая стилистика.

Abstract. The article examines the processes of reforming the Russian official language of the 18th century from the point of view of the formation of norms of state communication as legitimized, ordered, sanctioned by state ideology of communication between government and society. It is argued that the changes that took place were of a systemic nature and were associated with the strengthening of the role of document communication in government, as well as with the expansion of the influence of the “autocratic chancellery” on all spheres of life of the renewed empire: for the first time, the document became isomorphic to the real matter. As a result, the regulation of documents at all levels, the printed form of which contributed to their wide distribution, was essential. This significantly strengthened the regulatory function of state communications. The article emphasizes the role of state ideology in reforming Russian official speech of the early 18th century.

Keywords: norm of literary language, official language of the 18th century, state communication, historical stylistics.

Деловой язык XVIII века: радикальное преобразование или естественное развитие?

Язык эпохи коренной ломки государственных институтов прошлого, каким для истории России стал XVIII век, неизбежно принимает на себя, с одной стороны, функцию катализатора бурных процессов, сопровождающих и выражающих эту «ломку», с другой – роль «устроителя» и «примирителя» прошлого и настоящего во всех сферах жизни общества, поскольку именно он оформляет преобразованный облик государства. Причем основная ответственность за реализацию этих функций, прежде всего, выпадает на долю делового языка, призванного, отобразить / выразить основные идеи и задачи государственной коммуникации, охваченной стихией обновления.

Очевидно, что деловая речь в известной степени является кодом государственной коммуникации, т.е. установленного традицией «диалога между властью и обществом <...> с целью обеспечения легитимности существующего порядка и придания ему стабильности» [1: 43].

О значении и месте XVIII века в становлении нормы русского литературного языка существуют различные мнения. Приведем яркие суждения на сей счет, принадлежащие двум известным ученым XX века – В.М. Живову и В.В. Колесову.

«Восемнадцатое столетие, – пишет В.М. Живов, – эпоха радикального преобразования русской языковой ситуации, захватывающего все уровни русского языка и все сферы его функционирования» [4: 13]. В.В. Колесов утверждает (как будто) обратное: «Сам процесс <создания нового качества по всем направлениям языка и культуры> ни в каком отношении не был новым, а его первоисточники вообще лежат в глубокой древности. <...> Историческая заслуга деятелей XVIII века в том, что они ничего не ломали в действии языка – они смиренно и терпеливо продолжали начатое предшественниками, но продолжали в верном направлении»⁵¹ [2: 27]. Оставив за скобками кажущуюся полярность этих мнений, попробуем рассмотреть процесс преобразования деловой речи XVIII с точки зрения функций государственной коммуникации, что, как кажется, снимает видимые противоречия в интерпретации процесса нормообразования русского языка этой эпохи, по крайней мере – в деловой сфере.

Специфика деловой коммуникации

Деловая коммуникация представляет собой разновидность диалога (главным образом письменного), в котором реплике-высказыванию живой речи соответствует документ, воплощающий тот или иной деловой жанр [8: 27].

Очевидно, что наиболее важной для государственной коммуникации является вертикальная коммуникация – т.е. сверху вниз, которая тотчас становится источником для обратной коммуникации и неизбежно задает образцы деловой речи. Взаимообусловленность участников диалога потребовало смело включать в деловое письмо элементы разговорной речи при сохранении в ней большого количества славянизмов.

⁵¹ Здесь и далее выделено нами – *Т.С. и Д.В.*

Примечательно, что само слово «документ» вошло в оборот в Петровскую эпоху от лат. *documentum*, что первоначально означало 'доказательство, свидетельство' [14: 177]. В это время документами стали называть деловые бумаги, имевшие только правовую значимость.

Очевидно, что в результате проводимых реформ Петру I пришлось решать целый ряд задач по эффективному управлению государством. Государь был вынужден менять принципы государственной коммуникации и, как следствие, и средство ее реализации – деловой язык.

Генеральный регламент и его роль в становлении нормы делового языка XVIII века

Важнейшим документом Петровской эпохи, оказавшим влияние на деловую речь как средство осуществления государственного управления, стал Генеральный регламент (1720 год). Он не только установил управленческие нормы и правила, но и делал попытку научить новым способам и приемам работы, и прежде всего потому, что «работа с документами отождествлялась с самой управленческой деятельностью» [3: 255].

Впервые в истории России документ стал абсолютно изоморфен реальному делу. В Регламенте устанавливалось требование обязательного документирования организационно-распорядительной управленческой деятельности: указы в Сенат и коллегию, а также из Сената в коллегии должны были отправляться в письменной форме. Регламент ускорил процесс формализации и кристаллизации структуры деловых текстов. Во-первых, происходит оформление реквизитной части документа, отражающей процесс его движения в документообороте. Во-вторых, в документе стали четко выделяться такие реквизиты, как адресат, адресант, самоназвание документа, входящий / исходящий номер, дата и пр. Эти реквизиты не только

отделялись графически один от другого, но и получили закрепленный порядок в документе.

Установилось, что в распорядительных документах (сверху вниз) этот порядок имел следующий вид: самоназвание документа – название учреждения, делающего распоряжение – адресат документа. В отчетно-исполнительных документах (снизу вверх) он имел противоположный порядок: адресат документа – имя подотчетного лица или название учреждения – самоназвание документа.

Такой порядок реквизитов не только «отражал вертикаль делопроизводственной процедуры того времени, связанной с соблюдением служебной иерархии» [11: 132], но и указывал на их четкую взаимозависимость.

Оформление реквизитной части запустило и процесс формализации содержания деловых документов. Во-первых, это было обусловлено тем, что Регламент резко увеличил удельный вес документации самообслуживания.

Появились «“генеральные формуляры (образцовые письма)”, по которым составлялся ряд новых разновидностей документов» [7: 52].

Во-вторых, обнаружилась потребность в распространении законодательного регулирования не только на организацию документооборота, но и на само документообразование, на процесс их подготовки» [7: 52].

Необходимость регламентации формы и языка документов стала ощущаться в Петровскую эпоху в связи с резким увеличением их числа, так как документирование охватило все сферы административного управления.

Таким образом, целый ряд преобразований в деловой речи Петровской эпохи был обусловлен усилением координирующей функции государственной коммуникации, которая дает причудливые, но вполне оправданные формы в процессе становления нормы деловой речи.

Славянизация деловой речи XVIII века

Среди ярких особенностей деловой речи этого времени отмечают ее славянизацию. Славянизмы становятся стилеобразующей чертой нового канцелярского стиля, среди них главное место занимали указательные местоимения и служебные слова *оный, сей, понеже, егда, дабы, яко* и др., анафорические прилагательные *преждепоказанный, преждеименованный, вышереченный* и др., наречия *втуне, купно, наипаче, откуда, паки, тако, тамо* и др. [10: 31].

А.П. Майоров, например, видит в процессе славянизации резкое противопоставление делового языка Петровской эпохи приказному языку предшествующих эпох [10: 30].

Представляется, что необходимость введения книжных элементов в распорядительные документы объяснялась и тем, что авторы новых указов, печатных документов поняли и почувствовали сильную воздействующую силу славянизированной речи, имеющей традиционно высокий «царственный» статус. Например, исследователи давно обратили внимание на особенность указов Петра I, многие из которых имели «своеобразную преамбулу, содержащую обоснование злободневности распоряжения. Это нововведение Петра I оформляется с помощью сложного предложения с придаточным причины, вынесенным в препозицию. <...> Практически любой его указ начинается со слова *понеже...*» [9: 115]. Разъяснительная сила таких конструкций с участием книжных слов и сочетаний казалась авторам таких текстов бесспорной.

Характерно, что в документах первой четверти XVIII века происходит постепенное вытеснение личных форм глагола отглагольными прилагательными. Отмечается широкое распространение книжных по происхождению форм «по + Д. п.» (*по указу, по экстракту, по благословению*), «по + Пр. п.» (*по скончании, по*

получении) и «под + Тв. п.» (*под наказанием, под опасением, под штрафом*) [6: 63].

Целый ряд изменений свидетельствовал о постепенной замене личной формы изложения безличной, что было прямым следствием смены представлений о сущности государства как четком и хорошо отлаженном механизме [12].

Показательной в этом отношении является, например, замена формулы, актуализирующей степень служебной ответственности за выполнение особо важных поручений. Так, в памяти 1699 года она звучит так: «вправду по святой непорочной евангельской заповеди господина еже ей-ей», а в 1725 году – «как о том Ея императорского величества государыни императрицы указ и печатной синодальной регламент повелевает» [13: 73]. С.В. Русанова заключает в связи с этим: «Новая <...> административно-юридическая система утверждает в качестве главного регулятивного принципа в правовых общественных отношениях не силу нравственного самоконтроля, а силу законодательной системы, утвержденных императором регламентов» [13: 74].

Преобразования в деловом языке петровской эпохи: общие замечания

С описательной, структурно-языковой точки зрения, преобразования в деловом языке Петровской эпохи кажутся, во-первых, хаотичными, во-вторых, относящимися главным образом к лексическим заменам и способам оформления документов, а следовательно, незначительными. Однако это ощущение обманчиво, если попытаться оценить изменения с функциональной точки зрения.

Происходившие изменения имели системный характер и были связаны с усилением роли документного общения и его последовательной регламентацией, т.е. упрочением регулирующей функции государственной коммуникации. Следует иметь в виду и тот

факт, что трансформация деловой речи происходила в результате активного использования печатных средств оформления документов: стремясь избежать злоупотреблений, власти активно использовали изданные типографским способом указы и законы.

Норма деловой речи, документные формы и стандарты, деловая канцелярия в целом – всё служило государственной коммуникации в новых условиях XVIII века. Это был закономерный и естественный процесс: регулирующая, мобилизационная и координирующие функции государственной коммуникации на новом витке истории требовали именно таких преобразований в письменной деловой речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Громова Т. Н. Государственная коммуникация: теоретическая модель и региональная практика // Теория коммуникации & прикладная коммуникация. Вестник Российской коммуникативной ассоциации / Под общ. ред. И.Н. Розиной. Ростов-на-Дону: ИУБиП, 2002. Вып. 1. С. 43–52.

2. Демидов Д.Г., Калиновская В.Н., Колесов В.В., Черепанова О.А. Язык и ментальность русского общества XVIII века / Отв. ред. В.В. Колесов. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2013. 318 с.

3. Емышева Е.М. Генеральный регламент 1720 года как опыт создания организационного документа // Вестник Российского гос. гуманитарного ун-та. 2008. № 8. С. 248–261.

4. Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М: Изд-во Школа "Языки рус. культуры", 1996. 590 с.

5. Качалкин А.Н. Содержательно-стилевые свойства деловых текстов XVII века // Русская речь. 2014. № 6. С. 69–76.

6. Кудрявцева Е.А. Деловое письмо и книжная традиция: черты преемственности // Вестник Новгородского гос. ун-та. 2007. № 43. С. 62–64.

7. Литвак Б.Г. О закономерностях эволюции делопроизводственной документации в XVIII – XIX веках (К постановке вопроса) // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М.: Наука, 1984. С. 48–55.

8. Лобашевская И.С. Жанры официально-деловой речи. Петропавловск-Камчатский: КамчатГТУ, 2007. С. 27–32.

9. Майоров А.П. Причинные союзы в деловом языке XVII – XVIII веков // Русский язык конца XVII – начала XIX века: Сб. ст., посвящ. памяти Л.Л. Кутиной и Ю.С. Сорокина. СПб.: [ИЛИ РАН](#), 2006. С. 113–126.

10. Майоров А.П. Славянизмы в деловом языке 1-й половины XVIII века // Филологические науки. 2009. N 4. С. 29–36.

11. Майоров А.П. Рапорты (репорты) как памятники истории русского языка XVIII века // Ученые зап. Забайкальского гос. ун-та. Серия: Филология, история, востоковедение. 2009. №3. С. 131–133.

12. Руднев Д.В., Садова Т.С. Деловой язык как основа государственной коммуникации: проблема нормообразования // Политическая лингвистика. 2018. №1 (67). С. 198–208.

13. Русанова С.В. Трансформация приказной памяти в условиях преобразования регионального делопроизводства в первой половине XVIII века // Вестник Бурятского гос. ун-та. 2012. № 10. С. 70–74.

14. Словарь иностранных слов – 18-ое изд., стер. М.: Русский язык, 1989. 624 с.

ТРОФИМОВИЧ Тамара Григорьевна (*Минск, Беларусь*)

доктор филологических наук, профессор

Белорусский государственный педагогический университет имени М.Танка

t.trof@mail.ru

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД БЕЛОРУССКИМ КОМПОНЕНТОМ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ БЕЛОРУСОВ

Аннотация. В публикации предпринимается попытка анализа того состояния, в котором находится в настоящее время белорусский компонент русской речи белорусов. Традиционно этот компонент сохраняется в основных типичных проявлениях, однако частотность его заметно снижается, что связано с естественными изменениями демографической ситуации в Беларуси, повышением образовательного уровня граждан, ростом эффективности работы русскоязычных средств массовой информации, значимой ролью русского языка в жизни белорусского общества.

Ключевые слова: билингвизм, языковая ситуация, нормы русского и белорусского языков, языковые контакты.

Annotation. The publication attempts to analyze the current state of the Belarusian component of the Russian speech of Belarusians. Traditionally, this component remains in its main typical manifestations, but its frequency is noticeably decreasing, that is due to natural changes in the demographic situation in Belarus, an increase in the educational level of citizens, an increase in the efficiency of the Russian-speaking mass media, and the significant role of the Russian language in the life of Belarusian society.

Keywords: bilingualism, language situation, norms of Russian and Belarusian languages, language contacts.

Известно, что языковая ситуация в современной Республике Беларусь характеризуется существованием двуязычия. Два языка, белорусский и русский, функционируют в стране, успешно обеспечивая коммуникацию во всех социальных сферах. Двуязычие законодательно закреплено не только законом «О языках в Республике Беларусь»

(действующая редакция 1998 года), но и Конституцией РБ, статья 17 которой гласит: «Государственными языками в Республике Беларусь являются белорусский и русский языки» [2].

Декларированное и реально обеспеченное равноправие языков не в полной мере отражает их популярность и востребованность. Практически все исследователи (например, Н.Б. Мечковская, Б.Ю. Норман, В.А. Маслова, М.И. Конюшкевич и др.) сходятся во мнении о том, что лидирующие позиции в Беларуси занимает русский язык. При известном допустимом упрощении это означает, что главным средством общения в стране является русская речь белорусов.

Неотъемлемым компонентом (элементом) современной русской речи белорусов продолжают оставаться белорусизмы. В известных нам словарях лингвистических терминов пока не находим дефиниции этого слова. Большинство авторов, судя по имеющимся работам, склонны считать белорусизмом принадлежащий системе белорусского языка элемент, употребленный в тексте на русском языке (С.В. Махонь, Т.П. Слесарева, Н.Н. Журавлева, О.В.Потапова и др.). Как правило, белорусизм – это слово.

Известно, что лексические белорусизмы постоянно проникают в устную и письменную русскую речь белорусов, приводя к возникновению речевых ошибок. Вот несколько примеров, замеченных автором этих строк. *На ярмарке нужно купить **бульбы**. Эти **штоники** подойдут Саше. В субботу поедem **на вёску**.*

Лексические белорусизмы продолжают использоваться в художественных текстах. Мы обратились к творчеству известной белорусской писательницы Натальи Батраковой, создающей свои произведения на русском языке. Приведем несколько примеров. *Миновав пару новехоньких домов-близнецов, автомобиль снова свернул налево, поднялся на **взгорок** и с ходу въехал в широченные распахнутые ворота. Раз жена уважает **мужево** увлечение – то*

добре. У Михалыча невестка – аккуратистка, не дает через *хату* ходить. Роман «Миз бесконечности». Выделенные слова могут приводится в словарях русского языка, но с ограничительными пометами, указывающими на их принадлежность.

Лексические белорусизмы иногда проникают и в учебные пособия. Такой случай замечен нами в русскоязычном букваре О.И. Тириновой, который в настоящее время используется в белорусской начальной школе уже во втором издании (2020 г.). В первом издании (2017 г.) названного букваря внизу страницы 145 с текстом «Цветы для города» помещался рисунок, где мама переходит канаву по проложенной сверху доске. Рядом давались слова: *улица, канава, кладь*. Значит, доску, по которой переходила мама, по мнению автора, следовало назвать *кладь*. При этом хорошо известно, что по-русски *кладь* – *поклажа, груз* (СРЯ, т.2, с. 53), а то, что имелось в виду, называется русским словом *мостки*. Однако исправить неточность в втором издании букваря автору не удалось: помешал порядок изучаемых букв и их состав. Так появилось слово *кладка*, в словаре помеченное как *обл. – доска или бревно, положенные через ручей, болото и т.п. для перехода* (СРЯ, т.2, с.53). По-белорусски слово *кладка* ограничительной пометы не имеет (ТСБМ, т.2, с.693), т.е. белорусским колоритом помечено вполне [3: 145]

Белорусизмы настолько прочно входят в русскую речь белорусов, что перестают ими восприниматься как таковые. Автору этих строк хорошо известно, что в ряде городов Беларуси есть улицы, которые носят название *Селянская (Полоцк, Могилев, Гомель)*. Есть основания полагать, что изначально оно восходило к белорусскому прилагательному *сялянская*, то есть крестьянская, поскольку *сяляне* по-белорусски это *крестьяне* (БРС, т.2, с.543).

Белорусизмы возникают и успешно функционируют на разных языковых уровнях. Белорусский компонент русской речи белорусов зачастую возникает в результате использования слов с характерным

для белорусского языка ударением. Хорошо известно о существовании довольно большого количества словесных пар, которые различаются в русском и белорусском языках ударением. Приведем некоторые примеры: русск. *апострОф* – белор. *апОстраф*, *вЕрба* – *вярбА*, *глиняный* – *глиНЯны*, *осОка* – *асакаА*, *дОчка* – *дачкаА*, *кОршун* – *каршУн*, *коклюш* – *кОклюш* и др. Существование подобных пар не может не сказываться на русской речи белорусов, поскольку, как правило, слова с “белорусским” ударением оказываются более привычными для билингвов, поддерживаются билингвальной языковой практикой, речевой средой обитания (Б.Ю.Норман).

Неверная для русской речи постановка ударения приводит к возникновению многочисленных произносительных ошибок. Так, например, если в русской речи белоруса появляются фразы *Скользко*, *упала*, *ушибла руку* или *На даче у забора столько крапивЫ растет*, становится понятным, что разница между русским и белорусским ударением усвоена недостаточно, поскольку приведенные формы просты, привычны, частотны. Если же с неверным ударением произносятся слова типа *кОклюш*, *апОстроф* и некоторые другие, близкие по статусу к терминам, извинить говорящего за такие погрешности проще: специальная лексика в русском варианте не усвоена.

Некоторые исследователи, занимающиеся изучением влияния белорусской речи на русскую, выделяют наиболее частотные проявления такого влияния. Так, размещенные в интернете материалы Лилии Шестерневой указывают на пять аспектов: первое место – род имен существительных, второе – ударение, третье – ошибки в управлении, четвертое – склонение, пятое – вид глаголов. Не станем спорить с автором в отношении иерархии ошибок, тем более, что рассмотрен несколько иной аспект взаимодействия русского и белорусского языков. Укажем лишь, что акцентологические ошибки в

русской речи белорусов нередки, в том числе и те, которые вызваны влиянием белорусского языка.

Значимой частью белорусского компонента современной русской речи белорусов продолжает оставаться произносительный акцент. Проявляется он в *использовании яканья при произношении гласных вместо иканья (м[’а]сной вместо м[’и]сной и под.); произношение с использованием белорусских «дзеканья» и «цеканья» (излишне мягкое произношение согласных [д’] и [т’]); неверное произношение звука, обозначенного буквой щ; неверное произношение звука, обозначенного буквой г; неверное произношение звуков на месте буквенного сочетания чн.*

Кратко остановимся на некоторых явлениях. Известно, что звуковой системе белорусского языка свойственны особые согласные звуки [дз’] и [ц’]: *дзеці, ціха, чытаць* и т. д. Эти звуки по своим артикуляционным особенностям отличаются от русских [д’] и [т’]. Эти отличия касаются положения кончика языка: при произнесении русских звуков он расположен на зубах выше, чем при произнесении белорусских.

Считается, что «дзеканье» и «цеканье» сформировались в старобелорусском языке как специфические явления в XV–XVI вв. Они усваиваются белорусами вместе с языком, прочно удерживаются в речевой среде их обитания, являясь компонентом белорусского акцента.

В русской речи белорусов распространенным является неверное произношение звуков на месте буквы *щ*. В последнее время доказано, что буква *щ* обозначает только мягкий звук, т. е. звук [ш’:] (двоеточие в данном случае обозначает долготу звука). Более точную характеристику этому русскому звуку дают учебники по современному русскому языку. Это долгий мягкий шипящий звук. Следовательно, в словах *щенок, ящик, щетка* и др. следует произносить [ш’:].

Согласно русским произносительным нормам этот же звук произносится на месте сочетаний букв *сч, зч, жч, сщ* на стыке корня и суффикса или на стыке предлога и последующего слова: *расска[ш':]ик, подпи[ш':]ик, чере[ш':]ас* и т.д.

В белорусском алфавите буквы *щ* нет, используется сочетание букв *шч*, которое и передает два звука: *[шч]аня, [шч]упак* и т.п. В русскую речь белорусов проникает такое произношение, и вместо [ш':] произносится два звука. На допустимость такого произношения и в настоящее время указывают некоторые учебники, однако допустимость означает меньшую степень правильности. К тому же произношение на месте буквы *щ* двух звуков противоречит постулату о ее звуковом значении.

По русским произносительным правилам эта буква обозначает взрывной заднеязычный согласный. Только в нескольких русских словах рекомендуется произносить «белорусский» [γ]: *а[γ]а, Бо[γ]а, э[γ]э*.

Нормативный русский звук обычно хорошо усваивается белорусами. Ошибки чаще наблюдаются там, где происходит его оглушение на конце слов. Тогда произносят не положенный по русским нормам [к], а свойственный белорусскому языку [х]: не *сне[к], пиро[к], сапо [к]*, а *сне[х], пиро[х], сапо[х]* и под.

Нередко у говорящего по-русски возникает вопрос, как правильно сказать: *ску[ч]но* или *ску[шн]о*. По-другому проблему можно сформулировать так: что следует произносить на месте написанного сочетания *чн*.

Как правило, сочетание *чн* произносится в соответствии с написанием: *точный, прочный, вечный, отлично* и т. д. Однако в некоторых словах на месте *чн* следует произносить [шн]: *конечно, скучно, яичница, скворечник, пустячный, прачечная, женские отчества на -ична* и др. Эта русская произносительная норма имеет свою длительную историю, общая тенденция эволюции которой сводится к

следующему: слов, в которых *чн* обозначает два именно этих звука, со временем становится все меньше, но они есть.

Согласно белорусским нормам произношения, [шн] на месте *чн* не произносится почти никогда, произношение совпадает всегда с написанием: *малочны, смачны, ручнік* и др. Нам удалось вспомнить белорусское слово, которое имеет два написания и два произношения: *яечня / яешня*. Под влиянием белорусского языка приведенные ранее русские слова могут произноситься неверно.

Подведем итоги нашего краткого анализа современного состояния белорусского компонента русской речи белорусов. Этот компонент естественным образом существует. Наиболее значимыми в изобразительно-выразительном смысле является использование лексических белорусизмов. Пишущие и говорящие по-русски белорусы разного образовательного и возрастного уровня это хорошо чувствуют и понимают. Приведем пример из ежедневной передачи белорусского телевидения «Доброй раніцы, Беларусь!»: *Когда я учился в ГИТИСе, раза два меня называли **бульбашом**. Ну и что? У нас, у **бульбашей**, **батяка** есть. Все его знают. Интервью с С. Волчковым.*

В рамках данной публикации мы не ставили перед собой задачу полно, глубоко и всесторонне проанализировать белорусский компонент. Мы лишь хотели акцентировать внимание на его облигаторности в условиях современного белорусско-русского двуязычия, а также на том, что характер, свойства этого компонента меняются. Очевидно, что повышение образовательного уровня белорусского общества не может не сказываться на русской речи белорусов. В основной своей массе школьное, среднеспециальное и высшее образование осуществляется в Республике Беларусь на русском языке. Кодексом об образовании в 2022 году закреплено обязательное среднее образование [1: 12]. Все это неизбежно приводит к повышению уровня владения русской речью.

Существенным фактором снижения доли белорусского компонента следует признать естественное изменение состава населения: люди, родившиеся и выросшие в деревнях в силу возраста покинули этот мир, им на смену пришли граждане, центром притяжения которых стали крупные города с рабочими местами и русскоязычными образовательными учреждениями.

Отдадим должное существующему единому информационному пространству России и Беларуси. Количество русскоязычных средств массовой информации велико. Они тоже оказывают влияние на речевое поведение белорусов.

Русская речь белорусов продолжает оставаться основным средством общения, меняющимся во времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кодекс Республики Беларусь об образовании. – <https://vak.gov.by/codeRB>
2. Конституция Республики Беларусь. – <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution>
3. Тиринова О.И. Букварь. Учебное пособие для 1 класса учреждений общего среднего образования с русским языком обучения. – Минск, 2021.

ФАТЕЕВА Наталья Александровна (*Москва, Россия*)

доктор филологических наук, главный научный сотрудник
Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН
nafata@rambler.ru

ПЕТРОВА Зоя Юрьевна (*Москва, Россия*)

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН
zoyap@mail.ru

ПЕРСОНИФИКАЦИЯ ЗВЕЗД В ИСТОРИИ ЯЗЫКА РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX – XXI ВВ.

Аннотация. В статье рассматриваются основные семантические классы метафор и сравнений со значением персонификации, характеризующих предмет сравнения ЗВЕЗДА, ЗВЕЗДЫ в языке русской художественной литературы XIX–XXI вв.: «Восприятие», самый частотный подкласс которого – «Зрительное восприятие»; «Части тела», основные образы в котором – *глаза, очи*; «Речь, пение», «Обозначения людей», «Обозначения совокупностей людей» и некоторые другие. Специальное внимание было уделено эволюции каждого семантического класса образов: показано пополнение их новыми элементами на протяжении более чем двух веков. Отмечено явление стилистического снижения образов в поздний период.

Исследование проводилось на материале, извлеченном из Национального корпуса русского языка. При этом применялись корпусный и системно-диахронический методы. Эти методы положены авторами в основу лексикографического описания компаративных тропов.

Ключевые слова: метафора, сравнение, персонификация, семантический класс, эволюция, язык русской художественной литературы, лексикография.

Abstract. The article examines the main semantic classes of metaphors and similes with the meaning of personification, characterizing the subject of comparison STAR, STARS in the language of the 19th – 21st centuries Russian literature: “Perception”, the most frequent subclass of which is “Visual perception”; “Parts of the body”, the main image in which is eyes; “Speech, singing”, “Designations of people”, “Designations of groups of people”, and some others. Special attention is paid to the evolution of each semantic class of images: their expansion with new elements over more than two centuries is shown. The phenomenon of stylistic lowering of images in the late period has been noted. The study was conducted on the material extracted from the Russian National Corpus. In this case, corpus and system-diachronic methods were used. These methods are used by the authors as the basis for the lexicographic description of comparative tropes.

Keywords: metaphor, simile, personification, semantic class, evolution, language of Russian literature, lexicography.

Среди исследований диахронических процессов, происходящих на разных уровнях языка художественной литературы, важное место занимает изучение эволюции образных параллелей, которые выражаются в тексте в конструкциях метафор и сравнений, или, иначе, компаративных тропов (см., например, [5, 6, 7, 11]). При описании эволюции компаративных тропов используется представление о системности их семантики: каждая метафора или сравнение предстает не изолированно, а как элемент некоторого семантического класса тропов, который, в свою очередь, входит в более крупный класс. Таким образом, и образы сравнения, и предметы сравнения тропов образуют систему, описываемую в терминах идеографической классификации лексики. Именно это представление положено в основу многотомного лексикографического труда «Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XXI вв.». Сочетание системно-семантического и диахронического принципов группировки материала в словаре как раз и позволяет проследить эволюцию каждого класса тропов. Последний выпуск словаря был посвящен семантической

категории образов сравнения «Человек», т.е. тропам со значением олицетворения. Предметами сравнения в этом выпуске выступают ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ, СУДЬБА и ВРЕМЯ [12].

Олицетворение, или персонификация, понимается в данных выпусках как приписывание в контексте художественного произведения различным реалиям и отвлеченным понятиям человеческих свойств (см., например, работы [10, 8]).

В процессе работы над последним выпуском словаря для группировки образов сравнения тропов и метафорических предикатов, характеризующих выбранные для описания предметы сравнения, была разработана семантическая классификация предметной области «Человек». Она включает следующие основные классы: «Обозначения людей», «Движение», «Положение в пространстве», «Активные действия», «Борьба, спор, игра», «Межличностное взаимодействие, общение», «Родство, дружба / вражда, воспитание, обучение, другие отношения», «Социальный план», «Жизненный цикл», «Физические и психофизические состояния и свойства, процессы в организме», «Восприятие», «Речь, голос, другие звуки», «Внешность», «Части тела», «Характер», «Поведение», «Воля», «Интеллект», «Чувства», «Эмоциональные действия». Внутри данных классов лексические единицы группируются по семантической близости, этим группам часто присваиваются названия более низкого уровня классификации. Классификация разработана авторами исходя из тропеических контекстов, поэтических и прозаических, персонифицирующих рассматриваемые предметы сравнения, с учетом уже существующих идеографических классификаций лексики, основная из которых – [14]. Как показывает опыт исследования разных предметов олицетворения, эта классификация по-разному представляется при их описании, у разных предметов сравнения доминируют разные семантические классы, и сам состав этих классов тоже вариативен.

Следующий выпуск словаря планируется посвятить небесным светилам: солнцу, луне, месяцу, звезде и пр. В данной статье мы рассмотрим олицетворяющие контексты с предметом сравнения ЗВЕЗДА. Основным источником исследования – Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [9], в том числе его Поэтический подкорпус (извлечено около 1200 контекстов). Цель исследования – подробное представление персонифицированного образа описываемой реалии с выделением основных классов образов сравнения и метафорических предикатов, изучение эволюции этого образа на протяжении более двух веков.

ЗВЕЗДА преимущественно изучалась как художественный концепт, при этом выделялись его символические и понятийные признаки [13, 2, 4, 3], в том числе в истории развития русского языка [1]. В этих работах среди понятийных признаков отмечается признак ‘звезда – живое существо’, приводится ряд соответствующих метафорических предикатов. В нашей работе акцент делается на системно-диахроническом описании метафор и сравнений, характеризующих звезды, в художественной литературе XIX–XXI вв.

Самые ранние в языке художественной литературы и самые частотные образные контексты, характеризующие звезды, относятся к семантическому классу «Восприятие», подкласс «Зрительное восприятие». Основные по употребительности в этом подклассе метафорические предикаты – *глядеть* и *смотреть*, они фиксируются на протяжении всего рассматриваемого периода развития литературы, они часто употребляются с распространителями и другими персонификаторами: *Я бы изобразил, как спит весь Миргород; как неподвижно глядят на него бесчисленные звезды* (Н. Гоголь 1835–1841), *Звезды глядели, как вещи сестры, Как воплощенные сны* (В. Гофман 1903–1904), *Сверху в черный четырехугольник звезды равнодушно глядели вниз, на Россию, как иностранцы* (Е. Замятин

1919), *И прямо мне в глаза **глядит** И скорой гибелью грозит* Огромная звезда (А. Ахматова 1939), *Да из-за веток яблони кривой Звезда **глядела** на меня с испугом* (И. Елагин 1982–1986), *Звезда **глядит** в окошко сквозь листву* (А. Иличевский 2008); *И звезды ярко **смотрят** в ночь, Но тьмы не могут превозмочь* (Н. Огарев 1840–1841), *Они все на тебя **смотрят**, на одного тебя: звезды только и делают, что **смотрят** на влюбленных людей, — оттого они так прелестны* (И. Тургенев 1859), *Широко раскидалась лазурная высь, И огни золотые горят; Эти звезды кругом точно все собрались, Не мигая, **смотреть** в этот сад* (А. Фет 1887)], *Когда неясен грех, дороже нет вины — / и звезды **смотрят** вверх и снизу не видны* (И. Жданов 1978–1991).

Помимо этих наиболее частотных метафор семантического класса «Зрительное восприятие», в XIX в. встречаются менее частотные *глядеться, глянуть, смотреться, взирать*, приставочный дериват *выглянуть*. В начале XX в. ряд приставочных дериватов расширяется: *оглянуть, оглядеться, взглянуть, поглядеть, подглядывать*, например: *Звезды! мы – знакомые старые! Давно ль вы в окошко **подглядывали*** (В. Брюсов 1920), *В вышине надо мной стоит светлый рог молодого месяца, и рядом с ним горит еще не **оглядевшаяся** бледная звезда* (П. Романов 1927). Появляются отглагольные существительные *взор* и *взгляд*: *Ясен и кроток в молчании **Взор** одинокой звезды...* (А. Платонов 1919–1922), *Над водою — сонные туманы Закрывали звезд печальных **взгляды*** (Г. Иванов 1911), *Звезда **глядела** через порог. / Единственным среди них, кто мог / знать, что **взгляд** ее означал, / был младенец; но он молчал* (И. Бродский 1995).

Ближе к концу XX века состав этого класса образных обозначений расширяется далее, в нем появляются новые элементы: *разглядеть, засмотреться, следить, видеть, заметить*, ср.: *Звезда **засмотрелась** / на дивный восток!..* (Л. Губанов 1981), *Двор весь опущен в темноту, даже звезды, напрягаясь и мигая, не могут ничего*

в нем **разглядеть** – ни амбара, ни конюшни, ни садика, ни следов дневных игр детворы (Р. Валеев 2004). Среди них отметим стилистически сниженные лексемы *таращиться, газеть: над деревней в разрыве облаков таращилась* большая звезда, такая же усатая и красная, как бакен (В. Липатов 1971), *Убереги / сон матерей, материки, / убереги от смерти — черни, / чтоб у земли в разбитом черепе, / как на убитых в Колизее, / немые звезды не **глазели*** (Л. Губанов 1961–1983).

На фоне всей парадигмы употреблений слов со значением зрительного восприятия выделяется контекст О. Мандельштама, в котором употреблен традиционный глагол *глядеть*, но в необычной для него синтаксической конструкции: *глядеть – для чего*; при этом предмет сравнения звезды характеризуется необычным устарелым атрибутом – *изветливы* (изветливый – ‘склонный к доносам’): *До чего эти звезды изветливы! Все им нужно **глядеть** — для чего?* (О. Мандельштам 1937). Персонифицированные звезды предстают здесь в необычном ракурсе.

Что касается обозначений других видов восприятия, помимо зрительного, то они очень редки: в XIX в. – *слушать*, позднее появляются *услыхать* и *заслушаться*: *И звезды **слушают** меня, Лучами радостно играя* (М. Лермонтов 1841), *Звезды тихо сумерками льют И молчат, **заслушавшись** Илью* (М. Светлов 1921), *Высокие звезды тоже что-то **услыхали** от ветра, и трепетали в волнении, передавая друг другу слышанную весть* (С. Дурылин 1929).

В соответствии с тем, что метафоры зрительного восприятия – один из самых характерных для звезд классов образных обозначений, настолько же в классе «Части тела» распространены обозначения *глаза, очи* (кроме того, встречаются традиционно-поэтическое *вежды* и диалектное *зиры*). Они употребляются в образных параллелях двух типов:

1. «глаза/глаз (очи/око) звезд/звезды»: *Но где давно лишь ветер
ночи С пустынной шепчется травой, И только звезд бессмертных
очи Там светят с бледною луной* (Н. Гнедич 1807), *на черном небе кое-
где показались мутные пятна и скоро выглянула одна звезда и робко
заморгала своим одним глазом* (А. Чехов 1891), *Выгорая от
любопытства, / звезд глаза повылезли из орбит* (В. Маяковский 1915–
1916), *Звёзды перемигиваются миллионами глаз и манят меня через
Вселенную* (С. Вахитов 2013), *Широко звезд раскрыты вежды, На
белых стенах резче тень* (Муни (С. Киссин) 1906), *Но он налег на
листья лиры — Грудь, гриф подводного коня, И растворились двери
дня, И звезды опустили зирь* (Б. Лапин. В.В. Хлебникову.1922);

2. «звезды = глаза, очи» (эта образная параллель имеет свои истоки в древних представлениях славян; см. [3, с.25]): *На берег сходит
ночь, беззвучна и тепла, Не видно кораблей из-за туманной дали, И,
словно очи без числа, Над морем звезды замигали* (А. Апухтин 1868). В этом типе конструкций часто встречаются указания на того, кому принадлежат глаза, например: *Солнце в день кроваво, и звезды в ночи как глаза мертвеца* (А. Бестужев-Марлинский 1823), *Звезды наклонялись близко-близко, и были лживы и уверенны, как очи девушки, которая согрешила и хочет скрыть свой позор* (Н. Гумилев 1907), *И мнятся дальних звезд огни Глазами падших властелинов* (В. Брюсов 1913), *И летом неплохо: звезды, Божьи глаза, над кровельным коньком играют* (С. Черный 1932), *а звезды / там / чисты (и вечными будут / если / Время отменится) чисты / бесчисленны и одиноки — и это / глаза Велимира / Последнего / Первого* (Г. Айги 1985).

В современной поэзии появляется обозначение *глазницы*: *Осыпается мгла с небес На поставивший мрежи лес, И глазницы иссякших звезд Стали пенно-зыбки* (О. Юрьев 1986).

По ассоциации с образами *звезды глядят, глаза звезд*, о которых говорилось выше, у звезд появляются характеристики *близорукие* и *зоркие*: *За что же над нами два века подряд / в ночах близорукие звезды горят?* (О. Чухонцев 1962), *Зоркие вы, звезды Палестины. Вы глядели с черного порога, Много ли народу нынче в зале – Будет много!* (Е. Шварц 1986).

Наряду с обозначениями глаз при характеристике звезд достаточно рано фиксируется часто встречающееся слово *ресницы*: *И только в небе, как зов задушевный, Сверкают звезд золотые ресницы* (А. Фет 1864), *Только над головой большие звезды дрожали своими ресницами среди черной ночи* (А. Куприн 1911), *Ревет норд-ост И в гулком небе, черном, как железо, Ресницы рвет у близоруких звезд* (Г. Шенгели 1954).

С глазами и ресницами в XIX в. соотносятся обозначения мимических жестов звезд: *мигать, перемигиваться, замигать, моргать, заморгать, прищуриться*: *А звезды, с высоты глядя на нас так явно, Мигают, не стыдясь* (А. Фет 1884), *Всё как прежде: по высотам Звезды старые моргают, И в кустах по старым нотам Соловьи концерт играют* (В. Соловьев 1886), *Звезда, прищурившись, глядит на край окольный: То спрячется за колокольней, То выглянет из-за угла, То вспыхнет ярче, то сожмется, Над животом исподтишка смеется...* (Козьма Прутков 1854). В конце XIX – начале XX в. добавляются *закрывать ресницы, опустить ресницы, щуриться*: *Уступив лучу денницы, Опустить свои ресницы* (В. Брюсов 1896), *И, закрыв золотые ресницы, Звезды шепчут в таинственном сне* (А. Тиняков 1904), *Перед Наденькой была темнота, и вверху звезды мигали и щурились* (Б. Житков 1926–1931).

Позже появляются *перемаргиваться, помаргивать, подмигивать, морщиться*: *И звон тот до самых звезд достигает. А им, звездам, мороз нипочем. Перемаргиваются, точно подсмеиваются над нами,*

что спешим мы закрыть уши от холода – торопливо отвертываем свои шапки (И. Стаднюк 1956), Звезды горели, радостно **подмигивали**, разноцветно светились (В. Никитин 2019), и даже пристрастия каждой звезды были определены. Например, были такие, что **морщились** от неудовольствия (Г. Щербакова 1996), а также обозначения движений тела, не относящихся к мимике – **пожиматься, потягиваться**: Местами небо уже прояснилось, и высоко-высоко голубые звезды **пожимались** от холода (А. Уткин 2008–2010), А вечером, когда на небо, **потягиваясь** и весело перемигиваясь, принялись вылезать звёздочки, гости стали потихоньку расходиться (Е. Панкратова 2015).

Кроме глаз, обозначения остальных частей тела, характеризующие звезды, встречаются достаточно редко. Хронологически самое первое из названий частей тела звезд – **лик**. Оно тоже, как и глаза, встречается в двух типах конструкций:

1. лики звезд: Кто может **лики звезд** обмыслить, Кто может счесть все капли вод, Тот может всех их чад исчислить, Познать их силы все и род (Ф. Ключарев 1801), Но еще застыт громоздкие глыбы Твой заколдованный сад, и во тьму **Лику** тех звезд, что родиться могли бы, Гаснут, незримы еще никому (Д. Андреев 1955);

2. звезды=лики: Словно **лика**ми грустных невест, Ночь полна хоровами звезд (А. Тиняков 1907). В современной поэзии наблюдается снижение этого образа, на фоне отсутствия стилистически нейтрального **лицо** появляется сниженное **рожа**: О, Ночь – паноптикум безликих звездных **рож** (М. Аввакумова 1990).

С конца XIX – начала XX в. в ряду обозначений частей тела звезд появляются элементы **руки, ручонки, пятерня, косы, волосы, уста**, еще позже появляются **персты, рот, пятки**: Звёзды плачут, и рвутся к ней их золотые **ручонки** (А. Добролюбов 1893–1895), Звезда вечерняя нам **руки** протянула, / как видящая и слепая мать (О. Седакова 1996–2001), О эти звезды! Жуткие... нагие, как растопыренные **пятерни**, – / над

городом, застывшим в летаргии: /на левый бок его переверни (В. Нарбут 1921), Пусть вокруг меня горят и близко и далеко Огни красавиц звезд. К зовущим их устам, К знакомым мне златым и пышным **волосам**, Ах, не влечет меня! (А. Кондратьев 1910–1936); Над толпой то ли снегов, то ль вишен Толпы звезд стоят, разжав **персты** (И. Лиснянская 1978), У луны фарфоровые плечи Под цветущим огненным зонтом, И звезда, покинувшая вече, К ним приникла посиневшим **ртом** (Р. Мандельштам 1952–1960), О босые звезды Палестины, Вы бежали, **пятками** сверкая, С центра неба прямо к его краю (Е. Шварц 1986).

Еще один класс образных обозначений, характеризующих звезды, многочисленный по составу и по количеству контекстов, – это класс «Речь, пение». Интересно, что первые по времени появления в литературе его элементы обозначают обращение звезд к Богу: прославлять Господа, воспевать Бога: Тебя, Всесильный Бог, все в мире прославляет! И мудрость и любовь Твоя во всем видна; Тебя и солнце **воспевает**, И звезды и луна! (В. Пушкин 1798–1801), Звезды **прославляют** Господа Творца (К. Бальмонт 1894). В начале XX в. появляются обозначения *петь гимны*: В бесколонном сияющем храме Звезды **пели** лучистые **гимны**, Возжигали безгрешное пламя, — Фимиам благовонный, бездымный (А. Тиняков 1906), *петь псалом*: «<...> помяни меня / во Царствии Твоем!..» / Высокий факел преклоня, / звезда **поет псалом**... / «О Боже! <...>» (Эллис (Л. Кобылинский) 1911), *служить мессу*: На черных озерах маслянистого асфальта Рыжие звезды **служат** ночи **мессу**... (Э. Багрицкий 1915), *молитва*: Но, отдавшись экстазу **молитвы**, Не заметили звезды привета, Не расслышали возгласов битвы И земле не послали ответа (А. Тиняков 1906). В дальнейшем подобные образные обозначения не фиксируются. Однако слова *петь*, *песня* достаточно распространены при характеристике звезд: В жизни бессмертной, как в песне неспетой,

Звезды звенят и поют (А. Платонов 1919–1922), *И то, что было давным-давно, / и то, что поёт звезда, — / возьми на счастье ещё одно / прощание навсегда* (Б. Кенжеев 1977–1981).

Особенно частотны в этом семантическом классе речевые предикаты и другие связанные с ними слова. Раньше всего в языке художественной литературы появляется глагол *шептать*. Звезды могут шептать сами по себе, без адресата, но чаще шепчут в ситуации речевого общения – друг с другом или с человеком, может быть заполнена валентность сообщения (*шептать что, о чем*): *А звездочка?.. Уж не блестит; Печально бледная, бежит; Подружке шепчет: «Бог с тобой!»* (В. Жуковский 1817), *Слышишь, — шепчут звезды ночи: Kale nukta sas!* (Н. Щербина 1841), *О том, что в небе, полночью раскрытом, Ей сверху шепчут звезды и планеты, И что порой, как сон полузабытый, Припоминают дети и поэты* (Л. Бартольд 1952).

Несколько позже появляются *шептаться* и *шепот*: *Так же, как мир ночью мрачной, безмолвною, Сердце оделось черною тучею, Но, как назло мне, величия полные, Шепчутся звезды с волною кипучею...* (А. Апухтин 1854), *Шепот звезд в ночи глубокой, Шорох воздуха в мороз Откровенно и жестоко Доводил меня до слез* (В. Шаламов 1937–1956).

В 30-е годы XIX в. при образной характеристике звезд появляется глагол *говорить*, который представлен в НКРЯ наибольшим количеством контекстов среди элементов класса «Речь». Этот глагол употребляется в разнообразных синтаксических конструкциях: *говорить о чем: Кто ни спросит, звезды ночи Лишь о райском счастье говорят; В ваших звездах, черны очи, Я нашел для сердца рай и ад* (М. Лермонтов 1830), *говорить с кем* (варианты: друг с другом, с человеком, с предметом): *Пустыня внемлет Богу, И звезда с звездою говорит* (М. Лермонтов 1841), *И тихие со мною говорят Бессонными,*

отец, ночами звезды... (И. Анненский 1901), А она прошла за перелеском Тихими и легкими шагами, Лунный луч кружился по подвескам, Звезды **говорили** с жемчугами (Н. Гумилев 1908), говорить кому: В вечер летний, тихий и тоскующий, Звезды с неба травам **говорят** (А. Платонов 1919–1922). Представлена и прямая речь звезд: Сегодня в заговор вступили ночь и розы, И звезды бледные, смеясь, мне **говорят**: «Ты, гордый человек, не верующий в грезы, Зачем пришел ты к нам в душистый темный сад? (Д. Мережковский 1887).

Лермонтовский контекст «И звезда с звездой говорит» проходит через весь период развития литературы, часто с маркерами интертекстуальности: Ночь темна и непонятна, Всё от нас сокрыто мглой, Где чиста и благодатна **Говорит звезда с звездой** (А. Блок 1899), Всегда двойной: над прозою казармы Взлетая серафической мечтой, Ища покоя в бурях и свободы — Когда звезда с звездой **говорила**, И требуя, в долине Дагестана С свинцом в груди, немислимой любви, Он Байроном, но с русскою душою, Он бунтарем, вовек неукротимым, Прошел по николаевской России (Г. Шенгели 1941), иногда с оттенком иронии: Плюс на минус, чет на нечет, Габарит на габарит — Рука руку моет, нога ногу чешет, **Звезда с звездой говорит** (О. Юрьев 1998).

Обновление традиционной образной параллели (часто с отсылкой к Лермонтову) происходит в контекстах, где актуализируется валентность языка: говорить на каком-л. языке: Море шушукалось о любви до гроба, о счастье без возврата, о муках сердца и тому подобных неактуальных мелочах. **Звезда говорила со звездой по азбуке Морзе**, зажигаясь и потухая (И. Ильф, Е. Петров 1931), Победа советского строя, / путь в дальнее небо открыт — / об этом звезда **со звездой / по-русски сейчас говорит** (Я. Смеляков 1957), Над вечности высотой, / рассыпанная по безднам, / звезда **говорит со звездой / на языке небесном** (Н. Асеев 1958–1959), Вместо

кремнистого пути блестел «Иллюзион», а звезда с звездой говорила на языке романа Апдайк или Джона О'Хара (П. Улитин 2012).

С XX в. в текстах появляются и другие глаголы речи: *вести разговор, заводить разговор, рассказать, рассказывать, беседовать*, контексты их употребления тоже нередко содержат аллюзию к пермонтовскому тексту: *Страна, которая всех дольше знает зиму И гулкую тюрьму сцепляющего льда, – Где нет конца огням и тающему дыму, Где долгий разговор ведет с звездой звезда* (К. Бальмонт 1914)], *Уж звезда, как водится, с звездой / заводит разговор* (Т. Кибиров 1997–1999), *Звёзды, звёзды. Расскажите причину Грусти моей». И на звёзды смотрит. «Звёзды, звёзды, Откуда такая тоска?» И звёзды рассказывают. Всё рассказывают звёзды* (А. Блок 1906), *Но если беседуют звезды со мною, / то, значит, я что-нибудь стою / с моей небольшою земною / мерцающею звездой!* (Н. Асеев 1958–1959), *Один-одинешенек он на дорогу Выходит, внимают окраины Богу, Беседуют звезды; кавычки закрыть* (С. Гандлевский 1994).

В конце XIX – начале XX в. в этом семантическом классе появляются глаголы речи и другие слова, содержащие разнообразные дополнительные семы: *звать, позвать, зов, призыв; просить, молить; пророчить; крикнуть, вскрикнуть; спорить, спор*: *Украшила Полночь алмазами звезд Весеннего неба корону, И звезды, сплетя зыбкоогненный мост, Зовут меня к Божьему трону* (А. Тиняков 1906), *Зеленеют, синея, зеркала, остывая, и, когда уже сини, В них звезда, окунаясь, шлет призыв молчаливый надозерной звезде...*(И. Северянин 1924), *Звезды, усеяв небесную высь, С трепетом просят: «Аника, молись!»* (Л. Трефолев 1893), *Мощь новую приемлют надо мной Благие звезды, и весны Господней Пророчат близость* (В. Иванов (1909), *И звезды пусть во тьме возникнут, И с изогнутой высоты Земле свои приветы крикнут* (В. Брюсов 1904), *За*

окном белый сумрак; над крышами Звезды **спорят** с улыбкой дневной (В. Брюсов 1920), У звезд немой и жаркий **спор**: Куда девался Балашов? (Б. Пастернак 1917–1919).

Во второй половине XX в. этот ряд пополняется элементами *проситься* (ср. *просить*), *предрекать* (ср. *пророчить*), *сообщить*, *отвечать*, *спросить*, *окликать*, *повторять*: С неба **просится** в руки любая звезда (Е. Евтушенко 1964), Забыто Суеверие былое, И ни одна небесная звезда Нам **предрекать** ни доброе, ни злое Уже не будет больше никогда (Л. Мартынов 1956), Звезды дрожали вверху, как живые, как бы пытаясь **сообщить** что-то таинственное и важное. (Н. Федорова 1952), Душе на два голоса пелось, Земле **отвечала** звезда (Ю. Кузнецов 1977), Ой-ей-ей, **спроси** меня, ясная звезда, Не скучно ли долбить толоконные лбы? (А. Башлачев 1985), Мы плыли, не задевая звезд, путь наш был устлан млечным сиянием, звезды **окликали** друг друга – мы это слышали, – перемигивались, **перекликались**, расступались, давая нам дорогу (И. Полянская 1994), Все небо по ночам выписывает только два имени, твое и его, и нашептывает вслух, все звезды хором **повторяют** ваши имена (В. Распутин 1998).

С конца XIX – начала XX в. также появляется группа образных обозначений «Отсутствие речи»: *немая*, *молчать*, *молчаливая*, *молчание*, *безмолвная*, *не говорить*: Звезды **немые** далеки (В. Брюсов 1893), Потом она оглянулась вокруг себя: пустынное поле, **немые** и безразличные звезды над головой (Ф. Абрамов 1958), И будет ли судьба ласковой в будущем к бедной, одинокой девушке, не имеющей ни родных, ни крова?» Но небо **молчало** и звезды тоже... И весь этот осенний вечер был нем и непроницаем, как мое закрытое будущее, как сама судьба... (Л. Чарская 1901), Ночь ждала, дыша ландышами, и насмешливые звезды **молчали**, став серьезными на минуту (А. Китаева 2014), А звезда, **молчаливая** звезда, чувствуя приближение

солнца, побледнела... (Вл. Гиляровский 1903), *Ясен и кроток в молчании* *Взор одинокой звезды...* (А. Платонов 1919–1922), «*Что вы, кто вы?*» – вопрошает она, *запрокидывая охваченную жаром голову, но звезды безмолвны, грустны* (В. Шишков 1913–1932), *Нельзя дышать, и твердь кишит червями, И ни одна звезда не говорит* (О. Мандельштам 1921). В современной поэзии находится способ нового выражения семантического инварианта 'отсутствие речи' – разговорное *ни полслова*: *Куда ты, послушай, Шестов, – Звезда со звездой ни полслова, У веток, былинок, кустов Ясна сердцевина, основа Сквозит над корою, река Застыла, да мы-то и сами...* (Вс. Зельченко 1988–1994).

Помимо рассмотренных выше семантических классов образных обозначений, участвующих в конструкциях персонификации звезд, которые представлены наиболее многочисленными употреблениями в языке художественной литературы, надо отметить и другие классы, не столь частотные, но также занимающие важное место в анализируемом фрагменте системы метафор и сравнений. Это классы образов «Обозначения людей», «Обозначения совокупностей людей», «Движение», «Межличностное взаимодействие», «Физические и психофизические состояния, свойства и процессы», «Жизненный цикл», «Эмоциональные действия», «Эмоции» и «Характер». Рассмотрим кратко некоторые из них.

Среди обозначений людей для образной характеристики звезд в раннем литературном периоде фиксируются *пророк, вестница, спутница, свидетель; подруга, подружка, сестра; царь; молодая красота; путеводитель, путеводительница, а также горемыка, проказница, беглянка: Пред ним [веком] шли звезды, как пророки; Я то на небесах прочел* (С. Бобров 1801), *Ты, бледная звезда, вечернее светило, В дворце лазуревом своем, Как вестница встаешь на своде голубом* (Д. Мережковский 1882), *О звезда вечерня светлая, Ночи*

тихой верна спутница! (Н. Гнедич 1804), *Молчаливые звезды были свидетелями сладких восхищений любовников* (Г. Каменев 1804), *Вечерняя звезда, подруга тихой ночи! Чей лик, свечою вдруг блеснувший из-за рощи, Сияньем радует лазурны небеса, Безоблачных полей светило и краса!* (П. Катенин 1810), *Звезда небес в бездонный мрак падет: Пусть загорится в них другая:<...> Далекого ее паденья вой, Как в беспредельности эфира Ее сестры новорожденный свет И небесам восторженный привет* (Е. Баратынский 1837), *Когда же на закате Последний луч зари Потонет в ярком злате, И светлые цари Смеркающейся ночи Плывут по небесам* (А. Пушкин 1815), *Где стезя знакомых благ? Где звезда-путеводитель? Скрылись... в бездну сделан шаг!* (А. Мещевский 1815–1818), *Она взошла, моя звезда, Моя Венера золотая; Она блестит, как молодая В уборе брачном красота!* (А. Полежаев 1825–1829), *Между тем как вы <...> следили по бледному северному небу звезду, беглянку с европейского горизонта, <...>* (А. Бестужев-Марлинский 1831).

В конце XIX – начале XX века этот ряд обозначений пополняется близко связанными с ними элементами *предвестница* (ср. *вестница*), *спутник* (ср. *спутница*), *брат* (ср. *сестра*), *царица*, *царевна*, (ср. *царь*), *красавица* (ср. *молодая красота*): *Был вечер поздний и багровый, Звезда-предвестница взошла* (А. Блок 1902), *Но звезды, спутники этой лунной ночи, уже побледнели* (А. Луговой 1909), *О, если ты звезда – воды и неба брат, Твой брат, Петрополь, умирает!* (О. Мандельштам 1918), *Смеется Звезда, как царица вселенной, И вокруг нее сестры идут чередой* (В. Брюсов 1898–1900), *И нежно там сияли Красавиц-звезд огни, И знали всё, что будет Со стариком, они.* (М. Горький 1892).

В первой четверти XX в. в семантическом классе обозначений людей появляется группа «Обозначения по возрасту и полу»: *девушка*, *старуха*, *дети*, *женщина*, позже звезды характеризуются словами

девочка, девчоночка, мужчина, старик: *А в небе, лучик сережкой вдев в ушко, / звезда, как вы, хорошая, — не звезда, а девушка...* (В. Маяковский 1915), *Ухо улицы глухо, / кружится карусель. / Звезды злые старухи / качают дней колыбель* (А. Введенский 1920), *И мерцают звезды... Звезды – дети... А над ними веет, никому не зрим, Мягкими крылами – взмах – столетье – Ласковый и мудрый серафим* (Б. Семенов 1926), *Звезды были старые, как женщины после дурной ночи* (Ю. Тынянов 1928), *Рано утром лучики-обломки Целовала девочка-звезда* (Р. Мандельштам 1955), *И особенно мне одна звездочка запала, сама желтенькая такая и подмигивает мне, словно девчоночка и будто утешает: «Ничего, Коля, все хорошо будет, живой останешься»* (В. Дурненков, М. Дурненков 2003), *И не в том смысле, что звезд много и что они большие-маленькие, голубые там или зеленые, а в том, что я как бы знала, кто из них мужчина или женщина, кто старик, а кто молодой, и даже пристрастия каждой звезды были определены* (Г. Щербакова 1996).

Среди обозначений людей, характеризующих звезды, в XX в. появляются также *иностранец, сторож, невеста, гостья* и некоторые другие. Ряд традиционных обозначений уходит из употребления. Так, неупотребительными становятся *путеводитель* и *путеводительница*. Путеводная функция звезд передается современному обозначению милиционер: *Пусть, как добрые милиционеры, Звезды мне указывают путь* (М. Светлов 1959).

В современной поэзии в обозначениях людей, характеризующих звезды, актуализируются их умственные способности: *умница, недоумок*, пополняются традиционные подгруппы: *прихвостень* – ср. *спутник, спутница*; *королева, генерал* – ср. *царица, царь*; *мать* – ср. *сестра, брат*: *Полярная звезда, скромная умница, мы с тобой старые знакомые, скажи нам, пожалуйста, ведь мы не сбились с пути?* (В. Каверин 1981), *Картонные не глядя брось круги, / раскрась*

оставшиеся лунки, / и станут звезды-недоумки / топорщить рваные куски (Е. Сабуров 1973–1984), *Глупая луна! При ней ютилась прихвостень-звезда. Был скушен вид их неприглядной связи* (Б. Ахмадулина 1982), *На рассветном небе в черной раме окна тихо устаивала Венера, генерал-звезда* (Д. Рубина 2008–2009), *Звезда вечерняя нам руки протянула, / как видящая и слепая мать* (О. Седакова 1996–2001).

Обозначения совокупностей людей весьма характерны для звезд. Традиционны высокочастотное *хоровод*, несколько менее частотное *хор* (включающее также сему 'пение', более редкое *строй*: *И, в хороводах звезд прекрасных, В одеждах бледножелтых, ясных, Взойдет луна на небеса* (И. Крылов 1788–1820), *Тебя молить я слишком горд, – Мы не равны ни здесь, ни там, И в хоре звезд не слиться нам В созвучий родственных аккорд* (А. Григорьев 1845) *Звезды в небе им внимали, Проходя за строем строй, И беседу продолжали Тихомолком меж собой* (Ф. Тютчев 1835).

Этот ряд традиционных обозначений в первой трети XX в. обновляют слова *девичник*, *толпа*, *шеренга*, *собрание*: *Совершая путь урочный, круг вокруг Царицы Ночи, Звезд девичник непорочный водит пламенные очи* (В. Брюсов 1898–1900), *Уйдёт солнце – луна с толпою звёзд крадётся из-за гор и целую ночь не сводит глаз с его ясного лица* (С. Кондурушкин 1908), *Солнце летит неизмерной орбитой, Звезды меняют шеренгами строй...* (В. Брюсов 1921), *Вощев, опершись о гробы спиной, глядел с телеги вверх – на звездное собрание и в мертвую массовую муть Млечного Пути»* (А. Платонов 1930).

В дальнейшем появляются обозначения *военсовет*, *кавалькада*, *парад*: *Открытую мишенью / я поднимаюсь в рост, / чтоб выполнить решение / военсовета звёзд* (Е. Евтушенко 1968), *Зеленых звезд ночные кавалькады Ты наблюдал сквозь легкий полог сна* (Р. Ивнев

1980), *Теснясь, толкаясь, Звезды высыпали на работу, Вымыты до боли, на парад* (Е. Шварц 1990).

Семантический класс «Движение» в начале XIX в. состоял из элементов *идти, ходить, бежать* и более редких *странствовать, гулять*, а также глаголов, имеющих второй актант, – *вести, водить* (ср. выше: звезда – *путеводитель (ница)*): *Пред ним [веком] шли* звезды, как пророки (С. Бобров 1801), *звезды, казалось, бежали* впереди перед ним, указывая всем на грешника (Н. Гоголь 1831–1832), *ты лепоту и стройность видел мира, Движение планет в обители эфира, Где звезды странствуют, бросая свет в ночи* (Д. Хвостов 1804), *Река широкая вплавь на коне переплываается; по степи ведет* его звезда небесная, *беседует с ним пустынный ветер* (Н. Полевой 1843).

В конце XIX – начале XX в. в контекстах, характеризующих звезды, появляются дериваты этих глаголов – *прийти, проходить, уходить, повести* и др. В XX в. этот класс слов расширяется элементами *бродить, брести, прыгать, запрыгать, красться, шарахаться*: *Звезда придет*, *веленье исполняя, И обмануть не сможет никогда Науки вечной, в вечности блуждая!* (П. Якубович 1882), *когда мне приходится увидеть луну или звезды, поочередно проходящие в высоте перед моим окном в Шлиссельбургской крепости <...>* (Н. Морозов 1902), *Травы и цветы, разбуженные росой и омытые ею, сладко дышат встречу заре, а звёзды, сверкая, уходят* с востока на запад (М. Горький 1909), *Чтоб по небу звезды бродили на ощупь И в темноте на луну натыкались...* (М. Светлов 1926), *Раньше, в дореволюционную бытность, бедный класс преклонял свою голову на простую землю, и над той головою шли дожди, светил месяц, брели* звезды, *дули ветры, а голова та лежала, стыла и спала, потому что она была усталая* (А. Платонов 1929), *Лежит в заросли на настиле, руки за голову – костлявой подушкой – смотрит в реку: в ней*

прыгают белые звезды, играют в чехарду, плюются в огрызок смешного месяца (Н. Ларионов 1925).

Позже появляются *скакать, плестись*, а также *лезть, вылезти, вылезать, ломиться*: *Звезда по небесам идет, Звезда по облакам плывет И скачет* через тучи (Е. Шварц 1980), *Наконец зеленый луч надрезал зрачок, и крупные звезды, наворачившись влажным блеском, вновь плелись над полем...* (А. Иличевский 2007), *Мы <...> уселись на скамейку во мраке, под громадными звездами, лезущими с бархатного неба сквозь просветы в узорных линиях чинар* (В. Рыбаков 1993), *Они летели среди звезд, звезды ломились в окна, холодные как лед* (С. Василенко 1997–2000).

Семантический класс «Межличностное взаимодействие» в ранний литературный период касается взаимоотношений звезд с человеком и включает предикаты *показывать, указывать (указать) (путь, смысл)*: *с куском металла будет он [человек] плавать на морях, и послушные звезды будут показывать ему путь его* (Н. Полевой 1841), *И звезды вечера тебе укажут Свой тайный смысл; поймешь внезапно ты, Что шепчут ночью листья и цветы* (А. Майков 1845). В XX в. в этом классе появляются *приказы и указания*: *Кому зима – арак и пунш голубоглазый, Кому душистое с корицею вино, Кому жестоких звезд соленые приказы В избушку дымную перенести дано* (О. Мандельштам 1922), *Хотите вы сказать, что звезды светили вполнекала и указания их были не вполне добросовестны?* (Л. Леонов 1930–1932). Позже, во II половине XX века, функция звезд – указывать путь – конкретизируется в соответствующем времени образе *милиционеров*, указания трансформируются в *решения военсовета* звезд, которым подчиняется лирический герой (контексты см. выше). В это же время появляются слова, обозначающие общение звезд друг с другом: *встречаться, прощаться, жениться, связь, союз*: *Звезда с звездой встречались, прощались, И одна на землю падала в печали* (И. Эренбург 1957), *В*

*Космосе свадьба, **Женятся** звезды Пляшут Подвыпившие звезды Все превращается в Хаос (И. Холин 1959–1989), О, недра степной гитары, / о, воющий звук комуза, / в ночи над степным Отаром / звезда со звездой в союзе (Е. Сабуров 1985–1990).*

Элементы семантического класса «Физические и психофизические состояния, свойства и процессы», характеризующие звезды, начинают употребляться в языке художественной литературы с конца XIX в., все шире распространяясь в XX в. Это слова *дрожать, задрожать, вздрагивать, дышать, дыхание, усталая, спать, дремать: Одна звезда меж всеми **дышит** И так **дрожит**, Она лучом алмазным пышет И говорит: <...> (А. Фет 1882), Бледнеет уже измученное небо и тают **усталые** звезды, а он лежит все с широко раскрытыми глазами и неровно бьющимся сердцем (Е. Замятин 1907), Звезды **спали** на волнах, то широко открывая, то щуря белые огни (К. Паустовский 1932). Особенно активно развивается подкласс «Сон». Помимо слов *спать* и *дремать*, он включает обозначения *сон, сонная, слипаются веки*, а также антонимичные *проснуться* и *бодрствовать*: *синё оно [небо], как только бывает синё перед утром, когда по всей земле проходит последний утренний сон, столь сладкий, что от него и у звёзд **слипаются веки** (С. Клычков 1926), Златоцветные струны Затаили свой стих. Скоро звезды **проснутся** (К. Бальмонт 1900), Где ночью, в синеве, всемирные алмазы Спокойно **бодрствуют** над юной вновь страной (В. Брюсов 1911), звезды **бодрствовали**, милосердные, палаческие (С. Шаргунов 2008–2010).**

Множеством разнообразных обозначений пополняется этот семантический класс образов со II половины XX века: *упасть в обморок, очнуться, обезуметь, напиться, подвыпившая, принимать цианистый калий, пить чай: Беззвучно вскрикнула звезда / и в **обморок** ночной упала (С. Петров 1943), Звезды **очнулись**. Сверкнули две крайние, обращенные к востоку, звезды из ковша Большой Медведицы*

(С. Залыгин 1976), *Звенящим блеском / светилось небо. Звёзды, обезумев, / стремительно неслись за горизонт... / и мы бежали* (А. Хвостенко 1975–1995), *Когда звезда уходит спать, / спать... чтобы с горя не **напиться**, / Ее каморка так темна, / что и найти довольно сложно* (Л. Губанов 1961–1983), *А там, за затылком беспечного камня, / звезда **принимает цианистый калий!*** (Л. Губанов 1961–1983), *Над синей пальмой Плавают чаинки, И **пьет** звезда всю ночь Холодный чай, Оставшийся от этой вечеринки* (Ю. Мориц 1983).

Итак, мы рассмотрели основные семантические классы метафор и сравнений со значением персонификации, характеризующих предмет сравнения ЗВЕЗДА, ЗВЕЗДЫ в языке русской художественной литературы XIX–XXI вв. Это такие классы, как «Восприятие», самый частотный подкласс которого – «Зрительное восприятие»; «Части тела» с доминированием образов *глаза, очи*, «Речь, пение», «Обозначения людей», «Обозначения совокупностей людей», «Движение», «Межличностное взаимодействие», «Физические и психофизические состояния, свойства и процессы». За пределами статьи остались семантические классы образных обозначений «Жизненный цикл», «Эмоциональные действия», «Эмоции» и «Характер», которые станут предметом дальнейшего исследования. Специальное внимание было уделено эволюции каждого семантического класса образов: показано расширение их в процессе развития языка художественной литературы и в то же время отмечено, что некоторые ранние образы постепенно уходят из употребления. Также выявлено такое явление в современной литературе, как стилистическое снижение образов, характеризующих звезды. Данная работа представляет собой описание фрагмента системы метафор и сравнений русской литературы XIX–XX в. в ее развитии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакирова А. А. Понятийные признаки, появившиеся у концепта «звезда» в истории развития русского языка // Исследования языка и речи / отв. ред. М. Вл. Пименова. СПб.: СПбГЭУ, 2018. С. 8–19.
2. Бакирова А. А. Способы вербализации мотивирующих признаков концепта «звезда» в русской языковой картине мира // Концептуальные исследования в аспекте лингвокультуры / отв. ред. М. Вл. Пименова. СПб., 2018. С. 108–114.
3. Бакирова А.А., Крюкова Н.Ф. Символические признаки концепта «звезда» в русской языковой картине мира // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. 2020. № 2 (65). С. 23–29.
4. Бакирова А.А., Пименова М.Вл. Символические признаки концепта звезда в современной русской поэзии // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. №1 (144) С. 152–159.
5. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М., 1940. 648 с.
6. Иванова Н.Н. Системные отношения в поэтической фразеологии // Проблемы структурной лингвистики 1985–1987. М.: Наука, 1989.
7. Кожевникова Н.А. Эволюция тропов // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация. М.: Наука, 1995. С. 6–79.
8. Константинова С. К. Семантика олицетворения. Курск: Изд-во Курск. гос. пед. ун-та, 1997. 112 с.
9. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/search-main.html>.
10. Некрасова Е.А. Олицетворение // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Тропы в индивидуальном стиле и поэтическом языке. М.: Наука, 1994. С. 13–104.
11. Петрова З.Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX веков как источник диахронического изучения образных параллелей // Авторская лексикография и история слов М.: Издательский центр «Азбуковник», 2013. С. 68–74.
12. Петрова З.Ю., Фатеева Н.А. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX – XX вв. Вып. 6: «Человек». Жизнь, смерть, судьба, время. М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. 872 с.
13. Пименова М. Вл. К вопросу о методике концептуальных исследований (на примере концепта звезда) // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира / сост., отв. ред. Т. В. Симашко. М.–Архангельск, 2009. С. 140–153.
14. Шведова Н.Ю. (ред.). Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: в 4 т. / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Т. 1. М.: Азбуковник, 1998. 807 с.; Т. 2. М.: Азбуковник, 2000. 762 с.; Т. 3. М.: Азбуковник, 2003. 720 с.; Т. 4. М.: РАН. Институт русского языка, 2007. 952 с.

ЧЕРНИКОВА Наталия Владимировна (*Мичуринск, Россия*)

доктор филологических наук, доцент
Мичуринский государственный аграрный университет
chernikovanat@mail.ru

РАТЧИН Сергей Сергеевич (*Мичуринск, Россия*)

студент
Мичуринский государственный аграрный университет
sergei.ratchin.1999@gmail.com

ЭНАНТИОСЕМИЯ И ЕЁ ВИДЫ

Аннотация. Энантисемия является одним из способов отражения реалий окружающей действительности, характеризующих богатство лексики и безграничные возможности человеческого мышления. Однако до сих пор это языковое явление не получило однозначной оценки и определения. В статье рассмотрены различные подходы к определению энантисемии, имеющиеся в отечественной науке; представлена точка зрения авторов; описаны виды энантисемии (семантическая, оценочная, семантико-оценочная) как особой разновидности лексической антонимии.

Ключевые слова: энантисемия, полисемия, омонимия, антонимия, внутрисловная антонимия, виды энантисемии.

Abstract. Enantiosemy is one of the ways to reflect the realities of the surrounding life, characterizing the richness of vocabulary and the infinite possibilities of human thinking. However, until now this linguistic phenomenon has not received an assessment of one meaning and definition. The article discusses various approaches to the definition of enantiosemy available in the science of our country; the authors' point of view is presented; the types of enantiosemy (semantic, evaluative, semantic-evaluative) are described as a special type of lexical antonymy.

Keywords: enantiosemy, polysemy, homonymy, antonymy, inner-word antonymy, types of enantiosemy.

Энантисемия является объектом изучения лингвистов уже весьма продолжительное время, однако до сих пор это языковое явление не получило однозначной оценки и рассматривается исследователями по-разному. Одни исследователи (Л.Е. Бессонова, Т.А. Космеда, О.И. Смирнова исследователями по-разному и др.) рассматривают энантисемию как разновидность полисемии, другие – как лексическую омонимию (В.В. Виноградов, Н.М. Шанский и др.), третьи – как разновидность антонимии (Р.А. Будагов, Л.А. Новиков, Т.Г. Пономаренко, М.И. Фомина и др.) [4: 276].

Сторонники первой точки зрения утверждают, что энантиосемия – это наличие у одного и того же слова несколько связанных между собой значений, обычно возникающих в результате развития первоначальной семантики этого слова [4: 276].

Например, у полисемичного глагола *просмотреть* в БТС зарегистрировано 4 ЛСВ, два из которых противоположны по смыслу: ‘осматривая, смотря, ознакомиться с чем-л.’ (ЛСВ-1) и ‘смотря, следя за кем-, чем-л., не заметить, пропустить’ (ЛСВ-3) [1: 1026].

Отождествление энантиосемии и полисемии обусловлено тем, что обе категории существуют в рамках одной языковой единицы (одного слова) и что энантиосемия, как и полисемия, выявляется лишь в контексте. Например: *Преподаватель бегло **просмотрел** мою работу, но сразу же выделил недочеты. – Учитель **просмотрел** ошибку, сделанную учеником на доске, но ее заметили многие ученики, сидевшие за партами.*

Исследователи, придерживающиеся второй точки зрения, согласно которой энантиосемия – разновидность омонимии, не учитывают важный признак омонимов: омонимы, имея одинаковую звуковую и графическую оболочку, не имеют общих элементов смысла. Ср.: *ключ*¹ – ‘металлическое приспособление для запираения и отпираения замка’ и *ключ*² – ‘бьющий из земли источник, родник [1: 434].

«Однако, как известно, в энантиосемичных лексемах присутствуют общие семантические компоненты, что не позволяет относить энантиосемию к омонимии...» [4: 278].

Многие исследователи считают энантиосемию разновидностью антонимии. Так, по мнению Л.А. Новикова, энантиосемия («внутрисловная антонимия») – это особая, непродуктивная разновидность антонимии, представляющая собой «противоположность значений внутри одного и того же слова» и «находящая внешнее выражение в контексте, в характере синтаксических и лексических

связей слова (в его разных, противоположных значениях) с другими словами» [5: 251].

Например, у глагола *оговориться* БТС фиксирует два противоположных значения: (ЛСВ-1) 'предупредить, объяснить заранее; сделать относительно чего-л. оговорку'. *Следует оговориться: все, что я расскажу, записано с чужих слов* и (ЛСВ-2) 'по ошибке сказать не то, что нужно'. *На выступлении постарайтесь не оговориться в этом месте доклада* [1: 697].

Этой же точки зрения придерживается М.И. Фомина, которая среди однокоренных слов выделяет антонимы-энантиосемы, у которых «значение противоположности выражается одним и тем же словом» [6: 142]. Ср.: *брошенная* (мысль) – 'бегло, только что высказанная' и *брошенная* (мысль, идея) – 'оставленная давно, забытая'.

Однако есть еще одна точка зрения на энантиосемию как языковое явление. Л.Р. Махмутова, сопоставив энантиосемию с полисемией, омонимией и антонимией, пришла к выводу, что энантиосемия представляет собой самостоятельную лексико-семантическую категорию. «При энантиосемии мы имеем дело с одной языковой единицей, что дает возможность отграничить это явление от омонимии и антонимии, где соотносятся две или несколько единиц. Языковая единица обладает несколькими значениями, это указывает на связь энантиосемии с многозначностью. Значения в составе одной языковой единицы связаны как противоположные. Все это дает основание считать, что энантиосемия – это явление, близкое другим лексико-семантическим категориям, так как при его анализе достаточно четко прослеживаются признаки омонимии, антонимии, полисемии и др. Вот почему энантиосемию целесообразно рассматривать в качестве самостоятельной категории лексической семантики» [4: 280]. Такой же точки зрения придерживается Е.А. Литвинова [3].

Таким образом, энантиoseмия является сложным явлением в русском языке, неоднозначно понимаемым в отечественной науке. В нашей работе мы придерживаемся точки зрения тех исследователей, которые рассматривают энантиoseмию как особую разновидность лексической антонимии, так как в основе и антонимии, и энантиoseмии лежит понятие противоположности.

При таком подходе энантиoseмия (греч. *enantios* – «противоположный», *sema* – «знак») – это «противоположность значений внутри одного полисемичного слова» [7: 73].

В современных исследованиях выделяются три вида энантиoseмии: семантическая (или номинативная), оценочная (или эмоционально-оценочная) и семантико-оценочная [3: 86–90; 7: 73–77]. Рассмотрим их.

1) Семантическая (номинативная) энантиoseмия – «вид внутрисловной антонимии, при котором противоположность двух ЛСВ многозначного слова основана на полярности их семантических компонентов значения» [7: 73]. При номинативной энантиoseмии «на первый план выдвигаются логико-семантические характеристики» [3: 88] противопоставленных значений.

Например, у глагола *обойти* в БТС зарегистрировано 8 ЛСВ, два из которых семантически противопоставлены друг другу: ‘пройти стороной, огибая, минуя кого-, что-л.’ (ЛСВ-3) и ‘пройти по всему пространству, побывать всюду, во многих местах // подойти поочередно к каждому’ (ЛСВ-6) [1: 679]. Ср.: *Чтобы не возникло неприятностей, мы с ребятами обошли эту улицу* (т.е. не пошли по ней). – *Врач, как обычно, обошел с утра все палаты с больными* (т.е. посетил все палаты и всех больных). Оба ЛСВ имеют ядерную сему ‘движение’, но отличаются противоположными смысловыми компонентами: ‘не пойти в данное место, избрать другой путь’ и ‘пойти в данное место’.

Семантическая энантиосемия характерна и для существительного *санкция*. В БТС у него зарегистрировано 3 ЛСВ, два из которых семантически противопоставлены друг другу: ‘утверждение чего-либо высшей инстанцией, разрешение’ (ЛСВ-1) и ‘мера, принимаемая против стороны, нарушившей соглашение, договор’ (ЛСВ-3), т.е. запрет, ограничение [1: 1148]. Ср.: *получить **санкцию** на арест* кого- или чего-л. (т.е. получить официальное разрешение) – *наложить экономические **санкции** за нарушение договора* (т.е. запретить или ограничить что-либо в сфере экономики). Оба ЛСВ имеют ядерную сему ‘постановление, решение’, а конкретизация этого постановления (разрешение или запрет, ограничение) зависит от цели высказывания.

Семантическая энантиосемия представлена также следующими словами:

одолжить – ‘дать в долг’ и ‘взять в долг’; *наверно/наверное* – (нареч.) ‘несомненно, верно, точно’ (*Я это знаю **наверно***) и (вводн. сл.) ‘по всей вероятности’ (*Он, **наверно**, опаздывает*) [1: 571]; *вывестись* – (ЛСВ-1) ‘перестать существовать, уменьшиться в числе, численности; перевестись’ (*Рыба в реке **вывелась***) и (ЛСВ-3) ‘родиться, появиться на свет’ (***Вывелись** котята, мальки*) [1: 167].

2) Оценочная (эмоционально-оценочная) энантиосемия – «вид внутрисловной антонимии, при котором противоположность двух ЛСВ полисемантов основана на полярности их оценочных компонентов значения» [7: 74]. В данном случае «первостепенное значение имеют экспрессивно-оценочные семы, возникающие в результате речевого функционирования слов» [3: 88]. Оценка реализуется в таких компонентах, как ‘хорошо – плохо’, ‘правильно – неправильно’, ‘честно – нечестно’ и т.п.

Примерами оценочной энантиосемии служат слова *преданный* и *бесценный*.

Преданный в значении ‘постоянный в своих чувствах, привязанности к кому-, чему-л; верный’ [1: 957] имеет положительную оценку. Например: *Собака – самый преданный друг на свете, преданный товарищ, преданные своему учителю ученики, смотреть преданными глазами. Преданный* в значении ‘связанный с предательством, изменой’ имеет отрицательную оценку. Например: *После этих слов она чувствовала себя преданной; учитель, преданный своими учениками.* Оценочная энантиосемия в данном случае основана на полярности значений ‘верность’ (со знаком «плюс») и ‘предательство’ (со знаком «минус»).

Оценочная энантиосемия в слове *бесценный* основана на полярности значений, имеющих общую ядерную сему ‘стоимость’ в прямом и переносном смысле. *Бесценный* (с положительной оценкой) – ‘очень ценный; неоценимый, уникальный’ [1: 76]. Например: *Жизнь стоит прожить ради таких бесценных моментов. Бесценный* (с отрицательной оценкой) – ‘не имеющий никакой цены’, буквально: ‘без цены’. Например: *Эта валюта уже стала бесценной* (т.е. обесценилась).

Как отмечают исследователи, оценочная (эмоционально-оценочная) энантиосемия активно используется в различных стилях и формах речи, однако чаще всего она встречается в разговорной речи, неофициальном общении; например: *добро* – (ЛСВ-1) ‘все хорошее, положительное, направленное на благо’ (*желать добра*) и (ЛСВ-3) (пренебр.) ‘о чем-л. плохом, негодном, ненужном’ (*Такого добра и даром не надо*) [1: 264].

Как утверждает Е.А. Литвинова, эмоционально-оценочная энантиосемия часто является не узуальной, а окказиональной, речевой, не закрепленной в толковых словарях. Она одно из ярких средств выражения иронии [3: 88], например:

– *Откуда, умная, бредешь ты, голова?* (И.А. Крылов);

– *Ну ты и красавец! Весь в грязи!*;

– *Своими выходками ты прославился на всю школу!*

Если рассматривать оценочную энантиосемию с точки зрения выражения иронии, то ее использование является практически безграничным [3: 87].

3) Семантико-оценочная энантиосемия – «вид внутрисловной антонимии, при котором противоположность двух ЛСВ полисеманта основана на полярности как их семантических, так и оценочных компонентов значения» [7: 76]. Такой вид антонимии в большей степени характерен для политической и экономической лексики, идеологически окрашенных слов.

Активизация семантико-оценочной энантиосемии, по наблюдениям исследователей, произошла в постсоветскую эпоху, на рубеже XX–XXI вв. Н.И. Клушина в тот период отмечала: «Изменения в политической и экономической жизни общества, повлекшие за собой смену идеологических, а иногда и нравственных ориентиров, разрушение мифологем, созданных советской печатью в предшествующий период, и размежевание печатных органов по признаку отстаиваемых ими идеологических позиций – все это отразилось и на системе русской лексики. Многие слова резко меняют свой смысл на прямо противоположный...» [2: 50]. «Ироническая окраска приводит к изменению в статусе, семантической структуре и экспрессивной оценке переосмысливаемых слов: *светлое будущее, мудрый вождь и учитель, гегемон* и многих других...» [2: 51]. К этой же группе исследователь относит слова *партаппаратчик, совок, номенклатурщик*, которые закрепили за собой уничижительную, неодобрительную окраску.

Более подробно рассмотрим семантико-оценочную энантиосемию на примере слова *патриот*. В БТС оно зарегистрировано в значении 'тот, кто любит свое отечество, верен своему народу, готов на жертву и подвиги во имя родины || тот, кто привержен, верен чему-л.'. *Патриот*

своего дела [1: 787]. В таком значении эта лексическая единица имеет, безусловно, положительную оценку.

Однако в конце XX столетия слово *патриот*, а вместе с ним и лексема *патриотизм* стали употребляться не только в положительном, но и в отрицательном смысле. «Для закрепления негативной оценки за трудно поддающимся дискредитации словом *патриот* (поскольку отрицательная стилистическая характеристика противоречит положительному компоненту значения) создается неологизм *национал-патриот...*» [2: 54].

В БТС *национал-* определяется как первая часть сложных слов, которая вносит значение ‘националистический, националистский; проникнутый национализмом’ [1: 608]. См. *национализм* – 1) ‘идеология и политика, исходящая из идей национального превосходства и противопоставления своей нации другим, подчиняющая общечеловеческие интересы и ценности национальным интересам’. *Фашистская идеология основывалась на национализме*; 2) ‘проявление чувства национального превосходства, идей национального антагонизма, национальной замкнутости’. *Выступление депутата с позиций национализма* [1: 608].

Оба значения имеют отрицательную оценку, которая в неологизме *национал-патриот* переходит с первой части сложного слова (*национал-*) на вторую (*-патриот*).

Семантико-оценочные изменения произошли в словах *перестройка, гласность, демократия, левые, правые, бизнес, конкуренция* и др., в которых оценка менялась с положительной на отрицательную (*перестройка, демократия*) и, наоборот, с отрицательной (в советское время) на положительную, а затем нейтральную (*бизнес, коммерция, конкуренция* и др.).

Изменению семантики и оценочной характеристики слова нередко способствует публицистика [2: 50–57].

Таким образом, в современном русском языке энантиосемия представляет собой довольно сложное и неоднозначное явление, характеризующее богатство лексики и безграничные возможности человеческого мышления, являющееся одним из способов выражения реалий окружающей действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с. (В работе – БТС)
2. Клушина Н.И. Два противоположных значения в одном слове // Русская речь. 1997. № 3. С. 50–57.
3. Литвинова Е.А. Эмоционально-оценочная энантиосемия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 2 (13). С. 86–90.
4. Махмутова Л.Р. Место энантиосемии в системе языка // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2009. Т. 151. Кн. 3. С. 276–280.
5. Новиков Л.А. Семантика русского языка. М.: Высшая школа, 1982. 272 с.
6. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. М.: Высшая школа, 1990. 415 с.
7. Черникова Н.В. Энантиосемия в современном русском языке // Русский язык в школе. 2008. № 9. С. 73–77.

АЛИЕВ Тельман Асадович (*Владимир, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
telmanasad@rambler.ru

ЕВСТИФЕЕВА Мария Романовна (*Владимир, Россия*)

студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
mary-evsifeeva@mail.ru

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ СЛОЖНОЙ СТРУКТУРЫ КАК ИСТОЧНИК ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Аннотация. В статье рассматривается образования фразеологических единиц на основе пословиц и поговорок сложной структуры. Отмечается, что паремии, служащие основой для ФЕ, в структурном отношении представляют собой сложное предложение русском языке.

Ключевые слова: значение, паремия, форма, содержание, фразеологизм, способ, изречение, слово, образование.

Abstract. The article examines the formation of phraseological units based on proverbs and sayings of complex structure. It is noted that the proverbs that serve as the

basis for phraseological units are the complex sentences in the Russian language according their structure.

Keywords: meaning, proverb, form, content, phraseology, method, saying, word, formation.

Установление этимологической природы фразеологических единиц – один из важных аспектов изучения фразеологии. В данном случае наше внимание будет сосредоточено на фактах образования фразеологических единиц на базе пословиц и поговорок, построенных по модели сложного предложения. Вопросу о том, как отпочковываются ФЕ от структуры сложных (бинарных или многокомпонентных) конструкций паремиологических единиц, фрагментарно уделяется внимание многими исследователями. В этом плане можно отметить работы Гвоздарева Ю.А., Мокиенко В.М., Жукова В.П., Булаховского А.А., Архангельского В.Л. и других.

Упомянутые исследователи в основном сосредоточивают внимание на следующих способах фразообразования:

а) ФЕ как результат метафорического переосмысления свободных словосочетаний типа: ворон считать, кровь с молоком;

б) ФЕ из разговорной речи, связанной с ремеслами: мозолить руки, гадать на кофейной гуще;

в) ФЕ из УНТ: змея подколотная, тришкин кафтан;

т) ФЕ из терминов: удельный вес, общий знаменатель, повернуть на 180°;

д) ФЕ как результат калькирования – blue stocking (анг) – синий чулок, he pas etre l dans son assiett (фр) – не в своей тарелке;

е) ФЕ из анекдотов: дело в шляпе, танцевать от печки;

ж) ФЕ из античной старины: со щитом! или на щите;

з) ФЕ из литературы: быть или не быть? (Шекспир), Оставьте надежду навсегда (Данте); и т.п.

Что же касается способа образования ФЕ на базе паремий, то его выделяют отдельно, в особую продуктивную разновидность, поскольку, во-первых, пословица обладает лексической устойчивостью, что делает её воспроизводимой, во-вторых, помимо прямого значения, она обладает вторым, отвлеченным значением [1: 59], напр.: *Убить бобра, – не видать добра: Мелко плавать – дно задевать* и т. д.

В основе данного положения лежит процесс, признанный многими учеными: либо как сгущение мысли (по А. Потебне), либо как имплицирование (по В. М. Мокиенко [2: 63]), либо как редукция (по А. М. Бабкину). Имплицирование – одно из проявлений принципа языковой экономии, который свойственен всем уровням языка.

Смысл этого принципа заключается в стремлении поддержать равновесие между формой и содержанием. Считается, что принцип экономии активно реализуется в речи. Действительно, речевое проявление принципа экономии более заметно, чем языковое хотя бы потому, что речь более мобильна, чем язык. Устойчивость лексического состава пословицы позволяет ей маневрировать, т.е. проводить ее «сжатие», вычленять ее фрагменты, приобретающие признаки фракционированного знака (англ. fractionated фразеологизированный), которые одновременно не порывают до конца связь с породившими их пословицами [1: 59]. Впоследствии получается результат: фразеологизм, образованный от пословицы, имеет с ней нечто общее, одновременно отличаясь от пословицы речевой активностью.

Следует отметить, что паремии, служащие основой для ФЕ, в большинстве своем в структурном отношении представляют собой сложное предложение русском языке. ФЕ же, отпочковавшаяся от ПЕ, зачастую употребляется как номинативная единица, внешне представляет собой словосочетание, т.е. пословица, представляющая собой СП имеет более объемное значение противопоставления фактов, один из которых употребляется в словосочетательном значении; напр.: –

Нос задирает, а в голове ветер *гуляет* – здесь обе части употребляются как ФЕ; или: Как знать, чего не знаешь – от паремии образовался фразеологизм – как знать и т.п. В данном случае обе части пословицы употребляются как ФЕ. Как видно в процессе откалывания ФЕ нет особых закономерностей.

В употребление входит та часть, которая более **близка к данной** речевой ситуации. Приведем еще несколько примеров:

К одному счастье валом валит, а от другого валом отталкивается → валом *валить*. «Сибирское купечество, так сказать, валом валило в Нижний на ярмарку. ... Толпа валила валом к Исаакиевской площади, разливалась по ней, лезла через решетку сквера. А. Н. Толстой, *Хождение по мукам...*» [4: 54];

Был это дом, да ныне вверх дном → *вверх дном*. «При новой жене в доме все пошло *вверх дном*» [4: 56];

Наша взяла, хоть и рыло в крови → *наша (ваша) взяла*. «Когда он поднялся, то посмотрел на всех и с жалкой улыбкой сказал тихонько: – *Ваша взяла*» [4: 270];

На вид – хорошо, да по виду не судят → *на вид*; «В конце концов опаздания ему (Корчагину) поставили *на вид*, и он понял, что это начало самого страшного в его жизни – выхода из строя» [4: 451];

Чем черт не шутит, пока бог спит → *чем черт не шутит*; «"А и в самом деле могут *накинуть*. Чем черт не шутит", – подумал Григорий» [4: 520];

Говорить без дела, что вилами на воде писать → *вилами на воде писано*: «– Какой повелительный тон! Сейчас видно, что говорит будущая знаменитость! – *подшучивал Антонин*. – Это еще на воде *вилами писано*, буду ли я знаменитостью» [4: 320];

Коня на вожжах не удержишь, а слова с языка не воротишь → *держат на вожжах* « – *Служить надобно верно. Держи себя на вожжах!*» [4: 320] и т.п.

Образование ФЕ на базе паремий всегда было и остается живым источником появления фразеологизмов. Традиционные изречения (как источник обогащения фразеологии) используются и в настоящее время, о чем свидетельствуют многочисленные обновленные в новых контекстуальных условиях и необычных дистрибуциях устойчивые обороты. Пословицы по грамматической структуре, по лексико-семантической емкости отличаются от ФЕ и данный факт предполагает более серьезного рассмотрения как одного из главных источников образования ФЕ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гвоздарев Ю А. Процессы образования ФЕ в русском языке // Проблемы русского фразеобразования. Тула: 1973.
2. Мокиенко В. М. «Славянская фразеология»; М., 1981.
3. Пословицы и поговорки русского народа. Из сборника В. И. Даля / Под общ. Ред. Б. П. Кирдана; Вступ. слов. М. А. Шолохова; Послесл. В. П. Аникина. – М.: Правда, 1987. – 656 с.
4. Фразеологический словарь русского языка. Свыше 4 000 словарных статей / Сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; Под ред. А. И. Молоткова. – 3-е стереотип, изд. – М.: Русский язык, 1978. – 543 с.

БАКИНА Анна Дмитриевна (*Орёл, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент
Орловский государственный университет
имени И.С. Тургенева
heart-anna@yandex.ru

БИБЛЕЙСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. В статье обсуждается проблема функционирования библеизмов в текстах современного политического дискурса. Проводится анализ определений понятий «библейзм» и «политический дискурс». Выделяются системно-функциональные характеристики библеизмов в политической коммуникации. Выявляются и анализируются функции библеизмов в политическом дискурсе.

Ключевые слова: библеизм, библейский фразеологизм, политическая коммуникация, политический дискурс, функция убеждения, функция смягчения ситуации, функция эмоционального эффекта, ироническая функция.

Abstract. The article discusses the problem of functioning of biblicisms in the texts of modern political discourse. The definitions of the concepts 'biblicism' and 'political discourse' are analyzed. The system and functional characteristics of biblicisms in political communication are highlighted. The functions of biblicisms in political discourse are identified and analyzed.

Keywords: biblicism, biblical phraseology, political communication, political discourse, persuasive function, situation softening function, emotional effect function, ironic function.

Актуальность изучения библеизмов обусловлена частотностью использования библейских слов и выражений в устной и письменной речи, а также недостаточной изученностью функционирования библеизмов в разных типах дискурса, из которых наибольший интерес представляет политический дискурс. Мы понимаем библеизмы как слова, устойчивые словосочетания, афоризмы, а также более крупные отрезки текста, которые напрямую или опосредованно восходят к конкретным отрывкам из текста Священного Писания. Такое определение соотносится с современной практикой использования фрагментов Библии в средствах массовой информации, разговорной речи, институциональном дискурсе. К. Н. Дубровина отмечает такие присущие устойчивым библейским оборотам признаки, как «экспрессивность, эмоционально-оценочные характеристики и переносные значения (метафорические, символические, аллегорические, обобщенно-образные)» [Дубровина 2012: 12]. Что касается целей использования библеизмов, в речи и текстах они часто служат для «аргументации, самопрезентации, оценочной характеристики кого-либо» [Шалгина 2019: 45]. Библеизмам присущ «ряд особых функций: кроме эмоциональной характеристики явления или ситуации, они выполняют функцию социально-оценочной характеристики лица, функцию назидания, выражения иронии, шутки» [Шалгина 2019: 45].

Классификацию библеизмов по принципу их порождения предлагает Т. Н. Федуленкова:

- 1) выражения, являющиеся устойчивыми словосочетаниями изначально в тексте Библии (*salt of the earth* – *соль земли*, *the apple of the eye* – *зеница ока*);

2) выражения, которые возникли путём переосмысления свободных словосочетаний (*манна небесная – manna from heaven, посыпать голову пеплом – to sprinkle ashes upon one’s head; мертвая буква – the dead letter*);

3) выражения, которые в данной лексической форме не представлены в Библии, однако возникли позднее на основе библейского образа или сюжета (*блудный сын – the prodigal son, последняя вечеря – the Last Supper*) [Федуленкова 2005: 119].

Добавлением к этой классификации могут служить библейские антропонимы и топонимы (*Solomon, Judas, Sodom and Gomorrah*).

Подводя итог рассмотрению библейского пласта фразеологии, следует отметить его большую экспрессивность, образность и устойчивое содержание, которые обуславливают употребление библеизмов как средства аргументации в дискурсе. Библеизм, несущий в себе определённый символ, способен оказать эмоциональное воздействие на реципиента. Это особенно актуально для политического дискурса, главная цель которого – донести некоторую идею до слушателя, убедить его. Прежде чем исследовать функционирование библеизмов в политическом дискурсе, подробнее рассмотрим данный вид дискурса.

Перейдём к рассмотрению подходов к определению *политического дискурса*, который является «сложным объектом исследования, поскольку лежит на пересечении разных дисциплин – политологии, социальной психологии, лингвистики» [Демьянков 2002: 118].

Начнём рассмотрение с подхода, предложенного Е. И. Шейгал: «Политический дискурс – это любые речевые образования, содержание которых относится к сфере политики» [Шейгал 2004: 121]. Такой взгляд частично разделяет голландский лингвист Т. ван Дейк, определение которого во многом схоже с представленным, так как политическим

дискурсом он называет некий класс жанров, ограниченных определенной социальной сферой, то есть сферой политики [Дейк 1997: 8]. Учёный также уточняет, что данный вид дискурса реализуется в виде правительственных документов, партийных программ речей политиков, парламентских дебатов. Оба лингвиста выше рассматривают политический дискурс несколько ограниченно: его существование возможно только определенной сфере при наличии субъектов речевой коммуникации в лице политиков. По сравнению с подходами Е.И. Шейгал и Т.В. Дейка, австрийский лингвист Рут Водак расширяет понятие дискурса, определяя его не только как самостоятельное исследовательское поле, но и как совокупность теорий производства и восприятия» [Водак 1997: 180–196]. При таком подходе понятие политического дискурса в лингвистике значительно расширяется: его участниками могут стать не только политики, а все, кто вовлечен в политические коммуникативные события. Е.И. Шейгал считает дискурс политическим, если к сфере политики относится хотя бы одна из трех составляющих: субъект, адресат или содержание речевого произведения [Шейгал 2000]. Таким образом, в политическом дискурсе могут участвовать как люди, чья основная профессия непосредственно связана с политикой, так и просто заинтересованные граждане, избиратели, демонстранты и подобные социальные группы.

Некоторые исследователи при определении политического дискурса основное внимание уделяют именно его языковой стороне. По мнению В.З. Демьянкова, политический язык отличается от обычного по следующим параметрам: терминологичность политической лексики; специфическая структура дискурса, являющаяся результатом своеобразных речевых приёмов; особенности реализации дискурса, находящие отражение в его письменном или звуковом оформлении [Демьянков 2002].

При семиотическом подходе политический дискурс определяется как «своеобразная знаковая система, в которой происходит модификация семантики и функций разных типов языковых единиц и стандартных речевых действий» [Шейгал 2000: 3]. Однако в данном исследовании мы будем отталкиваться от более широкого определения данного вида дискурса, не ограниченного структурными свойствами текста или самой речи, а включающего в себя систематическое описание контекста и его отношение к дискурсивной конструкции. Таким образом, под политическим дискурсом мы будем далее понимать сумму всех речевых произведений, речевых актов и образований, текстов, дискурсивных практик, правил публичной речи, так или иначе связанных с миром политики.

Политическая риторика является одним из видов ораторского искусства, потребность в котором возникает с желанием некоторых лиц влиять на ход государственных дел. Хотя наиболее важные политические речи, как правило, произносятся в парламентах, гораздо большее их количество адресовано гражданам страны, в особенности во время политических выборов. Использование библеизмов в речи политиков может быть обусловлено их нежеланием прямо и однозначно излагать свои взгляды на определённые политические проблемы. Причины этого могут крыться в опасении оскорбить или прямо обвинить политического соперника, а также в желании прикрыть или завуалировать свои истинные намерения или действия, породить однозначность толкования своих высказываний, уйти от прямого ответа и т. д. Согласно западной традиции, апелляция к Библии в рамках любого институционального дискурса делает речь авторитетной и фундаментальной. Более того, общественные деятели нередко перефразируют библеизмы, с помощью которых возможно добиться сатирического эффекта или же сделать акцент на значимых вещах.

Иногда библеизмы используются для обобщения, когда политики не хотят уточнять конкретные факты.

Таким образом, политические деятели, в своих речах апеллируя к библеизмам, с большей вероятностью смогут оказать эмоциональный эффект на остальных участников политического дискурса или убедить их в чём-либо. Употребляя библеизмы, политики освобождают свою речь от клишированности, приближаясь к народу, а также добавляя экспрессивности и делая выступление более интересным и аргументированным.

Одной из основных функций библеизмов в политическом дискурсе можно назвать оказание эмоционального эффекта на слушателей. Устойчивые выражения, восходящие к Священному Писанию, добавляют экспрессивности выступлению, избавляют его от клишированности и делают более интересным и аргументированным.

1) Среди многочисленных примеров можно рассмотреть обсуждение Государственной думой в 2003 году трагических событий октября 1993 года, когда внутривластный конфликт между Борисом Ельциным и народными депутатами спровоцировал вооружённые столкновения на улицах Москвы, унесшие жизни более 150 человек. В «Коммерсанте» приводится цитата члена партии «Яблоко» Владимира Лукина: *«В ужасных и трагических событиях октября 1993 года виноваты обе стороны. Мы были на грани гражданской войны. ... Тот, кто сейчас клеймит только одну сторону, – это люди, подобные политическим кузнечикам, которые проделывали кульбиты в течение всего этого десятилетия. Знаете, в диапазоне от Адама до Потсдама и от Чемберлена до Троцкого и обратно»* (Государственная дума обсудила события октября 1993 года // Коммерсант, 2003.10 (НКРЯ)). Последние два предложения наполнены образностью и свидетельствуют о высоком интеллектуальном уровне спикера. Устойчивое сочетание «от Адама», имеющее в основе имя первого

человека на Земле, согласно Ветхому Завету, и означающий «с глубокой древности», умело рифмуется со фразой «до Потсдама», под которой понимается Потсдамская конференция 1945г., разработавшая программу послевоенного устройства Европы. Таким образом, член Государственной думы наполнил своё выступление сравнениями, фамилиями известных политиков, фразеологизмами, рифмующимися с историческими реалиями. Это свидетельствует о его первоклассном владении искусством риторики, а широкий кругозор и обширные познания в разных областях не могут не вызывать уважение и восхищение.

Библеизмы могут использоваться в целях сокрытия истинных намерений, чувств и мыслей участников политического дискурса. Поскольку библеизмы могут иметь более одного значения, в некоторых случаях довольно трудно определить, что именно имел в виду автор. В политической сфере существуют довольно сложные вопросы и проблемы, и, если прямо и однозначно излагать свои взгляды на них, то есть вероятность вступить в конфликт, обзавестись оппонентами, испытать общественное осуждение.

2) Для примера рассмотрим фрагмент статьи, опубликованной в «Комсомольской правде» в январе 2013 года. *«Минэкономразвития пообещало россиянам райские кущи. Но к 2030 году. К этому времени Россия станет мировым лидером в экономике. Уровень жизни нашего гражданина станет выше, чем у американца, европейца и австралийца»* (Евгений Арсюхин. «Догнать и перегнать» Запад // Комсомольская правда, 2013.01 (НКРЯ)). Первое предложение, содержащее библеизм *«райские кущи»*, является не прямой цитатой из заявления Минэкономразвития, а скорее комментарием автора статьи. Райскими кущами обычно называют место воплощения обилия и благополучия, что иногда имеет самый прямой смысл в контексте восторга, а иногда придаёт сатиры высказыванию, показывая, что его

автор верит в несбыточность такой ситуации. Таким образом, обозревателя «Комсомольской правды» невозможно обвинить в дискредитации обещаний федерального органа исполнительной власти, ведь, даже прочитав статью целиком, невозможно точно сказать, имело ли первое предложение сатирический оттенок или нет.

3) Аналогичный пример, содержащий абсолютный английский аналог вышеприведённого библеизма, прозвучал на заседании Палаты Лордов по теме здравоохранения. *“Private medicine, as one of these writers suggested, might be the tempter in the National Health Service’s **Garden of Eden**. Yet it must be tolerated. People will always insist on being free to spend their own money on their own bodies, even if it includes such bizarre means of treatment as getting a Chinaman to stick little needles into them or buying some kind of witches’ brew from a herbalist”* (House of Lords (48) // The Public Private Mix For Health, 27.04.1983 (Hansard)). Текст перевода: *Частная медицина, как предположил один из этих авторов, может быть искусителем в **райском саду** Национальной службы здравоохранения. И все же с этим нужно мириться. Люди всегда будут настаивать на том, чтобы иметь право тратить свои собственные деньги на собственное тело, даже если это включает в себя такие причудливые средства лечения, как уговоры китайца втыкать в них маленькие иголки или покупка какого-нибудь зелья у травника.* Очевидно, что спикер крайне негативно относится к некоторым аспектам частной медицины, которую он сравнивает со змеем-искусителем в Эдемском саду – *garden of Eden* – согласно Священному Писанию, это место первоначального обитания Адама и Евы. Согласно библейскому рассказу, змей в Эдемском саду вступает с Евой в разговор о запретном плоде, обманывает женщину сказкой о чудесных свойствах плода и добивается преступления Евой заповеди Божией. Употребив в своей речи отсылку к этому ветхозаветному сюжету, говорящий добился иносказательности в высказывании своего отношения к частной

медицине, при этом не обращаясь к грубой лексике во избежание возможных конфликтов.

Итак, об этой функции библеизмов в политическом дискурсе можно сделать вывод, что политики в основном иносказательно выражают свои чувства и мысли, чтобы избежать критики и даже возможно обвинений в нарушении закон. В основном это справедливо для ситуаций, когда участник политического дискурса негативно относится либо к государственному органу, либо к высокопоставленному лицу, однако открытое выражение своих эмоций по этому поводу и их подкрепление аргументами во многих случаях неприемлемо, поэтому приходится завуалировать свою мысль образными выражениями.

Другой функцией библеизмов в политическом дискурсе является смягчение ситуации, когда вместо открытой конфронтации, высказывания осуждения или неодобрения политический деятель предпочитает ограничиться фразеологизмом с негативной коннотацией.

4) Следующий отрывок взят из обсуждения законопроекта о реформе общинного и арендованного имущества в палате общин Великобритании 8 января 2002. «*In the other place, we suggested various technical improvements. Again, those suggestions **fell on stony ground**, but we may return to some of them*» (Mr. Bill Cash – House of Commons (53) – Commonhold and Leasehold Reform Bill, 08.01.2002 (Hansard)). Текст перевода: *В другом месте мы предложили различные технические усовершенствования. Вновь эти предложения **упали на бесплодную почву**, но мы можем вернуться к некоторым из них*. Библеизм *to fall on stony ground*, имеющий абсолютный русский аналог «*падать на бесплодную почву*», иными словами значит «*не получить отклика, остаться без внимания*». В данном контексте могли бы быть использованы глаголы с более категоричным значением: *failed* – *провалились*, *were overlooked/ignored/disregarded* – *были проигнорированы/упущены из виду*. По сравнению с предложенными

контекстными синонимами, использованный библейский фразеологизм звучит не так твёрдо, обезличивая ситуацию и не ставя ее никому в вину.

5) Изначально оттенок иронии имеет устойчивое выражение библейского происхождения *to serve two masters*. «*Industry in this country will find itself called upon to **serve two masters**, the EC and a Labour government, both with markedly dirigiste tendencies*» (Daily Telegraph. World affairs material (BNC)). Текст перевода: *Промышленность в этой стране окажется призванной **служить двум господам**, ЕС и лейбористскому правительству, оба с ярко выраженными дирижистскими тенденциями*. Этот фразеологизм, имеющий русский аналог «*служить двум господам*», употребляется в отношении людей, которые стараются одновременно угождать двум враждующим лицам или группам. В данном контексте подчёркивается невозможность успешного функционирования такого сценария, а также присутствует сатирический элемент в отношении тех, кто попытается.

Подводя итог рассмотрению использования иронически окрашенных библеизмов в политическом дискурсе, справедливо отметить, что спектр их употребления очень обширен. Чтобы повеселить публику и возвыситься над оппонентами, политические деятели применяют как изначально имеющие иронический оттенок библейские фразеологизмы, так и нейтральные фразы, которые приобретают такой оттенок уже в контексте. Политики размещают колкие комментарии в социальных сетях, обогащая их фразеологизмами. Более того, частью политического дискурса являются публицистические тексты данной тематики, и в них журналисты часто выставляют многие события в юмористическом свете.

В результате рассмотрения Библии как гипертекста мировой литературы было установлено, что главное произведение христианского вероисповедания стало источником большого количества

воспроизводимых единиц библейского происхождения в английском и русском языках. Мы понимаем «библеизмы» как слова, устойчивые словосочетания, афоризмы, а также более крупные отрезки текста, которые напрямую или опосредованно восходят к конкретным отрывкам из текста Священного Писания. Библеизмам присущи такие признаки, как экспрессивность, образность, эмоционально-оценочные характеристики и метафоричность. Они определяют частотность использования библеизмов в институциональном дискурсе, особенно в одном из его видов – политическом. Под политическим дискурсом мы понимаем сумму всех речевых произведений, речевых актов и образований, текстов, дискурсивных практик, правил публичной речи, так или иначе связанных с миром политики.

Участникам политического дискурса свойственно желание произвести впечатление на публику, убедить оппонентов и зрителей в правильности своей позиции, в чём им помогают риторические приёмы. Помимо употребления личных местоимений, параллелизма и метафор, к приёмам риторики относится употребление библеизмов. Устойчивые выражения, имеющие свои корни в Библии, часто употребляются в речах политических деятелей с различными целями.

Функции библеизмов в политическом дискурсе: функция эмоционального эффекта, функция сокрытия истинных намерений, чувств и мыслей, функция смягчения ситуации, а также ироническая функция.

ЛИТЕРАТУРА

1. Водак, Р. Язык. Дискурс. Политика./ Р. Водак. – Волгоград: Перемена, 1997. – 139 с.
2. Демьянков, В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие / Отв. ред. М.Н. Володина. – М.: Изд-во Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 2003.
3. Демьянков, В.З. Политический дискурс как предмет политологической Филологии/ Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – М.: ИНИОН РАН, – 2002. – № 3. – С.32–43.
4. Дубровина, К.Н. Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре: монография [Текст] / К. Н. Дубровина. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – 264 с.

5. Федуленкова, Т.Н. Современная фразеология и фразеодидактика // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2005. №11 (51). С. 35–39.
6. Шалгина, Е.А. Сопоставительный анализ библейских фразеологизмов (на примере концепта "Милосердие") // Евразийский гуманитарный журнал. 2019. №S4 (1). С. 37–48.
7. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – Волгоград : Перемена, 2000. – 368 с.
8. Шейгал, Е.И. Предвыборные теледебаты как жанр стратегической коммуникации / Шейгал, Е.И., Иванова, Ю.М., / Respectus Philologicus. – 2004. – №5 (10). – С. 29–41.
9. Dijk, T.A. van. Discourse as structure and process. London: SAGE Publications, 1997. 357 p.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ТЕКСТОВЫЕ КОРПУСЫ

10. Национальный корпус русского языка. 2003–2023. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/>
11. British National Corpus (BNC). Режим доступа: <https://www.english-corpora.org/bnc/>
12. Hansard Corpus. Режим доступа: <https://www.english-corpora.org/hansard/>

ВАСИЛЬЕВА Ольга Владимировна

(Санкт-Петербург, Россия)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Институт лингвистических исследований Российской академии наук
barcarola@list.ru

ЛЕКСЕМЫ *КАЛАНЧА*, *КАЛАЧ*, *КАМЕНЬ* И ИХ ДЕРИВАТЫ В СЛОВАРЕ МОСКОВСКОЙ РУСИ

Аннотация. Статья посвящена описанию трех словообразовательных гнезд, представленных в последнем выпуске Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI – XVII веков, на фоне современного русского языка. Выделяются как совпадающие, так и не совпадающие в диахронии элементы.

Описывая материалы Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI – XVII веков [3], постоянно сталкиваемся не только с лексемами и фразеологизмами, не сохранившимися до наших дней, но и с такими, семантика и функционирование которых претерпели серьезные изменения на протяжении прошедших веков. Так, в 10 выпуске Словаря, который готовится к изданию, среди многих других лексем представлены в том числе существительные *каланча*, *калач*, *камень* и их дериваты, на примере которых проследим развитие семантики в диахронии. Как писал В. В. Виноградов, «для истории слов

приобретает громадную важность принципиальный вопрос о единстве смысловой структуры развивающегося и меняющегося слова или – что то же – вопрос о тождестве слова при многообразии его смысловых превращений» [2: 15].

Словари современного русского языка фиксируют у лексемы **каланча** следующие значения: ‘высокая наблюдательная башня пожарной части’, историческое ‘в XVIII – XIX вв. – дозорная башня, вышка в крепости или на сторожевом посту’, а также новое производное ‘перен., разг., обычно шутл. О человеке очень высокого роста’ [1: 570]. Разумеется, в источниках XVII века это существительное не могло означать ни человека, ни пожарную вышку. Зато мы вплотную приближаемся к появлению данной номинации в русском языке и к ее первичному значению. Слово впервые зафиксировано в текстах конца XVII века и обозначает в них изначально не любую башню, а только ‘каждое из двух турецких каменных мощных укреплений, прикрывавших подступ к Азову в дельте Дона, на обоих берегах реки Каланча’. Во всех контекстах, где употреблялась лексема, речь шла об азовских походах Петра I 1695 и 1696 годов, закончившихся взятием турецкой крепости Азов. О том, что этот тюркизм образован от гидронима, свидетельствует как упоминание в текстах *Каланчи реки*, так и дериват – прилагательное **каланчинский**, имевшее значения ‘прил. к р. Каланча (один из рукавов Дона при впадении его в Азовское море)’ (в цитатах – *устье каланчинское*) и ‘расположенный на берегу р. Каланча’ (в цитатах – *Каланчинские башни*). Вместе с тем в некоторых памятниках, созданных незадолго до Азовских походов (тексты 1682 и 1693 годов) слово уже означало сторожевую вышку, причем на территории Московского государства, что свидетельствует о его заимствовании в период, предшествовавший взятию Азова.

Имя существительное **калач**, как и его дериваты, употреблялось в текстах XVI – XVII веков очень активно (и в этимологическом написании

с о, и в написании, отражающем аканье), поскольку обозначало одно из самых востребованных выпечных изделий, которое изготавливалось повсеместно. Цитаты иллюстрируют, что калачи давались и монахам, и зарубежным послам, а разнообразные прилагательные (*монастырские, домовые, белые, пшеничные, именинные, хомутинные, крупитчатые, пряженые*) характеризуют разные виды этого выпечного изделия. Другая группа определений при этом слове (*денежные и двуденежные, копеечные и грошевые*) указывает на разнообразие калачей по стоимости. Соответственно, номинация человека, выпекающего калачи и торгующего ими (*калачник*), была также широко распространена. Представлены в Словаре существительные *калачня* 'пекарня, в которой пекут калачи' и *калачница* 'женск. к *калачник*', наречие *калачом*, прилагательные *калачников*, *калачный* и *калашенный*, причем последнее входило в составную номинацию *калашенный старец*, которая обозначала должность монастырского пекаря, изготавливавшего калачи.

В отличие от историзмов *каланча* и *калач*, лексема *камень*, как и большинство ее дериватов, и сейчас активно употребляется в русском языке. Из 8 значений, которые выведены для этого слова в Словаре Московской Руси, в БАС-3 [1: 590–592] уже, конечно, отсутствуют 'гора с обнажением скалистых пород, скала, горный хребет' (*ходятъ къ Руси от Китая черезъ Камень*), 'каменный уголь' (*какъ камень горитъ, отъ него духъ тяжелъ*), 'весовая единица' (*полтретья камени гвоздики*), а также 'непреложные основы христианской веры' (*камень заповедей Христовых*). Но и в остальных 4 значениях, не устаревших до наших дней, представлено немалое количество семантических филиаций (оттенков и употреблений) и устойчивых сочетаний, оставшихся в прошлом. Так, например, в основном значении 'только ед. ч. Всякая твердая, нековкая горная порода' выделено употребление 'с определением, указывающим на сорт такого строительного материала',

которое иллюстрируется примерами с сочетаниями *белый камень, синий камень, известной камень, бутовый камень, серый (серовик) камень*, а также *камень магнит (магнетов) и аспид*. Фразеологизм *каменем кинуть от чего-л.* ‘близко, рядом с чем-л.’ понятен и сейчас, тем не менее вышел из актива, а фразеологизм *камень на камени не устоит* ‘разрушить до основания что-л.’ впоследствии трансформировался в очень близкий *камня на камне не оставить*. Фактом истории языка осталось применение лексемы *камень* по отношению к метеориту. (При этом слово использовалось и самостоятельно, и в составе устойчивых сочетаний *громовой / громный камень*.) Немалое количество источников XVI – XVII веков подтверждает, что описываемое слово могло обозначать в качестве имени собственном Уральские горы (*бежать за Камень на Турухан*) и Алтайский хребет (*по тому Камению ведена стена*).

Некоторые дериваты слова **камень**, зафиксированные в текстах Московской Руси, сохранились в русском языке до настоящего времени. (Например, **каменистый, каменка, каменщик, камешек** и нек. др.) Безусловно, самым семантически богатым из них является прилагательное **каменный**. Если сопоставить его значения в прошлом и настоящем, получится следующая картина. Основное, самое общее значение относительности как было, так и продолжает оставаться востребованным в русском языке; в источниках Московской Руси представлено в сочетаниях *каменные запасы*, а также в конструкции *каменных дел (подмастерье, иноземец)*. И несмотря на то, что в БАС-3 есть новое значение этого прилагательного – ‘перен. Ничего не выражающий, неподвижный, застывший’ [1: 588–590], мы видим, что в XVI – XVII веках семантика слова была намного богаче: в Обиходном словаре описано 14 его значений, тогда как в БАС-3 только 4. Так, в текстах Московской Руси у прилагательного было значение ‘относящийся к работам по добыче, обработке, продаже камня’

(каменная ломка, каменные подряды, каменная смета и др., сюда же относится устойчивая составная номинация *Каменный Приказ / Приказ Каменных Дел*). Следующее значение – ‘построенный, сооруженный из камня’ – конечно, продолжает оставаться актуальным и сейчас, но при этом в Словаре Московской Руси внутри данного значения выделяется немало филиаций: ‘в обиходных названиях монастырей’ (*Каменный монастырь, Спас на Каменное, монастырь Живоначальные Троицы Каменное Городище*), устойчивое сочетание *Каменный город*, которым назывался кремль в разных городах: Астрахани, Смоленске, Яицком городке, Новгороде, Казани, Серпухове и даже в других странах, где побывали русские путешественники. При этом московский кремль именовался *Большой Каменный царев город* и *Белый Каменный город*. Частотным в языке Московской Руси было значение ‘состоящий из камня’ (*каменный остров, каменный берег, каменная сопка* и др.), куда также входит большое количество топонимов с прилагательным *каменный* (*Каменный Хребет, Каменная Горка, Каменный Лог, Каменные Мечети, Каменный Куст* и т. д.). Было у данного слова значение ‘работающий с камнем, ломающий камень, режущий по камню’ (*каменный резец (резчик), каменный ломщик*). Следующий куст значений относился к камню в устаревшем значении ‘гора’, которые сейчас выражаются словом *горный*: ‘расположенный в горной местности’ (*каменное царство, каменное место, каменная река*), ‘находящийся в горе’ (*каменные расселины, каменная пещера*), ‘живущий в горах’ (*каменная самоядь – ‘сибирская народность’*). Еще целый ряд значений прилагательного относился к драгоценным камням: ‘вырезанный из драгоценного камня’ (*крест камен, вставки каменные, сосуд каменный*), ‘работающий с драгоценными камнями’ (*каменные резцы, что делали государю коруну золоту съ камнемъ*). Наконец, в источниках XVII века уже зафиксированы переносные значения прилагательного, характеризующие человека – как его физическое

состояние, так и духовную черствость. Первое встречаем у такого выдающегося мастера образного слова, как Аввакум: *Крест положу ей (одержимой бесом) на голову и молитвы говорю, так голова под крестом и свободна станет, баба и заговорит, а руки и ноги и тело еще мертво и каменно*. Второе переносное значение 'равнодушный, бесчувственный' зафиксировано в сборнике пословиц Павла Симони: *Беды терпеть каменно сердце иметь*. Материалы Словаря показывают, что в XVII веке уже существовала составная номинация *каменная болезнь* – 'боли, вызванные твердыми отложениями солей во внутренних органах', а также устаревшая к настоящему времени номинация *каменное масло* – 'лечебный минерал, алюмокалиевые квасцы'.

Среди дериватов лексемы *камень*, оставшихся в истории языка, по данным Словаря Московской Руси были имя существительное **каменница**, обладавшее четырьмя значениями: 'каменная гряда', 'верхняя часть банной печи, каменка', 'сложенная из камней верхняя часть печи в жилом помещении', и, наконец, даже 'каменное здание, сооружение' (*Съ техъ мельницъ и каменницъ собирается денежная казна немалая*).

Существовало сложное прилагательное **каменноградский**, образованное от словосочетания *каменный город* и использовавшееся в названии псковского монастыря (*Есть обещание святителю Николаю чудотворцу тотъ Каменоградский монастырь строить каменнымъ и деревяннымъ строениемъ*).

Было сложное церковно-книжное прилагательное **каменожестокий** (*каменожестокое сердце*), сложное существительное **каменосечец** 'то же, что *каменщик*'. Наряду с прилагательным **каменный** существовал его синоним **каменский**. Слово употреблялось в обиходном названии монастыря (*Спасский Каменский монастырь*), в составе многих топонимов (*Каменские горы, Каменская губа, Каменский*

стан и др.), а также имело значение 'предназначенный для работ с камнем' (*14 кировъ каменскихъ*). Данное прилагательное существенно уступало своему словообразовательному синониму **каменный** как по количеству значений (только 4), так и по употребительности (встретилось только в 17 источниках Словаря). В одном источнике зафиксировано прилагательное **каменчий** 'такой, где проживают каменщики' (*каменчии слободы*). В свою очередь от деривата **каменщик** образовывались прилагательные **каменщиков**, **каменщицкий** и **каменщичий**, а также существительное **каменщиство** 'ремесло, занятие каменщика'. Последнее существительное встретилось только в одном контексте, но зато в очень показательном с точки зрения словообразования ряду: *каменщиство, плотничество, рыболовство, пушкарство, стрелчество, холопство*.

Собирательное производное от слова **камень**, слово **каменье**, употреблялось в языке Московской Руси во многих значениях: это и 'полезные ископаемые (собирательное к *камень* 1)', и 'множество отдельных кусков твердой горной породы (собирательное к *камень* 2, 3)', и 'каменный уголь (собирательное к *камень* 6)', и 'каменистая почва', и 'изделия из такого материала (собирательное к *камень* 4)', и, наконец, 'драгоценные и полудрагоценные камни'. Для выражения последнего значения в текстах XVI – XVII веков активно использовались разные устойчивые составные номинации: *доброе / дорогое / драгое / драгоценное каменье, дорогой камень, драгие / дорогие каменья, драгоценные камни / камушки*.

Словообразовательная цепочка производных от лексемы **камень** через собирательное существительное **каменье** заканчивается на следующей ступени – деривате **каменьишко** – 'уничижительное к *каменье* 4' (к тем самым драгоценным камням): *Заложиль въ техъ денгахъ 8 овчинъ деланыхъ, да и сержишка серебряные съ каменьишкомъ*.

Диминутивы от слова **камень** были представлены в текстах Московской Руси шире, чем в современном русском литературном языке: зафиксированы не только **камешек** и **камушек**, но и **камышек** (также в написаниях *камошек*, *камушок*, *камысок*, *камышок*, *комышек*, *комышок* – проблема всех типов варьирования всегда стояла и будет стоять перед авторами абсолютно всех словарей донационального периода).

Следующий дериват – **камешник** – имел значение ‘каменистый участок местности’, что подтверждается абсолютно всеми цитатами. В БАС-3 зафиксирована омонимичная лексема, поскольку при ней стоит помета ‘собирабельное’, а означает она ‘мелкие камни, покрывающие берег реки, галечник’ [1: 597].

Таким образом, мы видим, что 400 – 500 лет назад имя существительное **камень** было семантически богаче, чем сейчас, и обладало целым рядом дериватов, не сохранившихся до настоящего времени. Сказанное справедливо и по отношению к прилагательному **каменный**, образованному от данной номинации.

Лексика – самый подвижный уровень языка, чутко реагирующий на все, что актуально для его носителей. Сопоставляя словарный состав одного языка разных временных периодов, даже не очень удаленных друг от друга, постоянно сталкиваемся с разнообразными несовпадениями как по количеству лексем, так и по количеству значений у тех единиц, которые представлены в обоих периодах. Когда временной разрыв исчисляется столетиями, сравнительное описание лексики и ее семантики дает наиболее интересные результаты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой академический словарь. Т. 7. М. – СПб., 2007.
2. Виноградов В. В. История слов. М., 1999.
3. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI – XVII веков. Вып. 1. СПб., 2004 – Вып. 9. СПб., 2020 (издание продолжается).

ГЛИНКА Елена Витальевна (Минск, Беларусь)
кандидат филологических наук, доцент
Минский государственный лингвистический университет
alenaglinka@yandex.ru

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В ДИАХРОНИИ

Аннотация. В статье анализируется номинация и репрезентация основных когнитивных процессов в древнерусском и в современном русском языках. Процессы мыслительной деятельности широко представлены в семантике древнерусских глаголов. Выявляются особенности формирования лексико-семантической группы глаголов мышления в диахронии.

Ключевые слова: когнитивные процессы, репрезентация процессов мышления, древнерусский язык.

Abstract. The article analyzes the nomination and representation of the main cognitive processes in the Old Russian and modern Russian languages. The processes of mental activity are broadly represented in the semantics of Old Russian verbs. The article reveals the peculiarities of the formation of the lexical-semantic group of verbs of thinking in diachrony.

Keywords: cognitive processes, representation of thinking processes, the Old Russian language.

Предметом рассмотрения в настоящем исследовании является лексико-семантическая группа глаголов мышления в современном русском языке в сопоставлении с древнерусскими глаголами.

Процесс мышления в силу того, что он отражает всё, что человек воспринимает, является предельно сложным. Поэтому отнесение глагола к лексико-семантической группе мышления может иметь неоднозначное решение. Примером сложности соотнесения глагольного действия именно с мышлением может служить семантика таких глаголов, как *каяться* или *молиться*. Что важнее в семантике этих глаголов: психические процессы, обуславливающие состояние раскаяния, муки совести, нравственное осмысление своих поступков, или собственно произнесение звуков (говорение), представленное в семантической структуре этих глаголов?

Поэтому выделение глаголов мышления не претендует на предельную точность. Исследование столь многогранного понятия, как

мышление, не допускает строгих рамок и жёстких разграничений, так как когнитивные процессы и состояния настолько тесно взаимосвязаны и синкретичны, что их аналитичное описание может исказить общую картину.

Для выделения лексико-семантической группы глаголов мышления был отобран круг значений, которые создают класс мыслительных процессов. С этими значениями были соотнесены наиболее значимые глагольные лексемы, которые номинуют эти процессы в древнерусском и в современном русском языке. Были выявлены глаголы, в дефиниции которых входят обозначения основных процессов мышления и обработки информации (её хранения, передачи, преобразования): *думать, мыслить, знать, понимать, исследовать, помнить, учить, предполагать, представлять* и др. Сложность выявления дифференцирующих признаков для рассматриваемой группы лексики обусловлена спецификой обозначений самих мыслительных процессов, абстрактных по своей сути. Глаголы мышления обозначают отношения, имеющие идеальную природу, т.е. являются ещё более абстрактными и сложными для аналитического осмысления. Наши знания о мыслительных процессах представлены в семантике языка, и лингвист-исследователь, который моделирует эту подсистему, анализирует эти же процессы и использует те же самые знания. Таким образом, в отношениях явление (сами когнитивные процессы) – объект исследования (наши знания об этом явлении, поданные как её идеальная модель в семантической системе языка) – предмет исследования (модель семантической системы языка, которую создаёт исследователь) и сам объект исследования не только основание для создания другой модели – предмета исследования, но и инструмент; инструментом является и само явление – процесс мышления.

«Значения слов, которые относятся к ментальной сфере, определяются не столько структурой и формами правильного

мышления, сколько теми механизмами жизни и человеческой деятельности, в контексте которых оно создано» [1:6]. Мышление – сложнейший вид высшей нервной деятельности человека в процессе приспособления к новым условиям и разрешении новых задач. Процессам мышления свойственны следующие характеристики: 1) мышление когнитивное, осуществляющееся «внутренне», в сознании; 2) мышление-процесс, во время которого в когнитивной системе осуществляется манипуляция знаниями; 3) мышление нацелено на решение конкретной проблемы [9:423].

Для классификации глаголов мыслительной деятельности были выделены следующие семантические компоненты, которые являются основными, ведущими как для самого мышления, так и в обозначении когнитивных процессов [6]:

1. Мышление в наиболее общем виде.
2. Сознание как устойчивая способность к мыслительной обработке воспринимаемой информации.
3. Внимание как сконцентрированность на решении задачи.
4. Процессы познания, которые заключаются в самом наличии знаний и процессе их получения; хранении знаний в памяти и передачи знаний в процессе обучения. В процесс познания входят также интуитивное знание и воображение.

Для классификации глаголов мышления мы взяли за основу определения самих процессов мыслительной деятельности. Мышление определяется как «психический процесс отражения действительности, высшая форма творческой активности человека. Мышление – это целенаправленное использование, развитие и приращение знаний» [6:200].

Мышление можно рассматривать как активную форму отражения действительности, лексически это выражается глаголами с наиболее обобщенной семантикой мышления: *думать, мыслить* и т.п.; и

мышление как процесс познания, движение идей, система действий и операций исследовательского, преобразовательного и познавательного характера, что представлено такими лексемами, как *решать*, *определять*, *сравнивать* и т.п. Мышлению соответствуют нервные процессы внимания и сосредоточенности [7:165].

Сознание – это специфически человеческая форма отражения действительности, ядро информационной системы. Оно определяется как «знание, которое может быть сообщено, передано другим людям и другим поколениям» [2:209]. Помимо сознания, в информационной сфере выделяется подсознание как разновидность неосознаваемого, куда входит всё то, что было или могло быть осознанным, и сверхсознание, которое обнаруживается на первоначальных этапах творчества, не контролируемое сознанием и волей и обычно именуемое как творческая интуиция [8].

На основании вышеизложенного были выделены основные процессы мыслительной деятельности: мышление как динамичная форма отражения действительности; сознание как статичная форма отражения действительности; процессы познания как приобретение знаний, их хранение и передача; внимание как способность сосредоточиваться на предмете мысли; интуитивное знание и воображение.

Ядро подсистемы глаголов мышления образуют лексемы, выражающие значение мышления наиболее обобщённо. В современном русском языке основу этой подсистемы представляют базовые глаголы с корнями *-мысл-*, *-дум-* и их дериваты. Рассмотрим репрезентацию процесса мышления на примере современных глаголов с корнем *-дум-*: *думать* и его дериватов. Посредством дериватики образуются характеризованные глаголы, выражающие различные аспекты мыслительного процесса: интенсивность (*вдуматься*, *задуматься*), спонтанность (*вздумать*), полноту (*продумать*, *обдумать*),

незавершённость (*недодумать*), временную протяжённость и прерывистость (*подумывать*), результативность (*придумать, додуматься*), изменение решения (*передумать, одуматься, раздумать*), отрыв от реальности (*выдумать, понавывдумывать, надумать*). Частично могут быть выражены и отрицательные коннотации (*задумать*). На периферии данной группы глаголов находятся разговорные *кумекать, мозговать*, а также фразеологизмы *шевелить мозгами, раскидывать умом, чесать репу* и т.п.

В древнерусском языке семантика процесса мышления выражается глагольными лексемами с корнями *-мысл-* (*възмыслити, примыслити, умыслити, помыслити, замыслити*), *-дум-* (*думати, въздумати, въздумати*), *-мудр-* (*мудрити, мудрствовати* 'думать, рассуждать, размышлять'), *-гад-* (*гадати*) 'думать, полагать', *погадати* 'обдумать, рассудить' *-ум-* (поумитися 'обдумать', разумъвати 'мыслить' и др.). В современном русском языке глаголы с корнями *-мудр-* и *-ум-*, выражающие семантику процесса мышления, употребляются в ироничном смысле с отрицательными коннотациями: *мудрить, умничать*. В древнерусском языке отмечен ряд глаголов с оценочной семантикой мышления: положительной (*благорассуждати, добромыслити, съдравовати* 'здорово мыслить') и отрицательной (*коварьствовати, ковати, лукавьствовати, проказовати, прныровати* 'злоумышлять').

Понимая сознание как статичную форму отражения действительности (в отличие от мышления как динамического процесса), можно выделить ряд глаголов, семантика которых соответствует этой форме ментальности. Центральное место в семантической системе глаголов, характеризующих процесс сознания, должна занимать сема «находиться в сознании», имплицитно присутствующая в семантике большинства глаголов мышления. Наиболее точно этот смысл выражен в одновидовом глаголе *очнуться*.

Ядром подгруппы являются глаголы, в значении которых доминируют следующие семантические компоненты: 1) сознавать что-либо; 2) иметь определённое мнение о себе; 3) иметь веру, определённые убеждения, и, как противоположность, не иметь веры; 4) иметь неверные убеждения, заблуждаться; 5) не иметь твёрдого убеждения, сомневаться. В ряду глаголов с корнем *-зна-* в современном русском языке выражена многообразная семантика процессов мышления: от ядерного глагола *знать* с обобщённой семантикой до выраженных в дериватах частных значений, относящихся как к непосредственному процессу сознания (*осознавать*), так и синкретичным с другими процессами ментальной деятельности и смежных процессов (говорения, восприятия): *распознавать, узнавать, признавать, признаваться, разузнавать, сознаваться, обознаться*. Отсутствие сознания выражается глаголом *забыться*, который, в отличие от *забыть*, не означает лишь потери информации. Современный разговорный глагол *отключиться* метафорически передаёт суть значения внезапной потери сознания. Глагол *чувствовать* в современном русском языке означает в большей мере чувственное восприятие и требует при себе грамматически управляемый объект: *чувствовать что-либо*.

В древнерусском языке семантика активного сознания представлена лексемой *чутѣ* 'чувствовать, ощущать, слышать, знать, сознавать' и *чутисѧ* 'быть в сознании'. Но однокоренной глагол *чувати* выражает смысл только слухового восприятия 'слыхать'.

Все́й мыслительной деятельности обязательно сопутствует внимание. Физиологические механизмы внимания заключаются в общем состоянии сосредоточенности, связанным с повышением возбудимости коры головного мозга в целом или отдельных её участков [5:61]. Состояние внимания лексически выражено уже на уровне древнерусского языка, что демонстрирует и его важность, и взаимосвязь с психическими, ментальными и другими процессами человеческой

деятельности. Это глаголы, в словарных дефинициях которых присутствуют значения 'внимать', 'вникать', 'задерживаться мыслью на чём-либо'. Однозначно выражают семантику внимания глаголы *унимать* 'обращать внимание' и *вънимати* 'вникать'. Большинство же древнерусских лексем, относящихся к этой подгруппе, полисемантичны. Но подобная многозначность характеризует и само состояние внимания. Многозначность внимания, его связь с другими процессами мышления и восприятия подтверждается и на уровне лексики: так, *въноушати* означает 'прилежно, старательно слушать' и 'внимать', *призирати* имеет значение 'смотреть' в качестве основного и дополнительное 'обращать внимание', *приникнути* 'наклониться' и 'вникнуть'. Волевая концепция внимания проявляется в глаголе *поущатисѧ* 'побуждаться, вникать'. В современном русском языке семантика внимания представлена в глаголах *сосредоточиться*, *вникнуть*. На связь внимания с личностью и ее активностью, выражающейся её воле, обращал внимание П.Я. Гальперин. Результатом внимания является улучшение всякой деятельности, а все конкретные факты внимания являются результатом формирования новых умственных действий. «Несмотря на чрезвычайный разноречивый мнений, мы всё же находим во всех этих определениях общие черты, правильно схватывающие сущность внимания» [3:251]. Так, глаголы *вчитываться*, *вслушиваться*, *всматриваться* и им подобные совмещают в себе семантику восприятия и внимания.

Рассматривая мышление в качестве динамического процесса отражения и преобразования действительности, выраженного ядерными лексемами *думать*, *мыслить* в современном русском языке и аналогичными соответствиями в древнерусском языке, мы не ограничивали семантику мышления лишь этой группой глаголов. «На практике мышление как отдельный психический процесс не существует, оно незримо присутствует во всех других познавательных процессах: в

восприятии, внимании, воображении, памяти, речи. Высшие формы этих процессов обязательно связаны с мышлением, и степень его участия в этих познавательных процессах определяет их уровень развития» [5:274]. Мышление как высший познавательный процесс представляет собой порождение нового знания, а знание, в свою очередь, тесно связано с пониманием (хотя и не тождественно ему); для знания существенными являются процессы его сохранения (посредством памяти) и передачи (осуществляемой в научении). Отдельно мы рассматриваем интуитивное знание и воображение.

Глаголы, характеризующие процессы познания (знание, его хранение, передача), отличаются от слов с общей семантикой мышления своей целенаправленностью. Глаголы знания условно делятся на две подгруппы: глаголы знания и близкие к ним глаголы понимания. В древнерусском языке ядром семантической системы глаголов знания является глагол *въдати*, выражающий семантику и знания ('знать, ведать, иметь сведения') и руководить ('распоряжаться, управлять'). Это, на наш взгляд, весьма важная характеристика языковой картины мира Древней Руси: тот, кто обладает властью, должен обладать знаниями. Возможен и конверсив: обладающие знаниями достойны властвовать. Следы общности семантики знания и власти в словах с корнем *-въд-* есть и в современном русском языке: заведовать, ведомство. Глагол *знати* также обладает множеством значений в древнерусском языке. Помимо центрального 'знать', это и 'признавать, знать друг друга', 'наблюдать', 'отличить', 'заметить', а также 'исполнять'. Семантика дериватов, образованных от корня *-зна-*, связана в большей степени с практическим знанием, с чувственным опытом и благодаря этому процессы, обозначенные данными глаголами, обладают семантической глубиной, обогащаясь значениями 'познавать', 'постигнуть', 'знать', 'распознать', 'почувствовать'.

Так как знания приобретаются, помимо чувственного опыта, в процессе учения, глаголы знания тесно связаны с глаголами научения: *учити, научити, извыкнути* с общим значением 'научиться' в древнерусском языке и аналогичные им в современном русском выражают общие значения получения знаний.

К глаголам знания близки глаголы понимания. Понимание определяется как «психическое состояние, выражающее собой правильность принятого решения или интерпретации какого-либо события, явления, факта» [5:672]. К глаголам понимания относятся лексемы, словарные дефиниции которых включают значения 'понимать', 'постигать', 'разуметь' как синонимы. Данный круг значений выражают глаголы *умѣти* 'понимать, знать; уметь' и *познати* – многозначный глагол с разветвлённой семантической структурой: от 'знать' и 'почувствовать' к 'постигнуть', а также означающий 'познаться' и 'пожениться'. Ещё один многозначный глагол *разумѣти* основными имеет значения понимания – 'понять', 'постигнуть', а далее в дефинициях следуют обозначения всех мыслительных процессов: 'познать', 'рассудить', 'обдумать', 'заметить', 'знать', 'мыслить'. Глагол *постигнути* этимологически восходит к обозначениям физических процессов: от 'догнать, настигнуть, приблизиться' к 'постичь; достичь; постигнуть; понять'. Связь понимания с чувственным восприятием проявляется в значениях глаголов *ощутити* и *узрѣти* 'увидеть; узнать; уразуметь'.

Полученные знания требуют закрепления, или сохранения. Это осуществляется при помощи памяти – процессов запоминания, воспроизведения и переработки человеком разнообразной информации. А.Н. Леонтьев, считая память современного человека «таким же продуктом его культурного, социального развития, как и его речь, письменность или опыт», писал, что «переход от примитивных, биологических форм памяти к высшим, специфически человеческим её

формам является результатом длительного и сложного процесса культурного, исторического развития» [4:31]. Человек сам создаёт свою память, и этот процесс отражается в древнерусских глаголах, которые определяются в словарных статьях при помощи дефиниций 'помнить', 'вспомнить', 'запомнить', 'узнать' и антонимом 'забыть'.

Разветвлённость семантики памяти позволяет составить представление о развитии и значении процессов памяти в жизни древнерусского общества. Ядро данной семантической группы образуют лексемы со значениями 'помнить', 'вспомнить': *памятити, испомнети, обумети, възпоминати*. Остальные глаголы этой подгруппы в своих значениях выражают специфику, которой обладает процесс памяти. Так, глагол *поминати* обозначает различные процессы сохранения и воспроизведения информации: 'вспоминать' 'припоминать', 'помнить'. Значения 'напоминать', 'упоминать', 'поминать в богослужении' связаны с речевым воспроизведением информации, с отправлением религиозного культа; 'читать память' и 'праздновать память' заключают в себе социальное значение памяти. Сохранение и передача информации так же, как и другие процессы мышления. Не имеют чётких границ между собой. Особенно ярко это проявляется в глаголах научения: ведь любое учение непременно связано с запоминанием. Глагол *выкати* означает 'учиться чему-либо, усваивать', *извыкнуоти* – 'изучить, научиться', т.е. получить и сохранить информацию, навык.

Собственно глаголы передачи знаний, центральное место среди которых занимают глаголы научения. Широко представлены в древнерусском языке. Ядром этой подсистемы является глагол *учити*. Семантика глагола *учити* в древнерусском языке выражает значение процесса научения дифференцированно: это и 'обучать' (передавать знания); 'наставлять' (передавая знания, формировать образованную личность); 'поучать' (передавая знания, воспитывать); 'изучать' (получать знания»). Кроме того, *учити* выражает значения, связанные с

религиозным культом: 'изучать религию' и 'готовиться к принятию крещения', т.е. образовываться духовно, что также было немаловажным в древнерусском обществе. Учить в обобщённом смысле может означать и 'передавать знания' и 'передавать какие-либо навыки, учить ремеслу'; 'прививать правильный ход мыслей', 'воспитывать'. Можно учить хорошему и плохому. Сам процесс научения может протекать по-разному, зависеть и от целей обучения, и от личности обучаемого. В древнерусском языке выявлено около 90 лексем, объединённых общим значением 'учить', которое предаётся различными корневыми элементами и выражает множество смысловых отношений, связанных с процессами мышления, волеизъявления и действиями физического характера: 'давать свет (просвещать), наставлять, заставляя, наказывая, поить, питать, пестовать' и др., например, *научити, наставити, просвѣтити, проучити, благоустроити, въразумити, казати, напоминати, пасти, кърмити, поити, питати* и др.

Узнать что-то, получить знания можно и на основе собственных впечатлений, предчувствий, смутных, неоформленных мыслей – того, что в психологии называется интуицией, заключающейся в способности человека предвосхищать ещё неизвестную информацию и пополнять имеющуюся на основе ориентиров поиска, не связанных логически [6:140]. Интуитивное знание в древнерусском языке выражено в семантике предвидения, предчувствия: глаголы с этими корнями являются основными толкователями значений аналогичных древнерусских лексем *гадати, мънити* и многочисленными дериватами глаголов с корневыми элементами, выражающими семантику мыслительной деятельности. Значения 'предвидеть' и 'провидеть' выражаются лексемами *провѣдети, проразумити, прѣдвидѣти, уяснити* и др. Большинство корней включает в себе семантику зрительного восприятия: значение интуитивного знания прежде всего основано на прошлом опыте чувственного (зрительного) восприятия.

Более общее значение 'предчувствовать' связано в древнерусском языке с семантикой корня *-уч-* (проучаѣти); 'предопределить' выражается глаголом *проуставити*, образованном от корневой основы со значением статики.

В переработке восприятий и представлений предшествующего опыта участвует и воображение. Результатом воображения является создание образа в мыслях. В современном русском языке процессы воображения эксплицированы глаголами *вообразать, измышлять, мечтать, представлять, фантазировать*. В древнерусском языке хоть и отсутствует наименование процесса создания сложных образов – фантазировать, но тем не менее само воображение представлено как достаточно развившийся процесс мышления, отражённый в значительном количестве лексем: *въображати* – 'придавать вид, свойство; мысленно представить, вообразать'; *мьнити* – 'вообразать, предполагать, представляться', *мьчтати* – 'вообразать, мечтать, являться'. Остальные глаголы, в семантической структуре которых представлен семантический компонент 'вообразать, измышлять', – это многозначные глаголы мышления (*думати, мыслити* и др.), а также некоторые глаголы, в качестве основного выражающие значение действия физического характера. Их анализ помогает выяснить некоторые особенности развития процесса воображения. Это такие глаголы, как *изобрѣсти* 'найти, придумать', *приводити*, который помимо физического действия обозначает и 'представлять', 'вообразать', *плещити* – 'распространять', 'придумывать', *ухытрити* означает 'измыслить, придумать', а также выражает семантику созидания: 'создать', 'разукрасить', что связано с процессом творчества, в основе которого лежит развитое воображение.

На основе проведённого исследования можно сделать следующие выводы. Многие процессы мышления, описанные современной психологией, находят довольно широкое отражение в древнерусских

глаголах. Но при этом имеется ряд особенностей, обусловленных уровнем развития общества и культуры в Древней Руси. Обнаруживается более тесная связь сознания с предсознанием: образы чувственного восприятия отчётливо проявляются в мышлении. С точки зрения психологии это объясняется тем, что именно восприятие даёт своеобразную команду действия процессам мышления, воздействуют на формирование сознания, развития интеллекта. Лексемы, образующие ядро лексико-семантической группы глаголов мышления, в большинстве своём полисемантичны: это объясняется сложностью, недифференцированностью самого процесса мышления. В древнерусском языке широко представлены глаголы, характеризующие процессы познания в их развитии и взаимосвязи. Так, процессы памяти имеют полное лексическое выражение в значениях 'запоминать', 'помнить', 'вспоминать', 'узнавать', 'воспроизводить (в речи)'. Внимание, как состояние, сопутствующее мышлению, также имеет лексическое воплощение во всех составляющих, определённых современной наукой. Выявлены связи внимания с восприятием и мышлением, отмечены такие характеристики внимания, как сосредоточенность, углублённость в объект восприятия. Множество выявленных лексем со значением приобретения и передачи знания свидетельствуют о той важной роли, которая отводилась в древнерусском обществе просвещению, обучению, воспитанию и формированию личности.

Исследование лексико-семантической группы глаголов мышления, описание ее лексических составляющих и выявление характера их взаимосвязей показало, что исследуемая семантическая группа глаголов в древнерусском языке структурирована, и представления о процессах мышления в языковой картине мира Древней Руси образуют систему. При этом разграничение, структурирование и описание концептосфер, категоризованных в исследуемых лексемах, имеют значительно меньше чётких обоснований, чем, например, при

исследовании предметной лексики. Лексемы, которые номинуют отношения идеальной природы, занимают особое место в лингвистике. Признаки, которые характеризуют семантику такой лексемы, обозначаются чисто спекулятивным, рассудочным путём, что одновременно и упрощает, и усложняет задачу. Упрощает, поскольку в этом случае выделение семантических признаков осуществляется логически, рационально, что позволяет их сделать однотипными, сбалансированными, взаимосвязанными. Усложняет, поскольку адекватность моделируемых признаков и отношений в этом случае верифицируется только с точки зрения их пригодности, «операбельности» для исследования. Избранная методика описания и выделения признаков мышления позволяет построить содержательную модель фрагмента семантической системы древнерусского языка, которая демонстрирует представления, бытующие в древнерусском обществе, о процессах мышления, и сопоставить их с данными современного русского языка в семантическом развитии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: 1993. С. 3–12.
2. Батуев А.С. Высшая нервная деятельность. М.: 1991. 256 с.
3. Гальперин П.Я. К проблеме внимания // Хрестоматия по вниманию. М.: 1976. С. 220–228.
4. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. М.: 1983, т. 1. 391 с.
5. Немов Р.С. Психология. М.:1999.668 с
6. Психологический словарь. М.:1983.523 с.
7. Сеченов И.М. Избранные произведения. М.-Л.: 1952, т.1. 772 с.
8. Симонов П.В. Мотивированный мозг. М.: 1986. 283 с.
9. Солсо Р.Л. Когнитивная психология. М.: 1996.458 с.
10. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1–3. – СПб, 1893 – 1912. Репринтное издание. – М.,1989.

ДЕДИНКИН Александр Леонидович (*Витебск, Беларусь*)

кандидат исторических наук, доцент

Витебский филиал Международного университета «МИТСО»

alexanderdedinkin@yandex.by

ТЕРМИНОЛОГИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ «ВЕРБАЛЬНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ»: ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

Аннотация. Автором статьи сделана попытка терминологизации категории «вербальный экстремизм» как речевого правонарушения, совершаемого против государства, общества или индивида как представителя социальной группы по политическому, идеологическому, расовому, национальному, религиозному либо иному социальному признаку. Выделяют сегментонаправленный и полинаправленный; пропагандистский и агитационный; политический и социальный; эксплицитный и имплицитный виды вербального экстремизма. Каждый из видов вербального экстремизма имеет общие признаки: абстрактность конечной цели, повышенный эмоциональный фон передаваемой информации и отложенность действия.

Ключевые слова: вербальный экстремизм, юрислингвистика, конфликтогенный текст, противодействие экстремизму.

Abstract. The author of the article made an attempt to terminology the category of «verbal extremism» as a speech offense committed against the state, society or an individual as a representative of a social group on a political, ideological, racial, national, religious or other social basis. The segment-oriented and multi-directional; propaganda and agitation; political and social; explicit and implicit types of verbal extremism are allocated. Each of the types of verbal extremism has common features: the abstractness of the ultimate goal, the higher emotional background of the transmitted information, and the delay in action.

Keywords: verbal extremism, jurislinguistics, conflict text, counteraction to extremism.

Экстремистская деятельность чаще всего осуществляется с использованием в той или иной форме вербальной компоненты. В одних случаях речевая составляющая является самоцелью экстремизма (к примеру, пропаганда), в других случаях – этапом подготовки преступления (потенциальный экстремист прежде, чем совершить террористический акт, изучает пропагандистскую литературу, коммуницирует с лидером преступной группировки и единомышленниками). Авторы экстремистских текстов активно пользуются различными приемами информационного воздействия: от выражения речевой агрессии до речевого насилия над личностью.

Цель данного исследования – выработать интегративный юрислингвистический подход к определению вербального экстремизма, чтобы сформулировать обоснованные рекомендации для борьбы с ним.

На наш взгляд, самую удачную дефиницию вербального экстремизма в контексте юрислингвистической парадигмы предложила Н.С.Громова, которая определила его как *вид речевого правонарушения*, основанный на использовании комплекса языковых средств субъектом в процессе устной или письменной речи для осуществления экстремистской деятельности [4 : 213]. Данное определение является достаточно ёмким, однако оно не затрагивает сути ключевой в данном случае категории «экстремистская деятельность». Возникает ситуация, когда вслед за определением понятия «вербальный» нужно возвращаться к сущности «экстремистской деятельности» как таковой.

Целая группа авторов под вербальным экстремизмом рассматривает не само правонарушение, а *конфликтогенный текст соответствующего содержания*. Так, М.С.Власов [3 : 370] определяет вербальный экстремизм как высказывания, выражающие ненависть, враждебность по признакам принадлежности объекта описания к какой-либо социальной группе. Схожей является позиция исследователя М.В.Аблина, который под вербальным экстремизмом рассматривает высказывания, выражающие неприязненное, враждебное отношение к другим нациям или представителям других религий, а также содержащие призывы к борьбе с ними [1 : 5]. По сути идентичными являются суждения О.В.Артемяевой [2 : 8–9], которая в качестве примеров вербального экстремизма называет тексты, содержащие высказывания негативно-оценочного, враждебного, агрессивного либо уничижительного характера по отношению к лицам какой-либо этнической, конфессиональной или иной социальной группы. Авторами данных определений не учтено, что вербальный экстремизм, являясь

имманентной характеристикой экстремизма в целом, проявляется в агрессии не только в отношении той или иной социальной группы, но и против государства и общества в целом.

Некоторые исследователи, рассуждая о проявлениях вербального экстремизма, вообще не упоминают хоть какие-нибудь значимые маркеры экстремизма как такового. К примеру, Г.Р.Линкер и Ю.А.Никулина [6 : 74], полагают, что словесный экстремизм является целенаправленным актом передачи сообщений с негативной коннотацией посредством СМИ и сети Интернет. Т.В.Романова [7 : 56] рассматривает словесный экстремизм как «жонглирование» сознанием современной молодёжи в культурном и языковом аспектах, а также покушение на стереотипы и традиции. С.Н.Ильченко в качестве одного из проявлений вербального экстремизма исследует развлекательный дискурс «крепкого словца» [5 : 105–106].

Вербальный экстремизм с позиции юрислингвистики характеризуется наличием субъекта, объекта, цели и средств, с помощью которых осуществляется речевой акт.

Субъектом правонарушения является лицо, осуществляющее воздействие на объект правовой охраны и способное нести за это ответственность. Субъектами вербального экстремизма могут быть как отдельные лица, так и группы лиц или организации. От их имени могут осуществляться, к примеру, публичные призывы к экстремистским действиям.

Объектом правонарушения выступают те общественные отношения (интересы, блага), которым причиняется или может быть причинен ущерб со стороны субъекта. Объектами вербального экстремизма могут быть, к примеру, мир и безопасность человечества, государство и порядок осуществления власти и управления.

Цель является осознанным образом предвосхищаемого результата. Целью вербального экстремизма может быть, к примеру,

дискредитация Республики Беларусь, реабилитация нацизма или разжигание вражды или розни в отношении какой-либо социальной группы.

Средство представляет собой инструмент, с помощью которого достигается та или иная цель. Средством вербального экстремизма является текст. Экстремистский дискурс является многокодовым, т.е. включает различные знаковые системы, соответственно и тексты могут быть как вербальными, так и креолизованными (состоящими из вербальных и невербальных – визуальных, аудиальных – элементов).

Вербальный экстремизм выражается в *речевых актах*, повлекших или способных повлечь в будущем общественно опасные последствия. Подобные акты могут быть представлены, к примеру, в форме публичных выступлений на митингах или посредством размещения экстремистских материалов в средствах массовой информации или сети Интернет.

Из выше указанного следует, что основное отличие вербального экстремизма заключается в том, что это не конкретное действие, а процесс, который может иметь отложенную цель и длительную реализацию.

Вербальный экстремизм можно классифицировать по различным основаниям:

1. *Сегментонаправленный и полинаправленный* (в зависимости от широты потенциальной аудитории).

В первом случае охватывается не все слои общества, а только его определенная категория, следовательно, круг потенциальных реципиентов является достаточно ограниченным. Примером может являться возбуждение вражды футбольных болельщиков по отношению к сотрудникам правоохранительных органов. Автор текста использует соответствующие лексические маркеры, характерные для конкретной группы.

Во втором случае формируется негативный образ общего для всех врага. Этим «врагом» может быть, как социальная группа (к примеру, мигранты), так и государственная власть. Автор экстремистского текста привлекает широкий круг «единомышленников» и «сочувствующих»: от маргиналов до представителей высших слоев. Для этого используются общеупотребительные слова и выражения, понятные абсолютно всем.

2. *Пропагандистский и агитационный* (в зависимости от преследуемой цели).

Пропаганда как разновидность вербального экстремизма содействует распространению «обоснованной» информации, направленной на формирование у определенной группы лиц тех или иных идеологических установок. Цель в данном случае имеет, как правило, отложенный характер.

Агитация в обязательном порядке будет содержать призыв к действиям экстремистского характера. Соответственно и цель в данном случае будет завершённой: отсутствие немедленного результата будет свидетельствовать о недоработке автора. При этом агитационные тексты обычно не содержат логического обоснования той или иной позиции, а аргументы зачастую подменяются психологическим манипулированием.

3. *Политический и социальный* (в зависимости от объекта правонарушения).

Политический экстремизм опирается на тексты, связанные с призывами к насильственному изменению основ конституционного строя, нарушению целостности государства, воспрепятствованию законной деятельности государственных органов.

Социальный вид вербального экстремизма строится на текстах, выделяющих определенные группы людей, объединенных по признакам расы, национальности, языка, религии, происхождения, принадлежности к социальной группе и указывающих на их доминирование.

4. *Эксплицитный и имплицитный* (в зависимости от выражения адресованности).

Эксплицитная речевая агрессия в экстремистском тексте понимается как резкая форма агрессии. К языковым средствам, которые употребляются при выражении данного типа агрессии, относят экспрессивно окрашенную лексику, инвективы, грубо-просторечные слова и словосочетания, жаргонную лексику, а также высказывания, демонстрирующие открытую враждебность к реципиенту: угрозу или оскорбление.

Имплицитная речевая агрессия в экстремистском тексте предполагает её более мягкое проявление. К средствам выражения данного типа речевой агрессии относят: намеки, «искажение фактов», «неправомерное обобщение», «иронические замечания», «скрытые угрозы», а также пассивные формы коммуникации – «перебивание» или «лишение слова».

Каждый из видов вербального экстремизма имеет не только свои отличительные черты, но и общие признаки:

Во-первых, типичной характеристикой вербального экстремизма является *абстрактность конечной цели*. Это достигается тем, что авторами экстремистских текстов практически не применяются средства прямой агитации, редко используются открытые призывы к совершению экстремистских действий. Наиболее частотными и «действенными», с точки зрения идеологов экстремизма, являются имплицитные формы пропаганды. Именно пропаганда имеет такую специфическую черту, как невыявленность ее конечной цели, а, следовательно, абстрактность возможных последствий, что затрудняет противодействие ей с правовой точки зрения.

Во-вторых, типичной характеристикой вербального экстремизма является *повышенный эмоциональный фон* передаваемой информации. При осуществлении пропаганды экстремистских идей применяются, как

методы нейролингвистического программирования и речевого зомбирования, так и обычного эмоционального воздействия. Отсутствие рациональных доводов заменяется эмоциональностью способов и средств ретрансляции информации, что приводит к более ускоренному процессу принятия сообщения, поскольку не нужно тратить время на осознание логических посылов.

В-третьих, типичной характеристикой вербального экстремизма является *отложенность действия*. К примеру, даже если автор экстремистского текста провел определенную работу со своими адресатами, но никаких общественных потрясений не случилось, то адресаты продолжают быть законопослушными гражданами. Это происходит до того момента, пока они не усмотрят ущемления прав своей группы. Следовательно, носители экстремистской информации могут быть либо её ретрансляторами либо исполнителями.

Таким образом, вербальный экстремизм – это речевое правонарушение, совершаемое против государства, общества или индивида как представителя социальной группы по политическому, идеологическому, расовому, национальному, религиозному либо иному социальному признаку.

Вербальный экстремизм можно классифицировать по различным основаниям: сегментонаправленный и полинаправленный (в зависимости от широты потенциальной аудитории); пропагандистский и агитационный (в зависимости от преследуемой цели); политический и социальный (в зависимости от объекта правонарушения); эксплицитный и имплицитный (в зависимости от выражения адресованности).

Каждый из видов вербального экстремизма имеет общие признаки: абстрактность конечной цели, повышенный эмоциональный фон передаваемой информации и отложенность действия.

Формы существования экстремизма различны, но последствия одинаково губительны как для государства, так и для общества. При

этом если от невербальных действий последствия наступают строго определенные и, как правило, достаточно быстро, то результаты вербальной экстремистской деятельности могут быть не очевидны. Речь предшествует поступкам, поэтому при правильной организации профилактики экстремистской деятельности первичной должна стать борьба именно с вербальным экстремизмом, что позволит не допустить распространения экстремистской идеологии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аблин М. В. Экстремизм и экстремистские материалы в юрислингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 36 (290). С. 5–8.
2. Артемьева О. В. Языковые и речевые средства реализации словесного экстремизма (по материалам региональных СМИ) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева. 2010. № 3 (67). Т. 1. С. 8–14.
3. Власов М. С. Экспериментальное исследование восприятия и интерпретации потенциально экстремистского речевого произведения // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 3 (34). С. 370–372.
4. Громова Н. С. Вербальный экстремизм: к вопросу о границах термина // Вестник Костромского государственного университета. 2017. № 3. С. 211–214.
5. Ильченко С. Н. Вербальный экстремизм как дискурс развлекательного отечественного телевидения // Экстремизм и средства массовой информации : материалы Всерос. науч.-практ. конф., 23–24 ноября 2006 г. СПб. : Астерион. 2006. С. 105–109.
6. Линкер Г. Р. Лингвистическая экспертиза материалов экстремистского характера: основные понятия // Культура, духовность, общество. 2015. № 17. С. 73–77.
7. Романова Т. В. Манипулятивные речевые технологии экстремистских текстов // Журналистика и культура русской речи. 2012. Т. 62. № 2. С. 56–68.

ДЕРУНОВА Анастасия Андреевна (Минск, Беларусь)

кандидат филологических наук, доцент

Минский государственный лингвистический университет

derunovaa@gmail.com

СПОСОБЫ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА В АКТОВЫХ КНИГАХ МОГИЛЁВСКОГО МАГИСТРАТА

Аннотация. В статье рассмотрена структурно-смысловая организация текстов в актовых книгах Могилевского магистрата в августе 1578 года. Установлено, что тексты имели традиционную структуру, которая включает начальный протокол, основную часть и конечный протокол. Выявлены особенности оформления смысловых блоков текста, устойчивые сочетания и синонимичные конструкции, которые помогают в формировании смысловых блоков.

Ключевые слова: старобелорусский деловой язык, актовые книги, магистрат, смысловой блок, структурно-смысловая организация, устойчивое сочетание, начальный протокол, основная часть, конечный протокол.

Abstract. The article discusses the structural and semantic organization of texts in the act books of the Mogilev magistrate in August of 1578. It is established that the texts had a traditional structure, which included the initial protocol, the main part and the final protocol. The features of the organization of semantic blocks of the text, set word combinations and synonymous constructions that help in the formation of semantic blocks are revealed.

Keywords: Old Belarusian business language, act books, magistrate, semantic block, structural-semantic organization, set word combination, initial protocol, main part, final protocol.

В составе богатого письменного наследия старобелорусского делового языка заметное место занимают актовые книги городских магистратов. Это специальные книги, которые велись в судах ВКЛ в XVI–XVIII веках. В них фиксировались документы для придания им юридической силы («актыкаваліся»). Документы были нотариального, хозяйственно-финансового, государственного, судебного характера, частные документы: тэстаменты (завещания), купли, реестры, инвентари, привилеи, инструкции, декреты, универсалы, постановления, тарифы и т.д.) [7: 6]. Все записи в таких книгах осуществлялись по очереди, по мере поступления дел. Составлялись такие книги при магистратах.

Магистрат – это судебно-административное учреждение, орган городского самоуправления, его деятельность состояла в рассмотрении

криминальных, гражданских, административных дел. Появление магистратов в городах связано с получением городом магдебургского права, т.е. права на самоуправление [7: 5–6].

Актовые книги магистратов дошли до нас в большом количестве. Главной функцией актовых книг становилось создание удобства сохранения и использования большого объема письменной документации [3: 5].

Актовые книги по своей значимости и востребованности были разными: одни использовались для сохранения документов, к ним обращались, если нужно было восстановить документ, другие использовались как источник правовой информации [3: 5]. Как указывает историк А.И. Груша, записи в книгах были видом первичных документов, они не всегда предназначались для выдачи сторонам, но они всегда оставались при определенном служебном лице или учреждении и имели правовую силу [3: 6].

Язык, который использовался при составлении актовых книг, фиксировал живую народную речь, а значит, сохранившиеся письменные источники дают богатый материал для изучения региональных особенностей старобелорусского языка.

Закономерности построения деловых документов хорошо изучены по отношению к старорусскому языку [4], описание региональных деловых текстов продолжает оставаться актуальным направлением современного исторического языкознания [8, 12]. В белорусском языкознании изучением региональных памятников письменности занимаются Т. Г. Трофимович [13, 14], Н. В. Полещук [9, 10, 11], О. А. Климкович [5, 6].

Как отмечает Н.Н. Улащик, городские книги Могилёва сохранились в большом количестве и велись они очень старательно [15: 172]. Наибольшее количество документов Могилёвского магистрата опубликовано в «Историко-юридических материалах», которые

выходили в Витебске в 1871–1906 гг., 32-й том этого издания полностью посвящен могилевским актовым книгам 1577–1578 гг. Продолжением публикации могилевских актовых книг за 1578–1580 гг. стал 39-й том «Актов Виленской археографической комиссии» в 1915 г. [7: 8]. Именно он и стал источником для исследования текстов актовых книг. Всего в 39-м томе размещено 2035 актов. Это различные по жанру документы: решения по делу, заявления, подтверждения, назначения, жалобы, поручительства, протесты и т.д.

Нами проанализировано 40 актов, зарегистрированных в августе 1578 года. Записи в книге актов представлены назначениями, заявлениями, решениями по делу, жалобами, подтверждениями. Книга составлялась одним человеком – писарем места Могилевского Яном Собановским [1: VI].

В проанализированных документах можно установить три части: начальный протокол, основную часть и конечный протокол (или зачин, содержательную часть и концовку).

В зачине или начальном протоколе присутствует смысловой блок, указывающий на дату составления записи, он обнаружен во всех проанализированных записях. В зависимости от порядка рассмотрения дела на заседании магистрата оформление записи о дате составления имело варианты. Если это была первая запись, то она оформлялась с полным указанием даты: *Року тисеча пятсотъ семьдесят осмог июлля деветнадцатог дня; Року тисеча пятсотъ семьдесят осмого мсца июна дватцать третег дня, в середу; Року тисеча пятсотъ семьдесят осмого мсца июлля дватцать пятого дня у пятницу*. Если это были последующие записи, то указание на дату оформлялось кратко: *Тогож дня* или *Июлла деветнадцатого дна*.

Далее в документе следовала конструкция, в которой указывалось, кто рассматривает дело, кто является инициатором рассмотрения дела, кто выступает ответчиком, изложение содержания дела.

Первым указывалось на то, кто проводит разбор дела. Это мог быть войт Миколай Ясенский или же «войтовство». Следовательно, записи осуществлялись следующим образом. При назывании Миколая Ясенского следовало указание всех должностей и званий: *Пры бытности на тот чась велемого пна, пна Миколая Ясенског, писара его кр. мсти великого князства Литовского, поткоморого земли Виленьское, державцы Любошаньского, войта места гдрьского Могилевского упривилеваного*. Если заседал «урад войтовства», то указания всех лиц, участвовавших в рассмотрении дел, не требовалось, следовала краткая запись *постановившисе очевисто на вряде войтовства Могилевского / постановившисе очевисто перед урядомъ войтовства Могилевского*. Для оформления этой части предложения использовались устойчивые сочетания *постановившисе очевисто на ... / постановившисе очевисто перед ... / ставши очевисто ... / при бытности (только пана)*. Они зафиксированы практически во всех рассмотренных актах (36 записей).

Сразу же за перечислением рассматривающих дело, следует указание того, кто обратился в магистрат с именованим или без такового социального положения лица, но с обязательным прилагательным *учтивый* 'уважаемый' [2, т. 35: 357]: *учтивы Мартинъ Кузница ... ; учтивы Олексей Зеновевичъ, мещанинъ Могилевски, ... ; учтивы Есипъ Павловичъ, мещанинъ Могилевски, ... ; Исай Иванович, слуга местьски, ...; учтивы Иванъ Давыдович, з села ш Човусевичъ попъ; после чего указывается имя ответчика с прилагательным *учтивы* и возможно указание его социального статуса: ... *Гаврила Ивановича, мещанина Могилевского; ... учтивога Игната Романовича; ... учтивога Андрея Атрошьковича*.*

В магистрате рассматривались разные дела, поэтому в основе конструкции использовались разные глаголы и устойчивые сочетания: *жаловал и оповедалъ на ... ; светчилсе и оповедалсе на ...; чинил*

оповедане и светчене на ...; чинил оповеданье; чинил жалобу на ... ; чинил жалобу и припоминанье на ...; заложили межи собою закладъ ...; оказалъ лист; учинил сознане; выручили з везенья. После этого идет изложение сути дела.

В зависимости от рассматриваемого дела, количество смысловых блоков и их оформление в содержательной части варьируется. При рассмотрении претензий одной стороны другой записывались слова истца и ответчика. Слова ответчика фиксируют конструкции *чинечи отпор, поведиль, ...; А на томъ поведил ...; на то сторона отпорная ... поведиль ...*. После рассмотрения дела со всех сторон магистрат выносил решение. Смысловый блок о решении магистрата фиксируют конструкции: *уряд, выслухавши жалобы и отпору сторонъ, сказалъ ...; уряд, выслухавши жалобы и отпору сторонъ и добре вырозумевши ... сказалъ и присудиль.*

В актовые книги вносились не только решения суда, но и заявления, жалобы, поэтому в конце содержательной части следует блок с просьбой обратившихся о записи заявления: *и просили з обу сторон, абы то было до книг записано; оповеданье и сознанье слуги мѣстского далъ до книгъ вряду войтовского записать; до книг войтовскихъ записати далъ.*

Отметим, что для передачи слов истца и ответчика используется частица дей 'будто' [2, т. 8: 20]: *учтивы Мартинъ Кузница чиниль оповеданье, иже дей року минувлого ... ; А учтивы панъ Жданъ Лопата, чинечи отпоръ, поведиль, штож дей я до него жадно потребы не мел ...; Учтивы Есипъ Яковлевичъ светчилсе и оповедалсе, иж дей я, маючи пильную потребу свою,*

Поскольку магистрат всегда заседал в специальном здании ратуши, то указания на место составления документа не требовалось [7: 12]. Именно поэтому конечный протокол в таких документах отсутствует.

Таким образом, в рассмотренных записях книги Могилевского магистрата наблюдается сформированная структурно-смысловая организация актовых текстов. Жанр документа и особенности ведения документооборота коррелируют с составом смысловых блоков. В текстах документа используются устойчивые сочетания и синонимичные конструкции.

Дальнейшее последовательное рассмотрение структурно-смысловой организации всех текстов в актовой книге Могилёвского магистрата позволит установить степень распространения смысловых блоков в зависимости от жанра внесённого документа, а описание способов организации актовых записей позволит установить особенности формирования актового языка определённого региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты Виленской археографической комиссии. Т.39 : Акты Могилевского магистрата XVI в.: [1578–1580 гг.]. – Вильнюс: Русскій Починъ, 1915. – 674 с.
2. Гістарычны слоўнік беларускай мовы : у 37 вып. / рэдкал. : А. М. Булыка (гал. рэд.) [і інш.]. – Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., Ін-т мовазнаўства ім. Я. Коласа. – Мінск : Бел. навука, 1982 – 2017.
3. Груша, А. Актавыя кнігі ў Вялікім Княстве Літоўскім у XV – першай трэці XVI ст. / А. Груша // Беларускі гістарычны часопіс. – 2015. – № 10. – С. 5–12.
4. Дерягин, В.Я. Русская деловая речь на Севере в XV–XVII вв. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01. / В.Я. Дерягин ; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. – М., 1980. – 50 с.
5. Климкович, О. А. Структурно-смысловая организация текстов в Судебной книге витебского воеводы, господарского маршалка, волковыского и оболецкого державцы М. В. Ключко 1533–1540 гг. / О. А. Климкович // Вестник Полоцкого государственного университета : научно-теоретический журнал. – 2019. – № 10. – С. 93–99.
6. Климкович, О. А. Формуляр старорусских и старобелорусских деловых документов XIV—XVI веков: монография / О. А. Климкович. – Витебск : ВГУ, 2015. – 163 с.
7. Магілёўскі магістрат 1580–1581, 1588. Выпуск 1. Беларусь у актавых кнігах XVI–XVII стст. / Склад. З. Я. Яцкевіч, А.А. Лашкевіч. – Мн. : БелНДІДАС, 1999. – 462 с.
8. Пирогова, А. В. Дозорные книги городов Московского государства первой трети XVII в. в аспектах исторической стилистики и лингвистического источниковедения : автореф. дис. ... канд. фил. наук : 10.02.01 / А. В. Пирогова ; Нижневарт. гос. гуманит. ун-т. – Архангельск, 2013. – 27 с.
9. Паляшчук, Н. В. Жанравыя адметнасці полацкіх дакументаў / Наталля Паляшчук // Полацкія чытанні – 2017 : зборнік матэрыялаў рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі (г. Полацк, 2 верасня 2017 г.) / [адказны рэдактар В. У. Міцкевіч]. – Мінск, 2017. – С. 154–164
10. Паляшчук, Н. В. Жанравыя асаблівасці выракаў / Н. В. Паляшчук // Філолагічны часопіс. Вип. 2 (10). – 2017. – С. 183–191.

11. Паляшчук, Н. В. Структура і фармуляр актаў "Кнігі запісаў" (1522–1552 гг.) / Н. В. Паляшчук // Дыялекталогія і гісторыя беларускай мовы : матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі, Мінск, 15—16 красавіка 2008 г. / [навуковыя рэдактары: Л. П. Кунцэвіч, Н. В. Паляшчук]. – Мінск, 2008. – С. 296–302.

12. Стародубцева, А. Н. Скорописные тексты делопроизводства Тобольского губернского правления конца XVIII в. как лингвистический источник: функционально-стилистический и источниковедческий аспекты : автореф. дис. ... канд. фил. наук : 10.02.01 / А. Н. Стародубцева ; Тобол. гос. соц.-пед. акад. им. Д. И. Менделеева. – Архангельск, 2013. – 25 с.

13. Трофимович, Т.Г. Актовые книги городских магистратов среди источников по истории белорусского языка / Т. Г. Трофимович // Нацыянальная мова і нацыянальная культура: аспекты ўзаемадзеяння : зборнік навуковых артыкулаў [па матэрыялах канферэнцыі / рэдкалегія: Д. В. Дзятко (адказны рэдактар) і інш.]. – Мінск, 2009. – С. 145–148.

14. Трофимович, Т.Г. Актовые книги городских магистратов как источник по истории языков Великого Княжества Литовского. – Режим доступа: <http://elib.bspu.by/handle/doc/6993>

15. Улащик, Н.Н. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. – М. : Наука, 1973. – 301 с.

ДМИТРИЕВА Юлия Леонидовна (*Горловка, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент

Донецкий государственный педагогический университет

juls88dmutrieva@yandex.ru

СТРУКТУРНЫЕ МОДЕЛИ СРАВНЕНИЙ В ПОВЕСТИ «КОЛХИДА» К. Г. ПАУСТОВСКОГО

Аннотация. В статье приводятся несколько дефиниционных моделей сравнения, которые иллюстрируют как многоаспектность его рассмотрения, так и сложность описываемого феномена. Выделены основные компоненты структуры сравнения, а именно: предмет, объект и признак сравнения. Подчеркивается значимость сравнения для процесса познания, поскольку с помощью данного средства происходит соотнесение предмета по конкретному признаку с объектом сравнения (или эталоном). Кроме того, автор дифференцирует устойчивые и индивидуально-авторские сравнения. Также в работе приводятся структурные модели сравнений, функционирующих в тексте произведения К.Г. Паустовского «Колхида».

Ключевые слова: образность, сравнение, устойчивое сравнение, индивидуально-авторское сравнение, дефиниционная модель, структурная модель.

Abstract. The article provides several definitional models of comparison, which illustrate both the multidimensional nature of its consideration and the complexity of the described phenomenon. The main components of the comparison structure are highlighted, namely: the subject, the object and the sign of comparison. The importance of comparison for the process of cognition is emphasized, since with the help of this tool, the object is correlated according to a specific feature with the object of comparison (or standard). In addition, the author differentiates settled and individual author's comparisons. The paper also provides structural models of comparisons functioning in the text of K.G. Paustovsky's work "Colchis".

Keywords: imagery, comparison, settled comparison, individual author's comparison, definitional model, structural model.

В современной парадигме научного знания актуально изучение средств создания и репрезентации образности. Исследуются как собственно образные единицы языка (см. работы Н.А. Илюхиной, Е.А. Юриной, Ю.Л. Дмитриевой, Т.А. Дьяковой и др.), так и тропы и фигуры. В фокусе внимания исследователей остаётся и сравнение, которое рассматривают и как единицу фразеологической системы русского языка (В.М. Мокиенко, Л.А. Лебедева, Л.Г. Бойко, С.Л. Михеева и др.), и как стилистическое средство создания образности (Н.Д. Миронова, С.А. Садовников, М.М. Паршукова, М.Р. Сайфитдинова и т.д.). Так, в работах Р.М. Болгаровой и Э.А. Исламовой сравнения анализируются с точки зрения вхождения в их состав тюркизмов. Н.М. Девятова анализирует конструкции с союзами *чем, нежели* как одну из структурных моделей сравнения, функционирующую в современном русском языке. Кроме того, проводятся типологические сопоставления конструкции и семантики сравнения в русском, немецком, испанском, английском, корейском языках (М.М. Паршукова, Н.Н. Меньшакова, М. Мелисова и др.). Однако нет системного описания особенностей употребления, семантики и структурных моделей сравнений, функционирующих в языке того или иного писателя как носителя определённой, в частности русской, лингвокультуры. Этим обуславливается актуальность данной работы.

Отметим, что в открытом доступе представлены работы по изучению особенностей идиостиля К.Г. Паустовского (Ю. Любезнова, Н.А. Мазурова), средств репрезентации концептосферы цвета в творчестве писателя (Т.В. Сивова), концепта “Алтай” в его художественной прозе (А.А. Чувакин), концепта “Восторг” (М.В. Енева) и т.д. Однако нет исследования сравнения в произведениях литератора. Что также обуславливает актуальность данной работы.

Цель статьи – выделение и описание дефиниционных и структурных моделей сравнения. Материалом исследования стал текст повести К.Г. Паустовского «Колхида».

При проведении исследования использовался метод моделирования для построения дефиниционных и структурных моделей сравнения, а также общенаучные методы анализа, синтеза, обобщения. Кроме того, при анализе эмпирического материала использовался метод словарной дефиниции ключевого слова, также применялась методика контекстного анализа. При подсчёте использованных автором сравнений с использованием различных структурных компонентов использовался количественный метод.

Сегодня сравнение определяется по нескольким дефиниционным моделям. Будучи объектом исследовательского интереса философов, филологов, математиков, логиков, психологов и др., оно рассматривается и как познавательная операция, и как логическая операция, и как конкретное действие, направленное на выявление тождественных и дифференциальных признаков сравниваемых фактов, и как термин поэтики, и как один из эффективных приёмов методики преподавания дисциплин. Так, К.Д. Ушинский считал, что «вся познавательная деятельность учащегося опирается на сравнение уже известного с неизвестным, на выделение неизвестных элементов и их усвоение» (цитируется по [1: 290]). А.А. Потебня выдвигал тезис о доминантности сравнения при познании человеком онтологического мира. Сравнение считается одним из основных способов, используемых познающим субъектом при определении места и роли какого-либо факта действительности в выстраиваемой системе знаний о мире.

В «Новой философской энциклопедии» оно определяется по модели «сравнение – акт мышления». С помощью данного акта упорядочивается, классифицируется поступающая к человеку информация об окружающей действительности. Предпосылкой же

указанного акта, по мнению М.М. Новосёлова, служит «реальное сходство и различие объектов познания, их признаки и отношения между ними» [8: 625]. Так, сравнение выступает инструментом не столько постижения мира, сколько осознания связей между объектами, их схожести и отличий, многообразия. Однако сравнение возможно лишь при условии наличия у объектов сходства. Собственно, данный акт выявляет «отношения тождества и различия» [Там же].

Кроме того, в философии науки используется дефиниционная модель «сравнение – операция сопоставления нескольких объектов, с целью выяснения степени их взаимного подобия». Отмечается, что сравнение – универсально: оно лежит в основе многих методов научного познания, а также научных приёмов и способов классификации познаваемых фактов действительности.

Рассматриваемая операция предполагает не только сравнение нескольких объектов, имеющих тождественные признаки, но и сравнение какого-либо факта с имеющимся эталоном. «Совпадение изучаемых объектов (вещей, явлений, событий и т.д.), – отмечает С.С. Гусев, – по целому ряду характеристик позволяет учёным переходить от знания об отдельных элементах мирового устройства к более общему знанию о классах, в содержание которых входят элементы, обладающие фиксированным сходством» [4].

Сравнение также квалифицируется в философии, методологии научного познания, психологии как одно из важнейших средств познавательной деятельности. Данное понимание сохраняется за рассматриваемым феноменом и в филологии. Так, в «Полном словаре лингвистических терминов» Т.В. Матвеевой сравнение определяется как «грамматически оформленное образное сопоставление двух явлений, целью которого является выделение важного для говорящего признака объекта речи» [6: 454].

Сравнение квалифицируется и как средство образности, и как когнитивный механизм познания человеком окружающего мира. «Познание и состоит в отыскании и определении признаков, – пишет В.В. Колесов, – которые в последовательности качественной смены одного другим всё надёжнее обрисовывали в человеческом сознании контуры внешнего мира» [5: 12]. Так, сначала познающий субъект выделяет признак того или иного факта действительности, затем акцентирует внимание на его доминантном свойстве и «как завершение поисков – существенности его качества» [Там же]. Категория «качественности» интерпретируется учёным как общая и философская, однако таковой она становится по мере того, как из совокупности словесных образов продуцируется адекватное реальности знание об онтологическом мире.

В.В. Колесов отмечает, что ряд признаков вычленяется познающим субъектом при непосредственном взаимодействии с объектом действительности. Другие же вычленяются при сопоставлении предмета познания с эталоном, или объектом сравнения.

Исследователи строят универсальную модель сравнения, которая включает три компонента: предмет сравнения, объект сравнения и признак сравнения. Например, в предложении *Фарфоровые листья рододендронов валялись в траве, как морские звёзды* [10: 538] предмет сравнения выражен словосочетанием *листья рододендронов*, объект сравнения вербализирован конструкцией *морские звёзды*, а признак сравнения репрезентирован предикатом *валяться*.

Отметим, что А. Вежбицкая определяет сравнение как основу метафоры, называя последнюю «сокращённым сравнением», и выделяет в его «глубинной структуре семантический элемент “можно сказать”» [3: 146]. Исследователь представляет структуру сравнения следующей формулировкой: «можно сказать, что это могло бы быть» (ср. «можно сказать, что листья рододендронов могли бы валяться как

морские звёзды»). Так, в предложении *Он радовался тому, что впервые в жизни устраивает такой пир под открытым небом – совсем как на картине Бечо, пир на сто человек, – а ужасался тому, что не хватило скатертей и может не хватить посуды* [10: 593] сопоставляются описываемые в тексте реалии с картиной, изображённой одним из персонажей. Ср.: **Бечо** *рисовал масляными красками на стене духана необыкновенную картину. Сюжет картины ему подсказал Габуня. Она изображала Колхиду в будущем, когда вместо обширных тёплых болот эта земля зацветёт садами апельсинов. Золотые плоды, похожие на электрические лампочки, горели в чёрной листве. Розовые горы дымилась, как пожарище. Белые пароходы проплывали среди пышных лотосов и лодок с нарядными женщинами. В садах пировали мингрелы в галифе и войлочных шляпах, и ко всему этому детскому пейзажу простирал руки старик в черкеске, с длинными вьющимися волосами и лицом Леонардо да Винчи* [Там же: 501]. Сравнение грамматически оформлено с помощью союза *как*, 'присоединяющего сравнительные обороты и сравнительные придаточные предложения; употребляющегося при отождествлении' [2: 410].

Отметим, что под именем художника Бечо в «Колхиде» К.Г. Паустовского описан «известный грузинский художник-самоучка Нико Пиросманишвили. Этот бездомный и необыкновенно талантливый человек писал картины по заказу посетителей духанов. Кроме картин Пиросманишвили оставил после себя много чрезвычайно живописных и блестяще написанных вывесок для духанов» [10: 617–618]. К картине Бечо на протяжении всего произведения обращаются главные герои и сама картина воспринимается, скорее как образ будущего, к которому все стремятся и который пытаются достичь. Это образная визуализация представлений о Колхиде, написанная в красках программа действий,

которая постоянно меняется в зависимости от описываемой поры (утро, день, вечер) или происходящих событий.

Соответственно, эксплицируя структуру сравнения в приведённом примере, «можем сказать, что пир, устраиваемый хозяином духана, мог бы быть таким, как изображённый на стене его заведения» (согласно формулировке А. Вежбицкой). Основанием для отождествления является символическое значение картины для всех персонажей художественного текста, раскрытое в самом начале произведения и постоянно так или иначе повторяемое. Данный образ можем квалифицировать как эталон (объект) сравнения, к которому стремятся и с которым постоянно сопоставляют получившиеся результаты.

В современной лингвистике сравнение рассматривается также как часть фразеологической системы русского языка. По словам В.М. Мокиенко, «оно – не просто способ наименования окружающей действительности, но и весьма яркое средство её оценки» [7: 37]. Выделяются как устойчивые (*как лист бумаги, как ливень, как кошка* и т.д.), так и индивидуально-авторские сравнения (*как гроздь черники, как отару серых овец, как в сумерки* и др.). Ср.: *Страна была плоской, как лист бумаги, и не больше, чем лист бумаги, выдавалась над уровнем моря* [10: 520]; *Звёзды, очевидно, падали в горах, как ливень, и в Колхиде каждую ночь начиналось невиданное наводнение* [Там же: 564]; *Гулия вошёл мягко, как кошка* [Там же: 571]; *На них, как гроздь черники, висели тысячи маленьких спрессованных шишек* [Там же: 582]; *Он гнал тучи, как отару серых овец, прижимал их к стене Гурийских гор* [Там же: 501]; *Когда Гулия гнал по этим рекам лодку, то иногда днём бывало темно, как в сумерки: леса смыкались над водой тяжёлым шатром* [Там же: 520].

Отметим, что в концепции языкового образа Е.А. Юрина включает сравнения в образные выражения, т.е. причисляет к средствам вербализации языковых образов. Однако исследователь считает, что

выражают образы только устойчивые образные сравнения и образные словосочетания с творительным сравнения (см. [11: 47]). В ряде работ сравнение рассматривается как стилистическое средство образности. Так, В.В. Одинцов выделяет несколько факторов, которые вызывают «образную трансформацию» сопоставления. В их числе следующие (изложено по [9: 534]):

- «сопоставлением разноплановых (семантически далёких) понятий»: *Он легко шёл через толпу, как через пустую площадь, отстраняя зевак* [10: 503]. В приведённом примере прохождение персонажем толпы сравнивается с прохождением пустой площади. Основание не названо в тексте, однако оно легко восстанавливается из описываемой ситуации: прохождение сквозь толпу было воспринято как идентичное прохождению пустого пространства. Отметим, что данное сравнение трансформировано автором художественного текста. В «Большом словаре русских народных сравнений» зафиксировано сравнение *огромный, как площадь*, т.е. 'об очень большом, просторном зале, помещении' [7: 507];

- «усложнением или развёртыванием объекта или средства сравнения»: *Изредка он жонглировал щёткой, бешено вертел её, как парходный винт, и тихо покрикивал* [10: 516]. В словаре, фиксирующем образные сравнения русского языка, помещена словарная статья с ключевым словом *винт* (см. [7: 97]), однако в ней не упоминается, во-первых, компонент *парходный*, во-вторых, употребление в значении 'скорости вращения, подобной механизму'. Соответственно, в данном примере актуализируется представление о 'каком-либо мощно вращающемся механизме' [7: 97], а затем сравнивается с данным механизмом манера персонажа вертеть щёткой;

- «опущением союза»;

- «нарушением форм синтаксической соотнесённости (влияние конструкций разговорной речи), что характерно для некоторых поэтических текстов».

Таким образом, в современной науке сравнение определяется по нескольким дефиниционным моделям, в числе которых «сравнение – акт мышления», «сравнение – операция сопоставления нескольких объектов, с целью выяснения степени их взаимного подобия», «сравнение – грамматически оформленное образное сопоставление двух явлений, целью которого является выделение важного для говорящего признака объекта речи». В филологии подчёркивается образность сравнения и эксплицируется его структура «можно сказать, что это могло бы быть».

В современных исследованиях, посвящённых как сравнению в целом, так и устойчивым сравнениям выделяют несколько особенностей их грамматического (структурного) оформления. Так, основным признаётся оформление сравнения с помощью союзов *как*, *будто*, *словно*, *точно*, *ровно*, *как будто*. Отметим, что в повести «Колхида» К.Г. Паустовского нами было выделено 50 сравнительных конструкций с союзом *как*, 6 конструкций с союзом *будто*, 8 – с союзом *как будто*, 1 – с союзом *точно*. Сравнения, вводимые союзами *словно* и *ровно*, в тексте произведения не зафиксированы.

Выделенные сравнения построены по разным структурным моделям. Так, в тексте превалирует модель «*как* + имя существительное». Ср.: *Ломонос всползал на деревья и переламывал их, как траву* [10: 506]; *Розовые горы дымилась, как пожарище* [Там же: 501]; *Всё это подлежало уничтожению и ощущалось им как помеха* [Там же: 506]; *Женщина шла как во сне* [Там же: 511]; *Как во сне, она вошла в маленький белый дом, где медные барометры согласно показывали на «переменно», а под потолком висела модель белого клипера с позолоченным бугшпритом* [Там же: 511]; *В густом сумраке*

у подножия деревьев буйно, **как крапива**, разрастался удушливый папоротник [Там же: 516]; *И тогда влез в разговор Ваню и как кинжалом ударил в моё сердце* [Там же: 517]; *Когда Гулия гнал по этим рекам лодку, то иногда днём бывало темно, как в сумерки: леса смыкались над водой тяжёлым шатром* [Там же: 520]; *Страна гладкая, как тарелка* [Там же: 525].

Используются в тексте и сравнения, построенные по модели «как + имя прилагательное + имя существительное». Ср.: *Дождь медленно надвигался с моря. Он лежал над водой, как тяжёлый дым* [10: 500]; *Ваню не любил молодого ботаника за его американские костюмы из мохнатой розовой шерсти и изысканные манеры. Ваню казалось, что ботаник смотрит на советские дела свысока, как знатный иностранец* [Там же: 504]; *Обоняние у нас было развито, как у капризных женщин* [Там же: 513]; *Я говорю тебе истинную правду, как родной матери* [Там же: 517]; *Речь эта вилась вокруг его памяти, как назойливый комар, но Гулия никак не мог поймать её* [Там же: 517]; *Пёс лежал на боку, изредка вскидывал голову и страшно лязгал зубами: он пытался поймать летучих мышей, как назойливых мух* [Там же: 521]; *Они были залиты этим лаком, твёрдым, как прозрачная сталь* [Там же: 529].

Также в повести функционируют следующие модели сравнения:

а) «как + имя существительное + именное словосочетание»: *Дул юго-западный ветер. Он гнал тучи, как отару серых овец, и прижимал их к стене Гурийских гор* [10: 500];

б) «как + имя прилагательный»: *Перед каждым рейсом мы его покрывали лаком, и он всегда блестел, как мокрый* [10: 512];

в) «как + имя существительное + имя существительное + причастный оборот»: *Инженеры звали эти реки «паразитами» и «маляриками». Паразитами – за то, что они питались чужой водой, переливавшейся в низины из Риона и Хопи, а маляриками – потому,*

что течение этих рек было медлительным, как походка человека, замученного лихорадкой [10: 520];

г) «как + имя существительное + имя существительное»: *Страна была плоской, как лист бумаги, и не больше, чем лист бумаги, выдавалась над уровнем моря* [10: 520].

Кроме того, сравнения могут быть оформлены и с помощью форм сравнительной степени имён прилагательных и наречий, творительным падежом со значением сопоставления, а также лексическими средствами со значением сравнения (однако слова типа *похож, сходен с, подобен, напоминает* и др. не все учёные причисляют к средствам репрезентации сравнений). Данные средства не были объектом нашего исследовательского интереса.

Итак, сравнение в современной лингвистике рассматривается как одно из образных средств, поскольку соотносит объекты из разных сфер (не имеющих ничего общего, или основания для сравнения). Это одно из средств познания, которое позволяет классифицировать факты онтологического мира. В рамках теории образа сравнения рассматриваются как средства выражения образа в силу того, что они позволяют соотнести несколько различных фактов действительности. Кроме того, в рамках сравнения происходит сопоставление с образом-эталоном. И те, и другие наглядно и образно характеризуют факты действительности, позволяют репрезентировать образ мира во всей его полноте, а также транслируют основные культурные ценности.

В русском языке сравнения оформляются с помощью союзов *как, как будто, будто, словно*, а также формами сравнительной степени имён прилагательных и наречий, именами существительными в творительном падеже со значением сравнения.

В повести «Колхида» К.Г. Паустовского используются следующие структурные модели сравнений: «как + имя существительное», «как + имя прилагательное + имя существительное», «как + имя

существительное + именная словосочетание», «как + имя прилагательный», «как + имя существительное + имя существительное + причастный оборот», «как + имя существительное + имя существительное». Однако данное описание не исчерпывает все особенности сравнений в художественном тексте. Перспективой исследования является изучение не только структурных, но и семантических особенностей. Кроме того, необходимо разграничить устойчивые сравнения и индивидуально-авторские средства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Изд-во ИКАР, 2009. 448 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2000. 1536 с.
3. Вежбицкая А. Сравнение – градация – метафора // Теория метафоры: сб. / Пер. под ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной; Вступ. ст. [с. 5–32] и сост. Н.Д. Арутюновой; [Авт. примеч. М.А. Кронгауз]. М.: Прогресс, 1990. С. 133–152.
4. Гусев С.С. Сравнение // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Под ред. И.Т. Касавина. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2009. Текст : электронный // https://epistemology_of_science.academic.ru/ : [сайт]. URL : https://epistemology_of_science.academic.ru/768/сравнение (дата обращения: 20.01.2024).
5. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси / ЛГУ им. А.А. Жданова. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1986. 311 с.
6. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 562 с.
7. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. 800 с.
8. Новосёлов М.М. Сравнение // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 3 / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд; Научно-ред. совет: предс. В.С. Степин, заместители предс.: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. М.: Мысль, 2010. С. 625–626.
9. Одинцов В.В. Сравнение // Русский язык : энциклопедия / [под ред. Ю.Н. Караулова]. М.: Большая Российская энциклопедия: Дрофа, 2007. С. 534.
10. Паустовский К.Г. Колхида // Собрание сочинений в 9-ти т. Т. 1. Романы и повести / Вступ. ст. Г. Трефиловой; Прим. Л. Левицкого. М.: Худож. лит., 1981. С. 500–599.
11. Юрина Е.А. Образная лексика русского языка. Часть I: Семантика: учебн. пособие. Томск, 2007. 130 с.

КЛИМКОВИЧ Ольга Александровна (*Витебск, Беларусь*)

кандидат филологических наук, доцент

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

olga-klimkovich@mail.ru

МИКРОПОЛЕ СУБЪЕКТОВ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ТОЧНОСТИ И СРЕДСТВА ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В СТАРОРУССКИХ И СТАРОБЕЛОРУССКИХ ДЕЛОВЫХ ТЕКСТАХ XVI В.

Аннотация. В статье рассматриваются способы репрезентации микрополя субъектов функциональной семантико-стилистической категории точности в старорусских и старобелорусских деловых текстах XVI в. Выявлены и охарактеризованы особенности субъектной организации текстов разных жанров, лексико-грамматические единицы, используемые в разных жанрах при упоминании Бога, распространяющие мужские и женские одно-, двух- и трехсловные антропонимы.

Ключевые слова: старорусские и старобелорусские деловые тексты, историческая стилистика, функциональные семантико-стилистические категории, точность, средства репрезентации.

Abstract. The article examines the ways of representing the micropole of subjects of the functional semantic and stylistic category of accuracy in Old Russian and Old Belarusian business texts of the XVI century. The features of the subjective organization of texts of different genres, lexical and grammatical units used in different genres when mentioning God, spreading male and female one-, two- and three-word anthroponyms are identified and characterized.

Keywords: old Russian and Old Belarusian business texts, historical stylistics, functional semantic and stylistic categories, accuracy, means of representation.

Изучение деловых текстов в аспекте исторической стилистики представляет собой актуальное направление современной лингвистики как в русском, так и в белорусском языкознании (работы С. С. Волкова [1], В. Я. Дерягина [3], Е. И. Зиновьевой [6], О. В. Трофимовой [12], Т. Г. Трофимович [13], Н. В. Полещук [10] и др.). Традиционно в этом случае предметом исследования становятся структурные особенности деловых текстов, употребление в них устойчивых единиц разных типов, характеристика лексических, морфологических или синтаксических особенностей, обусловленных жанром исследуемых текстов, местом или временем их создания. Отметим, что с начала XXI века в единичных работах одним из параметров стилистической характеристики деловых текстов в XVII–XVIII вв. становятся особенности репрезентации

отдельных текстовых категорий (Н. В. Глухих [4], С. Ф. Руднева [11]). Указанное направление кажется нам наиболее перспективным, поскольку 1) позволяет соотнести средства разных языковых уровней с наиболее значимыми стилевыми чертами исследуемых текстов; 2) дает возможность проследить изменения в использовании средств репрезентации отдельных текстовых категорий, таким образом установить особенности развития основных стилевых черт деловых текстов в диахронии.

Среди текстовых категорий исследователями Пермской научной школы (М. Н. Кожинной [8], Т. Б. Ивановой [7], Т. В. Матвеевой [9] и др.) были обозначены функциональные семантико-стилистические категории (далее ФССК), состав которых и средства репрезентации достаточно активно исследуются в текстах научного и публицистического стилей. Подобные работы, выполненные на материале текстов официально-делового стиля, встречаются реже (М. А. Ширинкина [14]).

Доминирующими стилевыми чертами современного официально-делового стиля следует назвать точность, стандартизованность, императивность [СЭС: 274–275]. Эти стилевые черты соотносятся с аналогичными ФССК: стереотипности, точности, императивности. Изучение особенностей использования средств репрезентации ФССК в деловых текстах донационального периода позволит детализировать историю развития деловой письменности и выявить универсальные и специфические жанровые и территориальные признаки таких текстов. Сопоставительное изучение старорусских и старобелорусских деловых текстов в таком направлении позволит определить особенности становления двух восточнославянских языков и выявить национальное своеобразие культурных традиций.

ФССК_{ТОЧН.} является важнейшей в любом деловом тексте, так как определяет отсутствие возможности инотолкований, разночтений, которые могут сказаться на судьбе многих людей. Как и остальные

ФССК, ФССК_{точн.} имеет полевую структуру и репрезентируется средствами разных языковых уровней. При описании ФССК_{точн.} важнейшими средствами авторы «Стилистического энциклопедического словаря» называют термины, повторы, ограниченное использование синонимов, сложные предложения с придаточными условными, предложения с однородными членами и др. [СЭС: 275]. Точность как стилевая черта и текстовая категория точности в различных жанрах современных деловых текстов рассматривалась в работах Н. В. Востриковой [2: 11], И. Д. Зайцевой [5: 13], в которых средствами точности названы термины, сложноподчиненные предложения, повторы.

Материалом для настоящей статьи послужили дипломатические (документы, гарантировавшие безопасное пребывание послов за рубежом, и др.), судебные (приговоры судов) и частноправовые (завещания) деловые тексты 20–90-х гг. XVI в., написанные на старорусском и старобелорусском языках. Совпадение исследованных текстов по времени создания, составу субъектов деловой коммуникации позволяет более конкретно определить жанровые и локальные особенности в использовании языковых средств, репрезентирующих ФССК_{точн.} Рассматриваются тексты, опубликованные в фундаментальных изданиях XIX – XXI веков: дипломатические документы находятся в 15 книге «Литовской Метрики» (далее ЛМ–15), в 71 томе издания «Сборник Императорского Русского исторического общества» (далее СРИО). Судебные документы содержатся в I томе «Актов феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков» (далее АФЗХ, I), в «Актах русского государства 1505 – 1526 гг.» (далее АРГ 1505 – 1526) и в «Судебной книге витебского воеводы, господарского маршалка, волковыского и обалецкого державцы М. В. Ключко. 1533–1540 (Литовская метрика. Книга № 228. Книга судных дел № 9)» (далее СК). Завещания включены в издания «Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV – нач. XVII вв.» (далее АРГ),

«Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков», часть II (далее АФЗХ, II), «Тастаменты шляхты і мяшчан Беларусі другой паловы XVI ст. (з актавых кніг Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі)» (далее ТБ).

Рассмотренные документы имели разные самоназвания:

1) документы, гарантировавшие безопасное пребывание послов за рубежом, имели самоназвания опасные грамоты (ст.-рус.), опасный лист, лист к клейтовный (ст.-бел.); 2) судебные приговоры назывались правая грамота, судный список (ст.-рус.), вырак (вырок), судовы ліст (ст.-бел.); 3) завещания – духовная грамота, духовница, память (ст.-рус.), тастамент (тестамент), духовъницы (ст.-бел.).

С нашей точки зрения, точность в деловом тексте формируется как за счет обозначения реалий окружающей действительности (внешняя / фактическая точность), так и за счет специального использования языковых средств, с помощью которых избегают возможности неправильно понять изложенную ранее информацию, забыть ее (внутренняя / текстовая точность).

Внешняя точность в изученных текстах включает в себя микрополя субъектов, объектов, точных действий, качественных и количественных характеристик, времени и пространства. В пределах этих микрополей используются такие средства как термины и повторы, предложения с однородными членами и др.

Ядерным средством репрезентации микрополя субъектов выступает лексико-грамматическая единица, включающая однословные или многословные антропонимы и их дополнительные характеристики (указания социального статуса, степени родства, возраста, места проживания, этикетные сочетания). Дополнительные характеристики и сами антропонимы могут образовывать ряды однородных членов.

Состав субъектов, обозначенных в текстах, имеет четкую жанровую дифференциацию. В опасных грамотах – это великий князь /

король, послы, возможно также упоминание представителей власти третьих государств. В судебных документах – это лицо, осуществляющее суд (великий князь / король, представители высшей власти), истцы, ответчики, свидетели происшедшего, лица, упоминаемые в ходе судебного разбирательства. В духовных грамотах – завещатель, члены его семьи, опекуны и поручители, лица, присутствующие при составлении документа.

Обязательно в состав субъектов рассмотренных текстов входит Божественная сила, Бог. Жанром документа определяется, в каком контексте встретится упоминание о Боге и насколько частым будет такое упоминание. В контексте же проявятся особенности национального восприятия Бога. Упоминание Бога в деловых текстах может быть прямым (непосредственное обращение к Богу) или косвенным (этикетные сочетания, даты и т.п. единицы, в которых употребляется прилагательное *божий*).

В дипломатических текстах есть 1) упоминания о том, что составители документов рассчитывают на помощь Бога: ст.-рус. *сколко всемогій Богъ намъ своей милости подасть* (СРИО, 71, с. 2); ст.-бел. *мы, яко панъ хр(є)стыянскни, маючы бачъность на Бога Створытеля, и милуючы веру хр(є)стыянскую ... ; мы, вземъшы Б(о)га милого на помоч* (ЛМ – 15, № 159, с. 203); 2) обращения к Богу: *а за все просилъ того у Б(о)га, штобы Хр(є)стыянство у тишыне и во впокои было* (упоминание в ст.-бел. тексте, но ссылка на ст.-рус. текст) (ЛМ – 15, № 163, с. 209); 3) указания на прямое вмешательство Бога: ст.-бел. *А вед же Б(о)гъ Правдивын, видячы н(а)шу справедливост, дал людемъ нашимъ моцъ, иж войско его з Божью помочю, наголову поразили* (ЛМ – 15, № 159, с. 203); 4) благодарность Богу: ст.-рус. *Богу благодарственны учинилися есмь, и тебя брата своего похваляя* (СРИО, 71, с. 2); 5) в опасных ст.-рус. и ст.-бел. грамотах встречается этикетное сочетание при именовании

правителя *Божею м(н)л(о)стью* (ЛМ – 15, № 151, с. 193); 6) в разных текстах используется датировка с упоминанием Бога: ст.-рус. *от Р(о)ж(дѣ)ства Х(ри)с(то)ва, до Р(о)ж(дѣ)ства Х(ри)с(то)ва* (ЛМ – 15, № 152, с. 194); ст.-бел. *на прындучое свято Б(о)же Нароженьє* (ЛМ – 15, № 163, с. 210).

В исследованных судебных текстах упоминание Бога достаточно редко. В ст.-рус. правых грамотах такие упоминания встретились при опросе свидетелей: *и суд(ь)и спросили ищєнных старожильцов ... : Скажите вы въ божью правду, чья то земля, на которой стоим* (АРГ, 1505 – 1526, № 194, с. 194). В ст.-бел. приговорах, кроме даты *писанъ у Витебску, под лет(ы) Бож(его) нарож(енья) 1538 год ...* (СК, № 80, с. 154), нам встретилось такое упоминание в тексте при описании событий, происходящих в церкви: *и переказу фале Божои чынилъ, ижъ перед нимъ священникомъ фалы Божее служити не годить яко перед человеком клятымъ* (СК, № 84, с. 159) (отметим, что речь идет о судебном разбирательстве между намесником архиепископа и витебским мещанином, который повторно пришел в церковь «квалотомъ», мешал проводить службу и служить хвалу Богу, за что по решению суда должен был выплатить сто гривенъ золота).

Значительно число упоминаний о Боге в завещаниях: 1) это конструкции сакрализации в зачине текстов: ст.-рус. *Во имя о(т)ца и с(ы)на и с(вя)т(о)го д(у)ха* (АРГ, № 47, с. 134); ст.-бел. *Во име Штѣца и Сына и Светого Дѣха Светое Живоначное Нероздлимое Троицы* (ТБ, № 34, с. 183); *Во имя Бога в Троицы Єдиногo* (ТБ, № 35, с. 187); *Во имя Светого Бога Штѣца и Сына и Светого Дѣха. Аминъ* (ТБ, № 37, с. 197) и конструкции со значением угрозы страшного суда за невыполнение распоряжений завещателей ст.-рус. *и мне с ними бѣдет суд пред богом; А хто мое слово преступит, а станет чинити что не по моей дѣховной, а кому что яз приказал после моего живота, – и тот со*

мною розсудитца пред Богом, душа его подоймет (АФЗХ, II, № 370, с. 412–413); ст.-бел. *А хто сее иштаточное слово мое смерътное ѡзрѡшить, тотъ со мною розъсудитьсе на Страшномъ сѣде передъ Небеснымъ Царемъ вовеки* (ТБ, № 37, с. 201); 2) этикетное сочетание *рабъ божии* при именовании завещателя и в ст.-рус., и в ст.-бел. текстах, в ст.-бел. текстах такое сочетание может быть распространено *рабъ Божьи и Христа Его* (ТБ, № 37, с. 197).

Кроме этого, в ст.-рус. текстах упоминание о Боге встретилось в конструкциях: *Б(о)жия воля станетца, б(о)гъ по д(у)шѹ мою сошлетъ, меня в животѣ не станеть* (АРГ, № 78, с. 193); *и по сей дѹховной дѹшѹ строят как им бог известит* (АФЗХ, II, № 276, с. 285); *как им бог положит на сердца ..., А во всем есмь положилсь дѹшею и телом на бога да на вас, как вам бог положит на сердца, так и промыслить* (АФЗХ, II, № 299, с. 311); *да бога для не уморите сына моего Офонася ...* (АФЗХ, II, № 331, с. 349).

В ст.-бел. завещаниях упоминание о Боге содержится при указании на обстоятельства составления завещания *бѹдѹчы шбѹдароныи штъ Пана Бога хоробою своею* (ТБ, № 34, с. 183); *бѹдѹчы есми на сес часъ з ласки Божен ѡ способномъ здоровью* (ТБ, № 37, с. 197). В первом примере интерес представляет лексема *шбѹдароныи*, употребляемая в значении ‘абдарыць, надзялиць падарункам’ (ГСБМ, 21, с. 114), которая сочетается с лексемой *хороба*. Таким образом подчеркивается абсолютное принятие любого события в жизни человека, восприятие его как божественного подарка, будь это болезнь или здоровье. В то же время во многих ст.-бел. завещаниях болезнь объясняется как наказание от Бога: *бѹдѹчы на сес час от П(а)на Б(о)га хоробою шбложною навежоныи* (ТБ, № 38, с. 205), что подчеркивается лексемой *навежоныи* в значении ‘пакараць, выпрабаваць, наслаць на каго-н. што-н.’ (ГСБМ, 18, с. 312);

– при поручении души Богу: *напрод по смеръти свои порѹчаю дѹшѹ свою Ѹсеомогѹщомѹ Господѹ Богѹ* (ТБ, № 37, с. 197); *То ест, напервен порѹчаю Г(о)с(по)дѹ Богѹ моему многом(н)л(о)стивому дѹшѹ мою многогрешънѹю, а тело мое земли* (ТБ, № 40, с. 217);

– при описании условий распоряжения собственностью: *а ижъ тежъ з воли и пре[зрен]я [с]воего Ѹветын Богъ мои Вседеръжителъ поволатъ и взятъ [р]ачылъ сего света сынов моихъ рожоныхъ Василья, Стефа[на] а Ридивона перьвен, нижли мене до фалы Ѹвоеѹ Ѹветое* (ТБ, № 37, с. 197); *А кгда жонѹ мою Марю Господ Бог до фалы Ѹвоеѹ Ѹветое зъ сего света взметъ* (ТБ, № 39, с. 213); *... кгда мене Пан Бог до фалы Ѹвоеѹ Ѹветое зъ сег(о) света поволатъ рачитъ* (ТБ, № 38, с. 205).

Семантика последнего отрезка в смысловом отношении совпадает со ст.-рус. *Богъ по дѹшѹ сошлетъ*, однако важным кажется посмотреть на значение формул: на месте ст.-рус. формулы *какъ богъ сошлетъ по дѹшѹ*, сообщающей о чьей-либо смерти (СРЯ, 26, с. 123), в которой реализуется значение глагола *сослати* ‘ниспослать’ (СРЯ, 26, с. 123), в ст.-бел. текстах употребляется формула *поволатъ до фалы Ѹвоеѹ Ѹветое* в значении ‘забраць да сябе’ (ГСБМ, 25, с. 64). Поддерживается это значение в ст.-бел. текстах и глаголом *рачити* в значении ‘мець ласку, захацець, пажадаць’ (ГСБМ, 30, с. 36). В качестве синонимичных вместо или вместе с глаголом *поволати* могут употребляться глаголы *взяти, приняти*. Один и тот же момент смерти в ст.-рус. духовных описывается через ниспослание смерти, а в ст.-бел. как процесс присоединения к Богу.

Божественная любовь к человеку подчеркивается и в других конструкциях ст.-бел. завещаний: *з ласки П(а)на Бога Всеомогѹщего и с презъренья Ёго Ѹветое милости* (ТБ, № 35, с. 187); *напервен Панѹ Богѹ Всеомогѹщомѹ [Не]вескомѹ в моцъ и вопекѹ Ёго Ѹветои Милости дѹшѹ* (ТБ, № 36, с. 192); *в ласкѹ и милосердиѹ Ёго Ѹветое дѹшѹ мою* (ТБ, № 39,

с. 213); *Г(о)с(по)ду Богу моему многом(н)л(о)стивому* (ТБ, № 40, с. 217); *веречи, же ме ведле незмероного милосерда Своего Бозского в день Судьный черезъ Сына Своего милого Пана Езуса Крестуса, за нас на смерть выданог(о), з мертвыхъ взбудить и животомъ вечнымъ даровать рачи* (ТБ, № 40, с. 221); *помънечи теж и на слово Сына Божого и Збавителя н(а)шого Езуса Хрыста* (ТБ, № 38, с. 205).

По-видимому, мы имеем несколько разные традиции употребления упоминаний Божественной силы, Бога в ст.-рус. и ст.-бел. документах, что, возможно, является отражением определенной разницы в менталитете жителей Московского княжества и Великого княжества Литовского. В ст.-рус. текстах контексты упоминания Бога подчеркивают высший характер его силы, упование на его волю, осознание возможного божественного наказания за какие-либо нарушения; для ст.-бел. текстов характерен акцент на милосердном отношении Бога к человеку, его внимание и ласка, что не отменяет понимания могущества и величия высшей Божественной силы: *Панъ Богъ Всемогущомъ в Троицы Единому порѹчаю и в моц Его Светои Милости штъдаю, просечы, кгда се бѹдѹ с тымъ нендзнымъ светомъ розьлѹчатъ, авы при надорозшѹю смерть сына своего милого Пана Езуса Хрыстѹса, не бачечы на негодность и грѹхи мои, але вживаючи надо мъною ласки и щодробливого милосердыа своего, до фалы Своє Светоее принят его рачылъ* (ТБ, № 47, с. 250).

При обозначении правителя в дипломатических документах используется распространенный титул в зачине грамот: ст.-рус. *От великого г(о)с(по)д(а)ря Василья, Божею м(н)л(о)стью г(о)с(по)д(а)ря всея Руси и великог(о) кн(я)зя володымирского, московского, ноугородцкого, пѣсковского, смоленьского, тверского, югорского, перѣмского, болгарского и иных* (ЛМ – 15, № 151, с. 193); ст.-бел. *Мы, Жыкгимонт, Божью м(н)л(о)стью корол полскии, великии кн(я)зь литовскии, рѹскии, прѹскии, жомоитскии, мазовецѣккии и иных ...* (ЛМ – 15, № 170, с. 220).

Именованіе послов в дипломатических документах осуществляется с помощью трех-, двух- или однословных антропонимов, распространяемых указаниями социального статуса, места проживания человека: ст.-рус. *своего дворянина Олехна Бокеева, дворянинъ твои Олехна* (ЛМ – 15, № 151, с. 193); *присылал своих великих пословъ, воеводу подляшского и маршалъка Ивана Богъдановича Гопегу да маршалка и старосту волковыинского и мерецкого Матея Воитеховича Яновича, да секретара своего и державъцу жыморского Павъла Воитеховича Нарушевича* (ЛМ – 15, № 152, с. 194); ст.-бел. *пословъ своих великих, боярына своего Василя Грыгоревича Морозова а дворецкого Нижнего Новгорода, кн(я)зя Дмитрея Федоровича Палецкого, а дыака своего Грыгоря Дмитреева с(ы)на Загразского, посланника своего Юря Иванова с(ы)на Скобелцына..., другого посланъника своего Дмитрея Василева* (ЛМ – 15, № 155, с. 196). Отметим, что в рассмотренных дипломатических текстах отсутствуют имена женщин.

Как и в дипломатических документах, в приговорах судов и в завещаниях употребляются одно-, двух- и трехсловные модели антропонимов, которые распространяются за счет этикетных сочетаний, указаний социального статуса или места проживания субъекта. Иногда встречаются четырех-, пяти- или шестисловные антропонимы. Обозначим несколько характерных моментов.

1. Именования мужчин составляют абсолютное большинство в судебных текстах и в завещаниях. Шире всего распространены однословные и двухсловные антропонимы. Трехсловные антропонимы используются значительно реже. В ст.-рус. и ст.-бел. приговорах судов они встречаются при именовании лиц различного социального статуса: ст.-рус. *си суд судили даные суд(ь)и Алексеи Григор(ь)евъ с(ы)нъ Желтухина да Федор Иванов сын Болотникова* (АРГ, 1505 – 1526, № 255, с. 258); ст.-бел. *Я, Матеи Воитеховичъ Яновича, воевода витебский,*

маршалокъ г(о)с(по)д(а)ра короля его м(н)л(о)сти, державъца волъковыскни и вболецъкни ... врадника нашего вболецъкого, усвятъского и взерницъского Гришъка Васильевича Угланка, а с нимъ боярына господарского ключъника земъского витебъского, пана Ивана Яцъковича Зелепугу ... Иванъ Влхумовичъ Заико (СК, № 86, с. 162–166).

Сходная картина наблюдается и в завещаниях. При именовании завещателя для ст.-рус. текстов характерно употребление этикетного сочетания и указания социального статуса: *Бє яз, рабъ б(о)жини, кн(я)зь Иван Васильевич Ромадановскон* (АРГ, № 40, с. 122); для ст.-бел. – употребление этикетных сочетаний, указаний социального статуса и места проживания завещателя: *Ю, рабъ Божин Запъко Влехнович Хотимъскни, земенинъ г(о)с(по)д(а)ръскни поветъ Витебъского* (ТБ, № 34, с. 183).

2. В двухсловных именовании ст.-рус. и ст.-бел. судебных текстов может проявляться разница в социальном статусе: ст.-рус. *окольникему Василью Яковличу, дьяку Болобану Кувшинову а митрополици христиане Клишко Насонов да Ивашко Михалев* (АФЗХ, I, № 1а, с. 15); ст.-бел. *мещане г(о)с(по)д(а)ръскни витебъскни: Харко Шека а Корнило Игнатов сын* (СК, № 62, с. 123), когда форма имени на -ко используется при именовании крестьян или мещан.

3. Особенности именовании мужчин (адресатов завещания, лиц, от которых досталась собственность завещателю и др.) определяются их значительной вариативностью. Если это родственники завещателя, антропонимы распространяются за счет указания степени родства: ст.-рус. *отец, батко, сын, пасынок, брат, братенич, шурин, зять, тещь, свекор* и др.; ст.-бел. *малжонок, муж, брат, братанец, братанок, сестрениц, зять* и др.; притяжательных местоимений ст.-рус. и ст.-бел. *мой, свои, его, ее, их*. В ст.-бел. завещаниях кроме этого отмечены конструкции, указывающие на возраст *лет молодых, лет зуполных, лет dorosлых*;

местоимения *звышпомененыи, вышенпомененыи, верхупоменяныи: сыномъ моимъ старшимъ, летъ дорослымъ, Яну а Николаю Андреевичомъ Гивицъким* (ТБ, № 38, с. 206); *сыномъ моимъ вышенпомененымъ Яну, Николаю, Александръ, Юрю и Григорю Андреевичомъ Гивицкимъ* (ТБ, № 38, с. 209), которые подчеркивают точность излагаемой информации.

4. Опекуны, поручители и лица, присутствующие при составлении завещания, выступают гарантами выполнения распоряжений завещателя. В ст.-рус. завещаниях в этом случае вместе с антропонимами используются лексемы и сочетания *государь, господин, отец мой духовной, прикащик*, указания социального статуса: *прикащику кн(я)зю Ивану Андреевичю Долгоруково да отцу своему д(у)ховному николскому попу Дементью* (АРГ, № 136, с. 330). В ст.-бел. текстах используются этикетные сочетания *их милости, его милости, добре сведоми, паны зацныє, люди зацныє, приятели мои*, указания социального статуса, места: *А при справованю того тестаменту моег(о) были люди зацныє, и того будучи добре сведоми их м(н)л(ости) земане г(о)с(по)д(а)рьские воеводства Витебского пан Упонась Иванович Мазоловскии, возныи г(о)с(по)д(а)рьскии воеводства Витебского, ... их м(н)л(о)сть тыє люди зацныє в семъ моемъ тестаменте вышъмененыє на 8стною и шчевистою прозвѣ мою 8чинили, печати приложили свои власныє* (ТБ, № 39, с. 214 –215).

4. В некоторых завещаниях идет речь о передаче собственности монастырям, церквям и т.д. В этом случае адресат обозначен только через соответствующее название храма: ст.-рус. *к Пречистые в дом* (АФЗХ, II, № 204, с. 204) или через название храма и собирательное именование церковных лиц: ст.-рус. *к пречистой в Осифов монастырь игумену Голохтиону и з братьєю, или хто по нем иной игумен будет у Пречистой* (АФЗХ, II, № 253, с. 257); ст.-бел. *а на церковь Божью Светого Ду ха штписью по животе и священъником платить* (ТБ, № 48, с. 255). В

исследованных ст.-бел. завещаниях не встретилось сочетание лексемы *домъ* с названием храма, хотя ГСБМ фиксирует значение указанной лексемы 'церковь, храм' (ГСБМ, 8, с. 289) в сочетании с прилагательными: *домъ господний, домъ божьи*. В ст.-рус. текстах встречается сочетание лексемы *домъ* с названием храма: *в дом св(я)т(о)го Б(о)гоявленья на посад* (АРГ, № 40, с. 126).

5. В исследованных ст.-рус. правых грамотах в качестве субъектов правовых отношений выступают только мужчины: великие князья, их представители, осуществляющие суд, истцы и ответчики, свидетели. В исследованных ст.-бел. судебных текстах есть упоминания женщин, хотя их и значительно меньше, чем упоминаний имен мужчин. Диспропорциональное соотношение определяется социальными факторами: чаще всего в судебных разбирательствах участвовали мужчины, которые выступали в качестве истцов, ответчиков и свидетелей. Женщины могли участвовать в судебных разбирательствах *Жаловалъ намъ мещанын г(о)с(по)д(а)рьскни витебъскни Утрошъко з сыномъ своимъ Яковом и з ѹнукою своею Хонею* (СК, № 60, с. 120), однако обычно их имена встречаются при упоминании родственников участников судебного процесса *бабъка его Ивашъковая Голядцкая* (СК, № 87, с. 168); *матка наша небожница Ганъна* (СК, № 73, с. 139); при характеристике социального статуса *люди господарыни наше милоствое королевое ее м(и)л(о)сти и великое кнегини Боны* (СК, № 86, с. 162);

6. В ст.-рус. и в ст.-бел. завещаниях употребление женских имен распространено шире, чем в судебных документах:

а) от имени женщины может составляться само завещание: ст.-рус. *се яз, раба б(о)жия кн(я)же Дмитрнева Ивановича Ромодановского кн(я)гиня Оксиния* (АРГ, № 47, с. 134); ст.-бел. *я, Марина Занковна Гурковна Яновага Вонтеховича Кгарлинскага, земанка г(оспо)д(а)рьскага воеводства Витебского* (ТБ, № 48, с. 253);

б) женщины выступают в качестве адресатов завещания: ст.-рус. *дочь свою кн[язню Огро]фену* (АФЗХ, II, № 207, с. 210); *жене моей княгине Ульяне* (АФЗХ, II, № 207, с. 212); ст.-бел. *дочкѣ мою Зофею Стефановнѣ Николаевѣю Хреновскѣю* (ТБ, № 47, с. 251); *жене моей Катѣ[ри]не Юновнѣ Деражинской* (ТБ, № 43, с. 232); *малжонкою моею милою пани Галеною Михаиловною, кнежною Лукомскою* (ТБ, № 44, с. 237). В этом случае могут быть использованы трех-, двух- и однословные антропонимы, которые распространяются за счет указания степени родственных отношений: ст.-рус. *мать, матушка, жена, дочка, дочь, дочерь, сестра, сноха, тетка*; ст.-бел. *жона, жонухна, малжонка жона', дочь, дочка, сестра, унука, невестка*. В ст.-рус. завещаниях используются притяжательные местоимения, в ст.-бел. притяжательные местоимения, прилагательные, числительные, этикетные сочетания: ст.-рус. *купил яз жене своей Настасьѣ* (АФЗХ, II, № 229, с. 231); *дочери моей Катерине* (АФЗХ, II, № 236, с. 239); ст.-бел. *дочкѣкѣ мою рожонѣю паню Томилѣ ... старшѣю Полонѣю* (ТБ, № 37, с. 197 –198); *вышеимененаѣ жона моя Марѣ* (ТБ, № 39, с. 213); *дочокѣ три Андреевѣю Невелскѣю п(а)ню Зофею, которая естѣ ѡт мене выпасажона, а другѣю паннѣ Ганнѣ, которая естѣ пры еи м(и)л(о)сти панен Богдановои Стецковичовои, маршалѣковои г(о)с(по)д(а)рьской, кнежне Ѡвдотьи Горской, третѣю паннѣ Александрѣ, которая естѣ пры еи м(и)л(о)сти панен Петровои Стабровѣской, старостинои тренданской, кнежне Федоре Банкѣшковне Ковельской* (ТБ, № 38, с. 206);

в) имена женщин встречаются среди зависимых людей, которые передаются в качестве собственности завещателем или освобождаются: *Челадника моего дворного жонкѣ, именемѣ Пекѣлѣшѣ, и з дочкѣю еѣ Варкою, тѣх вызволяю и по животѣ моем волными чиню* (ТБ, № 47, с. 250).

Наблюдается специфика в употреблении лексем *жена, малжонка – жонка*. В исследованных ст.-бел. текстах лексемы *жона, малжонка употребляются* в отношении свободных женщин, а лексема *жонка* один раз встретилась по отношению к зависимой женщине. В ст.-рус. завещаниях по отношению к свободной женщине используется лексема *жена*, к зависимым – *жена, жонка*: *А что мон рыболови Офоня Баршев з женою и з дѣтми* (АРГ, № 40, с. 124); *а что монх людей служивых ... деловых людей и женок и девок* (АФЗХ, II, № 207, с. 213).

Анализ текстов 20–90-х гг. XVI века показывает следующее:

1. В исследованных текстах донационального периода, как и в современном официально-деловом стиле, ФССК_{точн.} является одной из основных категорий и представлена внешней и внутренней точностью. Как и другие значимые для делового стиля ФССК, она имеет полевую структуру: например, внешняя точность состоит из микрополей субъектов, объектов, действий, количественно-качественных характеристик, времени и пространства, что отражается в текстах разных жанров деловой письменности исследуемого периода.

2. Особенности репрезентации микрополя субъектов соотносятся с жанровой и локальной характеристиками текста. В жанровом отношении важным является состав субъектов деловой коммуникации, в локальном – способы распространения антропонимов. Так, особенность ст.-бел. текстов проявляется в наличии указаний на место проживания субъекта, этикетных сочетаний и употреблении местоимений *звышпоменыи, верхуписаныи* и т.п.

3. Исследуемые тексты отражают особенности менталитета жителей двух государственных образований, что проявляется в составе лексико-грамматических единиц, использующихся при упоминании Бога, Божественной силы, в частоте использования женских имен в деловых

текстах, в степени распространенности характеристик упоминаемых субъектов.

4. Можно говорить о том, что в целом язык исследованных ст.-рус. текстов более строг и конкретен, в то время как для языка ст.-бел. текстов характерно стремление к подробности даваемых характеристик, этикетности.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

АРГ – Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV – нач. XVII вв. Москва : Ладомир, 1998. 734 с.

АРГ 1505 – 1526 – АРГ – Акты русского государства 1505–1526 гг. Москва : Наука, 1975. 435 с.

АФЗХ, I – Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков : в 3 ч. М. : Изд-во Акад. Наук СССР. Ч. 1. 1951. 402 с.

АФЗХ, II – Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков : в 3 ч. М. : Изд-во Акад. наук СССР. Ч. 2. 1956. 664 с.

ГСБМ – Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Мінск : Навука і тэхніка, 1982–2017. – 37 вып.

ЛМ – 15 – Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 15 (1528-1538): Užrašymų knyga 15. Parengė A. Dubonis. Vilnius, 2002. 448 с.

СРИО – Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1867-1916. Т. 71. : Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством, часть 3-я (годы с 1560 по 1570) : Т. 3. 1892. 807 с.

СК – Судебная книга витебского воеводы, господарского маршалка, волковыского и оболецкого державцы М. В. Ключко. 1533-1540 (Литовская метрика. Книга № 228. Книга судебных дел № 9). М.: Наука, 2008. 525 с.

СРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975–2006. 27 вып.

СЭС – Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта : Наука. 2006. 696 с.

ТБ – Тастаменты шляхты і мяшчан Беларусі другой паловы XVI ст. (з актавых кніг Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі). Мінск, 2012. 736 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков С. С. Стилиевые средства деловой письменности XVII вв. : На материале челобитных. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. 342 с.

2. Вострикова Н. В. Функционально-стилистические особенности французского коммерческого письма : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05. Пятигорск, 2004. 21 с.

3. Дерягин В. Я. Русская деловая речь на Севере в XV–XVII вв. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01. М., 1980. 50 с.

4. Глухих Н. В. Деловой эпистолярный текст конца XVIII – начала XIX вв. в аспекте русской исторической стилистики (по скорописным архивным материалам Южного Урала) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01. Челябинск, 2008. 411 с.

5. Зайцева И. Д. Дискурсивные признаки жанра постановления : на материале русских текстов правового дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Барнаул, 2011. 20 с.

6. Зиновьева Е. И. Стилиобразующие средства и фрагменты языковой картины мира в деловой письменности XVI–XVII вв. : на материале записных кабальных книг : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук : 10.02.01 . Спб., 2001. 38 с.

7. Иванова Т. Б. Функциональная семантико-стилистическая категория акцентности в русских научных текстах: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Пермь, 1988. 202 с.

8. Кожина М. Н. О функциональных семантико-стилистических категориях текста // НДВШ. Филологические науки. 1987. № 2. С. 35–41.

9. Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий : синхрон.-сопостав. очерк. Свердловск : Из-во Урал. ун-та, 1990. 168 с.

10. Паляшчук Н. В. Асаблівасці выракаў Віцебшчыны (1533—1540) // Беларуская лінгвістыка. 2018. Вып. 80. С. 34–42.

11. Руднева С. Ф. Сибирские отписки конца XVI – второй половины XVIII вв. в аспектах исторической стилистики и лингвистики текста : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Сургут, 2010. 248 с.

12. Трофимова О. В. Жанрообразующие особенности русских документов XVIII века (на материале тюменской деловой письменности 1762 – 1796 гг.) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01. СПб., 2002. 507 л.

13. Трофимович Т. Г. Актовые книги городских магистратов среди источников по истории белорусского языка // Нацыянальная мова і нацыянальная культура: аспекты ўзаемадзеяння : зб. навук. арт. Мінск, 2009. С. 145–149.

14. Ширинкина М. А. Письменный дискурс исполнительной власти в жанрово-стилистическом аспекте : дис. ... д-ра. филол. наук : 10.02.01. Пермь, 2021. 449 л.

КОВАЛЬЧУК Елена Викторовна (*Владимир, Россия*)

кандидат педагогических наук, доцент

Владимирский государственный университет

имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

kovalchuk_helen@mail.ru

ХОДЖАЕВА Эльнара Эльдаровна

(*Владимир, Россия – Туркменабад, Туркмения*)

магистрант

Владимирский государственный университет

имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

elnara.khdzhaeva@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И АФОРИЗМОВ РУССКОГО И ТУРКМЕНСКОГО ЯЗЫКОВ.

ЭКВИВАЛЕНТЫ ПЕРЕВОДА

Аннотация. В статье рассматривается национально-культурная образность фразеологизмов и афоризмов русского и туркменского языков. Сопоставительный анализ на данной основе дает возможность выделить основные группы: полностью идентичные; эквивалентные по значению, но отличающиеся по своей образной основе; отражающие реалии национальной специфики в исторической ретроспективе. Собранные авторами примеры располагаются по трем выделенным группам.

Ключевые слова: фразеологизмы, афоризмы, эквиваленты перевода, национально-культурная образность.

Abstract. The article examines the national-cultural imagery of phraseological units and aphorisms in the Russian and Turkmen languages. A comparative analysis on this basis makes it possible to identify the main groups: completely identical; equivalent in meaning, but different in their figurative basis; reflecting the realities of national specificity in historical retrospect. The examples collected by the authors are arranged into three distinct groups.

Keywords: phraseological units, aphorisms, equivalents in translation, national-cultural imagery.

Культурный компонент каждого языка наиболее полно проявляет себя в области лексики. Фразеологические единицы и афоризмы, являясь значительной частью русской лексики, представляют собой богатый источник лингвострановедческих знаний об истории, культуре, традициях, обычаях и быте русского народа. Они широко используются не только в устной речи, но и в художественных произведениях, в средствах массовой информации, придавая речи особую выразительность, эмоциональность и экспрессивную насыщенность.

Несомненно, фразеологизмы, являясь национальным богатством каждого языка, представляют непроходящий интерес для лингвокультурологии.

Изучая фразеологию как определенный пласт русской лексики, иностранцы-филологи осваивают грамматические категории и семантические характеристики фразеологических единиц. Кроме того, иностранные студенты-филологи должны стремиться к приобретению навыка анализа ФЕ с точки зрения ассоциативной семантической оценки. В этой связи нужно отметить, что затруднения в иностранной аудитории состоят в том, что иностранные студенты уже обладают знаниями фразеологии родного языка, в которых отражены в полной мере и страноведческие, и культурологические национальные концепты, не совпадающие, как правило, с аналогичными явлениями в русской среде [1: 78].

Конечно, переводить афоризмы и фразеологические единицы невозможно. Мы можем говорить в этом случае только об эквивалентах в другом языке.

Русский и туркменский языки – это неблизкородственные языки. При сопоставлении через призму родного языка и родной культуры туркмены постигают культуру носителей русского языка.

Данную тему считаем увлекательной именно с точки зрения подбора эквивалентов фразеологических единиц при переводе. Сопоставительный анализ фразеологического и афористического материала русского и туркменского языков дает возможность выделить три основные группы: I – полностью идентичные (т.е. совпадающие по образности и ситуации употребления); II – эквивалентные по значению, но отличающиеся по своей образной основе; III – отражающие реалии национальной специфики в исторической ретроспективе [7: 39–41].

Таким образом в первую группу входят **полностью идентичные фразеологизмы**. Основу образности в этой группе фразеологизмов составляют наиболее типичные явления окружающей жизни, которые представляют общее видение мира, общую метафорическую основу языка, которая совпадает во многих языках, как родственных, так и неродственных.

При сопоставлении фразеологического и афористического материала русского и туркменского языков были найдены примеры практически полностью совпадающих по своей образности ФЕ:

- бояться собственной тени – öz saýasyndan gorkýan
- братья за ум – akluna gelmek (буквальный перевод: *прийти в себя*)
- не находить себе места – özüňi goýara ýer tapmazlyk
- висеть на волоске – gyl üstünde durmak
- задирать нос – tumşygyňy ýokary tutmak

- бросаться в глаза – göze düşmek (буквальный перевод: *попасть в глаза*)
- от чистого сердца – ak ýürekden (буквальный перевод: *от души*)
- держать язык за зубами – agzyňa berk bolmak (буквальный перевод: *держат рот на замке*)
- набрать в рот воды – agzyňa suw alan ýaly bolmak (буквальный перевод: *как будто у тебя во рту вода*)
- ни на грош – bahasy bir köpük (буквальный перевод: *это стоит копейки*)
- какой ветер занес – haýsy semal uçurdy (буквальный перевод: *какой ветер надул*)
- встать на ноги – aýaga galmak
- связать по рукам и ногам – eliňi aýagyňy baglamak
- с головы до ног – boýdan basa (буквальный перевод: *по уши*)
- пускать пыль в глаза – göz baglamak (буквальный перевод: *завязать глаза*)

Во вторую группу входят фразеологические единицы русского и туркменского языка **эквивалентные по содержанию, но отличающиеся по своей образности**. Считаем, что именно эта группа фразеологизмов наиболее интересна с точки зрения отражения психологии народа, его традиций, быта, культуры.

Приведем примеры таких фразеологических единиц:

Когда пытаются узнать что-либо, «разведать», русские говорят: **«закинуть удочку»**, а туркмены скажут: *agzunu usgar görmek*, что буквально означает: **«понюхать рот»**.

Когда человек бывает рассеянным, невнимательным, русские говорят: **«Он считает ворон»**, а туркмены скажут: *gündüzin günortany ýyldyz sanamak*, что буквально означает: **«считать звезды днем»**.

Когда люди – очень большие друзья, русские говорят, что **«их водой не разольешь»**, а туркмены скажут: *iki bedende bir ruha meňzär*, что буквально означает: **«одна душа в двух телах»**.

Когда приобретают что-либо, не видя и не зная качества приобретаемого, русские говорят: **«покупать (брать) kota в мешке»**, а туркмены скажут: *bir zady görmek bilmän satyn almak*, что буквально означает: **«не видя воды, вещи не снимешь»**.

Когда приходится с трудом распутывать сложное, неприятное дело, русские говорят: **«расхлёбывать кашу»**, а туркмены скажут: *edeniňi egniň bilen çekersin, gorga galmak*, что буквально означает: **«то, что сделал руками, будешь таскать на плечах»**.

Когда человек – опытный, бывалый, русские говорят, **«стреляный воробей»**, а туркмены скажут: *bir köýnek artyk ýyrtdyrmak*, что буквально означает: **«на одну рваную рубашку больше»**.

В значении «отвечать тем же самым» русские говорят: **«платить той же монетой»**, а туркмены скажут: *edil öz bolşy ýaly bolmak*, что буквально означает: **«как вырыли, так и зароят»**.

Когда кому-либо повезло, сопутствует удача, русские говорят: **«Счастье улыбнулось»**, а туркмены скажут: *Bagt gusy gonmak*, что буквально означает: **«Птица счастья приземлилась»**.

Когда кто-либо оказался в невыгодном положении из-за своей ошибки, русские говорят: **«попасть впросак»**, а туркмены скажут: *Vasyňa bela satyn almak*, что буквально означает: **«взять беду на свою голову»**.

Когда кто-либо покрылся румянцем от смущения, русские говорят: **«Покраснел как рак»**, а туркмены скажут: *Çarady ýaly guzarmak*, что буквально означает: **«краснеть как лепешка, приготовленная в масле»**.

Когда чего-либо очень мало, русские говорят: **«с гулькин нос»**, а туркмены скажут: *El ýaly*, что буквально означает: **«как рука»**.

Когда что-либо произойдет неизвестно когда, а скорее, никогда, русские говорят: **«когда рак на горе свистнет»**, а туркмены скажут: *Düýaň guýrugy ýere ýetende*, что буквально означает: **«когда хвост верблюда достигнет земли»**.

Когда человек живет благополучной, безбедной жизнью, русские говорят: **«как сыр в масле катается»**, а туркмены скажут: *Bal güňine batmak*, что буквально означает: **«окунулся в медовый день»**.

Когда подчеркивается важность все делать вовремя, русские говорят: **«дорога ложка к обеду»**, а туркмены скажут: *Çöregini tamdyra guzanda ýar*, что буквально означает: **«выпекай хлеб в горячей духовке»**.

Рассматривая и сравнивая приведенные фразеологизмы и афоризмы второй и, в какой-то мере, и первой группы, мы отмечаем, что их эквивалентность не является абсолютной. Это и определяется национально-культурной спецификой. Русские и туркменские фразеологизмы и афоризмы все равно отличаются стилистической характеристикой и эмоциональным колоритом.

Самой сложной является третья группа фразеологизмов и афоризмов, которые сугубо национальны и культурно насыщены. В них ярко и живо отражается **внеязыковая действительность** (символы быта, факты истории, исторические обстоятельства, обряды, песни, сказки). Они семантизируются в иноязычной аудитории лишь комментированием – выявлением фразеологического и афористического фона, целью которого является постижение идиоматичности и обобщенной мысли этих лингвокультурологических объектов.

Например, в русском языке с историей народа связаны такие фразеологизмы и афоризмы: *как Мамай прошёл; сирота казанская; во всю ивановскую; язык до Киева доведёт; ездить в Тулу со своим самоваром*.

Многие фразеологизмы связаны с христианской религией: *ад кромешный; райские кущи; вкушать от пищи святого Антония.*

Традиционно-бытовой характер имеют фразеологизмы: *бить баклуши; спустя рукава; тянуть канитель; лезть на рожон* и многие другие.

Внеязыковая действительность многовековой истории туркменского народа также нашла яркое отражение в афоризмах и фразеологии языка.

Среди афоризмов и ФЕ, уходящих корнями в мусульманскую религию, выделим часто используемый в туркменской речи ***Hydyr ata ýaly*** (буквальный перевод: *как Хыдыр ата; увидеть святого человека*). Так говорят о человеке, который помогает в трудные моменты. В туркменском языке Хыдыр ата сравнивают с богом, если человек увидит его, то он избавится от всех проблем, с которыми столкнулся.

Когда человек стал зрелым и самостоятельным, о нем с уважением скажут ***Akyl käsesi dolmak*** (буквальный перевод: *чаша мудрости полна*).

Туркменистан издревле известен своими прекрасными коврами. Язык зафиксировал в афоризмах и фразеологии много единиц, отражающих это ремесло и отношение к нему у туркменов. Здесь приведем примеры на основе материалов книги «Gudratly Turkmen Halysy» [4]:

«***Bir okana, birem dokana***» – «Бог дает ученому и тому, кто ткёт». Эта мудрость подчеркивает великое уважение народа к ковроткачеству. Ковровщица за свой труд почитаема так же, как и ученый.

Не случайно, чтобы подчеркнуть трудоемкость ковроткачества народ изрек мудрость: «***Haly dokamak iňňe bilen guýy gazan ýaly***» – «Ткать ковер – все равно, что копать колодец иглой».

Туркмены сравнивают ковер с нераскрытой книгой, отсюда и народная мудрость: **«Halyňy ýaz, men senin kalbyňdakyny okap bereýin»** – «Расстели свой ковер, и я расскажу, что в твоей душе». В этой мудрости сплетены судьбы ковровщиц и их древнего ремесла.

В устном народном творчестве понятие «ковер» использовалось наряду с другими священными для туркмен понятиями. Ковер всегда считался символом достатка и благополучия, трудолюбия и мастерства, чистоты и изящества: **«Suw – türkmenin jany, at – türkmenin ganaty, haly – kalby»** – «Вода – жизнь туркмена, конь – крылья туркмена, ковер – душа».

Считаем, что происхождение фразеологизма **palas haky** также связано с отношением туркменов к ковро и традицией народа, которую соблюдают с древних времен до наших дней. Данная ФЕ используется в значении «калым» (*haky*), т.е. деньги и другие подарки, которые со стороны жениха дарят родителям невесты за то, что они воспитали такую дочь. Ковер (*palas*) является ключевым словом ФЕ, ведь он считается неотъемлемой частью дома не только в прямом смысле, но и семейного очага, благополучной жизни семьи.

К группе безэквивалентных ФЕ мы относим **Çileli öý** (буквальный перевод: *чилийский дом*) в значении: «дом, в котором новорожденный», и в этот дом, чтобы оберегать ребёнка от дурного глаза, не должны приходить 40 дней незнакомые люди, женщины, которые не могут иметь детей, люди, у которых в семье несчастье.

Интересен, на наш взгляд фразеологизм **Çaga pisigiň günini görmek** (буквальный перевод: *увидеть день котенка*) в значении: «избалованный человек», т.е. в менталитете туркменского народа жизнь человека, который, сам ничего не делая, живет легко, сравнивают с жизнью котенка.

Фразеологическая единица **Çaňyny kakmak** (буквальный перевод: *встряхнуть пыль*) используется в значении «увольнение с работы».

В языке туркменов немало фразеологизмов, связанных с верблюдом. Это животное используется как сравнение, так как невозможно представить жизнь человека без верблюда в стране, где большая часть территории занята пустыней Каракум. В группе II представлен фразеологизм *Düýäň guýrugy ýere ýetende* в значении «что-либо произойдет неизвестно когда, а скорее, никогда». Безэквивалентным нам представляется фразеологизм *Düýäň üstünde it ýarmak* (буквальный перевод: *собака на верблюде*) в значении: «оказаться в сложной ситуации».

Таким образом, при изучении фразеологизмов и афоризмов данной группы лингвокультурологическое комментирование, т.е. выявление фразеологического и афористического фона, поможет туркменским студентам-филологам постигать не только национальную специфику русской фразеологии и афористики, но и обращать внимание на богатство родного языка в этой области.

В целом, изучая русские фразеологизмы и афоризмы, иностранные студенты ближе знакомятся с культурой и историей страны изучаемого языка. Сопоставительный анализ русского и туркменского языков в области фразеологических и афористических единиц и, прежде всего, подбор их эквивалентов помогает глубже понять и почувствовать, как многовековая культура наших народов отразилась в их языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Верещагин, Е.М. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Русский язык, 1976 – 248 с.
2. Виноградов, С. Н. К лингвистическому пониманию ценности//Русская словесность в контексте мировой культуры: материалы. междунар. науч. конф. РОПРЯЛ. – Н. Новгород: изд., Нижегородского ун-та, 2007.
3. Веисов, Б. Туркмен дилинин тарыхы. – Ашхабад, 2008 – 322 с.
4. Durdyyeva, T.K. Gudratly Turkmen Halysy. – Ashgabat: Turkmen dowlet nesiryat gullugy, 2006. – 239 s.
5. Мамонтов А.С. Сопоставительное лингвострановедение и обучение иностранным языкам // Язык и культура в филологическом вузе. Актуальные проблемы изучения и преподавания: сб. научных трудов. – М.: Гос. ИРЯ имени А.С. Пушкина; Филоматис, 2006. – С. 155–163.
6. Türkmen diliniň frazeologik sözlügi. – Ashgabat, 2013 – 203s.

7. Фразеологический словарь русского языка (ФРСЯ) / Под ред. А. И. Молоткова. – 4-е., стереотип. – М.: Русский язык, 1986 – 543 с.
8. Хан Синдэ. Лингвострановедческий подход к презентации русской фразеологии и афористики в китайской аудитории // Русский язык за рубежом, 1988, №5. – М.: ИРЯ имени А.С. Пушкина, – С.39–43.
9. Шаклеин В.М., Микова С.С. Лингвокультурное содержание языка // Монография. – М.: РУДН, 2015. – 176 с.

ЛАЗУТКИНА Елена Михайловна (*Москва, Россия*)
кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН
Lazutkelena@yandex.ru

ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ ЧАСТИЦА КАК КОМПОНЕНТ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ СЛОВА

Аннотация. В статье рассматривается вопрос определения границы производного слова. Автор утверждает, что для правильного толкования значения производного слова необходим анализ структурно-семантических отношений его частей, поскольку словообразовательные форманты лишь намечают его возможную морфемную членимость.

Статья посвящена проблеме слитного / отдельного написания слов с отрицательной частицей. Автор описывает слова с лексикализацией отрицания, производные слова, прошедшие процесс опрощения, анализирует значение лексических комплексов «отрицание + глагол» в конструкциях с асертивным смыслом.

Ключевые слова: правописание, лексическое значение, производные слова, грамматическая форма, фразеологизация морфем, семантика предложения.

Abstract. The article discusses the issue of determining the boundary of a derivative word. The author affirms that for a correct interpretation of the meaning of a derivative word, the analysis of the structural-semantic relationships of its parts is necessary, since word-forming formants only outline its possible morphemic division.

The article is devoted to the problem of writing in one or separately of words with a negative particle. The author describes words with lexicalization of negation, derivative words that have undergone the process of simplification, analyzes the meaning of lexical complexes “negation + verb” in constructions with an assertive meaning.

Keywords: spelling, lexical meaning, derivative words, grammatical form, phraseologization of morphemes, semantics of a sentence.

1. Орфография как пространство смысла

1.1. Понятие нормы в орфографии. Орфография представляет собой систему особого уровня русского языка: это правила представления русской речи в письменной форме, способы буквенной передачи звукового состава слов как в абсолютном употреблении

лексем, так и в их формах в связной речи. По заключению И.А. Бодуэна де Куртенэ, «в письменности отражается не только объективная фонетика, но тоже объективная морфология и объективная семасиология языка» [5: 22].

Мы понимаем языковые нормы этого системного уровня, которые носят название *правил правописания, формул*, как объективно данную систему предписаний. Она является результатом сложного процесса кодификации, плодом работы ученых, сознательного воздействия на речевую практику на протяжении многих веков. Характер и состояние системы орфографии определяется теоретическим подходом ученых, их установкой: «В орфографии важнее всего культурно-исторический принцип» [6: 17]. Наличие большого количества заблуждений и колебаний среди носителей языка не может влиять на принятие решения учеными по той или иной орфографической проблеме. В. З. Демьянков считает, что ученые не должны следовать расхожему мнению *все так говорят, все так пишут*: «*академические* грамматики и словари по своему смыслу должны быть категоричными». <...> Решая проблемы кодификации, авторы словарей должны вместе с констатацией нормы указывать мотивировку выбора правильного варианта» [9: 51–58].

В орфографических словарях обычно слово представлено в условно исходной форме (например, существительное показывается в форме именит. пад. ед. ч., глагол – в неопределенной форме), в отвлечении от преобладающих его форм в связной речи. Тем не менее, во многих случаях написание слова, место слова как единицы лексической системы языка обусловлены его ролью в речи, зависят от его лексической и грамматической семантики, от его парадигматических отношений в языке.

2. О методе исследования.

Для научного анализа актуальных вопросов правописания необходимо применение принципов современной функциональной лингвистики: «Вместо задачи описания языка задача построения объяснительной науки о языке, вместо процедур открытия речевых регулярностей моделирование деятельности носителя языка. <...> Принимается постулат о том, что языковая форма всегда, в конечном итоге, мотивируется смыслом» [1: 148–150].

Значимые единицы языковой системы, ориентированные на восприятие адресата, трактуются как способ видения коллективного субъекта, как интерпретативные структуры. Функция понимается нами как системное предназначение определенного элемента на разных уровнях его функционирования; см.: [8: 180].

Принципы функционализма прослеживаются уже в «Российской грамматике». М.В. Ломоносов впервые при составлении правила написания слов (слитное / раздельное написание с предлогом) привлек морфологическую парадигму слова (*предместье, предместью* и т.д.), т.е. использовал характеристики его состава в связной речи. См. в «Российской грамматике» – в Наставлении первом, в Главе пятой, в 129-м параграфе: «<...> предлоги раздельные весьма легко распознать можно склонением от слитных, ибо слитные склоняются во всех падежах <...>. От глаголов предлоги никогда не отделяются: *отдаю, приношу*, а не *отъ даю, при ношу*» [10: 341].

В нашей работе методологическим основанием для анализа структурных отношений морфем в составе слова, изучения общих свойств грамматической формы как элемента в системе синтагматики и парадигматики служит постулат В. В. Виноградова [7: 137] и В. Н. Телии [16: 3] о том, что фразеологичность является универсальным свойством языка. См.: «Идиомообразование – это процесс, в некотором смысле обратный «образованию» новых значений слов: он сходен с явлением опрощения, а не с лексической номинацией» [15: 153].

Понятие «фразеологичность» как нечто связанное с понятием «слово» ввел в теорию языка Ф. Ф. Fortunatov. Он показал, что производное слово – это смысловое единство морфем. См. примеры «одного слова» у Ф. Ф. Fortunatova: *неприятель, неправда* [17: 173]. Ср. также мнение М. В. Панова: «Слово как целое почти всегда значит больше, чем его части. Как сказано, это признак фразеологизма» [11: 68–69].

2.1. Границы слова.

Для выявления функции слова в структуре предложения исследователь решает вопрос, слово это или сочетание слов. Производное слово определяют как смысловое единство морфем, целое, которое не терпит разрыва, т. е. его структура является способом существования его значения. Графический облик слова, его синтаксическая позиция и парадигматические связи обеспечивают его узнаваемость как смыслового фрагмента речи, но пробел в письменной фиксации речи не всегда значим для определения границы слова.

В данной работе речь идет о роли и статусе отрицательной частицы «не», которая в некоторых случаях является семантически обязательным элементом значения слова.

Ф. Ф. Fortunatov в 1901 году дает следующее определение слова: «Отдельным словом является такой комплекс звуков речи, который имеет в языке значение отдельно от других звуков и звуковых комплексов, являющихся словами, и который при этом не разлагается на два или несколько отдельных слов без изменения или без утраты значения хотя бы той или другой части звукового комплекса» [18: 112]. М. В. Панов, давая самое общее определение слова («слово есть нечто грамматически оформленное»), считал, что «языковое поведение» слова – его членимость, парадигматические связи, словообразовательные модели и синтагматические свойства – являются неотъемлемыми свойствами его номинативной сущности, которую он

связывает с «лексической законченностью»: «Для слова необходима л е к с и ч е с к а я законченность, что, пожалуй, ее-то и надо анализировать при определении слова» [11: 57–58].

Это роднит теорию слова М. В. Панова с учением А. А. Потебни о *внутренней форме слова*, которую он определял как образ значения [12: 66].

Семантические комплексы «корень слова + грамматические средства его оформления» имеют сложную природу.

Функция частей производного слова подобно соотношению частей фразеологизма: целое не столько определяется частями, сколько определяет их.

Следуя методике В.В.Виноградова, выделяем ключевой элемент лексемы как номинативного целого. Семантика другого компонента оказывается в тени ключевого компонента, в то время как этот (другой) компонент выполняет роль средства грамматического оформления.

3. Отрицательная частица «не» как компонент внутренней формы слова. «Внутреннее» грамматическое оформление ассертивного смысла.

Понятийная категория «утверждение / отрицание» считается бинарной категорией, однако языковой материал показывает существование диффузных образований с преобладанием ассертивных или негативных оттенков значений. Это явление согласуется с выводом когнитивной лингвистики, в соответствии с которым концепт «отрицание» в онтогенезе существует вкупе и во взаимодействии с концептом «утверждение». Актуальны слова Э. Бенвениста о том, что смыслообразующим элементом любого высказывания является ассерция: «К грамматической связи, объединяющей члены высказывания, имплицитно добавляется «это есть!», которое устанавливает связь между языковым рядом и системой действительности» [2: 170].

3.1. Низкую степень морфемного членения и высокую степень идиоматичности показывают лексемы, закрепившиеся в системе в результате лексико-синтаксического способа словообразования. Отрицательная частица формирует внутреннюю форму слова, является семантически необходимым элементом его значения, обуславливая ее толкование как словарной единицы с компонентом “утверждение отрицательного свойства, качества, признака”; например: *несчастье, несвобода* (“зависимость”).

3.1.1. Отдельной подгруппой с нулевой степенью морфемного членения можно считать имена существительные с ударением на префиксе *не-*, например: *недруг, немочь* (“болезнь”), *нелюдь, нерусь, немощь* (“бессилие”, “упадок сил”), *нехристь* (“иноверец”). Ср.: «Восстаньте же, замученные дети, среди людей ищите нелюдей» (Е.Евтушенко); пример из кн.: [14: 129]. Обычно при написании таких существительных не возникает вопросов.

Слитное написание слов-терминов, не имеющих ударения на префиксе *не-*, также не подвергается сомнению; например: *неметаллы, нерезидент*. Но общеупотребительные существительные с такой же семантической структурой часто пишутся неправильно; см. об этом: [14: 128–130; 3: 247]. Орфографическая практика говорит, что число существительных с префиксом *не-* растет; например: *нескромность, неисчерпаемость, несгибаемость, нелитератор, неспециалист, нехристианин, немусульманин*.

3.1.2. Слитное написание в результате опрощения своей словообразовательной структуры имеют следующие прилагательные: *невзрачный, неистовый; несбыточная (мечта)*.

Более очевидно морфемное членение у следующих прилагательных с высокой степенью идиоматичности, имеющих значение “утверждение отрицательного признака”: *невидимый соперник, неженатый мужчина, незнакомый посетитель, неприятный запах*,

несвойственный ему (не присущий). Правило их написания формулируется следующим образом: «Если слово с *не* можно заменить близким по значению словом без *не*, то слово пишется слитно» [13: 157]. Ср. трактовку М. В. Панова словосочетания *неудовлетворительная отметка*: «*Неудовлетворительная* – одно целостное слово <...> оно фразеологично, оно не только отрицает, но и утверждает» [11: 81].

В эту группу также входят прилагательные, образованные от глагольных форм; например: *неорошаемое земледелие, непромокаемый плащ, непьющий мужчина, несведующие люди*.

3.1.3. Процесс опрощения прошли и некоторые наречия, морфемное членение их невозможно; например: *нелепо, неизбежно; некстати: Нет ни в чем вам благодати, С счастьем у вас разлад: И прекрасны вы некстати, И умны вы невпопад* (А.С. Пушкин).

К этому разряду слов относится и уступительный союз *несмотря на*. Ученые квалифицируют его орфографический облик как «слитное закрепившееся написание первой части составного союза» [4: 553].

3.1.4. Как правило, в системе закрепляется слитное написание некоторых глагольных слов с частицей «не», прошедших процесс опрощения своей структуры, если в лексическом значении глагола преобладают модальные компоненты, оно близко словам категории состояния, предикативам; если глагол употребляется в составе безличного предложения в строго определенной морфологической форме (формах); например: *Ему несдобровать; Ей недоставало усидчивости*. Таким образом, устойчивые коммуникативные образцы глагольных предложений способствуют фразеологизации глагольного слова, и в системе закрепляется его орфографический облик.

Ср. безличный глагол несовершенного вида *неймется*, который не имеет формы прошедшего времени. Без отрицательной частицы «не» основа не существует и у однокоренного глагола *неймет* – *Видит око, да зуб неймет* (пословица).

Глагол *неймется* содержит отрицательный модальный компонент: предложения с этим глаголом обозначают неконтролируемые, стихийные процессы и состояния, которые не зависят от воли человека. Так говорят о беспокойном поведении кого-то, о его нетерпеливом желании делать что-то; о том, кто не в силах уняться, уgomониться; ср.: [Дикой:] *Раз тебе сказал, два тебе сказал... тебе все неймется!* (А. Островский).

3.2. Слова в позиции предиката (в признаковой зоне высказывания) усиливают свой ассертивный смысл. В этой позиции слова разных частей речи с отрицательным компонентом значения, при употреблении с частицей «не», получили статус устойчивых выражений, экспрессивного способа выражения утверждения; например: *Она не преминула сказать об ошибках прежнего председателя правления; Он не упускал случая подразнить соперника; Он был не дурак подработать на стороне; Парень не промах, любит поболтать с девушками.*

3.3. Вне зависимости от конкретной модельной семантики предложения, отрицательный компонент в значении синтаксической позиции предиката принимает участие в процессе фразеологизации, на что указывает употребление усилительной частицы «ни» при местоименных словах в данной позиции; например: *Она пришла никакая; Ему все нипочем; Ни за что! Это все ни к чему.* При этом выражается мнение говорящего (синтаксического субъекта) – “утверждение отрицательного смыслового компонента”.

Синтаксическая семантика сложноподчиненных уступительных предложений показывает, что отрицательный смысловой компонент в главной части сложноподчиненного предложения, если не выражается лексическим элементом, то подразумевается: “отсутствие изменений в положении дел, отсутствие иного действия”; например: *Сколько он ни приводил доводов, она продолжала посещать эти курсы; Какого бы*

вопроса она ни касалась, разговор всегда идёт внутри духовно-нравственного поля (газ.).

4. «Внешнее оформление» асертивного смысла глагольных предложений: лексический комплекс «отрицание *не* + глагол».

Композиционная семантика таких предложений показывает, что грамматическая оформленность глагола и его морфемная членимость могут быть явлениями разного порядка – орфографической традиции и особого значения лексемы. У некоторых глагольных слов отрицательная частица является элементом ее внутренней формы, ср.: *Кому недостает ласки* (частица «не» входит в состав префикса *-недо*); *Кому не хватает ласки* (частотное употребление данного глагола с отрицанием). Смысловое единство, которое сформировано процессом фразеологизации, участвует в линейной организации речи, выполняет определенную синтаксическую функцию: в следующих семантических группах глаголов отрицательная частица не входит в состав слова, но синтаксические образцы показывают процесс лексикализации комплекса «отрицание + глагол». Они иллюстрируют системно закрепленный экспрессивный способ выражения утверждения, способ представления категорий «Бытие», «Наличие», «Обладание».

4.1. Предложения бытия, наличия, с глаголами, имеющими значение «отрицательно оцениваемый говорящим признак». Частица «не» сообщает высказыванию положительный смысл. Формальный признак конструкций – глагол обнаруживает морфологическую ригидность: это формы несовершенного вида настоящего времени (реже – прошедшего); например: *Вчерашний случай не идет из головы*; *Старуха его работала санитаркой в больнице, поэтому спирт у них никогда не переводился и никогда не переводился зря* (С. Соколов), т. е. был в наличии; *Пускай говорит. От его слов тебя не убудет!* (А. Островский); *Улыбка не сходила с его лица*.

4.2. Предложения характеристики, имеющие общее значение “утверждение отрицательного предикативного признака как свойства, качества субъекта”, организованные глаголами с низкой степенью членимости и высокой степенью фразеологизации; например: *Время не ждет; Работа не стоит* (Работа продолжается); *Парень не подкачает; За мной не заржавеет; На небе звезд не счесть* (много).

4.3. Предложения, обозначающие вневременное, постоянное положительное свойство субъекта или качество предмета (как правило, это глаголы несовершенного вида в форме наст. времени); например: *Эта ткань не мнется; Сосед не пьет, не курит; Бумага не салилась, Лампа не чадит.*

4.4. Предложения с отрицательным модальным компонентом в глаголе, характеризующие лицо; например: *Он не водил машину* (“не умел водить”); *Девушка не готовит* (“не умеет готовить еду”).

4.5. Предложения, обозначающие отрицательную характеристику работы механизмов, неисправность приборов, приспособлений, их поломку; например: *Машинка не шила; Почта не ходит; Молния не застегивается.*

5. Особое лексикографическое представление глаголов с отрицанием в толковых словарях, которые потеряли акциональное значение и приобрели значение характеристики. Степень связности частицы «не» с глаголом в предложениях с семантическим комплексом «отрицание + глагол» выше, чем в предложении с отрицанием, относящимся ко всему составу сказуемого: глагольная лексема использует частицу «не» для показа своей лексической законченности. Нет необходимости слитного написания отрицательной частицы с этими лексемами, поскольку в других случаях, когда глагол имеет акциональное значение, в высказываниях с другими дейктическими координатами, глаголы не имеют компонента «отрицание» в своем значении, могут коррелировать с глаголами без частицы «не»;

например: *Сейчас девушка не готовит, она шьет; Она готовит этот торт по-другому.*

Заключение. Семантический анализ с применением методологического конструкта «фразеологизация» объясняет особенности синтаксической семантики и синтагматики значимых единиц языка разного уровня, выявляет сложившиеся и складывающиеся парадигматические системные отношения, делает возможным решение проблем лексикологии и дискурсивной нормы.

Исследование позволяет дать рекомендации лексикографического представления в толковых словарях отдельных групп акциональных полисемантических глаголов со вторичным значением характеристики, бытия, наличия, у которых имеет место «внешнее оформление» ассертивного смысла – с помощью отрицательной частицы «не». Словарная статья в толковых словарях должна быть руководством при употреблении данных глаголов в разных коммуникативных типах речи. Неакциональные значения должны отмечаться как самостоятельные; в словарной статье должно быть указание на наличие частицы «не», на морфологические характеристики глагола.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В. М. Структурализм и современная лингвистика // Вестник Института востоковедения РАН. 2018, № 5. С. 146–150.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: «Прогресс». 1974. 448 с.
3. Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Русское письмо в правилах с комментариями. М.: Издательский центр «Азбуковник». 2011. 360 с.
4. Бешенкова Е. В., Иванова О. Е., Чельцова Л. К. Объяснительный русский орфографический словарь-справочник. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2015. 592 с.
5. Бодуэн де Куртенэ И. А. Об отношении русского письма к русскому языку // Современное русское письмо. Графика, орфография, пунктуация. Хрестоматия научных работ. Спб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та. 2019. 532 с. – С. 10–36.
6. Виноградов В. В. О необходимости усовершенствования нашего правописания // Вопросы русской орфографии. М.: Наука, 1964. 136 с. – С. 5–22.
7. Виноградов В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Виноградов В. В. Избранные работы. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. 312 с. – С. 118–139.
8. Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Языки русской культуры. 1998. 768 с.

9. Демьянков В. З. О стратегиях нормирования русского языка // Лингводидактика. Социолингвистика. Языки мира. К 90-летию со дня рождения академика И.Ф. Протченко. М.: Институт языкознания РАН. 2008. 191 с. – С. 50–61.
10. Ломоносов М. В. Российская грамматика // Ломоносов М.В. Полное собр. соч. в 10 томах. 2-е изд., испр. и доп. Т. 7. Труды по филологии. М. – СПб. Наука, 2011. 863 с. – С. 305–461.
11. Панов М. В. О слове как единице языка // Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004. 568 с.– С. 51–87.
12. Потеня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I –II. М.: Учпедгиз. 1958. 536 с.
13. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В.В. Лопатина. М.: Эксмо. 2006. 480 с.
14. Розенталь Д. Э., Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П. Справочник по русскому языку: правописание, произношение, литературное редактирование. 2-е изд. испр. Айрис-пресс, 2005. 768 с.
15. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация. Виды наименований. М.: Наука, 1977. 359 с. – С. 129–221.
16. Телия В. Н. Типы языковых значений. Связанные значения слов в языке. М.: Наука, 1981. 269 с.
17. Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. Т.1. М.: Учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР. 1956. 472 с.
18. Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение. Общий курс. М.: Красанд, 2010. 184 с.

МИХАЙЛОВА Татьяна Витальевна (*Красноярск, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент
Сибирский государственный университет науки и технологий
имени академика М.Ф. Решетнева
ta.rada@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ И ОЦЕНОЧНЫХ СМЫСЛОВ В ДРЕВНЕРУССКИХ ТЕКСТАХ ПОТЕСТАРНОЙ ТЕМАТИКИ

Аннотация. В статье речь идет об эволюции эмоциональных и оценочных смыслов в древнерусских текстах потестарной семантики. Рассмотрено функционирование высказываний, оценочность которых проявляется с помощью эмотивной лексики, в тексте Повести временных лет на материале Лаврентьевского списка 1377 года.

Эмоциональная семантика является важной составляющей частью многих древнерусских текстов, что объясняется сложностью целей и задач, которые стояли перед создателями данных текстов. Тексты потестарной (властной) семантики, с одной стороны, репрезентируют представления о власти в различные периоды русского государства, с

другой стороны – вырабатывают механизмы конструирования образов власти (княжеской, царской).

Одним из основных способов создания представлений о (должной, долженствующей, надлежащей) власти становится экспликация оценочности на всех языковых и текстовых уровнях. В статье рассмотрены особенности функционирования высказываний, оценочная сторона которых проявляется с помощью эмотивной лексики.

В качестве материала исследования выступает текст Повести временных лет [далее в тексте – ПВЛ. – Т.М.]. Как известно, повествование в Лаврентьевской летописи доведено до 1305 года, а в составе Лаврентьевской летописи представлен самый старый из сохранившихся список «Повести временных лет». Лаврентьевская летопись отражает в разных своих частях южнорусское, владимирское, ростовское и тверское летописания, является основным источником по истории северо-восточной Руси.

Проект факсимильного представления Лаврентьевской летописи в электронной среде на базе информационно-поисковой системы «Депозитарий», как сказано на сайте проекта, является пилотным и рассматривается как универсальная модель информационного раскрытия уникального памятника и обеспечения сохранности оригинала [10]. Развитием указанного интернет-ресурса станет серийная публикация рукописных раритетов и памятников рукописной книжности, хранящихся в фондах Российской национальной библиотеки.

Цитаты из Повести даются по электронному факсимильному изданию с указанием листов оригинала. Оригинал данного списка Лаврентьевской летописи хранится в Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург), шифр рукописи – F.п.IV.2.

Как убедительно показал Г. М. Прохоров в своей статье в сборнике «Вспомогательные исторические дисциплины» (Л.: Наука, 1972), рукопись Лаврентьевской летописи подверглась переделке в той части,

которая касается «татарского участия» в русской истории (лл. 153–161) [12: 103; см. также 13]. Подобные же переделки и изменения могли коснуться образов властителей, что, по мнению автора, может свидетельствовать о пристальном внимании писцов и переписчиков к содержанию создаваемых ими текстов.

Оценочно-эмотивные высказывания ПВЛ.

В ПВЛ отображаются различные способы репрезентации представлений о власти. Многие из них имеют давнюю устную традицию, закрепившуюся в преданиях и легендах. В процессе создания летописных текстов вырабатывается особый язык, описывающий государственные институты власти средневековой Руси. Идеологические и политические установки выражаются в летописи с опорой на различные субъективные смыслы, которые так или иначе связаны с проявлением категории эмотивности и оценочности в тексте.

Как известно, способы выражения оценочной семантики в Повести временных лет зависят от типов изложения данного текста, которые достаточно полно описаны в работах И. П. Еремина [6].

Выражение оценочных смыслов с помощью эмотивной семантики в лингвистике не раз обсуждалось в работах [3; 4]. Описание эмоций и эмоциональных состояний часто помогает выражению оценочной категории, но это не является обязательным

Мы понимаем оценочность как модусную квалификативную категорию. В основе оценочного высказывания лежит мнение о ценности предмета действительности. Эмотивные высказывания – это дескриптивные высказывания, описывающие внутреннюю жизнь субъекта. Способы объединения эмотивности и оценочности в разных типах текста разных временных периодов может иметь свою специфику.

Оценочные высказывания, использующие эмотивную семантику в ПВЛ, необходимо отделять от конструкций формульного характера, хотя и включающих в себя эмоциональные номинации и предикаты, но

предназначенных в первую очередь для выражения политических и дипломатических смыслов. История изучения этих формул достаточно долгая и обширная, см., например, работу О. В. Творогова [14: 277–284].

Исследования В. В. Колесова показывают, что развитие древнерусского литературного языка связано с накоплением языковых формул и дальнейшим их развитием в тексте (расширением, переосмыслением, варьированием) [7: 136–148].

1. Часть формул, в которых каким-либо образом отражены властные представления, восходит к христианской этической системе.

«Ключевыми категориями, в которых русские правители определяли характер взаимных политических и правовых обязательств как в отношениях друг с другом, так и в контактах с соседними державами, оказались категории христианской этики: любовь – нелюбье, дружба – недружба, добро – недобро» [16: 8].

Дипломатические и политические формулы, выражающие установление или разрушение дружеских отношений Руси с другими странами, хорошо известны.

Такие формулы могут иметь различную структуру, эмотивная лексика может быть выражена как в именных, так и в предикативных синтагмах, но с точки зрения семантики важно, что они имеют специфическое символическое значение, характерное для языка дипломатии и внешней политики:

и утвердиту любовь межю Греки и Русью [10: л. 14 об] [здесь и далее цитаты из текста Повести временных лет даются по электронному факсимильному воспроизведению, указанному выше. – прим. автора].

сворити любовь съ самеми цари, со всемь болярствомъ и со всеми людьми [10: л. 14 об.];

И иже помыслить от страны Руския разрушити таку любовь [10: л. 14 об.];

И реша сли цареви: «Се посла ны царь, радъ есть миру, **хощеть миръ имети со княземъ рускимъ и любъве...**»[10: л. 14 об.];

Они же послушали его и послали ему меч и другое оружие, и несоша к нему. Онъ же, примь, нача хвалити, и **любити**, и целова царя [10: л. 22].

Такие формулы, при всей их закреплённости в политическом символическом языке, несут в себе коннотативные оценочные смыслы, связанные с выражением важных христианских понятий (*любовь, добро*).

2. Описание состояния дел в обществе через эмоциональную семантику.

Синтагмы с эмотивной лексикой в ПВЛ могут описывать некое состояние дел в обществе, отношения между князьями, между князем и дружиной, мужами, горожанами, которые, видимо, относятся к дохристианским способам описания власти, см. военные формулы, описанные акад. А.С. Орловым [12: 45–49].

Для описания фактов, связанных с описанием общественно-политической действительности, используются либо предикаты эмотивной семантики, либо сочетание предиката (бытийного, акционального, ментального) и номинации-эмотива.

2.1. Выбор того или иного предиката или формулы для презентации определенного события не случаен и имеет статус почти обязательного элемента в тексте. Например, описание отказа новгородцев от князя с помощью эмоционального предиката (*не хотети*):

И реша новгородци Святополку: «Се мы, княже, прислани к тебе, и рекли ны тако: **не хочем** Святополка, ни сына его [10: л. 93].

Глагол *хотети*, выражающий внутреннее эмоциональное состояние человека или группы людей, часто используется для описания общественной, политической и военной жизни, поскольку

объясняет мотивы поступков, облеченных властью или групп, имеющих на них влияние:

*Дружина же Всеволожа **хотяхуть** крепко ехати на Святослава. Всеволодъ, благосердъ сы, **не хотя** крове прольяти не еха на нь [10: л. 131 об.].*

Предикаты, выражающие внутреннее состояние властного субъекта, могут объединяться друг с другом – ((не) *любо* и (не) *хочу*), усиливая описание мотивов субъекта. В таких высказываниях появляется ещё и причинная семантика:

*Рече Святославъ къ матери своей и къ боляромъ своимъ: «**Не любо** ми есть в Киеве быти, **хочю** жити с Переяславци в Дунаи, яко то есть среда в земли моей, яко ту вся благая сходятся [10: л. 20].*

2.2. Как уже говорилось, этические понятия, характеризующие общественно-политическую жизнь, являлись важным фактором в тексте ПВЛ. Один из распространённых способов их выражения в тексте – использование бытийного и/либо посессивного предикатов в сочетании с эмотивным именем *любовь, ненависть*:

*Олеги же сего не послуша, и **бысть межи ими ненависть** [10: л. 76];*

*Се азъ отхожу света сего, сынове мои, **имейте в себе любовь**, понеже вы есте братья единого отца и матери. Да аще **будете в любви** межю собою Богъ будетъ в васъ [10: л. 54 об.].*

В таких высказываниях, несомненно, присутствует и субъективная оценка, но она лишь сопутствует эксплицированным в тексте этическим принципам.

Другой способ описать общественно-политическую жизнь, опираясь на этические понятия, – описать внешнее проявление властителя, имеющее символическое политическое значение. «*Показать любовь*» – признать право на княжение по старшинству:

Елма же ты, брате мой, показа ко мне любовь, введе мя на столъ мой, и нарек мя старейшину себе, се азъ не помяну злобы первыя, ты ми еси братъ, а я тебе, и положю главу свою за тя [10: л. 68].

3. Эмоциональные предикаты в экспликации оценочных смыслов.

Далее рассмотрим функционирование эмоциональных предикатов для экспликации собственно оценочных смыслов. Подходя к описанию таких высказываний в ПВЛ, надо отметить, что разноплановость в изображении лиц и событий в зависимости от типа текста (деловой рассказ или описание, близкое агиографической и панегирической манерам повествования) порождает и разные способы взаимодействия оценочных и эмоциональных смыслов.

3.1. Дешифровка реальных событий.

«Перевод» реальных событий на особый язык, связанный с духовным миром. Автор использует эмоциональные предикаты, характеризующие состояние человека, и предикаты, репрезентирующие интенции и действия божественного субъекта:

Се бо на ны Богъ попусти поганым, не яко милуя ихъ, но насъ кажа, да быхомъ ся востягнули от злых дель. Симъ казнить ны нахоженьемъ поганых, се бо есть батогъ его, да негли втягнувшеся вспомянемъся от злаго пути своего [10: л. 73 об.–74] ('это ведь Бог напустил на нас поганых, не их милуя, а нас наказывая, чтобы мы воздержались от скверных дел. Так он наказывает нас нашествием поганых; это ведь бич его, чтобы мы, опомнившись, воздержались от дурного пути своего');

и рече Володимеръ: «Съ день, иже створи Господь, възрадуемъся и възвеселимъся во нь», яко Господь избавил ны есть от врагъ наших, и покори врагы наша [10: л. 94].

Божественный субъект может быть представлен как источник нужного эмоционального состояния. Молодые половцы до

Божественного вмешательства не испытывали чувства страха перед русскими воинами:

*И реша унейшии Урусобе: «Аще ты боишия Руси, но мы **ся не боимъ**. Сия бо избивше, поидем в землю ихъ, и примем грады ихъ, и кто избавить ихъ от насъ?»* [10: л. 93 об.].

Эмоциональное состояние врага меняется на противоположное благодаря Божественному вмешательству:

*И Богъ великий **вложи ужастъ велику** в половце, и **страх нападе на ня** и трепеть от лица русских вой, и дремаху сами, и конем ихъ не бе спеха в ногах* [10: л. 93 об.].

3.2. Эмоциональный предикат и объект, на который направлено чувство.

Этот способ выражения оценки характерен для контекстов, насыщенных агиографическими приемами описания. Как правило, это посмертные похвалы князьям. Для создания нужной оценочности, кроме предиката *любить*, важен становится сам объект, на который направлено чувство:

*Сий бо благоверный князь Всеволодъ бе издетьска боголюбивъ, любя правду и набдя убогия, и въздая честь епископомъ и презвутером, **излиха же любяше черноризци**, подаяше требованье имъ* [10: л. 72];

*Преставися христоролюбивый великий князь Костянтинъ, сынъ Всеволожь, внукъ Гюргевъ, правнук Володимера Мономаха. Сь бе блаженный князь зело украшень всеми добрыми нравы, **възлюби Бога** всею душею и всем желаньем* [10: л. 151 об–152].

Этот же способ выражения оценки используется и в контекстах, критичных по отношению к князю:

*И **нача любити смыслъ уных**, светъ творя с ними, си же начаша заводити и негодовати дружины своя первыя, и людем недоходити княже правды* [10: л. 72].

В этом высказывании приязнь князя, направленная на недостойный объект, т.е. к разуму молодых, в сочетании с пренебрежением старой [=старшей] дружиной, становится причиной плохого управления.

3.3. Эмоциональный предикат и каузативно-оценочные смыслы.

Описания состояний радости и печали в тексте ПВЛ легко дополняются пояснениями причин, вызывающих данные состояния:

Мы бо вемы милосердые Ярополче, яко не радуется крови пролитью, но Бога ради всхоцеть мира [10: л. 101 об.];

И ныне, брате, не туживе. Аще будеть нам причастье в Русской земли, то обема, аще лишена будеве, то оба. Азь сложю главу свою за тя [10: л. 67–67 об.].

Оценочное значение высказываний этих высказываний создаётся путём соединений эмоциональной и каузативной семантики. Это происходит не всегда. Ср., например, чисто информативное описание гневного состояния князя Юрия, послужившее причиной для отказа в просьбе:

Изяславу же молвящую: «Мне отчины нету в Вугрехъ, ни в Лясах, токмо в Русстей земли. А просими у отца Погорины». **Гюргеви же гневающюся на нь и не хотящю ему да[т]и волости** [10: л. 110] ('Изяслав же говорил: Для меня наследной земли нет ни у венгров, ни у поляков, только в Русской земле. А попроси мне у отца Погорины. Юрий же гневался на него и не хотел ему дать волости').

3.4 Описание эмоций субъекта-реципиента.

Оценочная категория создаётся посредством проявления точки зрения субъекта-наблюдателя. В высказывании описываются чувства этого субъекта, возникающие при наблюдении объекта и оценки качеств наблюдаемого. В этом случае важным является статус субъекта-реципиента:

Иде Ольга въ Греки и приде Царюгороду. Бе тогда царь имянемъ Цемьский; и приде к нему Ольга, и видевь ю, добру сущу зело лицемъ и смыслену, удививъся царь разуму ея [10: л. 17];

Удивишася небеснии ангели, видяще кровь твою прольемую за Христа, рыдаетъ же множество правоверныхъ, зряще отца сирымъ и коръ мителя омраченымъ, звезду светоносную помрачаему [10: л. 124 об.].

Текст ПВЛ демонстрирует способы описания событий и персон, важных для выработки представлений о власти и их дальнейшей кристаллизации в древнерусском общественном сознании. Приемы создания нужной оценочности с помощью эмоциональных смыслов продолжают разрабатываться древнерусскими книжниками в течение последующих столетий. В период интенсивных публичных обсуждений, когда вырабатывались идеологические обоснования московского царства, интерес к описанию внутреннего мира православного правителя, к его эмоциональной и ментальной сфере все возрастает. Многослойная природа древнерусской власти московского периода своими корнями связана с разработкой представлений о праведной власти первого христианского русского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко Л. Г. Алфавит эмоций: словарь-тезаурус эмотивной лексики. Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый, 2022. 432 с.
2. Балли Ш. Язык и жизнь. М.: Едиториал УРСС, 2003. 232 с.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.
4. Вольф Е. М. Эмоциональные состояния и их представление в языке // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989. С. 55–75.
5. Еремин И. П. Киевская летопись как памятник литературы // ТОДРЛ. М.; Л.: 1949. Т. 7. С. 67–97.
6. Калимуллина Л. А. Семантическое поле эмотивности в русском языке: синхронный и диахронический аспекты (с привлечением материала славянских языков). Диссертация... д-ра филол. наук. Уфа, 2006.
7. Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1989. 296 с.
8. Колесов В. В. Мир человека средневековой Руси. М.: Академический проект, 2019. 659 с.

9. Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности: в двух томах. СПб.: Златоуст, 2014. Т. 1: А – О. 591 с. – Т. 2: П – Я. – 592 с.

10. Лаврентьевская летопись (электронное факсимильное издание рукописи по списку 1377 г., хранящемуся в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге, шифр: Ф.п.IV.2).
[URL://https://expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/manuscript1.html](https://expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/manuscript1.html)

11. Одесский М. П. Поэтика власти на Древней Руси // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2000. № 1. С. 4–10.

12. Орлов А. С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М.: Изд. Имп. О-ва истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1902. 50 с.

13. Прохоров Г. М. Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи // Вспомогательные исторические дисциплины. Л.: Наука, 1972. Т. 4. С. 83–104.

14. Русинов Н. Д. О происхождении текста Лаврентьевской летописи // Идеология и культура феодальной России. Горький, 1988. С. 13–27.

15. Творогов О. В. Традиционные устойчивые словосочетания в «Повести временных лет» // ТОДРЛ. М.; Л. 1962. Т. 18. С. 277–284.

16. Филюшкин А. И. Московская неонатальная империя: к вопросу о категориях политической практики // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009. Сер. 2. Вып. 2. С. 5–20.

ПАРАХОНЬКО Людмила Вячеславовна (*Бельцы, Молдова*)

кандидат филологических наук, ассистент
Бельцкий государственный университет имени Алеку Руссо
parakhonko91@mail.ru

ГЕШТАЛЬТ-СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД КАК МОДЕЛИРОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА А. П. ЧЕХОВА

Аннотация. В настоящей работе исследуется гештальт-синергетический подход как моделирование семантического пространства художественного текста А.П. Чехова. В связи с чем эксплицируется кауза такой «спаянности» двух наук: когнитивной лингвистики и синергетики как интегративной области научного познания, а именно их отношение к психолингвистике. Кроме того, акцентируется внимание на «стержневых факторах» синергетики для констатации закона подобия формы и содержания футлярности в двух рассказах А.П. Чехова: «Человек в футляре» и «Крыжовник». В результате чего выстраивается мегаконцепт «антропос» как развоплощение видовых характеристик футляра.

Ключевые слова: гештальт-синергетический подход, ментальная репрезентация, психолингвистика, концептосфера, антропос, футлярность, художественный дискурс.

Abstract. The given paper explores the gestalt-synergistic approach as a modeling of the semantic space of artistic text by A.P. Chekhov. In this connection, the reason for such “cohesion” of two sciences is explicated: cognitive linguistics and synergetics as an integrative field of scientific knowledge, namely their relationship to psycholinguistics. In addition, attention is focused on the “core factors” of synergetics to establish the law of similarity of form and content of *futlyarnost'* in two stories by A.P. Chekhov: “Person who

keeps himself in cotton-wool” and “Gooseberry”. As a result, the mega-concept “anthropos” is built as a disembodiment of the specific characteristics of the case.

Keywords: gestalt-synergetic approach, mental representation, psycholinguistics, sphere of concepts, anthropos, *futlyarnost'*, artistic discourse.

Гештальт представляет собой чувственно-воспринимаемое явление, которое экспонировано в сознании комплексной картиной [13: 78; 6:118]. Следовательно, гештальт, как закрепленный лексемой целостный образ, можно отнести к концепту – когнитивному классификатору (термин Дж. Лакоффа). Таким образом, гештальт – ментальная репрезентация (по Е. С. Кубряковой, некий «...процесс представления мира в голове человека, замещение внеязыковых предметов и их растворение в мыслительных процессах» [7: 157] опыта определенного индивида, устанавливающего связи в категориальных цепочках понятий, так сказать, идеальные, или умозрительные модели мира [9: 23].

К гештальтам можно отнести и концепты-прототипы, т.е. родовые термины, *собираательные единицы типа птица, животное и др.:* получается, что стимулы, рожденные словом, часто дают ассоциативные реакции по примеру *типичный представитель (цветок – роза, ромашка и т.д.)*, поэтому типичными гештальтами принято называть такие концепты, как: любовь, пытка, судьба, искренность, т.е. абстрактные явления [15: 57].

Необходимо отметить, что семантическая структура данной имплицатуры содержит и динамические, и статические аспекты описываемого объекта [16 : 78–83].

Согласно Ю. Н. Караулову, *семантический гештальт* представляется возможным *встроить* в ассоциативное поле, т.к. гештальт дефинирован как комплексная, целостная картина мира [8: 45]. Другими словами, эмерджентность (слияние) гештальта и ассоциативного поля объясняется репрезентацией поля через

совокупность его уровней: фонетического, лексического, синтаксического, морфологического, когнитивного, прагматического. Так *реконструируются* дискретные части целой наивно-языковой картины мира. Этим обстоятельством мотивирована **актуальность** исследования: системно-уровневое описание языка позволяет рассмотреть ассоциативное поле с точки зрения лингвистических и когнитивных оснований, что очень важно, т.к. данная концепция имеет отношение к психолингвистическому способу, изучающему мысль-речевую языковую деятельность человека, что позволяет также выявить и этнокультурную специфику языкового сознания в структуре ассоциативного поля. **Цель** статьи – построить семантический гештальт «Мечта» как ассоциативное поле на материале рассказа А. П. Чехова «Крыжовник» (актуализируя, в основном, пережитое Николаем Ивановичем).

Итак, **фонетико-морфологический уровень** ассоциативного поля представлен следующим образом: дождевые тучи – дождь, именишко – имя, усадьба – усадьба, деньжонки – деньги (суффиксальный способ образования, особенно во 2,3 и 4 парах, способствует выражению пренебрежительной коннотации реалий; создается субъективная оценочность, данная нарратором, при помощи эмотивно-прагматического аспекта текста, т.к. моделируется потенция противоположной интерпретации указанных предметов), барский дом – барин, деревенская жизнь – деревня (здесь ранее упомянутый способ образования лексемы маркирует категорию посессивности, т.е. определение названия объекта через его отношение к некоторому лицу или предмету; возможно, так благодаря монолитности формы и содержанию лексических единиц подчеркивается то, что Николай Иванович достиг желаемого результата).

Лексический уровень учитывает *лексико-категориальные отношения*, т.е. стимул и реакции рассказчика, агенса, о благополучии

пациенса, брата Ивана Ивановича (макроструктура поля): свобода (*ассоциации*) – берег реки, луга, зеленые ивы, усадьба, холмы, дождь; *контекстуальные синонимы*: свобода, природа, усадьба, крыжовник, деревенская жизнь, деньги, имение, простор, особенности свободного духа, громко возмутился («“Далеко впереди еле были видны ветряные мельницы села Мироносицкого, справа тянулся и потом исчезал далеко за селом ряд холмов, и оба они знали, что это берег реки, там луга, зеленые ивы, усадьбы, и если стать на один из холмов...”»; “и минут через пять лил уже сильный дождь, обложной...” [18: 337]; “человеку нужно не три аршина... а вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа” [18: 338]; “– Деревенская жизнь имеет свои удобства, – говорил он, бывало. – Сидишь на балконе, пьешь чай, а на пруде твои уточки плавают, пахнет так хорошо, и... и крыжовник растет” [18: 340] ; “...из пятидесяти тысяч, живущих в городе, ни одного, который бы вскрикнул, громко возмутился”») [18: 344]; *синонимы*: человеческое счастье, тишина, спокойствие, общий гипноз («“К моим мыслям о человеческом счастье всегда почему-то примешивалось что-то грустное...” ; “Между тем во всех домах и на улицах тишина, спокойствие...” [18: 338]; “Это общий гипноз”») [18: 345]; *антонимы*: усадьба – казенная жизнь («А вы знаете, кто хоть раз в жизни поймал ерша или видел осенью перелетных дроздов, как они в ясные, прохладные дни носятся стаями над деревней, тот уже не городской житель, и его до самой смерти будет потягивать на волю. Мой брат тосковал в казенной палате») [18: 344]; *бедность – сытость* («Раньше она была за почтмейстером и привыкла у него к пирогам и к наливкам, а у второго мужа и хлеба черного не видала вдоволь; стала чахнуть от такой жизни да года через три взяла и отдала богу душу») [18: 340]; *антонимы*: свобода – теснота («Везде канавы, заборы, изгороди, понасажены рядами елки, – и не знаешь, как проехать во двор, куда поставить лошадь (об имении Николая Ивановича)») [18:

340]; *прекрасное – ужасное* (противопоставление «красивой Пелагеи», служанки Алехина, и страшной, похожей на свинью, служанки брата Ивана Ивановича, а также оппозиция между счастливыми и несчастными людьми); *антонимы: тишина – статистика* («Мы видим тех, которые ходят на рынок за провизией, днем едят, ночью спят, которые говорят свою чепуху, женятся, старятся, благодушно тащат на кладбище своих покойников; но мы не видим и не слышим тех, которые страдают, и то, что страшно в жизни, происходит где-то за кулисами. Все тихо, спокойно, и протестует одна только немая статистика: столько-то с ума сошло, столько-то ведер выпито, столько-то детей погибло от недоедания...») [18: 344–345].

Синтаксический уровень дескриптирует отношения между *стимулом и реакцией: усадьба* – «и эта тоска у него мало-помалу вылилась в определенное желание, в мечту купить себе **маленькую усадьбу...**» [18: 338]; «...но этому желанию запереть себя на всю жизнь в собственную усадьбу я никогда не сочувствовал » [18: 338]; «уходить из города, от борьбы, от житейского шума, уходить и прятаться у себя в усадьбе – это не жизнь, это эгоизм, лень, **это своего рода монашество, но монашество без подвига**» [18: 338]; *деньги* – «деньги, как водка, делают человека чудачком» [18: 340]; *река как часть усадьбы* – «была река, но вода в ней цветом как кофе, потому что по одну сторону имения кирпичный завод, а по другую – костопальный» [18: 340]; *сытость жизни* – «“иду к дому, а навстречу мне рыжая собака, толстая, похожая на свинью. Хочется ей лаять, да лень. Вышла из кухни кухарка, голоногая, толстая, тоже похожая на свинью, и сказала, что барин отдыхает после обеда. Вхожу к брату, он сидит в постели, колени покрыты одеялом; постарел, располнел, обрюзг; щеки, нос и губы тянутся вперед, – того и гляди, хрюкнет в одеяло” [18: 340–342], “перемена жизни к лучшему, сытость, праздность развивают в русском человеке самомнение, самое наглое” [18: 344]; крыжовник – “поглядел на

меня с торжеством ребенка, который наконец получил свою любимую игрушку...»[18: 344].

Важно эмфазировать, что на протяжении всего рассказа возникает энантиосемия, или контронимия: деньги – это символ свободы, но и затворничества; счастье и несчастье, красота и безобразие, мечта как свобода и футляр находятся в одной плоскости, способной динамично перетекать в пространство другого тождественного словесного образа знака. В результате формируется бифуркация (раздвоение), точка перехода от хаоса к порядку. А порядок, в свою очередь, характеризуется относительностью, теорией относительности: движение двух объектов с постоянной скоростью следует изучать относительно друг друга. Соответственно, наше представление о мире зависит от скорости, с которой мы перемещаемся. Данное обстоятельство каузирует сочлененность с синергетическим видением мира, которое признает самоактивность экзистенции и единство мыслительных, социальных, этических процессов; оперирует категорией «Я – Другой». Так, возникает платформа для самоорганизации; смыслы рождаются вследствие диалога [1: 119]. Как видим, синергетический подход дает возможность более полноценно осознавать взаимное влияние парадигмы «природа и социум». Отсюда и идея о двойственной сути фелицитологии (центральный феномен мировоззрения), базирующейся на психологии счастья, являющимся многомерным интегративно-ментальным образованием, которое опирается на удовлетворении. Так, счастье представляет собой фелицитарный синдром, прокладывающий путь от «психологического я» к «онтологическому я» [14: 96]

Когнитивный уровень отражает знания носителя о стимуле: план имения, счастья – «а) барский дом, б) людская, с) огород, d) крыжовник» [18: 340] .

Для демонстрации отношения «человек и действительность» построим прагматический уровень поля посредством пентаграммы Сержа Гингера (Рис. 1) [11: 103]:

Рис.1. Пентаграмма С. Гингера

Поскольку *физический полюс*, сердце, рации уже зафиксированы, остановимся на социальном аспекте: «“Он уже судился с обществом и с обоими заводами, и очень обижался, когда мужики не называли его “ваше высокоблагородие”. И о душе своей заботился солидно, побарски, и добрые дела творил не просто, а с важностью. А какие добрые дела? Лечил мужиков от всех болезней содой и касторкой и в день своих именин служил среди деревни благодарственный молебен, а потом ставил полведра, думал, что так нужно. Ах, эти ужасные полведра! Сегодня толстый помещик тащит мужиков к земскому начальнику за поправу, а завтра, в торжественный день, ставит им полведра, а они пьют и кричат “ура” и, пьяные, кланяются ему в ноги”» [18: 340], а также на *метафизическом полюсе*, идеях героя: «“Николай Иваныч, который когда-то в казенной палате боялся даже для себя лично иметь

собственные взгляды, теперь говорил одни только истины, и таким тоном, точно министр: “Образование необходимо, но для народа оно преждевременно”, “Телесные наказания вообще вредны, но в некоторых случаях они полезны и незаменимы“» [18: 340].

Важно актуализировать, что данная геометрическая фигура была заимствована у Пифагора Самосского. По его мнению, пять «лучиков» звезды символизировали пять стихий: огня, воды, земли, воздуха и эфира (дух, идея), поэтому пентакль обозначает гармонию, завершенность, союз. Кроме того, в центре пентаграммы созависимости можно разглядеть телосложение человека – 1) человек стоит на своих двух ногах; физической и мета-физической; обеспечивается его равновесное пребывание в бестелесном и материальном мире; 2) раздвинутые в сторону руки отвечают за коммуникацию с другим человеком или людьми, причем левая рука сообщает информацию об аффективных образованиях, а правая – о взаимодействии с обществом, внешним миром. Голова также привязана к имманентному устройству жизни [10: 5].

Помимо сказанного, идея о гармонии знака также фундируется на рассуждении о золотом сечении внутри него (Рис. 2).

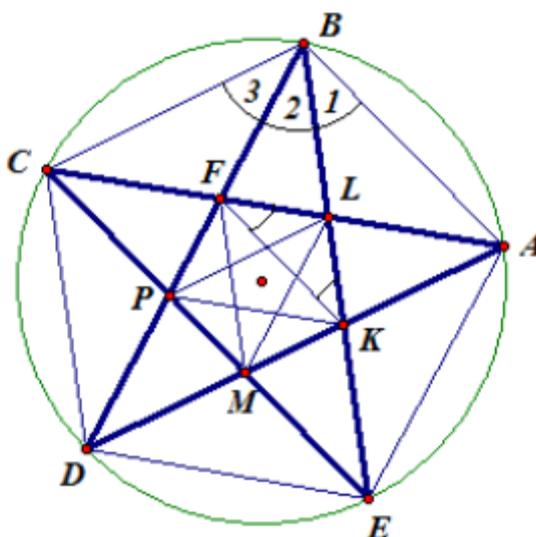

Рис. 2 Правильный пятиугольник (пентагон)

Пентаграмма представляет собой вместилище золотых пропорций и обладает следующими свойствами: величина угла правильного n-угольника вычисляется по формуле

$$\frac{180^\circ(n-2)}{n} = \frac{180^\circ(5-2)}{5} = 108^\circ \quad (1)$$

где n – количество углов.

Диагонали правильного n-угольника делят его углы на равные части, таким образом в пятиугольнике ABCDE (Рис. 2) величина углов

$$\angle 1 = \angle 2 = \angle 3 = 108^\circ : 3 = 36^\circ \quad (2)$$

Соединив в пентаграмме точки К и F, мы получим правильный пятиугольник KLFPM, т.е. $\angle KLF = 108^\circ$, тогда $\angle 1 = \angle 2 = 36^\circ$. Угол E тоже равен 36° . Исходя из того, что $\angle 1 = \angle E$, следует, что $EC \parallel KF$ (признак параллельности прямых) [2: 55]. Тогда $\triangle BEP \sim \triangle BKF$ являются подобными (соответствующие углы равны, а соответствующие стороны пропорциональны) и $EB:KB = PB:FB$ [4: 123]. Обозначив, что $EB = a$ и $KB = x$, запишем уравнение:

$$a:x = x:(a-x) \quad (3)$$

Произведя математические преобразования, получаем квадратное уравнение:

$$x^2 + ax - a^2 = 0 \quad (4)$$

Решением этого уравнения является выражение:

$$X = \frac{\sqrt{5} - 1}{2} a \quad (5)$$

Значит, $KB:EB = \varphi$ – золотое сечение [5: 3–4].

Таким образом, пентаграмма – гигиеня (в честь греческой богини здоровья Гигиен) представляет собой математическое совершенство, так как скрывает в себе золотое сечение ($\varphi = \Phi = (1 + \sqrt{5})/2 = 1,618\dots$) [3].

Известно, что тема *футлярности* охватывает еще 2 рассказа, так называемую *маленькую трилогию*: «Человек в футляре», «Крыжовник» и «О любви». Три разновидности действия, возникающего в ответ на

раздражение, негативные закономерности, помещены в рамки общего повествования. Как следствие, создается системность, которую можно отобразить при помощи моделирования концептосферы – сближения исходных в каком-либо отношении концептов [12: 83]. Правда, синергетический подход мы будем применять, обнаруживая концептуальные признаки видовых футляров, на материале только двух первых рассказов (Рис. 3).

Синтагматический «ресурс» художественных дискурсов: Беликов: физический полюс: «...выходил **в калошах и с зонтиком** и непременно **в теплом пальто на вате**. И **зонтик у него был в чехле**, и **часы в чехле**, и когда вынимал **перочинный нож**, то и **нож у него был в чехольчике**; и **лицо, казалось, тоже было в чехле**... Он носил **темные очки, фуфайку, уши закладывал ватой**... ...наблюдалось постоянное и непреодолимое стремление окружить себя оболочкой, создать себе, так сказать, футляр, который уединил бы его, защитил бы от внешних влияний» [17: 43]. Николай Иванович как соположенность Беликову: отождествление со свиньей.

2) Сердце (чувства Беликова): «Людей, одиноких по натуре, которые, как рак-отшельник или улитка, стараются уйти в свою скорлупу, на этом свете не мало» [17: ; 42]. «Своими темными очками на бледном, маленьком лице, – знаете, маленьком лице, как у хорька, – он давил нас всех [17: 44]. Николай Иванович страдал же от одиночества и неволи в городе.

3) Голова и идеи: «И мысль свою Беликов также старался запрятать в футляр» [17: 43]. «Для него были ясны только циркуляры и газетные статьи, в которых запрещалось что-нибудь» [17: 43]. «Всякого рода нарушения, уклонения, отступления от правил приводили его в уныние, хотя, казалось бы, какое ему дело? ...как бы чего не вышло» [17: 44]. Бывший же чиновник достаточно долго мучил себя строгой

экономией для того, чтобы обзавестись именем, а как разбогател, принялся за поучительство мужиков.

4) Социальный аспект: «Действительность раздражала его, пугала, держала в постоянной тревоге..., он всегда хвалил прошлое и то, чего никогда не было; и древние языки, которые он преподавал, были для него, в сущности, те же калоши и зонтик, куда он прятался от действительной жизни» [17: 43]. Главное действующее лицо из «Крыжовника», в свою очередь, судился с обществом и спаивал простой народ, дабы получить его уважение.

Так, данный мегаконцепт был спроектирован с использованием языка графического описания для объектного моделирования Unified Modeling Language (UML). В схеме UML были выделены следующие виды отношений: ассоциация, зависимость, реализация и композиция.

Отношение зависимости представляет собой связь между двумя элементами схемы, в которой изменение одного элемента (независимого – конец стрелки) может привести к изменению семантики другого элемента (зависимого – начало стрелки).

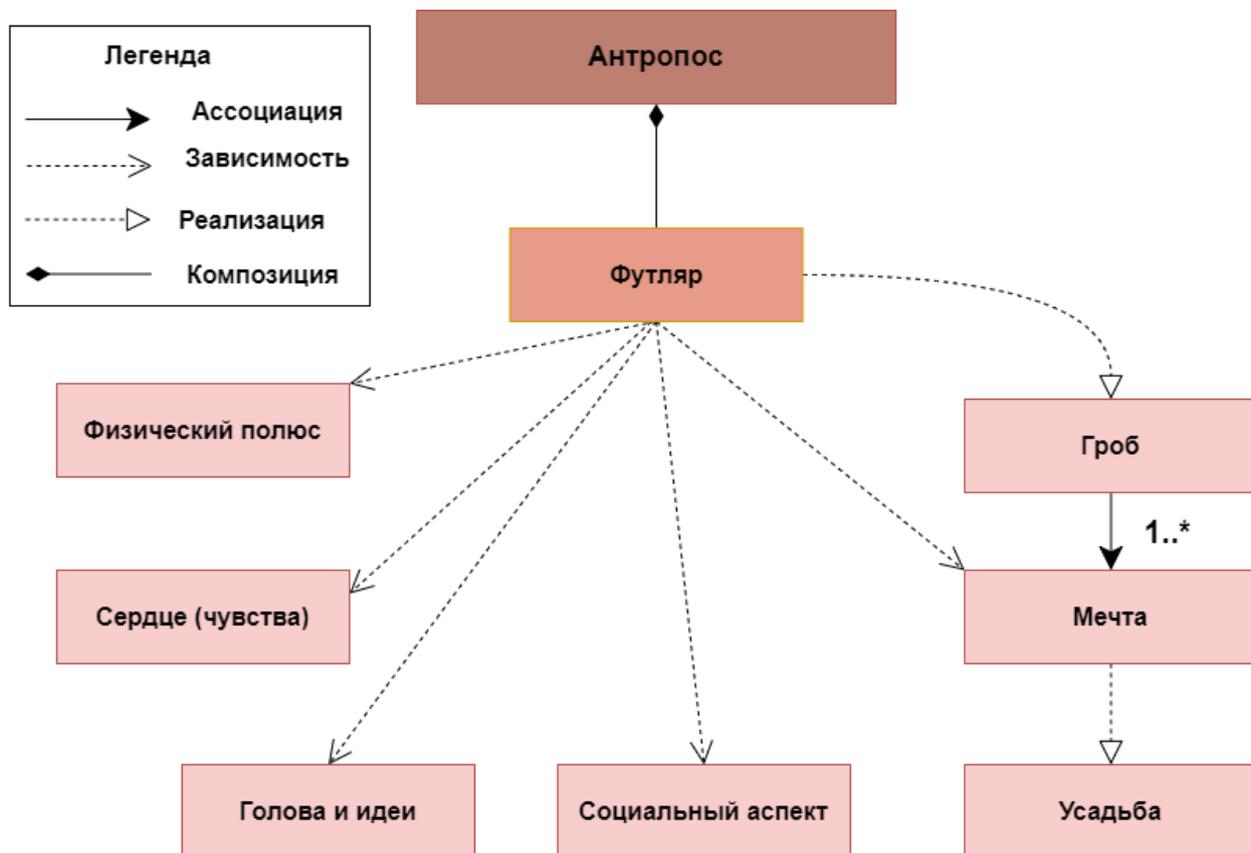

Рис. 3. Мегаконцепт «антропос»

Ассоциация, как правило, обозначает связь между элементами схемы, которая описывает набор связей, существующих между объектами. Этот набор связей уточняется пояснением, например **0..*** – отсутствие отношений или их множество, **1..*** – наличие хотя бы одной связи или их множества (гроб Беликова имеет хотя бы одну связь с мечтой).

Композиция представляет собой связь между целым (антропос) и его частью (футляр), при этом целое и часть не могут существовать друг без друга. Закрашенный ромбик указывает на целую часть.

Отношение реализации – конкретный вариант выражения одного компонента схемы в другом. В данном случае стрелка выполняет дейксис на альтернативную объективацию футляра (один тип отношений) и мечты (другой тип зависимости данных).

Итак, исходя из Рис.3, видим, что *антропос* является именем когнитивной мегаструктуры, некой константой, производящей основой

для различного воплощения *футляра* как формы, ограничивающей и детерминирующей план содержания. Человек, как олицетворение двусоставной целостности (души и тела), дихотомии, – венец своего несчастья.

Таким образом, гештальт-синергетический подход способствовал визуализации основополагающей, ядерной, родовой проблеме футляризма – антропосу. Мы в плену своих желаний, мыслей и потребностей, что может привести нас к духовному тупику при несоблюдении золотого сечения. Напрашивается также и следующий вывод: метафорическая концептуализация слова как психолингвистическая категория осуществляется в особом видении человека, его инспирированных потенциях иного отражения реальности. Так, «возможно же понять *всякое древо*, как познание божественного могущества, возникающее, благодаря сотворенным вещам, подобно тому, как говорит божественный Апостол, *невидимое Его от создания мира чрез рассматривание творений видимы*» (Рим. 1: 20) [19: 155].

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А.А. Философские аспекты синергетики// Вестник ЮУрГУ. Челябинск: ЮУрГУ, 2008. С. 118–121.
2. Геометрия. 7–9 классы: учеб. для общеобразоват. Учреждений / Л. С. Атанасян, В. Ф. Бутузов, С. Б. Кадомцев и др. М.: Просвещение, 2010. 384 с.
3. Гингер С., Гингер А. Гештальт – терапия контакта/ Пер. с фр. Е. В. Просветиной. СПб.: Специальная Литература, 1999. 287 с.
4. Гордин Р. К. Геометрия. Планиметрия. 7–9 классы. М.: МЦНМО, 2006. 416 с.
5. Золотое сечение и законы искусства/СУНЦ. М.: МГУ, 2013. 4 с.
6. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975. 722 с.
7. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов, М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 245 с.
8. Кузина О. А. Семантический гештальт как способ выявления этнокультурной специфики языкового сознания (на примере семантического гештальта микрополя «Бюро путешествий») // Филология и человек. Барнаул: АлтГУ, 2010. № 2. С. 46–55.
9. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990. 415 с.
10. Любинская А. Как создать целостное впечатление о себе: Серж Гингер и его пентаграмма. Минск, 2013. 5 с.
11. Масколье Г. Гештальт-терапия: вчера, сегодня, завтра. Быть собой. – М.: Боргес, 2010. – 134 с.

12. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001. 191 с.
13. Психология: словарь/[Абраменкова В. В. и др.] ; под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1990. 494 с.
14. Сидоренко И. В. Фелицитарная антропология: Принципы и методы//Вестник. Моск. Ун-та. М.: Моск. МГУ им М.В. Ломоносова, 2007. № 2. С. 95–100.
15. Стернин И. А., Быкова Г. В. Концепты и лакуны // Языковое сознание: формирование и функционирование: сб. статей / под ред. Н. В. Уфимцевой. М.: Наука, 1998. С. 55–67.
16. Чернейко Л. О. Гештальтная структура абстрактного имени // Филологические науки, 1995, № 4. С. 73–83.
17. Чехов А. П. Человек в футляре .Т. 10. [Рассказы, повести], 1898–1903. М.: Наука, 1977. С. 42–54.
18. Чехов А. П. Чехов жив: сборник рассказов. М.: АСТ, 2016 . 448 с.
19. Шукуров Ш. М. Гештальт и теория видения//Историческая психология и социология истории. М., 2009. С. 154–179.

СИВОВА Татьяна Викторовна (*Гродно, Республика Беларусь*)

кандидат филологических наук, доцент

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

sitavi@tut.by

**КИММЕРИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В ВОСПРИЯТИИ
К. Г. ПАУСТОВСКОГО
(ОДОРАТИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ)**

Аннотация. Статья посвящена реконструкции фрагмента одоративной картины мира К. Г. Паустовского на материале киммерийского текста. В результате исследования выявлен состав значимых в передаче одоративного впечатления о киммерийском пространстве лексем со значением 'запах'; установлены как стандартные, так и нестереотипные источники запаха; раскрыта авторская специфика перцепции запаха киммерийского пространства; описана роль одоративных дескрипций в конструировании киммерийского хронотопа.

Ключевые слова: перцепция, обоняние, художественный текст, языковая картина мира, К. Г. Паустовский.

Abstract. The article is devoted to the reconstruction of a fragment of K. Paustovsky's odour picture of the world on the material of the Cimmerian text. As a result of the research the composition of lexemes with the meaning 'smell' significant in conveying odour impression of the Cimmerian space is revealed; both standard and individual-author's sources of smell are established; the author's specificity of smell perception of the Cimmerian space is revealed; the role of odour descriptions in the Cimmerian chronotope constructing is described.

Keywords: perception, sense of smell, artistic text, linguistic picture of the world, K. Paustovsky.

Современная антропоцентрическая парадигма в лингвистике, характеризующаяся вниманием к ментальному и эмоциональному миру человека, к его взаимодействию с внешним миром, связанная с «попыткой рассмотреть языковые явления в диаде “язык и человек”» [12: 213], обусловила научный интерес к проблеме описания обонятельных / одоративных / ольфакторных (от лат. *odor* запах; *olfactorius* благовонный, душистый) ощущений, к проблеме перцепции и вербализации запаха, что нашло отражение в многочисленных лингвистических исследованиях, посвященных одоративному восприятию. Так, еще в 1919 г. П. А. Флоренский, рассуждая о пространстве мира, писал: «<...> в самом понятии пространства различаются три, далеко не тождественные между собою, слоя. Это именно: пространство абстрактное или геометрическое, пространство физическое и пространство физиологическое, причем в этом последнем, своим чередом, различаются пространство зрительное, пространство осязательное, пространство слуховое, пространство **обонятельное** (выделено нами – Т. С.), пространство вкусовое, пространство общего органического чувства и т.д., с их дальнейшими более тонкими подразделениями» [28]. Так в научное обращение был введен термин обонятельное пространство. Лингвистический интерес к феномену запаха константно углублялся.

Работы последнего времени иллюстрируют возможности изучения одоративной составляющей языка, обнаруживают широкий диапазон материала исследования (лексикографические источники русского, английского, немецкого, французского яз.; данные НКРЯ; *Corpus of Contemporary American English* Марка Дэвиса; русскоязычный, англоязычный, немецкоязычный, французскоязычный художественный текст и др.), демонстрируют многообразие целей (от исследования средств номинации запаха, анализа метафоры запаха к реконструкции сегмента картины мира, описанию концепта «Запах», концептосферы

«Ольфакторное пространство» и др.). Так, И. А. Котенева описывает существующие во французском языке лексические и семантико-синтаксические средства номинации запаха с точки зрения их концептуального содержания и коммуникативной ценности; в качестве материала исследования использует лексикографические источники французского языка, а также контексты из произведений французских писателей [11]. А. А. Капанова на материале французских толковых словарей и примеров из произведений французских писателей и поэтов рассматривает особенности синестетического использования имен прилагательных, относящихся к сфере обоняния [9]. Ю. Н. Молодкина проводит комплексный, междисциплинарный анализ синестетической метафоры запаха, выявляет «модели полимодального переноса в синестетической метафоре запаха» на материале англоязычного художественного текста [15: 3]. Н. С. Павлова на основе толковых словарей русского языка и текстов, представленных в Национальном корпусе русского языка, создает комплексное описание русских слов с семой 'запах' с точки зрения их парадигматических, синтагматических связей, функциональной и национально-культурной специфики, реконструируя русскую ольфакторную картину мира [17]. М. А. Гедина на материале словарей английского и немецкого языков, а также художественных текстов англо- и немецкоязычной литературы реконструирует сегмент английской и немецкой языковых картин мира, отражающий комплексное представление о феномене восприятия, в частности сегмент, объективирующий обоняние [4]. А. А. Колупаева, используя когнитивно-ориентированный подход в изучении концепта ЗАПАХ, определяет содержательные признаки данного концепта, выявляет основные принципы его структурирования, изучает специфику его функционирования в русском языке [10]. А. В. Халльштайн, используя данные англоязычных словарей, создает комплексное описание структуры и содержания концептосферы «ОЛЬФАКТОРНОЕ

ПРОСТРАНСТВО» и выявляет национальную специфику ее репрезентации в языковой картине мира новоанглийского периода [29].

Ольфакторность становится предметом литературоведческих исследований. Например, Н. А. Рогачева ставит целью диссертации «установление закономерностей исторической динамики образно-поэтического языка запаха русской лирики, определение специфики ольфакторного пространства поэзии рубежа XIX–XX вв.» [20: 8].

Плодотворность научных изысканий, осуществляемых на материале художественного дискурса, подтверждают работы, посвященные исследованию одоративной составляющей языковой картины мира И. А. Бунина [7; 16], П. Зюскинда [27], А. П. Чехова [13], М. А. Шолохова [5] и др. писателей. Более того, согласно «Частотному словарю художественной литературы» [14], созданному на основе НКРЯ, лексема *запах* занимает 1199 место (с ipm 165.2) в списке из 5006 позиций, лексема *пахнуть* – 2692 (ipm 131.0), что свидетельствует о значимости одоративной составляющей в художественном дискурсе.

Так, М. В. Одинцова целью диссертационного исследования видит «описание одорической лексики в аспектах номинации и предикации как средства репрезентации чувственного фрагмента индивидуализированной языковой картины мира И. А. Бунина – русской языковой личности – и выявление ее стилистической нагрузки в текстах» [16: 5]. А. В. Житков описывает функционально-семантическое поле восприятия запаха и семантическую синестезию одорической лексики в произведениях И. А. Бунина [7].

Научная новизна диссертации А. В. Дроботун состоит в «выявлении общих и индивидуально-авторских параметров лексики обоняния в языке художественных произведений М. А. Шолохова в их когнитивном – коммуникативно-речевом, лингвосоциальном и социохудожественном представлении» [5: 5]. Ее автор рассматривает «гиперо-гипонимическую структуру лексики обоняния, определяет ее

частеречные гиперонимы и гипонимы в именных и глагольных номинациях» [5: 6].

Н. А. Куликова, обращаясь к произведениям А. П. Чехова, ставит целью исследования «рассмотрение языкового выражения одорического кода в художественном тексте как результата эвокационной деятельности автора художественного текста, представляющее собой трансформацию обонятельных образов, возникших на основе обонятельного восприятия реалий внеязыковой действительности» [13: 3]. Выбор материала исследования Н. А. Куликова объясняет «с одной стороны, широким использованием в художественных текстах <А. П. Чехова> одорических компонентов; с другой – разнообразием языковых средств эвокации обонятельных образов» [13: 4].

Цель диссертационного исследования Ю. А. Старостиной – «охарактеризовать эксплицированный метафорой концепт “запах” в романе П. Зюскинда “Парфюмер. История одного убийцы”» – достигается решением ряда исследовательских задач, среди которых: 1) выявление базисных типов семантических метафор, вербализующих концепт «запах» в романе; 2) установление основных типов структурных метафор, оязыковляющих данный концепт в романе; 3) описание образной и ценностной составляющих концепта «запах»; 4) выявление корреляции концепта «запах» с другими концептами в романе [27: 3].

Одоративная картина мира К. Г. Паустовского, писателя, многократно номинированного на Нобелевскую премию в области литературы, лишь спорадически попадает в фокус исследовательского внимания лингвистов, требует отдельного, комплексного исследования. Вместе с тем лингвистический интерес к данной теме фиксируется еще в 1987 г. – см. статью Л. С. Пастуховой, посвященную исследованию одоративной лексики в произведениях К. Г. Паустовского [18], а также датированную 2016 г. статью Е. Н. Сороченко, в которой ее автор

обращается к изучению одоративной лексики на материале романа «Блистающие облака» [26].

Киммерия, воспринимаемая К. Г. Паустовским как пространство творчества, вдохновения, занимает особое место в пространственной картине мира писателя. В ее перцепции и визуализации значима колористическая составляющая, ставшая ранее предметом нашего исследования [24], и, безусловно, одоративная. Таким образом, целью данной работы является реконструкция на материале киммерийского текста фрагмента одоративной картины мира писателя. *Материалом* послужили произведения, написанные К. Г. Паустовским под впечатлением от Юго-Восточного Крыма: рассказы «Встреча», «Потерянный день», «Синева», «Умолкнувший звук», очерк «Письма с пути. Керчь», некоторые главы повести «Черное море», а также произведения раннего и зрелого периода творчества, в которых в той или иной мере отражено киммерийское пространство: романы «Романтики», «Блистающие облака», гексалогия «Повесть о жизни» [19].

Одоративная перцепция пространства Киммерии эксплицируется в функционировании ряда выявленных в исследуемых произведениях лексем со значением 'запах': преимущественно *запах*, *пахнуть*, а также *душистый*, *свежесть* (*одоративов*, по Л. М. Васильеву [2] и др.; *одоронимов*, по Н. С. Павловой [17] и др.). В контекстах:

– *пахнуть* (чем) 'издавать какой-либо запах' [1: 788]: [Феодосия] *Изредка брызгали капли дождя. Они пахли лекарственно и дико* [19];
чаще в односоставных безличных предложениях: [Якорная бухта] *В низкой комнате пахло вином* [19];

– *запах* 'свойство веществ, воспринимаемое обонянием' [1: 336]: *В нем [крымском яблоке] сока нет, его хорошо держать для запаха* [19];

– *душистый* 'ароматный, пахучий' [1: 291]: *Керчане покажут вам <...>, где старухи продают неизвестно кому букеты простых, но душистых цветов* [19];

– свежесть к свежий ‘чистый, не испорченный, не затхлый’ (о воде, воздухе) [1: 1154]: *Керчь под дождем понравилась Батуруну, – в лужах плавали листья, неизмеримая морская свежесть залила город* [19].

Одоративный диапазон киммерийского пространства в восприятии К. Г. Паустовского значителен. Он выявляется путем анализа корреляции одоративной лексики с номинациями (преимущественно квалификаторами запаха):

1) растений – цветов, трав и кустарников (*душистые цветы; засохшие цветы, еще не утратившие запаха; <пахнет> пыльной акацией, цветами; запах палого листа; запах раздавленных листьев ореха; запах чабреца; пахло чабрецом*). В контексте: [Старый Крым] *Листья ореха лежали на земле тусклыми зелеными пятнами. Редкие прохожие давили их чувяками. Тогда острый запах возникал в тени вянущих деревьев и долго не исчезал* [19];

2) еды и напитков (<пахнет> *фаршированным перцем и копченой, бурой от золотого жира кефалью и селедкой* [19]; *пахло вином* [19]);

3) предметов и явлений, относящихся к морскому пространству: *так морем пахнет только в таких портах, как Керчь* [19]; [Керчь] *Дым из трубы швыряло из стороны в сторону. Солоно пахло рыбой* [19]; [Феодосия] *От рыбы шел запах мокрого песка* [19]; [Разбойничья бухта] *Берега пахнут теплым гравием, и на мачтах не шевелятся даже старые, истлевшие флаги* [19]; к сфере морской навигации: *Здесь <в Старом Крыму> он писал о Лиссе, о Гель-Гью, о несуществующих на карте городах, полных здорового запаха палубах* [19];

4) световых явлений: [Старый Крым] *Солнце Грина издавало запах, подобно тем тропическим зарослям, которые он описывал* [19];

5) температурных явлений: <пахло> *прохладой морских глубин. Дельфины, посапывая, кувыркались у самого берега, гоня камсу* [19].

Сопоставление характеристик, используемых К. Г. Паустовским для описания одоративных ощущений, с реакциями на стимулы

«пахнуть» и «запах», зафиксированными в «Русском ассоциативном словаре» [22], а также с лексемами, иллюстрирующими сочетаемость лексемы *запах*, по данным «Словаря сочетаемости слов русского языка» [25], позволяет установить область их совпадения и отличия (выделены совпадающие лексемы). Ср. с «РАС»:

– *пахнуть*: *духами* 9; *духи, приятно* 8; *хорошо* 6; *вкусно, цветок* 5; *аромат, плохо* 4; *запах* 3; *вонять, цветами* 2; *бабахнуть, бензином, благоухать, весна, вкусный, воздух, гадко, говном, детством, дурманом, дымом, дыней, живот, затыкай нос, зеленью, зябнуть, клевером, лимон, мёдом, могут цветы, неприятно, нехорошо, нюхать, обильно, одеколон Bogard, одеколоном, перегар, пихтой, потом, резко, роза, розой, розы, ружьё, сбледнуть, свежестью, сеном, сильно, сиренью, травами, фиалками, хлорамин, цвет, цветы, черёмуха* 1 [22];

– *запах*: *приятный* 12; *вонь* 10; *духов* 9; *резкий, цветов* 7; *духи, женщины* 6; *противный* 5; *гари, моря, неприятный* 4; *крови, обоняние, острый, пота, тела, травы* 3; *аромат, весны, вкусный, газа, жареного, леса, мёда, нос, нюх, одеколон, пот, смерти, спирта, тяжёлый, хвои, чеснока, чувствовать* 2; *ацетофенон, бензин, бензина, весна, вина, вкус, волос, вонючий, воняет, газ, гарь, говна, горький, приятный, грязь, денег, донёсся, дурной, еда, едкий, жаркого, женщина, идёт, изо рта, йод, канализации, костёр, костра, кофе, кошки, кухня, ладана, лето, лука, мерзкий, моча, мучного, мысли, насморк, неприятен, нога, отличный, ощущать, память, пахнуть, пива, пирог, пирожком, пищи, плохой, полыни, помойка, приятно, приятные ощущения, разносится, роза, рот, санузел, свежей кожи, свежий, сильный, сладкий, сладко, смачный, смолы, собаки, тайги, тело, турист, удивительный, ужасный, усилие, формалин, хлеба, цветок, яблоко, ягод, яда* 1 [22]. Ср. также:

– *запах* ‘свойство предметов, веществ и т.п., которое воспринимается обонянием’: *хороший, чудесный, плохой, [не]*

приятный, противный, отвратительный, нежный, тонкий, лёгкий, слабый, сильный, резкий, **острый**, крепкий, тяжёлый, странный, необычный, своеобразный, особый, характерный, специфический, горький, **горьковатый**, сладкий, сладковатый, кислый, кисловатый, пряный ... запах. Запах чего: (о том, что пахнет) **цветов**, ландышей, сирени, **акации**, **листьев**, грибов, **лугов**, **сена**, **дыма**, гари, земли, ели, духов, одеколona, бензина, нафталина, пороха, кофе ...; запах чего: (о том, какой запах) сирени, грибов, бензина ... [25: 176].

Таким образом, К. Г. Паустовский описывает запах киммерийского пространства как с помощью узуальных средств, так и с помощью индивидуально-авторских характеристик: <пахло> *лекарственно и дико; солоно*; <запах> *здоровый*, используя широкий спектр квалификаторов запаха: <запах> *мокрого песка*; <пахло> *теплым гравием; рыбой, фаршированным перцем, копченой кефалью, селедкой*, наделяя одоративной характеристикой объекты, которым она не присуща: <издавать запах> *солнце*; <пахло> *прохладой морских глубин*.

Писатель акцентирует внимание на уникальности запаха: **Так морем пахнет только в таких портах, как Керчь, Новороссийск, Феодосия, Мариуполь или Скадовск** [19]. Стремясь передать множественность запахов (проявление свойственной идиостилю К. Г. Паустовского тенденции к интенсификации впечатления [23]), создает многокомпонентные одоративные дескрипции (совмещает в рамках одной синтагмы два квалификатора запаха): <Керчь> *пахнет морем и сеном, что навалено на пристанях* [19]; *запах палого листа и дыма висел над садами* [19]; *горьковато пахло чабрецом и прохладой морских глубин* [19].

К. Г. Паустовский отмечает динамику / изменчивость запаха киммерийского пространства: [Старый Крым] <Запах висел>, **то усиливаясь, то ослабевая от неуверенных нажимов ветра** [19]; *Мы пошли за город, в сторону Агармыша. Холмы вокруг были покрыты*

множеством засохших цветов, **еще не утративших запаха** [19]; фиксирует его интенсивность (*острый – горьковатый*): **острый** запах <раздавленных листьев ореха> [19]; **горьковато** пахло чабрецом [19].

Писатель устанавливает природу запаха: <капли дождя> *пахли лекарственно и дико. Может быть, в дождевой воде была горечь чабреца, – чабрецом зарастали из года в год здешние каменные берега* [19], актуализируя ассоциативные связи (ср.: *лекарственный ‘свойственный лекарству, характерный для него’* [6]); перенос «вкус – запах»: **Солоно** пахло рыбой [19] (ср.: *солони* ‘о присутствии в чём-либо солёного вкуса, об ощущении его’ [6]).

К. Г. Паустовский наделяет одоративные дескрипции аксиологической характеристикой: *о несуществующих на карте городах, полных **здорового** запаха палубах* [19]. Важно отметить, что в восприятии запаха Киммерии у К. Г. Паустовского отмечается исключительно положительная оценка, в то время как в цикле М. А. Волошина «Киммерийские сумерки», созданного под впечатлением драматических личных переживаний поэта, запах отмечен скорее негативной коннотацией: *И горький дым костра, и горький дух полыни, / И горечь волн – останутся во мне* («Полынь»); *Травую жесткою, пахучей и седой / Порос бесплодный скат извилистой долины* («Полдень»); *И запах душных трав, и камней отблеск ртутный, / И злобный крик цикад, и клекот хищных птиц – / Мутят сознание* («Полдень») [3]. Наше наблюдение совпадает с выводами, сделанными О. Г. Згазинской, исследовавшей концепт Киммерия в творчестве М. А. Волошина: «в представлении разных типов киммерийских пространств доминируют слова одоративной лексики, связанные с горьким запахом и горько-соленым вкусом. <...> Слова *горечь, горючий* употребляются при обобщении впечатлений о *горькой купели земли Киммерии*» [8: 16]. Исключение составляет цикл «Киммерийская весна», в котором фиксируем контекст, отражающий

положительное восприятие запаха: *Фиалки волн и гиацинты пены / Цветут на взморье около камней. / Цветами пахнет соль...* («Фиалки волн и гиацинты пены...») [3]. См. также сопоставление цветового кода в визуализации Киммерии у К. Г. Паустовского и М. А. Волошина [24].

Одоративная характеристика значима в конструировании хронотопа Киммерии, ее пространственно-темпорального измерения. Так, по наблюдениям И. Г. Рузиной, одна из особенностей денотатных атрибутов запаха заключается в том, что «у запаха очень часто в роли объекта выступает локус» [21: 86]. Подтверждение этому находим и в киммерийских текстах К. Г. Паустовского: [Керчь] *На базаре около белой церкви, на узких и уютных улочках, в кофейнях, во всех этих «Севастополях», «Босфорах» и «Корфу» пахнет пыльной акацией, цветами, фаршированным перцем и копченой, бурой от золотого жира кефалью и селедкой* [19].

Закономерно фиксируем корреляцию одоративного и темпорального признака: *Толчки прекратились, и наступила прекрасная земная тишина, – тишина ночи, полная запаха чабреца и света далеких звезд, откуда мы упали на эту милую землю* [19]. Их сочетание может отражать романтическое мировоззрение К. Г. Паустовского, проявляющееся в создании киммерийского пространства в духе романтизма, для которого, как для художественного метода, характерна ретроспективная направленность и идеализация прошлого: *Вы представляете, сказал Левченко, – какую вкусную и душистую воду пили в Солхате!* [19]. Романтическое мировосприятие К. Г. Паустовского проявляется и в одоративной дескрипции солнца в произведениях А. С. Грина: *Солнце Грина издавало запах, подобно тем тропическим зарослям, которые он описывал. Ни разу в жизни он не видел этих зарослей и не ощущал их запаха. Достаточно было старой обертки от кокосового мыла, чтобы вызвать в его*

воображении вкус кокосового молока [19]. Так одоративная характеристика становится средством создания образа.

Помимо взаимосвязи одоративной, пространственной, темпоральной характеристик, в художественном пространстве киммерийских произведений К. Г. Паустовского актуализируется связь одоративной составляющей с 1) цвето-световой: *От рыбы шел запах мокрого песка. Чешуя блестела под желтой угольной лампой, горевшей над дверью* [19]; 2) колористической и аудиальной: [Восточный Крым] *Стаи дроздов взлетали над цветущим шиповником. Горьковато пахло чабрецом и прохладой морских глубин. Дельфины, посапывая, кувыркались у самого берега, гоня камсу* [19], что обеспечивает полифоничность перцепции и вербализации одоративного пространства Киммерии, высокохудожественность и нестереотипность авторских описаний.

Таким образом, в результате исследования 1) выявлен состав значимых в передаче одоративного впечатления о киммерийском пространстве лексем со значением 'запах'; 2) установлены источники запаха: как стандартные, так и индивидуально-авторские (напр.: световые, температурные явления), спектр одоративных характеристик – как узуальных, так и авторских (*дико*); 3) описана авторская специфика перцепции запаха киммерийского пространства (множественность запахов, их изменчивость, степень интенсивности, природа запахов, спектр дополнительных характеристик); 4) установлена роль одоративных дескрипций в конструировании пространственно-темпорального измерения Киммерии, – что позволяет составить некоторое представление о роли одоративной составляющей в манифестации индивидуального мировосприятия К. Г. Паустовского, о специфике языковой картине мира писателя, о спектре средств передачи одоративного впечатления. Полученные результаты укрепляют в мысли о необходимости специального лингвистического

исследования, посвященного реконструкции одоративной картины мира писателя, исследованию особенностей индивидуально-авторской вербализации запаха.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
2. Васильев Л. М. Семантика русского глагола. М.: Высш. шк., 1981. 184 с.
3. Волошин М. А. Собрание сочинений. Т. 1: Стихотворения и поэмы 1899–1926. М.: Эллис Лак, 2003.
4. Гедина М. А. Феномен восприятия в контексте языковой картины мира: на материале английского и немецкого языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2011. 22 с.
5. Дроботун А. В. Лексика обоняния в языке художественной прозы М. А. Шолохова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 23 с.
6. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. 2000. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.efremova.info/>
7. Житков А. В. Функционально-семантическое поле восприятия запаха и синестезия одорической лексики в произведениях И. А. Бунина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1999. 19 с.
8. Згазинская О. Г. Концепты <Париж> и <Киммерия> в творчестве М. А. Волошина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2008. 26 с.
9. Капанова А. А. Синестетическое использование имен прилагательных в современном французском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1984. 189 л.
10. Колупаева А. А. Концепт запах и способы его репрезентации в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2009. 23 с.
11. Котенева И. А. Номинация запаха во французском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 23 с.
12. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века / под ред. Ю. С. Степанова; ИЯ РАН. М., 1995. С. 144–238.
13. Куликова Н. А. Одорический код в художественном тексте: лингвоэвocationsное исследование (на материале художественной прозы А. П. Чехова): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2010. 17 с.
14. Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dict.ruslang.ru/freq.php?>
15. Молодкина Ю. Н. Синестетическая метафора запаха: корпусное исследование: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2010. 20 с.
16. Одинцова М. В. Художественно-стилевая роль слов лексико-семантического поля «запах» в произведениях И. А. Бунина: аспекты номинации и предикации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 27 с.
17. Павлова Н. С. Лексика с семой 'запах' в языке, речи, тексте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 18 с.
18. Пастухова Л. С. Одоративная лексика в произведениях К. Г. Паустовского // Язык и стиль произведений В. П. Катаева, К. Г. Паустовского и Л. И. Славина. Одесса: ОГУ, 1987. С. 83–87.
19. Паустовский К. Г. Собрание сочинений: в 9 т. М.: Худож. лит., 1981–1986.
20. Рогачева Н. А. Русская лирика рубежа XIX–XX веков: поэтика запаха: Автореф. дис. ... доктора филол. наук. Екатеринбург, 2011. 52 с.

21. Рузин И. Г. Когнитивные стратегии именования: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке // ВЯ. 1994. № 6. С. 79–100.

22. Русский ассоциативный словарь / под ред. Ю. Н. Караулова. 2002. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php>

23. Сивова Т. В. Взаимосвязь цвета, света и хронотопа в языке произведений К. Г. Паустовского: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2018. 32 с.

24. Сивова Т. В. Киммерийский хронотоп прозы К. Г. Паустовского: цветовое воплощение // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 5 (98). С. 83–96. DOI: 10.23859/1994-0637-2020-5-98-6.

25. Словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. М.: Рус. яз., 1983. 688 с.

26. Сороченко Е. Н. Одоративная лексика в романе К. Г. Паустовского «Блистающие облака» // Язык. Текст. Дискурс. 2016. № 14. С. 340–346.

27. Старостина Ю. А. Метафора как средство языковой реализации концепта «запах» (на материале романа Патрика Зюскинда «Парфюмер. История одного убийцы»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 22 с.

28. Флоренский П. А. Обратная перспектива. 1999. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://philologos.narod.ru/florensky/fl_persp.htm

29. Халльштайн А. В. Представление ольфакторного пространства в языковой картине мира новоанглийского периода: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2015. 23 с.

ШЕТЭЛЯ Виктор (Москва, Россия)

кандидат филологических наук, доцент
Московский городской педагогический университет
szetela@mail.ru

СТИХОТВОРНЫЕ ТЕКСТЫ ПОЭТА ПОЛЬСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ ЯНА КОХАНОВСКОГО КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ СЛОВАРЯ ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА XVI ВЕКА

Аннотация. В статье рассматриваются значимые единицы стихотворных текстов поэта польского Возрождения Яна Кохановского, которые способны дополнить словник существующего современного польского исторического словаря XVI века. Составители данного словаря не до конца учли слова и фразеологические обороты разной тематики, созданные в области словообразования великим польским поэтом XVI века, которого новаторство в этом деле было признано его современниками и потомками. Авторы словаря часто цитируют поэта, но не всегда все его нововведения в содержание словаря представлены.

Ключевые слова: значимая единица поэтического выражения; новаторство; прилагательное; словообразование; текст

Abstract. The article examines significant units of poetic texts by the Polish Renaissance poet Jan Kochanowski, which can supplement the vocabulary of the existing modern Polish historical dictionary of the 16th century. The compilers of this dictionary did not fully take into account the words and phraseological units of various subjects created in the field of word formation by the great Polish poet of the 16th century, whose innovation in this matter was recognized by his contemporaries and descendants. The

authors of the dictionary often quote the poet, but not always all of his innovations in the content of the dictionary are presented.

Keywords: a significant unit of poetic expression; innovation; adjective; word formation; text.

Ян Кохановский (Jan Kochanowski, 1530–1584) – выдающийся поэт польского Возрождения, равный которому появился в польской литературе 200 лет позже и звали его Адам Мицкевич.

Ян Кохановский создавал свои поэтические произведения традиционно на латинском языке, который являлся в Польше того времени языком делопроизводства, литературы, культуры, просвещения, а также языком религии вплоть до 60-х XX века.

Польская литература в период рассвета польского Возрождения, нуждалась в произведениях на отечественном языке более понятным всеми слоям общества.

Этот самый ранний период польского Возрождения, когда начало образовываться новое польское поэтическое слово, которое особо, на наш взгляд, нуждается в дополнениях к словарю польского языка XVI века. Такой многотомный словарь «Słownik polszczyzny XVI wieku», издаваемый с 1966 по 1994 г., уже имеется в польской лексикографии, но он далеко не полный и нуждается в дополнениях из того, что нам оставил Ян Кохановский.

Нам более доступен XI том этого издания, в котором в статье на слово **kosteczka**, находим указание на псалом Кохановского [7: 7], впрочем, как и в некоторых других случаях на Н. Рея (M. Rej).

Ян Кохановский создает свои поэтические произведения при помощи новых для того времени, часто созданных им самым, единиц польского языка. Отметим словообразовательные попытки автора в области создания новых поэтических средств выражения, а также на обороты с легкой руки (легкого пера) автора, вошедшие в польский язык того времени и сохранившиеся до наших дней.

Именно, поэтические попытки Кохановского в области поэтического польского языка, подняли поэта до высот, которые он сам оценил одной фразой, ставшей крылатой: **Kto mi dał skrzydła? – Кто мне дал крылья?**

«Kto mi dał skrzydła, kto mię odział pióry I tak wysoko postawił, że z góry Wszystek świat widzę, a sam, jako trzeba, Tykam się nieba?» [4: 1, 279] – «Кто мне дал крылья, кто меня одел в перья И так высоко поднял, что с вершины Весь мир вижу, а сам, так уже получается, бьюсь (головой) о небо» [здесь и далее перевод наш. – В.Ш.].

Здесь размышление автора над тем, что творчество на родном языке высоко подняло его самого в этом деле, но, создавало всегда много трудностей, как в плане чисто языковом, так и общественном. Нововведения не всегда были правильно оцениваемые окружением поэта.

Не простой является постоянная работа над поиском новых слов, адекватно отражающим поэтический замысел, где-то этот процесс ограничен: «Tykam się nieba» – «бьюсь (головой) о небо».

Авторскими неологизмами являются в его творчестве, например, прилагательные, созданные от сложения основ, напр.: **prędkopióry**, который довольно затруднительно перевести на русский язык. Но имеющий отношение к быстрому полёту птицы – «быстропёрый»: «Uciekaj co najdalej, jako ptak prędkopióry» [4: 2, 28], в нашем переводе: «Беги, как можно дальше, как птица *быстропёрая*». Отметим синонимический ряд, состоящий из прилагательных в знач. «быстрый в бегу, полете, в движении»: **wiatronogi** [дословно: «ветроногий»]: «Na dzikie wieprze jechać albo na niedźwiedzie Lubo sarny po puszczy gonić wiatronogie» [4: 3, 145] – «На дикого вепря ехать или на медведя Приятно серны по пущи гонять *ветроногие*»; **prędkonogi** [«быстроногий»]: «Nie dbają moje papiery O przeważne bohaterzy; Nic u nich Mars, chocia srogi, I Achilles prędkonogi» [4: 1, 151] – «Не беспокоятся мой

бумаги, потому что нет в них О важных героях, Нет в них строго Марса, И Ахилла *быстроногого*»; **skrzydłonogi** [«крылоногий»]: «Homerus, ... Który sławnych zapaśników Nie zamilczał i skrzydłonogich zwodników» [4: 1, 159] – «Гомер ... Который не забыл упомянуть славных борцах и о *крылоногих* бегунах».

Несомненным неологизмом, созданным Кохановским является форма слова **wysady** в знач. «высокомерие, спесь»: «A ich władania, ich wysady, Panie, Śmiech tylko ludzki w mieście Twym zostanie» [4: 2, 162] – «А их владения, их спесь, Господи, Смех человеческий только в Твоем граде останется» [перевод наш. – В.Ш.]. Этими словами поэт критикует богатых бездельников, живущих за счет общества.

Предполагается, что выражение **ich wysady** создан на основе глагола **wysadzać się**, т.е. «жить высокомерно».

С другой стороны, автор хвалит трудящихся на благо всех.

Интересно, что в поэтической строке на данную тему, потреблено имя прилагательное, образованное от названия деревца **смородины – porzeczki – drzewo porzeczne**.

«Taki podobien będzie drzewu porzecznemu, Które przynosi co rok owoc panu swemu» [4: 2, 8] – «Такой (человек) напоминает деревце смородины, Которое каждый год приносит ягоду господину своему».

В создании подобных слов поэт опирался на народный польский язык.

Яну Кохановскому было известно все, происходящие в мире, и он не мог в своей поэтической строке не отметить новые наименования из области политики, науки и техники.

Драматические произведения, созданные поэтом, имеют отношение к политике, проводимой государством в его время. Указываются в них фамилии виновных в военных неудачах, финансовых и прочих нарушениях.

Особо в лексиконе Кохановского следует отметить заимствованный термин **brant**, употребленный им в переносном смысле, как эталон искренности слова Бога. Термин **brant** в прямом его употреблении, во времена Кохановского, имеет отношение к неоднократно переплавленному и очищенному золоту – золоту самой высокой пробы.

См., употребление этого слова Кохановским в «Псаломе № 12»: «Pańskie słowa są czyste ..., Pańskie słowa brant szczery, siem kroć przelewany» [4: 2, 29] – «Божие слова чисты ..., Божие слова искренний бренд, семь раз переплавленный».

В заключение, уместна будет цитата из высказывания о том, что «у каждого большого художника слова создается и функционирует в именах собственных свой уникальный ономастический мир, выражающий особенности идиостиля наряду с другими языковыми средствами» [1: 23]. Сказанное определяет заслугу Яна Кохановского как новатора и создателя польского художественного поэтического языка, а также как автора значимых поэтических произведений, которые вошли в фонд польской и мировой литературой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Королева И.А. А.Т. Твардовский и Смоленская поэтическая школа: через призму имен собственных. Работы последних лет. Смоленск: ООО Книжное издательство «Смядынь», 2010. 156 с.
2. Кохановский Я. Стихотворения. Перевод с польского и латинского. М.: Худ. лит., 1980. 191 с.
3. Польская лирика в переводах русских поэтов / Б. Слуцкий и Б. Стахеева. Вступ. статья: Б. Слуцкого. Примеч.: Б. Стахеева. М.: Худ. лит., 1969. 432 с.
4. Kochanowski J. Dzieła polskie. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1953. Т. 1 – 3.
5. Miłosz Cz. Historia literatury polskiej do roku 1939 / przełożyła M. Tarnowska. Kraków: ZNAK, 1996. 526 s.
6. Poezja polska od średniowiecza do współczesności. Wybór A. Rajca, J. Polanicki. Warszawa: SARA, 2001. 632 s.
7. Słownik polszczyzny XVI wieku. Red. naczelny M.R.Mayenowa. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1978. Т. XI. 634 s.

РАЗДЕЛ 3
ЯЗЫК И МЕНТАЛЬНОСТЬ В ИССЛЕДОВАНИЯХ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

АДАМОВИЧ Максим Борисович (*Санкт-Петербург, Россия*)

магистрант
Санкт-Петербургский государственный университет
maksimka.adamovich@inbox.ru

ГЕНЕРАЛОВА Елена Владимировна (*Санкт-Петербург, Россия*)

Научный руководитель
кандидат филологических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
elena-generalova@yandex.ru

**К ВОПРОСУ ВЫДЕЛЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ПЛАСТА
ВО ФРАЗЕОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА**

Аннотация. В статье на основе анализа лексикографических источников предпринимается попытка статистически оценить древнерусский пласт в составе современной русской фразеологии и ставится вопрос о типах динамических изменений фразеологизмов древнерусского языка.

В 1956 г. Б.А. Ларин публикует программный труд «Очерки по фразеологии (о систематизации и методах исследования фразеологических материалов)», где подчеркивает, что «происхождение, пути и закономерности образования фразеологических сочетаний могут быть выяснены только при историческом построении фразеологии» [6: 137].

Таковыми учеными, как Н.А. Антадзе, В.Л. Архангельский, М.М. Копыленко, Л.Я. Костючук, А.Г. Ломов, В.М. Мокиенко, Т.А. Селиванов, и многими другими были заложены основы исторической фразеологии русского языка, однако в этой области до сих пор остается ряд нерешенных вопросов.

Важным аспектом исторической фразеологии является изучение состава современного русского фразеофонда с точки зрения его происхождения.

Следует отметить неравномерность описания лексического и фразеологического запаса русского языка в этом аспекте. Целый ряд

работ посвящен изучению различных с генетической точки зрения пластов лексики и динамическим изменениям в словарном составе русского языка. Можно назвать труд Ф.П. Филина «Истоки и судьбы русского литературного языка», где ученый показывает, какие лингвистические единицы из церковнославянского языка были унаследованы современным русским языком и подсчитывает процент такого влияния в лексике [14: 58], работу В.В. Колесова «Слово и дело: Из истории русских слов», в которой дается примерное число древнерусских русизмов, сохранившихся в современном русском языке [5: 483], а также монографию «Математические методы в исторической лингвистике» М.В. Арапова, М.М. Херц, которая посвящена непосредственно проблеме исторического изменения словарного состава языка [1: 3–4].

Подобных исследований в области русской фразеологии существенно меньше. Немало статей посвящено истории отдельных фразеологизмов и больших групп фразеологических единиц (ФЕ), но обобщающего исследования (ср. указанные выше работы по лексике) фактически нет. В этом отношении выделяется статья Г.А. Селиванова «Проблема функционирования фразеологических единиц русского языка в разные исторические периоды» как одна из немногих работ, в которой анализируются 1) большие группы древнерусских ФЕ, 2) динамические процессы, происходившие во фразеологической системе. Исследуя фразеологию и терминологию делопроизводства, автор группирует единицы по типу их диахронических изменений [8: 6], но, к сожалению, количественных показателей не приводит.

В настоящей статье предпринимается попытка статистически оценить количество ФЕ в памятниках древнерусского происхождения и древнерусский пласт в составе современной русской фразеологии, а также обозначить аспекты исследования этого пласта в отношении динамических изменений. Под древнерусским пластом понимаем ФЕ,

встречавшиеся в оригинальных памятниках письменности древнерусского литературного языка, то есть прежде всего в летописях и юридических памятниках. Следует помнить о постоянном взаимодействии церковнославянской и собственной русской стихий при формировании литературного языка, поэтому существуют единицы, отраженные и в древнерусских, и в церковнославянских памятниках. Каждая такая ФЕ требует отдельного рассмотрения, поэтому в настоящем исследовании они не учитываются.

Прежде всего попробуем статистически оценить запас устойчивых сочетаний, известных в древнерусском языке. Обратимся к данным лексикографии. Фразеологический материал представлен, во-первых, в специальном историческом фразеологическом словаре этого периода – «Словаре фразеологических единиц древнерусского языка» под ред. А.И. Васильева, а во-вторых, в основном историческом словаре, описывающем лексико-семантическую систему языка Древней Руси – «Словаре древнерусского языка XI–XIV вв.» под ред. Р.И. Аванесова.

Словник «Словаря фразеологических единиц древнерусского языка» под ред. А.И. Васильева составляют около 900 ФЕ [3: 2]. Интерпретация этой цифры невозможна без понимания теоретических принципов, положенных в основу концепции словаря. Автор словаря придерживается широкого понимания объема фразеологии, «согласно которому во фразеологии должны изучаться все воспроизводимые, устойчивые и сверхсловные языковые единицы, имеющие регулярный характер употребления» [3: 6]. Соответственно, главными признаками ФЕ, выделяемых в древнерусском языке, автор считает «воспроизводимость, сверхсловность и устойчивость» [3: 5]. Основными источниками отбора материала являются древнерусские летописи [3: 13], памятники церковнославянского языка русского извода (Остромирово евангелие, Успенский сборник XII–XIII вв. [3: 17]) и важнейший памятник этого периода – Слово о полку Игореве [3: 13].

В «Словаре древнерусского языка XI–XIV вв.» объектом исследования также стали все воспроизводимые словосочетания (или предложения) независимо от характера семантической слитности (т.е. представлено широкое понимание ФЕ): «К фразеологическим единицам в Словаре относятся отдельно оформленные языковые единицы, имеющие целостное значение или фразеологически связанное значение одного из компонентов» [9: 13].

Мы проанализировали I–III тома данного словаря на наличие единиц, фиксируемых только в летописях и деловых памятниках письменности, и получили цифру 148 ФЕ. Можно предположить, что по завершении словаря в тринадцати-пятнадцати томах будет около 700–900 ФЕ древнерусского языка, фиксирующихся только в летописях и деловых памятниках. Эту примерную цифру нельзя сопоставлять со словником «Словаря фразеологических единиц древнерусского языка», так как в последнем имеются единицы старославянского происхождения [3: 19], в нашей же выборке только единицы из памятников древнерусского языка. То есть можно говорить лишь о частичном пересечении выделенных на основе этих лексикографических проектов групп.

Характерно, что среди выделенных нами ФЕ на основе «Словаря древнерусского языка XI–XIV вв.» есть единицы, отсутствующие в «Словаре фразеологических единиц древнерусского языка», например: *битися въ лодияхъ, насадъхъ* 'о речном бое' [9: 166], *братия молодъшая, моложьшая, мньшая* 'а) братья, младшие по возрасту (и по положению), б) удельные князья, и князья-изгои по отношению к великому князю' [9: 308], *быти на дъвое* 'двуручничать, действовать двулично' [9: 349], *быти съ собе* 'действовать заодно, сообща' [9: 349], *оть мала до велика* [9: 384], *въ силъ велицъ* [9: 385], *веремя есть* 'пора' [9: 393], *ни видати ни дъни ни ночи* 'не замечать времени' [9: 412], *къто видя* 'куда глаза глядят' [9: 422], *върховьнии вои* 'воины

Новгородской земли (по отношению к Киеву)' [9: 462], *стати на* (чьей-л.) *воли* 'подчиниться кому-л.' [9: 472] и т. д.

Таким образом, предварительная оценка данных исторических словарей позволяет сделать вывод, что фразеологическая система древнерусского языка составляла около 900 единиц. Эта цифра однозначно увеличится (но вряд ли в несколько раз) при тщательном (а не приблизительном) исследовании памятников древнерусской письменности, поскольку в исторических словарях отражены не все фразеологизмы, имеющиеся в памятниках письменности. Подобные примеры приводят, например, Л.Ф. Килина и С.Р. Зайнуллина в своем исследовании [4: 433–434].

Какая же часть древнерусской фразеологии сохранилась в современном русском языке? Специальных исследований этого вопроса пока нет, однако нельзя сказать, что он не привлекал внимание исследователей. Например, Н.М. Шанский в своем труде «Фразеология современного русского языка» пишет: «Имея в виду время появления исконно русских фразеологических оборотов в русском языке, их, как и слова, можно разделить на три группы: общеславянские фразеологические обороты, восточнославянские и собственно русские. Две первые группы сравнительно немногочисленны» [19: 124–125]. То же читаем и в учебнике по современному русскому языку под редакцией Н.М. Шанского [12: 78–79] и «Опыте этимологического словаря русской фразеологии» [17: 5]. К сожалению, мы не знаем, что скрывается за формулировкой «сравнительно немногочисленны», так как ни в одном труде цифры не приведены.

Чтобы иметь первичный количественный ориентир, мы произвели подсчеты на материале историко-этимологических фразеологических словарей: «Опыте этимологического словаря русской фразеологии» Н.М. Шанского, В.И. Зимина, А.В. Филиппова [17] и «Словаре русской фразеологии. Историко-этимологический справочник» А.К. Бириха,

В.М. Мокиенко, Л.И. Степановой [2]. Система помет «Опыта этимологического словаря русской фразеологии» демонстрирует итоги исследовательской работы авторов словаря по распределению ФЕ на исконно русские (общеславянские, восточнославянские, собственно русские) и заимствованные (из старославянского языка и из западноевропейских языков). В «Словаре русской фразеологии. Историко-этимологический справочник» такой системы помет нет, выводы о происхождении ФЕ делаются в самой словарной статье. В результате анализа были получены следующие цифры: в «Опыте этимологического словаря русской фразеологии» содержится 1378 единиц, из которых определены как исконно русские 822 ФЕ (общеславянских – 13, восточнославянских – 102, собственно русских – 707), заимствованные – 556 ФЕ (из старославянского языка – 100, из западноевропейских языков – 456). Соотношение исконных и заимствованных ФЕ, таким образом, составляет 59,65% и 40,43%, из них пласт восточнославянской фразеологии составляет 7,4%. Статистический анализ данных «Словаря русской фразеологии. Историко-этимологический справочник» дает схожие результаты: всего, по нашим подсчетам, в нем 3334 единицы, из которых исконно русских 2280, а заимствованных 1054. Соотношение 68,39 % и 31,61 %. В данном словаре 44 ФЕ с указанием на их предположительное древнерусское / восточнославянское происхождение, то есть 1,32% от словника.

Как кажется, при оценке количества древнерусских единиц в составе фразеологии русского языка можно ориентироваться на примерные цифры от 44 до 102 ФЕ, которые предлагают нам проанализированные словари.

Помимо лексикографических данных, следует сказать о работах, посвященных исследованию древних пластов в составе современной фразеологии, и назвать прежде всего монографию Р.Н. Попова

«Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов» [7]. Работа посвящена выделению и анализу ФЕ с архаичными компонентами во фразеологической системе современного русского языка. Ученым произведен подсчет и классификация таких ФЕ: «Более шестисот фразеологических единиц удерживают в своей структуре как собственно лексические архаизмы и историзмы, так и лексико-семантические, лексико-словообразовательные и лексико-фонетические архаизмы, и более трехсот – морфологические и синтаксические» [7: 48]. Эта цифра тоже может быть ориентиром при оценке количества единиц, восходящих к древнерусскому периоду, однако наличие архаичного компонента не является обязательным условием принадлежности ФЕ к древнему пласту. Так как архаичные компоненты в составе ФЕ «выпадают из системных связей и отношений на том или ином уровне его современной системы» [7: 45] и изолируются, данные единицы «испытывают давление современной системы и нередко обновляют свои компоненты» [7: 140]. Соответственно, во фразеологической системе русского языка возможно сосуществование единиц «как с обновленными формами, так и с архаичными» [7: 140]: *прильпе (прилип) язык к гортани, избави боже (бог), мертвые сраму не имут (не имеют), беречь как зеницу ока (глаза)* и т. д.).

Не вызывает сомнений, что вопрос выделения древнерусского пласта в составе современной русской фразеологии подразумевает и изучение возможных изменений, которые претерпевает ФЕ на протяжении своего существования в языке. ФЕ, принадлежащие древнерусскому пласту, могут как иметь в своем составе архаичные компоненты, так и вовсе не выделяться на фоне других единиц. Однако это не значит, что подобные единицы с течением времени не изменялись. Выборка из первых трех томов «Словаря древнерусского языка XI–XIV вв.» демонстрирует два основных типа изменений.

1. Семантические изменения. Они могли происходить из-за утраты какой-либо реалии, отраженной во ФЕ, или в результате семантических изменений отдельных компонентов. Например, ФЕ *братия молодъшая, моложъшая, мьньшая* в древнерусском языке имела семантику 'а) братья, младшие по возрасту (и по положению), б) удельные князья, и князья-изгои по отношению к великому князю' [9: 308]. Второе значение ушло из языка из-за утраты института княжества, первое же значение сохранилось почти в неизменном виде вплоть до начала XX века: *меньшая братия* 'Устар. Прост. О людях сравнительно невысокого общественного положения' [13: 38]. Во ФЕ *дати (подати) виноу* 'дать повод; дать возможность' [9: 425] лексема *вина* утратила первоначальное значение 'причина, повод', а значение 'вина, виновность; обвинение' сохранилось, поэтому сейчас данный фразеологизм имеет значение 'обвинить кого-л.' [2: 83].

2. Структурные изменения. Они очень разнообразны и могут касаться а) отражения во ФЕ результатов фонетических и грамматических изменений, например, *днь отъ дьне* 'постоянно, ежедневно' [11: 134] – *день ото дня* 'с каждым днём, постепенно' [15: 65], *предати земли* 'похоронить' [11: 373] – *предать земле* 'погребать, хоронить' [13: 519], б) замены одного компонента другим из-за его архаизации, например, *лоуньяная година* 'времяисчисление по лунному календарю' [10: 345] – *лунный год* 'длительность года по лунному календарю' [15: 51] и т. д.

Статистические выводы, имеющиеся в словарях и работах по истории русской фразеологии, не окончательный ответ на вопрос о составе русской фразеологии по происхождению, а скорее исходная точка анализа. Однозначности статистических выводов препятствуют следующие факторы:

1. Малый объем и неравноценный состав ФЕ в анализируемых источниках. В «Опыте этимологического словаря русской фразеологии»

описано около 1400 ФЕ [17: 2], в «Словаре русской фразеологии. Историко-этимологический справочник» – около 2500 ФЕ [2: 4]. При этом во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» под ред. А.И. Федорова содержится более 13000 единиц [13: 4], то есть историко-этимологические словари представляют далеко не весь фразеологический фонд современного русского языка, а объясняют наиболее неясные и древние по происхождению единицы. Анализ материалов, например, словаря под ред. А.И. Федорова мог бы послужить хорошей базой для ответа на поставленный вопрос, но для этого необходимо провести этимологический анализ приведенных ФЕ, поскольку в задачи этого словаря не входит объяснение происхождения включенных в него единиц.

2. Множественность этимологий, наличие нескольких, в том числе спорных, этимологических версий для ряда ФЕ. Так, единица *живая вода* 'то, что исцеляет от душевных недугов, дает энергию и бодрость', трактуемая в «Опыте этимологического словаря русской фразеологии» как собственно русская [17: 50], встречается уже в памятниках древнерусского периода [9: 451]. Эта единица может быть и старославянской по происхождению: см. её описание во «Фразеологическом словаре старославянского языка» под ред. С.Г. Шулежковой [16: 83]. Встречаются примеры, когда ФЕ с пометой *собств. русск.* имеется во фразеологии других восточнославянских языков. Так, ФЕ *седьмая вода на киселе* 'о человеке, находящемся в самом отдаленном родстве с кем-л.', имеющая в «Опыте этимологического словаря русской фразеологии» помету *собств. русск.* [17: 131], есть и в белорусском языке – *дзесятая (сёмая) вада на кісялі*. Для получения ответа на вопрос о том, является ли эта единица общевосточнославянской или собственно русской, требуется дополнительное исследование.

3. Объединение древнерусских единиц с ФЕ других пластов. Выделяемые Р.Н. Поповым единицы с архаичными компонентами (около 1000), включают фразеологизмы и старославянского, и древнерусского, и старорусского происхождения. Чтобы выделить из всех этих единиц именно древнерусские, необходимо детально рассмотреть каждый фразеологизм, проследив его историю с первого момента фиксации в памятниках письменности до современного русского языка.

Таким образом, на основе нашей предварительной оценки лексикографических и других данных можем предположить, что в современной русской фразеологической системе, насчитывающей примерно 25000 единиц [7: 11], сохранилось от древнерусского пласта от 40 до 150 фразеологизмов.

Как видим, в современной русской фразеологии можно обнаружить определенное количество единиц, относящихся к древнерусскому пласту, но не имеющих каких-либо отличительных признаков, например, лексических и / или грамматических архаизмов. Обнаружение и исследование судьбы подобных единиц в русском языке, относительно точные подсчеты для выводов о месте древнерусского пласта в современной русской фразеологии – дело будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арапов М.В., Херц М.М. Математические методы в исторической лингвистике. М.: Наука, 1974. 166 с.
2. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 704 с.
3. Васильев А.И. Словарь фразеологических единиц древнерусского языка. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2011. 394 с.
4. Килина Л.Ф., Зайнуллина С.Р. Глагольно-именные устойчивые сочетания с компонентом *животь*: функционирование и развитие (на материале русских летописей XIII–XV вв.) // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2017. Т. 27. № 3. С. 429–435.
5. Колесов В.В. Слово и дело: Из истории русских слов. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. 703 с.
6. Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание. (Избранные работы). Учебное пособие для студентов пед. ин-тов. Сост. проф. Б. Л. Богородский, проф. Н. А. Мещерский. М.: Просвещение, 1977. 224 с.

7. Попов Р.Н. Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов. Учебн. пособие для филол. специальностей пед. ин-тов. М.: «Высшая школа», 1976. 200 с.
8. Селиванов Г.А. Проблема функционирования фразеологических единиц русского языка в разные исторические периоды // Проблемы русской фразеологии: республиканский сборник. Тула: Тульский гос. пед. ин-т им. Л. Н. Толстого, 1976. С. 3–13.
9. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. Т. 1. / Гл. ред. Р.И. Аванесов. М.: Русский язык, 1988. 526 с.
10. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. Т. 2. / Гл. ред. Р.И. Аванесов. М.: Русский язык, 1989. 494 с.
11. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. Т. 3. / Гл. ред. Р.И. Аванесов. М.: Русский язык, 1990. 511 с.
12. Современный русский язык. Учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». В 3 ч. Ч. 1. Введение. Лексика. Фразеология. Фонетика. Графика и орфография / Н.М. Шанский, В.В. Иванов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1987. 192 с.
13. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13000 фразеологических единиц. 3-е изд., испр. М.: Астрель, 2008. 878 с.
14. Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М.: Наука, 1981. 328 с.
15. Фразеологический словарь русского языка / сост. А.Н. Тихонов (рук. авт. кол.), А.Г. Ломов, Л.А. Ломова. 3-е изд., стереотип. М.: Рус. яз. Медиа, 2007. 334 с.
16. Фразеологический словарь старославянского языка: свыше 500 ед. / Научно-исследовательская словарная лаборатория МаГУ; отв. ред. С.Г. Шулежкова, члены редколлегии: М.А. Коротенко, Л.Н. Мишина, А.А. Осипова. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2016. 424 с.
17. Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В. Опыт этимологического словаря русской фразеологии. М.: Рус. яз., 1987. 240 с.
18. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка: Учебное пособие. Изд. стереотип. М.: ЛЕНАНД, 2021. 272 с.

АНДРЕЕВ Арсений Вадимович (*Магнитогорск, Россия*)

студент

Магнитогорский государственный
технический университет имени Г.И. Носова

marselar15@gmail.com

Научный руководитель

ШУЛЕЖКОВА Светлана Григорьевна (*Магнитогорск, Россия*)

доктор филологических наук, профессор

Магнитогорский государственный
технический университет имени Г.И. Носова

ПРОБЛЕМА СОЗДАНИЯ ЯЗЫКА ОБЩЕСЛАВЯНСКОГО ОБЩЕНИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Аннотация. В эпоху Интернета идея конструирования панславянского языка получила новую жизнь. Возникла потребность определить общий вектор создания таких языков. В статье анализируются преимущества и недостатки языковых

проектов Slovio и Slovianski, которые претендовали на роль современного межславянского языка.

Славянские народы всегда осознавали единство своего происхождения, близость своих культур и языков. Это интересовало ученых различных эпох, и в общеславянском пространстве подспудно вызревала идея воссоединения славян, которая проявлялась в попытках создания единого языка.

Формирование всеславянского языка имеет долгую историю. Первым успешным примером реализации такого проекта стал старославянский язык. Однако его создатели Кирилл и Мефодий творили в иных цивилизационных условиях. В IX в. славяне итак прекрасно понимали друг друга, но это была эпоха складывания славянских государств, сопровождавшаяся междоусобными войнами. Правящим славянским элитам для объединения были остро необходимы общие письменность и вера. Крещение славян и обретение письменности на понятном всем славянам литературном языке на том этапе сыграли огромную роль в культурном развитии и становлении славянских народов и государств. Со временем, развиваясь, славянские языки стали существенно отличаться друг от друга, а старославянский язык, испытывая влияние национальных славянских языков, закрепился на территориях расселения южных и восточных славян и ещё сегодня продолжает использоваться (в форме церковнославянского) в православном богослужении и в текстах религиозного содержания [3].

В XVII в. идея создания панславянского языка возродилась в новых условиях. Одним из её пионеров стал хорватский богослов Юрий Крижанич [2: 51].

Интерес к объединению славян и созданию общего языка возрос в XVIII–XIX вв., когда в среде покорённых славянских народов окрепли идеи национального самосознания, а затем сформировалось

панславянское течение. Разработчиками проектов панславянского языка были С. Линде, Й. Херкел, М. Маяр, О. Каф и др. [1].

В XX в. наблюдалось усиление интерлингвистики, в частности получает международное признание язык эсперанто, который повлиял на дальнейшие попытки создания межславянского языка. Изменился вектор развития: появилась ориентация на учёт свойств различных славянских языков, схематизацию и упрощение грамматик общеславянского языка.

В XXI в. Интернет способствовал не только распространению панславянских языков, но и их развитию, например, посредством обогащения их лексики и унификации грамматики.

Известным общеславянским языковым проектом стал Slovio (Словио), который, возможно, стал идеологическим наследником языка Slavina («славянского эсперанто»), созданного в 1912 г. чешским исследователем Йозефом Конечны [1]. Словио был создан в 1999 г. словацким лингвистом Марком Гучко [8]. Первая редакция языка была опубликована в сети Интернет в 2001 г. (к сожалению, сегодня существует только в архивированном виде).

Словарный фонд Словио насчитывает 65 тыс. слов различных сфер и тематик, включая имена собственные и нарицательные. Однако значительная часть этих слов дана на английском, а часть просто образована присоединением основы или корня к тому или ному аффиксу. Невзирая на это, большое число лексем подтверждает лексическую самодостаточность языка Словио и его большую развитость по сравнению с другими языковыми проектами предшественников М. Гучко. Лексика Словио базируется на славянском словарном корпусе, но автор не отказывается от включения в него интернационализмов из латинского, греческого, английского и других языков. Именно интернациональная лексика была объектом критики в адрес Словио.

Исследователи Словио замечали неоднородное соотношение языков-источников: писали, что язык Гучко тяготеет к русскому. Действительно, для некоторых понятий, когда создателю было затруднительно вычленив общий корень, он использовал русское слово. Например, *деньги* на Словио называются *dengi* (ср. чешск. *peníze*, болг. *пари*, укр. *гроші*, словенск. *denar*). Есть случаи, когда выбор русской основы вообще не мотивирован. Так, для названия собаки Гучко выбрал слово *sobak*, хотя условное *pes* было бы логичней, т. к. праславянское **rьsь* известно большинству славянских языков. Возможно, такой подход Гучко можно объяснить тем, что русский язык принадлежит самому многочисленному славянскому народу, является официальным языком ООН. Отметим, что ряд интернациональных слов, введённых в Словио, несвойственны славянским языкам, например, *megalion* (миллион) и *gigalion* (миллиард), кальки с немецкого *slovknig* (словарь, нем. *wörterbuch*) и *malgrad* (деревня, нем. *kleinstadt*).

В Словио есть тенденция к сокращению исходных слов, что проявляется, например, в усечении слогов первоначальных славянских лексем, чаще числительных (ср. *dev* и русск. *девять*, польск. *dziewięć*, сербск. *девет*), в частом устранении рефлексов окончания **-a* (ср. *glov* и русск. *голова*, чешск. *hlava*, болг. *глава*). Характерной особенностью Словио является закрепление в словарном фонде корней одного происхождения, но с разным фонематический обликом в разных языках. Рефлексы праславянских слов не разбросаны в хаотичном порядке, но служат для смысловоразличения, например, результаты палатализации перед **ě* дифтонгического происхождения: *kvit* 'цветок' (часть растения) – *cvet* 'цвет' (окраска).

Грамматика Словио, в отличие от большинства естественных славянских языков, характеризуется значительным упрощением. Особенно ярко это выражается в предлагаемой создателем системе склонения существительных, которая сокращена до трех падежей:

номинатив, аллатив (используется и как генитив) и аккузатив для прямого дополнения в предложении с непрямым порядком слов. В языке Словио отсутствуют формы рода. Однако образование сравнительных и превосходных степеней прилагательных допускается как аналитическим, так синтетическим способом. Суффиксальным способом образуются притяжательные прилагательные. Глагольная система не включает словоизменения по лицам, но сохраняет формы трёх времён (настоящее, будущее, прошедшее), формы изъявительного, условного и повелительного наклонений. Могут образовываться причастия и деепричастия действительного и страдательного залогов. Формообразование всех частей речи аффиксальное. Порядок слов в языке М. Гучко свободный, но чаще используется модель «Подлежащее – сказуемое – дополнение», определения и обстоятельства находятся после или перед главным словом в словосочетании. Вопросительные предложения без специальных местоимений рекомендуется начинать с частицы *li*, а побудительные – со сказуемого. В силу ослабления синтетического начала был введен единственный артикль *ta* для указания темы, а его отсутствие указывает на рему.

Очевидно, что при создании Словио автор ориентировался на грамматику популярных языков международного общения. У эсперанто был заимствован принцип агглютинации, а усиление аналитизма, приведшего к упрощению всех грамматических структур, сблизило Словио с английским, да и сам М. Гучко соотносит свой проект с другими европейскими языками и прежде всего с английским [7].

Словио отличается стройной синтетической деривацией лексем. Прилагательные способны приобретать морфемы со значениями возможности (ср. англ. *-able*), необходимости и обязательности. К глаголу можно присоединить суффикс продолжительного действия. В свою очередь, имена существительные имеют широкий спектр стандартизированных аффиксов для обозначения как материалов,

инструментов, мест, языков, профессиональных работников, последователей определенных течений, так и морфемы, в которых проявляется гендерная специфика и т. д. Можно обнаружить большое количество приставок, целевых, указывающих на тесную связь с исходным словом, присоединений, обозначающих различные этапы какого-либо процесса. В Словио используется интерфикс -o- для образования сложных слов.

Аффиксы и служебные слова языка, предлагаемые М. Гучко, имеют преимущественно общеславянское происхождение, но некоторые (*-(i)tor* при обозначении устройств, *-izm-* политического или философского течения) взяты из неславянских языков и часто приобретают в Словио новое значение. Можно выделить и уникальные морфемы, восходящие к славянским, но фонематически, грамматически или лексически отличающиеся от них (суффикс *-ju* в прилагательных, окончание *-(i)s* формах множественного числа имен существительных).

Фонетика Словио упрощает произношение каждой фонемы. Но рекомендуется произносить дифтонгические сочетания как единый звук, согласные – твёрдые, мягкое произношение допускается для фонем *<n>*, *<d>*, *<t>*, *<l>*. Правила акцентуации не затрагивают тонику, длительность, громкость ударного слога (вероятно, подразумевается динамическая система, характерная для большинства славянских языков); ударение рекомендуется ставить на предпоследний слог, что не свойственно всем славянским языкам, но характерно для польского, эсперанто и латыни.

Орфография Словио базируется на двух алфавитах – латинице и кириллице, что соответствует системам письма, распространённым среди славян, однако на основном сайте М. Гучко и сторонних ресурсах используется преимущественно латинская графика, широко используемая в интернет-коммуникации. Можно объяснить это наличием в Словио интернационализмов, неславянских морфем; стремлением

сделать язык удобным для изучения носителями неславянских языковых групп и семейств; ориентацией на другие международные языки, использующие латиницу.

Словио использует стандартную латиницу, но в его фонематической системе насчитывается 27 фонем, поэтому на письме используются несвойственные ни одному славянскому языку буквенные комбинации типа *zx* или *sx*, обозначающие русские <ж> и <ш>, соответственно [7]. Несмотря на то, что многие языки (напр. чешский, хорватский, словенский) используют диакритики, польский – свою собственную систему, а носители языков с кириллическим алфавитом привыкли передавать собственные слова английской транслитерацией, диграфы в Словио сложно называть неудобными, т. к. они содержат узнаваемые графические компоненты (ср. *sx* – хорв. и чешск. *š*, польск. *sz*, англ. *ch*). Исключением являются аллофоны [*ɛ*] и [*dʒ*] – *wx* и *gx*. Первый угадывается потому, что графически похож на *ц*, а второй можно угадать только, если изучающий Словио знает, что в некоторых германских и романских языках на месте *g* читается аффриката (ср. хорв. *dž* и польск. *dź*).

Кириллица в Словио заимствована из русского языка. Это подтверждается использованием начертаний *ц* (буква отсутствует в вуковице, белорусском и македонском алфавитах) и *дж* на основной странице и странице транслитерации с болгарского и русского алфавитов на латиницу Словио [8], да и в целом принципиальные правила орфографии не меняются.

Описанные факты позволяют утверждать, что Словио представляет собой стройную языковую систему, которая может быть легко освоена с точки зрения лексики, грамматики, орфографии и произношения. Включение интернациональных слов в лексику, агглютинативность, фонемы, не закрепленные за конкретными фонемами, и использование преимущественно латиницы делает Словио хорошим

примером продуманного искусственного языка международного общения, но неудачным панславянским языком. Эти моменты делают его малопонятным для большинства славян несмотря на то, что на официальном сайте заявлена цель Словио – обеспечить коммуникацию между носителями славянских языков: *«Что такое Словио? Словио – новый международный язык, который понимают четыреста миллионов людей на всей земле. Словио может употребляться для общения с четырьмястами миллионами людей от Праги до Владивостока»* [7]. Отсутствие флективной грамматики, невероятное сокращение большого числа грамматических категорий, которыми отличается славянская группа, усечение слов, непропорциональность лексики с точки зрения происхождения и многое другое делают Словио, на наш взгляд, неудобным для межславянского общения.

Создателем другого всеславянского языка стал Ян ван Стенберген. В своей работе «The Slovio Myth» он отмечал, что, помимо указанных недостатков в системе языка, проект Slovio долгое время оставался закрытым, а М. Гучко плохо воспринимал критику и порой завышал оценки популярности своего языка. В совокупности все эти факторы привели к тому, что к началу 2010-х гг. Словио фактически умер, но успел стать важной вехой в развитии славянской интерлингвистики и базой для возникновения новых панславянских языков [6].

Ещё во время развития Словио Габриель Свобода и несколько других исследователей объединились для создания альтернативного панславянского языка, который в 2006 г. получил название Slovianski (Словянски) [6]. Язык развивался в нескольких версиях: Slovianski-P, предложенный Ондреем Речником; Slovianski-S, предложенный Г. Свободой; Slovianski-N, предложенный Я. ван Стенбергенем. Последняя версия является самым естественным из вышеприведенных [4] и представляет собой полную противоположность Словио, обходясь

без серьёзных упрощений языковой системы. Этот вариант стал одним из праязыков для современного межславянского языка.

Существует всего три редакции Словянски – 2006, 2008 и 2010 гг. В данной статье будет рассмотрена последняя версия [5], как и в случае со Словио.

На главной веб-странице создатели не дают словаря готовых слов, но описывают правило добавления лексем в общий фонд языка. Прежде всего слова должны заимствоваться из ныне существующих славянских языков. При этом одобрение получает только та лексема, чей корень присутствует хотя бы в большинстве языков. Естественно, лексика не состоит из пестрого сборника славянских рефлексов. Словянски имеет собственную стройную систему фонемных соответствий, которые основаны на самых частотных рефлексах. Ср. в Словянски *-ro-* – праслав. *-or-*, вост.-слав. *-oro-*, польск. *-ro-*, южн.-слав. *-ra-* и др.

Грамматическая система имен включает три рода (мужской, женский, средний), два числа (единственное и множественное), а также шесть падежей, устоявшихся во многих славянских языках ещё со времён праславянского (за исключением звательного). В парадигме склонения существительных могут присутствовать мягкие варианты окончаний. Множественное число включает отдельные родовые окончания. Парадигма склонения прилагательного представлена как трансформированная парадигма местоименных, или полных форм, а степени сравнения могут образовываться как простым, так и составным способом.

Глагол в Словянски, как и в естественных славянских языках, имеет систему спряжения, включающую три времени (настоящее, прошедшее и будущее), два числа и два вида (совершенный и несовершенный). В настоящем времени глагол изменяется по трём лицам. Будущее время образуется только аналитическим способом через соединение форм будущего времени глагола *biti* и инфинитива.

Образование прошедшего времени аналогично образованию перфекта в праславянском языке, но без добавления глагола со значением 'быть', т. е. берется за основу модель причастия на *-l*, хотя в Словянски *-l* не выделяется как суффикс, а входит в окончания трёх родов и множественного числа. Условное наклонение образуется аналитически с помощью частицы *bi* и глагола прошедшего времени; повелительное – синтетически со способностью образовать формы 2-го лица единственного числа, 1-го и 2-го множественного числа. Словянски не отделяет деепричастие от причастия в действительном залоге – они используют общий суффикс *-iŝ*, однако функции обстоятельства и определения различаются прибавлением окончания *-i* для последнего случая. Страдательные конструкции образуются с помощью глагола *biti* и страдательного причастия прошедшего времени. Предлоги чаще всего при управлении являются показателями родительного падежа. Служебные слова в подавляющей массе общеславянские.

Порядок слов в предложении классический: подлежащее – сказуемое – прямое дополнение. В вопросительных предложениях без местоимений используется частица *li*, которая, как и вопросительное местоимение, должна ставиться в начале.

Фонетика Словянски вполне гибкая. Все рекомендации являются приблизительными, и произношения, характерные для носителей разных славянских языков, существуют как равноценные. Присутствует размытая норма произнесения некоторых мягких согласных, представленная несколькими вариантами для каждой фонемы. Смягчать согласные следует при прочтении в латинице перед *i*, в кириллице – перед *ь*, *я*, *ю* и *j* (для обеих систем письменности опционально смягчение перед *е*). Ударение непостоянное, но предлагается «безопасная система», которая предполагает постановку ударения на предпоследний слог в начальной форме слова, но при словоизменении оно не меняет своего положения [5].

Словообразование в Словянски развито: используется большое число общеславянских морфем, которые имеют стандартизированные лексико-грамматические значения, а также условия их употребления (напр., для образования диминутивов от слов мужского рода *muž* – *mužik*). Существуют как синтетические способы образования новых слов, так и транспозиция (напр. *běly* в значении качества ‘белый’ и *běly* в значении ‘что-то или кто-то белый’)

Ранее уже упоминалось, что в Словянски отдается предпочтение латинице. Стандартно для шипящих и аффрикат используются буквы с гачеками, однако допускается и польское написание из двух символов. В качестве основной кириллицы на странице проекта дается её сербская версия, но также допускаются и особенности иных кириллических азбук. В самих текстах, представленных на сайте, можно увидеть именно несербскую версию, с использованием *ǰ* вместо *j* [5].

Анализ Словиио и Словянски – двух языков, развивавшихся в 2000-х гг., показал, что в панславянской интерлингвистике одновременно существовало две глобальные тенденции в построении искусственных славянских языков: комплексное упрощение и компромиссное систематизирование со стремлением сохранить естественные черты исходных языков. Первая продемонстрировала значительное отдаление от самой природы функционирования живых славянских языков, затруднения в её освоении самими славянами. Вторая устраняет значительное число исключений, свойственных естественным языкам, но одновременно опирается на общие черты, стремясь сделать каждую языковую единицу узнаваемой и понятной для носителей славянских языков. С точки зрения ретроспективы и числа развитых синтетических панславянских языков, именно подход сохранения натуралистичности является наиболее успешным в современную эпоху.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дуличенко А. Д. Международные вспомогательные языки. Таллин: Валгус, 1990. 448 с.

2. Рупосова Л. П. История межславянского языка // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2012. № 1. С. 51–56.

3. Шулежкова С. Г. Старославянский язык, древнерусский язык и историческая грамматика русского языка: опыт сопоставительного изучения: учеб.-метод. пособие. 4-е изд., стер. Москва: Флинта: Наука, 2018. 123 с.

4. Slovianski. Version May 2006: Interslavic language –Medžuslovjanskyjezyk–Меджусловјанскы језык // Jan van Steenberg: [сайт]. URL: http://steen.free.fr/interslavic/slovianski_2006.html (дата обращения: 20.11.2023).

5. Slovianski / Slovijanski / Словиянски: Version: March 2010: Interslaviclanguage – Medžuslovjanskyjezyk – Меджусловјанскыјезык // Jan van Steenberg: [сайт]. URL: http://steen.free.fr/interslavic/slovianski_2010.html (дата обращения: 20.11.2023).

6. Van Steenberg, Jan TheSlovio Myth // Fiat Lingua: [сайт]. URL: <https://fiatlingua.org/2016/05/> (дата обращения: 10.09.2023).

7. Slovio.com [сайт]. URL: <https://web.archive.org/web/20050309211757/http://www.slovio.com/sk/povod.html> (дата обращения: 20.11.2023).

8. Slovio Transliteration of the Russian and Bulgarian Alphabets // Slovio.com [сайт]. URL: <https://www.slovio.com/ru.jazika/index.html> (дата обращения: 20.11.2023).

9. Tilman Berger, Tübingen. Vom Erfindenslavischer Sprachen // Slavic origin. Paleo-Slavic cultures and alphabets. URL: <https://slovio.com/origin/> (дата обращения: 20.11.2023).

ГОРЧАКОВА Любовь Владимировна (*Владимир, Россия*)

студент

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
ms.gorchak@bk.ru

Научный руководитель

ПИМЕНОВА Марина Васильевна (*Владимир, Россия*)

доктор филологических наук, профессор

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
pimenova-vgpu@yandex.ru

ГИДРОНИМЫ В ТЕКСТЕ КОСМОГРАФИИ XVI ВЕКА

Аннотация. В статье рассматривается топонимическое пространство рукописного текста Космографии XVI в. Ф. 152 № 2 (М. 1114), находящегося на хранении в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки в Музейном собрании. Описывается краткая история рукописи и ее содержание. Приводится процентное соотношение встречающихся в анализируемой части текста топонимов. Выделяются группы гидронимов, выдвигаются предположения об их этимологии и соотносённости с современными географическими объектами.

Ключевые слова: древнерусский текст, топонимика, гидронимы, космография, рукопись.

Abstract. The article considers the toponymic space of the handwritten text of Cosmography F. 152 No. 2 (M. 1114), stored in the Department of Manuscripts of the Russian State Library in the museum collection. A brief history of the manuscript and its

contents are described. The percentage of toponyms found in the analyzed part of the text is given. Groups of hydronyms are identified, assumptions are made about their etymology and correlation with modern geographical objects.

Keywords: ancient text, toponymy, hydronyms, cosmography, manuscript.

Космография XVI в. Ф. 152 № 2 (М. 1114) – часть рукописи «Хроника всего света», автором которой является польский писатель и историк Мартин Бельский. В настоящий момент рукопись находится на хранении в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки в Музейном собрании. Данная рукопись состоит из 60 глав, разделенных на 6 тематических разделов.

Космография XVI в. была рассмотрена в трудах Р.В. Бахтуриной, посвященных космографии русской редакции XVI в., а также в составе Собрания рукописных книг И.Я. Лукашевича и Н.А. Маркевича.

Мартин Бельский (1495–1575) – польский писатель и историограф, сторонник идеи распространения полезных сведений и образования. В Средневековье его книги были доступны для широкого круга читателей, над «Хроникой всего света» Мартин Бельский работал в течение всей своей жизни и напечатал три (по некоторым данным четыре) издания. После его смерти работу над рукописью продолжил его сын.

Задачей «Хроники» Мартин Бельский ставил описание не только хода истории, но и культурологических, национальных особенностей народов, населяющих описываемые земли: их традиции, обычаи, менталитет. При написании рукописи им были использованы сочинения Науклера, Якопо Филиппо, Фореста из Бергамо, Сильвия, Кариона, Ксенофонта, Орозия, Иосифа Флавия, Юстина, Прокопия Кесарийского и Сабеллико.

Первое польское издание «Хроники всего света» было напечатано в Кракове в 1551 г. и посвящено Сигизмунду II Августу. Послесловие к полному русскому переводу содержит информацию о том, что «Хроника» была составлена по его заказу [3: 4]. Впоследствии

труд Мартина Бельского был снова издан в 1554 г., также существуют предположения об изданиях 1562 и 1582 гг.

Первое издание, переведенное на русский язык составителем «Хронографа западнорусской редакции», открывалось «Космографией», вслед за которой излагались библейская, древняя и христианская (по преимуществу западноевропейская) истории до 1550 г., далее следовали статьи об Италии, Германии, Испании, Турции, венгерская и чешская хроники, а также польская хроника до смерти Сигизмунда I в 1548 г.

Однако из «Хроники» Бельского были заимствованы только краткие описания новых земель, открытых мореплавателями, т.е. именно «Космография».

Второе издание «Хроники» Мартина Бельского было значительно дополнено сведениями о Реформации и разделом о Московской Руси и разделено на четыре крупных раздела (книги).

Первая книга посвящена изложению дохристианской истории, вторая – истории христианского времени: в ней содержатся главы «Рождение Христа», «Римские Цезари после рождения Христа», «О Петре, апостолах и других учениках Христа», «О римских цезарях и папах».

В третью книгу вошла «Космография», где содержатся разделы о славянских землях, о Британских островах, «О Галлии и Франции», «О Венгерском королевстве», «О Чешском королевстве», «О польской хронике всему рыцарству польскому», «О Польском королевстве» и др.

Четвертой книге автор дал название «Новый свет», изложив в ней описания гор и морей, которые в первом издании входили в состав «Космографии». В четвертую книгу также был включен рассказ о плавании Христофора Колумба, экспедициях Педро Алонсо Ниньо, Винсента Яньеса Пинсона и четырех походах Америго Веспуччи [3; 7].

Следующее издание «Хроники» было полностью переведено на русский язык без изменений или сокращений, с сохранением последовательности изложения. Оно относится к 1564 г. и состоит из десяти книг:

- Книга 1 – посвящена библейской и древней истории;
- Книга 2 – исторические события от рождения Христа до 1544 г.;
- Книга 3 – история Реформации;
- Книга 4 – о турецких завоеваниях, о Скандербеге;
- Книга 5 – космография;
- Книга 6 – венгерская хроника;
- Книга 7 – чешская хроника;
- Книга 8 – польская хроника;
- Книга 9 – о Московском княжестве;
- Книга 10 – об открытии Нового света и других географических открытиях.

Данное издание значительно дополнено сведениями из новых источников, принадлежавших таким авторам, как Иоганн Слейдан, Мартин Барлетен, Себастьян Мюнстер, Сигизмунд фон Герберштейн, Иоганн Гуттих и Симон Гринеус.

Полный перевод «Хроники всего света» доступен на русский язык лишь в списках XVII и XVIII вв., полных списков русского перевода, датированного XVI в., выявлено не было [3: 4]. Вслед за А.И. Соболевским принято считать, что «перевод на великорусское наречие сделан в Москве с западнорусского перевода, который был исполнен по велению короля Сигизмунда Августа (а он умер в 1572 г.) Амброжеем Брежевским» [8: 24].

По предположению Н.А. Казаковой, «перевод был обусловлен в первую очередь практическими политическими потребностями официальных кругов Москвы: в связи с Ливонской войной и усложнением

дипломатических отношений русского правительства со странами Запада возникла потребность в книге, которая давала бы о нем систематические, как исторические, так и географические знания. Именно такой книгой был труд Мартина Бельского, неоднократно издававшийся в соседней Польше и написанный на родственном русскому польском языке. Весьма возможно, что перевод «Хроники всего света» был осуществлен по заданию русского правительства» [5: 8].

Полный русский перевод «Хроники всего света», ранний список которого – Синодальный, переписывался в XVII в. не менее четырех раз. «Хроника» Мартина Бельского использовалась при составлении новых редакций Русского хронографа 1617 г. А. Попов обратил внимание на то, что составитель этой редакции среди прочих наименований называет свой источник «Большой Космографией» [6: 19].

А.И. Соболевским было указано на отдельный перевод Космографии на русский язык в списке конца XVII – начала XVIII в., где она имела заглавие «Козмография, размерение и росписание всеа земли против слопневъ и знаменъ въ кругахъ небесныхъ». Отсутствие порядкового номера, как при полном переводе книги «Хроники всего света», свидетельствует об особом, самостоятельном значении данной части рукописи. По-видимому, оно определяется прежде всего большой основательностью использованных автором источников, в частности «Космографии» Себастиана Мюнстера, не имевшей в XVI–XVII вв. перевода на русский язык. «Космография» Мартина Бельского отличается от подобных фрагментарных сочинений того времени наличием описания почти всех стран и крупных городов Европы.

Таково же содержание рукописи XVI в. из Музейного собрания Российской Государственной библиотеки Ф. 152 № 2 (М. 1114), определенной как «Хроника» Мартина Бельского. Сопоставление содержания данной рукописи с полным переводом «Хроники всего света» свидетельствует о том, что перевод отдельных частей издания

1564 г. не является хаотичным, а продиктован стремлением составителя создать новую, русскую редакцию космографии.

Попытки создания русской космографии отражены в рукописях XVI и XVII вв. Например, в «Космографии в 76 глав» – компиляции «Хроники всего света» Мартина Бельского и «Космографии» Герарда Меркатора.

Рукопись РГБ состоит из 60 глав неравномерного объема (от нескольких строк до 30–40 листов). Задачей составителя являлось создание нового обзора с иной, не соответствующей первоначальной, композицией. В книгу были внесены главы из других книг и сокращены главы, которые, по мнению составителя, не являлись значимыми либо нарушали задуманную организацию текста. Так, например, были исключены тринадцать глав о греческих и средиземноморских землях и островах: «О Пелепонезусе... о большей части Греции», «О Ахан и широкой земле в Греции», «О Аркадии ахаической земли», «О Макидонии», «О Крицком острове», «О Албании» и др. Вместо них следует сообщение о «четвертой части света Аммерике» и «рассказы о походах Аммерикуса Веспучция воеводы».

Для XVI в. такое изменение композиции является очень значимым изменением и всей концепции книги в целом. Мартин Бельский при написании «Хроники» опирается на труды Мюнстера и, соответственно, в первой главе сообщает о наличии трех частей света. Составитель русской редакции, не меняя самого текста Космографии, изменяет именно устаревшую концепцию о трех частях света, выделяя походы Америго Веспуччи как наиболее важные. В рукописи указывается, что имя мореплавателя было получено от открытой им новой части света: «Аммерикус прозван именем от великого острова Аммерика а тот остров мочно прозват за четвертую часть света а нашол тот остров Оммерикус Веспучция». В действительности же, напротив, название Нового света произошло от имени мореплавателя. В Космографии русской редакции,

как и в «Хронике всего света», Новый свет упоминается под названием Америка.

Состав Космографии русской редакции XVI в. обнаруживает тщательно организованную композиционную структуру, подчиненную единому замыслу. Дополнительные главы получили общую нумерацию, а некоторые главы, напротив, утратили нумерацию, став частью более крупных разделов.

Первая глава – общая, отвечающая потребности увидеть мир по-новому при сохранении восприятия его целостности. В ней содержится 29 статей, посвященных Азии; 8 статей об Африке; 5 статей об Америке и одна общая статья «О третьей части света Еуропия».

Вторая глава Космографии начинается с описания Московской Руси и содержит в себе 50 статей, каждая из которых посвящена какому-либо отдельному городу: Владимиру, Нижнему Новгороду, Туле, Мценску, Чернигову, Дмитрову, Смоленску, Дорогобужу, Можайску, Белгороду, Ржеву, Волоколамску, Великим Лукам, Торопцу, Торжку, Пскову, Дмитрову, Угличу, Переяславлю, Ростову, Ярославлю, Вологде, Устюгу, Вятке. Несколько статей посвящены бывшим удельным княжествам и окраинным землям: Рязанскому, Северскому, Тверскому княжествам, Мордовской земле, Угорской стране, черемисам, мордве. Также в рукописи представлены рассказы о реках и озерах: о Доне, о Сейме, о Двине, о Ловати, о Белом озере. Описание русского государства в Космографию было перенесено без изменений из девятой книги «Хроники», составленной на основании книги Сигизмунда Герберштейна.

Третья и четвертая главы космографии посвящены Литве и Ливонской земле, а также рассказу о турках и о Скандербеге.

Множество глав четвертой книги «Хроники» было объединено в одну главу, посвященную в целом Албании, что соответствовало плану космографии, а не исторического сочинения. В соответствии с этим

планом вслед за Албанией следуют главы, посвященные балканским землям: Боснии, Хорватии, Эпиру, итальянскому герцогству Модена, Сицилии. Однако, по-видимому, ради сохранения общего замысла составителем были исключены главы «О британских островах», «О Новом острове», «О лесе английском именем Каледония», «О Ишпанской земли», «Обычеи есть ишпанскихъ людей», «О земляхъ немецкихъ», «О рыбах и о диве морскомъ», а также главы о возникновении христианской веры в Баварии и о баварских городах.

При наличии многочисленных сокращений в «Космографии» Мартина Бельского, главной целью составителя оставалось создание достаточно полного обзора Европы. Так, в «Космографию» были включены тексты о Венгрии, Чехии, Польше, о «Веницейском государстве»: главы «О Угорском королевстве», «О Ческом королевстве», «Об обычех ческих», «О Польском королевстве», «О Литве и литовских городах и реках», «О татарах» и др. Завершается космография текстами о Новом свете и новооткрытых землях, главой об открытии неведомых стран, «мест новых, о которых философы и мудрецы не описали же и в своих книгах» [3: 4].

Таким образом, «Космография» Мартина Бельского (5-я книга «Хроники всего света») имеет самостоятельную ценность и может быть рассмотрена в качестве отдельного цельного сочинения, что обуславливается обширностью ее содержания как в историческом, так и в культурологическом аспекте.

Нами было исследовано топонимическое пространство фрагмента текста Космографии XVI в. Ф. 152 № 2 (М. 1114) и выявлено 239 топонимов (9 имеют предположительный характер).

Наибольшее количество среди выявленных языковых единиц составляют ойконимы – 88 единиц (36,82% от общего количества анализируемых топонимов). Среди анализируемых ойконимов нами было выделено 65 астионимов (27,2%) и 23 комонима (9,62%).

Далее по многочисленности выделяются хоронимы – 71 единица (29,71%). Затем – гидронимы в количестве 38 единиц (15,9%), из которых 2 единицы (0,84%) – океанонимы, 3 единицы (1,26%) – лимнонимы, 15 единиц (6,28%) – пелагонимы и 18 единиц (7,53%) – потамонимы. Так, среди гидронимов самым распространенным классом в анализируемом фрагменте рукописи являются потамонимы.

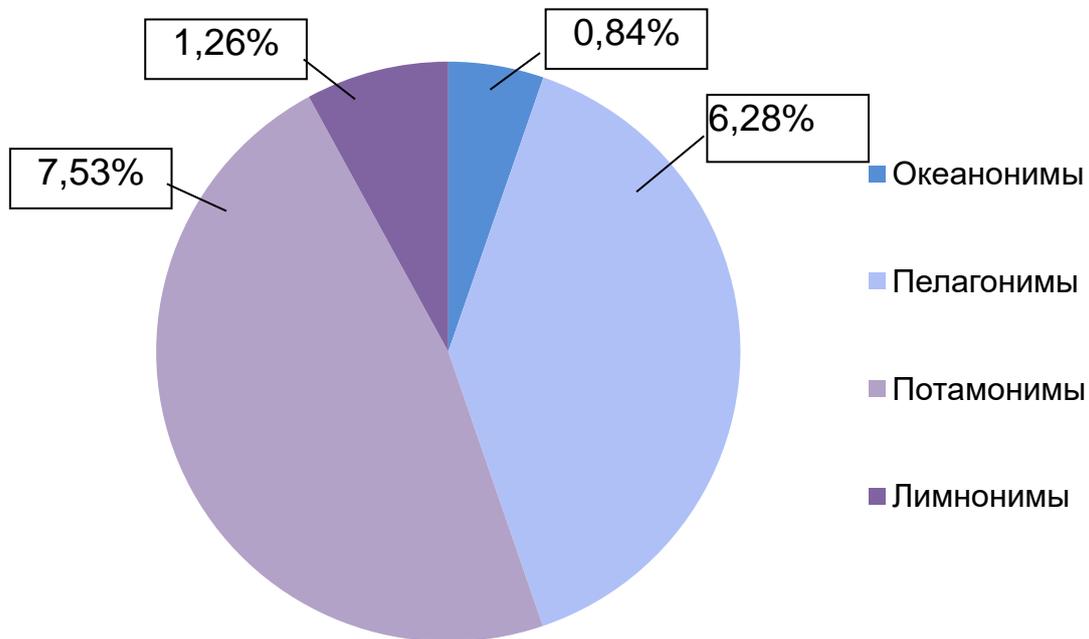
Также в тексте содержится 20 оронимов (в частности, названий гор), что составляет 9,62% от общего количества анализируемых топонимов, и 10 инсулонимов (4,18%). Наименее многочисленной группой топонимов в анализируемом фрагменте текста являются онайконимы и экклезионимы. Онайконимов насчитывается 7 единиц (2,93%), а экклезионимов 4 единицы (1,67%).

Рассмотрим подробнее такой класс топонимов, как гидронимы. **Гидронимы** (от греч. ὕδωρ – «вода», ονομά – «имя») – класс топонимов, который включает в себя названия всех водных объектов – рек, ручьев, источников, колодцев, прудов, озер, океанов и их частей (морей, заливов, проливов).

Гидронимы также подразделяют на подклассы: **потамонимы** (от греч. ποταμός – «река», ονομά – «имя») – названия рек, ручьев (данный топонимический подкласс является одним из самых многочисленных); **лимнонимы** (от греч. λίμνή – «озеро», ονομά – «имя») – вид гидронимов, который включает в себя названия озер, прудов, водохранилищ; **океанонимы** (от греч. Ωκεανος – «бог Океан, беспредельное море», ονομά – «имя») – названия океанов (является самым немногочисленным классом по количеству названий); **пелагонимы** (от греч. πέλαγος – «море», ονομά – «имя») – названия морей или других частей океана (заливы, проливы, течения и т.д.); **гелонимы** (от греч. έλος – «болото», ονομά – «имя».) – названия болот [1: 3].

В анализируемой части текста Космографии XVI века было выявлено 38 гидронимов: 2 океанонима (1 имеет предположительный

характер), 15 пелагонимов (1 имеет предположительный характер), 18 потамонимов, 3 лимнонима (1 имеет предположительный характер). Всего процентное количество гидронимов в анализируемой части рукописи составляет 15,9% от общего количества выявленных топонимов.

В тексте рукописи встречаются следующие океанонимы: *акни́ан му́рынский* (контекст «...а́ в тои́ сторонѣ ѿ полудни́ до акни́ана му́рынского держит королевство поп Иван на шесть почѣши ѿ моря черленово...») и *ѡкни́аны ѡбернеи* (контекст «...а́ шириною́ еуро́па . скѣ . миль . ѿ моря ниги́м ѡкни́аны ѡбернеи...»).

Из контекста мы видим, что названный *му́рынский акни́ан* располагается недалеко от *моря черленово*. Можно предположить, что название «*му́рынский акни́ан*» носит современный Индийский океан, а под названием «*море черленово*» имеется в виду Черное море, т.к. в контексте упоминается царство Попа-Ивана, которое предположительно соответствует территории современной Эфиопии [2]. Можно предположить, что название «*му́рынский*» происходит от польского слова *murzyński* – «негритянский».

После океанонимов по количеству встречающихся в тексте лексических единиц можно выделить лимнонимы: *μεῖψυς* (контекст «...озеро великое *μεῖψυς*...»), *завалыс юзаѳат* (контекст «...ѧ розрыл тоѧ гору морю ѧ мѣсто црѣвное ѧ полѧты королевскіе ѧ прѣд завалыс юзаѳат . староста римской . ѧлис ѧдриану...»), *пробатика писцын* (контекст «...ѧ ѿ тоѧ бѧшни есть копан прѣд на лѣвую сторону . ѧ прозывѧется тот прѣд по латынски пробатика писцын . ѧ по нѣмѣу крѣтіанскому ѧзыку назват держат тот прѣд про свѣжую рыбу...»).

Как мы видим, в тексте упоминается бассейн с латинским названием *Probatrica piscina*, который также носил название **Овчая купель** (от греч. *προβατική κολυμβήθρα*) и **Вифезда** (от ивр. *כּתּוּב לַיּוֹם* – «дом милости, милосердия», «место благодати, исцеления»). Вифезда была построена в VIII веке до н. э. рядом с северной стеной Иерусалима, у Овечьих ворот, через которые прогонялись к храму жертвенные животные и где был расположен рынок этих животных [4: 438].

Далее по распространенности в анализируемой части текста можно выделить пелагонимы: *море счетикус*, *море ледовѧтое*, *море пѳнское*, *море черное*, *море галеленское*, *море медитарамское*, *море ѧнгилское*, *британское*, *море ѧрапское* и *пѣрское*, *море мѣтвое* и др. Название «εγεγυμ», предположительно, принадлежит Эгейскому морю.

Можно проследить этимологию названия одного из морей. По упоминанию автора рукописи, название моря происходит от названия близлежащего города: «...*море прозывѧется ѧрканіѧ ѿ ѧрканіи гѳрода*...». Так, можно установить, что некоторые представленные в анализируемом тексте пелагонимы имеют геогенный характер происхождения.

Самыми распространенными в тексте рукописи являются потамонимы – их насчитывается в количестве 18 лексических единиц. Например: *ерѣдан*, *тигрис*, *зизи́на*, *ѡрѡкалидис*, *ганеесѣ*, *пулизахнес*, *нилюс*, *малюха* и др.

Автор рукописи указывает на наличие двух потамонимов для названия одной реки в разных языках: «...*река великаа танаюс . котѡраа назвати нашими языком волга...*». Вероятно, название *Танаюс* (от лат. *Tanaus*) имеет антропогенное происхождение от имени царя скифов Таная. Также, автор упоминает, что одно из названий стран происходит от названия реки: «...*Индѣа прозвася ѡ реки индус...*». Вместе с тем, он указывает, что в упомянутой стране протекают три реки: *физонѣ*, *гигон*, *индус* (контекст «...*имена им ѡднѡи реки индусѣ . а другѡи физонѣ а третїен гигон...*»)

Таким образом, 15,9% от общего количества выявленных топонимов в анализируемой части текста Космографии XVI века являются гидронимы в количестве 38 лексических единиц. Наиболее частотными являются потамонимы, а наименее частотными – океанонимы. Среди выявленных гидронимов встречаются гидронимы антропогенного и геогенного происхождения. Также предоставляется возможным выдвинуть предположения о соотношенности некоторых топонимов с современными географическими объектами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басик С. Н. Общая топонимика: Учебное пособие для студентов географического факультета. – Мн.: БГУ, 2006. – 200 с.
2. Баталин Н. Н. «Сказание об Индейском царстве» // «Филологические записки», Воронеж, 1874.
3. Бахтурина М. В. Космография русской редакции // Герменевтика древнерусской литературы – М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000. – 366–381 с.
4. Вихлянцев В. П. Библейский словарь. – М., 2020 – 558 с.
5. Казакова Н.А. Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков. Из истории международных культурных связей России / Под ред. Д.С. Лихачёва. Л.: Наука, Ленинградское отд-ние, 1980. – 279 с.
6. Попов А. И. Географические названия : (Введение в топонимику). – Москва ; Ленинград : Наука. [Ленингр. отд-ние], 1965. – 181 с.

7. Словарь книжников и книжности Древней Руси / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушк. дом) ; отв. ред. Д. С. Лихачев. – Ленинград : Наука, ленингр. отд-ние, 1987
8. Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков / А. И. Соболевский – М.: Книга по Требованию, 2014 – 472 с.

ГУБИНА Ольга Эдуардовна (*Москва, Россия*)

аспирант

Государственный университет просвещения

o_gubina@internet.ru

Научный руководитель

КАНАФЬЕВА Аля Васильевна (*Москва, Россия*)

доктор филологических наук, доцент

Государственный университет просвещения

kanafeva.alya@mail.ru

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОПРОСИТЕЛЬНОГО ЗАГОЛОВКА ГАЗЕТНОЙ СТАТЬИ В АСПЕКТЕ ЕГО КОРРЕЛЯЦИИ С СОДЕРЖАНИЕМ

Аннотация. Статья посвящена описанию функционирования вопросительных заголовков в современном газетном тексте. В рамках исследования выявлено, что ключевыми структурно-семантическими особенностями организации вопросительных заголовков являются вопросительно-местоимённые компоненты, частицы, а также вопросительная интонация с логическим выделением проблемы.

«Прагматическая установка газетных текстов заключается в передаче относительно малым объёмом не только информации, но и отношения автора к излагаемому – его позиции, его оценок, его отношения. Разнообразные вопросительные конструкции, лаконичные по форме, но ёмкие по содержанию, являются незаменимым средством реализации этих функций» [6: 265].

Вопросительность формы любого высказывания, собственно вопросительного или несобственно вопросительного, продиктована стремлением говорящего не столько заполнить зону неизвестного, сколько стимулировать ответную реакцию референта, побудить его к действию или вызвать его солидарность.

Употребляемые в современной прессе вопросительные конструкции имеют разную структурно-семантическую организацию и

насыщенный спектр модально-оценочных значений, а также выполняют в первую очередь «воздействующую и оценочную функции» [3:98].

Реализуя отмеченные выше функции, они довольно часто используются в функции заголовка, что не является случайностью. Вопросительность всегда привлекает внимание, пробуждает интерес, мотивирует на размышление и определение собственной позиции. При этом заголовочная позиция вопросительного высказывания вытесняет его информативность на второй план, выдвигая на первое место прогнозирование содержания представляемого текста и авторскую оценку.

Заголовок в газетно-публицистическом тексте является репрезентантом ключевой идеи автора. По мнению И.А. Гальперина, он выполняет контактоустанавливающую функцию: адресант имплицитно воздействует на точку зрения адресата [2: 44].

Вопросительные заголовки представляют разветвлённую систему структурно-семантических моделей, среди которых наиболее употребительны заголовки с местоимёнными компонентами, заключающими в себе суть вопроса: *кто, что, зачем, почему, как, когда, какой* и др. Заголовки этой группы являются своего рода мини-темой (мини-проблемой) следующего за ними текста. Отметим продуктивные модели несобственно вопросительных конструкций в функции заголовка. Во-первых, это прономинально-глагольная двусоставная модель: ***Что происходит в «банковской» сфере? Что происходит с ценами на все то, без чего не обойтись в деле домашнего консервирования? Что спрятано за дверьми некогда процветавшего предприятия «Мордовавтосырье»?! Что мешает распространению русского языка в мире? Чем закончится для Украины кошмар в Израиле?*** (АН, № 40); ***Какая правда выживет?*** (АН, № 40).

Часто они вводят читателя в актуальную, злободневную общественно-политическую внутреннюю или международную тему: **Что происходит на земле обетованной? Что происходит между ними?** – заголовок и подзаголовок статьи о конфликте Израиля и Палестины анонсируют её содержание, предвосхищая позицию автора публикации, пробуждая читательский интерес (АН, № 40, 2023).

Нередко данные конструкции функционируют в заголовке как предикативные части сложного предложения: **Откуда прилетят F-16 и что прилетит в ответ?** (АН, № 24, 2023); **Кто пытался запретить полет Терешковой и что из этого вышло?** (АиФ, № 25, 2023)

Прономинальный компонент **что** образует аналитическое сочетание с родительным падежом прилагательного, прономинально-адъективную модель: **Что плохого сделал Сердюков, чего ему никогда не простят вояки?** (Коммерсант, № 2, 2015) **Что такого содержат законопроекты и к каким политическим последствиям они приведут?** Ту же модель представляет и заголовок **Что хорошего для Петербурга сделал Маннергейм, чтобы здесь его прославлять?** Однако он имеет общеотрицательное значение, совмещённое с негативной оценкой. Цель адресанта – продемонстрировать неодобрение происходящим и подтолкнуть реципиентов сформировать собственное мнение об описываемых событиях еще до ознакомления с газетным текстом.

На страницах современной периодики распространены заголовки с прономинальным компонентом **кто**, акцентирующие внимание аудитории на конкретной личности, публичном лице, чьи действия не получили одобрения общества: **Кто и как «разделил» Ковылкинский район?** (Столица С, № 27, 2023) **Кто сделал из местных затюканных врачей, учителей, пенсионеров, квартиросъемщиков реальную гражданскую силу?** (Столица С, № 25, 2023) либо на группе

неопределённых пока лиц: **Кто сможет сэкономить на ипотеке и автомобильной страховке?** (АиФ, № 26, 2023).

Характерно, что отдельные местоимённо-вопросительные заголовки не оформляются вопросительным знаком, что стало активным процессом в языке современных СМИ. Полагаем, что эта пунктуационная неотмеченность является намеренной и связана с интенцией автора публикации, имеющего чёткую позицию по выделенной в заголовке проблеме. Вопросительно-местоимённые заголовки этого типа можно определить как «презентационные вопросы» с акцентированным выделением ключевых положений публикации: **Как и чем живёт российская «глубинка», какие изменения происходят на территориях. И как деятельность муниципальных властей и усилия местных сообществ меняют качество жизни** (АН, № 40, 2023); **Как в постсоветской России возник капитализм** (АиФ, № 13, 2023); **Как рождение малыша превращает счастливого родителя в эксперта по выживанию** (АиФ, № 14, 2023); **Каковы настроения в обществе на фоне спецоперации и санкций** (АиФ, № 14, 2023); **Что мешает распространению русского языка в мире** (АиФ, № 15, 2023); **Почему деньги любят китайцев** (АиФ, № 13, 2023).

Сосредоточение в заголовке нескольких прономинальных компонентов предваряет масштабность публикации, акцентирует несколько ключевых проблем: **Где, зачем и какой ценой Вашингтон развязал войны?** (АиФ, № 19, 2023); **Кто пытался запретить полет Терешковой и что из этого вышло** (АиФ № 25, 2023); **Кто и какой урок извлёк?** (АиФ, № 26, 2023).

Специфика современного газетного текста заключается в особой роли автора публикации. Его задача заключается не только в освещении актуальной проблемы общественно-политической, социальной, культурной сферы, но и в учёте, с одной стороны, сложившейся в социуме точке зрения на эту проблему, а с другой – в определении

собственной позиции. Сочетание социального и частного помогает журналисту в полной мере осветить то или иное событие. Реципиенты воспринимают текст через особую призму восприятия автора.

Диалогизация как отличительная черта современных СМИ в газетных публикациях намечается уже заголовком. Например, вопросительные заголовки с частицей **ли** не только акцентирует внимание аудитории на той или иной проблеме, но и подчеркивает неоднозначность описываемых в статье событий. **Ли** – частица «подчеркивающая (усиливающая, акцентирующая) сообщение или какую-то его часть; выражающая ту или другую оценку, качественную характеристику» [8: 727]: *Пересели ли чиновники на отечественные автомобили?* (КП, № 43, 2023); *Должно ли государство взять под контроль оказание похоронных услуг?* (АиФ, № 44, 2023). Наиболее распространенной функцией данной конструкции является выражение размышления, сомнения автора, связанных с неоднозначностью описываемых в статье фактов и событий: *Нужна ли в России 4-дневная рабочая неделя? Будет ли рубль стабильно расти?* (АиФ, № 20, 2023); *Понизят ли зарплаты депутатам?* (АиФ, № 19, 2023); *Так ли уж нужно поголовное высшее образование?* (АиФ, № 21, 2023); *Должно ли государство взять под полный контроль оказание похоронных услуг?* (АиФ, №44, 2023); *Остановит ли умерщвление бездомных псов волну нападений на людей?* (АиФ, № 21, 2023). Это вопросы, связанные с актуальными, часто нерешёнными проблемами в обществе, – вопросы-актуалемы. Модальность сомнения заголовочной конструкции с **ли** коррелирует с неуверенностью автора публикации, с не вполне определённой его позицией. Содержание публикации, скорее всего, будет иметь цепь логических аргументов и контраргументов к решению обозначенной проблемы. Автор публикации посредством заголовка не только акцентирует внимание на проблеме, но и подталкивает реципиентов к размышлениям.

Вопросительные заголовки с частицей **ли** нередко используются при сопоставлении каких-либо ключевых фигур, событий в разные периоды истории: *Ждет ли Трампа судьба Кеннеди?* (АН, № 16, 2023); *Обманул ли Меркушкин Путина?* (Столица С, № 17, 2023) *Запретит ли Европа СПГ из России?* (АиФ, № 21, 2023).

Некоторые заголовки особенностью структуры нацеливают на выбор автором и читающим одного из вариантов решения проблемы. Это дизъюнктивные вопросы с сочинительным разделительным союзом **или**, имеющие значение альтернативы, часто с антонимическими лексическими средствами: *Наказывать или баловать? Стоит или нет отбирать ветхое жилье? Построят или нет в этом году дома обманутых дольщиков? Он уехал или остался? Парковка разрешена или нет? Наши или не наши?* (АН, № 40, 2023); *Убийство или несчастный случай?* (Столица С № 43, 2023).

Иногда заголовку альтернативного характера предшествует номинативная конструкция, являющаяся своеобразным «вводом», общей темой публикации: *Девятиэтажки из дерева: экологично или страшно?* (Итоги и факты», № 13, 2023); *Развитие сельских территорий. Чего больше – проблем или перспектив?* (АН, № 40, 2023); *Джек Тейшера – новый Сноуден или «сливной бачок» ЦРУ?»* (АН, № 16, 2023).

Как замечает Н.С. Валгина, «такие двучленные конструкции эффектны, броски и лаконичны» [1: 260]. Синонимичными являются заголовки двучленной структуры типа: *Ворожея и трубадур: кто за экраном?* (Столица С, № 17, 2023), в которых первая часть представляет собой два именительных представления, а вторая нацеливает на определение одного из них в содержании публикации.

Двучленность отмечается в заголовках с причинно-следственными взаимоотношениями частей: констатация факта в первой части с указанием на его возможную причину – во второй: *Наталье Видяевой не*

стыдно. Вся в папу? (Столица С, № 14, 2023). Весь заголовок имеет оценочный характер благодаря предикату *не стыдно*, чем прогнозируется оценочность и всей публикации.

Вопросительные заголовки могут и не содержать прономинальные компоненты или вопросительные частицы, а быть оформленными лишь вопросительной интонацией с выделением ключевого слова. Заголовки этой группы представляют собой в сжатой форме размышление, предположение, подозрение автора, аргументацию и обоснование которых должен содержать текст публикации. Например: *Пентагон подделал видео?* – персуазивный характер заголовка обязывает содержанием публикации обосновать предполагаемую пропозицию. Текст статьи содержит дедуктивные звенья движения от общего к частному, включая и несобственно вопросительные предложения как аргументы общего утверждения: ***Вполне возможно, что американские специалисты показали в итоге как раз нечто подобное с пропагандистскими целями. Чтобы доказать свою версию, своё толкование эпизода. Иначе почему они целые сутки медлили быть с опубликованием данного ролика? Может быть, как раз потому, что программисты и дизайнеры работали над созданием нового ролика?*** (Итоги и факты № 13, 2023).

Интригующий характер имеют заголовки статей на острые, злободневные проблемы социума: *Ковид проснулся?* (Столица С № 15, 2023): *Вор в законе Витя Черный сумел покинуть не только Мордовию, но и Россию?* (Столица С № 42, 2023). Подобные заголовки обладают мощным стимулом непрямого ознакомления с публикацией.

Таким образом, употребляемые в современных газетных публикациях вопросительные заголовки имеют разную структурно-семантическую организацию: вопросительно-местоимёнными компонентами, выделяющими ключевые проблемы публикации; частицами, среди которых в рассмотренном материале наиболее

употребительной оказалась частица *ли*; вопросительной интонацией с логическим выделением проблемы. Структурно-семантическими особенностями вопросительного заголовка определяется и степень его корреляции с содержанием публикации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Логос, 2003. 304 с.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007. 144 с.
3. Губина О.Э. Использование несобственно вопросительных предложений в структуре газетно-публицистического текста //Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения д-ра филол. н., профессора Войловой К.А. (г. Москва, 27 февраля 2023 г.). – М.: ООО «Постатор», 2023. – С.95–98
4. Дегальцева, А. В. Изменения в информационных и аналитических жанрах современных СМИ / А. В. Дегальцева, О. Б. Сиротина // Жанры речи. – 2023. – Т. 18, № 2(38). – С. 155–165.
5. Зубова С.В., Казеко Т.Н. Экспрессивные синтаксические конструкции в современной газетной речи // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. №6 (33). С.11–17
6. Канафьева А.В. Риторическое высказывание: формы, семантика, функции. Монография. – М.: Изд.-во МГОУ, 2011. 200 с.
7. Назметдинова И.С., Кутузова У.А. Особенности языка современных медиа // Социально-экономические и гуманитарные науки: Сборник избранных статей по материалам Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 27 декабря 2019 года. – СПб: ГНИИ «НАЦРАЗВИТИЕ», 2020. С. 117–120.
8. Русская грамматика: Т.1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / под ред. Н.Ю. Шведовой, Н.С. – М.: Наука, 1980. 792 с.

ЕПИФАНОВА Екатерина Дмитриевна (*Владимир, Россия*)

студент

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
k.ep1fanova@yandex.ru

САФРОНОВА Наталья Анатольевна (*Владимир, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
natalia_1271@mail.ru

К ВОПРОСУ О РОДЕ ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ – НАЗВАНИЯХ
ПРОФЕССИЙ

Аннотация. Статья посвящена проблеме функционирования существительных, называющих профессии. Прежде всего это касается родовой принадлежности таких существительных. В работе выделены основные группы существительных, называющих профессии, на основе их семантико-грамматических свойств, а также выявлены некоторые особенности их функционирования в современном русском языке.

Ключевые слова: имя существительное, названия профессий, категория рода, феминитивы.

Abstract. The article is devoted to the problem of the functioning of nouns naming professions. First of all, it concerns the gender of such nouns. The work identifies the main groups of nouns that name professions on the basis of their semantic and grammatical properties. Some features of their functioning in the modern Russian language were also identified.

Key words: noun, names of professions, gender category, feminitives.

В русском языке все имена существительные, за исключением тех, что употребляются только в форме множественного числа (*pluralia tantum*), обязательно выступают как слова мужского, женского или среднего рода. Род одушевлённых существительных, за исключением немногочисленных слов среднего рода типа *дитя, чадо* и мужского рода, характеризующих лицо по признакам, которые одновременно свойственны лицам обоих полов типа *ребёнок, подросток, человек, классик*, как правило, связан с их половой принадлежностью: *юноша* (м. р.), *мадам* (ж. р.). При этом семантический критерий при определении рода в таких существительных оказывается ведущим, в отличие от неодушевлённых существительных, где основным является критерий грамматический, то есть род неодушевлённых существительных определяется по характеру грамматической основы и окончания.

Среди одушевлённых существительных существует группа слов, называющих профессии, которые особым образом относятся к категории рода. Исследователи отмечают, что среди этих существительных в свою очередь можно выделить несколько групп.

1. Парные образования, принятые в нейтральных стилях речи. Параллельные названия для обозначения лиц женского пола

закрепились в тех случаях, когда данная специальность в равной мере связана и с женским, и с мужским трудом, например: *акушер – акушерка, буфетчик – буфетчица, лаборант – лаборантка, преподаватель – преподавательница, учитель – учительница* и многие др. То же в области искусства, спорта и т.д., например: *артист – артистка, писатель – писательница, спортсмен – спортсменка* [6: 138]. Однако, несмотря на свободное образование подобных названий в форме женского рода, они используются не во всех стилях речи. Так, отмечается, что в официально-деловом стиле предпочтительно сохранять форму мужского рода.

2. Слова мужского рода без парных образований. Многие имена существительные мужского рода, обозначающие лицо по профессии, занимаемой должности, выполняемой работе, занятию, ученому или почетному званию и т. д., в официально-деловом стиле сохраняют свою форму и в тех случаях, когда относятся к лицам женского пола, например: *педагог, токарь, геолог, кандидат наук* и т.д. [2: 193]. Возможность обозначать лиц как мужского, так и женского пола у таких имён существительных связана с тем, что «слова мужского рода прежде всего заключают в себе общее понятие о человеке, обозначают его социальную или профессиональную принадлежность независимо от пола» [5: §1138]. Таким образом, мужской род оказывается немаркированным членом парадигмы рода одушевлённых существительных, обозначающих профессии. На основании материалов Национального корпуса русского языка отмечены примеры, когда такие существительные могут обозначать лиц мужского пола, женского пола, употребляться обобщённо, не указывая на половую принадлежность, обозначая только название профессии: *Аграновский мастерски владеет пером, он автор более 120 публикаций в газетах "Советская Россия" и "Завтра" (А. Андреев); В этом случае, если она скормила все блины, то она могла бы сделать новых для зятя, либо спросить у*

дочки, и автор вряд ли бы отказалась накормить брата с невесткой, но тогда она бы смогла сделать новый ужин для мужа (Женщина + мужчина: Брак (форум)); Заканчивается эпоха, появляются новые художественные течения, проходит мода на мебель или одежду, умирает их знаменитый владелец или автор, появляются новые достижения технического прогресса, иначе говоря, нарушается стилистическое единство (Л. Шпаковская).

Особо следует отметить употребление таких существительных в составе званий: *Заслуженный учитель, Народный артист* и т.д. В этом случае имена существительные тоже не передают идею гендерной принадлежности лица.

3. Имена существительные мужского рода, имеющие парные образования женского рода, имеющие разговорный и просторечный характер. В разговорной речи широко распространены названия профессий женского рода со суффиксами *-ш(а), -х(а), -чк(а)*, которые содержат в себе оттенок пренебрежительности: *докторша, библиотекарьша, историчка*. Следует отметить, что в последние десятилетия активизируется образование существительных женского рода, так называемых феминитивов, при помощи суффикса *-к(а)* типа *авторка, блогерка* и т.д.: *Мы еще пока не дошли до этой авторки, и мне интересно будет обсудить, почему женщина пишет от лица мужчины, причем настолько регулярно, и как у нее это получается.* (Н. Назарова). Такие существительные в настоящее время нельзя считать нормативными, однако всё увеличивающаяся их частотность позволяет сделать вывод об усилении в русском языке тенденции к дифференциации имён существительных, обозначающих профессии, с точки зрения гендерной принадлежности лица.

4. Сравнительно небольшая группа слов женского рода, имеющих только формы женского рода. В учебнике «Современный русский язык» под редакцией Н. С. Валгиной выделяется несколько таких

существительных: *маникюрша, балерина, доярка, машинистка* (работающая на пишущей машинке). Авторы учебника отмечают, что «к этим существительным нет соотносительных слов мужского рода», а «для обозначения лиц мужского пола употребляются описательные обороты: *сотрудник, печатающий на машинке; артист балета; мастер машинного доения* и т.д.» [2: 193]. Следует отметить, что слово *машинистка* в настоящее время переходит в разряд устаревших, так как пишущие машинки практически полностью вытеснены компьютерами. Ряд других слов образуют парные существительные мужского рода, что подтверждается данными словарей. Так, например, в «Новом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой наряду со словом *доярка* отмечено слово мужского рода *дояр* [3], а парным по роду существительным к слову *балерина* можно считать образование мужского рода *балерун*, которое в словаре Т. Ф. Ефремовой имеет помету *разг.* Отмечается, что это существительное имеет значение «артист балета (обычно с оттенком шутливости или иронии)» [3]. Таким образом, некоторые из этих существительных постепенно переходят в разряд существительных, имеющих родовую пару.

5. Имена существительные несклоняемые, обозначающие лиц по профессии или роду занятий типа *конферансье, атташе*. Как правило, такие существительные относятся к мужскому роду [5: 154]. Это подтверждают и данные Национального корпуса русского языка: На эстраде остроумный *конферансье* **родил** популярную репризу: «Сейчас все поют» (Л. Гурченко). Для указания на женский пол используется слово *женщина*: *А в 1916 году она стала первой в России женщиной-конферансье* (Л. Волошинова).

6. Имена существительные общего рода, обозначающие лиц по роду занятий (*запевала, барыга*). Существительные общего рода способны выступать как слова мужского рода и женского рода, в зависимости от пола того лица, которое они называют (при этом род

выражается синтаксически): *Памятуя о добром друге, думаем, следует пояснить: Коркодел – это мифическое существо, которое упоминается в древних летописях XII, XV, XVII веков, а не какой-нибудь нечистый на руку барыга* (А. Бериашвили); *Да что я, барыга какая, Мара Николавна?* (В. Ланг).

Такая сочетаемость не является строгим правилом; возможно употребление существительных общего рода, как слов мужского рода, применительно к лицу женского пола, и как слов женского рода к лицу мужского пола: *Маша – наш школьный заводила*.

Сюда же нередко относят и слова типа *коллега, староста, судья*. Они могут обозначать как лиц женского, так и мужского пола, согласуются с прилагательными и глаголами как в форме мужского, так и женского рода: *молодой судья пришёл* и *молодая судья пришла*, однако не все полностью согласны с тем, что эти существительные полностью превратились в существительные так называемого общего рода: «...слова м. рода типа *врач, бухгалтер* и типа *староста, судья* обнаруживают в современном русском языке новые возможности в своем синтаксическом поведении, функционально сближающие их с двуродовыми существительными. Однако этот функционально-синтаксический сдвиг не приводит к полному семантическому и грамматическому уподоблению слов этого типа двуродовым существительным» [1: 121].

7. Субстантивированные прилагательные или причастия, обозначающие лиц мужского пола, относятся к мужскому роду: *молодой военный; квалифицированный рабочий; умелый связной*. В разговорной речи нередко встречаются формы женского рода таких существительных, если они обозначают лицо женского пола: *Во время экскурсии по питомнику его заведующая Т. А. Кашенцева увлекательно рассказала о журавлях и научной работе с ними* (З. Б. Минина). Однако некоторые существительные этой группы

изначально относились к женскому роду, обозначая профессии, которые были характерны для женщин. Об этом свидетельствует отсутствие слов мужского рода для обозначения таких профессий: ср.: *горничная* – * *горничный*.

Таким образом, в русском языке большинство имён существительных, обозначающих профессии, в настоящее время относятся к мужскому роду. Исторически это связано с тем, что многие профессии были характерны для мужчин, а женщины не допускались до определённых видов деятельности. И только те виды деятельности, которыми занимались преимущественно женщины, получили названия, относящиеся к женскому роду (*горничная, балерина*). С развитием общества, усилением роли женщины в мире, в том числе и в профессиональной сфере, увеличивается доля существительных мужского рода, имеющих родовую пару. Некоторые из этих существительных женского рода в настоящее время употребляются наряду с существительными мужского рода в литературном языке (*поэтесса, учительница*), хотя в официальной речи предпочтительней оказывается использование существительных мужского рода, которые называют профессию без указания на половую принадлежность лица. Многие существительные женского рода при этом оказываются стилистически маркированным членом родовой парадигмы, употребляясь только в разговорной речи, часто имея просторечную окраску и обладая негативной оценкой (*врачиха, директриса*).

В то же время следует отметить тенденцию к увеличению количества феминитивов в русском языке, что свидетельствует о том, что в сфере названий профессий в русском языке всё более важным оказывается указание на гендерную принадлежность лица, занимающегося определённым видом деятельности. Другие существительные мужского рода постепенно уподобляются существительным общего рода, начиная обозначать лиц как мужского,

так и женского пола, о чём свидетельствует возможность сочетания таких существительных с прилагательными и глаголами прошедшего времени в форме женского и мужского родов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданов С. И. и др. Морфология современного русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской СФб.: Факультет филологии и искусств СФбГУ, 2009. 634 с.
2. Валгина Н. С., Розенталь Д. Э., Фомина М. И. Современный русский язык: Учебник / Под редакцией Н.С. Валгиной. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 2002. 528 с.
3. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык. 2000. Режим доступа: <https://www.efremova.info> (дата обращения 09.12.2024).
4. Краткая русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина. М.: Русский язык, 1989. 639 с.
5. Русская грамматика. В 2 тт. Т. 1 / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 748 с. Режим доступа: <https://rusgram.narod.ru/1121-1146.html> (дата обращения 08.12.2024).
6. Eugenija Čuto. Род имён существительных в названиях профессий // *Croatica et Slavica Iadertina* (1845-6839), 1, (2005), 1; p. 135–151.

ЗАГРЕБИНА Ульяна Сергеевна (*Ижевск, Россия*)

магистрант

Удмуртский государственный университет

ul.zagrebina@yandex.ru

Научный руководитель

КИЛИНА Лилия Фаатовна (*Ижевск, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент

Удмуртский государственный университет

О СИСТЕМНЫХ ОТНОШЕНИЯХ ОДНОКОРЕННЫХ СЛОВ В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (НА ПРИМЕРЕ СЛОВ С КОРНЕМ -ЗЛ-)

Аннотация. В данной работе рассматривается вопрос о разграничении таких явлений, как паронимия, синонимия, вариативность. Делается вывод о том, что паронимы появились в языке позже, чем синонимы (варианты). На основе анализа употребления слов с корнем -зл- в древнерусских и среднерусских текстах утверждается, что эти однокоренные слова, выражающие важные для человека аксиологические понятия, передавали различные семантические оттенки, которые в отдельных контекстах могли нейтрализоваться.

Ключевые слова: однокоренные слова, синонимы, паронимы, варианты, зло, значение, древнерусский

Abstract. In this paper, the issue of distinguishing such phenomena as paronymy, synonymy, and variability is considered. It is concluded that paronyms appeared in the

language later than synonyms (variants). Based on the analysis of the use of words with the root -зл- in Old Russian texts, it is argued that these words of one and the same root expressing axiological concepts important to humans conveyed various semantic shades that could be neutralized in certain contexts.

Keywords: words of one and the same root, synonyms, paronyms, variants, evil, meaning, Old Russian.

В русском языке широко представлены различные словообразовательные средства, а словообразовательные гнезда могут насчитывать десятки, а иногда и сотни дериватов. Разграничение однокоренных синонимов, паронимов и морфологических вариантов вызывает большие трудности не только у обычных носителей русского языка, но и у лингвистов [2: 72]. Чтобы уточнить содержание приведенных выше терминов, необходимо обратиться к истории русского языка и установить, какие именно семантические процессы происходили в однокоренных словах, относящихся к одной части речи и различающихся морфемным составом.

Наиболее спорным явлением считается паронимия. Так, среди исследователей до сих пор нет единого мнения о том, как определить содержание этого термина и существует ли такое явление в языке. Например, Л.В. Минаева и В.П. Феденев пишут: «При отделении «паронимов» от вариантов слов, неомографических омонимов, однокоренных синонимов и т. п. возникают непреодолимые трудности, т. к. паронимы не обладают достаточно устойчивыми признаками, позволяющими выделить их в отдельную подсистему» [4: с. 92–93]. Многими учеными также отмечается тот факт, что паронимы часто смешиваются с синонимами, поэтому некоторые из них называют мнимыми синонимами (А.А. Реформаторский), затрудненными синонимами (А.М. Пешковский), сомнительными синонимами (Г.П. Галаванова) и др. Другие авторы (А.А. Евграфова, А.М. Пешковский, А.Н. Гвоздев) выделяют паронимию как самостоятельное языковое явление и указывают на звуковое сходство паронимов, при этом отмечая нетождественность их значений.

Ж.М. Гузеев, сравнивая однокоренные слова, пишет о том, что важным «определяющим признаком паронимов... является не звуковое различие этих единиц, а их семантическое различие» [2: 75].

Формирование паронимов обусловлено различными семантическими процессами (развитием лексических значений, стабилизацией сочетаемости и т.д.) и происходило в течение длительного периода: в представлении древнерусского человека существовал единый концепт, который он мог выразить разными словами, при этом в большинстве своем они были взаимозаменяемы. Освобождение слова от влияния формулы осуществлялось в XV веке на таком этапе развития языка, который В.В. Колесов назвал «промежуточной концепцией» [3: 71], в это время происходило повторение не только самих текстов (многочисленные списки), но и важнейших его концептов. Мы считаем, что при исследовании древнерусских и среднерусских текстов можно говорить о лексической вариативности и лексической синонимии. В современной лингвистике, как и в исследованиях по истории языка, эти два понятия часто смешиваются. В работе Е.И. Безматерных лексические синонимы и варианты разграничиваются по следующему признаку: «...лексическое варьирование представляет собой результат изменения прежде всего внешней стороны слова при сохранении его значения, в то время как синонимия предполагает наличие двух или более разных слов, имеющих общие семантические компоненты в значении и нейтрализующих смысловые различия в определенных текстах» [1: 11].

В данном исследовании мы рассматриваем синонимы и варианты слова на примере лексических единиц с корнем -зл-, которые широко представлены в текстах древнерусского и старорусского периодов. Так, в «Словаре русского языка XI–XVII веков» приведено более 200 слов с данным корнем [2: 14–36]. В рамках нашей работы были проанализированы односложные слова, без включения композитов,

было обнаружено много однокоренных и словообразовательных синонимов, зачастую разница в их семантике незначительна, а иногда и вовсе отсутствует. Этот факт объясняется тем, что человек достаточно рано начал дифференцировать зло, делить его на «типы».

Среди однокоренных существительных **зло – злоба – злость** самым древним является **зло** со значением ‘все дурное, плохое, вредное’ [5: 15]: (1) *Блаженому же Борису идущу к брату своему, ни что же **зла** помышляше, и идущу ему радуяся* (Архан. лет.).

Именно в этом слове закрепляется наиболее раннее представление о зле как о чем-то неземном, связанном с лукавым. Зло появляется извне, в человеке оно зарождается от нечистой силы, от беса или сатаны, для обозначения которого в древнерусский период использовалось слово **злецъ**. Позже актуализируется значение ‘грех, вина, противозаконный поступок’: (2) *Станем умилени **злыми дѣлы**, яже сотворьхомъ в житии семь, играюще и пустошная творяще, поюще и пляшуще, и ины многи **злы** творяще* (Изм., 36 об. XVI в. со XIV–XV вв.).

Данный факт объясняется тем, что религиозная сфера для древнерусского человека была главной, поэтому человек, пускавший лукавого в свое сердце, совершал греховный поступок. В качестве однокоренного синонима в «Словаре русского языка XI–XVII веков» мы нашли слово **злobie**, которое напрямую соотносится с этим значением: (3) *Съсудъ **злobia** зми(и)и... побѣжгень, неправдѣныя правдѣнымь помысльмь томить* (Мин. сент.).

В представлении средневекового человека зло также могло быть чем-то более конкретным, последствием или предвестником какой-то беды, напасти: (4) *Аще бо пастухъ паса стадо не ублюдетъ стада, тогда волкъ пришедъ распудитъ стадо и овця въсхыщаетъ, **велико зло** бываетъ пастуху тому* (Сл. и поуч. против языч., 241. XIV в.).

У прилагательного **злой** также есть обобщенное значение ‘плохой, дурной’ и, как следствие, широкие сочетательные возможности. Однако, в отличие от существительного, **злой** чаще употребляется при описании человека и его пороков. Злой человек живет нечестиво, поэтому в его душе зарождаются такие чувства, как враждебность, свирепость и жестокость: (5) *Неприятны (богу) дарове грабителеви, любодъевы и корчмитовы и **злаго** гна иж<е> челяд<ь> свою томить босотою и наготою и дълом не по силъ* (Изм., 64. XVI в. со XIV–XV вв.). В таких же значениях употребляются варианты **злюбивый** и **злюбливый**, которые описывают исключительно человека. Они взаимозаменяемы, однако слово **злюбивый** является более частотным: (6) *Сут<ь> бо нъции в члцъх... гнъвливи, **злюбиви** и завистливи* (Изм 39. XVI в. со XIV–XV вв.); (7) *Члкъ именем Карпъ зъло лрелюто боля пьянственнымъ недугомъ паче же и **злюбливъ*** (Ж. Мак. Ж., 61. XVI в.).

Когда человек начинает отделять мирское от духовного, появляется потребность в других существительных, указывающих на зло как на проявление эмоций человека. Так появляется существительное **злоба** со значениями ‘нечто дурное, заслуживающее осуждения’, ‘дурное качество кого-л.’, ‘состояние вражды’ [5: 16]. Злоба, как и зло, по-прежнему связана с религиозной сферой и представлением о том, что человек подвержен влиянию дьявола, поэтому совершает такие непростительные поступки и грешит. Однако чаще данное существительное употребляется для оценки состояния человека, семантика этой единицы уже конкретизирована: (8) *Блжень члкъ иже не управит срца своего **злобу** на въського члка и поможет судимому, и подимять съкрушена* (Кн. Енохова, 45. XV в. сс XIII в.).

Наиболее позднее существительное – **злость**, которое по семантике очень похоже на существительное **злоба**, поэтому разграничить их сложно. Данный синоним к слову **злоба** в русском языке появляется довольно поздно, в словаре он отмечен в примерах текстов

XV–XVII вв.: (9) *Вмѣсто нарочитыхъ, доброю совѣстию украшенныхъ мужей, собралъ [Иван IV] себѣ со всея тамошня Руския земли челоуѣковъ скверныхъ и всякими **злостми** исполненныхъ* (Курб. Ист., 321. XVII в.х) XVI в.).

От обоих существительных в русском языке образуются прилагательные с суффиксом -н-, которые при этом не являются синонимичными. Слово **злостный** в русском языке впервые фиксируется словарями XVIII века, у него довольно рано сформировалось значение 'злонамеренный'. Это прилагательное стало сочетаться с определенными лексемами, вследствие чего сейчас его считают паронимом слова **злой**. Прилагательное **злбный** в свою очередь является синонимичным к слову **злой**, однако в отличие от него всегда использовалось при описании человека, поскольку такая характеристика присуща только ему: (10) *О вашемъ бо языцѣ **злбнемъ** Дедъ глтъ... поостриша языкъ свои яко вмиинъ* (Сл. св. пр., 192. XV в.).

В «Словаре русского языка XI–XVII веков» мы находим ряд других синонимов к словам **злоба**, **зло** и **злость** – это существительные **злбость**, **злбство**, **злбь** и **злѣдь**. Как мы видим, три из них являются словообразовательными синонимами и образованы от основы слова **злоба**, т.к. они уточняли значение этого слова. Существительные **злбство** и **злбость** в современном русском языке заменяются словом **злбность**, т.е. это постоянная характеристика человека, который исполнен злобы, в то время как **злоба** – это чувство, которое человек испытывает периодически.

Таким образом, мы можем говорить о том, что в русском языке на ранних этапах его развития существовало огромное количество однокоренных слов, которые позволяли лучше выражать суть того или иного явления, передавать различные смысловые оттенки, не являются исключением и слова с корнем -зл-. Существительные **зло** – **злоба** – **злость**, как и в современном русском языке, раньше являлись

синонимами, при этом **злость** и **злоба** почти не имели различий в семантике. С другой стороны, прилагательные **злбный** и **злостный**, образованные по одной модели, не стали синонимичными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безматерных Е.И. Лексические разночтения в памятниках русского Средневековья как отражение процесса формирования синонимических отношений в русском языке: на материале одновременных списков «Повести временных лет» и «Жития Сергия Радонежского» : автореферат дис. ... канд. фил. наук. Ижевск, 2010. 28 с.

2. Гусев Ж.М. Принципы разграничения однокоренных слов в карачаево-балкарском языке // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2018. №3 (38). С. 72–77.

3. Колесов В.В. Словообразование как динамический принцип реорганизации текста // Словообразование. Стилистика. Текст. Номинативные средства в текстах разных функциональных стилей : сб. ст / КГУ. Казань, 1990. С. 69–83.

4. Минаева Л.В., Феденев В.Б. Паронимия в языке и речи // Вопросы языкознания. 1982. № 2. С. 92–93.

5. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 6 (Зипун–Иянуарий). М.: Наука, 1979. 359 с.

КИНАХ Марина Александровна (*Владимир, Россия*)

студент

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
mariontenfon@gmail.com

Научный руководитель

СОКОЛОВА Ольга Ивановна (*Владимир, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ РАЗРЯДОВ МЕСТОИМЕНИЙ В КУРСЕ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Аннотация. Статья посвящена последовательности изучения разрядов местоимений в курсе средней школы. С этой целью было проанализировано шесть учебно-методических комплексов (УМК), определен наиболее логичный порядок расположения материала.

В средней школе при преподавании русского языка во Владимирской области наиболее часто используются УМК М.Т. Баранова, Т.А. Ладыженской, Л.А. Тростенцовой и др. [3] и УМК М.М. Разумовской и П.А. Леканта [4]; реже учебники русского языка других авторских коллективов: Л.М. Рыбченковой и др. [5], А.Д. Шмелева

и др. [6], С.И. Львовой и В.В. Львова [2], В.В. Бабайцевой и Л.Д. Чесноковой [1].

Тема «Местоимение», как правило, изучается в 6 классе, при этом во всех указанных УМК изучение разделов представлено в разной последовательности.

В УМК М.Т. Баранова, Т.А. Ладыженской, Л.А. Тростенцовой тема «Местоимения» открывается определением этой части речи, указанием морфологических признаков и выполняемых ими синтаксических функций. Содержится упоминание о том, какие части речи может заменять местоимение, представлена соотнесенность с именными частями речи дана в конце изучения темы [3: 66–101].

В учебниках М.М. Разумовской и П.А. Леканта [4; 268–269], Л.М. Рыбченковой [5; 58–59], А.Д. Шмелева [6; 241–242], С.И. Львовой и В.В. Львова [2; 105–106], В.В. Бабайцевой и Л.Д. Чесноковой [1; 156] изучение темы начинается не только с определения новой части речи, но и с соотнесением ее с именными частями речи (в учебнике А.Д. Шмелева дана таблица), может быть представлен перечень разрядов в виде таблицы (А.Д. Шмелев, С.И. Львова и В.В. Львов) – иногда с примерами (Л.М. Рыбченкова, М.М. Разумовская), иногда без (М.Т. Баранов, Т.А. Ладыженская, Л.А. Тростенцова; В.В. Бабайцева).

Отметим, что последовательность изучения разрядов (1) личные, 2) возвратное, 3) вопросительные и относительные, 4) неопределенные, 5) отрицательные, 6) притяжательные, 7) указательные, 8) определительные. предлагают к рассмотрению притяжательные местоимения) в учебниках разнятся (сводная таблица дана в приложении 1).

Первыми во всех вариантах учебников представлены личные местоимения и возвратное (интересно отметить, что только у А.Д. Шмелева в качестве возвратного наряду с местоимением себя дано также друг друга [6; 250]), в отличие от учебника М.Т. Баранова,

Т.А. Ладыженской, Л.А. Тростенцовой, где следующими разрядом становятся вопросительные и относительные местоимения [3; 74].

Далее учебники русского языка Л.М. Рыбченковой [5; 68], А.Д. Шмелева [6;254], С.И. Львовой и В.В. Львова [2; 116], В.В. Бабайцевой [1; 159] предлагают к рассмотрению притяжательные местоимения, в отличие от учебника М.Т. Баранова, Т.А. Ладыженской, Л.А. Тростенцовой, где следующими разрядом становятся вопросительные и относительные местоимения [3; 74]. Как правило, оба разряда объединены в один параграф, но В.В. Бабайцева их разделяет [1; 160–161]. В учебнике А.Д. Шмелева в один параграф объединены неопределенные и отрицательные местоимения (разделены по блокам) [6; 268]. Это можно объяснить некоторым их сходством: обучающиеся нередко их смешивают (особенно местоимения *некий* и *некого, нечего*).

Поскольку после личных и возвратных изучались вопросительные и относительные местоимения, у обучающихся возникают проблемы при определении разрядов: они путают притяжательные и личные местоимения. Разряд притяжательных в учебнике М.Т. Баранова, Т.А. Ладыженской, Л.А. Тростенцовой изучается седьмым по счету [3; 87], поэтому встает вопрос о необходимости изменения порядка прохождения разрядов местоимений.

Наиболее частотна последовательность изучения разрядов:

- 1) личные местоимения,
- 2) возвратное,
- 3) притяжательные,
- 4) указательные,
- 5) определительные,
- 6) вопросительные,
- 7) относительные,
- 8) неопределенные,
- 9) отрицательные.

Согласно концепции Н.А. Янко-Триницкой, представленной в УМК А.Д. Шмелева, у местоимений основными разрядами по значению являются личные, вопросительные и указательные [6; 244], именно поэтому последовательность, данная выше, является наиболее логичной (согласно этой концепции, из этих трех основных разрядов по форме или по значению можно вывести остальные). Таким образом,

разряды можно условно поделить на три блока, начинающихся с «ключевых» разрядов. При этом учебник русского языка А.Д. Шмелева несколько отходит от этой концепции: сначала представлен разряд определительных и только потом указательные. Указанная последовательность разрядов местоимений представлена в УМК Л.М. Рыбченковой.

В большинстве своем в УМК совпадает начало изучения данной части речи, но при этом не всегда совпадает ее закрепление (полный анализ порядка изучения темы «Местоимения» в различных УМК представлен в Приложении 2).

Полагаем, что тема «Местоимение» должна быть структурирована следующим образом: 1) Какие слова называются местоимениями и почему? 2) На какие части речи похожи местоимения? 3) Какие морфологические особенности они имеют и какими членами предложения могут быть? 4) К каким разрядам могут быть отнесены (с указанием всех девяти (восьми) разрядов с примерами)? 5) Какие местоимения называются личными; 6) Какие местоимения называются возвратными? 7) Какие местоимения называются притяжательными; указательными; определительными; вопросительными; относительными; неопределенными; отрицательными? 8) Как выполняется морфологический разбор? 9) Повторение изученной темы. 10) Контрольная работа по теме «Местоимения».

Целесообразно после ознакомления с общей характеристикой основного значения местоимений и их морфологическими характеристиками изучать соотнесенность местоимений с именными частями речи и синтаксическую роль в предложении; все девять (восемь) разрядов местоимений должны быть представлены в общей таблице с примерами. Таким образом материал структурирован не во всех УМК.

Местоимения как отдельная часть речи, их соотнесенность с именными частями речи представлена во всех шести УМК. Однако если в пяти УМК (М.М. Разумовской и П.А. Леканта [4; 268], Л.М. Рыбченковой [5; 58–59], А.Д. Шмелева [6; 242–243], С.И. Львовой и В.В. Львова [2; 105–106], В.В. Бабайцевой [1; 157–158]) обе точки зрения представлены в начале темы, то в учебнике М.Т. Баранова, Т.А. Ладыженской, Л.А. Тростенцовой информация дана в конце темы [3; 97]) (В.В. Бабайцева выделяет также местоимения-наречия).

Заключительные параграфы темы в УМК тоже различаются. На наш взгляд, в данном случае наиболее удачный вариант представлен в учебниках М.Т. Баранова, Т.А. Ладыженской, Л.А. Тростенцовой [3; 98] и Л.М. Рыбченковой [5; 88], поскольку морфологический разбор и повторение изученного вынесены отдельно, а употребление в речи, в тексте и возможные ошибки при написании и произношении изучаются непосредственно в параграфах с разрядами.

Какой бы УМК ни был основным при изучении русского языка в школе, учителю следует анализировать их содержание, с тем чтобы структурируя его наилучшим образом, способствовать усвоению тем учащимися.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабайцева В.В. Русский язык. Теория. 5–9 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений / В.В. Бабайцева, Л.Д. Чеснокова. М. : Дрофа, 2012. 319 с.

2. Львова С.И. Русский язык. 6 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений. В 3 частях. Ч. 2 / С.И. Львова, В.В. Львов. 9-е изд., перераб. М. : Мнемозина, 2012. 163 с.

3. Русский язык. 6 класс. Учебник для образовательных организаций. В 2 частях. Ч. 2. / М.Т. Баранов, Т.А. Ладыженская, Т.А. Тростенцова и др. 2-е изд. М. : Просвещение, 2020. 195 с.

4. Русский язык. 6 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений / М.М. Разумовская, С.И. Львова, В.И. Капинос и др.; под ред. М.М. Разумовской, П.А. Леканта. М. : Дрофа, 2013. 335 с.

5. Русский язык. 6 класс. Учебник для общеобразовательных организаций. В 2 частях. Ч. 2. / Л.М. Рыбченкова, О.М. Александрова, О.В. Загорская, А.Г. Нарушевич. 3-е изд. М. : Просвещение, 2014. 159 с.

6. Шмелев А.Д. Русский язык. 6 класс. Учебник для учащихся образовательных организаций. В 2 частях. Ч. 2. / Под ред. А.Д. Шмелева. 3-е изд, пересмотренное. М. : Издательский центр «Вентана Граф», 2019. 301 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Последовательность изучения разрядов местоимений

М.Т. Баранов	Л.М. Рыбченкова	М.М. Разумовская	А.Д. Шмелев	С.И. Львова и В.В. Львов	В.В. Бабайцева
Личные местоимения	Личные местоимения	Личные местоимения	Личные местоимения	Личные местоимения	Личные местоимения
Возвратное местоимение <i>себя</i>	Возвратное местоимение <i>себя</i>	Возвратное местоимение <i>себя</i>	Возвратные местоимения	Возвратное местоимение <i>себя</i>	Возвратное местоимение <i>себя</i>
Вопросительные местоимения	Притяжательные местоимения	Притяжательные местоимения	Притяжательные местоимения	Притяжательные местоимения	Притяжательные местоимения
Относительные местоимения	Указательные местоимения	Указательные местоимения	Определительные местоимения	Вопросительные местоимения	Вопросительные местоимения
Неопределенные местоимения	Определительные местоимения	Определительные местоимения	Указательные местоимения	Относительные местоимения	Относительные местоимения
Отрицательные местоимения	Вопросительные местоимения-	Вопросительные местоимения-	Вопросительные местоимения и	Неопределенные местоимения	Неопределенные местоимения
Притяжательные местоимения	Относительные местоимения	Относительные местоимения	Относительные местоимения	Отрицательные местоимения	Отрицательные местоимения
Указательные местоимения	Неопределенные местоимения	Отрицательные местоимения	Неопределенные местоимения	Указательные местоимения	Определительные местоимения
Определительные местоимения	Отрицательные местоимения	Неопределенные местоимения	Отрицательные местоимения	Определительные местоимения	Указательные местоимения

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Последовательность параграфов при изучении темы «Местоимение»

М.Т. Баранов	Л.М. Рыбченкова	М.М. Разумовская	А.Д. Шмелев	С.И. Львова и В.В. Львов	В.В. Бабайцева
Местоимение как часть речи	Местоимение как часть речи, разряды	Какие слова называются местоимениями	Знаменательные части речи и местоименные	Общее значение местоимений и употребление их в речи	Понятие о местоимениях
Личные местоимения	Личные местоимения	Разряды местоимений по значению	Особенности местоимений как части речи	Разряды местоимений	Местоимение и другие части речи
Возвратное местоимение	Возвратное местоимение	Личные местоимения	Личные местоимения	Личные местоимения	Личные местоимения
Сочинение-рассказ по сюжетным картинкам	Притяжательные местоимения	Возвратное местоимение	Возвратные местоимения	Возвратное местоимение	Возвратное местоимение

Вопросительные и относительные	Указательные местоимения	Притяжательные местоимения	Притяжательные местоимения	Притяжательные местоимения	Притяжательные местоимения
Неопределенные местоимения	Определительные местоимения	Указательные местоимения	Определительные местоимения	Вопросительные относительные местоимения	Вопросительные местоимения
Отрицательные местоимения	Вопросительные относительные местоимения	Определительные местоимения	Указательные местоимения	Неопределенные местоимения	Относительные местоимения
Притяжательные местоимения	Неопределенные местоимения	Вопросительные относительные	Вопросительные и относительные	Отрицательные местоимения	Неопределенные местоимения
Сочинение-РАССУЖДЕНИЕ	Отрицательные местоимения	Отрицательные местоимения	Неопределенные и отрицательные ✓ Неопред. ✓ Отриц.	Указательные местоимения	Отрицательные местоимения
Указательные местоимения	Морфологический разбор	Неопределенные местоимения	Морфологический разбор	Определительные местоимения	Определительные местоимения
Определительные местоимения	Повторение темы	Употребление в речи	Правописание местоимений с предлогами	Культура речи. Употребление м: ✓ Орфоэпические нормы ✓ Грамматические нормы ✓ Лексические нормы	Указательные местоимения
Местоимения и другие части речи		Произношение	Правописание неопределенных и отрицательных местоимений ✓ Слитное и раздельное написание местоимений с НЕ и НИ ✓ Правописание с –то, -либо, -нибудь, кое-	Местоимения в словосочетаниях и предложениях	Роль местоимений в речи

Морфологический разбор				Местоимения в тексте	
Повторение					

КЛЮЙКО Юлия Александровна (*Белгород, Россия*)

аспирант

Медицинский колледж медицинского института НИУ «БелГУ»

klyuyko@bsu.edu.ru

Научный руководитель

ЧУМАК-ЖУНЬ Ирина Ивановна (*Белгород, Россия*)

доктор филологических наук, профессор

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

chumak@bsu.edu.ru

ДИАЛОГ ГЕРОЕВ В ЕРШАЛАИМСКИХ ГЛАВАХ РОМАНА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Аннотация. В статье рассматривается полифония речи персонажей в ершалаимских главах романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Автор настаивает на важности подробного рассмотрения диалогов героев как основы сюжета и в качестве примера приводит диалог-допрос между Понтием Пилатом и Иешуа Га-Ноцри.

Особое место в богатейшей творческой палитре Михаила Афанасьевича Булгакова занимает роман «Мастер и Маргарита» – неиссякаемый источник интереса читателей и критиков. Образная канва романа построена на звучании множества голосов персонажей, каждый из которых отчетливо слышен в общем многоголосии. При этом автор «выводит» героев на сцену, используя диалог, в котором позволяет не только услышать их, но и увидеть. Нельзя не согласиться со словами В.Я. Лакшина, который отмечал: «Когда Булгаков писал роман, он словно уже видел действие разыгранным на сцене <...> У каждого героя – свое движение, жест, а все вместе – как обдуманная режиссерская мизансцена»[5: 29].

О том же пишет и А.З. Вулис, отмечая, что «Булгаков видел мир сквозь призму своего богатого драматического воображения...Поэтому

каждый роман Булгакова, в том числе «Мастер и Маргарита», – потенциальная пьеса, а каждая пьеса – роман» [3: 87].

Общеизвестно, что роман «Мастер и Маргарита» состоит из двух частей, каждая из которых содержит разные пространственно-временные и сюжетные линии, составляя единое художественное целое. «Ершалаимские» части романа занимают не более шестой части текста, но являются основой мира Булгаковского произведения, а роман Мастера об Иешуа и Пилате раскрывает его внутренний потенциал.

Основную смысловую нагрузку «романа в романе» несут диалоги, которые позволяют распознать не только характер описываемых личностей, но и их намерения в контексте «самого загадочного романа XX века». Повествователь в своей речи как бы отстраняется и, создавая «новый текст», не предлагая своего мнения, позволяет читателю сделать собственные умозаключения о героях произведения. По словам И.И. Чумак-Жунь, новый текст, диалогически реагирующий на другой текст (претекст), может задавать ему любую новую смысловую перспективу: дополнять, избирательно выдвигать на первый план отдельные актуальные смыслы, трансформировать их, исходя из художественного замысла автора, вплоть до разрушения первичной смысловой системы [7].

Диалогичность текста мы понимаем не как возможность текста вступать в диалог с другими текстами, а как внутритекстовый феномен – диалог между героями, который позволяет вывить особенности речевого поведения литературного героя в общении, во взаимодействии с «другим» [1], в ситуации, когда раскрывается «человек в человеке».

О важности диалога в «ершалаимских» главах писали многие критики, отмечая при этом, что именно диалог дает возможность осознать намерения героя и является основой сюжета – каждое сказанное слово ведет к динамичному развитию дальнейшего повествования. Вся «ершалаимская» часть романа предстает как

реальное событие и наполнена диалогами Иешуа и Пилата. Художественная значимость диалога требует расшифровки ввиду достаточно скупого характера речи персонажей.

Большую часть второй главы романа «Понтий Пилат» составляет диалог Понтия Пилата и Иешуа Га-Ноцри. Определим особенности построения булгаковского диалога, в качестве иллюстрации приведем начало допроса Понтием Иешуа и назовем несколько языковых особенностей изображения героев в ершалаимской части романа:

«– Имя?

– Мое?–торжественно отозвался арестованный, всем существом выражая готовность отвечать толково, не вызывать более гнева.

Прокуратор сказал негромко:

– Мое мне известно. Не притворяйся более глупым, чем ты есть. Твое.

– Иешуа, – поспешно ответил арестант.

– Прозвище есть?

– Га-Ноцри.

– Откуда ты родом?

– Из города Гамалы,–ответил арестант, головой показывая, что там, где-то далеко, направо от него, на севере, есть город Гамала...

– Кто ты по крови?

– Я точно не знаю,–живо ответил арестованный,–я не помню моих родителей. Мне говорили, что мой отец был сириец...» [2: 22].

В диалоге представлены два героя, речь одного из которых (прокуратора) характеризуется одиночным авторским комментарием (*сказал негромко*), речь второго же сопровождается детальным описанием его поведения и намерений. Если исключить из диалога авторские комментарии, то останется обмен информацией, но

«придиалоговое пространство» дает нам понимание поведения героев, которое в немалой степени их характеризует.

Можно сказать, что мизансцена представлена через восприятие прокуратора, который ведет диалог, пытаясь решить поставленную ранее задачу – выяснить, виновен ли собеседник в обвинениях, выдвинутых против него.

Номинации героев.

На «расстановку сил» указывают, в первую очередь, номинации героев: дважды М.А. Булгаков использует слово *прокуратор* и при каждой реплике второго собеседника слово *арестант (арестованный)*. Герои противопоставлены в диалоге как 'имеющий полную власть' (*прокуратор*) и 'совершенно бесправный' (*арестованный*).

Прокуратор. В соответствии с толкованием словаря Ефремовой, прокуратор 1. Лицо, управлявшее чьим-либо имуществом, имением, хозяйством (в Древнем Риме). Императорский чиновник, ведающий финансами, сбором налогов и т.п.

Арестант, как мы знаем, 'тот, кто находится под арестом'. Больше мы, как и прокуратор, не знаем о герое ничего. На протяжении всей главы номинации противопоставлены – около 100 раз встречается номинация *прокуратор* и около 50 – *арестованный*.

Сравним те пресуппозиции (предварительные знания), которые предшествуют диалогу.

Состояние героев.

И прокуратор, и арестованный испытывают боль – в описании прокуратора используется целая группа лексических единиц с корнем -*боль*- в сочетании с соматизмами (*ужасная болезнь гемикrania, при которой болит полголовы; болезненной гримасы пылающей адской болью головой; тусклый больной голос; оба больных глаза; больной голове прокуратора*), он невыносимо страдает от нее.

Арестованный тоже испытывает боль, но болевое ощущение не названо, оно описано через описание избиения (*Движение кентуриона было небрежно и легко, но связанный мгновенно рухнул наземь, как будто ему подрубили ноги, захлебнулся воздухом, краска сбежала с его лица и глаза обесмыслились*) и через восприятие прокуратора (*арестант с обезображенным побоями лицом*).

Поведение героев.

Автор выступает в роли зрителя, который лишь сухо описывает поведение персонажей. *«Прокуратор при этом сидел как каменный, и только губы его шевелились чуть-чуть при произнесении слов. Прокуратор был как каменный..., прокуратор, по-прежнему не шевелясь и ничуть не повышая голоса..., монотонно прибавил..., кроме неподвижного прокуратора..., Другой глаз остался закрытым»* [2: 24].

Прилагательным *каменный* и *неподвижный* в описании поведения иегемона в описании арестанта противопоставлены лексемы с корнем *-жив-*: *живо ответил, арестант опять оживился, живо ответил арестант, спросил, очень оживившись, развязанный*.

Переломной точкой диалога стало слово *истина* – именно в тот момент, когда Понтий решает спросить у арестованного, что такое истина, роли меняются. Е.И. Ляхова пишет, что это стало освобождением личного слова из-под наносного слоя привычных, но уже не органичных прокураторских штампов [6: 172]. Именно в этот момент собеседники меняются ролями и диалог ведет уже не прокуратор, а Га-Ноцри, который истину видит в спасении человека от боли: *«Истина прежде всего в том, что у тебя болит голова, и болит так сильно, что ты малодушно помышляешь о смерти. Ты не только не в силах говорить со мной, но тебе трудно даже глядеть на меня. И сейчас я невольно являюсь твоим палачом, что меня огорчает. Ты не можешь даже и думать о чем-нибудь и мечтаешь только о том, чтобы пришла твоя собака, единственное, по-видимому, существо, к которому ты*

привязан. Но мучения твои сейчас кончатся, голова пройдет. <...> Я советовал бы тебе, игемон, оставить на время дворец и погулять пешком где-нибудь в окрестностях, ну хотя бы в садах на Елеонской горе. <...> Беда в том, что ты слишком замкнут и окончательно потерял веру в людей. Ведь нельзя же, согласись, поместить всю свою привязанность в собаку. Твоя жизнь скудна, игемон» [2: 26–27].

Именно в диалоге проявляются те характеристики, которые важны в описании героев и которые явно диссонируют с исходными пресуппозициями:

Прокуратор Понтий Пилат – несвободен, арестованный Иешуа – свободен.

Всадник Понтий Пилат – боится власти, пеший Иешуа считает, что всякая власть является насилием над людьми.

Игемон Понтий Пилат – окончательно потерял веру в людей, проповедник Иешуа Га-Ноцри считает, что злых людей нет на свете.

Римский прокуратор считает, что царство истины никогда не настанет, Бродяга Га-Ноцри верит в царство истины.

Таким образом, в художественном тексте М.А. Булгакова диалог предполагает контекстуальное окружение, представляя характер героя в развитии, предполагает включение придиалоговых элементов. Диалог в «ершалаимской» части романа не просто раскрывает чувства героя, но и становится тем элементом композиции без которого это раскрытие просто невозможно.

Разговор с Иешуа порождает в душе Пилата неведомые ему до этого чувства, но в итоге он так и не может найти правильного решения, несмотря на явную человечность диалога. Для Иешуа же их беседа становится возможностью попытаться донести собеседнику истину «доброе» слова, раскрыть его душу. Но, к сожалению, в какой-то момент их общение переходит практически в монолог арестованного.

Булгаков в этом специфическом диалоге-допросе раскрывает основную тему своего романа – борьба добра и зла за человеческую душу. «Монолог» Иешуа становится нравственным центром повествования, выходя за рамки времени и пространства и оставаясь в вечности. Вышесказанное подтверждает, что основой творчества Булгакова является личность героя с ее уникальным взглядом на мир.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений. В 7-т. М., 1997.
2. Булгаков М.А. *Мастер и Маргарита: Роман.* – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1989. – 464с.
3. Вулис А.З. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита».– М.: Художественная литература. 1991. – 226 с.
4. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000. – в 2 т.– 1209 с.
5. Лакшин В.Я. Мир Михаила Булгакова (вступительная статья) // М.А. Булгаков Собр. Соч. В пяти томах. М., 1989. Т.1.
6. Ляхова Е.И. Драматизм личного слова в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Литературное произведение и литературный процесс в аспекте исторической поэтики. Кемерово, 1988.
7. Чумак-Жунь И.И. Интертекстуальность как способ приращения смысла поэтического текста // Научно-методический журнал. – Харьков: ХНПУ, 2013. – № 1–2 (49).

КУЗНЕЦОВА Алиса Антоновна (Москва, Россия)

магистрант

Московский городской педагогический университет

alisa_kuznetsova_2000@mail.ru

Научный руководитель

БОРИСОВА Инна Владимировна (Москва, Россия)

кандидат филологических наук, доцент

Московский городской педагогический университет

ИНТЕРНЕТ-МЕМ КАК ФОРМА КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА

Аннотация. Статья посвящена интернет-мему как форме креолизованного текста, а именно лингвовизуальному феномену, имеющему вербальную и невербальную составляющие.

Мемы – это явление, которое набирает все большую популярность в интернете. Они представляют собой смешные, остроумные и порой глупые картинки или видео, которые быстро распространяются по всему миру. Мемы стали неотъемлемой частью нашей культуры и общения, и

многие люди используют их для выражения своих мыслей и эмоций. В статье мы рассмотрим мемы как форму креолизованного текста.

Креолизованный текст – это текст, созданный из элементов разных языков и культур. Мемы являются хорошим примером такого текста, потому что они вмещают в себя несхожие между собой культурные коды. Например, многие мемы используют английские слова и выражения, которые стали частью русского языка, такие как «лайк», «шер», «фолловить» и т.д. Кроме того, мемы могут содержать элементы из разных культур, таких как японские комиксы (манга) или американские телешоу.

В лингвистике термин «креолизованный текст» впервые использовался Ю.А.Сорокиным и Е.Ф.Тарасовым, которые дали определение, ставшее классическим: «Креолизованные тексты (КТ) – это тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [Сорокин, Тарасов 1990: 180].

Есть и другие трактовки определения креолизованного текста. К примеру, Анисимова Е.Е. определяет креолизованный текст как «особый лингвовизуальный феномен, текст, в котором вербальный и невербальный компоненты образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функционирующее целое, обеспечивающее его комплексное прагматическое воздействие на адресата». Кроме того, Анисимова рассматривает их как «семиотически осложненные тексты в структурировании которых задействованы средства разных семиотических кодов, в том числе иконические средства» [Анисимова 2003: 17]. Креолизация может рассматриваться и как «комбинирование средств разных семиотических систем в комплексе, отвечающем условию текстуальности» [Бернацкая 2000].

В данном отношении важно отметить то, что если креолизованный текст обзревается как текст, в котором взаимодействуют как невербальные, так и вербальные средства, то выделяется следующая классификация креолизованных текстов:

- «тексты с нулевой креолизацией, т. е. тексты, в которых второй компонент (вербальный или иконический) полностью отсутствует;

- тексты с частичной креолизацией, в которых вербальная и визуальная части могут работать независимо друг от друга и не являются дополнением друг к другу;

- тексты с полной креолизацией в которых вербальный и невербальный компоненты вступают во взаимодействие и дополняют друг друга» [Анисимова 2003: 15].

Так, интернет-мемы относят к последней группе: невербальный и вербальный элементы создают общую картину и смысл мема в целом в дополнение друг к другу.

По А. В. Поймановой, существует несколько видов креолизованных текстов, где учитывается объем информации, которую передают разные знаки, и роль изображения: «репетиционные – иллюстрация повторяет вербальный текст; аддитивные – иллюстрация оказывает определенную дополнительную информацию; выделительные – иллюстрация подчеркивает конкретный аспект вербальной информации, объем которой значительно больше; оппозитивные – содержательная структура, переданная иллюстрацией, вступает в противоречии с вербальной информацией, вызывает комический эффект; интегративные – иллюстрация, встроенная в вербальный текст; изобразительно-центричные – вербальная часть объясняет, конкретизирует изображение, которое занимает главное место в сообщении» [Пойманова 1997: 24].

По данной классификации, интернет-мемы следует отнести к оппозитивному виду креолизованного текстов. Именно явные

противоречия между вербальным и невербальным компонентами помогает достичь комического эффекта интернет-мемов.

Особенности креолизованных текстов в интернет-пространстве на примере мемов заключаются в следующем:

1. Использование элементов разных культур и языков. Мемы содержат в себе эти разнородные элементы, что делает их уникальными и интересными для широкой аудитории.

2. Социальная и политическая направленность. Многие мемы используются для передачи социальных и политических сообщений, что делает их важным инструментом коммуникации в интернет-пространстве. Например, мемы используются для выражения недовольства политическими лидерами или социальными проблемами. Такие мемы часто становятся вирусными и быстро распространяются по всему интернету.

3. Широкое распространение. Мемы быстро распространяются по всему миру благодаря своей забавной и остроумной форме, что делает их популярными среди пользователей интернета.

4. Использование нестандартной формы языка. В интернет-мемах используется нестандартная форма языка, такая как сокращения, неправильное написание слов и фраз, что добавляет им юмористический (комический) эффект.

5. Важная форма коммуникации в социальных сетях. Мемы стали важной формой коммуникации в социальных сетях, помогая людям выражать свои мысли и эмоции в более забавной и доступной форме.

Итак, мемы стали неотъемлемой частью жизни миллионов людей. Они помогают людям выражать свои мысли и эмоции в более забавной и доступной форме. Мемы также могут помочь улучшить настроение людей и создать более позитивную атмосферу в социальных сетях.

Рассмотрим их примеры и их отношение к креолизованному тексту.

Одним из самых известных примеров креолизованного текста является «LOLcats» – серия мемов, которые изображают кошек и содержат английские слова и фразы, написанные в нестандартной форме. Например, вместо «I love you» написано «I luv u». Эти мемы стали настолько популярными, что они перешли границы интернета и появились на открытках, футболках и других товарах.

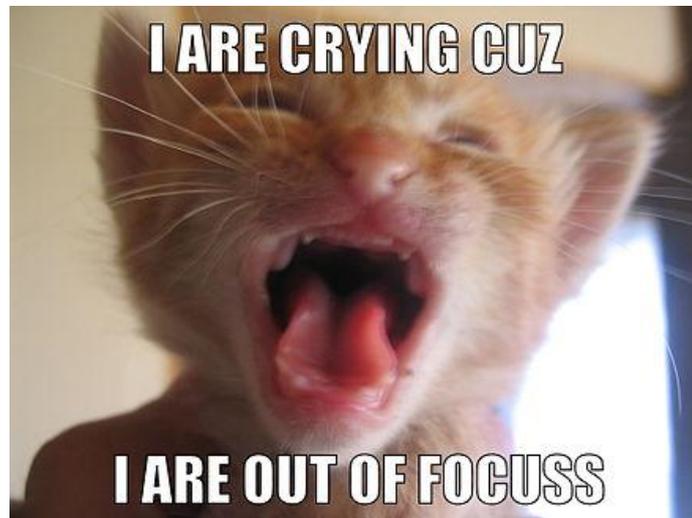

Рисунок 1 – Интернет-мем «LOLcats»

Источник: Wikipedia

Актуальный интернет-мем «Приколист» изображает человека, улыбающегося и думающего о своей следующей шутке. Этот мем стал символом юмора в интернете и используется для выражения различных эмоций, связанных с шутками и юмором.

Рисунок 2 – Интернет-мем «Приколист»

Источник: Рисовач.ру

Еще одним популярным мемом является «Не еш подумой», иллюстрирующий застрявшего в банке кота. Этот мем используется для выражения предупреждения возможных последствий переедания и откликается чуть ли не каждому пользователю интернет-пространства.

Рисунок 3 – Интернет-мем «Не еш подумой»

Источник: Дзен

«Плачущий мальчик» – интернет-мем с пухлым плачущим мальчиком. Обычно используется, чтобы передать чувства обиды и расстройства.

Рисунок 4 – Интернет-мем «Плачущий мальчик»

Источник: Дзен

Эти мемы – лишь некоторые примеры того, как интернет-мемы используют креолизированный текст для выражения эмоций и идей в интернет-пространстве.

Таким образом, мемы – это форма креолизованного текста, которая объединяет элементы разных культур и языков. Они используются для передачи социальных и политических сообщений, а также для коммуникации в социальных сетях. Мемы стали неотъемлемой частью нашей культуры и общения, и они продолжают развиваться и изменяться в будущем. Важно помнить, что мемы – это не просто картинки, это форма креолизованного текста, которая может быть использована для передачи информации и выражения эмоций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова Е. Е. Прагмалингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) // Вопросы языкознания. – 1992. – No 1. – С. 71–79.
2. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). – М.: Академия, 2003. – 107 с.
3. Бернацкая А. А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние // Речевое общение: Специализированный вестник Красноярского государственного ун-та. – Красноярск, 2000. – Вып. 3 (11). – С. 104–110.
4. Пойманова О. В. Семантическое пространство видеовербального текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Моск. ордена Дружбы народов лингв. ун-т. – М., 1997. – 24 с.
5. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Ин-т языкознания РАН, 1990. С. 180–186

КУЗНЕЦОВА Елизавета Александровна (*Владимир, Россия*)

студент

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
elizaveta_k03@mail.ru

Научный руководитель

ПИМЕНОВА Марина Васильевна (*Владимир, Россия*)

доктор филологических наук, профессор

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
pimenova-vgru@yandex.ru

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ДРЕВНЕРУССКИХ СРАВНЕНИЙ

(на материале «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона)

Аннотация. В статье на материале текста «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона (XI в.) рассматриваются структурно-семантические модели одного из видов устойчивых единиц древнерусского текста – сравнений, выражающих нерасчлененное значение. Описаны признаки исследуемых синкретом.

Проанализировано функционирование сравнений в тексте «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона.

Ключевые слова: древнерусский текст, синкретема, сравнение, структура, функционирование.

Abstract. In the article, based on the text "Words about Law and Grace" by Metropolitan Hilarion (XI century), the structural and semantic models of one of the types of stable units of the Old Russian text – comparisons expressing an undifferentiated meaning are considered. The signs of the studied syncretists are described. The functioning of comparisons in the text of Metropolitan Hilarion's "Words on Law and Grace" is analyzed.

Keywords: Old Russian text, syncretism, comparison, structure, functioning.

Работа посвящена анализу структуры и функционирования устойчивых сравнений в тексте «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона.

Устойчивые единицы, которые М.Вас. Пименова определяет как «синкретемы» [7: 29], рассматриваются в синхронном и диахронном аспектах следующими учеными: М.В. Артамоновой, К.М. Богровой, А.П. Евгеньевой, П.А. Лекантом, Д.С. Лихачевым, Т.П. Ломтевым, М.Вас. Пименовой, А.А. Потемной, Е.Ю. Рыкиным и другими, – однако с исторической точки зрения минимальные устойчивые единицы древнерусского текста, имеющие синкретичное значение, остаются недостаточно изученными.

К. М. Богрова определяет в своих трудах устойчивый сравнительный оборот как «древнейший прием познания окружающей действительности, в основе которого лежит сопоставление двух понятий, явлений, вследствие чего появляется «возможность устанавливать общие свойства, признаки, присущие данным предметам или явлениям» [1: 4].

Устойчивые сравнения – синкретемы, соединенные подчинительной связью (синтагматического типа).

А. Н. Веселовский отмечает, что с древних времен человек задавался вопросом о происхождении людского рода. Появлялись верования, согласно которым наши предки были камнями, животными,

деревьями. Бытовали мнения, что растения произошли от людей. Древние люди полагали, что природный и человеческий миры являются родственными. А. Н. Веселовский называет мирозерцание того времени анимистическим. Устойчивые сравнительные обороты появились в памятниках древнерусской литературы тогда, когда люди стали проводить грань между человеческим и природным мирами, начали мыслить себя вне природы [2: 101–105].

Д. С. Лихачев утверждает, что в средние века целью человеческого познания стало постижение тайного значения явлений природы. Именно тогда в древнерусских текстах появились устойчивые сравнительные обороты. Средневековое искусство стремилось символически истолковать явления природы, истории и писания: животные и их свойства рассматривались с точки зрения тайного нравоучительного смысла, времена года семантически были связаны в сознании человека с событиями, изложенными в писании [5: 161–165].

В.В. Колесов считает, что существует типичная формула сравнения, основанная на сопоставлении двух предметов или явлений действительности по общему признаку. Между сопоставляемыми лексемами употребляются союзы *аки, акы, яко, якоже* [4: 204].

По мнению К.М. Богровой, сравнительные обороты, употребляемые в древнерусских текстах, можно назвать устойчивыми, потому что данные синкретемы обладают следующими признаками:

Лексико-семантическими: а) воспроизводимостью языковых единиц, б) широкой употребляемостью, в) предсказуемостью, допускающей возможность варьирования компонентов рассматриваемой устойчивой единицы на фонетическом, словообразовательном, морфологическом уровнях, г) «семантической неразложимостью сочетания»;

Структурными: а) разложимостью на отдельные элементы, б) строгим порядком следования компонентов сочетания,

в) невозможностью дистантного расположения лексем, находящихся в составе устойчивого сравнения [1: 30–33].

Проанализируем функционирование исследуемых синкретем в тексте «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона – первого митрополита Киевского и всея Руси славянского происхождения.

Рассматриваемое произведение – памятник древнерусской литературы, по мнению А. М. Молдована, «написанный не ранее 1037 г., когда была построена церковь Благовещения на Золотых воротах, и не позднее 1050 г., когда скончалась великая княгиня Ирина, упоминаемая в «Слове» как живая» [6].

В тексте «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона было выделено 16 устойчивых сравнений.

Вслед за К.М. Богровой, мы выделяем следующие типы названных устойчивых единиц [1: 65–78]:

Биоморфный, включающий в себя сопоставление объектов живой и неживой природы или совокупность двух неодушевленных сущностей:

1.1. Яко свѣтъ: «Прѣжде вѣкъ от Отца рождень, единъ състоленъ Отцу, единосущень, **яко** же солнцу **свѣтъ**, съниде на землю, погъти людии своих...» [3: 32], «...приближается скоро правда моа, и изыдетъ, **яко свѣтъ**, спасение мое...» [3: 42],

1.2. Ако вода: «И Христова благодѣть всю землю обятъ и **ако вода морьскаа** покры ю...» [3: 32],

1.3. Яко вѣнцемь: «И славнии градъ твои Кыевъ величьствомъ, **яко вѣнцемь**, обложиль...» [3: 50],

1.4. Яко зарѣ: «Иудейство оттолгъ погыбе, и законъ по семь, **яко вечерннги зарѣ**, погасе, и расгъяни быша иудеи по странамъ, да не вѣкупъ злое пребываетъ» [3: 32],

1.5. Акы о камень: «Си же сътворишеи ему прѣтъкнушася о нь, **акы о камень**, и съкрушишася, **яко** же Господь глаголаше: «Падыи

на камени семь съкрушится, а на немъ же падеть, съкрушить ѱ» [3: 36],

1.6. Яко персть и прахъ: «... **яко персть** есмы **и прахъ**...» [3: 54],

1.7. Яко роса: «Донелъ же бо благопризирание твое на насъ, благоденствуемъ, аще ли съ яростию призриши, ищезнемъ, **яко утреняя роса**» [3: 54].

2. Зооморфный, предполагающий приписывание человеку свойств и качеств животных, птиц, насекомых, рыб:

2.1. Яко елень: «...ясно славимъ Христа Бога нашего, по пророчеству: «Тогда скочить, **яко елень**, хромыи, и ясенъ будетъ языкъ гугнивыхъ» [3: 40],

2.2. Яко звѣремъ и скотомъ: «И прѣжде бывшемъ намъ **яко звѣремъ и скотомъ**, не разумгющемъ десницъ и шюицъ...» [3: 40],

2.3. Яко кокошь: «Колижды въсхотгх събърати чяда твоя, **яко же събираетъ кокошь** птеньцъ под крилъ свои, и не въсхотгсте» [3: 38];

3. Антропоморфный, в ходе которого человеку приписываются свойства другого человека:

3.1. Яко Богъ: «(Богъ)...**яко Богъ** изиде, дгвъства не вргждь...; ...**яко Богъ** пристави ангелы съ пастухы пгти»; ...**яко Богъ** вълхвы звгздою ведяаше;...**яко Богъ** от волхвъ дары и поклонение приать;...**яко Богу** рукотворения египетъскаа поклонишася;...**ако Бога** Йорданъ устрашився, възвратися; ...**ако Богъ** от Отца послушьство приать...;...**яко Богъ** побгди искушающаго; ...**ако Богъ** воду въ вино приложи; ...**ако Богъ** запргта вгтромъ и морю, и послушашя его; ...**ако Богъ** въскргси ѱ от мертвыхъ; ...**ако Богу** звааху: «Благословленъ Грядыи въ имя Господне!»;...**ако Богъ** своею властию съпропятааго съ нимъ вгпусти въ раи» [3: 34]; «...**ако Богъ** солнце помрачи и землю потрясе; ...**ако Богъ** ада раздруши и душг свободы; ...**ако Богъ** изиде, печати цглы съхрань; ...**яко Богъ** увгдгся и познанъ бысть всгми конци земля» [3: 36], «Божествомъ

бестрасти, яко Богъ, прѣбы» [3: 60] , «Въста, яко Богъ, изиде изъ мертвыхъ, яко побѣдитель Христос, царь мой...» [3: 60],

3.2. Яко человекъ: *«(Богъ)...яко человекъ бо утробу матерню растяше..., яко человекъ матерне млѣко приать, ...яко человекъ повиться въ пелены,... яко человекъ възлеже въ яслехъ, ... яко человекъ бѣжааше въ Египеть, ... яко человекъ прииде на крещение...; яко человекъ, обнажився, вълѣзе въ воду...; яко человекъ постися 40 дни...; яко человекъ иде на бракъ Кана Галилѣи...; яко человекъ въ корабли съпааше...; яко человекъ по Лазари прослезися...; яко человекъ на осля въсѣде...; яко человекъ распятъ бысть...» [3: 34]; «яко человекъ оцѣта вѣкушь, испусти духъ, ...; яко человекъ въ гробъ положенъ бысть...; яко человека тѣщахуся иудеи утаити въскресение, мздяще стражи...» [3: 36], «На небеси бо безматеренъ, на земли же безъ отца, въздоися, яко человекъ...» [3: 58], «Пострада плотию, яко человекъ, мене ради...» [3: 60],*

3.3. Яко царь: *«...яко царь всеи земли Богъ, поите разумно. Въцарися Богъ надъ языки» [3: 42];*

4. Артефактный, предполагающий сопоставление человека и предмета, созданного руками людей:

4.1. Яко гривною и утварью: *«Ты...съмысломъ вѣнчанъ и милостынею яко гривною и утварью златою красуяся» [3: 52],*

4.2. Акы печать: *«Милостыни мужу, акы печать съ нимъ» [3: 48],*

4.3. Яко съсудъ: *«...да яко съсудъ скверненъ человекъство, помовень водою, закономъ и обрѣзаниемъ, прииметь млѣко благодѣти и крещениа» [3: 28].*

Устойчивые сравнения древнерусского текста, связанные отношением подобия, можно отнести к промежуточному ярусу языка: с одной стороны, компоненты анализируемых устойчивых единиц имеют

синкретичное значение (сходны с лексемой), с другой – являются отдельными словами (близки к фразеологизмам).

ЛИТЕРАТУРА

1. Богрова К.М. Устойчивые сравнения в древнерусском тексте: семантика и структура: Автореф. дисс. ... кандидата филологических наук. – Иваново, 2012. – 180 с.
2. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – М.: Высш. шк., 1989. – 404 с.
3. Иларион. Слово о Законе и Благодати / Библиотека литературы Древней Руси / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом); под. ред. Д. С. Лихачева и др. – СПб.: Наука, 1997. – Т. 1: XI–XII века. – С. 26–61.
4. Колесов В.В. Философия русского слова. – СПб.: ЮНА, 2002. – 444 с.
5. Лихачёв Д.С. Поэтика древнерусской литературы. – 3-е изд., доп. – М.: Наука, 1979. – 352 с.
6. Молдован А.М. Вступление. Иларион. Слово о законе и благодати [Электронный ресурс], – <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4868&ysclid=luqf9pxjxy33177890> .
7. Пименова М.Вас., Артамонова М.В. «Речение» и «разум» древнерусского текста. – Владимир: ВГПУ, 2008. – 51 с.

МАСЕНКОВА Анастасия Игоревна (*Владимир, Россия*)

студент

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
masenkovaanastasia219@gmail.com

Научный руководитель

РЫКИН Евгений Юрьевич (*Владимир, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
eugeny.rikin@yandex.ru

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В ТЕКСТАХ СМИ ГУСЬ-ХРУСТАЛЬНОГО РАЙОНА ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ (на материале печатных и электронных выпусков газет)

Аннотация. В статье рассматриваются фразеологические единицы, употребляющиеся в СМИ, по нескольким классификациям: степени семантической слитности (единства, сращения, сочетания, выражения) структурным компонентам (глагольные, субстантивные, адъективные и др.), происхождению (исконные и заимствованные), а также их функционирование в прессе.

Ключевые слова: фразеологическая единица, классификация, СМИ, семантическая слитность, структурные компоненты, анализ.

Abstract. The article discusses phraseological units used in the media according to several classifications: the degree of semantic coherence (unity, fusion, combinations, expressions), structural components (verbal, substantive, adjectival, etc.), origin (native and borrowed), as well as their functioning in the press.

Keywords: phraseological unit, classification, media, semantic coherence, structural components, analysis.

Фразеология — это научная дисциплина, которая изучает фразеологическую систему языка в синхронии и диахронии [1].

Фразеологические единицы можно классифицировать по трем основаниям:

1) по степени семантической слитности компонентов ФЕ: сращения, единства, сочетания, выражения;

2) по структурным компонентам ФЕ: фразеологизмы-словоформы; фразеологизмы-словосочетания, к которым относятся глагольные, субстантивные, адъективные, адвербиальные, модальные, междометные; фразеологизмы-предложения, к которым относятся фразеологизмы, эквивалентные по структуре простому односоставному или двусоставному предложению, фразеологизмы, эквивалентные по структуре придаточному предложению с союзами, фразеологизмы, эквивалентные по структуре сложному предложению;

3) по происхождению ФЕ: исконные и заимствованные.

Мы проанализировали фразеологические единицы в текстах СМИ Гусь-Хрустального района с 1950 года по 2023 год. Выборочность прессы для анализа языкового материала – один выпуск в десятилетие. Таким образом, было рассмотрено 8 газетных номеров, выявлено 130 фразеологических единиц.

В результате анализа указанного выше языкового материала мы пришли к следующим выводам.

1. Наибольшее число единиц по степени семантической слитности – фразеологические выражения номинативного характера, а именно – клише. Клише – стереотипное выражение, механически воспроизводимое в типичных речевых контекстах и ситуациях; шаблонная фраза, выражение [1].

Такое распределение устойчивых единиц связано с периодом их возникновения и частотой использования. Большинство из них появились в советские годы, и чем чаще их употребляли, тем сильнее стиралась образность. С точки зрения современного русского языка – языка 21 века – это клише, в советские же годы такие выражения могли относиться к другой группе. Превращение языковых единиц в клише – процесс постепенный и даже незаметный для носителей языка.

Примеры фразеологизмов номинативного характера:

С Новым годом, дорогие друзья, с новым счастьем! (5: URL);
Надо сыграть строго дисциплинированно, тогда победа будет за нами! (1: URL); *Ведь передний фронт нынче в сельском хозяйстве* (4:URL); *В течении почти всего прошлого года мы удерживали переходящее Красное знамя* (1: URL).

2. Что касается структурной классификации, то наиболее крупные группы здесь составляют глагольные и субстантивные фразеологические единицы.

Это может быть связано с грамматической и лексической сочетаемостью частей речи. У глаголов и имен существительных такая сочетаемость больше, чем у других частей речи, следовательно, и количественный показатель будет довольно высоким.

Глагольные (52): ... *свора агрессоров будет взята на короткую цепь* (1: URL); ...*на левом берегу поняли, что сержант выбился из сил* (4: URL); *У него никогда не опускались руки...* (6: 1);

Субстантивные (24): *Значительных успехов добились в прошедшем году такие мастера своего дела, как ткачихи...* (4:URL); *Они покупали порох, доставали взрывчатку и начинали для своего черного дела специальные снаряды»* (1: URL); *В прошлую среду в красном уголке горкома и райкома КПСС проведен «круглый стол»...* (8:1);

3. Соотношение исконных и заимствованных фразеологизмов примерно одинаковое.

При классификации фразеологических единиц по происхождению мы опирались на «Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник» А.К. Берих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степановой. Из 130 фразеологических единиц только 27 были кодифицированы.

Так исконных – 14 единиц.

...«**Ни пуха ни пера!**», – сказал за доли секунд до игры тренер гусевской команды... (2: URL) – Собственно русское. Из речи охотников. Возникло как пожелание отправляющемуся на охоту.

В первый год она не поступила. Но не опустила руки: «Значит были упущения....» (6: 5) – Собственно русское выражение из речи мастеровых. Когда работа не ладилась мастер на время откладывал ее и опускал руки.

Заимствованных единиц определено 13.

Наши юные футболисты потеряли все надежды выйти в финал. (5: URL) – Вероятно калька с французского или немецкого

Американские империалисты ищут пушечное мясо для своей захватнической войны в Корее. (4: URL) – Калька с французского la chair а canon. Впервые встречается в политическом памфлете французского писателя Ф. Шатобриана «О Бонапарте и Бурбонах» (1814).

Из представленных результатов выявить закономерность употребления фразеологических единиц не предоставляется возможным.

4. С помощью фразеологизмов текст приобретает эмоционально – экспрессивную окраску.

Если рассматривать функционирование фразеологизмов в прессе, то основной функцией фразеологических единиц является выражение оценки.

Так в примере «*Просто пальчики оближешь!*», – говорили те, кто хоть раз пробовал еду бабы Тони (4: URL) фразеологизм **пальчики оближешь** выражает степень вкусовых ощущений (не просто вкусно, а очень вкусно), тем самым добавляя яркость, точность и эмоциональность и образность речи.

Таким образом, можно сделать вывод, что фразеологические единицы – неотъемлемая часть русского языка. Они разнообразны по своей структуре, семантической слитности и происхождению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / 2-е изд., стер. М.: Советская энциклопедия. 1966. 608 с.
2. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: «Наука», 1977. 318с.
3. Жуков В.П. Русская фразеология : учебное пособие / В. П. Жуков, А. В. Жуков. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва : Высш. шк., 2006 . 408с.
4. Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. – Л.: Наука, 1977. 283 с.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. <https://gusmedia.ru/archive/1950/10/1950-10-04-121.pdf>
2. <https://gusmedia.ru/archive/1950/05/1950-05-17-60.pdf>
3. <https://gusmedia.ru/pdf-arkhiv/arkhiv-1970/okt-1970>
4. <https://gusmedia.ru/archive/1983/08/1983-08-12-129.pdf>
5. <https://gusmedia.ru/archive/1990/05/1990-05-16-79.pdf>
6. «Хрустальщик» издание общества с ограниченной ответственностью «Хрустальный завод») Четверг, 10 января 2002 года №1(3232)
7. Общественно- политический еженедельник № 32 08.08.2012 Центральный регион город Гусь-Хрустальный.
8. Еженедельная общественно-политическая газета «Афиша. Гусь-Хрустальный» № 38 20.09.2023

МИНЯЕВА Анастасия Владимировна (*Владимир, Россия*)

студент

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
nasya.minyaeva.02@mail.ru

Научный руководитель

КУЗНЕЦОВА Екатерина Александровна (*Владимир, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
e.a.lukyanova@yandex.ru

УРБАНОНИМЫ ГОРОДА ВЛАДИМИРА

Аннотация. Статья посвящена урбанонимам города Владимира, рассмотрены названия улиц, площадей, парков и скверов, выявлены их структурно-грамматические и семантические особенности.

Урбаноним (урбóним) – это вид топонима, собственное имя любого внутригородского топографического объекта, в т. ч. агороним, годоним, название отдельного здания, хороним городской [3: 154].

В зависимости от того, к какому типу объекта относится наименование, существует типология урбанонимов по именуемому объекту. В связи с этим в ономастике выделяются следующие виды урбанонимов:

1) агороним – название городской площади, рынка [3: 27];

2) годоним – название линейного объекта в городе, в т. ч. проспекта, улицы, линии, переулка, проезда, бульвара, набережной [3: 50];

3) хороним городской – собственное имя части территории города, в т. ч. района, квартала, парка, сквера [3: 160].

Изучение урбанонимии города Владимира может представлять интерес с позиций описания особенностей городского топонимического пространства, поскольку в нём сохраняется информация о прошлом территории, а также отражаются современные тенденции номинации объектов.

Урбаноним является единицей языка, а следовательно, он обладает определёнными языковыми особенностями. Являясь словом, урбаноним характеризуется как с позиций семантики, так и с позиций грамматики. Остановимся на структурно-грамматическом аспекте урбанонимов города Владимира.

По структуре урбанонимы могут представлять собой одно слово (однословные названия) или словосочетания (составные названия). В основе каждого наименования лежит производящее слово той или иной части речи (для однословных наименований) или сочетание слов разной структуры (для составных урбанонимов).

Большую часть урбанонимов города Владимира составляют однословные наименования. В их основе могут лежать:

1) существительные:

а) в именительном падеже (ср., напр.: *ул. Варварка, ул. Майдан* и др.);

б) в родительном падеже (ср., напр.: *ул. Асаткина, ул. Бабушкина, ул. Батурина, ул. Белоконской, ул. Бородина, ул. Василисина* и др.).

2) прилагательные:

а) качественные (ср., напр.: *ул. Зелёная, ул. Красная, ул. Новая, ул. Светлая, ул. Солнечная, ул. Тихая* и др.);

б) относительные (ср., напр.: *ул. Горная, ул. Гороховая, ул. Восточная, ул. Западная, ул. Институтская* и др.).

Меньшую по количеству группу образуют составные урбанонимы, в основу которых положены следующие виды сочетаний:

1) прилагательное + существительное:

а) качественное прилагательное + существительное (ср., напр.: *ул. Большие Ременники, ул. Малые Ременники, ул. Студёная Гора* и др.);

б) относительное прилагательное + существительное (ср., напр.: *ул. Верхняя Дуброва, ул. Нижняя Дуброва, ул. Верхние Ямки* и др.);

в) притяжательное прилагательное + существительное (ср., напр.: ул. Годова Гора, ул. Княгинин Монастырь и др.);

2) прилагательное + прилагательное (ср., напр.: ул. Большая Нижегородская, ул. Большая Московская и др.);

3) числительное + прилагательное (ср., напр.: ул. 1-я Кольцевая, ул. 2-я Кольцевая, ул. 3-я Кольцевая и др.);

4) числительное + существительное (ср., напр.: ул. 24-го Декабря, ул. 16 лет Октября, ул. 8-го Марта, ул. 850-летия Владимира и др.);

5) аббревиатуры (ср., напр.: ул. МОПРа, ул. МЮДа, посёлок РТС и др.);

6) сращения (ср., напр.: ул. Верхне-Лыбедская, ул. Добросельская, ул. Красносельская, ул. Нижне-Лыбедская и др.).

В городе Владимире насчитывается довольно большое количество улиц. Для изучения их семантики мы составили их подробную классификацию.

Многие урбанонимы несут информацию о пространстве, в которое вписан называемый объект. При этом ведущими (наиболее значимыми) при мотивации названия могут быть различные характеристики:

1) физико-географическая характеристика пространства (ср., напр.: ул. Восточная, ул. Западная, ул. Студёная Гора, ул. Северная, ул. Южная и др.)

2) отношение к другому географическому объекту:

а) естественному географическому объекту:

– река (ср., напр.: ул. Клязьминская и др.);

– лес (ср., напр.: ул. Верхняя Дуброва, ул. Нижняя Дуброва и др.);

– сады (ср., напр.: ул. и пр-д Вишнёвые, улицы Садовая, Садоводческая и др.);

б) искусственному географическому объекту:

– церковь / храм (ср., напр.: ул. Вознесенская, ул. Георгиевская, ул. Княгининская, Константино-Еленинский проезд и др.);

- дорога (ср., напр.: *Суздальский проспект, ул. Большая Московская, ул. Большая Нижегородская, ул. Муромская* и др.);
- слобода (ср., напр.: *ул. Варварка, ул. Пушкарская* и др.);
- здание / предприятие / учреждение (ср., напр.: *Почтовый переулок, ул. Тракторная, ул. Университетская* и др.);
- город / посёлок (ср., напр.: *Левино поле, ул. Усти-на-Лабе, ул. Ставровская* и др.).

Значительная часть урбанонимов города Владимира связана своей семантикой с человеком. Так, названия могут нести информацию о следующем:

1) выдающийся человек:

а) композитор (ср., напр.: *ул. Балакирева, ул. Бородина, ул. Глинки, ул. Мусоргского, ул. Чайковского* и др.);

б) космонавт (ср., напр.: *ул. Гагарина*);

в) политический деятель (ср., напр.: *ул. Асаткина, ул. Бабушкина, ул. Батурина* и др.);

г) герой Советского Союза или России (ср., напр.: *ул. Василисина, ул. Ватутина, ул. Гастелло, ул. Доватора, ул. Зои Космодемьянской, ул. Героя России Кутузова* и др.);

д) поэт / писатель (ср., напр.: *ул. Гоголя, ул. Горького, ул. Грибоедова, ул. Лермонтова, ул. Маяковского, ул. Тургенева, ул. Чехова* и др.);

е) учёный (ср., напр.: *ул. Кулибина, ул. Ломоносова, ул. Макаренко, ул. Менделеева* и др.);

ж) художник / живописец (ср., напр.: *ул. Сурикова, ул. Художника Левитана, ул. Шишкина* и др.);

2) профессия человека:

а) профессия конкретного известного человека (ср., напр.: *ул. Диктора Левитана, ул. Художника Ив́анова, ул. Хирурга Орлова* и др.);

б) профессия живших здесь некогда людей (ср., напр.: *ул. Ново-Гончарная, ул. Ново-Ямская* и др.);

в) отсылка к профессии как дань уважения (ср., напр.: *ул. Строителей, ул. Учительская* и др.);

3) социальный состав населения (ср., напр.: *ул. Дворянская, Большая и Малая Мещанские, Солдатская слобода, ул. Подьяческая* и др.).

Некоторые названия по своей семантике связаны с определёнными событиями и мотивированы памятными датами (в основном это идеологические названия советской эпохи):

1) международные молодёжные события (ср., напр.: *ул. МЮДа, ул. Фестивальная* и др.);

2) исторические памятные даты (ср., напр.: *ул. 10-го Октября, ул. 16 лет Октября, площадь Победы, ул. Юбилейная* и др.).

Малая часть урбанонимов образована от названий тех или иных организаций:

1) политические организации (ср., напр.: *ул. МОПРа*);

2) молодёжные организации (ср., напр.: *ул. Комсомольская, ул. 1-я Пионерская*);

Остановимся отдельно на названиях парков и скверов. Мотивационных признаков, положенных в основу этих наименований, значительно меньше, чем в группе названий улиц:

1) наименование праздничной даты (ср., напр.: *парк им. 850-летия Владимира*);

2) фамилия выдающейся личности (ср., напр.: *Андриановский сквер, Левитановский сквер, парк им. А.С. Пушкина*);

3) идеологический концепт (ср., напр.: *парк «Дружба» – в честь установления партнёрских отношений с чешским городом Усти-на-Лабем*);

4) наименование, отражающее географическое положение (ср., напр.: *Загородный парк, парк Добросельский*);

5) специфика растительности (ср., напр.: *парк Липки*).

Таким образом, семантика владимирских урбанонимов весьма разнообразна: названия улиц несут информацию о пространстве, о человеке или группе лиц, об определённых событиях, в то время как в основу наименований парков и скверов положены такие признаки, праздничная дата, фамилия выдающейся личности, идеологический концепт, специфика растительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Носкова В. В. Лингвистическое наследие В. И. Тагуновой. Материалы для лингвокраеведческой работы студентов-филологов и учителей русского языка и литературы. Владимир: ВГПУ, 2005. 148 с.

2. Носкова В. В. Способы образования и основные структурные типы и модели владимирских топонимов // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект: Материалы шестой международной научной конференции. Владимир: ВГПУ, 2005. С. 146–150.

3. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: «Наука», 1978. 199 с.

4. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Издательство «Наука», 1973. 366 с.

5. Титова В. И. Владимир в волшебном зеркале топонимии: история города в названиях его улиц, переулков, площадей и др. Владимир: Транзит-ИКС, 2012. 232 с.

ПЕРЕСЫПКИНА Ксения Андреевна (*Санкт-Петербург, Россия*)

студент

Санкт-Петербургский государственный университет

ksyu.peresyapkina.03@mail.ru

Научный руководитель

ЧЕРДАКОВ Дмитрий Наилевич (*Санкт-Петербург, Россия*)

старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет

«ОТ ВСЕХ И НАВСЕГДА»: ИНСКРИПТЫ НА ОБОРОТЕ ФОТОГРАФИЙ В ДИАХРОНИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Аннотация. Статья посвящена дарственным надписям, сделанным на оборотной стороне фотографий в период с 1860 по 2003 год. Предпринимается попытка структурного и диахронического анализа инскриптов – выводится формула речевого жанра и комментируются некоторые обнаруженные явления.

Характерные письменные тексты малого объёма, «миниатюры “на случай”» [12], именуемые дарственными надписями или инскриптами, могут располагаться на различных материальных носителях и классифицироваться в соответствии с ними. Так, дарственные надписи распределяются в две большие гетерогенные группы: «бумажные» и «предметные». «Предметные» инскрипты (например, фразы на антиквариате) привлекали внимание в первую очередь тех исследователей, чьи научные интересы связаны со вспомогательными историческими дисциплинами. «Бумажные» дарственные надписи – инскрипты на книгах, фотографиях, издательских оттисках, портретах – по понятным причинам входят в область филологических исследований. Наиболее подробно лингвистически описаны книжные дарственные надписи [1, 3, 9, 13, 14]. Фотографическим инскриптам, ставшим объектом данного исследования, также посвящён ряд работ [2, 5, 6, 10], но ни одну из них нельзя признать исчерпывающей.

Материалом нашего исследования, в определенной мере заполняющего образовавшуюся лакуну, стали дарственные надписи, оставленные на оборотной стороне фотоснимков (это основное место расположения фотографических инскриптов [2, 6]). Типичным примером дарственной надписи можно считать фразу: *Многоуважаемой Нине Александровне от товарища М.М. Корякина на добрую память 1885 1 мая*. Пятьсот проанализированных текстов были получены из трёх архивов: архива «История России в фотографиях» [8], архива Государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации [4], личного архива, сформированного после фольклорной экспедиции студентов СПбГУ в деревню Сояну Мезенского района Архангельской области [11]. Инскрипты извлекались методом частичной выборки при использовании встроенной фильтрации на сайтах.

На этапе сбора материала стала очевидна необходимость введения чёткого критерия, который бы позволил обработать массив

данных. Таковым мы посчитали наличие или отсутствие «импульса дарственности» – свойства, присущего любому инскрипту и указывающего, что в тексте обозначается акт передачи.

На основе исследованных фотографических дарственных надписей можно сделать вывод, что «импульс дарственности» реализуется в обязательном речевом компоненте, соотнесённом либо с образом адресанта, либо с образом адресата, либо с совокупным образом адресанта-адресата («сообразом»), либо с образом даримого («предмета»). Так, фраза *И. О. Авилову* является инскриптом: в ней присутствует апелляция к образу получателя. Отметим, что при характеристике инскриптов нами были использованы переменные: D – для образа дарителя, P – для образа получателя, R – для образа дарителя-получателя, S – для образа даримого.

Стандартизованность структуры дарственных надписей тем не менее оставляет пространство для самовыражения языковой личности. Для отображения реальной картины речевого разнообразия нами, помимо понятия «образ», вводится понятие «способ»: образы, к которым отсылает «импульс дарственности», могут реализовываться тремя способами, выделяемыми на основании семантических и грамматических признаков.

Индекс «1» обозначает наименование участников ситуации дарения, например: D1 – *от родственно расположенной тети Лизы* или *Искренно уважающий А. Спендиаров*; P1 – *Дорогому Грише Стасенко* или *Для Бондарь Александры*.

Индекс «2» обозначает характеристику связи между участниками, выраженную именем или именной группой, например: D2 – *в знак глубокого уважения* или *от души*; P2 – *На долгую память* или *на счастье*; R2 – *как воспоминание о нашей дружбе* или *на память о нашей встрече в Ялте*.

Индекс «3» обозначает характеристику связи между участниками, выраженную одной или несколькими предикативными единицами, например: D3 – *посылаем эту фотографию* или *Прошу беречь не нужно жечь*; P3 – *Сохраните воспоминание о прошлом* или *Не падай духом, что ты болен, все это пройдет*; R3 – *Когда мы будем в разлуке, не будем знать, где ты, где я, тогда возьми карточку в руки и вспомни про меня* или *Если в жизни продете много то ты вспомни меня, и тебе я на подмогу готов как другу придти всегда*.

Таким образом, структура фотографических дарственных надписей может быть представлена в виде варьируемой по количеству элементов формулы. В инвариантном виде она десятирична: $D1+P1+D2+P2+R2+D3+P3+R3+Q+S$. Образ дарителя и образ получателя могут быть реализованы всеми тремя способами, совокупный образ дарителя-получателя – вторым и третьим способами. Выделяющийся образ даримого (*Дорогой Марье Александровне наша последняя карточка. С. Р.* или *Подарок уважаемому Хасан эфенди 1906 18 января*) и обозначаемый переменной Q, лишённый «импульса дарственности» факультативный компонент не имеют устойчивых структурных характеристик, поэтому числовые индексы им не присвоены. Последний может представлять собой хронометрические, географические, биографические подробности, афористические или эмоционально окрашенные высказывания, цитацию и иные дополнительные сведения. Например, переменной Q мы обозначили следующие фразы: *Родилась 1844 г. снималась 5-го января 1912 г.; Фото на практике в Забайкалье. Таежное болото – каптус; Счастье всегда на стороне отважного и смелого*.

Добавим, что все элементы формулы фотографического инскрипта разделены нами на две группы: связанные (непрерывно сочетаются с дарственными элементами, например D2) и свободные (выступают единственным носителем «импульса дарственности», например P3).

Обзор элементов, входящих в состав дарственных надписей, можно было бы детализировать, однако нам представляется важным остановиться на диахронических аспектах обсуждаемого явления.

Первый из пятисот исследованных инскриптов датируется 1860 г., а последний – 2003 г. Приводим таблицу, отражающую хронологическое распределение дарственных надписей и частотность структурных элементов, выделенных в их составе:

Период	Инскрипты	Элементы
1851– 1860	1	D1 (1); P1 (1); D2 (1); Q (1)
1861– 1870	4	D1 (4); P1 (3); D2 (1); P2 (2); D3 (1); Q (4)
1871– 1880	6	D1 (4); P1 (6); P2 (1); P3 (1); Q (5)
1881– 1890	29	D1 (23); P1 (25); D2 (1); P2 (14); R2 (2); D3 (1); P3 (1); Q (23)
1891– 1900	47	D1 (39); P1 (41); D2 (4); P2 (29); D3 (2); P3 (3); R3 (1) Q (35); S (1)
1901– 1910	82	D1 (61); P1 (74); D2 (3); P2 (57); R2 (3); D3 (4); P3 (7); Q (59); S (1)
1911– 1920	59	D1 (51); P1 (53); P2 (42); R2 (2); D3 (9); P3 (8); R3 (2); Q (40); S (1)
1921– 1930	37	D1 (29); P1 (32); D2 (1); P2 (20); R2 (2); D3 (4); P3 (5); R3 (1); Q (29); S (4)
1931– 1940	33	D1 (28); P1 (30); D2 (2); P2 (26); R2 (1); D3 (4); P3 (5); R3 (1); Q (28)
1941– 1950	63	D1 (57); P1 (60); D2 (3); P2 (42); R2 (1); D3 (6); P3 (12); R3 (1); Q (52)
1951– 1960	65	D1 (59); P1 (60); D2 (2); P2 (46); R2 (4); D3 (7); P3 (16); R3 (1); Q (57)
1961– 1970	28	D1 (23); P1 (23); D2 (1); P2 (13); R2 (3); P3 (5); R3 (2); Q (22)
1971–	26	D1 (22); P1 (25); P2 (12); R2 (1); Q (20); S (1)

1980		
1981– 1990	17	D1 (15); P1 (15); D2 (3); P2 (6); R2 (2); D3 (2); Q (8)
1991– 2000	2	D1 (2); P2 (1); Q (2)
2001– 2010	1	D1 (1); P1 (1); D2 (1); Q (1)

Нами был охвачен каждый пятилетний промежуток полуторавекового диапазона. Датировки большинства инскриптов выстраиваются в непрерывный ряд, последовательно охватывающий все года указанного временного промежутка; исключением являются вторая половина XIX в. и конец XX – начало XXI вв., что связано с экстралингвистическими факторами. В первом случае таким фактором следует считать постепенное распространение фотографической культуры во второй половине XIX столетия, которое в конечном счете привело к интегрированию снимков в жизнь социума и появлению дарственных надписей на них. Во втором случае, на рубеже XX–XXI веков, значимым фактором является широкое распространение цифровой фотографии и сети Интернет. Опираясь на приведённую выше таблицу, можно заключить, что популяризация фотографии и, как следствие, появление большого количества фотографических инскриптов приходится на 1880–1890-е гг., а угасание бумажной фотографической культуры – на 1990-е гг.

Таким образом, активное бытование фотографических инскриптов продолжалось примерно в течение одного века. Мы хотели бы рассмотреть некоторые аспекты этого феномена.

Главное, что следует отметить, – это отсутствие качественных изменений в формуле инскрипта на протяжении столетия. Подтверждением служит таблица, помещённая выше: в течение всего временного промежутка наиболее частотны элементы P1 (наименование получателя), D1 (наименование дарителя), P2 (обозначение явления из

психоэмоциональной сферы получателя), Q (факультативный компонент). Образ получателя явлен ярче, чем образ дарителя (инскрипт – «адресно ориентированная запись» [7: 60]). Косвенным доказательством этой стабильности является абсолютное совпадение формул первой и последней рассмотренных нами дарственных надписей: D1+D2+P1+Q (*Платону Анемподистовичу Радонежскому в знак памяти. Николай Богацкий. Флоренция, 19 февр. – 2 марта 1860 года; Музею-истории // г. курорта Сочи // с благодарностью и // уважением // вдова лётчика-космонавта СССР // Шонина Галина // Аркадьевна // 15.6.2003 г. // (личная подпись)*). Единство речевой ситуации и интенции адресанта, устойчивость структурных компонентов, повторяемость речевых формул позволяют заключить: дарственные надписи, находящиеся на внутренней стороне фотоснимков, являются речевым жанром.

Действительно, формула не нарушается ни историческими обстоятельствами, ни изменившимися социокультурными и мировоззренческими ориентирами и сохраняет свою структуру при любом социальном статусе и культурном уровне коммуникантов. Внешние факторы не влияют на ядро речевого жанра, но их воздействие всё же небезынтересно.

Все изменения в языковом наполнении дарственных надписей связаны с процессом исторического развития. В XIX в. возможность сделать фотоснимок и оставить на нём инскрипт была привилегией узкой прослойки общества. Дарственные надписи этого периода пишутся интеллигентами для интеллигентов: *Платону Анемподистовичу Радонежскому в знак памяти. Николай Богацкий. Флоренция, 19 февр. – 2 марта 1860 года* (П.А. Радонежский – камерный певец, артист Императорской Московской русской оперной труппы; Н.Т. Богацкий – живописец). Затем, в связи с постепенным проникновением фотографического дела в массы, создание

дарственных надписей на обороте фотоизображений распространилось, а содержание инскриптов стало более разнообразным лексически и стилистически. Расширение социальной базы описываемой практики ярко иллюстрируется следующей надписью, сделанной в 1944 г.: *На долгую и добрую память от сына Федора Мамаши Василисе Степановне Губановой. Мама посмотри как я выглядоваю через 6 лет и 1 месяц как мы с Вами виделись. Мне кажется я еще в здравии крепкий надеюсь хватит силы чтоб добить немчуру и встретица с тобой мама.*

Об основных экстралингвистических сдвигах можно судить по текстам дарственных надписей: элитарность сменилась массовостью, индивидуальность – коллективностью. Одним из заметных явлений можно считать существование в XX в. не только «личных» инскриптов, которые создаются от частного лица частному лицу, но и «официальных» дарственных надписей [9]: как от учреждения – человеку (*От коллектива производственного объединения Башмебельбыт. г. Уфа. 8.07.92 г.*), так и от человека – учреждению (*Енисейскому краеведческому музею – от Ант. Из. Малютиной, профессора, члена СП СССР. Февраль 1984 г.*).

Конкретные исторические события также находят отражение в текстах инскриптов: *Православные христиане города Нагоя в Японии. На память Русским военнопленным в 1905 году; На память пролетарской революции С. А. Ивановой-Широниной. От соратника. С.И. Фролов. 29.III.1919г; На добрую память дочке Вале от папы в дни Финской кампании 1940 года. Слева направо – Корнов Тимофей, Видяпин Иван Васильевич, Ярошенко Иван Лаврентьевич. 1940 год.* Наглядна эволюция названий упоминаемых праздников: *На память в день Ангела, дорогой маме 3 февраля 1891 года. От Верушки или На память моим родителям Папи, Мами, Нилы и Вали от вашего сына и*

брата в день празднования XXII-ой годовщины. 23 февраля 1940 год.

Кажется, ключевой жанрообразующей, но не структурной характеристикой дарственных надписей является их способность к нюансировке межличностных отношений. Инскрипты не просто документируют существование социальных связей, они сами представляют собой один из атрибутов отношений в обществе. Следствие первой функции – систематическое «проговаривание» социальных ролей и статусов (*На доброю память **Зятю и Дочери. Федору Марковичу Кривошею***), подчёркивание взаимосвязанности положений (*На память моим **родителям Отцу и Матери от вашего родного Сына Сергея Карповича Подушкина** или **На память любимой учительнице от любящей ученицы Е. Молевой. 1905 года 23 февраля***). Следствие второй функции – частое использование гипокористик и перифраз, в полной мере понятных только ограниченному кругу людей (*Милому **Славчику 1900 17 июля** или **Милой предшественнице во многих ощущениях от ученицы, опередившей этим летом свою наставницу. Или хрустальному сердцу, наконец растаявшему к моей великой радости, даже в такой холодной стране, как Москва. 13 ноября 1904 г.***). Явление «горизонтальных» и «вертикальных» дарственных надписей, обнаруженное Л.П. Авдониной на материале книжных инскриптов [1: 9–10], актуально и для рассматриваемых нами текстов. Основная их часть адресуется равным по статусу, «по горизонтали», но есть и инскрипты с подчёркнутым несоответствием (они написаны «снизу – вверх», «по вертикали»): *Александре Доримедонтовне Кочетовой в знак глубокого уважения от ея искренняго поклонника Николая Рубинштейна. Москва 29 апреля 1866 год.* Такое противопоставление, конечно, более актуально для дореволюционного периода.

Подводя итог, можно сказать, что дарственные надписи на внутренней стороне фотографических снимков были структурно прочным и лексически гибким жанром, в высшей степени отзывчивым на исторические и социальные трансформации.

По мнению И.В. Евсеевой и С.В. Кулаковой, рукописная подпись к фотографии является «уходящим видом текста» [6]. В том виде, в котором инскрипты рассматривали мы, – они, вероятно, являются ушедшим видом текста. Во всяком случае, ушедшим как массовое явление. Генезис широко используемых в настоящее время текстов-подписей к цифровым аналогам бумажных фотографий можно связывать с проанализированным нами феноменом. Однако структурный и социокультурный анализ таких надписей – предмет исследования иной работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдоница Л. П. Книжный инскрипт: речевого жанра или дискурса? // Анализ проблем и поиск решений повышения результативности современных научных исследований: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. А. Сукиасян. Уфа: ОМЕГА САЙНС, 2020. Ч. 2. С. 5–11.
2. Бойцова О. Ю. Поэтические инскрипты на фотографиях // Живая старина. 2006. № 3. С. 7–10.
3. Воробьева И. В. За строкой дарственной надписи // Вузовская библиотека XXI: Перспективы развития: материалы науч.-практ. конф. / отв. ред. Н. Д. Никитина. Чебоксары: ЧГУ им. И. Н. Ульянова, 2017. С. 41–47.
4. Государственный каталог Музейного фонда РФ // Виртуальный архив. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/> (дата обращения: 14.11.2022).
5. Евсеева И. В., Кулакова С. В. Типы фотоснимков и сопутствующие им подписи // Человек и язык в коммуникативном пространстве. V Междунар. филол. чтения. Красноярск – Лесосибирск: СФУ, 2014. Т. 5. С. 20–26.
6. Евсеева И. В., Кулакова С. В. Фотография как особый вид текста // Современные проблемы науки и образования [сетевое издание]. 2015. № 2(1). URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=21228> (дата обращения: 04.04.2023).
7. Евсеева И. В., Морозова А. Д. Речевого жанра «автограф автора на книге» // Жанры речи. 2017. № 1(15). С. 58–65.
8. История России в фотографиях // Виртуальный архив фотоснимков, созданных в Российской империи, СССР и России в период с 1840 по 1999 годы включительно. URL: <https://russiainphoto.ru> (дата обращения: 07.10.2022).
9. Косых Е. А. Дарственная надпись-автограф в системе речевого действия автора // Русская словесность в России и Казахстане: аспекты интеграции: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. И. Габдуллина. Барнаул: Алтайская гос. пед. академия, 2013. С. 389–392.
10. Косых Е. А. Инскрипт военных фотографий в дискурсе Великой Отечественной войны // Историческая память молодежи о Великой Отечественной

войне: социально-гуманитарные и психолого-педагогические аспекты исследования и формирования: материалы Всерос. науч. конф. / отв. ред. Н. А. Матвеева. Барнаул: АлтГПУ, 2015. С. 192–195.

11. Личный архив летней фольклорной экспедиции СПбГУ 01. – 24.07.2022 года.

12. Ломан А. П., Земсков В. Ф. Дарственные надписи С. А. Есенина (инскрипты) // Русская литература. Л., 1970. № 3. URL: <http://feb-web.ru/feb/kle/KLE-abc/ke9/ke9-2602.htm> (дата обращения: 07.04.2023).

13. Морева О. В. «На добрую память дорогому другу»: инскрипт на книге // Архивы Урала. 2018. № 22. С. 169–178.

14. Эфендиева Г. В., Потапова А. С. О чем говорят инскрипты: Дарственные надписи на книгах харбинских поэтов // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: Этнокультурные процессы в политическом контексте / отв. ред. А. П. Забияко. Благовещенск: АмГУ, 2013. Вып. 10. С. 298–322.

ПОНКРАТЕНКОВА Анастасия Владимировна
(Горловка, Россия)

аспирант

Донецкий государственный педагогический университет
a_ponkratenkova@mail.ru

Научный руководитель

ГЕРАСИМЕНКО Ирина Анатольевна (Горловка, Россия)

доктор филологических наук, профессор

Донецкий государственный педагогический университет

РЕЧЕВОЙ ЖАНР ВОСПОМИНАНИЕ В СЕМЕЙНОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Работа посвящена описанию функционирования речевого жанра воспоминание, а также его роли в семейном дискурсе. Рассматриваются структурные особенности жанра, стратегии и тактики, которые используют коммуниканты в момент реализации речевого жанра воспоминание.

Ключевые слова: речевой жанр, воспоминание, семейный дискурс, семья, поколение.

Abstract. The work is devoted to the description of the functioning of the speech genre of memory, as well as its role in family discourse. The structural features of the genre, strategies and tactics that are used by communicants at the time of realization of the speech genre of memory are considered.

Keywords: speech genre, memory, family discourse, family, generation.

Семья является одним из важнейших аспектов формирования личности, сохранения культуры и традиций, передаваемых из поколения в поколение. В последние годы в нашей стране всё больше внимания уделяется демографической ситуации и сохранению традиционных семейных ценностей. Как следствие, 2024 год объявлен Годом семьи.

Н.Л. Мысливец подчеркивает: «Общеизвестно: важнейшим агентом социализации, транслирующим накопленный предыдущими поколениями социальный опыт, является семья. От того, насколько эффективно она выполняет данную роль, зависят мировоззренческие установки социализируемых, их жизненные ориентиры. Влияние семьи на процесс социализации личности подростка проявляется как на макро-, так и на микроуровне. В первом случае речь идет о выполнении семьей как социальным институтом двух взаимосвязанных общественно значимых функций: это функция социализации молодого поколения и функция поддержания культурного воспроизводства общества. В каждой семье закладываются свои ценностные установки, что в дальнейшем во многом определяет культуру молодого человека. Для значительного числа молодых людей рассказы родителей о родословной их семьи принимаются на веру и являются основным источником получения таких знаний» [4: 71]. Конечно, основным способом передачи информации является речевое взаимодействие.

Многие отечественные исследователи обращались к изучению семейной коммуникации – А.Н. Байкулова, А.В. Занадворова, В.В. Звягинцева и др., однако практически отсутствуют работы, посвященные функционированию отдельных речевых жанров в семейном дискурсе.

Основатель теории речевых жанров (далее – РЖ) М.М. Бахтин, отмечал, что каждая область человеческой деятельности имеет определенный жанровый набор. Это, безусловно, относится и к семейному дискурсу.

Следовательно, существующая проблема общей закрытости семейного общения и недостаточная изученность речевых жанров в семейном дискурсе, делают наше исследование актуальным. Задачей данного исследования является определение РЖ воспоминание, его место и функции в семейном дискурсе.

Разработанная нами типология РЖ семейного дискурса, основанная на уже ставшей классической модели РЖ Т.В. Шмелёвой [5], предполагает разделение РЖ в соответствии с коммуникативными целями и уровнями эмоциональной связи коммуникантов.

Так, РЖ воспоминание, который является объектом исследования, относится к информативным жанрам семейного дискурса, улучшающим отношения коммуникантов.

«Воспоминание – 1. Мысленное воспроизведение чего-л. прошедшего, сохранившегося в памяти. 2. Записки или рассказы о прошлом, о своей или чьей-л. жизни; мемуары» [3: 152]. Мы опираемся на определение Т.А. Демешкиной, согласно которому РЖ воспоминание – это «рассказ, который удаётся в случае духовного и эмоционального сближения коммуникантов и нуждается в условии неспешного времяпровождения» [1: 101].

Отметим, что к данному жанру не относятся отдельные реплики, провоцирующие коммуникантов что-либо вспомнить (*помнишь / мы видели в том магазине?; помнишь / проезжали / когда ездили в Д.?*) – данные фразы являются частью РЖ бытовая беседа.

Мы рассматриваем РЖ воспоминание как фатический жанр семейного дискурса, который часто проявляется в РЖ семейная беседа и РЖ разговор по душам. Согласно нашим наблюдениям, РЖ воспоминание в семейном общении реализуется исключительно в устной форме.

О.П. Кормазина определяет внутреннюю типологию РЖ воспоминание, основываясь на таких жанрообразующих признаках, как образ автора, количество рассказчиков, объект воспоминания, вид диктумного содержания и образ адресата. Исследователь подчеркивает важность рассмотрения данного жанра с точки зрения самого рассказчика, т.е. критерия образа автора воспоминаний, и выделяет два типа РЖ воспоминание: 1) собственные воспоминания и 2) чужие

воспоминания. Подтипами собственных воспоминаний являются «воспоминания о себе» и «воспоминания о других» [2: 173]. Также жанрообразующим параметром РЖ воспоминание исследователь считает количество участников (для собственных воспоминаний) – индивидуальные и коллективные воспоминания.

В семейном дискурсе мы рассматриваем названные типы воспоминаний, учитывая, что они могут быть построены в форме монолога (индивидуальные воспоминания), особенно среди членов семьи старшего поколения: – *Мама говорила / рассказывала / меня дед с бабой на лето брали / после войны уже // Как самую маленькую / наверное // Больше никого / И не признавали // Она ж не за кого они хотели замуж вышла // Бабу Д.-то от семьи не отлучали // А наша мама вышла за кого хотела //*. Здесь видим, что представитель старшего поколения (бабушка) делится историей семьи. Источником её воспоминаний являются слова непосредственного участника событий – её матери, о чем сообщается в начале монолога.

Приведём ещё примеры: 1. – *Помню / Мне мама / я школу кончила / так сказала / чтоб шла и поступала на повара // Всегда рядом с едой // Пальто в училище из шинели пошили // Теплое // А тяже-е-елое //* – говорящий воспроизводит собственные воспоминания.

2: – *Дед Иван без вести пропал / Через год / наверное // Бабушка-то его не помнит // Да и старшие тоже / бабушка Нина / Галина // С четырьмя бабушка Таня осталась // И она ничего почти не рассказывала про него //* – в этом примере РЖ воспоминание является частью РЖ разговор по душам. Говорящий не указывает точное время или определенные события, а передает семейную информацию (отсутствие воспоминаний или нежелание делиться ими).

Коллективные воспоминания репрезентуются в форме диалога (коммуникативные партнеры могут апеллировать в своем рассказе-воспоминании к другим участникам этих событий): 1) – *Мы на даче в*

Москву ездили // Помнишь? В конец огорода / помнишь? 2) – Помню / конечно // Далекo так казалось шли! 1) – Да / наберем всего и пошли / все вчетвером...//. Или полилога, т. к. члены семьи имеют общее прошлое: 1) – Я вас тогда посажу в телегу и везу всех на дачу // 2) – Ага / к бабушке! А помнишь... 3) – Ага // как мы упали в лужу! 1) – Да // Все! 2) – Везла-везла чистых / а привезла // Грязнющие!

Отметим также, что несмотря на то, что признаками РЖ воспоминание являются длительность и неспешность рассказа, в семейном дискурсе встречаются воспоминания, состоящие из двух реплик (вопрос-ответ): 1) – *А помнишь, у меня был такой телефончик оранжевый?* 2) – *Конечно / помню!* Однако данная беседа по желанию коммуникантов может стать более развернутой.

В приведенных примерах мы видим фатическую коммуникацию, где каждый из говорящих придерживается стратегии кооперации. Коммуниканты используют тактики поддержки, согласия, реализованные с помощью языковых средств: *помнишь, ага, да, помню, конечно*. В ситуации, когда один из участников беседы не настроен на обмен воспоминаниями, может применяться тактика прерывания воспоминаний (*– Да / ты уже рассказывала*). Подчеркивают РЖ воспоминание глаголы, передающие источник информации (*мама говорила, рассказывала, помню*), а глаголы настоящего и будущего времени в рассказах выполняют функцию «возвращения» коммуникантов в прошлое (*наберём, посажу, везу*).

Как сказано выше, семейная коммуникация, в частности РЖ воспоминание, реализуется в устной форме, речь коммуникантов является спонтанной, т.е. воспроизводится без предварительного обдумывания, что выражается в построении предложений говорящих. Основу данных диалогов составляют неполные предложения. В речевом потоке говорящие могут заменять или опускать словоформы (*Она ж не за [того], кого они хотели замуж вышла //; Мне мама / [когда] я школу*

кончила /; С четырьмя [детьми] бабушка Таня осталась), в таких предложениях лексико-семантические связи восстанавливаются из контекста.

В предложениях часто нарушается порядок слов, это объясняется тем, что автор воспроизводит слова в той последовательности, которая возникает в его сознании (ср.: *И она ничего почти не рассказывала про него //; Пальто в училище из шинели пошили*).

Также особенностью диалогов являются лексические повторы, подчеркивающие эмоциональность высказывания: *Помнишь? В конец огорода / помнишь?; Везла-везла чистых*.

Отметим, что упомянутые выше особенности устной коммуникации семейного дискурса, связанные с порядком слов, полнотой и границами предложений, являются нормой для разговорной речи и не препятствуют пониманию собеседников.

В семейном дискурсе воспоминания – своеобразный «семейный альбом». Здесь истории семьи почти столетней давности (*– Бабушку хотели замуж за / выдать за богатого/ а она отказалась / вышла за деда Ивана / вот от неё семья и отказалась*) и сравнительно недавние события (*– А Макарёха / когда родился снег шёл / помнишь?*).

Таким образом, РЖ воспоминание, улучшающий эмоциональную связь членов семьи, является неотъемлемой и важной частью семейного общения. Информация, передаваемая в воспоминаниях из поколения в поколение, играет роль внутреннего регулятора поведения молодёжи, имеет воспитательную функцию, а также способствует объединению членов семьи в процессе обмена воспоминаниями, что, безусловно, улучшает отношения коммуникантов. Перспективным для нашего исследования является описание РЖ семейного дискурса, улучшающих отношения коммуникантов (пересказ, сплетни, чтение ребёнку и др.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Демешкина Т.А. Речевой жанр «Воспоминание» и его воплощение в диалектной речи // Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. – Томск: Изд-во Томского университета, 2000. – 190 с.
2. Кормазина О.П. Воспоминание как жанр разговорной речи: к проблеме типологии // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2014. – Т.1, №2. Филология. – С. 172–180.
3. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов; РАН, Ин-т лингвист. исслед. – Санкт-Петербург: Норинт, 1998. – 1535 с.
4. Мысливец Н.Л. Память о прошлом в семейных воспоминаниях: из опыта социологической рефлексии // Социологический альманах. – Минск: «Белорусская наука», 2020. – Выпуск 11. – С. 67–75.
5. Шмелёва Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи: сборник научных статей. – Саратов: Изд-во Государственного учебно-научного центра «Колледж», 1997. – С. 88–99.

СЕКИРО Ольга Олеговна (*Санкт-Петербург, Россия*)

аспирант, младший научный сотрудник
Институт лингвистических исследований РАН
olgasekiro@yandex.ru

Нучный руководитель
КАЛИНОВСКАЯ Валентина Николаевна (*Санкт-Петербург, Россия*)
кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
Институт лингвистических исследований РАН

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ МЕТАФОРЫ «ОРГАНИЗМ-ГОСУДАРСТВО» В ПУБЛИЦИСТИКЕ И. С. АКСАКОВА

Аннотация. В статье предлагается анализ лексических средств выражения метафоры «*организм-государство*» в публицистике И.С. Аксакова. На материале очерков, посвященных «славянскому вопросу», рассматриваются слова ***организм, недуг, болезнь*** и др. Они классифицируются с точки зрения происхождения и употребления и выделяются в тематические группы; определяется семантическая структура метафоры у данного автора. Отмечается формирование у лексики духовно-нравственного компонента значения. Общественно-политические значения лексики, обозначающей органические процессы, связаны как с общими тенденциями развития литературного языка («секуляризацией»), так и с религиозно-нравственным авторским осмыслением.

Ключевые слова: русский язык XIX века, публицистика И.С. Аксакова, историческая лексикология, естественно-научная терминология, метафора

Abstract. Current article is dedicated to the lexical expression of the “*state-organism*” metaphor in Ivan S. Aksakov’s journalism. On the material of articles about the “Slavic issue” vocabulary under consideration (such as ***organism, nedug, bolezn***’ etc.) is classified thematically and from the point of view of its origin and usage. Thus the metaphor’s structure in Aksakov’s articles is revealed. The spiritual-ethic component in vocabulary’s semantics is discovered. Thereby social and political meanings of vocabulary

representing organic phenomena can be caused by general tendencies of the Russian standard language development (secularization) and by author's religious and moral understanding as well.

Keywords: Russian language of the 19th century, Ivan S. Aksakov's journalism, historical lexicology, natural science terminology, metaphor.

Семантическое развитие терминологической лексики, в том числе естественнонаучной, в русском литературном языке XIX в. составляют одно из основных тенденций эволюции словарного состава. Они являются проявлением общего процесса движения «от обозначения конкретно-вещественных, материальных признаков, бытовых явлений к выражению явлений психического, мировоззренческого, социального порядка» [Сорокин 1961: 36]. В исследованиях русского языка XIX в. в исторической перспективе этому вопросу уделяется заметное место [см.: Сорокин 1965; Лексика 1981 и др.]. В данных работах указанные семантические процессы анализируются на материале авторов преимущественно революционно-демократического направления. Так как отмеченная исследователями тенденция к общественно-политическому осмыслению научной терминологии и иной лексики с конкретно-вещественной семантикой была характерна для языка общественной полемики в целом, для объективной научной картины необходим анализ словоупотребления авторов различных направлений [см.: Бельчиков 1974: 115]. Произведения авторов-славянофилов не составляют исключения в этом отношении. Данное направление, наряду с западниками, занимало одно из центральных мест в общественно-политической дискуссии. Среди текстов авторов-славянофилов, на наш взгляд, особое значение для изучения лексико-семантической составляющей русского языка XIX в. имеют произведения И.С. Аксакова. Он являлся не просто хранителем: исследователи отмечают почти религиозное отношение Аксакова к идеям славянофилов старшего поколения [Тесля 2015: 178]. Аксаков искал пути практического применения идей к актуальной социально-политической жизни

[Валицкий 2019], ввел их в широкий круг общественной дискуссии [Тесля 2015]. Поэтому в его словоупотреблении те или иные семантические процессы, обусловленные влиянием славянофильских идей, отразились в более зрелом, завершенном виде. Вследствие этого возможно определить их роль в общем развитии лексико-семантической системы.

Развитие переносных расширительных значений у естественно-научной и медицинской терминологии и иной лексики, обозначающей органические процессы и явления, основывалось с 30–40 гг. XIX в. в публицистике в целом на метафоре «*организм-государство*», которая была «основой префигураций, господствующих в цивилизованных теориях» в XIX в. [Касимов 2019: 12]. В русском языке она была усвоена через развитие семантики слова **организм**: в публицистике и научной прозе «слово *организм* <...> обозначало также совокупность любых явлений, имеющих закономерное внутреннее развитие. Именно в этом смысле с 30–40-х гг. употребляется также и прил. *органический* (в противоположность *механическому*). В этом смысле говорилось и об организме общества, государства, науки, языка и т. п.» [Сорокин 1965: 431–432]. «Эти постоянные метафоры, эти сознательные сопоставления живого организма с организмом общественным, государственным и т. п. занимали центральное положение. Именно они облегчали и объясняли во многом появление новых переносных осмыслений у многих слов-терминов биологии и медицины» [Там же].

Начиная с 30–40-х гг. XIX в. ключевую роль в характере словоупотребления имела культурно-идеологическая позиция авторов [см.: Бельчиков 1974; Успенский 1994]. Поэтому лексика, выражающая метафору «*организм-государство*», приобретала разные контекстуальные значения у авторов, принадлежащих к различным «лагерям», несмотря на системный характер данной метафоры [Старовойтова 2020: 316]. У авторов революционно-демократического

направления, например, у Д.И. Писарева, метафорическое уподобление социальных процессов органическим основано на «убеждении в возможности применить естественно-научный метод к разрешению общественных вопросов» [Сорокин 1949: 171], популяризации новых научных теорий, материалистического мировоззрения [Там же]. В произведениях И.С. Аксакова реализация метафоры организма-государства имеет иную концептуальную обусловленность:

А) В контексте славянофильских идей на ее осмысление повлияла одна из идей немецкого романтизма («особый путь» России соответствует *Deutscher Sonderweg*). Связь славянофильской мысли и немецкого романтизма отмечали многие исследователи [Фатеев 2009; Валицкий 2019 и др.]. В одном из предыдущих исследований мы описывали специфику «органической формы», противопоставленной форме «механической» в трудах немецкого романтика А. Шлегеля [см. Секиро 2020]

Б) В то время, как у публицистов-материалистов слово **организм** замещало такую лексику, как *человек, существо, личность*, а естественно-научная терминология приобретала общественно-политическое звучание в связи с изменением представлений о психической деятельности человека и животных [Сорокин 1949: 161], реализация метафоры организма-государства в аспекте выбора лексики и ее функционирования была обусловлена установкой на «синтез религиозной и светской культур» [Чапаева 2008: 31], представление о котором сложилось под влиянием идеи Г. Гегеля о «возвращении к общему» [Валицкий 2019: 345–346].

Вследствие влияния философских и религиозных концепций на словоупотребление славянофилов, можно предположить, что метафора организма-государства в текстах И.С. Аксакова реализуется не только с помощью терминологии, но и иных с точки зрения происхождения и употребления лексических средств. Тематическая классификация слов,

а также определение особенностей их употребления производится нами на материале текстов очерков, посвященных так называемому «славянскому вопросу», то есть борьбе славянского населения на Балканах за независимость, и образованию национальных государств. Данный цикл, входящий в первый том дореволюционного собрания сочинений (см. литература, п. 1), выбран, во-первых, ввиду его чрезвычайной актуальности для современников [см.: Аксаков 1886: 5]. Во-вторых, в данном цикле очерков, наряду со статьями, посвященными «польскому вопросу», метафора «организм-государство» «проходит красной нитью через тексты» [Старовойтова 2020: 316]. Круг слов, рассматриваемых в данной статье, включает 78 единиц.

Лексика, используемая в публицистике И.С. Аксакова, принадлежит к разным сферам употребления. Наиболее многочисленна естественно-научная (*клетка, корпус, туловище, организм, физиологический* и др.) и медицинская терминология (*конвульсия, нарыв, горячка, кровообращение, воспалительный, симптом, генезис, малокровие, нерв, операция, паллиативный, парализовать, пациент, психия, пульс, самочувствие, эмбриологический, близорукость, дальновзоркость, хронический, воспалительный* и специальная лексика из иных сфер употребления (*охолостить*). Наряду с лексической и семантической неологией XIX в. (*паллиативный, клетка, генезис, самочувствие, бесплодие, дальновзоркость, парализовать, эмбриологический* и др.), большую часть составляют слова, известные русскому литературному языку с XVIII в.: *агония, конвульсия, кровообращение, операция, пациент, воспалительный, корпус, нарыв, воспалительный, инстинкт, инстинктивный* и др. [СРЯ XVIII]. Некоторые из них приобрели переносные расширительные значения еще в XVIII в. (например, *нерв, близорукий*), но большая часть слов получила общественно-политические значения в 30–40-е гг. XIX в. в рамках отмеченной

исследователями тенденции [Сорокин 1965: Лексика 1981 и др.].
Материал «Словаря русского и церковнославянского языка» 1847 г., по словам Ю.С. Сорокина, отстающего от живого употребления [Сорокин 1965], не позволяет сделать объективные выводы о наличии или отсутствии общественно-политического осмысления у того или иного слова. Среди неологии XIX в., помимо заимствований, обнаруживается небольшое число новообразований от различных основ отвлеченного характера, являющихся результатом актуальных словообразовательных процессов XIX в. (*хворость, неразвитость*), а также композитов (*самоврачевание*), в том числе авторских окказиональных образований (*болезненно-нравственный*).

Метафора «организм-государство» может выражаться с помощью слов следующих групп: общеупотребительной лексики (*здоровье, больной, заболеть, гнить, старческий, сердце, рана* и др.), а также слов русского происхождения типа *калека, недоносок, недоросток*, которые приобретают резко негативные коннотации в публицистике, лексики книжнославянского и русского происхождения, функционирующей в русском языке с донациональной эпохи: *недуг, язва, заразить, зараза, немощь, страждать, расслабленный* [Сл XI–XVII; Цейтлин 1994].

В составе лексики, выражающей метафору организма-государства, можно выделить следующие подгруппы: 1. 'возраст': *эмбриологический, новорожденный, малолетство, отроческий, одряхлеть, старческий*; 2. 'организм и его составляющие': *организм, органический, тело, нерв, психия, корпус, клетка, член, туловище, плоть*; Слово *психия* рассматривается как эмоционально-психическая составляющая организма в связи с уподоблением автором государства, общества с человеческой личностью, как будет показано далее. 3. 'болезнь', 'болезненное состояние': *симптом, страждать, недуг, судороги, язва, конвульсия, припадок, немощь, бесплодие,*

генезис (болезни), *расслабленный, инвалид, неметь, проказа, рана, осложнение, болеть, болезненно-нравственный, удушье, захворать, заболеть, хворость, агония, больной, выронок, горячка, горячечный, воспалительный, калека, недоносок, недоросток, неразвитость, нарыв, малокровие, осложнение, разрез, близорукость, дальновзоркость, хронический*; 4. 'действия, провоцирующие болезненное состояние': *парализовать, изъязвить, заразить, охолостить, операция* (у И.С. Аксакова негативно), *оскопить*; 5. 'состояние, признаки слабости' (*хилый, хилеть, истощение, худосочный, тощий, слабосильный, немощь*); 6. 'разрушение' (*труп, гнить, разлагаться, смерть*). 7. 'жизнедеятельность организма; ее оценка': *кровообращение, питание, развитие, рост, пульс, инстинкт, инстинктивный, самочувствие, физиологический*. 8. 'здоровье': *пациент, паллиативный, выздоровление, самоврачевание, залечить, здоровье*. О.А. Старовойтова выделяет такие подгруппы лексики, выражающей данную метафору, как 'болезнь...', 'пятно, рана...', 'вещества, вызывающие порчу', 'разнообразные единицы, передающие болезненное состояние', в том числе описывающие психические отклонения [Старовойтова 2020: 328].

Функционирование рассматриваемой лексики, выражающей в публицистике И.С. Аксакова метафору организма-государства, имеет следующие особенности. В большей части контекстов рассматриваемые слова употребляются в качестве средств художественной выразительности: сравнений (см. п.1), олицетворений (п. 2), развернутых метафор (п.3).

Австрія, въ теченіи послѣднихъ 18-ти лѣтъ металась, какъ больной въ горячкѣ, отъ политической системы къ другой [Аксаков 1886: 133]. *Уже стучится въ двери исторія, - и «блаженъ рабъ его же (она) обрящетъ бдяща, недостоинъ же паки его же обрящетъ*

унывающа!» Горе намъ, если грядущія событія застануть врасплохъ нашу мысль; если русское общество, **словно недугомъ малокровія одержимое**, не стряхнетъ съ себя того гнетущаго унынія, <...> – лѣгкое умомъ, вялое сердцемъ! [Аксаков 1886: 760].

Наиболее частотными являются сравнения, связанные с характеристикой признака ‘болезни’.

Но западно-европейскій маневръ посредствомъ Турецко-европейской цивилизаціи не удался, нужно было иначе придать силы **одряхлѣвшему Осману**. <...> Никакіе гати-гумаюны не **уврачевали смрадныхъ язвъ умирающаго Османа**, и христіанскія племена отчасти подняли, а скоро и всѣ поднимутъ знамя возстанія [Аксаков 1886: 109]. Дѣло спѣетъ, но еще не поспѣло, и вникая пристальнѣе въ подробности дѣйствительной обстановки Восточнаго вопроса, можно, пожалуй, и не жалѣть о томъ, что дипломатія думаетъ продлить **агонію** своего **паціента** [Аксаков 1886: 122]. Не только за границею, но и у насъ дома, вошло въ моду представлять Россію во образъ какого-то, если не насмерть **раненаго, то тяжело-претяжко уязвленнаго, расслабленнаго инвалида**, которому не то-что радѣть о своемъ достоинствѣ и славѣ, но дай Богъ развѣ кое-какъ оправиться, хоть бы и съ грехомъ пополамъ... [Аксаков 1886: 340]. Не увѣнчайся эта война успѣхомъ, – Пруссія бы немедленно **захворала**, да и теперь предстояла предъ нами **хворую, худосочною, поникшею духомъ**. Но Пруссія вышла изъ войны **возвеличенною, въ могущество и славѣ, обновленною, преображенною**, – и ни малѣйшаго слѣда **физическаго истощенія и хворости!** [Аксаков 1886: 577]. <...> «Россіи обязательно **заболѣть**», писалъ онъ [Скобелев – О.С.], – она и **заболѣла дѣйствительно**: <...> [Аксаков 1886: 576].

Как правило, в данном цикле очерков объектами олицетворений чаще являются государства, являющиеся основными «политическими игроками» в Европе – Османская империя, Пруссия или Россия.

*Если **воспалительный** характер взаимных ненормальных отношений этих держав перешел в **хронический**, то здесь наоборот: **хронический недуг** западно-европейской политики, называемый Восточным вопросом, получает в настоящее время видимо **воспалительное** свойство [Аксаков 1886: 181]. **Нарыв** австромании в сербском правительстве **вскрылся** слишком рано и обнаружил предъ всемъ народомъ свойства тайно **созрѣвшаго недуга**: моментъ не очень-то удобный для провозглашенія князя королемъ Сербіи! [Аксаков 1886: 365]. <...> противорѣчіе оффиціального направленія внѣшней политики съ историческими фактами, съ естественнымъ **ростомъ и развитіемъ** русскаго государственнаго **организма**, создало нашей <...> политике репутацію «хитрой», «злокозненной», «вѣроломной», и вмѣсто полного довѣрія, котораго такъ искренно домогаются наши дипломаты, внушило Западу, напротивъ, **хроническое** недоувѣріе къ нимъ и **хроническую** боязнь Россіи [Аксаков 1886: 618].*

Экспрессивная сила развернутых метафор может быть велика: *Вся Россія – сплошная **язва** даже безъ несомнѣнной надежды на **выздоровленіе** [Аксаков 1886: 341].*

Помимо использования слов в составе средств художественной выразительности развернутого характера, в некоторых контекстах наблюдаются примеры единичного метафорического употребления терминологии при обозначении общественно-политических явлений. Например, слово **осложнение** используется для обозначения внешнеполитической напряженности между балканскими странами, которая может привести к войне: <...> *если бы державы успѣли, однимъ словомъ, не вынимая дрожжей изъ сосуда, запретить имъ бродить и*

такимъ образомъ упразднить столько негаданное-непрощенное «**осложнение**» политическаго *status quo* на Балканскомъ полуостровѣ, <...> будетъ, поверхъ общаго обновленнаго уровня, высовываться и торчать, выдвинутый событіями нѣкій новоявленный фактъ, въ коемъ отнынѣ залогъ постояннаго, самаго серіознаго «**осложнения**» [Аксаков 1886: 661]. В ином из контекстов прилагательное **горячечный** характеризует действия дипломатии как неуместно активные: *Послѣ трехмѣсячной дипломатической дѣятельности почти горячечной, къ которой весь міръ, затаивъ дыханіе, устремлялъ тревожные взоры, наступило вдругъ дипломатическое затишье, или даже дипломатическая истома...* [Аксаков 1886: 751]. Своеобразием отличается использование лексики при частичной демегафоризации, усиливающей выразительную силу контекста: <...> *мы, во-первыхъ, нагнали на самихъ себя, на свое народное историческое существо; во-вторыхъ, такъ и прыгнули всѣмъ своимъ грузнымъ корпусомъ въ стѣти иностранной политики, вытолкавъ Славянъ вонъ отъ себя – въ объятія Австріи и Англіи!* [Аксаков 1886: 654].

Уподобление организма и государства в публицистике Аксакова основывается на семантических признаках, выделенных нами при тематической классификации лексики. Оно может быть основано на признаках 'возраста (государства)', 'сил или слабости (государства с точки зрения общественно-политических и экономических ресурсов)' и т.д.

Состав и функционирование слов показывает, что уподобление общественно-политических процессов органическим явлениям у Аксакова основано на сопоставлении государства или страны, прежде всего, с личностью человека. В частности, среди различных средств художественной выразительности, как показал проведенный анализ, наиболее частотны олицетворения, что указывает на

«персонификацию», субъективацию государства. Метафора «*организм-государство*» у Аксакова связана также с метонимическим переносом свойств той или иной народности на страну или страны, которые она «органически» населяет: «<...> органическая сила – народность. Россия <...> живой цельный народный организм, развившийся и разросшийся собственною своею внутреннею органическою силою: Россия потому только и Россия, что она Русская; этим она есть, живет и движется <...>» [Цит. по: Тесля 2015: 350]. Вследствие этого уподобление происходит не только в биологическом или медицинском, но и в духовно-нравственном отношении. Сделанные нами наблюдения подтверждают выводы О.А. Старовойтовой о том, что понятие организма у Аксакова включает «духовное, эмоциональное» [Старовойтова 2020: 317]. Этично-нравственный компонент обнаруживается в фактах сочетаемости **нерв духа** [Аксаков 1886: 346], **духовный организм** [Аксаков 1886: 571], **здоровье души** [Аксаков 1886: 571], **нравственно охолостить** [Аксаков 1886: 746] **нравственное здоровье страны** [Аксаков 1886: 575] **члены духовного и нравственного целого** [Аксаков 1886: 555] и др.

Наличие духовно-нравственного измерения метафоры обуславливает также сближение греха и болезни в некоторых контекстах: *Конституція на западно-европейскій образецъ тѣмъ уже однимъ вредна для народа, только-что начинающаго жить политическою жизнью, что, вмѣсто здороваго роста и развитія, даетъ ему заразу политическаго властолюбія; <...>* [Аксаков 1886: 335]. *<...> военный станъ [Черногория – О.С.] почувствовалъ въ себѣ вожделеніе къ государственности; Данило, такъ сказать, заразиль Черногорскій народъ политическою похотью (да простятъ намъ читатели это выраженіе, но оно лучше всего выражаетъ современное настроеніе Черногорскаго народа.* [Аксаков 1886: 80]. В некоторых контекстах сближение греха и болезни

реализуется с помощью активного использования религиозно-нравственной лексики: *Мы согрѣшили тяжкимъ грѣхомъ – хулой на собственный духъ народный, и вотъ этимъ-то гнетомъ грѣха и объясняется то **болезненно-нравственное состояніе**, въ которое впала Россія съ самой эпохи Берлинскаго трактата* [Аксаков 1886: 531].

Выражению духовно-нравственной семантики в том числе у терминологии способствует ее функциональное сближение со словами иных типов в структуре метафоры. Например, слова, с донациональной эпохи имеющие символические значения, связанные с духовно-нравственной сферой, могли выражать те или иные этические признаки в Новое время. Например, у слова *недуг*, согласно данным Сл XI–XVII, фиксируется как семантика ‘болезни’, так и значение нравственной оценки ‘порок, зло’ [Сл XI–XVII 11: 108]. Этические признаки реализуются у Аксакова в структуре композитов (например, сложное прилагательное **болезненно-нравственный** включает элемент, связанный как с духовно-нравственной сферой, так и обозначающий явление органического порядка).

Описанные особенности лексической реализации метафоры обусловлены некоторыми чертами славянофильской концепции личности, ее религиозно-философского осмысления. Представление греха как «болезни души», насилия над естеством человека в целом характерно для православной культуры [см.: свт. Григорий Нисский 2007; прп. Ефрем Сирийский 2008], на которую опирались славянофилы. Сам И.С. Аксаков утверждает в одном из писем к Н.Н. Страхову, что «славянофильство есть не что иное, как высшая христианская проповедь» [Цит. По: Тесля 2015: 178]. Отмеченное влияние идей немецкой философии о внутренней обусловленности органических процессов в том виде, в котором оно было воспринято славянофилами, согласуется с данной традицией, способствуя синтезу

религиозной и светской культуры. Он отражается в словоупотреблении И.С. Аксакова: *Нельзя не признать въ этомъ отчужденіи отъ своей Церкви и отъ своего народа симптомовъ того недуга, которымъ страдаетъ нашъ общественный организмъ и въ которомъ лежитъ объясненіе помгъхъ и препятствій, временно воздвигшихся <...> между истиной и ея исполненіемъ* [Аксаков 1886: 246].

Детальность классификации используемой Аксаковым лексики различных сфер употребления, ее активное использование указывает на значимость метафоры «*организм-государство*» для данного автора. Проведенный нами анализ показывает, что освоение естественно-научной терминологии в XIX в. могло осуществляться не только вследствие «секуляризации» знания о человеке, но и на основе сопоставления с человеческой личностью в ее религиозно-философском понимании. Обе данные тенденции являются продолжением метафорического осмысления роли государства и личности в общественных процессах, основы которого были заложены в XVIII в. Образное употребление слов, выражающих метафору организма-государства у Аксакова, способствовало их семантическому обогащению – появлению элементов значения, связанных с духовно-нравственной сферой. Отмеченная особенность семантики данных слов способствовала их вхождению в состав литературного языка, вовлечению в традиционные для православной культуры речевые стратегии. Она имела индивидуально-образный характер вследствие художественного характера лексического выражения метафоры «*организм-государство*». Исследование словоупотребления других авторов, идеологически близких И.С. Аксакову, позволит определить характер и динамику семантического развития лексики, изначально описывающей органические процессы, в направлении оценки духовно-нравственных процессов и явлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксаков И.С. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. Славянский вопрос. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». Речи в Славянском комитете в 1876, 1877 и 1878 гг. М., тип. М.Г. Волчанинова, 1886.
2. Бельчиков Ю.А. Русский литературный язык во второй половине XIX в. М.: Высшая школа, 1974. 192 С.
3. Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства / Анжей Валицкий; пер. с польск. К. Душенко. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 704 С.
4. Григорий Нисский свт. Аскетические сочинения и письма. М., изд. Совет РПЦ, 2007. 335 С.
5. Ефрем Сирий прп. Симфония по творениям преподобного Ефрема Сирина. ред. Т. Н. Терещенко. М., Дарь, 2008. 480 С.
6. История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX века. Отв. Ред. Ф.П. Филин. М.: Наука, 1981. 374 С.
7. Касимов Р.Х. Локальные цивилизации в горизонте языка: метафора и интенциональность: автореф. дис. ... д.филос. н.: 24.00.01. Тюмень, 2019. 43 С.
8. Секиро О.О. Лексическая сочетаемость с прилагательным органический в публицистике И.С. Аксакова: *органический порок и органическая фальшь*: // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2020. Вып. 3. СПб.: ИЛИ РАН, С. 293–303.
9. Сорокин Ю.С. Естественно-научная лексика в публицистике Д.И. Писарева. // Уч. Записки ЛГУ. Серия филол. Наук. № 12. Л.: «Наука», 1949. С.137–183.
10. Сорокин Ю.С. Об общих закономерностях развития словарного состава русского литературного языка XIX в. // Вопросы языкознания, № 3. М.: Изд. АН СССР, 1961. С. 22–37.
11. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы XIX в. М., Л.: «Наука», 1965. 565 С.
12. Старовойтова О.А. К вопросу о роли языковой личности в становлении метаязыка описания межнациональных отношений в России XIX века (Часть 1. И.С. Аксаков) // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2020. Вып. 3. СПб.: ИЛИ РАН, С. 304–323.
13. Тесля А.А. «Последний из “отцов”»: биография Ивана Аксакова. СПб.: Владимир Даль, 2015. 799 С.
14. Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М.: Гнозис, 1994. 240 С.
15. Фатеев В.А. В спорах о самобытном пути России. // Славянофильство: pro et contra: Антология. 2-е изд. СПб.: Изд. СПбГУ, 2009. С. 7–56.
16. Чапаева Л.Г. Культурно-языковая ситуация 30–40-х годов XIX в. и споры славянофилов и западников. // Культурология, № 2(45), М.: Изд. ИНИОН РАН, 2008. С. 25-33.
17. Словарь древнерусского языка XI–XVII вв.). / АН СССР. Институт русского языка. 30 вып. (изд. продолжается). М: «Наука», 1975–2015.
18. Словарь русского языка XVIII века. / Институт лингвистических исследований РАН, 22 вып. (издание продолжается). СПб.: «Наука», 1984–2019.
19. Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) Ок. 10000 сл. / ред. Р. М. Цейтлин, ред. Р. Вечерка, ред. Э. Благова. М.: «Рус. яз.», 1994. 842 с.

СЕРГЕЕВА Полина Максимовна (*Владимир, Россия*)

студент

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
polinaser14@yandex.ru

Научный руководитель

САФРОНОВА Наталья Анатольевна (*Владимир, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
natalia_1271@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ИМПЛИЦИТНОМ ОТРИЦАНИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье поднимается вопрос об имплицитных средствах выражения категории отрицания в русском языке. Отмечаются лексические и фразеологические средства выражения имплицитного отрицания, описываются некоторые лексико-грамматические особенности построения восклицательных и вопросительных предложений, которые могут свидетельствовать о наличии имплицитного отрицания.

Ключевые слова: отрицание, имплицитное отрицание, лексические средства, лексико-грамматические средства, риторический вопрос, восклицательные предложения.

Abstract. The article raises the question of implicit means of expressing the category of negation in the Russian language. Lexical and phraseological means of expressing implicit negation are noted, and some lexical-grammatical features of the construction of exclamatory and interrogative sentences, which may indicate the presence of implicit negation are described.

Keywords: negation, implicit negation, lexical means, lexical-grammatical means, rhetorical question, exclamatory sentences.

Отрицание как философская, логическая и языковая категория не раз привлекало внимание учёных. Изучению отрицания в языке уделяли внимание такие лингвисты, как Ш. Балли, А. М. Пешковский, Е. В. Падучева, Н. Ю. Шведова и др. А. М. Пешковский писал об отрицании следующее: «Сущность этой категории ... с синтаксической точки зрения сводится к тому, что связь между теми или иными двумя представлениями при помощи этой категории сознается отрицательно, т.е. сознается, что такая-то связь, выраженная такими-то формами слова и словосочетаний, реально не существует» [10: 386]. Е. В. Падучева считает это определение тавтологичным, «так как в нём

самом содержится отрицание» [9], в результате чего учёный приходит к выводу о том, что «отрицание в языке принадлежит к числу исходных, не толкуемых понятий. Оно входит в список семантических примитивов» [9]. Не случайно в некоторых учебниках современного русского языка даётся определение утвердительных предложений, а понятие отрицательных предложений представлено через определение общеотрицательных и частноотрицательных предложений [11: 372] или не представлено совсем.

В то же время отрицание есть во всех языках мира [9]. Под отрицанием мы будем понимать «выражение при помощи лексических, фразеологических, синтаксических средств того, что связь между членами предложения мыслится как реально не существующая» [13: 452].

С точки зрения средств выражения исследователи выделяют эксплицитное и имплицитное отрицание. Эксплицитное отрицание выражается лексически и грамматически (при помощи отрицательного слова *нет*, отрицательных частиц *не* и *ни*, отрицательных наречий, местоимений и т.д.). В «Русской грамматике» (1980) подробно рассмотрены конкретные грамматические средства выражения отрицания [12]. Под имплицитным понимается такое отрицание, которое не имеет формального выражения, однако смысл предложения свидетельствует о том, что в предложении отрицается какой-то факт действительности. Вопрос об имплицитном отрицании в настоящее время является дискуссионным и связан с рассмотрением отрицания не с формальной точки зрения (при наличии лексических и грамматических показателей), а прежде всего с семантической.

Имплицитным отрицанием называется отрицание, которое выражено неявным образом. К нему можно отнести отрицание:

1) «внутрилексемное» – отрицание, которое содержится в составе значения таких слов, как *отказаться*, *воздержаться*, *лишён* и др.;

2) «подразумеваемое» [13: 310] – отрицание, которое не имеет отдельного выражения и является компонентом целого предложения: – *Да я разве отрекаюсь от хорошей жизни! (= не отрекаюсь) – встрепенулся старичок* (С. К. Никитин).

В нашей работе мы будем придерживаться понимания имплицитного отрицания как такого, которое не имеет явных средств выражения, но может быть распознано в предложении с помощью некоторых особенностей его построения, особой интонации, порядка слов и смысла предложения в контексте, а также по наличию определённых «эмоциональных частиц» [3: 67]. Исследователи отмечают, что «имплицитное отрицание... – сложное по семантике явление, так как общее значение отрицания не выводится из суммы составляющих высказывание компонентов» [8: 107].

Устная форма речи обладает большими возможностями для выражения имплицитного отрицания, так как немаловажную роль в выражении отрицательного значения имеет интонация, логическое ударение и невербальные средства. К примеру, вопросительное предложение *Это плохая?* вне контекста и без сопровождения особой интонацией не может считаться отрицательным, однако произнесённое с возмущением обладает отрицательным значением. В письменной речи, как уже отмечалось, выявлению отрицательного значения подобных конструкций способствует контекст. См., например: – ***Это плохая?*** – *возмущенно кричит он, вертя батарейкой перед носом снисходительно улыбающегося покупателя, и вдруг изо всех сил шмякает ее о камни мостовой* (С. К. Никитин).

Внутрилексемное отрицание может быть отнесено к имплицитному в связи с тем, что такое отрицание не имеет формальных показателей (наличия отрицательных частиц, приставок и т.д.). А. А. Калинина предлагает разграничивать «отрицательные слова» (отрицательные частицы, местоимения, наречия, предикативы, слова с приставками не-

и ни-), которые являются средствами выражения эксплицитного отрицания, и «слова с отрицательным значением», в которых «отрицательное значение выражается... синтетически; его непосредственным носителем является корневая морфема» [6: 119]. Именно слова с отрицательным значением способствуют формированию имплицитного отрицания. Утвердительно по форме предложение при этом имеет отрицательное значение: *Она лишена такта (= у неё нет такта)*. В то же время вопрос о внутрилексемном отрицании и его соотношении с имплицитным / эксплицитным отрицанием остаётся открытым, так как не все считают такое отрицание имплицитным, относя такие слова к лексическим средствам эксплицитного выражения отрицания и отмечая при этом, что «круг слов с «отрицательным» значением вряд ли может быть дан в виде конечного списка» [6: 119].

К имплицитным способам выражения отрицания можно отнести и некоторые фразеологизмы, не имеющие формальных показателей отрицания, но обладающих при этом отрицательным значением: *когда рак на горе свистнет (никогда), остаться с носом (потерпеть неудачу, ничего не добиться), ветер свистит в карманах (очень бедный, ничего не имеет)* и др. [5]. В то же время исследователи отмечают, что «отрицание, выраженное фразеологизмом, настолько специфично, что иногда трудно охарактеризовать данный фразеологизм с точки зрения эксплицитности-имплицитности содержащегося в нём отрицания» [5: 207–208].

Особое внимание обратим на категорию отрицания в восклицательных и вопросительных предложениях. Часто в этих типах предложений мы можем обнаружить имплицитное отрицание.

Восклицательные предложения, утвердительные по форме, с помощью особой интонации и порядка слов могут передавать значение экспрессивного отрицания: «*Так он и придёт!*» (= *Он не придёт*) [4: 54].

При рассмотрении категории отрицания в вопросительных предложениях следует обратить внимание на особый вид вопроса, риторический, который служит «для выражения эмоционального утверждения и отрицания» [4: 54]. Ответ на такой вопрос очевиден и по смыслу будет противоположным форме вопроса. Например, «*И, боже мой, неужели есть границы его, Митиного, «я»...*» (= нет границ его «я») (С. К. Никитин).

Выражение утверждения и отрицания с помощью вопроса возможно потому, что в риторическом вопросе наблюдается асимметрия формы и содержания. «По форме – это вопросительные конструкции, а ... по выражаемому ими значению – повествовательные» [1: 52].

В. Н. Бондаренко отмечает, что при поиске отрицания в вопросительных и восклицательных предложениях следует обращать внимание на следующие особенности в построении предложения:

1. Препозитивное использование вопросительно-относительных слов: ***Чего на них обижаться?*** Вопросительные местоимения и наречия, предшествующие инфинитиву, выражают экспрессивное отрицание и совпадают по функции с отрицательными местоимениями и наречиями.

2. Наличие слова *какое*, не вступающего в отношения согласования: – *Я боюсь, не опасно ли.* – ***Какое опасно?***

3. Предложения типа *До шуток ли ему?* с закреплёнными позициями предлога *до* и частицы *ли*.

4. Наличие в начале предложения форм *есть из-за чего, есть о чём* и т.п., *очень нужно, нужно было, охота*, стоящих перед инфинитивом несовершенного вида с усиленной интонацией: ***Есть из-за чего расстраиваться!***

5. Наличие в начале предложения глагола *стать* в личной форме с следующим за ним личным местоимением или именем существительным: ***Стану я с тобой связываться!***

6. Сочетание частиц *так и* (*так ... и ...*), если оно является начальным компонентом предложения: *Так я и пойду туда!* (= Я туда не пойду)

7. Фразеологизированные сочетания типа *Много ты знаешь!* [2: 107–109].

Особенности построения вопросительных предложений со значением отрицания выражают себя не только через определённый грамматический строй предложения, но и его лексическую наполненность. Лексическая наполненность в данных предложениях отличается образностью и переносным словоупотреблением, что способствует разрушению сущности вопроса: *Разве гром бывает немотю болен?!*

При рассмотрении выражения отрицания с помощью вопросительных предложений, необходимо обратить внимание не только на особенности в построение предложения и на лексическое наполнение, но и на их функционирование в речи и наличие экспрессивной вопросительной интонации в этих предложениях.

Вопросительное предложение может быть собственно вопросительным и повествовательным с отрицательным значением. Для того, чтобы разграничить, какое значение имеет вопросительное предложение, необходим контекст. В контексте мы можем определить, какой интонацией и логическим ударением обладает предложение. Например, в предложениях типа «Кто знает?» логическое ударение падает на вопросительное слово, если предложение обозначает собственно вопрос. При повествовательном отрицательном значении данного предложения «логическое ударение выделяет» глагол (Кто знает? = «никто не знает») [1: 53]. Такой случай мы видим в следующем примере: *Возможно, это впечатление было оставлено у него трогаящимся с места вагоном, потому что в то время Митю часто*

перевозили из города в город его неустроенные родители, но кто же знает... (С. К. Никитин).

Также наличие контекста снимает многозначность вопросительного предложения, так как в окружающих предложениях могут содержаться факты, которые будут уточнять значение вопросительного предложения.

В «Материалах для проекта корпусного описания русской грамматики» Е. В. Падучева описанию средств выражения имплицитного отрицания посвящает целый раздел, включая сюда лексико-грамматические способы выражения отрицания. Учёный отмечает, что слова, выражающие «отчётливо положительный признак, ...легче всего приобретают противоположный смысл» [9]: **Хорош** друг! **Велика** важность! **Охота** была ему жениться! (И. С. Шмелёв). Выделяются и некоторые другие способы выражения имплицитного отрицания.

Таким образом, отрицание – это логико-семантическая категория, имеющая сложную природу и выражающаяся в языке различными способами, как эксплицитными, так и имплицитными. Имплицитное отрицание может быть выражено с помощью интонации, порядка слов, определённых синтаксических конструкций и некоторых эмоциональных частиц. Выделение имплицитного отрицания в восклицательных и вопросительных предложениях происходит с опорой на особенности построения предложения, его лексической наполненности, с опорой на контекст. При имплицитном отрицании зачастую происходит трансформация смысла, в связи с чем как лексические единицы, так и целые предложения могут приобретать значение, противоположное прямому.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердник Л. Ф. Вопрос как отрицание // Русская речь. 1974. № 1. С. 52–53.
2. Бондаренко В. Н. Отрицание как логико-грамматическая категория. М.: Наука, 1983. 213 с.
3. Валгина Н. С. Современный русский язык: Синтаксис. 4-е изд., испр. М.: Высшая школа, 2003. 416 с.

4. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. Ч. 2. Синтаксис. Учебн. для студентов фак. рус. яз. и лит. пед. ин-тов. Изд. 4-е. М.: Просвещение, 1973. 350 с.
5. Казимянец Е. Г. Эксплицитное и имплицитное отрицание в фразеологизмах // Русистика и компаративистика: Сборник научных статей. Вып. II. Вильнюс: ВПУ, 2007. 278 с.
6. Калинина А. А. Лексические средства выражения утверждения / отрицания // Преподаватель XXI век. 2008. № 3. С. 117–124.
7. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
8. Люльчева Е. М. Имплицитные способы выражения отрицания // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 2 (23). С. 100–108.
9. Падучева Е. В. Отрицание. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. На правах рукописи. М. 2011. Режим доступа: <http://rusgram.ru> (Дата обращения: 09.01.2024).
10. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., 1956. 511 с.
11. Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А. Современный русский язык: Учебное пособие для студентов-филологов заочного обучения. М.: Высшая школа, 1991. 559 с.
12. Русская грамматика: в 2 т. Том. II. Синтаксис / Под ред. Н. Ю. Шведовой [и др.]. М.: Наука, 1980. 709 с.
13. Русский язык. Энциклопедия. 2-изд. перераб. и доп. / Под ред. Ю. Н. Караулова. М.: Большая российская энциклопедия; Дрофа, 1997. 721 с.

СИДОРОВА Надежда Дмитриевна (*Владимир, Россия*)

студент

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
sidorovanadezda@gmail.com

Научный руководитель

АБРАМОВА Елена Алексеевна (*Владимир, Россия*)

старший преподаватель

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
ingaabramova2011@mail.ru

ФУНКЦИИ ИНВЕРСИИ ПОСТПОЗИТИВНЫХ СОГЛАСОВАННЫХ ОПРЕДЕЛЕНИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются функции инверсии постпозитивных определений в их взаимосвязи с структурно-семантическими особенностями языковых единиц.

Ключевые слова: постпозитивное определение, согласованное определение, инверсия, функции инверсии, стилистическая окрашенность, дистантность, распространённость, однородные члены предложения.

Abstract. The article examines the functions of inversion of postpositive attributes in their relationship with structural and semantic features of language units.

Keywords: postpositive attribute, agreed attribute, inversion, inversion functions, stylistic coloring, distance, prevalence, homogeneous parts of the sentence.

Как известно, типичной позицией определения принято считать положение перед определяемым субстантивом, являющееся в стилистическом отношении нейтральным, в связи с чем довольно интересным представляется вопрос о том, как функционируют постпозитивные определения. В синтаксической науке принято разделять определения на согласованные, в функции которых могут выступать слова следующих частей речи: прилагательные, причастия, адъективированные местоимения и числительные, – и несогласованные, выраженные различными падежными формами существительных, личных местоимений, а также сравнительной степенью прилагательных, наречиями и инфинитивом [Валгина; 114–117]. Наиболее интересным на наш взгляд может оказаться рассмотрение особенностей употребления постпозитивных согласованных определений с точки зрения их стилистических функций, так как часто именно они, по словам И.Б. Голуб, «выделяется в семантико-стилистическом отношении» [Голуб: 356].

Имя прилагательное как грамматическая категория занимает видное место в системе частей речи, что обуславливается несколькими факторами, среди которых можно выделить следующие: тесную связь с существительным, большой потенциал с точки зрения изобразительно-выразительных возможностей, количественное соотношение со словами других частей речи, наличие разветвлённой гибкой системы форм и т.д. Эти особенности делают возможным реализацию информативной, экспрессивной, оценочной, эстетической и д.р. функций, которые приобретают особую значимость именно в художественной (и публицистической) речи.

Целью данной статьи является наблюдение за стилем С.К. Никитина с точки зрения употребления прилагательных в постпозиции с учётом особенностей синтаксической стилистики, связанной с понятием инверсии, выполняющей различные функции, среди которых Г. Спенсер выделял: 1) связывающую; 2) пояснительную; 3) акцентирующую, или выделительную и 4) предопределения последующего содержания [Опарина О.И. 140].

В рассказах владимирского писателя С.К. Никитина постпозитивные прилагательные получили широкое распространение. В данной статье представлена характеристика определений с точки зрения выполняемой стилистической функции и степени «перетягивания» смысловой нагрузки (выделения отдельных компонентов высказывания с целью усиления их значения и возможного «приращения смысла»), имеющей непосредственное отношение к рематематическому членению, а следовательно, и к структурным особенностям построения предложения. При рассмотрении структурных особенностей, связанных с употреблением этих прилагательных Ю.А. Бельчиков акцентирует внимание на таких категориях, как контактность / дистантность, распространённость / нераспространённость [Бельчиков 309–310]. Также, необходимо сказать, что немаловажное значение имеет и категория осложнённости / неосложнённости (в данном случае однородности / неоднородности). Вышеперечисленные синтаксические особенности оказывают существенное влияние на семантико-стилистический план. Стилистическая маркированность предложений усиливается при использовании лексических средств, содержащих созначения, сопровождающие логико-понятийный компонент значения. В семантической структуре слова, представленной в словаре О.С. Ахмановой, созначения делятся на 5 групп: 1) эмоциональное; 2) экспрессивное, выражаемое с помощью переносного употребления слова, в котором была восстановлена образность; 3) оценочное

созначение, которое связано с категорией оценки, но не тождественно ей, т.к. в него, как правило, входит лишь некоторые частнооценочные значения (принято выделять несколько разновидностей частнооценочных значений: сенсорно-вкусовые; психологические; эстетические; этические; утилитарные; нормативные; телеологические [Арутюнова; 75–76]); 4) собственно стилистическое созначение, 5) культурно-историческое созначение. Комментарий особенностей семантической структуры слова будет даваться параллельно с рассмотрением взаимосвязей функций инверсии и основных структурных единиц.

Акцентирующая функция инверсии на синтаксическом уровне наиболее полно выражается с помощью категории дистантности. Проиллюстрировать подчёркнутость, выделенность дистантно расположенных определений можно на примере предложений с согласованными, постпозитивными по отношению к определяемому существительному (или личному местоимению) нераспространёнными дистантно расположенными обособленными определениями, выраженными одиночными прилагательными: *«Возьми вон **костюм**, какой от деда остался, – **новехонький**»* («Горькая ягода»). Стоит отметить, что в данном предложении особое смысловое значение подчёркивается пунктуационным оформлением, также само прилагательное *новехонький* содержит в своей семантической структуре созначения, указывающие на стилистическую маркированность (суффикс *-оньк-* привносит оттенок эмоциональности (ласкательно) + разг.); *«Возможно, в парнях он был и хорош собой – **рослый, с крупными правильными чертами лица...**»* («Коптитель») (второе определение несогласованное); *«Ведь она, наверно, в меня, старика, **подлая, метила, да промахнулась...**»* («Оброк») (есть созначения (*подлая* – разг., неодобрит., уничижит.).

Пояснительная функция инверсии (совместно с

выделительной) наиболее сильно выражена при использовании **распространённых согласованных определений**, т.к. в данном случае «качественная характеристика определяемого слова стилистически подчёркивается, усиливается» [Бельчиков: 310]. Выделительная же функция реализуется с помощью наращения массы конструкции, в которую входит определение. Примерами предложений с ярко выраженной пояснительной функцией могут служить предложения с согласованными постпозитивными распространёнными обособленными и необособленными контактными определениями, относящимися к существительному (или личному местоимению), выраженные прилагательными с зависимыми словами: «А когда, *разложив костер, они останавливались где-нибудь у воды на ночевку, он с уважительным восхищением смотрел, как **Александра, такая же бодрая, как и утром,** кормила собаку, кипятила чай, вынимала из сумки и раскладывала на газетном листе еду*» («Горькая ягода») (распространение + нет созначений). «***Утро, по-августовски медленное,** долго выстаивалось в сиреневом тумане и казалось пасмурным, волглым, но, когда туман поднялся и растаял, обрушилось на город каленым зноем, сушью, запахами уже подсыхающей листвы тополей и базарной площади*» («Оброк») (распространение + нет созначений); «*И чем красивее выглядела Нюра, тем в большее раздражение приводило Колю то обстоятельство, что замужем она была за **мужичонкой вовсе пустяковым***» («Коптитель») (распространённое определение + созначения (*пустяковый* – разг., отриц., *вовсе* – разг.)). Нередко наблюдается дополнительное усиление пояснительного значения за счёт использования однородных определений.

Категория однородности / неоднородности также находит своё отражение в выделительной и пояснительной функциях, т.к., с одной стороны, они используются для более детальной конкретизации, т.е.

пояснения объекта описания, а с другой стороны, создавая из этих определений разные оппозиции, автор акцентирует внимание читателя на самом признаке. Примерами такого использования постпозитивных определений могут служить предложения с согласованными постпозитивными нераспространёнными контактными обособленными и необособленными однородными определениями: *«Александра, поджав колени к подбородку, садилась на полу, из комнат, потягиваясь, сходились к огню собаки, и все замороженно смотрели на хаотическую пляску огня в печи, а Александра восседала среди них, точно высеченный из темного дерева языческий божок – тонколицый, молодой, грациозный, озорной и мудрый»* («Горькая ягода») (однородные определения, есть созначения (*озорной* – разг., *мудрый* – книжн.)). *«На кладбище – длинные тонкие сосны, кустарниковый подлесок, густой, задичалый»* («18 ноября») (однородные определения, есть созначения (*задичалый* – разг., авторское слово, следовательно, присутствует элемент экспрессии)). *«Это был высокий, сухой, всегда басовито покашливающий старик, насупленный и молчаливый»* («Оброк») (однородные определения + нет созначений). *«Хороший гриб, ровный, крепкий...»* («Осенние листья») (однородные определения + нет созначений). Интересно, что в данных предложениях автор использует цепочки однородных постпозитивных определений, между которыми устанавливаются различные семантические отношения: равнозначности (*насупленный и молчаливый; ровный, крепкий*), причинно-следственные (*густой, задичалый (задичалый* – окказиональное слово, возникшее по аналогии с лексемой *одичалый*, но с помощью префикса *за-*, имеющего значение ‘представить имеющим в слишком большой степени тот признак, который назван мотивирующим прл.’ [Лопатин; 84])), градационные (*языческий божок – тонколицый, молодой, грациозный, озорной и мудрый* (сначала приводятся характеристики внешности, затем поведения и только в конце –

личности, за счёт чего более полно раскрывается отношение главного героя к Александре)); «Там он велел рассыльной – **девчонке лукавой и бойкой** – найти шофера Сеню, сменил забрызганный грязью дождевик на синий диагональный плащ и поехал в город» («Продолжатель»). (однородные определения + есть созначения (*бойкой* – разг.)). «Попалась ему **девка молодая, неудобная...**» («Осенние листья») (однородные определения, нет созначений).

Иногда наблюдается наличие сразу двух синтаксических показателей пояснительно-выделительной функции инверсии (однородность и распространённость): «И до поздней осени в березовом лесу с можжевельным подлеском держались крутолобые **белые грибы, сухие и холодные на ощупь**» («Осенние листья») (однородные определения + распространение + нет созначений); «И, зная, что это говорится не в пустое утешение, а воистину, **она, вся такая ладненькая, крепенькая и ловкая, расцвела от его грубоватой ласки**» («Оброк») (однородные члены предложения + есть созначения (*ладненькая, крепенькая* – разг., ласкат.)); «Удивительно и вместе с тем как-то трогательно было узнать, что у Ганиной, **женщины уже немолодой, с прямыми пепельно-седыми прядками на висках, есть такой крепенький, розовощекий старичок отец**» («Продолжатель») (распространённое определение + нет созначений); «Нюра была стройна и туга телом... с тяжелым комлем черных, но кое-где выцветших до медной рыжины волос на затылке и **взглядом каким-то медленным, обволакивающим**» («Коптитель»).

Стоит отметить, что не всегда распространённость и однородность являются условиями наличия выделительной или (и) пояснительной функций. Так, существуют предложения, в которых прилагательные в постпозиции не несут на себе особого смыслового ударения, придавая народно-поэтический оттенок высказыванию, они вызывают особый стилистический интерес:

1) предложение, содержащее дескриптивную конструкцию с творительным падежом ограничения, подчеркнуто выделенной автором (парцелляция): *«Жила в нашем селе, – ткнул он рукой в сторону длинного ряда крыш за откосом, – учительница **Анна Афанасьевна. С собой невидненькая и уж седенькая на височках, а такая веселая да хохотливая**»* («Осенние листья») (однородные определения + есть созначения (*невидненькая, седенькая* – разг., ласкат.)).

2) предложение, содержащее устойчивые однородные постпозитивные атрибуты: *«У вас, – говорит, – **места древние, леса, реки дивные, люди приветливые**»* («Осенние листья») (есть созначения (*дивные* – устаревшее прил, употребляемое в поэтической речи (книжн.)).

Также отсутствие стилистической окрашенности может наблюдаться вследствие морфологической представленности определяемого слова местоимением:

1) предложения с конструкциями, содержащими в своём составе местоимения и не являющиеся словосочетаниями по номинативной концепции (Ф.Ф. Фортунатов, А.Н. Гвоздев, Е.С. Скобликова), в которых постпозиция прилагательного является выражением прямого и единственно возможного порядка слов: *«Чтобы высказаться до конца, человеку немного нужно слов; **все больное, запутанное, трудное, что мучит его, если оно есть, укладывается в одну короткую фразу: «Я хочу счастья»»*** («Горькая ягода») (однородные определения + нет созначений).

2) предложения с конструкциями, содержащими в своём составе местоимения и не являющиеся словосочетаниями по номинативной концепции, в которых постпозиция прилагательного является выражением прямого порядка слов, в отличие от инверсионного: *«**Александра резко наклонила голову, и было в ее бледном с легкой синевой под глазами лице, в тяжелом узле темных волос на затылке***

что-то усталое и скорбное» («Горькая ягода») (однородные определения + созначения (*скорбное* – книжн.)). **«В передвижении современного человека по планете есть что-то небрежно щегольское»** (созначение (*щегольское* – разг.)) («Горькая ягода»).

Неоднородные нераспространённые контактно расположенные постпозитивные определения также могут быть интересны в стилистическом отношении, т.к. в художественной речи они способны выполнять акцентирующую функцию: **«Нюра была стройна и туга телом, с лицом румяно-смуглым...»** («Коптитель»). Стоит отметить, что в данном случае большое значение имеет такая морфологическая категория, как разряд имени прилагательного. По мнению Бондалетова, не все постпозитивные определения являются инверсионными, т.к. «в терминах научного и делового стилей определения, выраженные относительными прилагательными, обозначающими сорт, вид, происхождение, назначение и т.п. обычно ставятся после» [Бондалетов 76]. Т.к. авторы художественных произведений часто пользуются языковыми средствами других стилей, интересным оказывается вопрос о том, как данная особенность отражается в художественных текстах. На практике становится ясно, что ориентация на разряд прилагательного носит довольно условный характер, т.к. это категория нестатичная. Так, например, в травниках XVII – XVIII вв. используются следующие терминологические наименования: «буквица чернаѣ» (Трав. I, 17), «буквица белаѣ» (Трав. I, 18), «буквица жолтаѣ» (Трав. I, 19), «папороть чернаѣ» (Трав. I, 89), «бабинка-белая» (Трав. I, 116), «при камени черном» (Трав. I, 39), «при камени моховомъ синимъ» (Трав. I, 66). В данном случае изначально качественные прилагательные употребляются в функции относительных, это наиболее полно отражается в возникающих между наименованиями оппозициях, дающих понять, что они служат для обозначения видов одного и того же рода

растения или др. предмета. В текстах рассказов Никитина можно встретить подобные случаи перехода качественных прилагательных в относительные: *«Мне после себя надо оставить человека крепкого, чтобы не дал хозяйству пошатнуться»* («Продолжатель»); *«С севера на юг шел скорый поезд, мотало его на стрелках, проносились мимо захламленные щепным мусором станции, угрюмые леса, пнистые порубки, стучали мосты, и смотрел на все это из окна вагона-ресторана Иван Соломин – человек свободный»* («Горькая ягода»); *«Вагон плавно заносило на стрелках. Кружились за окном поля, сверкали реки, мелькали будки, станции, и смотрел на все это Иван Соломин – человек свободный»* («Горькая ягода»).

«Человек свободный» и *«человек крепкий»* – это видовые понятия по отношению к родовому слову *человек*, как, например, устоявшиеся в современной науке термины *человек работающий*, *человек прямоходящий*, *человек разумный*. Инверсия здесь обладает экспрессивной функцией, т.к. она возникает в результате перехода общеязыкового (устоявшейся модели терминологического словосочетания) в индивидуально-авторское (нетипичное использование языковых средств).

Не имеют стилистической окрашенности постпозитивные определения, входящие в фразеологизмы, утратившие образность: фразеологизм-выражение (крылатая цитата из поэмы А.С. Пушкина «Цыганы») *«Птичка божия не знает ни заботы, ни труда...»* («18 ноября») (созначение (*божия* – книжн., иронич.)), трансформированный фразеологизм-единство *«То решал он спиться, обосячиться и жить в городе вечным укором Александре, то видел себя бакенщиком, живущим в избушке на берегу реки, – костер, философический бег воды, мысли над неподвижными поплавками, не стоящие, по чистой совести, и гроша ломаного, но такие возвышенные, такие очаровательно грустные мысли праздного русского человека о жизни,*

о смерти, о времени, о вселенной; то воображал себя прославленным человеком, который вопреки всем бедам и всем назло не сломался, живет, здравствует и вот улыбается миру со всех газетных страниц...» («Горькая ягода»).

Таким образом, функции инверсии согласованных определений могут быть различными: 1) акцентирующая; 2) пояснительная; 3) функция придания народно-поэтического колорита; 4) экспрессивная – некоторые из них имеют достаточно определённые формальные показатели, выражающиеся в особенностях структурной организации предложений (например, дистантность и распространённость). Функция предопределения последующего содержания и связывающая функция являются для постпозитивных определений нетипичными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – Москва: УРСС, 2004 (Калуга: ГУП Облиздат). – 569 с.
3. Бельчиков Ю.А. Практическая стилистика современного русского языка. – 2-е изд., испр. И доп. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. – 432 с.
4. Бондалетов В.Д. Сборник упражнений по синтаксической стилистике и культуре речи. Пособие для учителей. Под ред. В.Д. Бондалетова. М., «Просвещение», 198. – 176 с.
5. Валгина Н.С. Современный русский язык: Синтаксис: Учебник / Н.С. Валгина. – 4-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 2003 – 416 с.
6. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. – 3-е изд., испр. – М.: Рольф, 2001. – 448 с.
7. Лопатин В.В. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. – 812 с.
8. Опарина О.И. К вопросу о порядке слов в научных текстах (на материале работ Г.Спенсера) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. № 11(77): в 3-х ч. Ч. 1. С. 139–141.

ИСТОЧНИКИ

1. Травник Ивана Бирюкова. № XVII в. XVIII в., РНБ, F. VI. 16.
2. Никитин С.К. Коптитель
3. Никитин С.К. Продолжатель
4. Никитин С.К. Оброк
5. Никитин С.К. 18 ноября
6. Никитин С.К. Осенние листья
7. Никитин С.К. Горькая ягода

СИДОРОВА Надежда Дмитриевна (*Владимир, Россия*)

студент

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
sidorovanadezda@gmail.com

Научный руководитель

ПИМЕНОВА Марина Васильевна (*Владимир, Россия*)

доктор филологических наук, профессор

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
pimenova-vgrpu@yandex.ru

ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ МИФИЧЕСКИХ И РЕЛИГИОЗНЫХ ВОЗЗРЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОСТОНАРОДНЫХ РУКОПИСНЫХ ТРАВНИКОВ)

Аннотация. В данной статье рассматривается специфика отражения в цветообозначениях мифических и религиозных воззрений средневекового человека. Особое внимание уделяется оппозиционному анализу единиц, входящих в лексико-грамматическую группу *цвет*.

Ключевые слова: цветообозначение, травник, форма сознания, мировоззрение, религиозные и мифологические представления, мифические растения, созначение, символ.

Abstract. This article discusses the specifics of the reflection of mythical and religious views of medieval person in color designations. Particular attention is paid to the oppositional analysis of the units included in the lexical-grammatical group of color.

Keywords: color designation, herbal, form of consciousness, worldview, religious and mythological concepts, mythical plants, element of meaning, symbol.

На протяжении всего периода изучения такого жанра естественнонаучной литературы, как травник, исследователи неоднократно подчёркивали, что данный вид текстов отличается контаминированным характером: с одной стороны, это жанр научной литературы, коммуникативная задача которого состоит в отражении объективного знания об окружающем мире, с другой стороны, тексты травников содержат в себе информацию о традициях и преданиях, передающихся на протяжении нескольких веков [5, с. 421; 12, с. 1–2]. В связи с тем, что люди, занимавшиеся составлением данных текстов, старались сохранить преемственность, травники являются богатейшим источником информации о языковой картине мире средневековой Руси.

При изучении вопросов, связанных с выявлением специфики мировоззрения, наиболее значимым может оказаться рассмотрение описаний мифических растений, несуществующих в действительности, так как при составлении статей автор в данном случае не мог руководствоваться объективным знанием, полученным в результате опыта зрительного восприятия, и, следовательно, исходил из каких-то иных соображений, в результате чего цветообозначения могли с большей вероятностью выступать в функции символов.

Стоит отметить, что часто именно цвет выделяет мифические растения из ряда других, т.к. в их описании используется достаточно большое количество различных цветообозначений [2, с. 40], значимость которых подчёркивается с помощью числительных, а также других показателей количества, например, повторов.

Особое внимание исследователей привлекают «царские» травы, среди которых выделяются как реально существующие (царевы кудри, царские очи), так и мифические (царь Ангел, царь Архангел и т.д.), характеризующиеся утилитарной универсальностью и некоторыми особенностями внешнего вида.

Среди мифических «царских» растений, описания которых можно встретить в травнике Ивана Бирюкова и «Действующем травнике из Южной Сибири» наибольший интерес вызывают следующие: *царь Ангел, царь Архангел, царь Архилинь*, а также *Хтамон, Семитарь, Лероя, трава Иван*.

Первые три названия имеют прозрачную внутреннюю форму и содержат прямое указание на то, что эти травы являются «царскими». Лексемы *ангел, архангел* и *архилинь* являются вариантами одной и той же номинации, обозначая верховного архангела Михаила. Названия «Хтамон» и «Семитарь» имеют непрозрачную внутреннюю форму, в своём составе они не содержат прямого указания на «царский» статус данных растения, однако в названии «Семитарь» есть указание на число

семь, соответствующее количеству архангелов. Все эти растения имеют схожие описания: *«Цветов бывает три и шесть, а на иной и более. Похожа на воловий язык, однако разноваты, черен, зелен и багров, син»* («Царь Архангел») [10, л. 14об.–15]; *«видом синя, по сторонам по девяти листов, наверху четыре цвета: первой – черен, второй – зелен, третьей – багров, четвертой – синь»* («Царь Ангел») [10, л. 5об.–6]; *«Видом синя и притемна, четыре цвета: первой – червен, второй – зелен, третий – синь, четвёртый багров»* («Хтамон») [10, л. 34–34об.]; *«видомъ синя, а молодая походить на чернь листься редки по 6ти и по 13ти и по 16ти листовъ продолговать, наверху четыре цвета черной, зеленой, белъ, багровъ, синь»* («царь Архилин») [9, №7]; *«ошести сволахъ и о шести листахъ листомъ редка цветовъ четыре синей, червленной, зелъной, багровой»* («Семитарь») [9, №16].

Схожесть данных описаний можно проследить по следующим параметрам: 1) использованные цветообозначения (в основном это чёрный, зелёный, багровый, синий); 2) указание на то, что растения имеют цветы четырёх разных оттенков, а также на их общий тёмный вид (*«синя и темна»*).

Несмотря на то, что травники принято относить к «отречённой литературе», наиболее продуктивным способом рассмотрения символической семантики цветообозначений в данном случае, на наш взгляд, можно считать анализ, производимый с учётом сведений, полученных ранее исследователями, занимавшимися вопросами символики цвета в иконописи, так как внутренняя форма номинаций данного растения отсылает нас не только к внутриязыковым фактам, но и к сфере религиозного сознания. Это связано и с тем, что, например, «Действующий травник из Южной Сибири» составлялся, по мнению В.А. Липинской, старообрядцами, которые покинули «севернорусские губернии» [5, с. 417]. Исследователь также отмечает, что «сравнительно немногочисленные воспоминания о языческих и мистических

представлениях обильно перекрываются в «Травнике» обращениями к христианским святым» [там же, с. 422]. С этой точки зрения наибольший интерес представляет возможность проследить, соотношение мифической и христианской семантической нагрузки при использовании цветообозначений в травнике Ивана Бирюкова и «Действующем травнике из Южной Сибири».

Наиболее понятным в символическом плане является первое описание («*Цветов бывает три и шесть, а на иной и более. Похожа на воловий язык, однако разноваты, **черен, зелен и багров, син***» («Царь Архангел») [10, л. 14об.–15]), в котором чётко выделяется две пары – оппозиции цветообозначений. С одной стороны, это «*чёрный и зелёный*», а, с другой, – «*багровый и синий*». Если обратиться к сведениям из истории русской иконописи, то можно сказать, что использование чёрного цвета является довольно редким явлением. Данный цвет появляется только в тех случаях, когда требуется передать максимальную удалённость от Бога, абсолютную тьму, так, ад изображается в виде чёрной дыры, пещеры (например, икона «Чудо Георгия о змие») [4, с. 17–18]. Учитывая данные сведения, использование этого цветообозначения кажется необычным при описании растения, имеющего «царское» название, отсылающее к архангелу. Однако чёрному здесь противопоставлен зелёный – цвет воскрешения и вечной жизни [7, с. 167], следовательно, лексемы *черен* и *зелен* наделяются дополнительными оттенками значения ‘смерть’ – ‘вечная жизнь, цветение’, ‘обречённость’ – ‘надежда’, ‘удалённость от Бога’ – ‘близость к Богу’. Это также находит отражение в известном иконописном сюжете «Архангел Михаила, побивающего змея», который символизирует победу жизни над смертью.

Интерес вызывает и пара багровый – синий, так как эти цвета составляют «антиномическое единство», распавшееся в тварном мире, но неразложимое в Боге (два естества Христа, изображаемого на иконах

в одеждах багрового (вишнёвого) и синего цветов) [там же, с. 168–169]. Слова *багровый* и *синий* имеют созначения ‘земной’ – ‘небесный’, ‘тварный’ – ‘божественный’, ‘постижимый’ – ‘таинственный, непостижимый’. Кроме того, прилагательное «багряный» обозначает цвет, символизирующий царскую власть, что отражается в названии фитонима.

Особую роль в этом описании играет повторяющееся использование числительного *четыре*, которое имеет большую значимость как для мифологического, так и для религиозного сознания, так оно является образом гармонии, «полноты бытия... порядка и организации пространства» [8, с. 49] (ср.: четыре времени года, четыре стихии, четыре угла избы – четыре евангелиста, четыре конца креста и т.д.). Важно также отметить и то, что число *четыре* часто противопоставляется тройке (Троице) и, по мнению некоторых учёных, является по сравнению с ней более стабильным, т.к. включает в себя один из основных компонентов мироздания – зло [14, с. 153]. В представленном описании зелёный одновременно противопоставляется чёрному и составляет с ним неразрывное единство (как багровый и синий), представления о котором восходят ко временам язычества, следовательно, цветообозначения *чёрный – зелёный, багровый – синий* вступают в эквиполентные оппозиции, где между элементами не устанавливаются отношения «плюс – минус».

В остальных описаниях данного растения наблюдается некоторое размывание границ выделенных оппозиций, что осуществляется с помощью устранения союза *и*. Так, в следующем описании цветообозначения используются в том же порядке, но не группируются («*первой – черен, второй – зелен, третьей – багров, четвертой – синь*»), что даёт возможность для выявления ещё одной оппозиции «*чёрный – багровый, зелёный, синий*», т.е. «тьма – свет», т.к. только при свете человек имеет способность цветоразличения.

Далее в описаниях происходят замены лексемы *чёрный* на созвучные, но имеющие другое значение (*червен, червлен*). Прилагательное *червлёный*, обозначающее красный цвет происходит от слова *čьrǫvь (червь) [11 URL]. Слово *червь*, в свою очередь, имеет амбивалентную символику: с одной стороны, прослеживается связь со смертью, землёй, пресмыкательством, сближающим его со змеей (чёртом), а, с другой – червь может являться символом плодородия, а, значит, и жизни. Интересным здесь оказывается тот факт, что слово *чёрт*, по мнению Н.М. Шанского происходит «от * čьrtti... со значением «тот, кто роет, живёт в земле» [12 URL], по другим источникам, оно может быть связано с прилагательным *чёрный* [11 URL]. Таким образом, лексемы *чёрный, чёрт, червь, червлёный* могли восприниматься как близкие в семантическом отношении, в результате чего и стала возможной замена прилагательного *чёрный* на *червлёный*.

В одном из контекстов вызывает особый интерес прибавление к цветовому ряду лексемы *белый*, которая, возможно, имеет особую «хтоническую» символику и также связана с образом змея, воспринимаемого не только как символ, в котором сконцентрировано всё негативное, но и как часть того, на чём зиждется мир [4, с. 19]).

Ещё одной особенностью, на которую следует обратить внимание является изменение порядка следования однородных членов предложения в некоторых описаниях, что, вероятно, связано с изменением восприятия данного ряда (*синий* ('вечный, божественный' «+»), *чёрный* ('вечный, но приносящий страдания' «-»), *зелёный* ('живой, воскресший, обновлённый' «+»), *багровый* ('живой, но тварный, несовершенный' «-»)): символическая сторона осознавалась по-другому, но, несмотря на изменение словопорядка, перехода от эквиполентных оппозиций к градуальным не наблюдается (должно быть: *чёрный* ('адский') – *красный* ('тварный') – *зелёный* ('воскресший, но ранее был смертным') – *синий* ('божественный, вечный')); вместо этого

осуществляется переход непосредственно к привативным, т.е. маркированным оппозициям (вечность и жизнь (объём) бывают как со знаком «плюс», так и со знаком «минус» (содержание)).

Среди «царских» растений можно выделить и траву «Лероя», название которой было заимствовано из французского языка (от франц. *Le roi* 'король'), – на что указывает наличие в описании растения упоминания о французском вине – вероятно, имеющее значения 'царица', 'королева' [6. с. 1081–1082]. В тексте она называется матерью всех трав и наделяется большим количеством полезных свойств, которые делятся на семь (сакральное число) групп, в некоторых из них указывается на пользу растения для младенцев и деторождения. В описании венчиков этого растения используется три цветообозначения: «*Растет близь реки и источника, на ней три цвета: голубой, белой и вишнёвой*» (Лероя) [10, л. 29–29об.]. Издавна синий и голубой цвета ассоциировались с Богородицей (Небесной Царицей), которая чаще всего изображалась на иконах в одеянии голубого (снизу) и вишнёвого (поверх) оттенков [7, с. 169]. Белым же цветом пишутся одежды младенцев, Христа (в некоторых случаях) и праведников, также его символическое значение отражается в сюжетах, где Дева Мария изображается с белой лилией, которую ей приносит архангел Гавриил вместе с вестью о рождении Спасителя [там же, с. 168]. Таким образом, используемые цветообозначения имеют следующие значения: *голубой* – 'небесный', 'таинственный'; *белый* – 'чистый', 'непорочный', 'праведный', 'избранный'; *вишнёвый* 'царственный', 'плотский', 'избранный', 'страдающий'. Некоторые также считают, что «в сочетании красного и синего в образе Богородицы открывается ещё одна тайна – соединение материнства и девства» [там же, с. 169], то же можно сказать и про оппозиции лексем «голубой – вишнёвый», «белый – вишнёвый», которые имеют эквиполентный характер, т.к. с их помощью

гармонично отображаются разные, но положительные стороны боговоплощения.

Интересным можно считать выбор цветообозначений для «царского» растения «трава Иван», имеющего анропоморфный корень [3 URL]: «*Растет вышиною и толшиною вострелу, цветом **трехличен: лазорев, рудожёлт и синь**. Корень разделен **на трое**... И таково корня варить и пить по **три** утра...*» [10, л. 13об.–14]. Сразу стоит обратить внимание на усиленную числовую символику: число три, которое имеет большое значение и в языческой (фольклор), и в христианской культуре, повторяется три раза. Лексема «трёхличный» существенно усиливает второй (христианский) пласт, с её помощью создаётся отсылка к Троице, при изображении которой на иконах часто использовались оттенки, передаваемые с помощью присутствующих в описании этого растения цветообозначений, которые наделяются дополнительными символическими значениями. Для слова «синий» это, как было сказано ранее, 'небесный', 'таинственный', 'вечный', 'божественный'. Золотой, жёлтый, оранжевый и охристый цвета использовались для обозначения «сияния Божественной славы», следовательно, лексема «рудожёлтый» ('оранжевый'), кроме элементов значения, связанных с непостижимостью (тех, которые присутствуют у слова «синий»), имеет созначение 'сияющий', 'радостный' [7, с. 167–168]. Стоит отметить, что и прилагательное *синий*, по мнению многих учёных, содержит в себе сему 'сияющий' [1, с. 176], так, синий – с одной стороны, глубина и матовость, а, с другой – сияние (очень яркий, ослепляющий божественный свет мог изображаться с помощью синей иногда переходящей в чёрную краски). Использование прилагательного *лазоревый* в данном контексте нельзя считать абсолютно понятным, потому что оно должно так же как и два других цветообозначения выделяться из ряда однородных членов в семантическом отношении, что возможно лишь при рассмотрении его значения согласно с точкой зрения минеролога Севергина, который

считал, что лазоревый – это «яркой, синий цветъ съ малою токмо примѣсью краснаго» [1, с. 204]. В описаниях растений действительно нередко можно встретить контексты, где слово *лазоревый* имеет значение ‘сине-фиолетовый’, которое при описании данного растения дополняется семами прилагательных *багряный* и *синий*, отражая единство человечества и божества. Таким образом, данные цветообозначения выстраиваются в градуальную оппозицию на основе следующих компонентов значения: *синий* (‘божественный’, ‘непостижимый для человека’, ‘глубокий до ослепления’) – *рудожёлтый* (‘божественный’, ‘непостижимый для человека, но приносящий радость’, ‘сияющий, но не ослепительный’) – *лазоревый* (‘божественный и человеческий’, ‘непознаваемый человеком, но находящийся с ним в неразрывном единстве’).

Проанализировав описания мифологических растений, можно сделать вывод о том, что с помощью цветообозначений, вступающих в различные типы оппозиций, составители травников передают знание о сакральной сфере человеческой деятельности: мифических представлениях, которые, как правило выявляются при анализе эквиполентных оппозиционных рядов, и религиозных воззрений, наиболее полно отражающихся с помощью градуальной и привативной оппозиций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке / АН СССР. Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1975. – 288 с.
2. Ипполитова А.Б. Поверья о «царских» растениях в устной и рукописной традициях // Русская филология. 15. Сборник научных работ молодых филологов / Отв. ред.: Т. Кузовкина (литературоведение), К. Кару (лингвистика). – Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2004. С. 38–44.
3. Ипполитова А.Б. «Та трава есть царь во всех травах...»: Поверья о «царских» растениях в устной и письменной традиции. – URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/ippolitova1.htm>
4. Кузнецова Е.А. К вопросу о цветовом каноне в русском средневековом искусстве // Культурное наследие России №1–3. – Изд.: Федеральное государственное бюджетное научно-исследовательское учреждение «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева», 2013. С. 17–22.

5. Липинская В.А., Леонтьева Г.А. Действующий травник из Южной Сибири // Традиционный опыт природопользования в России / Отв. ред. Л.В. Данилова, А.К. Соколов. – М., 1998. – 613 с.
6. Макаров Н.П. Полный французско-русский словарь. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 1309 с.
7. Самойленко В.Н. Православие. Полная энциклопедия. – СПб.: ИГ «Весь», 2008. – 448 с.
8. Татарина Л.Н. Символика числа «четыре» в европейской духовной поэзии (Т.С. Элиот, Е. Шварц) // Российский гуманитарный журнал Т. 2. №1. – Изд.: Социально-гуманитарное знание, 2013. С 49–56.
9. Трав. I – Травник Ивана Бирюкова. № XVII в. XVIII в., РНБ, Ф. VI. 16.
10. Трав. II – Действующий травник из Южной Сибири.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 томах / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 4-е изд., стер. М.: Астрель, 2007. [Электронный ресурс]: URL <https://gufo.me/dict/vasmer?>
12. Флоринский В.М. Русские простонародные травники и лечебники. Собрание медицинских рукописей XVI и XVII столетия. – Казань, Типография Императорского Университета, 1879. – 251 с.
13. Шанский Н.М. Школьный этимологический словарь русского языка. 2-е изд. – М.: Дрофа, 2000, 399 с. [Электронный ресурс]: URL <https://lexicography.online/etymology/shansky/>
14. Юнг К. Ответ Иову. – М.: Канон+, ОИ «Реабилитация», 1998. – 382 с.

СОЛНЦЕВА Мария Игоревна (*Владимир, Россия*)

студент

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
maria.solntseva03@yandex.ru

Научный руководитель

КУЗНЕЦОВА Екатерина Александровна (*Владимир, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
e.a.lukyanova@yandex.ru

ПРИНЦИПЫ НОМИНАЦИИ В ОЙКОНИМИИ КИРЖАЧСКОГО РАЙОНА ВЛАДИМРСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются принципы номинации в ойконимии Киржачского района Владимирской области. Выделяются, во-первых, особенности ойконимов, благодаря которым мы можем узнать более подробно о них, во-вторых, в статье представлены три группы мотивировочных признаков, в связи с которыми будут проанализированы ойконимы. В данной работе мы можем проследить, от чего образованы названия деревень Киржачского района Владимирской области.

Ключевые слова: топоним, ойконим, принципы номинации, топонимия, локализованные топонимы.

Abstract. The article discusses the principles of nomination in oikonymy of the Kirzhach district of the Vladimir region. Firstly, the features of oikonyms are highlighted, thanks to which we can learn more about them, and secondly, the article presents three groups of motivational features in connection with which oikonyms will be analyzed. In this work, we can trace how the names of the villages of the Kirzhach district of the Vladimir region are derived.

Keywords: toponym, oikonym, principles of nomination, toponymy, localized toponyms.

Всё, что окружает нас в обычной жизни имеет своё значение и название, начиная от самых крупных, например название континентов, заканчивая самым малым – дома, колодца. Всё это является топонимами. Согласно определению А. В. Суперанской, топоним представляет собой «имя или «адрес» объекта, который помогает ориентироваться на местности» [2, с. 12]. Изучением географических названий, выявлением их своеобразия, историей возникновения и анализом изначального смысла слов, от которых они образованы, занимается топонимика – одна из отраслей языкознания.

Следует также остановиться на понятии «топонимия». «Топонимия – это географические названия, имена собственные, которые приходят в язык через историю, географические, культурные и другие особенности, появляющиеся в процессе жизни населения» [3, с. 4].

Существует множество разновидностей топонимов, в нашей работе мы остановимся на одном из видов – ойконимах, т.е. названиях населённых пунктов: деревень, сёл, посёлков, городов.

Ойконимы обладают следующими особенностями:

1) являются локализованными топонимами, то есть привязанными к определенным географическим объектам;

2) отражают историю и культуру местности, в которой они используются и содержат информацию, связанную с местными обитателями, их языком и историческими событиями;

3) выполняют важную коммуникативную функцию, помогая людям ориентироваться в пространстве и обозначать места в разговоре или на картах;

4) являются наиболее типичным классом топонимической лексики, так как они отражают основные черты этого явления, включая связь с общественными процессами, историей и культурой местности;

5) имеют высокую лингвистическую мобильность, изменяясь в соответствии с изменениями в обществе и географической среде.

В настоящей статье мы остановимся на ойконимах Киржачского района Владимирской области.

Киржач – один из малых городов России. Почему у города такое название? Ряд городов Владимирской области, например, Киржач, Судогда, Меленки названы по имени рек, вблизи которых они расположены. Некоторые исследователи полагают, что слово Киржач происходит из поволжской ветви финно-угорских языков и означает «левый приток Клязьмы». Слово это имеет ту же основу, что и Керженец в Заволжье, и Кержач в Мордовской АССР, что означает «левый». Ранее река Киржач была судоходна для достаточно больших торговых лодок (карбасов), но потом сильно обмелела, изменила берега и как водный путь более не использовалась. Киржач находится в слабо всхолмлённой долине. С севера, востока и юга город окружен лесами. Через город протекают река Киржач и её приток река Вахчелка.

Согласно «Реестру административно-территориальных образований и единиц Владимирской области», в Киржачском районе насчитывается 113 населённых пунктов. Их названия могут быть разделены на группы по принципам номинации.

Традиционно выделяют три группы объективных мотивировочных признаков:

1) признаки, проявляющиеся по отношению к человеку (антропоцентрический характер);

2) признаки, проявляющиеся по отношению к другим объектам;

3) признаки, присущие самому объекту.

Такой подход к изучению ойконимов позволяет понять, каким образом названия местности связаны с жизнью человека и природой. Он помогает узнать, какие особенности населения и местной культуры отразились в названиях местностей, а также какие растения и животные являются характерными для данного региона и отразились в ойконимах.

Анализ ойконимов Киржачского района по происхождению показал, что можно выделить следующие группы по принципам номинации:

I. Название дано в честь человека

1) по имени человека:

а) по имени мужчины:

- от крестильных мужских имён: *Ефаново* (от имени Епифан), *Арефино* (от имени Арефий);

- от некрестильных мужских имён: *Бабурино* (от имени Бабура), *Костешев* (от имени Костей);

б) по имени женщины: *Аленино* (от имени Алена), *Маринкино* (от имени Марина);

2) по фамилии человека: *Акулово* (от фамилии Окулов), *Семёновское* (от фамилии Семёнов);

3) по прозвищу человека: *Трутнево* (от прозвища Трутень), *Трусково* (от прозвища Трус);

4) по реалиям, связанным с бытом человека: *Бынино* (от слова «бынь» – место с железом), *Корытово* (от слова «корыто» – половинка расколотого бревешка, обделанная и выдолбленная с плоской стороны);

II. Название дано по соотнесенности с другим объектом:

1) церковь: *Знаменское* (от названия иконы Знамения Пресвятой Богородицы, во имя которой освящена местная церковь);

2) станция *Бельково* (по названию близлежащей деревни).

III. Название дано по признаку именуемого объекта:

1) растущие в округе деревья: *Вишняки, Дубки*;

2) растения, произрастающие на территории: *Першино* (от названия «пшено»), *Хмелево* (от названия растения «хмель»);

3) фауна: *Ельцы* (от названия рыбы елец), *Храпки* (по версии краеведов, при подъезде к деревне, как со стороны Киржача, так и со стороны Москвы, лошади, груженые товарами, поднимаясь в гору, издавали храп, из-за чего и образовалось название деревни);

4) указание на особенности ландшафта в округе: *Бережки* (деревня расположена на берегу реки), *Горка*;

5) время создания населённого пункта: *Новинки, Новосёлово, Старково, Старово*.

Анализируя полученные результаты, мы видим, что, многие названия населенных пунктов (ойконимов) нередко происходят от имен и фамилий первых поселенцев или других значимых личностей, связанных с историей этой местности. Культурные особенности, быт и географическое расположение также оказывают существенное влияние на процесс номинации населенных пунктов. Культурные особенности могут проявляться в использовании местных языков, мифологии, легенд или исторических событий при выборе названий. Быт и образ жизни местных жителей также могут повлиять на выбор названия. Географическое расположение, такое как реки, горы, леса, также часто служит мотивировочным признаком для названий населенных пунктов. Таким образом, название населенного пункта часто отражает историю, культуру и своеобразие местности, а также может быть памятником важным событиям и людям, связанным с этим местом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лукьянова Е. А. Топонимическая лексика Владимирской области: структурно-грамматический и семантический аспекты : автореф. дис. канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. А. Лукьянова. Владимир : 2012

2. Суперанская А. В. Что такое топонимика? М: Наука, 1985.

3. Смолицкая Г. П. Занимательная топонимика: Кн. для учащихся ст. классов. М: Просвещение, 1990 127 с.

4. Никонов В. А. Введение в топонимику. М. : Издательство ЛКИ, 2011 184 с.

СПЕЛОВА Анастасия Александровна (*Владимир, Россия*)

студент

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
nssty3664@gmail.com

Научный руководитель

КУЗНЕЦОВА Екатерина Александровна (*Владимир, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
e.a.lukyanova@yandex.ru

ВОСТОЧНОАЗИАТСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ: К ВОПРОСУ ТЕРМИНОЛОГИИ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы терминологии в области лексических заимствований. Анализируется, во-первых, история изучения иноязычных слов, выделяются периоды и характерный для них лексический состав, во-вторых, современные тенденции в языке и генетический состав новейших заимствований. Выделяются языки, которые являются на данный момент ведущими в трансляции лексики в русский язык. Рассматривается проблема терминологической номинации лексем, заимствованных из восточноазиатских языков.

Ключевые слова: лексическое заимствование, иноязычное слово, современные языковые тенденции, восточноазиатские языки, японский язык, китайский язык, корейский язык.

Abstract. The article discusses the issues of terminology in the field of lexical adoptions. Firstly, the history of study of foreign words is analyzed, periods and their characteristic lexical composition are highlighted, and secondly, modern tendencies in language and the genetic composition of the latest adoptions are examined. The languages that are currently leading in the translation of vocabulary into Russian are highlighted. The problem of terminological nomination of lexemes borrowed from East Asian languages is considered.

Keywords: lexical adoption, foreign language word, modern language tendencies, East Asian languages, Japanese language, Chinese language, Korean language.

Язык, как ничто другое, чувствует любые изменения в обществе и в мире в целом. В нем находят отражение политические связи между разными странами, технический и научный прогресс, религия и многое другое. Ни для кого не секрет, что за последние 20 лет наша жизнь претерпела серьезные изменения, то же самое касается и языка. Согласно Н. С. Мулладжановой, «язык – свидетель культуры», так как в нем запечатлены те социальные изменения, которые претерпевает

культура [5: 49]. Сегодня одной из наиболее важных тенденций в культурной и языковой сферах является процесс заимствования. Изучением процесса заимствования слов одного языка другим отечественные учёные-лингвисты активно начали заниматься только в начале XIX в. Следующие пятьдесят лет стали периодом накопления теоретических знаний по данной теме: были собраны научные сведения о взаимодействии языков, появились общетеоретические разработки данного вопроса.

С точки зрения диахронии процесс заимствования иностранных слов русским языком является довольно древним. С. Н. Ёрова в своей статье «История заимствований слов в русском языке» отмечает, что первые слова неславянского происхождения стали появляться ещё в VIII–XII вв. с приходом на славянские территории норманов [2: 155]. Они принесли с собой лексику, в большей степени связанную с морским промыслом: *варяг, ворвань, кнут, ларь, пуд, сельдь* и др. [9: 97].

Затем, в связи с нашествием татаро-монгольского ига, тогда ещё древнерусский язык обогатился тюркоязычной лексикой: *сарай, алый, башмак, казна, деньги*.

Огромное влияние европейских языков претерпел русский язык XVI–XVIII вв. Преобразования всех сторон жизни, осуществлённые Петром I, способствовали обогащению русской лексики. Больше всего заимствовались слова из немецкого, голландского и английского языков: *блицкриг, вахта, китель, бакборт, задраивать, мичман* и др.

Как известно в XVIII–XIX вв. особой популярностью пользовался французский язык, а в светских кругах говорить по-русски вообще считалось дурным тоном. Наследием этой эпохи стали следующие слова: *драп, трико, корсет, кашне, корсаж, гарнизон, мина, партизан, батарея, атака, блиндаж, авангард, арьергард, команда* [8: 39].

В XX вв. новые лексемы появились чаще всего в связи с появлением новых явлений и понятий, а также из-за бурного развития

науки, техники, экономики и т.д. Например, в 50–70-е гг. новые термины появились в связи с освоением космоса: *космонавт, телеметрия, космический корабль*.

Говоря об особенностях процесса заимствования на рубеже XX–XXI вв., Е. В. Маринова сравнивает современную языковую ситуацию с аналогичным процессом, происходившим в Петровскую эпоху: «Важнейшая особенность современного заимствования заключается в том, что языком-источником является преимущественно один язык – американский английский, тогда как в Петровскую эпоху активное заимствование слов шло параллельно из нескольких европейских языков (голландского, немецкого, итальянского, английского и др.)» [4: 125]. Стоит уточнить, что лидирующая позиция английского не говорит о полном прекращении заимствования слов из других языков. Однако в процентном соотношении доля таких единиц гораздо меньше. Это доказывает исследование генетического состава слов, заимствованных в последние годы, которое в 2008 г. провели научные сотрудники Нижегородского государственного лингвистического университета. Исследователи пришли к выводу, что среди заимствований в современном русском языке «преобладают слова, заимствованные из английского языка (приблизительно 74,3%), незначительно число галлицизмов (8%), германизмов (около 3-х%), заимствований восточного происхождения (4,8%): бонсай (япон.), фен-шуй (кит.), моджахед* (араб.) и др.» [7: 37].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что главными языками-источниками для заимствований в общей массе остаются языки европейские (английский, французский и немецкий). Однако наблюдается новая тенденция: количество ориентализмов 5 лет назад уже начинает превышать количество заимствований из некоторых европейских языков, например, из немецкого.

Стоит отметить, что под термином «ориентализм» и такими его синонимами, как «восточные слова», «восточные заимствования», «восточная лексика», понимаются слова, заимствованные из восточных языков, то есть народов, не относящихся к западноевропейской культуре» [1: 5]. К таким языкам относятся тюркские, иврит, монгольский, хинди, иранский, арабский, китайский, корейский и японский. Такой большой объем понятия лишает термин «ориентализм» точности. Вследствие этого Н. Н. Мухина выделяет из понятия «восточная лексика» несколько референтов: 1) тюркизмы, заимствования из различных тюркских языков; 2) арабизмы, проникшие в русскую языковую систему из арабского языка; 3) японизмы – заимствования из японского языка; 4) китаизмы – заимствования из китайского языка; 5) гебраизмы – слова и выражения, пришедшие в русский язык из еврейского языка (иврит); 6) немногочисленные заимствования, которые представляют собой иранизмы, монголизмы, кавказизмы, кореизмы и т.п.

Таким образом, исследователь делит все ориентализмы по языку-источнику. Однако данная классификация не кажется нам совершенной, т.к. она не отражает современных языковых тенденций. Многие учёные отмечают, что раньше преобладающую роль в трансляции соответствующей лексики восточного происхождения имели тюркские языки, в то время как сейчас эту позицию заняли языки Восточной Азии [6: 152]. Однако в вышеуказанной классификации нет особых групп для языков Восточной Азии (японский, китайский, корейский и монгольский), мы можем только отдельно рассматривать заимствования из соответствующих языков. Дело в том, что с точки зрения генеалогической классификации родственными из этих трёх языков являются только японский и корейский – они относятся к восточно-ностратическим языкам алтайской семьи. Китайский же относится к сино-кавказским языкам сино-тибетской семьи.

Однако заимствования можно классифицировать и с точки зрения хронологии. В таком случае все иноязычные слова можно разделить на четыре группы: древние, старые, новые и слова абсолютной новизны [4: 41]. В рамках этой классификации важными оказываются не генетические характеристики языков, а географическое расположение народов, которые говорят на данных языках. В связи с этим появляется, например, такой термин как «западноевропейизм» [6: 119]. Как уже говорилось ранее, в Петровскую эпоху возрастает количество заимствований из немецкого, голландского, французского и британского английского, и связано это не с генетическими характеристиками языков (они принадлежат к разным языковым группам), а с тем, что в начале XVII в. Россия налаживала политические связи с со странами конкретного региона – с Западной Европой. По аналогии с термином «западноевропейизм» появляются такие термины, как «языки Восточной Азии», «восточноазиатские заимствования» [6: 19], характеризующие регион, который последние двадцать лет активно транслирует иноязычную лексику в русский язык. К причинам появления данных терминов относится желание сузить понятие «ориентализм», а также охарактеризовать иноязычные слова с точки зрения синхронных процессов и вертикального контекста современного межъязыкового взаимодействия.

Более конкретное значение является несомненным преимуществом терминов, характеризующих источник заимствования с точки зрения региона, активно транслирующего свою лексику в конкретный исторический и временной период. Однако их тоже нельзя назвать вполне однозначными, потому как, говоря, например, о западноевропейизмах XVIII в., мы не имеем в виду языки всех народов Западной Европы. С трудом мы сможем найти заимствования данного периода из люксембургского. То же самое касается слов, заимствованных из восточноазиатских языков. Говоря о данных

лексемах, мы, например, исключаем слова монгольского происхождения, поскольку влияние данного государства на другие страны на современном этапе развития геополитической ситуации в мире является минимальным.

Таким образом, в данной статье мы рассмотрели особенности процесса лексического заимствования в диахронии, генетический состав слов, заимствованных в русский язык за последние двадцать лет, а также выяснили, что значительная часть заимствований принадлежит ориентализмам, т.е. словам восточного происхождения. Сам термин «ориентализм» является довольно многозначным, что представляет определённую научную проблему. При изучении иноязычной лексики её чаще всего характеризуют по языку-источнику, однако такой подход не отражает синхронных особенностей процесса заимствования. Исходя из этого, мы предложили воспользоваться хронологическим подходом, в рамках которого можно выделять такие термины, как «восточноазиатские заимствования», «слова восточноазиатского происхождения», отличающиеся более узким значением, чем «ориентализм».

ЛИТЕРАТУРА

1. Габдуллина Г. Х., Фомина, Т. Г. Акцентная адаптация тюркизмов в русском языке // Филология и культура. Казань: Изд-во ФГАОУ ВПО КФУ. 2012. № 2. С. 36–41.
2. Ёрова С. Н. История заимствований слов в русском языке // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2017. №2 (51). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-zaimstvovaniy-slov-v-russkom-yazyke> (дата обращения: 26.11.2023).
3. Маринова Е. В. Иноязычная лексика современного русского языка : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука. 2012. 288 с.
4. Маринова Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX -XXI в.: проблемы освоения и функционирования. Москва: ЭЛПИС. 2008. 495 с.
5. Мулляджанова Н. С. Англоязычные опосредованные терминологические заимствования в русском языке как результат взаимодействия языков и культур // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 1(45). С. 49–53.
6. Мухина Н. Н. Восточные заимствования в современном русском языке: системно-описательный аспект : специальность 10.02.00 "Языкознание" : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Мухина Наталья Николаевна. Ставрополь. 2019. 204 с.

7. Новые слова XXI в.: словарные материалы к спецкурсу по неологии: Практикум. / Сост. Е. В. Маринова. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет. 2008. 29 с.

8. Пименова М. В. Лексикология. Фразеология. Лексикография: курс лекций. Владимир: ВлГУ. 2018. 58 с

9. Рахманова Л. И., Суздальцева В. Н. Современный русский язык. Лексика. Фразеология. Морфология: Учебное пособие. М.: Изд-во МГУ, Издательство «ЧеРо». 1997. 480 с.

СУН Кэлинь (Гродно, Беларусь)

аспирант

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

Songkelin96@gmail.com

Научный руководитель

СИДОРОВИЧ Зоя Зигмундовна (Гродно, Беларусь)

кандидат филологических наук, доцент

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КОНФУЦИЯ И ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ГАЗЕТНОМ КОРПУСЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Статья посвящена исследованию языковой личности Конфуция. Анализ леммы *Конфуций* в текстах газетного корпуса Национального корпуса русского языка показал, что языковая личность Конфуция проявляется в следующих категориях: 'автор афоризмов', 'создатель учения', 'философ', 'основатель конфуцианства', 'мудрец', 'учитель', 'мыслитель', 'деятель', 'ученый', 'проповедник', 'изобретатель игры', 'музыкант', 'редактор', 'социолог', 'восточная знаменитая личность', 'авторитетный человек', 'знаменитая личность' и 'странный и строгий человек'. Изучение языковой личности Конфуция в газетном корпусе позволяет получить более полное представление о том, как Конфуций воспринимается и понимается русскоговорящими в западном мире.

Ключевые слова: языковая личность, Конфуций, газетный корпус, Национальный корпус русского языка, корпусная лингвистика.

Abstract. The article is devoted to the study of Confucius' linguistic personality. The analysis of the lemma Confucius in the texts of the newspaper corpus of the National Corpus of the Russian Language has shown that the linguistic personality of Confucius is manifested in the following categories: "author of aphorisms", "creator of teachings", "philosopher", "founder of Confucianism", "Sage", "teacher", "thinker", "worker", "scientist", "preacher", "inventor of the game", "musician", "editor", "sociologist", "eastern famous person", "authoritative person", "famous person" and "strange and strict person". The study of Confucius' linguistic personality in the newspaper corpus provides a better understanding of how Confucius is perceived and understood by Russian speakers in the Western world.

Keywords: linguistic personality, Confucius, newspaper corpus, National Corpus of Russian Language, corpus linguistics.

Газеты – первые и старейшие средства массовой информации, зеркало своего времени. Изучая какой-либо период истории, исследователи обращаются к газетам в поисках на их страницах информации о фактах, событиях, выступлениях, характеризующих время, которое их привлекает. Газета сохраняет аромат времени, которое она отображает [1]. Газетный корпус Национального корпуса русского языка (НКРЯ) – это богатый источник информации для изучения языковых проблем. Корпус газетных текстов содержит только целые тексты, как правило, газеты включаются целиком. Все тексты имеют метатекстовую, морфологическую и семантическую разметку (часть текстов вошла в корпус со снятой омонимией) [4: 310].

Механизм создания концептуального значения может базироваться на анализе контекстов, содержащих рассматриваемое понятие, образ, символ, и на основе интерпретации полученной информации [2: 189]. Это дает возможность представить реальную картину ментальности того или иного народа, в том числе восприятие и понимание конкретной языковой личности.

Лемма *Конфуций* встречается в 84 вхождениях, относящихся к газетным текстам, созданным с 1990 г. по 2020 г. В корпусе представлены контекстуальные источники, в которых упоминается Конфуций, в основном это газета: «Известия» (19 вхождений), «РИА Новости» (18), «Труд 7» (18), «Аргументы и факты» (13), «Комсомольская правда» (10) «Vesti.ru» (9), «Ведомости» (8), «Новая газета» (4) и др.

По вхождению можно выделить 23 области, где встречаются упоминания о Конфуции: цитирование и афористика, социология, философия, игра, редакторская деятельность, музыка, религия, политика, учение и обучение, культура, быт и повседневная жизнь, место жизни, эмиграция, время смерти, время рождения, место рождения, место захоронения, место смерти, время женитьбы, семья

Конфуция, работа, образ Конфуция и метафорическое значение. Область, в которой представлено больше всего информации о Конфуции, – это цитирование и афористика (44 вхождения).

В результате анализа газетного корпуса и 84 вхождений выявлено 4 ядерных значения: 'языковая личность Конфуция', 'биография Конфуция', 'значение личности Конфуция и его учения' и 'характеристика'.

14 периферийных значений обнаружены в ядерном значении 'языковая личность Конфуция': 'автор афоризмов', 'создатель учения', 'философ', 'основатель конфуцианства', 'мудрец', 'учитель', 'мыслитель', 'деятель', 'ученый', 'проповедник', 'изобретатель игры', 'музыкант', 'редактор' и 'социолог'. 2 периферийных значения представлены в ядерном значении 'значение личности Конфуция и его учения': 'восточная знаменитая личность' и 'авторитетный человек'. 11 периферийных значений обнаружены в ядерном значении 'биография Конфуция': '551 до и. э.', 'город Цюйфу провинции Шаньдун', 'верховный прокурор и главный советник правителя', '479 до и. э.', 'царство Лу', 'обедневшая знатная семья', 'царство Ци', 'Цюйфу', 'храм Куфу', 'хранитель хлебных амбаров' и '19 лет'. 2 периферийных значения обнаружены в ядерном значении 'характеристика': 'знаменитая личность' и 'странный и строгий человек'.

В области цитирования и афористики – 44 вхождения представляют языковую личность Конфуция в периферийном значении 'автор афоризмов'. Мысли и мудрость Конфуция заключены в его афоризмах, которые широко цитируются с древних времен до наших дней, а мысли Конфуция имеют огромное значение и для современного общества. В газетном корпусе следующие газеты часто цитируют афоризмы Конфуция («Известия», «Аргументы и факты», «Vesti.ru», «Труд-7», «Ведомости» и «Новая газета») в качестве аргументов в описании событий и для передачи ценностей и определенного взгляда

на жизнь, например: *Хватит клясть тьму, лучше зажги свою маленькую свечку; Выбери работу по душе, и тебе не придется работать ни одного дня в своей жизни; Достойный муж стремится к гармонии.*

В области учения и обучения 11 вхождений представляют языковую личность Конфуция в периферийном значении 'создатель учения'. Среди источников информации о Конфуции в газетном корпусе упоминается несколько важных концепций учения Конфуция. В источнике «Китайский мыслитель и философ Конфуций (Кун-цзы)» дважды упоминается *Цзынь-цзы* – это идеальный человек, совершенный человек. В своем учении Конфуций выражал свои моральные взгляды, противопоставляя поведение *Цзынь-цзы* и *Сяо-Жэнь*. В источнике «Лобов Юрий» автор упоминает *концепцию идеального человека*, который обладает пятью высшими добродетелями – *мудрость, гуманность, верность, почитание старших и мужество*. В источнике «Законное бесправие» упоминается одна из концепций учения Конфуция – *употребление имен*. Конфуций объясняет концепцию *употребления имен* в книге «Лунь Юй» следующим образом: *Если имена неправильны, то слова не имеют под собой оснований. Если слова не имеют под собой оснований, то дела не могут осуществляться* [3: 98].

В области философии 13 вхождений представляют языковую личность Конфуция в периферийном значении 'философ'. В источниках «Ильина Александра. 30 карьерных советов от великих людей», «Китайский мыслитель и философ Конфуций (Кун-цзы)», «Мамедова Майя. Последняя колонка», «Почему китайцы строят СССР» и «Лобов Юрий» авторы называют Конфуция *философом*. В источнике «Сергей Лесков. Япония периода полураспада» автор называет *Конфуция и Лао-Цзы восточными философами*. Лао-Цзы – великий мыслитель, философ и основатель даосской философской школы в Древнем Китае.

Суть его учения заключается в диалектическом методе, который отстаивает правило ничегонеделания, его учение оказало глубокое влияние на развитие китайской философии. В источниках «Структуры по борьбе с коррупцией все больше, но они в итоге сами крышуют бизнес» и «Кто отворовал, тот должен уйти!» автор упоминает в одном ряду трех знаменитых философов: *Льва Толстого, Достоевского и Конфуция*.

В области учения и обучения 11 вхождений представляют языковую личность Конфуция в периферийном значении 'учитель'. В источнике «Лобов Юрий» автор называет Конфуция *учителем 10 тысяч поколений*, здесь также упоминается, что у Конфуция было 3 000 учеников. Большую часть своей жизни он посвятил педагогической деятельности – проповеди, обучению и решению проблем воспитания, создал эффективные методы образования, обобщил и пропагандировал ряд продуктивных принципов обучения, сформировал относительно полную систему содержания обучения, выдвинул ряд далеко идущих педагогических идей и стал образцом учительской этики.

В области философии 8 вхождений представляют языковую личность Конфуция в периферийном значении 'мудрец'. В источнике «Лучше увидеть лицо, чем услышать имя» *великими мудрецами* автор называет *Конфуция, Сократа, Будду, Христа*.

В области философии 7 вхождений представляют языковую личность Конфуция в периферийном значении 'мыслитель'. В источниках «В Китае обнаружили захоронения эпохи Конфуция», «Китайский мыслитель и философ Конфуций (Кун-цзы)» и «Павлова Аза. Александр починок: все мы находимся за чертой бедности, только по разные ее стороны» авторы называют *Конфуция китайским мыслителем*. В источнике «Китайский мыслитель и философ Конфуций (Кун-цзы)» автор упоминает *Янь Ин* и *Конфуция*. Янь Ин был известным государственным деятелем, мыслителем и дипломатом из Ци в период Весны и Осени. Янь Ин и Конфуций схожи во многих мыслях, например,

Конфуций придавал особое значение ритуалам и праведности, Янь Ин также настаивал на управлении страной с помощью ритуалов, подчеркивал, что «праведность – это основа прибыли».

В области религии 4 вхождения представляют языковую личность Конфуция в периферийном значении 'основатель конфуцианства'. Неоднократно упоминаются во вхождениях в одном ряду с *Конфуцием Сергий Радонежский* (представитель деятельного исихазма, основоположник русского старчества и монашеского общежития), *Будда* (древнеиндийский мыслитель, просветитель, религиозный реформатор и основатель буддизма), *Торквемада* (основатель испанской инквизиции, первый великий инквизитор Испании), *Иисус* (библейский Спаситель мира), *Серафим Саровский* (иеромонах Саровского монастыря, основатель и покровитель Дивеевской женской обители). Конфуцианство – самая влиятельная школа мысли в Древнем Китае, зародившаяся в эпоху Весны и Осени и в период Воюющих государств, и *основоположником конфуцианства* был *Конфуций* (источник «Китай вслед за Россией принял закон об НКО»).

В области политики 3 вхождения представляют языковую личность Конфуция в периферийном значении 'деятель'. Конфуций был не только педагогом, мыслителем и философом, но и великим деятелем. Его политическая концепция, в центре которой стояли «благожелательность, благопристойность и добродетель», была принята последующими поколениями и до сих пор вызывает восхищение: *Если руководить народом посредством законов и поддерживать порядок при помощи наказаний, народ будет стремиться уклоняться от наказаний и не будет испытывать стыда. Если же руководить народом посредством добродетели и поддерживать порядок при помощи ритуала, народ будет знать стыд, и он исправится* [3: 8]. В источнике «Такая разная казнь» автор упоминает, что в конфуцианской системе ценностей казнь моральна и этична.

В области учения и обучения 2 вхождения представляют языковую личность Конфуция в периферийном значении 'ученый' и 2 вхождения в периферийном значении – 'проповедник'. В источнике «Правило большой кучи» автор называет Конфуция *ученым Кун Цзы*. В источнике «Зачистка голубого экрана» автор говорит о Конфуции как о *выдающемся проповеднике морали и нравственности*. В источнике «Китайский мыслитель и философ Конфуций (Кун-цзы)» также говорится, что Конфуций провел большую часть своей жизни, путешествуя по стране и распространяя свое учение.

В области игры 1 вхождение представляет языковую личность Конфуция в периферийном значении 'изобретатель игры'. В источнике «Рейтинг Синдзо Абэ спустили в маджонг» автор упоминает, что Конфуций во время своих путешествий изобрел игру в кости «Маджонг». Считается, что каждая карта в маджонге содержит учение Конфуция. Например, красная центральная плитка представляет идею «любви и благожелательности», плитка со сделкой – идею «искренности», а белая плитка – идею «сыновней почительности».

В области музыки 1 вхождение представляет языковую личность Конфуция в периферийном значении 'музыкант'. В источнике «Древний музыкальный инструмент продали за 20 миллионов долларов» автор упоминает, что Конфуций умел играть на музыкальном инструменте. Конфуций высоко ценил музыку и преподавал ее как одно из шести искусств. Врожденный талант, преданность и одержимость Конфуция обучению музыке сделали его профессионалом в этом искусстве. Он овладел различными музыкальными навыками, такими как удар в колокольчики, барабанный бой, игра на цитре, пение и сочинение. Его понимание музыки и постижение законов игры достигли редко встречающейся в древности высоты. Таким образом, языковая личность Конфуция здесь представлена в значении 'музыкант'.

В области редакторской деятельности 1 вхождение представляет языковую личность Конфуция в периферийном значении 'редактор', т. к. в источнике «Китайский мыслитель и философ Конфуций (Кун-цзы)» говорится, что Конфуций редактировал китайские литературные памятники. Конфуций составил, редактировал и комментировал такие письменные памятники, как «Шу цзин» («Книга истории»), «Ши цзин» («Книга стихов»), «Чунь цю» («Весны и осени»), «И цзин» («Книга перемен»), «Юэ цзин» («Книга о музыке»), «Ли цзи» («Записи о ритуалах»).

В области социологии 1 вхождение представляет языковую личность Конфуция в периферийном значении 'социолог'. В источнике «Nintendo заигрывает со взрослыми» автор называет Конфуция *социологом древности*.

В области культуры 9 вхождений представляют языковую личность Конфуция в периферийном значении 'восточная знаменитая личность'. В источнике «Китайские сюрпризы в России» автор перечисляет четыре символа Китая: *Шао-линь, у-шу, Великая стена и Конфуций*. *Шао-линь* – самая распространенная школа боевых искусств, возникшая на базе храма Шаолинь в Суншане во времена династии Тан. *Ушу* – это унаследованная техника древних военных действий, органическая часть традиционной культуры китайской нации и уникальная форма выражения, которая включает философские, технические, развлекательные, культурные и другие аспекты. *Великая стена* – это древний оборонительный проект, строительство которого заняло больше всего времени и включало в себя самый крупный объект инженерных работ в истории человечества, это символ китайской нации, который объединяет усилия и мудрость китайских людей всех рас на протяжении многих поколений и аккумулирует глубокий смысл китайской цивилизации. Как символ самосовершенствования и единства цели

китайской нации, Великая стена несет в себе много культурных воспоминаний и нравственных чувств китайской нации.

Упомянув *часть мировой культуры* в источнике «Остаюсь максималистом», автор перечисляет следующих великих людей: *Лао-цзы, Конфуций, Достоевский и Набоков*. *Лао-цзы* – великий китайский мыслитель, философ и мудрец, а его книга «Дао дэ цзин» известна как «Царь всех писаний», охватывающая множество дисциплин, таких как философия, этика, политика и военное дело, и почитается потомками как сокровенный текст для управления страной, поддержания порядка в семье и обучения. Она оказала глубокое влияние на философию, науку, политику и религию, воплотив в себе мировоззрение и взгляды на жизнь древних китайцев. *Достоевский* – русский писатель, мыслитель, философ и публицист, а влияние его интеллектуальных и художественных достижений в литературном творчестве было всемирным и вышло далеко за пределы русского литературного мира; его философские идеи оказали влияние на философов Шопенгауэра и Ницше и признаны одним из интеллектуальных источников модернистской литературы. *Набоков* – русский и американский писатель, поэт, переводчик, литературовед.

В источнике «Уборщицы безнадежно испортили росписи VI века до нашей эры» упоминается *Храм Конфуция*, который является одним из объектов культурного наследия ЮНЕСКО, что свидетельствует о значимости Конфуция для всего мира. Таким образом, языковая личность Конфуция здесь представлена в значении 'восточная знаменитая личность'.

В области быта и повседневной жизни 3 вхождения характеризуют языковую личность Конфуция в периферийном значении 'авторитетный человек'. В источнике «Любовь Дунаева. Лови мышей, Конфуций!» автор в ироничной форме использует имя Конфуция для прозвища кота. В источнике «Нас никто не тащил во власть силой» автор перечисляет

людей, олицетворяющих *авторитет: отец и Конфуций*. Это говорит о том, что Конфуций предстает в сознании даже обычных людей как известная и авторитетная личность.

Анализ источников газетного корпуса, содержащих лемму *Конфуций*, позволил выявить следующие области упоминания, по которым можно определить основные этапы жизни и творчества Конфуция: время рождения (6 вхождений), работа (4), место рождения (3), время смерти (2), место жизни (2), семья Конфуция (1), время женитьбы (1), эмиграция (1), место смерти (1), место захоронения (1).

На основе анализа вхождений из разных источников газетного корпуса, можно составить краткое описание биографии Конфуция: *Конфуций родился в 551 году до н. э. и умер в 479 году до н. э. в возрасте 72 лет. Конфуций родился в государстве Лу (современный город Цюфу, провинция Шаньдун) в обедневшей и знатной семье и провел большую часть своей жизни в Лу, где и умер. После народных волнений в Лу Конфуций эмигрировал в процветавшее тогда соседнее царство Ци. Он женился в 19 лет, работал хранителем хлебных амбаров, верховным прокурором, главным советником правителя. Конфуций с детства был знаком с традиционными ритуалами, и в молодости он прославился в Лу своими обширными познаниями в области ритуалов и музыки и занялся профессией конфуцианца, зарабатывая на жизнь проведением похоронных и жертвенных обрядов. В среднем возрасте он собирал учеников, читал лекции и занимался просветительской деятельностью. В пятидесятилетнем возрасте он стал главным советником правителя Лу, активно проводя в жизнь собственные политические взгляды. Вскоре из-за политических разногласий с правителями он оставил свой пост и отправился в Лу, путешествуя с учениками по всему миру для пропаганды собственных политических идей и идеологии, которые не нашли применения. В последние годы жизни он вернулся в Лу и*

посвятил себя делу образования. Местом захоронения стал Храм Конфуция.

В области метафорического значения 4 вхождения представляют языковую личность Конфуция в периферийном значении 'знаменитая личность'. В источнике «Лобов Юрий» автор называет Конфуция *посланником неба*. В источнике «Официальный Тбилиси пытается убедить всех, что в Панкиси все спокойно» автор называет Конфуция *великим Конфуцием*.

2 вхождения представляют языковую личность Конфуция в периферийном значении 'странный' (источник «Правило большой кучи») и 'строгий человек' (источник «Здравствуй, племя младое, китайское!»).

Таким образом, в газетном корпусе количество вхождений с леммой *Конфуций* представляет, в первую очередь, периферийное значение 'автор афоризмов' (44 вхождения). Влияние конфуцианства, составляющего основу традиционной китайской культурной мысли, на мир соответствует историческому статусу Китая. Конфуций стал выдающимся деятелем мировой культуры, а его мысли – ценным культурным наследием для всего человечества, что и отражено в газетном корпусе НКРЯ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Газета в системе средств массовой информации тенденции развития типологической системы газет. Режим доступа: <https://pandia.ru/text/78/399/13807.php>. Дата обращения: 16.02.2024.
2. Колесов В.В. Концептуальное поле русского сознания // Лингвокультурология, 2016. № 10. С.187–209.
3. Переломов Л.С. Конфуций «Лунь юй». М.: «Вост. лит.», РАН, 1998. 588 с.
4. Савчук С.О. Корпус современной русской прессы: из опыта создания и использования. // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика–2011». Санкт-Петербург: С.-Петербургский гос. ун-т, филолог. фак-т, 2011. С.309–315.

СУПРУНОВА Ольга Дмитриевна (*Владимир, Россия*)

студент

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
sup_olga@mail.ru

Научный руководитель

КУЗНЕЦОВА Екатерина Александровна (*Владимир, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
e.a.lukyanova@yandex.ru

АСТИОНИМЫ ВЛАДИМИРСКОЙ И РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ

Аннотация. Настоящая работа посвящена сравнительному анализу астионимов Владимирской и Рязанской областей. Астионимы, т.е. названия городских поселений, часто являющиеся результатом искусственной номинации, представляют огромный интерес и как лингвистический источник, и как историко-географический материал. В статье представлена классификация астионимов двух регионов по принципам номинации, на основании чего сделаны выводы об особенностях образования названий городских поселений указанных территорий и Центральной России в целом.

Ключевые слова: ономастика, топонимы, астионимы, семантика, принцип номинации.

Abstract. This work is devoted to a comparative analysis of astiononyms in the Vladimir and Ryazan regions. Astyonyms, i.e. the names of urban settlements, being often the result of an artificial nomination, are of great interest both as a linguistic source and as historical and geographical material. The article presents a classification of astyonyms of two regions according to the principles of nomination, on the basis of that conclusions are drawn about the peculiarities of the formation of the names of urban settlements of these territories and Central Russia as a whole.

Keywords: onomastics, toponyms, astyonyms, semantics, principle of nomination.

Необходимость изучения географических названий в настоящее время обусловлена взаимосвязью топонимики со многими другими областями науки. В связи с этим особый интерес представляет разработка внутри данной сферы научного знания более узких направлений, одним из которых является изучение астионимов.

Несмотря на обширный материал по непосредственно владимирской топонимике, собранный на кафедре русского языка ВГПИ (ныне – ПИ ВлГУ) В. В. Носковой, а также ее последователями (Е. А. Кузнецовой и др.), анализ астионимов с последующим

сопоставлением выводов, полученных на основе изучения языкового материала разных областей, можно назвать относительно малоизученной темой. Указанные факты в совокупности определяют актуальность данного исследования.

Эмпирической базой исследования является языковой материал, представленный названиями городских поселений Владимирской и Рязанской областей в количестве 64 единиц: 31 название во Владимирской области и 33 названия в Рязанской области.

Понятие «астионим» впервые введено в употребление А. В. Суперанской в её труде «Общая теория имени собственного» 1973 г. [6]. Астионим – это вид ойконима, собственное имя города [5: 39].

На основе анализа основных тенденций в номинации городов, можно сделать вывод, что астионимы как названия городов являются в основном продуктом искусственной номинации. При этом имеются случаи, когда название конкретного города происходило на основе наименований уже существующих поблизости примечательных географических объектов, что является примером естественной номинации [4: 142].

Многие астионимы, являясь древними фактами языка, ценны в качестве современных и живых свидетелей различных древних языков. Некоторые из них называют специфические предметы быта, игравшие важную роль в истории поселения, некоторые являются собой заимствованные слова из древних наречий. Изучение лексического состава и грамматической структуры ойконимов представляет собой важный научно-теоретический материал, который ценен для истории языка, исторической лексикологии и диалектологии [3: 62].

В процессе анализа языкового материала были проанализированы семантические особенности астионимов Владимирской и Рязанской областей.

При анализе владимирских астионимов была предпринята попытка классификации названий на основе семантики производящих основ. Были выделены следующие группы значений производящих основ астионимов:

1) имена: *Владимир, Собинка, Александров*;

2) фамилии: *Карабаново, Кольчугино, Костерёво, Лакинск* и др.;

3) географическое положение объекта, особенности ландшафта: *Вязники* (от слова «вязник», т. е. вязовый лес), *Камешково, Гороховец* (от финно-угорского «хорроховесь», т. е. «дремлющая в снегах деревня») и др.;

4) род деятельности, специализация: *Ставрово* (предположительно, от греческого слова со значением «крест», т. к. Ставрово много лет было монастырским селом), *Меленки* (предположительно, от словосочетания «мять лён (ленки)»);

5) историческое название жителей данной местности: *Муром*;

6) название градообразующего предприятия: *Курлово* (поселение названо так же, как и построенный одновременно с ним стекольный завод), *Радужный* (градообразующее предприятие – ФГУП «Государственный лазерный центр «Радуга» им. И.С. Косьминова»);

7) название городского округа: *Гусевский*;

8) название близлежащего монастыря: *Никологоры*;

9) название православного праздника: *Покров*;

10) указание на другой географический объект (реку): *Киржач, Мстёра, Судогда*;

11) наименование предмета быта: *Петушки* (по разным версиям – название игрушки или части дома);

12) две производящие основы с разным значением: *Гусь-Хрустальный* (название реки и завода), *Юрьев-Польский* (имя основателя и характеристика географического положения).

Данная классификация демонстрирует преобладание среди производящих основ владимирских астионимов имен собственных, в частности, антропонимов и гидронимов.

При этом астионимы образуются от антропонимов преимущественно по продуктивным моделям с использованием формантов *-ов(о)*, *-инск*, *-ин(о)* и др.

При образовании астионимов от гидронимов субстратного происхождения наблюдается тенденция к трансонимизации без использования морфологических средств словообразования.

Рязанские астионимы при изучении с точки зрения семантики производящих основ могут быть классифицированы следующим образом:

1) названия церквей и имена святых: *Алекса́ндро-Невский* – в честь придела Александра Невского в местной церкви; *Михайлов* – в память об обретении на высоком берегу реки Прони иконы Архистратига Михаила, *Спасск-Рязанский*;

2) указание на другой географический объект: *Ермишь* (от названия реки Ермишь), *Пронск* (от названия реки Проня), *Сапожок* (поселение возникло на месте древнего Сапожсковского городища), *Сынтул* (от названия реки Сынтулка) и др.);

3) географическое положение объекта, особенности ландшафта: *Елатьма* (с финно-угорского «место без леса»), *Лесной*, *Сасово* (от татарского «саз», т. е. болото), *Тума* (мокшанское «дуб» или марийское «глушь», «непроходимый лес»);

4) имя: *Кадам* (возможно, от имени татаро-монгольского военачальника Кадыма / Кадыя), *Касимов* (от имени хана Касима, которому был подарен город), *Кораблино* (от имени татарского мурзы Корабью; изначальное название – Корабьино);

5) фамилия: *Милославское* (в честь татарского мурзы, получившего в крещении имя Иван Мирославич), *Новомичуринск*

(в честь селекционера И. В. Мичурина, родившегося вблизи города), *Шилово* (по фамилии его владельцев – боярского и дворянского рода Шиловских);

6) прозвище: *Чучково* (по легенде, людей в эту местность привел некто по прозвищу Чучко);

7) значение, возникшее благодаря идеологическому наименованию или переименованию в советский период: *Октябрьский, Побединка, Центральный*;

8) названия животных: *Рыбное, Скопин* – от названия птицы скопы;

9) название инструмента: *Спас-Клепки* – от старинного названия ножа для очистки рыбы – «клепика»;

10) название жителей: *Старожилово*;

11) основа, обозначающая дом, жильё: *Сараи*;

12) две производящие основы с разным значением: *Гусь-Железный* (названия реки и завода).

Анализ производящих основ рязанских астионимов позволяет сделать вывод об их разнообразии, особенно в сравнении с набором характерных для Владимирской области семантических полей. Кроме того, налицо преобладание привязки к ландшафту и близлежащим географическим объектам, меньшая частотность использования антропонимов в качестве производящих основ. Трансонимизация здесь тоже широко распространена, но наблюдается тенденция к использованию формантов при образовании астионимов от гидронимов, не присущая названиям городских поселений Владимирской области.

На основе проведенного исследования можно сделать некоторые выводы как об особенностях конкретно Владимирских и Рязанских астионимов, так и об особенностях названий городских поселений Центральной России в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондалетов В. Д. Русская ономастика Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1983. 224 с.
2. Борибаева Г. А., Мадиева Г. Б., Супрун В. И. Научная, кабинетная и народная этимология астионимов (на материале названий городов Республики Казахстан) // Вопросы ономастики, 2019. Т. 16. №3. С. 140–161.
3. Лукьянова Е. А. Топонимическая лексика Владимирской области: структурно-грамматический и семантический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Иваново, 2012.
4. Мадиева Г., Супрун В. Теория и практика ономастики. Алматы. Волгоград, 2015.
5. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 198 с.
6. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.
7. Суперанская А. В. Что такое топонимика. М.: Наука, 1984.
8. Юдина Н. В., Кузнецова Е. А. Топонимический портрет Владимирского края. Владимир, 2018. 160 с.

ТОГАЙМУРОДОВА Малина Баходир кизи
(Владимир, Россия – Термез, Узбекистан)

студент

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
togajmurodovam@gmail.com

САФРОНОВА Наталья Анатольевна (Владимир, Россия)

кандидат филологических наук, доцент

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
natalia_1271@mail.ru

К ВОПРОСУ О РОДОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НЕСКЛОНЯЕМЫХ ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Статья посвящена проблеме определения родовой принадлежности несклоняемых имён существительных в русском языке. В настоящее время приходится констатировать отсутствие точных правил определения рода несклоняемых существительных, что приводит к родовой вариативности при их употреблении.

Ключевые слова: русский язык, категория рода, несклоняемые имена существительные.

Abstract. The article is devoted to the problem of determining the gender of indeclinable nouns in the Russian language. Currently, we have to admit that there are no exact rules for determining the gender of indeclinable nouns, that leads to gender variation in their use.

Keywords: Russian language, category of gender, indeclinable nouns.

Несклоняемые имена существительные в русском языке – это достаточно большая группа слов, не имеющих формальных показателей числа и падежа, так как они имеют «во всех употреблениях только одну форму, в которую заключены разные числовые и падежные значения» [3: 179]. Такие имена существительные «не имеют окончаний и выражают значения рода, одушевлённости – неодушевлённости, числа, падежа только синтаксически» [3: 179]. Иными словами, несклоняемые существительные самостоятельно не выражают грамматически форм числа, рода и падежа, а их грамматическое значение выражается синтагматически (по грамматическим признакам слов, с которыми несклоняемые существительные употребляются в словосочетаниях и предложениях): *черный кофе остыл* (И. п., ед. ч., м. р.), *уехать в Токио* (В. п.), *беседовать об итальянском барокко* (ед. ч., П. п.), *купил дочерям новые пальто* (мн. ч., В. п.).

Исследователи отмечают, что «количество несклоняемых существительных в русском языке неуклонно возрастает на протяжении последних двух столетий» [8: 360], что в целом соответствует тенденции к усилению аналитизма в русском языке [5: 55].

К несклоняемым именам существительным относятся несколько основных групп:

1) нарицательные существительные иноязычного происхождения на -о, -е, -у, -ю, -и, -а: *кафе, какаду, шимпанзе, кольраби, буржуа*;

2) сложносокращенные слова и аббревиатуры: *МГУ, РФ*;

3) славянские фамилии на -о, -ых (-их), -аго (-яго), -ово: *Седых, Живаго, Дурново*;

4) ряд иноязычных имён собственных, оканчивающихся на гласные: *Миссисипи, Онтарио*, а также некоторые другие группы имён собственных.

В данной работе мы будем рассматривать только существительные из первой группы.

Функционирование несклоняемых существительных обсуждалось в научной литературе с позиций системы средств выражения грамматических категорий, машинной обработки текстов, тенденции к аналитизму в грамматике русского языка, были изучены основные этапы эволюции данной лексико-грамматической группы слов. Однако до сих пор несклоняемые существительные вызывают определённые затруднения, и прежде всего в связи с определением их родовой принадлежности.

Отмечается, что родовая принадлежность несклоняемых существительных определяется «в зависимости от их лексического значения и морфонологической формы» [1: 124]. При этом, как правило, оба этих критерия оказываются неразрывно связаны. Так, например, в учебнике русского языка для студентов-иностранцев (авторы И. М. Пулькина и Е. Захава-Некрасова) отмечается, что имена существительные неодушевлённые, оканчивающиеся на гласный, среднего рода, кроме слова *кофе*, которое относится к мужскому роду [6: 43]. Уже в самой формулировке данного правила определения рода несклоняемых существительных отмечена значимость формального (оканчиваются на гласный) и семантического критериев (неодушевлённые существительные). Ещё большее значение приобретает семантический критерий при определении рода в тех случаях, когда используются ассоциативные связи слов данной категории с родовыми существительными. При этом несклоняемое существительное может относиться к мужскому или женскому роду: *кольраби* (капуста) – ж. р., *сулугуни* (сыр) – м. р. Однако чётких критериев определения рода таких существительных не существует, что приводит к вариативности с точки зрения их родовой характеристики. Так, например, существительное *сопрано* в значении 'наиболее высокий женский голос', по данным словарей русского языка, относится к среднему роду [4: 737, 7], однако в Национальном корпусе русского

языка (НКРЯ) наряду с примерами употребления данного слова как существительного среднего рода встречаются и примеры его употребления как существительного мужского рода: *Пальчиков сто лет не был на концертах, забыл, как звучит живая музыка, и теперь без щепетильности слушал и молодые голоса, и мастеровито надтреснутое, искусно ослабевшее, душевное сопрано старой примадонны* (А. Н. Бузулукский. Пальчиков // «Волга», 2014) – ср. р.; *А ведь недаром Алла Пугачева считала хрустальный сопрано певицы уникальным* – м. р. (Е. Арефьев. Людмила Сенчина: Я потеряла большинство друзей. Не беда – придут новые... // Комсомольская правда, 03.07.2013). При употреблении в косвенных падежах определить род оказывается затруднительно, так как «в косвенных падежах прилагательное демонстрирует не троичное противопоставление, а двоичное. Формы ж. рода ...противопоставляются формам м. и ср. рода, которые в таких условиях флексиями согласуемых словоформ не дифференцируются» [1: 114]: *Вечерами он пел для собиравшихся вокруг него казаков, а те подпевали его великолепному сопрано* (В. Ярхо. Большие русские гастроли // «Октябрь», 2013).

Подобная история наблюдается и с другими словами, например, с существительным *фейхоа*, которое словари отмечают как существительное женского рода [2, 7]. Однако наблюдение за функционированием данного существительного в НКРЯ позволяет установить, что данное существительное употребляется носителями русского языка как существительное женского, среднего и даже мужского родов: *Здесь нам наливали полные бокалы, был сыр, лаваш, помидоры и другая зелень, даже местная фейхоа – и разговоры, и тосты* (М. С. Харитонов. Стенография конца века. Из дневниковых записей) – ж.р.; *Но теперь фейхоа, близкое по вкусу к ананасу и землянике, перестало быть экзотикой* (Е. Черных. Кремлевская диета: Средство есть от животов для ленивых мужиков // Комсомольская

правда, 03.11.2005) – ср. р.; *Недозре́лый фейхоа можно купить – дома он за несколько дней дойдёт до нужной кондиции* (vk (27.12.2015)) – м. р. В косвенных падежах разграничение мужского и среднего родов, как уже отмечалось, не представляется возможным, однако средний и мужской род чётко отграничиваются от женского: *Поэтому и урожай с одного фейхоа – целое ведро* (Сады фейхоа в Сочи находятся под угрозой уничтожения // Vesti.ru, 13.10.2009). Вероятно, разницей в родовых характеристиках данного существительного связан с тем, что род определяется носителями по аналогии с другими неодушевлёнными существительными как средний или же говорящие и пишущие определяют его по словам *дерево, ягода, плод*. Эта логическая операция приводит к различным результатам по родовой идентификации данного слова, тогда как нормативным будет являться только женский род.

Не менее сложной оказывается ситуация с одушевлёнными существительными. В лингвистической литературе имеются достаточно чёткие указания на то, что неодушевлённые существительные, называющие животных, относятся к мужскому роду, однако если контекст точно указывает на то, что животное является самкой, то прилагательные и глаголы имеют форму женского рода: *крупный кенгуру* (м. р.) – *Крупная кенгуру кормила своего детёныша* (ж. р.) [6: 43]. Если говорящему важно дифференцировать пол животного, то синтагматически связанные формы прилагательного и глагола указывают на него. В случае, когда пол животного оказывается нерелевантен для содержания высказывания, несклоняемые существительные функционируют как слова мужского рода. Однако это правило оказывается для говорящих на русском языке не бесспорным. Так, в НКРЯ встретились примеры, когда слово *кенгуру* употребляется как существительное женского рода в контекстах, не указывающих на половую принадлежность животного: *Ну да, выучка и опыт, должен был*

привыкнуть к самым разнообразным визитерам, пожалуй, ничуть не удивился бы попадись ему не австралиец, а натуральная австралийская кенгуру, – есть профессии, где люди намертво отучены удивляться чему бы то ни было... (А. А. Бушков. Ближе, бандерлоги!). Имеются и случаи употребления данного слова как существительного среднего рода, что противоречит нормам литературного языка: *Если к маленькому черепахе привязать большой шарик, заполненный гелием, то перемещаться он будет как заправское кенгуру – прыжками* (Запись LiveJournal (2004)).

Для одушевлённых имён существительных, обозначающих лицо, важным оказывается половая принадлежность. Так, к женскому роду относятся существительные, обозначающие лиц женского пола (*леди, мисс, фрау*) [3: 179]. Следует отметить, что имена существительные собственные и те, которые называют лицо по роду занятий / профессии, и обычно относятся к мужскому роду (*конферансье, атташе* и др.) в силу ограниченности объёма данной статьи и разнообразия существующих правил, нами не рассматриваются. Однако и при функционировании некоторых из одушевлённых существительных, называющих лиц женского пола, могут проявляться случаи колебаний в роде. Так, при рассмотрении функционирования существительного *сопрано* в словарях было выявлено значение, относящееся к одушевлённому существительным: 'певица с таким (наиболее высоким) голосом' [4: 737]. Отмечается, что данное существительное в данном значении относится к женскому роду. Контексты, выявленные в НКРЯ, в основном подтверждают это: *Ее репертуар был обширен, и в Париж она приехала по контракту Русской частной оперы на Елисейских полях, которой руководила знаменитая сопрано Мариинского театра Мария Кузнецова, невестка А. Н. Бенуа. (Л. Лопато. Волшебное зеркало воспоминаний).* Однако встретились случаи, когда прилагательные употребляются в форме среднего рода: *Звезды*

собранны, как всегда, со всей планеты: дирижер Рене Якобс – контртенор и шеф фестиваля в Инсбруке; южноафриканский тенор Коби ван Ренсбург, американское сопрано Патриция Рисли и ее коллега из Коста-Рики Ирида Мартинез, интеллектуальный баритон Энцо Капуани (Валерий Кичин. Лунатики и антиподы. По обе стороны океана люди слушают неслыханное (2002) // «Известия», 17.03.2002). При этом глагол может использоваться в форме женского рода, даже если прилагательное употребляется в форме среднего рода: *Триумфально завершилось представление грандиозной тетралогии Рихарда Вагнера, главной звездой которого стала шведское сопрано Нина Стемме* (Вкратце // Ведомости, 2014.07.01). Примеров, когда прилагательное стояло бы в форме женского рода, а глагол в среднем роде, нами не выявлено. Вероятно, в данном случае действует аналогия с правилом функционирования существительных мужского рода, обозначающих профессии, типа *врач, директор, профессор*: «Глаголы-сказуемые в прошедшем времени употребляются обычно в женском роде, если говорят о женщине...» [6: 42].

Иногда прилагательные, употребляемые в составе одного предложения, могут указывать на различную родовую принадлежность: *Австралийское сопрано Николь Кар, заменившая после двух представлений Соню Йончеву, обладает сочным глубоким голосом, но как актриса она довольно однообразна...* (Режиссер Клаус Гут отправил героев «Богемы» в космос // Ведомости, 2017.12.26).

Таким образом, в настоящее время в русском языке существует достаточно большой пласт несклоняемых существительных, которые вызывают большие затруднения в их родовой классификации. Существующие правила определения родовой принадлежности таких существительных не отличаются достаточной точностью и определённой, что вызывает большие затруднения не только у иностранцев, но и у носителей языка и приводит к вариативности в

употреблении родовых форм согласуемых слов при таких существительных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданов С. И. и др. Морфология современного русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Спб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 634 с.
2. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 тт. Т. 2. 1088 с. М.: Русский язык. 2000. Режим доступа: <https://efremova.slovaronline.com> (дата обращения 05.12.2024).
3. Краткая русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина. М.: Русский язык, 1989. 639 с.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1994. 928 с.
5. Приорова И. В. Грамматическая «асистемность» несклоняемых имён в русском языке как лингвистическая проблема // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2011. № 3. С. 54–60.
6. Пулькина И. М., Захава-Некрасова Е. Учебник русского языка для студентов-иностранцев: Практическая грамматика с упражнениями. М., 1975. 527 с.
7. Русский орфографический словарь / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова / О. Е. Иванова, В. В. Лопатин (отв. ред.), И. В. Нечаева, Л. К. Чельцова. Москва, 2005. 960 с. Режим доступа: https://royallib.com/read/lopatin_vladimir/russkiy_orfograficheskiy_slovar.html#8314880 (дата обращения 05.01.2024).
8. Русский язык. Школьный энциклопедический словарь / Под ред. С. В. Друговейко-Должанской, Д. Н. Чердакова. Спб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2014. 584 с.

ФАДЕЕВА Екатерина Александровна (*Владимир, Россия*)

студент

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
ekaterinafad20@gmail.com

Научный руководитель

КУЗНЕЦОВА Екатерина Александровна (*Владимир, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
e.a.lukyanova@yandex.ru

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ «ТОПОНИМИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ» (ВЯЗНИКОВСКИЙ РАЙОН): ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. Настоящая статья описывает основные проблемы и перспективы работы по сбору материала для словарных статей, посвященных многоаспектному анализу ойконимов Вязниковского района Владимирской области. Наряду с этим обосновывается необходимость подобного исследования в рамках создания «Топонимического словаря Владимирской области».

Ключевые слова: топонимия Владимирской области, топонимический словарь, топоним, ойконим, словарная статья.

Abstract. The present article describes the main problems and prospects of work on collecting material for dictionary articles devoted to the multiaspect analysis of oikonyms of Vyaznikovsky district of Vladimir region. At the same time, the necessity of such a study within the framework of creating the "Toponymic Dictionary of the Vladimir region" is substantiated.

Keywords: toponymy of Vladimir region, toponymic dictionary, toponym, oikonym, dictionary article.

Лексический состав русского языка необыкновенно обширен и разнообразен. Он, являясь частью общей языковой системы, обнаруживает в себе все основные типы парадигматических и синтагматических отношений, что, в свою очередь, порождает необходимость их упорядоченного исследования на всех уровнях.

Одной из подсистем словарного состава русского языка является топонимическая лексика. Топонимия России и её отдельных регионов наряду с другими пластами лексики русского языка в настоящее время активно изучается, в том числе происходит её лексикографическое описание. Одним из первых лингвистических словарей, посвящённых сбору сведений о русских географических названиях, считается «Краткий топонимический словарь» В. А. Никонова, созданный в 1966 г. и содержащий около 4 тыс. топонимов и их характеристик. В данном труде были описаны топонимы различных разрядов: хоронимы, оронимы и др. [1: 126].

Топонимия России включает обширный спектр региональных топонимических подсистем, которые, в свою очередь, также подвергаются специализированным научным исследованиям. Нужно отметить, что в настоящее время существуют словари, посвящённые топонимии Урала, Центральной России, отдельных областей. Однако топонимического словаря Владимирской области на данный момент не существует. Вышедший в 1991 г. географический словарь «Земля Владимирская» содержал множество фактов о топонимах региона,

однако описание топонимических единиц в нём велось с точки зрения прямого географического значения. **Целью** создания топонимического словаря Владимирской области, таким образом, является комплексный анализ топонима как единицы языка. Первым обширным пластом топонимической лексики станут ойконимы Владимирской области, которых насчитывается около 2,5 тыс. [1: 127].

Лексикографическое описание топонимической лексики является сложным, многоплановым процессом, поскольку в значении каждой единицы выделяются определённые уровни. Так, В. А. Никоновым были определены 3 основных плана значений топонимов: 1) *до-топонимическое*, или этимологическое значение, связанное с производящим словом; 2) *прямое географическое*, указывающее на конкретный обозначаемый объект («главное и обязательное» значение); 3) *от-топонимическое*, заключающееся в развитии у топонима новых, ассоциативных значений, которые порой становятся известнее самого топонима [2: 57–63].

В ситуации подобной многоаспектности довольно сложно определить тип будущего словаря области. Как указывается в пособии Е. А. Кузнецовой, «этой задаче более всего соответствует словарь историко-топонимического типа» [1: 132]. В пособии «Топонимическое пространство Владимирской области» наряду с этим приведён и описан общий план статьи подобного словаря. Таким образом, работа над его созданием уже начата на кафедре русского языка Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых.

Объектом настоящего исследования являются материалы для «Топонимического словаря Владимирской области», собранные в ходе анализа ойконимов Вязниковского района как составляющей части топонимической системы региона. Предмет изучения составляют проблемы лексикографического описания топонимической лексики в

работе составителей подобных словарных статей, а также перспективы дальнейшего использования собранного материала.

Вязниковский район Владимирской области насчитывает 231 населённый пункт и, следовательно, такое же число ойконимов. Географические названия и посвящённые им словарные статьи можно условно поделить на группы по нескольким признакам: источнику номинации, типу топонима, способу топонимообразования, принципу номинации и др. В настоящей статье нами будет осуществлено указанное деление по принципу номинации, а именно: 1) по отношению к человеку; 2) по отношению к другому объекту; 3) по признаку именуемого объекта [1: 121].

Проанализируем конкретные примеры словарных статей, посвящённых ойконимам, входящим в разные группы по принципу номинации. Так, к первой группе относятся следующие топонимы Вязниковского района: *Барское-Татарово, Абросимово, Алёшинская, Головино* и др. В их основе – имена и фамилии людей, названия национальностей, обозначения положения в обществе и т.д. [1: 109–114].

В качестве примера рассмотрим словарную статью, анализирующую разные аспекты значения ойконима *Головино* (см. ниже). Основными проблемами, возникающими в ходе работы, являются следующие: определение катойконимов, правильная постановка ударения не только в начальной форме слова, но и в формах косвенных падежей, установление этимологии слова (в данном случае особый интерес вызывает мотивированность единицы некрестильным именем). Решить указанные проблемы можно только при помощи обращения к жителям определённой местности, что не всегда представляется возможным или в целом довольно затруднительно.

ГОЛОВИНО́

 из Головина́, в Головинé

Презжие названия поселения: -

Деревня в Вязниковском районе Владимирской области России, входит в состав муниципального образования «Город Вязники»; расположена близ берега реки Клязьмы в 7 км на восток от райцентра Вязники.

В конце XIX – начале XX в. деревня входила в состав Нагуевской волости Вязниковского уезда, с 1926 г. – в состав Олтушевской волости. В 1859 г. в деревне числилось 7 дворов, в 1905 г. – 12 дворов, в 1926 г. – 13 дворов.

С 1929 г. деревня входила в состав Пирово-Городищенского сельсовета Вязниковского района, с 1940 г. – в состав Вязниковского сельсовета, с 1954 г. – в состав Федурниковского сельсовета, с 1965 г. – в состав Илевниковского сельсовета; с 2005 г. – в составе муниципального образования «Город Вязники» [3; 4; 5].

Данный ойконим образован от мужского древнерусского имени *Голова* [6: 110]. Способ словообразования – морфолого-синтаксический: субстантивация притяжательного прилагательного *Головино* (селение) и переход его в класс существительных (топонимов).

Литература указана в конце статьи.

Ко второй группе ойконимов, принцип номинации которых заключается в отношении объекта к другому объекту, относятся следующие топонимы Вязниковского района Владимирской области: *Заречный, Завражье, Заборочье, Никологоры, Приозёрный* и т.д. В основе номинации данных населенных пунктов лежало соотнесение местности с определённым ландшафтом, другими населёнными пунктами, церквями и храмами [1: 114–116].

Примером статьи, посвящённой анализу подобного топонима, может стать следующая: см. статью ниже. Основной проблемой работы

составителя снова становится образование катойконима, а также постановка ударения, выявление фонетически трансформированного мотивирующего слова, что указывает на определённого рода процессы, происходившие ранее с данной языковой единицей.

ЗАВРА́ЖЬЕ

 из Завра́жья, в Завра́жье

 ?

 Препрежие названия поселения: -

 Деревня в Вязниковском районе Владимирской области России, входит в состав муниципального образования «Город Вязники»; расположена близ берега реки Клязьма в 15 км на восток от райцентра Вязники.

 В конце XIX – начале XX в. деревня входила в состав Олтушевской волости Вязниковского уезда. В 1859 г. в деревне числилось 18 дворов, в 1905 г. – 21 двор, в 1926 г. – 26 дворов.

С 1929 г. деревня входила в состав Олтушевского сельсовета Вязниковского района, с 1940 г. – в состав Перовского сельсовета, с 1965 г. – в состав Илевниковского сельсовета; с 2005 г. – в составе муниципального образования «Город Вязники» [3; 4; 5].

 Данный ойконим образован от нарицательного слова *овраг*. Способ образования – морфологический (префиксально-суффиксальный) с одновременным стяжением гласных (Заовражье → Завражье).

 Литература указана в конце статьи.

К третьей группе ойконимов относятся те, образование которых связано с признаками именуемого объекта. Среди них можно назвать следующие географические названия Вязниковского района: *Глиници*, *Осинки*, *Большое Филисово*, *Вязовка* и др. Так, топоним *Вязовка* неразрывно связан с характеристикой поселения, его растительностью

(см. статью ниже). В данном случае определение этимологии ойконима не вызывает особых затруднений, как и установление ударения, однако открытым остается вопрос о соответствующих катойконимах.

ВЯЗОВКА

 из Вязовки, в Вязовке

 ?

 Препные названия поселения: -

 Деревня в Вязниковском районе Владимирской области России, входит в состав муниципального образования посёлок Мстёра. Расположена в 16 км на юго-запад от центра поселения посёлка Мстёра и в 19 км на запад от райцентра города Вязники, в 2 км от ж/д станции Мстёра на линии Ковров – Нижний Новгород.

 В XIX – первой четверти XX в. деревня входила в состав Сарыевской волости Вязниковского уезда. В 1859 г. в деревне числилось 25 дворов, в 1905 г. – 36 дворов, в 1926 г. – 51 двор.

С 1929 г. деревня входила в состав Симонцевского сельсовета Вязниковского района, с 1940 г. – в состав Сарыевского сельсовета, с 1983 г. – в состав Вязовского сельсовета; с 2005 г. – в составе муниципального образования посёлок Мстёра [3; 4; 5].

 Название деревни образовано от нарицательного слова *вяз* с помощью суффикса **-к(а)**. Способ словообразования морфологический (суффиксальный).

 Литература указана в конце статьи.

Итак, нами были приведены примеры статей, посвящённых ойконимам, образованным в соответствии с разными принципами номинации. Среди основных проблем работы составителей словаря могут быть названы следующие:

1) определение корректной постановки ударения в топониме;

2) отсутствие информации о катойконимах, а также сложность их образования по продуктивным моделям (с использованием суффиксов **-ец, -к(а), -ц(ы)**);

3) особенности этимологии топонимических единиц, установление истинного принципа номинации и мотивирующей основы.

Необходимость продолжения работы над составлением словарных статей, посвящённых ойконимам Вязниковского района, обуславливается перспективой их включения в состав «Топонимического словаря Владимирской области», что, как уже было указано ранее, является основной для дальнейшего изучения топонимии региона. Наряду с этим полученная информация может стать материалом для создания методических разработок по темам «Топонимика как наука», «Региональная топонимия», «Владимирская топонимия» и пр. и в дальнейшем использоваться как на школьных уроках, так и на занятиях в других учебных заведениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецова Е. А. Топонимическое пространство Владимирской области: учеб. пособие к курсовому проектированию. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2023. 167 с.
2. Никонов В. А. Введение в топонимику. М.: Издательство ЛКИ, 2011. 184 с.
3. Предварительные итоги переписи по Владимирской губернии. Выпуск 2-й. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Владимирский губернский статистический отдел. Владимир, 1927. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.prlib.ru/en/node/405918> (дата обращения: 29.11.2023).
4. Списки населённых мест Российской империи. VI. Владимирская губерния. По сведениям 1859 года. Обработано ст. ред. М. Раевским. Центральный статистический комитет министерства внутренних дел. СПб., 1863. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/16016-vyp-6-vladimirskaia-guberniya-po-svedeniyam-1859-goda-1863> (дата обращения: 29.11.2023).
5. Список населённых мест Владимирской губернии. Центральный статистический комитет министерства внутренних дел. Владимир, 1907. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://viewer.rusneb.ru/ru/000200_000018_v19_rc_1796267?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения: 29.11.2023).
6. Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имён. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1903. 857 с.

ФЕДОРОВА Юлия Александровна (Москва, Россия)

аспирант

Государственный университет просвещения
shubinayulya80@mail.ru

Научный руководитель

ГЕРАСИМЕНКО Наталья Аркадьевна (Москва, Россия)

доктор филологических наук, профессор

Государственный университет просвещения

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНФИНИТИВНО-СУБСТАНТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Аннотация. В статье описывается прагматический потенциал инфинитивно-субстантивных предложений в языке СМИ, анализируются особенности структуры этого типа предложений, способствующие реализации воздействующей функции, способность инфинитивно-субстантивных предложений эффективно влиять на адресата.

Ключевые слова: инфинитивно-субстантивное предложение, язык СМИ, прагматика, прагматический потенциал, инверсия

Annotation. The article describes the pragmatic potential of infinitive-substantive sentences in the language of mass media, analyzes the features of the structure of this type of sentences that contributes to the realization of the influencing function and the ability of infinitive-substantive sentences to influence on the recipient effectively.

Keywords: infinitive-substantive sentence, mass media language, pragmatics, pragmatic potential, inversion.

Инфинитивно-субстантивные предложения (ИСП) (термин Н.А. Герасименко) [1: 27] в русском языке имеют большой потенциал с точки зрения прагматики. Реализация в этом типе предложения эмоционального и интеллектуального отношения к предмету речи, к собеседнику и к ситуации указывает на их значимость. Цель данной статьи заключается в определении прагматического потенциала ИСП.

Инфинитивно-субстантивные предложения были обозначены А.А. Шахматовым [8: 184] как двусоставные несогласованные предложения, в которых в первом составе находится инфинитив, во втором – имя существительное: *Разбираться в людях и находить к ним подход – очень важные качества для сотрудника полиции* (За Калужской заставой, 21 – 27 ноября 2022, с. 16); *Багира ловит мышей*,

птиц и лягушек, но главная её **обязанность** – **мурлыкать** и **поднимать настроение** огнеборцам (Аргументы и факты, 19 – 25 июля 2023 г., с. 13). А. А. Шахматов при описании этих предложений использует термины первый состав и второй состав, потому что предполагает возможность обратимости главных членов предложения, то есть перемены мест подлежащего и сказуемого [8: 184]. П. А. Лекант назвал такие предложения инфинитивно-подлежащими и отметил, что они «выражают специфическое грамматическое значение – отношения ‘независимый признак (действие) – его характеристика’, утверждаемые в определённом модально-временном плане», а «инфинитив в функции подлежащего сохраняет присущее ему значение действия, представленного вне связи с субъектом и вне протекания во времени» [4: 82]: **Доверить** нам своих родных – **большой шаг** (АиФ, 22–28 июня 2022 г., с. 12); **Рассказать** школьникам о важности и способах сохранения главного ресурса – **цель** экопросветительских проектов Федерального агентства водных ресурсов (Росводресурсы) (Комсомольская правда, 5 – 12 октября 2022, с. 10). Н. А. Герасименко поддерживает мнение П. А. Леканта о том, что в инфинитивно-субстантивных предложениях инфинитив выступает в функции подлежащего независимо от позиции и продолжает исследование неглагольных предложений в соответствии с одним из существенных признаков двусоставного предложения – взаимоотношениями между подлежащим и сказуемым. Эти взаимоотношения, по ее мнению, определяются «категориальным значением слова, выступающего в позиции сказуемого, в соотношении с категориальным значением слова, выступающего в позиции подлежащего» [1: 26]. Выделение инфинитивно-субстантивных предложений в самостоятельный вид двусоставного предложения основывается на том, что они «обладают собственными структурными, семантическими и функциональными особенностями» [2: 176]: **Ждать** ошибок от соперника и возможности

разжать контратакующую пружину – не самый рациональный вариант построения игры для имеющего в России статус топа «Локомотива». (Комсомольская правда, 30.12.2020, с.7); **Девиз** *моей команды – никогда не сдаваться* («Мир новостей», 23 февраля 2022 г., с. 10).

Способность инфинитивно-субстантивных предложений влиять на адресата проявляется в особенности их структуры: инфинитив в качестве подлежащего и существительное в позиции сказуемого. Независимая позиция инфинитива в подлежащем позволяет представить разные характеристики обозначаемого им потенциального процесса. В языке СМИ, по нашим наблюдениям, это преимущественно логические и эмоционально-экспрессивные характеристики. Наиболее продуктивными в языке СМИ являются логические характеристики потенциального процесса, названного инфинитивом. В сказуемом используются существительные *цель, задача, долг* и под.: *Мы уверены, что любое усилие в этой области достойно поощрения и признания, потому что **сохранить** окружающую среду – наш **долг** перед планетой и будущими поколениями* (Комсомольская правда, 13 – 20 сентября, с. 16); *Зато **нарисовать** текст песни для машинного интеллекта – **задача** вполне выполнимая* (Комсомольская правда, 15 – 22 февраля 2023, с. 45); ***Припарковаться** недалеко от дома для автолюбителя из мегаполиса – редкая **удача*** (За калужской заставой, 12 – 18 сентября 2022, с. 8) Такие конструкции выражают отношение говорящего к описываемому событию и стимулируют адресата к выполнению потенциального действия. Во многих случаях целеполагание сопровождается оценочными значениями: ***Ввести** слона в новый для него мир – **задача не из простых*** (За калужской заставой, 5 – 11 сентября 2022, с. 17). Оценка проявляется как в самом имени существительном, так и в сопутствующем существительному распространителе (*задача не из простых*). Метафора в грамматической

основе инфинитивно-субстантивных предложений также может способствовать целеполаганию: ***Держать себя в хорошем настроении – это дисциплина*** (Комсомольская правда, 2–9 марта 2022, ст. 32).

Прагматический потенциал составляет важную часть всякого высказывания, которое создаётся с целью получить определённый коммуникативный эффект. Если передаваемая информация является полезной, то мировосприятие адресата меняется в желаемом направлении, и высказывание имеет прагматическое содержание: ***Найти толковых работников – это головоломка*** («Комсомольская правда», 20 июня 2022 год, с. 11). В словаре С. И. Ожегова даётся такое толкование значения слова *головоломка* – ‘головоломная загадка, задача’ [6, с. 215], а в Фундаментальной электронной библиотеке *головоломка* – ‘загадка, задача, требующая для своего разрешения большой догадливости, сообразительности’ [9]. Говорящий сообщает, что найти работников – это задача, для решения которой требуется особая сообразительность, поскольку это очень непростое дело, с целью воздействовать на адресата и вызвать у него ответную реакцию понимания. Б. Ю. Норман так пишет об отношении говорящего к любому высказыванию: «На один и тот же предмет, на одного и того же человека можно посмотреть с разных сторон, придать этому объекту разную оценку, поместить его в тот или иной ассоциативный ряд. И каждый раз используемая номинация будет содержать в себе прагматический компонент – отношение говорящего» [5: 160]. В следующем примере выражается оценка несоответствия предполагаемого потенциального действия предлагаемому решению: ***Переставить лоток – не вариант: в доме три кота, и все они ходят в один туалет*** (Комсомольская правда, 16 – 23 августа 2023, с. 44). По словарю С. И. Ожегова, *вариант* – это: 1. Видоизменение, разновидность [6: 113]. В сочетании с отрицательной частицей *не* существительное *вариант* в

сказуемом выражает прагматическое значение 'не соответствующий решаемой задаче', 'неподходящий'. Сравнительно новое значение в словоформе *не вариант* сформировалось путем сокращения словосочетания *неподходящий вариант*, фразеологизировалось, получило стилистическую окраску разговорности и сохраняет исходный смысл ('*неподходящий вариант*').

Инфинитивно-субстантивные предложения активно употребляются в языке СМИ, чему способствует их особенная структура, совмещающая краткость с семантической ёмкостью: ***Сшить*** новое платье – отличный вариант, но небольшой аксессуар ручной работы тоже подойдет («Мир пенсионера», 21 декабря 2020 г., с. 24); ***Готовить*** – это вообще очень хорошая идея («Комсомольская правда», 30 марта – 6 апреля 2022, с. 12). СМИ, предназначенные для широкого и всестороннего информирования, являются рычагом формирования общественного мнения, важнейшим источником нормативных образцов, определений и средством формирования образов социальной реальности [7]. В зависимости от задачи говорящего (пишущего) в языке СМИ часто используется инверсионное построение инфинитивно-субстантивных предложений. Инверсия как способ активизировать определённые смыслы содействует основным функциям средств массовой информации, таким как «информационная – информирование о событиях в обществе и мире; социальные связи – комментирование и интерпретация происходящего; поддержка существующих норм и властных отношений; социализация; обеспечение преемственности – выражение образцов доминирующей культуры; «узнавание» субкультур, новых культурных направлений; поддержание в общности социальных ценностей; рекреативная – создание возможностей для отдыха и развлечений; мобилизация – организация кампаний в связи с актуальными целями в политике, экономике, социальной сфере» [7]: ***Лучший выход – делать его самим*** (Аргументы и факты, 16 – 22

февраля 2022 г., с. 38); **Заповеди** *здорового человека – уважать свой организм, вести подвижный образ жизни и не переборщить со стремлением стать абсолютно здоровым* («Вечерняя Москва» 30 декабря 2021 – 6 января 2022, с. 9). При помощи инверсии на первое место выносятся более важное, значимое, то, на что делается ударение. И. И. Ковтунова, описывая членение предложений с подлежащим-инфинитивом и сказуемым, меняющихся местами, говорит о фразовом ударении, которое изменяет актуальное членение предложения и подчёркивает важность выделяемого компонента [3: 116]. По нашему мнению, в таких случаях актуальное членение не совпадает с грамматическим. Меняются местами не подлежащее и сказуемое, а акценты, расставляемые говорящим с определенными прагматическими целями. В инфинитивно-субстантивных предложениях инфинитив остается подлежащим, а его предикативный признак актуализируется при инверсии.

Прагматический потенциал инфинитивно-субстантивных предложений широк, на это указывает не только их особенная структура, совмещающая краткость с семантической ёмкостью, семантическое наполнение, но и возможность инверсионного построения, для усиления значимости выделяемого компонента. Прагматические возможности инфинитивно-субстантивных предложений остаются недостаточно изученными, что составляет перспективы дальнейшего изучения этого активного в языке средств массовой информации вида предложений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герасименко Н. А. Бисубстантивные предложения в русском языке: структура, семантика, функционирование. Монография. М.: Изд-во МГОУ, 2012. [Электронный ресурс], URL: <https://evestnik-mgou.ru/ru/Books/Index/#book15>
2. Герасименко Н. А. Инфинитивно-субстантивные предложения в русском языке: структурный аспект // Русский язык в поликультурном мире: II Международный симпозиум (8-12 июня 2018 г.) / Отв. Ред. Е.Я. Титаренко: сб. научных статей. В 2-х т. Том 2. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. С. 173–178
3. Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения: учебное пособие. 2-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 116.

4. Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. Учеб. Пособие для студентов филол. Специальностей ун-тов и пед. Ин-тов. М., «Выш. школа», 1974. – 160 с.

5. Норман Б. Ю. Прагматический потенциал русской лексики и грамматики: [монография] / Б. Ю. Норман; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. Федер. Ун-т. – Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый, 2017. – 464 с.

6. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: Около 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; Под ред. проф. Л. И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – Москва : Издательство АСТ : Издательство «Мир и Образование», 2022. – 1360 с.

7. Социологическая энциклопедия: URL: <https://voluntary.ru/termin/sredstva-massovoi-informacii.html> (дата обращения 08.11.2022)

8. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2014. – 720 с.

9. Фундаментальная электронная библиотека. Русская литература и фольклор. URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/04/ma132614.htm?cmd=0&istext=1> (Дата обращения 15.12.2023 г.)

ХУСАНОВА Шохсанам Камолиддин кизи (Термез, Узбекистан)

студент

Термезский государственный университет
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
khusanovashokhsanam@gmail.com

Научный руководитель

КУЗНЕЦОВА Екатерина Александровна (Владимир, Россия)

кандидат филологических наук, доцент

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
e.a.lukyanova@yandex.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭРГОНИМОВ (на материале названий кафе и ресторанов г. Термеза Сурхандарьинской области Узбекистана)

Аннотация. В статье на примере названий кафе и ресторанов г. Термеза Сурхандарьинской области Узбекистана рассматриваются лингвокультурологические особенности эргонимов. Названия классифицируются по принципам номинации, делается вывод о преобладающих моделях образования эргонимов исследуемой территории. Проведённое исследование даёт возможность раскрыть основные закономерности функционирования эргонимов, выявить их исторические, культурные и лингвистические особенности и определить лингвокультурологический потенциал.

Ключевые слова: ономастика, топонимы, эргонимы, лингвокультурология, принцип номинации.

Abstract. The article examines the linguistic and cultural features of ergonyms using the examples of the names of cafes and restaurants in the city of Termez of Surkhandarya region of Uzbekistan. The names are classified according to the principles

of nomination, and a conclusion is drawn about the prevailing models of formation of ergonyms in the study area. The conducted research makes it possible to reveal the main patterns of functioning of ergonyms, identify their historical, cultural and linguistic features and determine the linguistic and cultural potential.

Keywords: onomastics, toponyms, ergonyms, linguoculturology, nomination principle.

Географические названия развивались исторически, их происхождение тесно связано с общественной жизнью и языками народов, населявших те или иные местности. В течение тысячелетий менялись исторические условия, языки и народы; поэтому ни в одной стране нет единообразной географической номенклатуры. Она создавалась постепенно и является многослойным образованием, всегда состоящим из разновозрастных и разноязычных элементов, искажённых временем, изменённых в результате воздействия новых языков.

Географические объекты на нашей планете исключительно разнообразны. Здесь и природные объекты, и объекты, возникшие как результат деятельности людей, которые должны каким-то образом называться, т.е. иметь собственные названия. В топонимике географические объекты, которые получают собственные имена, называют объектами номинации. Соответственно, все топонимы можно разделить на классы в зависимости от специфики объекта номинации. В связи с этим говорят о существовании различных топонимических классов. Топонимический класс – это сумма названий однотипных географических объектов.

Изучает географические названия (топонимы) такой раздел языкознания, как топонимика. Топонимика представляет интерес для ряда наук, в первую очередь для истории, географии и лингвистики, которые ещё не использовали всё, что можно получить уже сегодня, не говоря о перспективе, когда степень изученности географических названий обязательно возрастет.

Географические названия окружают нас с детства, с первых лет нашей жизни они повседневно и постоянно входят в наше сознание, начиная с названия города, села, улицы, где расположен и находится родной дом. В этой связи естественным становится желание осмыслить географические имена, выяснить, как они образуются, развиваются и исчезают, каково их внутреннее содержание. Особенно интересным в данном контексте является изучение эргонимов, которые являются важнейшей частью топонимического пространства любого населённого пункта.

Эргоним – это название предприятий и организаций, осуществляющих деятельность в различных сферах жизни общества (политической, экономической, социальной, духовной). Термин «эргоним» происходит от греческого слова ἔργον, что значит «работа, дело, творение», а также слова ὄνομα – «имя». Впервые данный термин был использован Н. В. Подольской в «Словаре русской ономастической терминологии», изданном в 1978 году, а затем переизданном в 1988 г. [2: 166].

Вопрос о статусе эргонима как разновидности топонима до сих пор до конца не решён учёными. Дело в том, что иногда эргонимы представляют собой названия таких объектов, которые не имеют пространственной локализации, т.е. не являются определённым местом на карте (например, *Союз писателей России* и пр.). Однако те эргонимы, которые рассматриваются в настоящей работе (названия кафе и ресторанов), имеют конкретное географическое расположение в городе, вписываются в его топонимическое пространство, в связи с чем их можно и нужно рассматриваться как класс топонимов.

Каждый живой язык существует в мире его носителей. Без приобретения фоновых знаний о культуре народа, частью которой является тот или иной язык, невозможно успешно пользоваться этим языком как средством общения. Именно поэтому важнейшей при

изучении любого языка становится лингвокультурологическая составляющая. Лингвокультурология – это отрасль лингвистики, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке.

В любой науке различается объект и предмет исследования. Под объектом можно понять некоторую область действительности, представляющую собой совокупность взаимосвязанных процессов, явлений. Предметом исследования считается некоторая часть объекта, имеющая специфические характеристики, процессы и параметры. Объектом лингвокультурологии является взаимодействие языка, который является транслятором культурной информации, и самой культуры – исторической памяти народа. Предметом исследования лингвокультурологии являются единицы языка, которые приобрели символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре и которые обобщают результаты собственно человеческого сознания – архетипического и прототипического, зафиксированные в мифах, легендах, ритуалах, обрядах, фольклорных и религиозных дискурсах [1: 8].

Эргонимы, будучи разновидностью топонимов, тоже могут заключать в себе культурологическую информацию. Являясь названиями, которые присваивает человек или группа лиц конкретной организации в городе, они отражают особенности сознания языкового коллектива. Эргонимы в большей степени отражают современное состояние языка, общества, культуры, а также составляют некий топонимический портрет города, на карте которого они появляются. Иными словами, изучение лингвокультурологического потенциала эргонимов может дать много интересных сведений о городе, топонимическое пространство которого создают эти эргонимы, а также

об особенностях сознания современного языкового коллектива, проживающего в этом городе.

В настоящей статье лингвокультурологические особенности эргонимов рассматриваются на примере названий кафе и ресторанов города Термеза Сурхандарьинской области Узбекистана. Термез – один из древнейших городов Центральной Азии, которому уже более 2500 лет. Город Термез является туристическим центром. Для гостей города работает множество ресторанов, кафе и гостиниц. Материалом для анализа послужили 88 названий заведений общественного питания (наименование кафе и ресторанов).

Эргонимы города Термеза были проанализированы с точки зрения основных принципов номинации, т.е. в основу классификации были положены мотивировочные признаки названий.

I. Наибольшая группа названий указывает на связь названия с каким-либо **человеком** (выявлено 30 эргонимов в данной группе).

Проанализированные названия кафе и ресторанов города Термеза содержат:

а) указание на имя, фамилию или прозвище человека (14 названий), например: *кухня Muhlisa, Afruz, Xanna* (название связано с именем певицы), *Ezaz* (название связано с именем турецкой актрисой), *Aliya, Azizbek* (название связано с владельцем ресторана), *Otabek* (название связано с владельцем ресторана), *Parizoda* (название в честь дочери владельца ресторана), *Holbi, Islombek* (название связано с владельцем ресторана), *Kamolbek* (название связано с владельцем ресторана), *Farhod* (название связано с владельцем ресторана), *Billura* (название в честь дочери владельца ресторана), *Jahongir* (название связано с владельцем ресторана);

б) указание на отношение между людьми (5 названия), например: *кафе Любви, Amore* (любовь), *Afroditta* (богиня любви), *Uchrashuv* (встреча), *Diydor shirin* (сладкая встреча);

в) указание на профессию / социальный статус / характер человека (11 названий), например: *Malika Gold* (Золотая Принцесса), *Xan-Sultan* (Хан-Султан-правитель), *Best* (лучший), *Золотая бочка*, *Grand Almaz* (большой бриллиант), *Золотой домик*, *Diplomat* (дипломат), *Beklar*, *Begoyim* (милая дама), *Istiqlol* (независимый), *Sabr* (терпение).

II. Большое число названий кафе и ресторанов города Термеза (23 единицы) связано с указанием на **особенность кухни**. Так, данные эргонимы могут содержать указание на следующие особенности:

а) указывает на **национальную принадлежность** кухни, которая подаётся (6 названий), например,: *O'zbekim* (мой узбек), *Andalus* (мусульманская империя), *Восток*, *Surxon* (нация Сурхан), *Osiyo* (Азия), *Uzmir* (Мир узбека);

б) указание на конкретные блюда / напитки, которые подаются в этом заведении или с которым это заведение ассоциируется (5 названий): *Табака центр* (Центр гриль), *Halol табака* (Халяль гриль), *Хот-дог 07*, *Балтика*, *Qibray* (вид пива);

в) указание на характер приготовления блюда (9 названий), например: *Asl burger* (Чистый бургер), *City burger* (Центр Бургер), *Street burger* (улица бургера), *City сомса* (центр самсы), *Turk сомса* (турецкая самса), *Sevimli burger* (любимый бургер), *Шох сомса* (король сомсы), *Diet kafe* (диетические блюда), *Dodaburger*,

г) указание на особенности приёма пищи, а также обслуживания (3 названия), например: *Быстро*, *Durum* (второй), *Talaba* (студент).

III. Третья группа названий содержит информацию о каких-либо **географических объектах** (15 названий). При этом данные географические объекты могут быть связаны с называемым кафе или рестораном напрямую (находятся в одном пространстве) или опосредованно и даже символически. Рассмотрим подгруппы данных эргонимов:

а) отсылка к другому географическому объекту (5 названий), например: *Amerika* (названия связана с фаст-фудом которые готовят в США), *Dubay* (Арабские эмираты Дубай), *Евразия*, *Sohil* (тишина, спокойствие), *Гранд Мир* (Большой мир);

б) отсылка к наименованию строения/ заведения (10 названий), например: *Aylin*, *Чайхана*, *Al- qasr* (аль-каср), *Karvon Saroy* (Караван дворец), *Oqsaroy* (Белый дворец), *Yakkasaroy* (Одинокий дворец), *Koshona* (Дом), *Karavan* (Дворец), *Shoxsaroy* (Дворец правителя).

IV. Среди эргонимов Термеза выделяется немногочисленная группа названий (5 названий), которые образованы от наименований растений, например: *Чинара* (дерево), *Бунавша* (вид цветка), *Лола* (тюльпан), *Зейтун* (маслина, олива (дерево, плод), *Safran* (Шафран).

V. Ещё одна группа названий связана с **особенностью интерьера или особенностью отделки здания** (4 названия), например: *Feya* (в кафе представлено много иллюстрации фей), *Loft* (кафе расположен как чердак), *Faboys*, *Три Медведя*.

VI. Есть среди эргонимов Термеза и **уникальные наименования**, которые не входят в классифицируемые группы (12 названий), например: *April* (месяц), *Orzu* (мечта), *Дастурхон* (скатерть), *Одноклассники*, *Flamingo* (вид птицы), *Yes boss* (Да, босс), *Marvarid* (жемчуг), *Русалка*, *Freedom* (свобода), *Istiqbol* (будущее), *Mondo* (мир), *Anhor* (Якорь).

Итак, анализ лингвокультурологического потенциала узбекских эргонимов (на примере названий кафе и ресторанов г. названий кафе и ресторанов г. Термеза Сурхандарьинской области) показал, что для них характерны следующие особенности:

1. Наиболее многочисленная группа названий указывает на человека, при этом большая часть названий связана с человеком, который является владельцем кафе или ресторана или его родственником (чаще всего в основу названия положено имя).

2. Большая группа названий кафе и ресторанов города Термеза связана с особенностями кухни.

3. Часть названий связана с другим объектом, причём эти объекты находятся не внутри города Термеза, а в мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
2. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. 192 с.
3. Романова Т. П. Проблемы современной эргоники // Вестник Самарского государственного университета. Серия «Филология». 1988. №1(7). С. 82–90.

ЦАЛЛАЕВА Луиза Георгиевна (*Владимир, Россия*)

студент

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
tsallaevaluiza@gmail.com

Научный руководитель

ФЕДУЛЕНКОВА Татьяна Николаевна (*Владимир, Россия*)

доктор филологических наук, доцент

профессор кафедры ИЯПК

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
fedulenkova@list.ru

БИБЛЕИЗМ *МАННА НЕБЕСНАЯ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В данной статье рассматривается библейский термин «манна небесная» и анализируется использование этого выражения в современной лингвистике. Также рассматривается роль и значение символа «манна небесная» в культуре и использование этого выражения в повседневном и религиозном дискурсе, литературе. Анализ различных аспектов употребления выражения «манна небесная» в современном русском языке позволит лучше понять глубину его смыслового и символического содержания и исследовать, как это выражение отражает убеждения, ценности и культурные традиции в русском языковом и социальном контексте.

Ключевые слова: современный русский язык, библейская фразеология, манна небесная.

Abstract. This article examines the biblical term "manna from heaven" and analyzes the use of this expression in modern linguistics. The role and meaning of the symbol "manna from heaven" in culture and the use of this expression in everyday and religious discourse, literature are also considered. Analysis of various aspects of the use of the expression "manna from heaven" in modern Russian language will allow us to understand better the depth of its semantic and symbolic content and explore how this expression reflects convictions, values and cultural traditions in the Russian linguistic and social context.

Keywords: modern Russian language, biblical phraseology, “manna from heaven”.

В последние три десятилетия наблюдается рост внимания российских лингвистов к изучению библейской фразеологии. Появляются новые монографии, диссертационные исследования, статьи, учебные и лексикографические издания [6; 8; 9; 13].

Особенно актуальны и интересны в это плане работы ученых Владимирской школы, включающие исследования как лингвистической, так и лингводидактической направленности [7; 10; 14; 15; 16].

Идиомы Библии уходят корнями в глубокий духовный опыт и события, которые актуальны для всех людей и связывают всех нас на сегодняшний день с вечными человеческими ценностями. Подтекст многих библейских фраз практически всегда ясно дает ответ для понимания многих современных проблем, имеющих отношение к нашему существованию. С уверенностью можно сказать, что именно смысловое содержание библейского жанра было вдохновлено, как говорится, свыше, чтобы просвещать людей. Помимо лингвокультурологической морали, книга Библия также есть важное языковое средство в разговорном русском языке благодаря своей оценочности, экспрессивности, лаконичности и плодородной языковой или же экстралингвистической (ситуативной) информации. Библия не просто обогащает мировоззрение образованных читателей, а обогащает духовно учащихся. Библия дает ответы на важные жизненные вопросы, используя библейские истории. И многие фразы, именно взятые из Библии, занимают большое место в современном русском языке. Однако этимология многих из библейских фраз требует тщательного изучения, чтобы избавить от заблуждения тех, кто не искушен в библейских сюжетах.

Прежде чем перейти к конкретным примерам, следует упомянуть о самой терминологии, предложенной в исследовании И. Харазиньской

«Библицизм в русском языке» (1987): «Библицизм – это понимание библейского текста или библейского повествования, как языковой единицы со своими характеристиками, основанными на библейском тексте или библейском повествовании» [11: 11].

Библеизм, как и другие фразеологические единицы, обладает устойчивостью, воспроизводимостью, семантической целостностью и структурной замкнутостью [4: 56–58].

Существует три категории устойчивых и воспроизводимых выражений, заимствованных из Библии:

1) русские новозаветные термины, взятые из библейских текстов: *левая рука не знает, что делает правая* (*he carries fire in one hand and water in the other*); *алчущий и жаждущие* (*they which do hunger and thirst*); *тайна, покрытая мраком* (*this is a great mystery*); *the salt of the earth* (*соль земли*) и др.

2) слова, появившиеся в русском языке в исходе переосмысления образов и эпизодов из Нового Завета. Примеры: *иудин поцелуй* (*Judas kiss*); *книга за семью печатями* (*book sealed with seven seals*); *знамение времени* (*sign of the times*) и др.

3) фразеологизмы, заимствованные из старославянской версии Нового Завета со времен введения христианства на Руси. Примеры: *краеугольный камень* (*capstone*); *хлеб насущный* (*daily bread*); *медь звенящая* (*sounding brass*) и др.

Обратимся к рассмотрению конкретного библеизма – «манна небесная» (*manna from heaven*).

Манна с неба – библейский образ, упоминаемый в Евангелии от Иоанна (глава 6). Согласно Библии, манна – это пища, которую Бог посылал с небес израильтянам, странствовавшим по пустыне после Египта. Она символизирует Божье обеспечение и заботу.

По мере распространения устойчивого выражения «манна небесная» на Ближнем Востоке, в Египте, Европе и России оно вошло во

многие славянские языки. Библейская этимология этого слова восходит к древнееврейскому языку, а его сакральный смысл сохранился в культурных традициях на протяжении многих веков после принятия христианства [12: 72–73].

Библейская манна – это не только материальная, но и духовная пища. Она показывает, что человек живет не только физической пищей, но и наполняется живой речью, словом, которое говорит и дает в качестве наставления Всевышний (Втор. 8:3). Именно поэтому слово «манна» с данным контексте является синонимом хлеба, а хлеб – это всегда был и будет, согласно Библии, символ и, так называемый, прообраз Христа [3: 345–349].

Помимо основного сакрального значения, авторы «Словаря библейской мудрости для Великого поста» используют иронический смысл, говорящий о невозможности помощи и поддержки извне: *Unsere Vorfahren haben in der Wüste Manna gegessen* [2: 64–65].

В современном русском языке «манна небесная» означает нечто особенное, неожиданное или посланную свыше благодать, обычно внезапную помощь, решение проблемы, ситуации или благословение. Фраза используется как метафора, обозначающая неожиданный и ценный дар или благословение с небес.

Примеры использования этого библейского образа в современном языке включают:

1. Эта милость была как **манна небесная**, спасительный дождь в иссушенной пустыне. / This mercy was like **the manna of heaven**, a saving rain in a desiccated desert.

2. Поддержка друзей была для него поистине **манной небесной** в трудную минуту. / The support of his friends was truly **manna from heaven** for him in his time of need.

3. Встреча с этими профессионалами стала для команды **манной небесной**, подарив нам новые перспективы и понимание. /

Meeting these professionals was ***manna from heaven*** for the team, giving us new perspectives and insights.

Это выражение породило множество других, таких как «ждать как манны небесной» / await with impatience – ждать чего-то; «ожидать манны небесной» / he is waiting for the plums to fall into his mouth – ждать, что все произойдет само собой, и «есть манну небесную».

В современной публицистике находим следующие примеры использования данного библеизма:

(а) *Многие газетные статьи расценивали эту фразу как помощь свыше. Многие приходили ко мне, думая, что **манна с неба** упала (говорит Анна Архипова, являющаяся Александровским казачьим атаманом, публикация Юлии Ткаченко «Козаки меня не боятся, они меня уважают!» // Комсомольская правда, 24 сентября 2010 г.);*

(б) *Женщина купила новую одежду, не задумываясь о последствиях. В следующем месяце ей пришла по почте квитанция об оплате, и она получила манну небесную. В итоге, **манна небесная** оказалась 60%-м кредитиком. (Публикация Нигины Белоевой, «Как не сесть на кредитную иглу», // Комсомольская правда, 29 марта 2007 г.) и др. [5].*

Многие фразеологизмы, используемые ежедневно, имеют истоки как раз в Священном Писании. Один из таких примеров можно встретить в произведении Достоевского «Двойник»: *Господин Голякин был очень удивлен и тронут. Но даже если рассказ гостя был самым пустым из рассказов, каждое слово этого рассказа преследовало его, как **манна небесная**.*

Так, в современном русском языке термин «манна небесная» по-прежнему сохраняет значение символа неожиданного и драгоценного дара с небес, приносящего благословение и помощь.

Результаты лингвистического и контекстуального анализа убеждают нас в том, что библейские языки подверглись секуляризации.

В то же время мы сохраняем консенсус относительно происхождения этой устойчивой единицы в Библии. Она приобрела статус языковой единицы, имеющей хождение в современном русском языке и сохраняющей связь с библейскими сюжетами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакина А. Д., Федуленкова Т. Н. Да воздастся каждому по трудам его. Рецензия на русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках ЛЕПТА БИБЛЕЙСКОЙ МУДРОСТИ: в 2 т. / авт.-сост: З. К. Адамия; под общ. ред. Е. Е. Иванова [и др.]. Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. Т.1, 288 с. Т.2. 308 с. // Вестник Нижегородского гос. лингв. ун-та им. Н.А. Добролюбова. 2020. № 4(52). С. 151–155. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2020-52-4-151-155.
2. Балакова Д., Вальтер Х., Мокиенко В. М. Лепта библейской мудрости: краткий русско-словацко-немецкий словарь крылатых слов / Дана Балакова, Гарри Вальтер, В. М. Мокиенко. Ружомберок, Грейсфальд. СПб, 2012. 140 с.
3. Дубровина К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. М.: Изд-во Флинта, Наука, 2010. 808 с.
4. Клюкина Т. П. Особенности употребления и перевода библеизмов. М.: Столпотворение. № 8–9–2003.
5. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс] <http://ruscorpora.ru/>.
6. Федуленкова Т. Н. Лекции по английской фразеологии библейского происхождения. М.: Изд. Дом Академии Естествознания, 2014. 146 с.
7. Федуленкова Т. Н. Формирование профессиональных компетенций специалиста посредством фразеологии библейской этимологии // Язык и культура. 2017. № (4)40. С. 91–102. DOI: 10.17223/19996195/40/7.
8. Федуленкова Т. Н. Характеристика прототипов библейской фразеологии и способы их преобразования в языковые единицы // Язык и культура. 2019. № 1 (45). С. 108–120. DOI: 10.17223/19996195/45/8.
9. Федуленкова Т. Н. Развитие вариантности фразеологии библейской этимологии // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т.6. № 2. С. 83–96. DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-2-0-7
10. Федуленкова Т. Н., Койнова А.С., Любимова О.В. Библейская фразеология в проектировании индивидуального образовательного маршрута религиоведа // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 4. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=26699> (дата обращения: 04.02.2024).
11. Харазиньска И. Библицизмы в русском выражении: дис. канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1987. 193 с.
12. Шкуран О. В. Языковые единицы с сакральным значением: лингвокультурологические аспекты (на примере библейских флоронимов) // IV Фирсовские чтения. Язык в современных дискурсивных практиках: материалы докл. и сообщ. Международ. науч.-практ. конф., Москва, 22-23 октября 2019 г. / под ред. А. С. Борисовой, А. В. Игнатенко, Т. В. Лариной, О. В. Ломакиной / О. В. Шкуран. М.: РУДН, 2019. С. 72–77.
13. Fedulenkova T. English-German-Swedish Dictionary of Biblical Phraseology. Arkhangelsk: Pomorsky Un-t, 2018. 168 p.
14. Fedulenkova T. Modern life of biblical phraseology and its variants in English // The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (EpSBS) https://www.europeanproceedings.com/files/data/article/10030/10965/article_10030_1096

(дата обращения: 04.02.2024).

15. Bakina A.D. The Bible as a Precedent Text to Shakespeare's Plays // Book of Proceedings. Tenth international conference on language and literary studies "Language, literature and future". Belgrade; Alfa bk university, 2022. Pp. 212– 221.

16. Bakina A.D., Valueva A.V., et al. Frequent Types of Variability in Phraseology of Biblical Origin // Семантический потенциал языковых единиц и его реализация. Минск: МГЛУ, 2021. С. 232–234.

ЧИЖИКОВА Екатерина Викторовна (*Владимир, Россия*)

соискатель

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
chizhikowa.catya@yandex.ru

МИНЕРАЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ Н. С. ГУМИЛЕВА И О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА

Аннотация. В статье рассматриваются основные особенности функционирования минералогической лексики в стихах Н. С. Гумилева и О. Э. Мандельштама. Выявляются наиболее частотные минералогические наименования у обоих авторов и исследуется их основные функции: номинативная и образная (построение метафорических рядов и символика).

Ключевые слова: минералогическая лексика, номинативная функция, метонимическое и метафорическое значение, символическое значение.

Abstract. The article examines the main features of the functioning of mineralogical vocabulary in the poems of N. S. Gumilyov and O. E. Mandelstam. The most frequent mineralogical names used by both authors are identified and their main functions are examined: nominative and figurative (construction of metaphorical series and symbolism).

Keywords: mineralogical vocabulary, nominative function, metonymic and metaphorical meaning, symbolic meaning.

В поэтических текстах Н. С. Гумилева чаще всего встречаются следующие минералогические наименования: *жемчуг, мрамор, алмаз, рубин, изумруд, янтарь, хрусталь, коралл, гранит, бирюза, яшма, аметист*. Значительное количество используемых автором минералов не дань экзотике или оригинальности (несмотря на любовь поэта к путешествиям и приключениям), не увлечение лишь формой и цветом камней. С одной стороны, минералы и камни в поэзии Н. С. Гумилева несут непосредственно номинативную функцию, а с другой – используются поэтом для построения метафорических рядов, которые кажутся весьма традиционными: «жемчужные зубы», «хрустальные

волосы», «*гранитные крылья*». Но использование семантики драгоценных камней в поэзии Н. С. Гумилева гораздо объемнее и глубже, оно отражает цвет, свет и символическое значение.

Жемчуг – 'твердое, состоящее преимущ. из перламутра образование в двустворчатых раковинах некоторых моллюсков в виде зерен, обычно перламутрового (реже черного) цвета, употр. как драгоценное украшение»)' (Ож.). В данном значении Н. С. Гумилев употребляет лексему *жемчуг* в стихотворении, посвященному непосредственно сбору раковин как промыслу: «*сотни пирог отплывают и жемчуга ищут вокруг*». Один из сборников Н. С. Гумилева так и называется – «Жемчуга». В остальных стихотворениях развивается метонимическое и метафорическое значение: «*и зачем эти тонкие руки жемчугами прорезали тьму*», «*невинной, прозрачной слезой ты унизишь мои жемчуга*», «*моя жемчужина, мой свет*».

Мрамор. Белый цвет *мрамора* положен в основу следующего сравнения: «*как мрамор белый, женский труп*». Дополнительное значение привносит семантика камня – 'холод', 'неподвижность', 'статичность'.

Янтарь. Некоторые минералогические лексемы функционируют по типу метонимического переноса: «*и янтарь всегда висел на шее*» (=предмет из *янтаря*). Такое свойство камня как 'твердость' дает основание для сравнения «*сделал рог, как янтарь, носорогу*». В значении прилагательного *янтарный* наиболее часто актуализируется сема 'цвет' ('оттенки желтого и оранжевого до темно-красного'), а также 'интенсивность цвета' (например, «*янтарный мрамор Сиены*»). Также, как и в текстах других поэтов XX века (например, у А. А. Ахматовой), минерал у Н. С. Гумилева может передавать оттенок заката или рассвета («*в море просветы янтаря*»). В данном случае солнце обозначено лексемой *янтарь*, которая характеризует цвет зари,

подчеркивая сходство цвета драгоценного камня и цвета восходящего солнца.

Алмаз. Алмазы в лирике Н. С. Гумилева обладают, в первую очередь, семантикой 'твердости, прочности', 'недоступности, редкости' и 'красоты' («**черты алмазного лица**», «**алмазные небеса**», «**печатями алмазными**», «**алмазным панцирем звеня**», «**алмазный щит**»).

Далее проанализируем минералогическую лексику в поэзии О. Э. Мандельштама.

Камень можно назвать центральной лексемой творчества О. Э. Мандельштама, что связано как с частотой употребления лексемы, так и с особым статусом – первый сборник стихов поэта называется «Камень». Е. В. Меркель отмечает, что субстанция камня в пространстве творчества претерпевает мифологические метаморфозы: уподобляется слову, организму, вере, человеку; обретает двуипостасную природу (в оппозиции: сырой материал – произведение искусства). Движение семантической парадигмы анализируемого мотива как важнейшей образной составляющей картины мира О. Э. Мандельштама позволяет сделать вывод об амбивалентности семантической природы камня [2]. Р. Томсон, прослеживая эволюцию образа камня в раннем творчестве О. Э. Мандельштама, указывает на фундаментальное изменение мироощущения поэта и связывает это с его переходом на акмеистические позиции. В результате образ камня обретает не только метафорические, но и символические смыслы [3]. Расширение семантического значения связано с культурно-мифологическими контекстами, втягиваемыми О. Э. Мандельштама в семантическую ауру сборника. Имеется в виду стяжение в единую смысловую парадигму семантики камня, слова, Петербурга, веры и т.п.

Семантические пересечения образов камня и Петербурга возникают не только на основе камня как материала-сырца, ставшего

«плотью Петербурга», но и благодаря лексической аналогии *камня* с латинским *petra* (в переводе – ‘камень’, ‘скала’).

Одновременно слово *камень* выступает в мандельштамовских контекстах библейской метафорой веры. В ряде стихов актуализируется сакральный смысл 1-го соборного послания святого апостола Петра, построенного на метафоре *камня* как материала духовно-религиозного строительства, который отождествляется с человеком («*И сами, как живые камни, устрояйте из себя дом духовный*» (1Пет.2:5)).

Мрамор. Лексема *мраморный* выступает в прямом значении в словосочетании *мраморных столбов* (=столбов, сделанных из *мрамора*) при описании городского пейзажа в стихотворении «Айя-София».

Аналогичная ситуация с лексемой *гранит* – она также используется автором в прямом значении: *с гранитной лесенки* (=с лесенки из гранита).

Алмаз. В стихотворении «'Морожено!' Солнце. Воздушный бисквит...» автор использует оригинальную метафору – уподобляет мороженое *алмазным сливкам*, опираясь на сходство мороженого и *алмаза* по внешнему виду ('сияние, блеск'), твердости (алмаз твердый и сливки в мороженом тоже «твердые»), ценности (высокая стоимость алмаза и не менее высокая ценность мороженого, показанная глазами ребенка).

Изумруд. Цвет *изумруда* берется как важнейший признак для сравнения: *изумруд воды* (=вода зеленого цвета).

Янтарь. В строке «*на губах остается янтарная сухость*» реализуется значение 'тяжкий, невыносимый'. Это значение лексической единицы поддерживает сема 'цвет' – 'оттенок желтого', 'цвет болезни'.

Аметист – 'драгоценный камень фиолетового или голубовато-фиолетового цвета, разновидность кварца' (Ож.). Упоминается у О. Э. Мандельштама *аметистовая вода*, то есть вода, настоянная на кристаллах *аметиста*. Считается, что такая вода обладает целебными

свойствами, а также притягивает благополучие. Такое символическое значение и хотел передать автор в стихотворении «Меганом».

Проанализировав особенности функционирования минералогической лексики в поэтических текстах Н. С. Гумилева и О. Э. Мандельштама, мы можем сделать вывод, что эти авторы зачастую прибегали к использованию минералогического пласта лексики в своих текстах.

Наибольшее разнообразие наименований камней и минералов встречается в текстах Н. С. Гумилева, в то время как О. Э. Мандельштам предпочитает использовать родовую лексему *камень*, не прибегая к уточнению. *Камень* – одна из центральных лексем творчества Осипа Эмильевича Мандельштама. В стихах Н. С. Гумилева преобладают упоминания *жемчуга, мрамора, алмаза, рубина, изумруда, янтаря*. С одной стороны, минералы и камни в поэзии Н. С. Гумилева выполняют непосредственно номинативную функцию, а с другой – используются поэтом для построения метафорических рядов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесов В. В. Имя – знамя – знак // Сравнительно-типологические исследования славянских языков и литератур: К IX Международному съезду славистов. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. С.24–40.

2. Меркель Е. В. «Камень как бы возжаждал иного бытия»: об одном парадигмообразующем мотиве поэтики Мандельштама // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. №4-2 (70).

3. Thomson R. D. B. Mandel'stam's «Kamen'»: the evolution of an image // Russian Literature. 1991. Vol. 30. № 4. P. 501-534.

ИСТОЧНИКИ

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2022. 1376 с.

2. Гумилев Н. С. Сочинения. В 3т. Т.1: Стихотворения и поэмы. М.: Худож.лит., 1991. 592 с.

3. Мандельштам О. Э. Сочинения: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 1. Стихотворения, переводы / сост. П. М. Нерлер, С. С. Аверинцев; комментарии А. Д. Михайлова, П. М. Нерлера. 637 с.

4. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. М.: Оникс [и др.], 2009. 1359 с.

ЧУКАРЕВА Дарья Сергеевна (Владимир, Россия)

студент

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
chukareva-02daria@mail.ru

Научный руководитель

АБРАМОВА Елена Алексеевна (Владимир, Россия)

старший преподаватель

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
ingaabramova2011@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЛОВ КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ В СТРУКТУРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (на материале творчества С. К. Никитина)

Аннотация. В статье рассматривается текстообразующая функция слов категории состояния, выявляется их потенциальная возможность формировать текст определенной функционально-стилевой направленности, предлагаются лингвистические анализы подобранных отрывков из художественных текстов С.К. Никитина. Подготовленные материалы можно использовать на уроках русского языка и литературного краеведения в старших классах общеобразовательных учреждений.

Ключевые слова: слова категории состояния, функционирование, художественные оппозиции, рассказчик, повествовательная форма, абзац.

Abstract. The article examines the text-forming function of words of the category of state, their potential to form a text of a certain functional and stylistic orientation is identified, and linguistic analyses of selected extracts from literary texts by S.K. Nikitin are offered. The prepared materials can be used in lessons of Russian language and literary study of local lore in high forms of schools.

Keywords: words of the category of state, functioning, artistic oppositions, narrator, narrative form, paragraph.

Общеизвестно, что текст, будучи единицей коммуникативного уровня, способствует реализации значений не только лексических единиц, но и лексико-грамматических и грамматических. Рассмотрение категориальных значений, превращающихся в речи в коммуникативно и художественно значимые элементы строения текста, направляет внимание читателя на основные смыслы связного целого. Грамматическая форма, по мнению исследователей, обладает «потенциальными возможностями выражения ею определенного мыслительного содержания...» [5, с. 38]. Превращению языковых

значений в речевые способствуют как их парадигматические свойства, так и способность значений вступать в оппозитивные отношения, что и обуславливает их функциональную нагрузку в структуре текста как коммуникативной единицы. В результате этого в структуре художественного текста актуализируются богатейшие возможности функционального использования лексических и грамматических единиц с дополнительными изобразительно-выразительными, экспрессивно-эмоциональными признаками, связанными с экспликацией смыслов текста. В этом случае можно говорить о важнейшей текстообразующей функции единиц разных уровней языковой системы.

В повести замечательного владимирского писателя С.К. Никитина «Рисунок акварелью» система художественных оппозиций включает в себя лексические, синтаксические, синтагматические, а также категориальные средства выражения. Представляется интересным пронаблюдать использование автором текста семантических и грамматических особенностей слов категории состояния, определить место этих слов в структуре художественного произведения, их функции. Следует отметить, что многие исследователи, разрабатывающие вопросы преподавания русского языка в школьной и вузовской практике, отмечают актуальность проблемы изучения слов категории состояния как части речи. О.В. Борисова указывает на недостаточное количество часов, отводимых школьной программой на изучение этих слов, а также на то, что анализируемая часть речи имеет грамматические омонимы, ее достаточно трудно выделить в тексте, определить выполняемую функцию [3, с.5]. Изучив наиболее известные учебно-методические комплексы [2, с. 14–25], [1, с.155–156], [6, с. 105,115], можно заметить, что описанию морфологических единиц как инструмента формирования текста в школьной методике посвящено недостаточное количество исследований. Рассмотрение языковых единиц в единстве их семантики и грамматических свойств может стать основой для проведения уроков

развития речи. Функциональный подход к анализу текста создает условия для наблюдения и обобщения необходимых для обучающихся в школе и вузе сведений об организации связного речевого целого определенного типа.

Изучение текстообразующей функции слов категории состояния, выявление их выразительно-изобразительных возможностей может, на наш взгляд, являться достаточно «благоприятной» грамматической и стилистической темой школьного преподавания курса русского языка. Эти слова имеют потенциал к организации текстов разных функциональных типов. Н.С. Валгина отмечает, что такой функциональный тип речи, как описание (с импрессивной ремой), «опирается на слова категории состояния, отвлеченные имена существительные, обозначающие чувства, состояния, качественно-оценочные прилагательные и наречия» [4, с. 56–57]. Как отмечает Л.В. Поповская (Лисоченко), «под функциональным подходом понимается такой подход, при котором семантика и форма языковой единицы рассматриваются с точки зрения их текстообразующей функции» [5, с. 14–15].

Внутренняя и внешняя композиции повести С.К. Никитина «Рисунок акварелью» необычна и сразу же привлекает внимание читателя. Внешнее обрамление повести – речевой план рассказчика, начало повествования имеет отправную точку – «время остановилось» (см. текстовые фрагменты: «долгий замирающий звон», «видеть, словно через волшебные очки, множество окружающих меня подробностей и значительных мелочей» и т.д.). Стержневой слово «рисунок», вынесенное в заглавие произведения, содержательно раскрывается через повтор слова со значением восприятия («...начинал видеть ... видел ...»), а также в следующих речевых отрезках: «выходил из повышенного темпа жизни большого города», «словно через волшебные очки, множество окружающих меня подробностей и значительных

мелочей», «как орнитолог гадает по единственному перу о птице». Уже в начале текста актуализируются смысловые оппозиции повести («лавина времени» – «время остановилось», «звонящая тишина» – «длинные минуты» и др.).

Одним из основных факторов, определяющих функциональное назначение речи, является позиция производителя речи, при этом форма речи от 1-го лица «наиболее проста, естественна, изначальна» [8, с. 93]. Как считают ученые, эта форма наиболее полно проявляется в обходно-разговорной речи, письмах и публицистике [8, с. 93], у читателя часто не возникает сомнений, что «я ... письма – конкретная личность» [8, с. 94]. Внутренняя композиция произведения включает в себя целый ряд записок и писем. В повести С.К. Никитина два рассказчика, связанные с формой речи от 1-го лица: странствующий путешественник («с посошком и котомкой») и отправитель писем (Евгений Васильевич Ладыгин, прапорщик русской армии времен первой мировой войны). Жанр письма позволяет ввести в смысловую структуру субъекта повествования биографические элементы (Евгений Ладыгин – уроженец города Коврова), незначительные, на первый взгляд, эпизоды и т.д. В тексте два рассказчика (два я), и взаимосвязь между ними очевидна: и тот, и другой «бродили» (ходили) по лесам, находили в природе источник познания и вдохновения, умели сосредоточиться на конкретном отрезке времени и пространства. Индивидуализация личности Ладыгина (я письма) может восприниматься читателем как «конкретная личность» [8, с. 94], имеющая свою биографию, историю жизни, фотографию, младшего брата, знакомую из Москвы и т.д. Автор произведения не один раз уточняет жанровое своеобразие своего творения, называя повесть «биографией в виде повести», «маленькой повестью», «повестью давно отзвучавшей жизни», «словами документальной правды». Семантическая композиция произведения С.К.Никитина определяется главной оппозицией – «жизнь – смерть»,

лежащей в основе содержательного плана текста (см.: «хранилище отслуживших вещей», «канувшей в прошлой жизни», «хлам поры молодости в пыли, паутине и мраке», «прошедшей жизни, полной своих радостей и печалей», «жизнь есть не что иное, как прах или дым» и т.д.). Перекличка начала произведения и его заключительных строк выделяет еще одну лексическую единицу, тематически близкую к выделенным оппозициям, – слово «забвение» («...иная жизнь, и в ней забыты люди, недостойные забвения...»).

Исследуя слова категории состояния, авторы указывают на то, что в современном русском языке наиболее продуктивными являются группы безлично-предикативных слов, обозначающих состояние природы, среды и обстановки [7, с. 434]. Они широко употребляются как в разговорной речи, так и в художественной литературе, однако вопрос отбора этих слов, распределения их в тексте, описание выполняемой функции требуют особого внимания. Структурно-содержательные особенности повести С.К. Никитина определяют характер употребления безлично-предикативных слов. В речевой «зоне» путешественника заметны оценочные слова, связанные с психо-эмоциональным восприятием действительности в «длинные минуты» пребывания в «старом деревянном доме», они хорошо семантически сочетаются со словами других частей речи: хорошо (см.: «удивительно вкусен», «благоуханная прелесть осеннего сада», «изразцовое тепло», «сесть и разматывать в уме клубок ассоциаций» и т.д.). Такую же обобщающую семантику слов категории состояния находим и в микротематическом контексте «Лес». В тексте эта тема выделена дважды с помощью абзацного членения. Восклицательный знак, поставленный в конце выделительного абзаца («Лес!»), подчеркивает субъективное восприятие окружающей обстановки субъектом повествования: «Жутко, но зачаровывающе и притягательно» (контекст семантически связанного с категорией состояния речевого отрезка: «леса были прекрасно дики и

могучи, словно леса русских сказок», «на пути то и дело попадались глубокие ямы, поросшие по склонам темными елками», «перевитый паутиной мрак» и т.д.). Textoобразующая роль таких слов категории состояния, выполняющих художественно-изобразительную функцию, очевидна. Совсем иные текстовые структуры связаны с безлично-предикативными словами «можно», «нельзя», «надо», предполагающими примыкающий инфинитив: «можно видеть», «нельзя быть просто туристом», «надо вспомнить что-то важное», «нельзя передать сиротливую грусть зимнего рассвета», актуализируют в тексте важнейшие характеристики творческой личности странствующего путешественника. Значение состояния окружающей среды в речевой сфере путешествующего рассказчика встречается достаточно редко, например, «...в мелком провале – озерко, в соседнем, более глубоком, – сухо, а рядом, еще глубже, – вода».

Анализируя речевую структуру другого я (Евгения Ладыгина), отмечаем следующие особенности: употребление слов категории состояния может быть «привязано» к конкретному эпизоду, выполняя фоновую функцию конкретизации времени и обстановки, обычно такое употребление отмечается в вводящем предложении абзаца: «На нашем участке тихо. Доктору и жутко, и интересно, и как-то не верится, что это «самое первое» линия...». В главке «Неоконченное письмо, найденное в бумагах покойника и привезенное денщиком» отмечается своеобразный параллелизм употребления противоположных по значению безлично-предикативных слов, образующих одну из важнейших художественных оппозиций: «...как трудно представить себе описываемое словами...», «...пулей убить уток гораздо трудней, чем людей», а с другой стороны – «Сладко и приятно умереть за отечество». Эта главка выделяется из целого ряда писем и записок еще и тем, что заканчивается выделительным абзацем, равным одному предложению. Рассказывается о смерти рядового, подводится итог: «Жизнь кончена, и

подведен итог». Такой выделительный абзац как бы «призывает читателя не торопясь подумать над ним», «выстраданность» каждого слова подчеркивается [8, с. 231]. Противоречие между двумя рядами предикативно-безличных слов «снимается» утверждением «Да и бог с ними», «с героями», а также развернутым высказыванием, в котором слово «надо» отмечено особым логическим ударением: «Но если надо будет, не задумываясь, отдам жизнь за отечество твое, батя, твое, мама, твое, Аверьян Галаев, ваше, мои ребята, – за отечество русского народа».

В конце повести перед читателем предстает рассказчик-публицист, имеющий свою точку зрения на «историю прапорщика Евгения Васильевича Ладыгина», отвечающий на поставленный в письме вопрос («Жизнь кончена, и подведен итог»). В сильной смысловой позиции конца текста к читателю обращен вопрос: «...не значительней ли самого пышного вымысла крупница подлинной жизни», а «документальная правда» произведения усиливает значение слов «надо», «пусть не забудется каждый, кто любил родину...». Экспрессивное звучание безлично-предикативного слова «надо» императивного склонения с частицей «пусть» и придаточного цели («чтобы не забыт был в нашей жизни...») определяют смысловое и эмоциональное значение повести С.К. Никитина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабайцева В. В., Чеснокова Л. Д. Русский язык: Теория: учеб. для 5–9 кл. общеобразоват. учреждений. М.: Просвещение, 1995. С. 132–133.
2. Баранов М.Т. и др. Русский язык 7 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций. Р89 в 2 ч. Ч. 2 / [М. Т. Баранов и др.]. – М.: Просвещение, 2019. – 143 с.
3. Борисова О.В. К проблеме изучения категории состояния в школе и вузе. – URL: [http://pse.syktso.ru/publes/1\(11\)2014-167-175.pdf](http://pse.syktso.ru/publes/1(11)2014-167-175.pdf)
4. Валгина, Н.С. Теория текста. Москва, Логос. 2003 – 173 с.
5. Поповская (Лисоченко) Л. В. Лингвистический анализ художественного текста в вузе: Учеб. пособ. для студ. филол. фак-тов. 2-е изд. доп. И перераб. – Росто-на-Дону: «Феникс», 2006. – 512 с.
6. Разумовская М.М., Львова С.И. Русский язык: учеб. для 7-го кл. общеобразоват. учреждений /М. М. Разумовская, С. И. Львова, В. И. Капинос и др.; под ред. М. М. Разумовской, П. А. Леканта. М.: Просвещение, 2020.

7. Рахманова Л.И., Суздальцева В. Н. Современный русский язык: Лексика. Фразеология. Морфология: Учебник для студентов вузов / Л.И. Рахманова, В.Н. Суздальцева. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 464 с.

8. Солганик Г.Я. Стилистика текста: Учеб. пособие / Г.Я. Солганик. – 6-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 256 с.

ШИШКОВА Наталья Валерьевна (*Владимир, Россия*)

студент

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
shishkovanatalie-lg122@yandex.ru

Научный руководитель

ФЕДУЛЕНКОВА Татьяна Николаевна (*Владимир, Россия*)

доктор филологических наук, доцент

профессор кафедры ИЯПК

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
fedulenkova@list.ru

ДОБРЫЙ САМАРИТЯНИН В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Объект исследования – распространённая фразеологическая единица библейского происхождения в русском языке – библеизм «Добрый Самаритянин». Предметом данного исследования является ее частотность и функциональная ориентированность.

Ключевые слова: библеизм, библейские фразеологические единицы, Добрый Самаритянин, функции.

Abstract. The object of the study is a widespread phraseological unit of biblical etymology in the Russian language – the biblical phrase Good Samaritan. The subject of this study is its frequency and functional orientation.

Keywords: Biblical phrase, biblical phraseological units, Good Samaritan, functions.

В высказываниях различных ведущих телепередач, спортивных комментаторов, в статьях журналистов и даже в речах известных политологов заметно все более частое использование библейской терминологии.

Некоторые из наиболее распространенных выражений включают в себя такие, как «всякой твари по паре», что означает разнообразие или смесь различных вещей; «в поте лица», означающее работать с тяжелым трудом или прикладывать усилия к чему-то; «жнет, где не сеял» – получение неожиданных результатов от чьих-либо действий;

«земля обетованная» – место или состояние, к которому кто-то стремится; «запретный плод сладок», означающее что-то желанное, но при этом недоступное; «камень преткновения» – проблема или трудность, которая вызывает некие затруднения; «козел отпущения», обозначающее человека или группу, на которых возлагается вина за проблемы или неудачи других; «кто не работает, тот не ест», используемое в ситуации, где если кто-то не работает или не прилагает усилий, то не заслуживает почетной награды или вознаграждения; «манна небесная» – неожиданный подарок или удача; «не от мира сего», обозначающее кого-то или что-то, что является необычным или уникальным; «око за око, зуб за зуб», передает значение принципа равного возмездия; «тьма кромешная», означающее абсолютную темноту или полное отсутствие света [4, с.105].

Большое внимание изучению судьбы фразеологических единиц библейского происхождения в современных языках уделяется лингвистами Владимирской фразеологической школы (см. работы: 1; 5-9).

Одним из самых распространенных библейских фразеологизмов является *Добрый Самаритянин*. Анализ использования данного выражения в современном медиа-дискурсе и определение его функции в различных контекстах и являются частью нашего исследования.

Сам библеизм *Добрый Самаритянин* в современном русском языке используется для обозначения человека, который оказывает помощь и поддержку тому, кто находится в беде или нуждается в помощи, даже если это неожиданно или неудобно. Это выражение часто употребляется как символ доброты, сострадания и готовности помочь другим без возможного дальнейшего вознаграждения. Оно происходит из притчи Иисуса Христа о милосердном Самаритянине, который помог путнику, находившемуся в беде [2, с. 1101].

В современном русском языке этот образ часто используется в таких стилях речи, как литературном (в качестве эссе и стихов); публицистическом (в виде статей, интервью и текстов общественно-политической направленности), а также в разговорном стиле для описания ситуаций, когда кто-то оказывает неожиданную или бескорыстную помощь другому человеку.

Посредством количественного анализа национального корпуса русского языка обнаруживаем, что библейский фразеологизм *Добрый Самаритянин* проиллюстрирован несколько десятков раз [3]. Предлагаем рассмотреть некоторые примеры и определить функции каждого из них в предложении.

В качестве первого примера была выбрана книга Бушкова А. А. «Ближе, бандерлоги!» (2016). Здесь библеизм используется в четвертом предложении и имеет функцию именной части составного именного сказуемого.:

*<...> Это не тяжело. Я поеду с вами. Давайте отведем вас в отель.... Уж если быть **добрыми самаритянами**, то до конца. – Черт, не знаю, как вас и отблагодарить... – сказал Мазур. ... <...>*

Следующий пример был взят из произведения «Путь Мури», написанного Ильей Бояшовым в 2007 году. Здесь фразеологическая единица играет роль подлежащего. Автор иронически использует библеизм, называя мужчину добрым самаритянином. В данном контексте трудно определить, почему автор сопоставляет его с таким благодетельным образом, если брать во внимание тот факт, что персонаж неподобающе грубо отзывается о собственной жене и не выпивает молоко из фляги:

*– Жена каждый день наполняет мою флягу молоком, – буркнул **Добрый Самаритянин**, отвинчивая крышку фляги. – Я пожелал бы бренди, <...>. Но моя старая дура упрямо льет молоко, да еще и проверяет вечерком, не нацедил ли сюда я чего покрепче! <...>.*

Также примером может послужить роман Михаила Чулаки «Примус», опубликованный в 2002 году. Здесь мы наблюдаем пример употребления рассматриваемого библеизма в функции препозитивного определения:

*Прошло несколько дней с момента того звонка в больницу, когда герой узнал, что его друг Шуберт все еще находится там <...>, его состояние было удовлетворительным. В сердце героя зародилось беспокойство – неужели с Шубертом что-то случилось? Он решил отправиться в знакомую больницу, чтобы узнать, как ему там. С неким странным чувством, герой вошел в отделение, не в качестве пациента, но как **Добрый Самаритянин**, навещающий страдающего друга. И там, на одной и той же кровати, лежал Шуберт <...>.*

Для четвертого примера мы выбрали небольшой отрывок из произведения Андрея Ростовского «По законам волчьей стаи» (2000). Автор даже использует кавычки, подчеркивая насмешливость, и, при этом, всю тяжесть ситуации, в которой оказался герой. Здесь мы также наблюдаем использование библеизма в качестве определения:

*В прошлом квартале он оставил несколько неоконченных задач, а руководство уже нагружает его новыми проектами. А он, как **«Добрый Самаритянин»**, принимает и принимает очередных подкидышей. <...> Такова, видимо, его судьба. <...>.*

В качестве последнего примера мы выбрали «Смех за левым плечом» В. А. Солоухина (1989). В нем представлен фразеологизм в функции препозитивного определения с предлогом:

*Мать рассказывает сыну множество библейских историй, включая сон Иосифа о семи тучных и семи тощих коровах, строительство Вавилонской башни, <...> и историю о **добром самаритянине**, помогшего больному на дороге. <...> самая <...> подробная история, которая была рассказана сыну неоднократно, – это история о Иисусе Христе. <...>.*

Фразеологизм *Добрый Самаритянин* прочно вошел в лексикон русского языка, сохранив свою библейскую первооснову. Притча о добром самаритянине, рассказанная Иисусом Христом, стала основой для понятия милосердия, запечатленного в этом выражении. Самаритянин, которого презирали и сторонились евреи, проявил сострадание к избитому и ограбленному человеку, оказав ему помощь и позаботившись о его благополучии.

В современном обществе библейский фразеологизм *Добрый Самаритянин* трансформировался и приобрел более широкое значение. Он стал олицетворением самоотверженного служения обществу, не равнодушного человека, готового прийти на помощь незнакомцам, нуждающимся в поддержке.

Таким образом, БФЕ *Добрый Самаритянин* не только сохраняет свое изначальное значение, но и приобретает новые грани, отражая актуальные социальные тенденции. Оно становится символом милосердия, заботы о ближних и активных участиях в общественной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакина А.Д., Федуленкова Т.Н. Да воздастся каждому по трудам его. Рецензия на русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках ЛЕПТА БИБЛИЙСКОЙ МУДРОСТИ: в 2 т. / авт.-сост: З. К. Адамия; под общ. ред. Е. Е. Иванова [и др.]. Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. Т.1, 288 с. Т.2. 308 с. ISBN 978-985-568-502-0 (т. 1) ISBN 978-985-568-503-7 (т.2) // Вестник Нижегородского гос. лингв. ун-та им. Н.А. Добролюбова. Вып. 4(52). 2020. С. 151-155. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2020-52-4-151-155.

2. Библия. Книги священного писания ветхого и нового завета. В русском переводе с параллельными местами. М.: Библейские общества, 1993. 1346 с.

3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] <https://ruscorpora.ru/>

4. Федуленкова Т. Н. Лекции по английской фразеологии библейского происхождения: учебное пособие для подготовки бакалавров и магистров высших учебных заведений, обучающихся по специальностям «Лингвистика»; «Культурология»; «Религиоведение» / Т. Н. Федуленкова. М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2016. 145 с.

5. Федуленкова Т. Н. Библейская фразеология в проектировании индивидуального образовательного маршрута религиоведа / Т. Н. Федуленкова, А. С. Койнова, О. В. Любимова // Современные проблемы науки и образования. 2017.

№ 4. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=26699> (дата обращения: 04.09.2023).

6. Федулёнка Т. Н. Характеристика прототипов библейской фразеологии и способы их преобразования в языковые единицы // Язык и культура. 2019. № 1 (45). С. 108–120. DOI: 10.17223/19996195/45/8.

7. Федулёнка Т. Н. Развитие вариантности фразеологии библейской этимологии // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т.6. № 2. С. 83–96. DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-2-0-7.

8. Федулёнка Т. Н. От библейского прототипа до современного фразеологизма // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica. 2020. Т. 16. Вып. 2(45). С. 30–40.

9. Fedulenkova T. N. Modern life of biblical phraseology and its variants in English // The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (EрSBS). https://www.europeanproceedings.com/files/data/article/10030/10965/article_10030_10965_pdf_100.pdf (дата обращения: 09.12.2023).

ЯЗГУЛЫЕВА Шахрибан Агамырадовна
(Владимир, Россия – Кушка, Туркмения)

студент

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
yazgulyyeva1998@gmail.com

Научный руководитель

САФРОНОВА Наталья Анатольевна (Владимир, Россия)

кандидат филологических наук, доцент

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
natalia_1271@mail.ru

О ГРАММАТИЧЕСКИХ СРЕДСТВАХ ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Статья посвящена грамматическим средствам выражения темпоральности в русском языке. К ним можно отнести морфологические средства: время и вид глагола и его атрибутивных форм – причастия и деепричастия, а также синтаксические: структурная схема предложения, взаимодействие морфологических и лексических средств.

Ключевые слова: темпоральность, морфологические средства, время глагола, вид глагола, синтаксическое время.

Abstract. The article is devoted to grammatical means of expressing temporality in Russian language. These include morphological means: the tense and aspect of the verb and its attributive forms - participles and gerunds, as well as syntactic ones: the structural plan of a sentence, the interaction of morphological and lexical means.

Keywords: temporality, morphological means, verb tense, verb aspect, syntactic tense.

Время – фундаментальная категория, лежащая в основе научной и языковой картины мира. Оно есть форма существования материи. Именно на понятии «время» базируется категория темпоральности.

Термин «темпоральность» используется как в гуманитарных науках, так и в естественных. Категория темпоральности рассматривается и в лингвистике. Многие учёные пытались дать определение темпоральности как лингвистической категории и объяснить, какие языковые средства употребляются при выражении временных отношений. Как функционально-семантическую категорию темпоральность рассматривают А. В. Бондарко, З. Я. Тураева и др. Темпоральность – это «языковое время». Именно эта категория определяет репрезентацию временных отношений в языке. Являясь функционально-семантической категорией, темпоральность выражается и грамматическими, и лексическими средствами.

К грамматическим средствам выражения темпоральности в русском языке следует отнести прежде всего категорию времени глагола и причастия.

В. В. Колесов подчёркивал субъективность категории глагольного времени в русском языке. Единственным «действительным из времён» он называет настоящее, как «единственно воспринимаемое время» [З: 255], тогда как прошедшее время в русском языке – «остаток старого перфекта, выражает результат прошлого действия, данный как состояние в настоящем» [З: 255], а будущее всегда «модально» [З: 255], то есть гипотетично, «идеально по определению» [З: 253]. В. В. Колесов подчёркивает, что «до XVII века и грамматической формы будущего времени не было, её заменяла простая модальность пожелания или воли: *хочю на вы ити – пойду на вас*, известный клич Святослава» [З: 254]. Однако, по мнению исследователя, и настоящее время не является по сути временем, так как это лишь точка перехода из прошлого в будущее.

С категорией времени тесно связана категория вида, которая отражает «как протекает во времени или как распределяется во времени тот процесс, который обозначен в основе глагола» [4: 105]. В. В. Колесов отмечает, что глагольный вид описывает «дискретное время реального действия... объективно как момент протекания или завершения (или повторения, или длительности и т.д.) действия» [3: 255]. При этом учёный считает, что «пересекаясь с категорией времени, вид подавляет её семантически» [Колесов: 255], и приводит в качестве примера глагол *грузить*, отмечая, что в глаголе несовершенного вида содержится идея настоящего времени, а в формах будущего времени *погружу, загружу, сгружу* преобладающей оказывается идея завершения действия [3: 255], что так или иначе в сознании русского человека связано с прошедшим временем. Как известно, сама способность глагола иметь временные формы зависит от вида. Глаголы несовершенного вида имеют формы трёх времён – настоящего, прошедшего и будущего, а совершенного – только двух (отсутствует форма настоящего времени). «Подавление» категории времени категорией вида ярко проявляется в осложнённом предложении, где формы причастия и деепричастия несовершенного вида, как правило, обозначают действия или признаки, одновременные с действием глагола-сказуемого, а совершенного вида – предшествующие основному действию [6: 14-15, 18]. Деепричастие, по мнению большинства современных лингвистов, не имеет временных форм, однако обладает категорией вида, что позволяет ему участвовать в выражении относительного времени, то есть указывать на одновременность / неодновременность действий, выраженных деепричастием и глаголом-сказуемым. В. И. Чуглов полагает, что «видовые формы деепричастий следует квалифицировать как специализированные – специализированные как средство выражения значений времени и связанных с ними значений собственной модальности» [7: 24-25]. При этом как вид деепричастия, так и вид

глагола оказываются релевантными для обозначения временного соотношения между деепричастием и глаголом. Например, если в предложении используется глагол совершенного вида, а деепричастие несовершенного вида, то действия совпадают во времени лишь частично: *Маша кивнула, продолжая источать слёзы, но не горькие, как прежде, а лёгкие и просветлённые (В. Токарева)*. Если же деепричастие и глагол имеют форму несовершенного вида, то время действия основного и второстепенного действий могут совпадать полностью: *А дождь, падая, шумел так холодно, монотонно (М. Горький)*.

Категория времени в причастии также оказывается в большой степени подчинена глагольному виду. В. В. Виноградов писал: «В причастиях категория времени тесно связана с категорией вида и до некоторой степени подчинена ей. Значение причастий видо-временное» [2: 224]. Н. Н. Прокопович заметил: «...претерпевает значительные изменения и искони присущее причастию собственное время, обозначающее предшествование или одновременность по отношению к времени *verbum finitum*» [5: 176]. Так, причастия прошедшего времени совершенного вида часто имеют перфектное значение и не воспринимаются как указание на признак по действию, совершённого в прошлом. Временная семантика таких причастий воспринимается как настоящее время, так как результат прошедших действий наблюдается в настоящем: *Густой, чёрный дым большими клубами шел из-под длинных камышовых крыш, приплюснутых к земле, и лениво поднимался вверх (А. Чехов)*. Кроме того, нередко наблюдается нейтрализация временных форм причастия, когда формы настоящего и прошедшего времени несовершенного вида могут заменять друг друга без изменения смысла предложения: *Анна Афанасьевна, сидевшая (*сидящая) за самоваром, сделала вид, будто необычайно поражена видом Боброва (Куприн)* – несовершенный вид причастия указывает на

одновременность причастного и глагольного действий. Широко известен и описан в научной литературе также процесс адъективации причастий, когда причастия утрачивают глагольные признаки, в том числе время, приближаясь по своим свойствам к прилагательным (*блестящие способности, смущённая улыбка* и др.).

Со времён А. А. Шахматова выделяется и такую категорию, как синтаксическое время. В. В. Виноградов в своей работе «Основные вопросы синтаксиса предложения (На материале русского языка)» писал о том, что синтаксическое время «так или иначе, прямо или косвенно, даёт себя знать в каждом предложении» [1: 269]. Позднее мысль В. В. Виноградова об облигаторном характере категории синтаксического времени в предложении была продолжена и развита в работах Н. Ю. Шведовой, Т. Е. Шаповаловой и других синтаксистов. Средствами выражения синтаксического времени служат как морфологические средства (время и вид глагола и его атрибутивных форм причастия и деепричастия), так и структура предложения. Например, в номинативных предложениях заключено значение настоящего времени: ***Зима!** Крестьянин, торжествуя, / На дровнях обновляет путь...* (А. Пушкин).

Введение в научный обиход термина «синтаксическое время» значительно расширило представление о временных значениях предложения. Н. Ю. Шведова говорит о том, что «в действительности нет ничего, что происходило бы вне времени» [8: 96], в связи с чем «временные значения в синтаксисе образуют систему, организующуюся противопоставлением определённого и неопределённого времени» [8: 96]. Например, в предложениях, сказуемые в которых выражаются глаголами в форме ирреальных наклонений, представлено значение временной неопределённости: ***Почитал бы ты лучше книгу!** Ну-ка, **прочитай**, что там дальше сказано?* (Е. Медведева); ***Крамской написал бы с тебя «Неизвестную»*** (А. Генатулин). В инфинитивных

предложениях также выражается значение временной неопределённости: *Не дожидаться мне, видно, свободы...* (М. Лермонтов).

При выражении синтаксического времени в предложении наблюдается тесное взаимодействие грамматических средств с лексическими. Такие понятия, как «переносное время», «переносное употребление временных форм глагола», регулярно используемые в морфологии, в действительности являются понятиями синтаксическими, так как только в составе предложения или сложного синтаксического целого можно говорить о переносном употреблении временных форм глагола. Часто условием для переносного употребления форм времени является наличие лексических средств со значением времени: *Иду вчера от остановки и уже издалека вижу ее – мне навстречу* (М. Шишкин).

Таким образом, к грамматическим средствам формирования темпоральности в русском языке следует отнести морфологические и синтаксические средства. Морфологическими средствами являются категории глагольного времени и вида. Категория вида отражает внутреннее время протекания действия и вступает в сложные взаимоотношения с категорией времени, которая, по мнению исследователей, в русском языке во многом имеет субъективный характер и тесно связана с грамматической точкой отсчёта. Вид обуславливает не только наличие или отсутствие у глаголов определённых временных форм (например, отсутствием форм настоящего времени у глаголов совершенного вида), но и выражение относительного времени причастиями и деепричастиями.

Синтаксические средства выражения времени связаны с морфологическими и во многом ими определяются. Однако значения синтаксического времени шире за счёт того, что включают в себя и значение временной неопределённости, вносимой в предложение

формами ирреальных наклонений глагола. К синтаксическим средствам формирования времени можно отнести структуру предложения, которая в некоторых случаях сама предопределяет значение синтаксического времени. Переносное употребление форм глагольного времени можно также отнести к синтаксическим средствам формирования темпоральности. Лексические средства вступают в тесное взаимодействие с грамматическими, в том числе обеспечивая переносное употребление форм глагольного времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. Основные вопросы синтаксиса предложения (На материале русского языка) // Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 254-293.
2. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). Изд-е 2-е. М.: Высшая школа, 1972. 614 с.
3. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 624 с.
4. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956. 511 с.
5. Прокопович Н. Н. Вопросы синтаксиса русского языка. М.: Высшая школа, 1974. 350 с.
6. Сафронова Н. А. Категория относительного синтаксического времени в предложениях с обособленными конструкциями: Автореферат дис. ...канд. филол. наук. М., 2013. 24 с.
7. Чуглов В. И. Осложненное предложение: полупредикативные и пояснительные конструкции в современном русском литературном языке (структурно-семантический аспект): Автореф. дис. ...докт. филол. наук. Ярославль, 2012. 46 с.
8. Шведова Н. Ю. Синтаксическое время // Филологические науки, 1978. № 3. С. 88-97.

Научное электронное издание

ЯЗЫК И МЕНТАЛЬНОСТЬ В ДИАХРОНИИ

Сборник научных трудов
по итогам IV Всероссийского научного семинара
для молодых ученых с международным участием,
посвященного 90-летию со дня рождения
В. В. Колесова

Материалы приводятся в авторской редакции

Компьютерная верстка Е. С. Константинова

Системные требования: Intel от 1,3 ГГц; Windows XP/7/8/10; Adobe Reader;
дисковод CD-ROM

Тираж 8 экз.

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
Изд-во ВлГУ
rio.vlgu@yandex.ru

Педагогический институт
кафедра русского языка
pimenova-vgpiu@yandex.ru